

Федеральное агентство по образованию

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования

«Российский государственный гуманитарный университет»

На правах рукописи

ДУВАКИН ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ

**ШАМАНСКИЕ ЛЕГЕНДЫ НАРОДОВ СИБИРИ:
сюжетно-мотивный состав и ареальное распределение**

Специальность 10.01.09 – «Фольклористика»

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Е.С. Новик

Москва – 2011

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. СЮЖЕТНО-МОТИВНЫЙ СОСТАВ СИБИРСКИХ ШАМАНСКИХ ЛЕГЕНД: УРОВНИ ОПИСАНИЯ И СТРУКТУРА	17
§ 1. Предварительные замечания	17
§ 2. Этиологические мотивы	18
§ 3. Происхождение шаманизма и деяния первых шаманов	20
§ 4. Становление и смерть шамана	24
§ 5. Путешествия шамана, его силы, слабости и правила	26
§ 6. Борьба с противниками и помощь нуждающимся	40
ГЛАВА II. АРЕАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ШАМАНСКИХ МОТИВОВ ..	45
§ 1. Пансибирские шаманские мотивы	45
§ 2. Мотивы, локализованные в Западной, Южной и Восточной Сибири	54
§ 3. Связи в области шаманской мифологии между Юго-Восточной Сибирью, Северо-Восточной Азией и Дальним Востоком	82
§ 4. Связи в области шаманской мифологии между Западной Сибирью, Северо-Восточной Азией и Дальним Востоком	85
§ 5. Специфичные западносибирские мотивы	88
§ 6. Специфичные восточносибирские мотивы	91
§ 7. Специфичные дальневосточные мотивы	93
ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ ШАМАНСКОЙ МИФОЛОГИИ В СИБИРИ	98
§ 1. Сожжение шаманов: происхождение и распространение мотива	98
§ 1.1. Историография	98
§ 1.2. Джунгарская гипотеза	101
§ 1.3. Монголо-тибетская гипотеза	108
§ 1.4. Курыканская гипотеза	112

§ 2. Кетский цикл о Доге на общесибирском фоне.....	116
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	123
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	128
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	153
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	154
Приложение № 1. Каталог мотивов сибирских шаманских легенд.....	154
Приложение № 2. Карты	455

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования. Для культур многих регионов существуют исследовательские темы, которые без преувеличения можно назвать стержневыми. Как правило, они характеризуются наличием обширнейшей историографии, благодаря чему порой создаётся впечатление, что тема по своим узловым моментам исчерпана и остаётся заниматься лишь мелкими, уточняющими штудиями или же историографическими разысканиями (особенно если исследуемый феномен умер, исчез из культуры). Несомненно, что в сибиреведении такой центральной темой является шаманизм. Список исследований, посвящённых ему, измеряется многими сотнями – казалось бы, нет ни одной проблемы, которая осталась незатронутой в десятках работ.

Тем не менее и в таких темах иногда обнаруживаются пробелы, существенные для более глубокого понимания феномена и перспектив его дальнейшего исследования. На мой взгляд, в случае с сибирским шаманизмом этот пробел связан с так называемыми шаманскими легендами, многочисленными и малоизученными источниками.

Как известно, при исследовании сложных культурных явлений особое значение приобретает сравнительный анализ, поскольку он позволяет выявить те вещи, которые не улавливаются при работе с единичными традициями, и заново осмыслить уже известные факты, их причины и взаимосвязи. Сравнительная перспектива позволяет не только лучше понять отдельные черты, но дать более верную характеристику феномена в целом и определить его место в ряду других явлений культуры.

Комплексное исследование сибирского шаманизма предполагает тщательную работу с разными видами источников: этнографическими, иконографическими, фольклорными. Последние до сих пор слабо изучены в сравнительном плане, из-за чего многие вопросы остаются нерешёнными.

Пока не будут известны сюжетно-мотивный состав и его структурная организация, ареальное распределение мотивов и то, есть ли среди них специфичные только для данной совокупности текстов, неясными продолжают оставаться локальные особенности, общие тенденции и границы между ними. Например, мы не можем говорить наверняка о специфике восприятия шамана в той или иной культуре, поскольку не знаем, что именно является особенным, а что общим для какого-то ареала или всего региона. Проверять это необходимо на максимально полном корпусе текстов, а главный фольклорный источник здесь – шаманские легенды.

В свете сказанного актуальным представляется сравнительное исследование сибирских шаманских легенд, подразумевающее, в частности, определение репертуара мотивов, а также границ их географического распространения. Детальный анализ этих материалов будет иметь существенное значение для изучения шаманизма на локальном (отдельная этническая группа) и региональном (сибирский регион) уровнях. Кроме того, результаты работы будут представлять интерес в более широкой перспективе, поскольку позволят в дальнейшем выяснить, как связан и насколько сопоставим феномен сибирского шаманизма с тем, что в антропологической литературе принято называть таким же термином при описании традиционных культур из других частей света (в первую очередь Центральной Азии и Северной Америки).

Объект и предмет исследования. В качестве *объекта* исследования выбран шаманизм народов Сибири – один из ключевых социальных институтов в традиционной культуре региона. *Предметом* исследования является шаманская мифология и её локальные особенности, которые находят отражение в фольклорных источниках.

Цели и задачи исследования. Цель диссертационной работы заключается в изучении сюжетно-мотивного состава сибирских шаманских

легенд и ареального распределения его компонентов. Реализация данной цели предполагает выполнение нескольких задач:

- сбор и систематизация максимально полного корпуса текстов о шаманах, зафиксированных на территории Сибири;
- создание каталога (указателя) мотивов;
- описание сюжетно-мотивного состава сибирских шаманских легенд;
- определение границ географического распространения мотивов и их групп;
- выявление тенденций в ареальном распределении мотивов и обнаружение связей в области шаманской мифологии между различными ареалами.

Источниковая база исследования. Источниками диссертационной работы являются шаманские легенды, которые представляют собой большой корпус текстов сибирской сказочной прозы. Термин *шаманские легенды* нуждается в уточнении. Прежде всего, необходимо понимать условность, с которой в нём используется второй компонент. *Легенды* здесь не соответствуют полностью тому, что подразумевается под ними в контексте европейского фольклора (см. об этом [Левинтон 1988: 45]). Сибирские шаманские легенды разнообразны по своей жанровой принадлежности, поэтому в записях собирателей они называются как сказками, так и мифами, преданиями, быличками. Определяющими чертами этих нарративов являются их статус (носители традиции относятся к ним как достоверным) и центральная фигура, в качестве которой выступает шаман. Рассказы о шаманах могут быть отнесены не только к мифологическому времени первотворения, но и к историческому, точнее, квазиисторическому прошлому или даже к настоящему или недавно прошедшему времени, но не к условному сказочному времени [Новик 2004: 229-232].

В данный межжанровый корпус я не включаю рассказы шаманов о собственном становлении и своих камланиях (см., напр., [Попов 1936: 84-95; 2006: 37-40; Ксенофонтов 1992б: 169-173]), хотя иногда эти материалы также относят к шаманским легендам [Христофорова 2003]. На мой взгляд, автобиографии представляют отдельную группу текстов, требующую специального изучения. Автобиографические рассказы связаны с проблемой индивидуальной шаманской мифологии и зафиксированы в Сибири не так широко, как шаманские легенды, распространённые практически повсеместно.

Сказанное однако не означает, что среди рассказчиков шаманских легенд не могут быть шаманы. Встречаются записи, сделанные именно от них (см., напр., [Бохоли-Хара 1880: 89; Потанин 1883: 68; Пежемский 1936: 272-273 (текст 1); Лехтисало 1998: 10, 119]). Важнее здесь то, каким лицом выражается фигура основного героя. Шаманские легенды – тексты о шаманах, рассказываемые рядовыми носителями традиции, либо тексты, записанные от шаманов, но не о них самих, а о каких-то других шаманах. Шаманские легенды могут рассказываться и от первого лица, являясь при этом мемуаратами, но фигура шамана, непременно присутствующая в них, всегда выражается третьим лицом.

В Сибири существуют и другие фольклорные тексты, так или иначе связанные с шаманами. Шаманские легенды – лишь часть *шаманских текстов*; первые не покрывают вторые полностью, являясь особым типом, наряду с автобиографиями шаманов, песнопениями и родословными. Иногда шаманские тексты выделяются с помощью специального термина в рамках самой традиции. К примеру, бурятским *бөөгэй түүхэ* обозначаются шаманская родословная, легенды о происхождении и истории шаманских родов, а также отдельных знаменитых шаманов [Манжигеев 1978: 26]. Короткие рассказы о шаманских сверхъестественных способностях

объединяются нганасанами в особую группу *дюроманны* – *нгодюроманны* – «шаманские *дюроманны*» [Симченко 1996: 9].

Тексты шаманских легенд разбросаны по многочисленным изданиям XIX-XX вв., среди которых сборники фольклора, описания путешествий, отчёты об экспедициях, обобщающие этнографические работы и грамматики языков. Разные традиции представлены крайне неравномерно: от единичных текстов, например у югов [Иванов, Топоров 1965: 137-138; Werner 1997: 264 (текст 17), 290-292 (текст 34)] и ительменов [Орлова 1999: 135-136], до нескольких сотен, записанных среди якутов (см., напр., [Ксенофонтов 1992а, б; Friedrich, Buddruss 1955/1987]).

Доминирующее место в корпусе занимают якутские и бурятские источники. Единственный опубликованный в России сборник шаманских легенд состоит главным образом из зафиксированных у якутов текстов, кроме которых включает эвенкийские и бурятские материалы [Ксенофонтов 1992а (перв. изд. – 1930)]. В целом специальная публикация шаманских легенд – случай редкий. Таковыми, помимо работы Г.В. Ксенофонтова, являются небольшие подборки хакасских [Кузнецова-Ярилова 1909], телеутских [Батьянова 1995], нанайских [Булгакова 2001; 2004], ульчских [Портнова 2008] и чукотских [Богораз 1899] материалов. Имеются два сборника, в которые вошло несколько текстов, опубликованных прежде [Сем 2006: 453-479, 494-495; Friedrich, Buddruss 1955/1987].

Шаманские легенды изданы преимущественно в русских переводах. Число текстов, опубликованных на сибирских языках, сравнительно невелико – это в основном якутские (см., напр., [Эргис 1960; Алексеев и др. 1995]) и эвенкийские источники [Василевич 1936; 1966], существуют также отдельные публикации на языке эскимосов-юпик [Рубцова 1954: 203-215 (текст № 14)], нанайском [Киле 1996: 426-427 (тексты № 63, 64)], кетском (см., напр., [Дульзон 1964: 188-195]), югском [Иванов, Топоров 1965: 137-138; Werner 1997: 264 (текст 17), 290-292 (текст 34)], теленгитском [Яданова 2006: 95

(текст № 8)], шорском [Дыренкова 1940: 270-271 (тексты 37, 38), 290-293 (текст 63), 292-293 (текст 64), 326-327 (текст 91)] и некоторых других языках. Как правило, это издания-билингвы.

Есть основания полагать, что немалое число шаманских легенд хранится в фольклорных, этнографических и лингвистических архивах (см., напр., [Кляус 1997; Шагланова 2005; Бравина, Илларионов 2006: 14; Функ 2008: 176 (№ 1/05), 181-182 (№ 23/41), 182 (№ 24/42, 28/46), 183 (№ 32/51), 183-184 (№ 39/58), 185 (№ 46/72), 186 (№ 63/88), 187 (№ 68/93)]), однако этот вопрос требует особого рассмотрения. В своей работе я сосредоточился на уже опубликованных текстах. Архивные материалы привлекаются лишь факультативно. Учтены эвенкийские тексты из архива Лаборатории автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ и записи, сделанные во время полевых исследований, в которых я принимал участие: 1) лингвистическая экспедиция ЛАЛС НИВЦ МГУ и ИЛ РГГУ к сымским эвенкам и южным кетам (август-сентябрь 2009 г., п. Сым Енисейского р-на и п. Келлог Туруханского р-на Красноярского края, рук. – О.А. Казакевич), 2) фольклорно-этнографическая экспедиция ЦТСФ РГГУ к халха-монголам, олётам и дархатам (июль-август 2011 г., Центральная и Северная Монголия, рук. – А.А. Соловьёва). Тексты, записанные в последней экспедиции, привлекаются в диссертации в качестве сопоставительного и уточняющего материала.

История изучения проблемы. В историографии сложилась несколько парадоксальная ситуация. С одной стороны, есть большой корпус текстов о важнейших в Сибири магических специалистах, существует великое множество работ по шаманизму¹. С другой – исследований, посвящённых непосредственно шаманским легендам, считанные единицы.

¹ Из обобщающих работ см. прежде всего [Шашков 1864; Зеленин 1935/2004; ПИОСАС 1981; Алексеев 1984; Басилов 1984; Элиаде 2000].

Не секрет, что в этнографическом плане народы Сибири изучены гораздо полнее, нежели их фольклорные традиции; поэтому ситуация, сложившаяся с шаманскими легендами, является отражением общей тенденции. Степень изученности здесь напрямую связана и с характером источников – публикация и исследование текстов о шаманах были сопряжены с трудностями из-за особенностей советской науки. Конечно, есть немало работ, в которых они упоминаются, используются в качестве иллюстративного материала, примеров, дополняющих выводы. Но этим ценность шаманских легенд как источника не исчерпывается.

Среди специальных исследований важнейшими являются труды Е.С. Новик [1978; 2004: 232-265]. Она установила, что тематически шаманские легенды распадаются на две группы: 1) легенды о шаманских чудесах, состязаниях, подвигах; 2) легенды о рождении первых шаманов, о получении шаманского дара, «биографии» великих шаманов прошлого и т. д. Эти группы сопряжены с основными формами шаманских ритуалов: первая – с камланиями и соревнованиями шаманов в силе, вторая – с церемониями шаманских посвящений и с обрядами почитания шаманов, ставших объектами культа [Новик 2004: 235].

Е.С. Новик детально исследовала легенды о подвигах и состязаниях шаманов и сопоставила их тексты с инвариантной структурой камланий [2004: 234-279]. Выяснилось, что сюжеты шаманских легенд строятся по преимуществу на взаимодействии, возникающем внутри одной из пар действующих лиц, в то время как в камланиях сюжет развивался как эстафетная палочка, связывающая поочерёдно три такие пары (действие в камланиях последовательно переходит от заказчика к шаману, от шамана к его духам-помощникам, от них к духу-хозяину или злему духу и так далее в обратном порядке) [Новик 2004: 267]. В зависимости от того, внутри какой именно из пар возникает взаимодействие и в каком (положительном или отрицательном) направлении оно развивается, можно выделить и

соответствующие тематические группы, то есть классифицировать шаманские легенды по трём основным сюжетным типам:

- легенды о шаманах-чудотворцах и о шаманах насылающих порчу (прямое и обращённое преломление первого сюжетного блока камланий);
- легенды о состязании шаманов в силе, об их борьбе со злыми духами, об успешных или безуспешных попытках добыть в мире духов ценности для себя или для своего коллектива (прямое и обращённое преломление второго блока камланий);
- легенды о возможности или невозможности людей использовать достигнутый шаманом результат в своих целях (прямое и обращённое преломление третьего блока) [Новик 2004: 267].

В то же время сюжеты шаманских легенд не исчерпываются этими типами, поскольку в базисную трёхчленную структур «действие → противодействие → результат» встраиваются подструктуры, ей изоморфные [Новик 2004: 267].

Работы Е.С. Новик являются единственными, в которых тексты о шаманах исследуются в широком сравнительном освещении. Немногочисленны и публикации, целиком посвящённые конкретным сюжетам и традициям. М.В. Пурбуева частично описала образ шамана в бурятском повествовательном фольклоре [2009; 2010]. Якутско-юкагирские тексты об оспе, в том числе её противоборстве с шаманами, анализируются в статье И.С. Гурвича [1974]. По его мнению, образ духа оспы был заимствован аборигенным населением от русских и приспособлен к местной демонологической системе. Сюжет сожжения шаманов, популярный на территории Южной Сибири, рассматривался в работе С.А. Подузовой и А.М. Сагалаева [1983], которые попытались дать ему историческое объяснение, основанное на сопоставлении содержания легенд с конкретными

фактами позднесредневековой истории². Знаменитая книга Г.В. Ксенофонтова [1992a] представляет собой крупнейший сборник шаманских легенд, ценность которого трудно переоценить, однако аналитики там по существу мало: комментарии касаются отдельных деталей (географических наименований, мифологических персонажей и т. п.) и некоторых проблем перевода, но не текстов как таковых³.

Теоретические и методологические основы исследования. Настоящая диссертация представляет собой работу сравнительно-исторического характера. В её основе лежат теоретические и методологические принципы региональных сравнительных, диалектологических и ареальных исследований в области фольклора и этнографии.

Метод *регионального сравнения* (regional comparison) особенно активно разрабатывался и применялся западными антропологами-африканистами ([Schapera 1953; Kuper 1979; Barnard 1996] и др.). Он основывается на признании того, что для лучшего понимания культурного явления необходимо его рассмотрение внутри системы других аналогичных явлений. Метод предполагает анализ феномена в сравнительной перспективе, который очерчивает круг переменных путём ограничения географических рамок сравнения. Причины и следствия, внешние влияния и внутренняя динамика – все эти и другие вещи могут быть поняты лучше в ходе регионального сравнения, нежели когда они анализируются изолированно и без учёта аналогий из родственных и соседних групп населения [Barnard 1996: 203-204].

² Подробную критику этой статьи см. в главе III, § 1.

³ Среди работ шведского антрополога А. Хулькранца есть статья, посвящённая анализу сибирских шаманских легенд [Hultkrantz 1993]. В ней поднимается вопрос, насколько структура конкретного общества и социальное положение шамана обуславливают сюжетно-мотивный состав шаманских легенд. К сожалению, мне не удалось найти эту важную работу в библиотеках, поэтому я знаком с ней лишь по аннотации.

Региональное сравнение является сравнением *контролируемым*. Это означает, что оно не только ограничивает материалы географически, но подразумевает их интенсивный анализ – тщательную обработку всего количества данных по региону, которые доступны исследователю. В ходе своей работы я исходил из необходимости максимального учёта материалов по каждой из групп коренного населения Сибири.

Одним из первых в отечественной науке, кто обратил внимание на широкие перспективы географических исследований в области фольклора, был В.М. Жирмунский [1927; 1932/2004]. Сильное влияние на него оказали работы немецких учёных, которые занимались картографированием элементов народной культуры. В.М. Жирмунский считал, что историко-этнографическая карта (фольклорная, диалектологическая), учитывающая в то же время проблему социальной дифференциации, позволит полностью раскрыть динамику культурно-исторического процесса, конкретную диалектику бытовых форм социальной жизни в исторических границах территориальных образований [1932/2004: 36].

Географические исследования в области народной культуры, несомненно, важны и для Сибири, однако общая ситуация здесь во многом отличается от характерной для Европы. Специфику обуславливают особые хозяйственно-культурные типы, отсутствие городов, огромные территории при высоком уровне мобильности населения и другие факторы. Некоторые важные для изучения европейских культур вопросы, в частности «*gesunkenes Kulturgut*», для аборигенной Сибири имеют второстепенное значение либо не актуальны вовсе. Исследование сибирских фольклорных диалектов предполагает решение многих иных проблем (например, проблемы палеосибирского субстрата в сложении этнографически зафиксированных культур).

Для проведения сравнительных исследований в области фольклора необходимо помнить, что фольклорная традиционная культура в своём конкретном наполнении всегда региональна и локальна [Путилов 2003: 156].

При этом дело здесь обстоит принципиально иначе, нежели с языком. Языковые диалекты неизбежно соотносятся с общенародным (общенациональным) языком – либо как реальностью, либо как перспективой их развития. Над диалектами, таким образом, существует явление более высокого порядка. Но общенародного фольклора, который бы стоял над фольклорными диалектами, ни в реальности, ни в исторической перспективе не существует [Путилов 2003: 158].

В целом же региональный подход ведёт нас в богатую область вариативности фольклорной культуры, разветвлённости традиций, множественности исторических типов выражения, а вместе с этим – в сферы этнической истории в её конкретике и сложности. Один из аспектов этого подхода – ареальные исследования, направленные на установление границ распространения фактов [Путилов 2003: 165]⁴. В случае с шаманскими легендами такими фактами являются мотивы, для систематизации которых необходимо составление указателя.

Как известно, цель большинства указателей – описание корпуса текстов, составление своего рода «навигационной карты» к ним [Неклюдов 2006: 31]. Всякий указатель, опирающийся на тексты фольклорной традиции (или традиций) моделирует эту традицию. Единицы, представленные в указателе, соотносятся с семантическими комплексами, которыми оперирует сама традиция, а классификация этих единиц соответствует связям, существующим между этими комплексами [Козьмин 2003: 106].

Самыми известными и популярными в среде фольклористов остаются по сей день индекс сюжетных типов Аарне-Томпсона, недавно переработанный и дополненный Г.-Й. Утером [Uther 2004], а также шеститомный указатель мотивов С. Томпсона [Thompson 1955-1958]. Оба они в то же время вызывают

⁴ О разработках в области ареальных исследований в советской этнографии и языкознании см. [Брук 1974; Бородина 1977; 1978].

непрекращающуюся и вполне обоснованную критику (см., напр., [Мелетинский 1983; Пропп 1998: 11-14; Dundes 1962; 1997]).

Первостепенное значение для любых сравнительных исследований в области фольклора имеет каталог мотивов Ю.Е. Берёзкина [2011]. В настоящее время он включает сведения об ареальной дистрибуции около 1000 мотивов и основывается на обработке колоссального объёма источников – более 45 тыс. текстов со всего мира. Благодаря Ю.Е. Берёзкину, стало ясно, что мотивы при их панконтинентальной статистической обработке могут выступать как маркеры, по которым при корреляции с данными археологии и популяционной генетики прослеживаются древние миграции.

Так как исследуемый мной материал состоит из текстов разных жанров, наиболее подходящей единицей описания, позволяющей разработать более детальную модель, является именно *мотив*. В определении мотива я слеую, в частности, за разработками Ю.Е. Берёзкина и А.И. Давлетшина и понимаю под ним некую узнаваемую семантическую единицу наррации, которая персистирует от текста к тексту, от традиции к традиции [Berezkin 1999; Берёзкин 2000; 2002; 2003а; 2005; 2007; Давлетшин 2006].

Описание мотивного состава и создание на этой основе электронной базы данных представляется первым и необходимым шагом в сравнительном исследовании шаманских легенд. Следующими этапами будут (а) выяснение географической и этнической приуроченности разных мотивов и их групп, (б) определение степени локальной вариативности в шаманской мифологии Сибири. Указатель, таким образом, должен послужить инструментом для дальнейших исследований, более глубоких и конкретных.

Собственно интерпретация результатов, полученных в ходе ареальных исследований, лежит уже за рамками фольклористики. Объяснение картины географического распределения фольклорных фактов – это проблема исторического характера, требующая привлечения и анализа других видов источников (археологических, этнографических, лингвистических,

генетических и пр.). Фольклорные материалы сами по себе не могут рассказать о причинах того или иного собственного распространения, однако при корреляции с данными смежных дисциплин способны внести ценный вклад в исследование этнической истории и истории культуры.

Научная новизна диссертационного исследования. Новизна проведённого исследования заключается в следующем:

- впервые сибирские шаманские легенды были проанализированы в столь широком сравнительном освещении. В ходе работы было систематизировано более полутысячи текстов, записанных на территории Сибири, и создан каталог (указатель) мотивов;
- массовая обработка материалов позволила определить и описать сюжетно-мотивный состав, который характерен для легенд о шаманах;
- установлены границы ареального распределения более 120 шаманских мотивов. В мотивном репертуаре был выявлен общий для региона пласт, т.е. получены сведения о мотивах, которые имеют пансибирский характер. В то же время определены черты, особенные для рассказов о шаманах в отдельных ареалах и традициях;
- прослежены специфичные связи в области шаманской мифологии между различными ареалами и этническими группами;
- предложен и применён метод установления *terminus ante quem* для мотивов шаманских легенд.

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка источников и литературы, а также приложений, которые включают (1) каталог (указатель) мотивов сибирских шаманских легенд и (2) карты.

Глава I. Сюжетно-мотивный состав сибирских шаманских легенд: уровни описания и структура

§ 1. Предварительные замечания

Для систематизации материалов и сопоставления локальных вариантов шаманизма мной был создан каталог (указатель) фольклорных мотивов (приложение № 1). Эта база данных имеет двухуровневое строение: *тематические разделы* и *мотивы*. Каталог содержит следующие данные: 1) номер, условное название и формулировку мотива; 2) перечень этнических традиций, в которых зафиксирован мотив; 3) резюме текстов, в которых встречается мотив (с указанием этнической традиции, точного места записи, если это известно); 4) ссылки на источники; 5) при наличии соответствий – название и формулу мотива по Ю.Е. Берёзкину [2011], а также номер мотива по С. Томпсону [Thompson 1955-1958].

В общей сложности собрано и проанализировано более 500 текстов о шаманах, записанных в 32 сибирских традициях (их полный перечень и географию см. в приложении № 2: карта 1). Каталог содержит 12 тематических разделов: «Этиология: земля, небо и светила», «Этиология: люди, животные и демоны», «Происхождение шаманизма и деяния первых шаманов», «Становление шамана», «Шаман и дерево», «Смерть и похороны шамана», «Силы и внешние особенности шамана», «Слабости шамана», «Шаманские правила», «Борьба с противниками и помощь нуждающимся», «Шаманские путешествия», «Эсхатология».

Данное деление не является классификацией, если под ней понимать процедуру, в ходе которой материал жёстко распределяется по классам с непроницаемыми границами. Напротив, выделенные разделы не всегда представляют собой взаимоисключающие ячейки. Границы между ними расплывчаты. Например, в раздел «Происхождение шаманизма и деяния первых шаманов» вполне можно было бы поместить мотив шаманских

метаморфоз, однако он содержится в разделе «Силы и внешние особенности шамана», поскольку чаще всего встречается вне легенд о первых шаманах. В то же время указанное деление, на мой взгляд, отражает узловые моменты в тематике сибирских шаманских легенд, поскольку каждый из разделов содержит не только элементы, которые потенциально можно поместить в другой раздел (таких всё-таки меньшинство), но и чёткий набор мотивов, уникальный именно для этого раздела.

Поскольку основной задачей исследования является прослеживание связей между локальными вариантами шаманской мифологии и определение степени их сопоставимости, резонным представляется оперирование понятием мотива, которое закрепилось в соответствующих ареальных исследованиях. Мотивом является любой эпизод или образ или комбинация эпизодов и образов, которые обнаруживаются в разных текстах. Мотив может соответствовать и сложной структуре, длинной фабульной цепочке, если та копируется целиком [Берёзкин 2007: 166].

Созданный каталог содержит более 120 мотивов, так или иначе связанных с шаманами, другими магическими специалистами и демонами. Список мотивов, разумеется, остаётся открытым.

§ 2. Этиологические мотивы

В шаманских легендах народов Сибири число этиологических мотивов сравнительно невелико. Условно их можно разделить на 2 тематических раздела: первый содержит мотивы, которые связаны с появлением небесных светил, суши и т.п., а второй включает мотивы, объясняющие особенности жизни людей, животных и духов.

Несколько мотивов имеют отношение к происхождению суши и современного ландшафта. В кетском тексте шаман фигурирует как создатель суши – он приказывает гагаре принести землю со дна моря [Анучин 1914: 14]. Помимо мотива ныряльщика в шаманских легендах содержится идея,

согласно которой горы являются следами некого персонажа. Так, в эвенкийском тексте рассказывается о жившем в реке *сюлюки*. Земля в то время была плоской, однако после того, как вышедший из воды *сюлюки* прогулялся по ней, она стала неровной. Испугавшиеся духи просят шаманов о помощи и те превращают *сюлюки* в змея [Пинегина и др. 1952: 50].

Несколько этиологических мотивов тематически связаны с небом и светилами. У нанайцев зафиксированы тексты о трёх лишних солнцах, которые когда-то обжигали землю. Лишние светила были погашены с помощью лука первым шаманом [Шимкевич 1896: 8-11; Лопатин 1922: 237-238; Сем 1996: 134-136]. С ним же связано появление месяца у кетов – его создают солнце и дьявол из разорванного на части шамана: тот был схвачен дьяволом, когда летел к своей жене-солнцу [Donner 1933: 94]. Дорога, по которой шаман направлялся по небу, стала отныне видна – это Млечный Путь [Donner 1933: 93; 1955: 37]. Также на небе можно рассмотреть нарты, застрявшие из-за того, что шаманская жена нарушила запрет [Алексеев 2001: 107-108 (текст 46)].

К появлению небесного месяца тематически примыкают и мотивы лунных пятен. Фигура, виднеющаяся на поверхности луны, является прилипшим к ней шаманом (см., напр., [Долгих 1976: 61 (текст № 17); Лабанаускас 2002б: 278-282]), либо девушкой, которую туда забросил шаман [МЛЭ 2009].

Второй тематический раздел этиологических мотивов охватывает те из них, которые связаны с людьми, животными и демонами. В шаманских легендах первые люди могут фигурировать как божественное творение [Сказания бурят 1890: 123-124 (текст LI); Агапитов, Хангалов 1958: 363-364]. Тексты о лишних светилах, погашенных шаманом, иногда содержат мотив появления людей из капли крови [Лопатин 1922: 237-238; Сем 1996: 134-135], а также мотив происхождения смерти. Последнее произошло из-за открытия

дверей на тот свет, которое совершил шаман [Маргаритов 1888: 29; Шимкевич 1896: 8-11; Лопатин 1922: 237-238; Сем 1996: 134-136].

Этиология элементов культуры включает в себя мотивы освоения огня [Анучин 1914: 16], происхождения оленеводства [Романова, Мыреева 1964: 162 (текст № 1)] и появления наскальных изображений [Ксенофонтов 1927: 69] в результате действий шаманов и шаманок. Сюда же стоит отнести мотив потерянной письменности: у первого шамана имелась книга, которую разорвал бог и съел баран. Это послужило причиной того, что на лопатках барана производят гадания [Бохоли-Хара 1880: 89-90].

Несколько мотивов связано с происхождением фауны. Некоторые из животных прежде были шаманами: лебеди [Алексеенко 2001: 84 (текст 30)], медведь [Потанин 1883: 168], летучая мышь [Потанин 1883: 169-170 (текст 2б)] и орёл [Штернберг 1925: 732, со ссылкой на рукопись В.А. Михайлова]. Действиями старика-шамана объясняется окраска зайца, кончики ушей которого почернели в результате полученных ударов [Алексеенко 2001: 84 (текст 29)]. Что касается змей, то они не любят шаманов, но не могут отличить их от других людей и поэтому жалят всех подряд [Пинегина и др. 1952: 50].

Отдельную небольшую группу составляют мотивы, объясняющие появление духов и их внешний вид. Духов-помощников создаёт из кусочков тальника первый шаман [Попов 1947: 290], а зловерные *дахабари* появляются после того, как шаманы спасают ребёнка Венеры [Алсаханов 1916: 57-58]. Прежде духи-помощники ходили открыто, но из-за этого шаманов легко убивали и поэтому духи-помощники стали невидимыми [Попов 1937: 59-62].

§ 3. Происхождение шаманизма и деяния первых шаманов

Как видно, этиологические мотивы нередко связаны с фигурой первого шамана. Легенды о первых шаманах характеризуются несколькими параметрами: статус основных персонажей (высшие уровни), время действия

(мифологическое), обязательное присутствие (за редким исключением) и масштабность этиологии (касается практически всех потомков, в частности последующих шаманов). Чаще всего шаман прямо назван первым⁵.

Как и другие шаманские легенды, тексты о первых шаманах записаны в основном во второй половине XIX – первой половине XX в. Временем фиксации вызваны особенности собирания и издания материалов. Среди публикаций доминируют пересказы, порой довольно сжатые, и, по-видимому, присутствуют компиляции. Кроме того, возникают вопросы о реальном бытовании некоторых нарративов, поскольку они явно спровоцированы собирателями (см., напр., [Потанин 1883: 289-290 (текст 63з), прим. 1]).

По сравнению с текстами, действия которых разворачиваются в историческое и настоящее время, легенды о появлении и деяниях первых шаманов более «фольклорны» и менее «этнографичны», их структура слабее сопоставима с обрядами. Можно предполагать, что данные нарративы занимают важную семантическую нишу в фольклоре сибирских традиций в виду значения главного героя – первого и сильнейшего из тех магических специалистов, от которых во многом зависит жизнь коллектива. Сейчас довольно сложно судить о реальном бытовании таких текстов, однако кое-какие сведения есть. Судя по имеющимся материалам, иногда существовали запреты на исполнение нарративов о первых шаманах. М.Н. Хангалов сообщал, что бурятские старики считают грехом говорить об этой легенде и вообще о *заянах* [1960б: 143]. Возможно, с правилами исполнения, а не забвением, как считал Хангалов, связано то, что «немногие буряты знают об этом предании» [1960б: 143].

Круг мотивов, характерный для данных легенд, определяется двумя темами: появление первого шамана и его деяния. В качестве образца приведу текст, записанный в Орлоковском улусе Бильчирского хошуна Боханского аймака:

⁵ Подробные сведения об их дистрибуции см. в главе II, § 2.1.

Прибайкальские буряты: орёл, посланный с неба передаёт женщине живую силу и шаманскую одежду; от неё рождается первый шаман – Бухли-хара-бо; он перехитрил западных *хатов*, в результате у бездетного человека появляется сын; *хаты* запросили с новорождённого младенца жертвоприношение, но шаман не хотел с ними считаться; *хаты* уводили душу ребёнка, но Бухли-Хара всегда отыскивал; хаты пожаловались Исеге-Малан тенгери; Исеге-Малан увёл душу ребёнка; Бухли-Хара поднялся к Исеге-Малан тенгери; тот держал душу в бутылке, горло которой закрыл своим большим пальцем; Бухли-Хара превращается в осу и жалит в лоб Исеге-Малана; тот ахнул от боли и отпустил бутылку; Бухли-Хара схватил душу, сел на бубен и спустился на землю; Исеге-Малан рассердился, взял камень, прожевал его до искры и кинул в шамана; камень догнал его между небом и землёй; затем Исеге-Малан тенгери за неподчинение западным *хатам*, за осквернение чести Тенгри сослал Бухли-Хара на северную сторону, разбил его бубен на две части и приказал вечно плясать на чёрном камне; когда тело шаман изотрётся до половины, люди, живущие на земле, будут видеть сны, каждый будет шаманить, не разбирая, шаман он или нет; когда тело изотрётся до конца, тогда исчезнет и само шаманство; Бухли-Хара всё пляшет на камне, от него осталась только верхняя часть черепа [Балдунников 1927: 67-69].

В Сибири первый шаман может фигурировать в качестве орла [Анучин 1914: 23; Хангалов 1890: 16; 1960: 130; Агапитов, Хангалов 1958: 300 (прим.)], женщины [Потанин 1883: 288 (текст 63а)] и первого мужчины из пары брат-сестра [Лопатин 1922: 237-238; Сем 1996: 134-135]. Иногда первый шаман никак не выделяется из общей массы:

Алтайцы⁶: [после потопа] Ыгән силою *ном* – книги мудрости – стал творить человека; положил синий цветок – ветренник (*көк чйчйк*) в золотую чашку; старший брат Эрлик похитил у него часть цветка и сотворил тоже человека; разгневался Ыгән на брата и проклял его творение, сказав: «Пусть будет сотворённый тобою народ чёрный и опоясан чёрным ремнём», и далее: «Мой народ белый пойдёт на восход солнца, а твой народ чёрный – на запад»; чёрный народ покрыл круг кожей (бубен) и первый стал камлать на земле [Анохин 1924: 18].

Первые шаманы появляются по нескольким причинам: во-первых, потому что людям был необходим проводник в подземный мир [Лопатин 1922: 237-

⁶ Здесь и далее указывается общий этноним «алтайцы», если в источнике фигурирует именно он, а не конкретная этническая группа (алтай-кижи, тубалары, теленгиты и др.).

238; Сем 1996: 134-135; Попов 2006: 31-32], во-вторых, потому что люди нуждались в помощнике для борьбы со злыми духами [Васильев 1910: 286; Агапитов, Хангалов 1958: 363-364], в-третьих, происхождение шаманизма бывает вызвано недовольством небесного бога [Анохин 1924: 18; Малых 1924/1936: 270 (текст 9); Пежемский 1936: 272-273 (текст 1)].

Особую группу составляют мотивы, связанные со способом появления шаманов и их атрибутов. Шаманский дар (силы, умения) могут быть получены первым шаманом от хищной птицы (орла, коршуна) [Сказания бурят 1890: 123-124 (текст LI); Анучин 1914: 23, 54; Дамеев 1927: 69-70; Агапитов, Хангалов 1958: 363-364; Хангалов 1960: 130]. В то же время появление первого шамана бывает связано с шаманским деревом [Васильев 1910: 286; Лопатин 1922: 237-238; Сем 1996: 134-135] и падением дьявола [Попов 2006: 32]. Другой вариант содержит легенда о девушке, которая проглотила градинку и родила первого шамана [Curtin 1909: 105; Румянцев 1955: 263 (прим. 42)]. Свои атрибуты он находит на дереве [Лопатин 1922: 237-238; Сем 1996: 134-135], либо изготавливает по велению голоса [Шимкевич 1896: 8-11; Сем 1996: 135-136].

Шаманы-потомки, как правило, не соперничают открыто с богами, а враждуют с духами и второстепенными божествами. Первые же шаманы противостояли непосредственно богам высших уровней: божеству неба и хозяину нижнего мира (обоим либо одному из них) (см., напр., [Бохоли-Хара 1880; Моргон-Хара 1880; Припузов 1884: 64; Анучин 1914: 14; Дамеев 1927: 69-70; Василевич 1936: 74 (текст 56); Алексеев 1984: 57; Михайлов 1996: 63-64; Алексеенко 2001: 103-104 (текст 44), 107-110 (тексты 46-47), 113-116 (тексты 50, 51)]). К этому примыкает мотив устранения первого шамана: независимо от результата соперничества с богами (успеха или неуспеха) он устраняется из мира людей и лишается сил (либо одно из двух); из-за этого жизнь людей ухудшается [Бохоли-Хара 1880; Моргон-Хара 1880; Припузов 1884: 64; Анучин 1914: 7-8; Дамеев 1927: 69-70; Василевич 1936: 74 (текст 56);

МЛЭ 2009]. Однако когда-нибудь первый шаман вернётся [Бохоли-Хара 1880: 90; Анучин 1914: 8].

§ 4. Становление и смерть шамана

Среди мотивов шаманских легенд чётко выделяются несколько групп, включающие те из них, которые связаны с различными этапами шаманской биографии и, прежде всего, становлением и смертью.

Душа шамана изготавливается в ином мире, в частности путём варки иковки [Аврорин, Козьминский 1949: 331-332; Ксенофонтов 1992а: 41]. Силу будущего шамана определяют там же путём взвешивания [Ксенофонтов 1992а: 62-65]. В ином мире шаман добывает духов-помощников и приносит их в мир людей [Аврорин, Козьминский 1949: 331-332]. Порой шаманом становятся душа умершего [Ксенофонтов 1992а: 62-65], воскресший мертвец [Богораз 1899; Попов 1937: 64-66], найденный ребёнок [Потанин 1883: 114; Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18)] или человек, перенёсший удар молнией [Потанин 1883: 289 (текст 63ж)]. Другой вариант – обучение у воронов [Ващенко, Долгих 1962: 180; перепечатано в Лабанаускас 2002а: 168-169; 2004: 66-67] – перекликается с мотивом, характерным для текстов о первом шамане, в которых тот получает дар от хищной птицы.

Иногда шаманы и сами рождаются в виде птиц [Ксенофонтов 1992а: 80-81]. В рассказах о шаманском детстве встречаются мотивы чудесного быстрого роста [Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18)] и шаманской болезни [Алексеев и др. 1995: 270-273 (текст № 55)], то есть припадков, которые сопровождают жизнь будущего шамана.

В составе биографических мотивов выделяется группа, связанная с шаманским деревом. На нём выращиваются души шаманов (если указан вид, то это лиственница, реже – ель) [Ксенофонтов 1992а: 41-42, 50, 52, 62-65, 91, 92-93], при этом, чем выше гнездо, тем сильнее будет шаман [Ксенофонтов 1992а: 41-42, 92-93]. Шаманы также рождаются около лиственницы

[Ксенофонов 1992а: 80-81], либо шамана-младенца на ней находят [Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18)]. Около дерева происходит и передача дара от хищной птицы к девушке [Сказания бурят 1890: 123-124 (текст L)]; Агапитов, Хангалов 1958: 363-364]. Близкий этому мотив содержится в легенде о шаманском зове, в которой дерево является во сне будущему шаману, он исполняет его указания и становится шаманом [Шимкевич 1896: 8-11; Лопатин 1922: 237-238; Сем 1996: 134-136; Лабанаускас 2002б: 219-223]. Кроме того, с помощью дерева шаман превращается в животное [Потанин 1883: 168].

Следующая группа мотивов биографического характера соотносится с темой шаманской смерти. На грани этой и предыдущей групп находятся мотив дерева, выросшего на могиле шамана [Потанин 1883: 327-328 (текст 77а)], и мотив сломанного дерева: оно (либо деревянная вещь) служат признаками шаманской смерти [Эргис 1960: 259-262 (текст № 182); Романова, Мыреева 1971: 321-322 (тексты 10, 11); МЛЭ 2009].

Часто шаман перед смертью даёт указания о том, как его надо похоронить [Потанин 1883: 327-328 (текст 77а); Затопляев 1890: 9; Лопатин 1922: 327-328; Эргис 1960: 251-258 (текст № 181), 267-270 (текст № 185), 273-275 (текст № 189), 297-301 (текст № 198)], нарушение которых приводит к дурным последствиям, эпидемии или сумасшествию [Затопляев 1890: 9; Эргис 1960: 251-258 (текст № 181)]. Последнее случается с сородичами и когда убитая шаманка оказывается неотомщённой [Эргис 1960: 289-291 (текст № 194)].

После смерти шамана происходят стихийные бедствия [Ксенофонов 1992а: 57]. Тело убитого шамана горит несколько дней [Николаева 2006: 56-57], иногда умерший начинает шевелиться и скрежетать зубами в знак протеста против вскрытия [Худяков 2002: 144] либо становится таким тяжёлым, что его не может везти бык [Эргис 1960: 273-275 (текст № 189)]. Встречается в шаманских легендах и мотив катающегося черепа, который ходит пить воду к озеру [Окладников 1949: 74 (текст № 1); Попов 2006: 415].

Умерший шаман может превратиться в хозяина местности [Потанин 1883: 114, 127] или стать каменной бабой [Потанин 1883: 290-291 (текст 64а, б), 293 (текст 64е)].

§ 5. Путешествия шамана, его силы, слабости и правила

Четыре тематических раздела составляют мотивы, имеющие отношение к шаманским странствиям, особенным силам и слабостям шамана, а также правилам, по которым он живёт.

Как известно, шаман является посредником между мирами, поэтому его жизнь сопряжена с различными путешествиями. Шаман способен перелетать из одного места в другое (либо в виде птицы, либо как птица) (см., напр., [Анохин 1924: 130; Крупник 2000: 476-478]) и порой путешествует вместе с перелётными птицами [Третьяков 1869: 424-425; Василевич 1936: 75 (текст 57); Васильев 1936: 255; Попов 1937: 54-57; Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18); Кулаковский 1972б: 284 (текст № 9); Долгих 1976: 58-60 (текст № 16); Алексеенко 2001: 84 (текст 30), 104-106 (текст 45), 107-108 (текст 46); Лабанаускас 2002б: 95-99; Худяков 2002: 85-86, прим. 7]:

Долганы: два шамана решили улететь с гусями; шаманы приказали поставить чистый чум и рассказали людям о своих планах; покамлав, шаманы обратились в гусей и улетели; они пролетели через отверстие в небе, около которого сидела старуха, ловившая крюком посоха жирных гусей; пролетая около старухи, один из шаманов подумал, какая она противная; прилетев в страну, где летают гуси, шаманы приняли человеческий облик и стали жить в землянках; когда настало время линять, один из шаманов превратился в лебедя и полетел на озеро, второй шаман остался на реке, обратившись в гуся; на озере появились охотники, которые перебили всех кроме хозяина слова шамана; после ухода охотников второй шаман прилетел на озеро; хозяин слова шамана-лебедя рассказал ему, что погиб из-за того, что плохо подумал о хозяйке вселенной, которой была старуха, сидящая у отверстия в небе; умирая, он завещал, чтобы впредь ни один шаман не прилетал сюда, так как хозяйке это не угодно; с наступлением весны родные шаманов поставили чистый чум; когда летели три стада гусей, что-то упало на чум; люди тихонько подошли к чуму и, услышав звуки бубна, вошли в него; там сидел вздрагивающий и порывающийся улететь шаман; люди стали подпевать ему, он превратился в человека и рассказал всё; услышав

рассказ, другой шаман заявил, что уплывёт с рыбами в море; осенью шаман заставил людей поставить чистый чум, начал камлать в нём, вызывая снег и дождь; внутри чума побежали реки, заиграли рыбы; когда люди опомнились, ни воды, ни рыбы, ни шамана не было; весной люди поставили чистый чум и перегородили речной залив сетями; один парень поставил свои старые сети; шаман попался к нему в сеть, но сеть оборвалась и шаман исчез в воде; люди позвали другого шамана; после камлания он сказал, что хозяин реки не отпустит назад попавшихся к нему; с тех пор шаманы не спускаются в воду [Попов 1937: 54-57].

Несколько мотивов связаны с обстоятельствами шаманских путешествий. Путь в другой мир лежит через отверстие в небе [Попов 1937: 54-57; Ксенофонов 1992а: 62-65], также туда можно попасть с помощью облаков / туч [Пелих 1998: 67-68; Алексеенко 2001: 104-106 (текст 45), 107-108 (текст 46)], бубна [Анучин 1914: 7-8; Михайлов 1996: 63-64; Николаева 2006: 24-26] и лодки [Лабанаускас 1995: 15-17]. Дорога в другой мир иногда пролегает по радуге [Дьяконова 1981: 147; Михайлов 1996: 75-77] и дереву [Ксенофонов 1992а: 92-93].

В числе сверхъестественных способностей шамана находится возможность осуществлять разнообразные превращения. Их объектом выступают млекопитающие (см., напр., [Потанин 1883: 168; Лопатин 1922: 202; Орлова 1999: 135-136; Крупник 2000: 476-478]) и различные виды птиц (в частности, [Васильев 1936: 255; Подузова, Сагалаев 1983: 111-112; Алексеенко 2001: 84 (текст 30)]), насекомые (см., напр., [Бохоли-Хара 1880: 89-90; Моргон-Хара 1880: 87-88; Curtin 1909: 111-113]) и пауки [Эргис 1960: 264-267 (текст № 184)]. Кроме того шаман способен становится невидимкой [Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18)] и превращаться и неживые объекты (см., напр., [Потанин 1881: 172 (текст 31 б); Никифоров 1915: 238-239]). Отдельный мотив представляют собой множественные чудесные превращения, то есть неоднократные метаморфозы, следующие одна за другой [Vogoras 1918: 20-21; Попов 1937: 51-54; Эргис 1960: 264-267 (текст № 184), 297-301 (текст № 198); Худяков 2002: 143]. Иногда из-за

вмешательства посторонних лиц обратное превращение шамана становится невозможным [Потанин 1883: 168; Орлова 1999: 135-136]:

Буряты: медведь прежде был охотником и шаманом; отправляясь на охоту, он обходил три раза одно дерево и превращался в медведя; в таком виде он ловили зверей, потом снова обходил вокруг дерева три раза и становился человеком; кто-то срубил то дерево и шаман навсегда остался медведем [Потанин 1883: 168].

Ительмены: *тойон* шаман Марлин мог превращаться в медведя; звери исполняли его желания; мог остановить на бегу соболя – тот оказывался с переломанными ногами; шаман знал, если кто-то пытался брать из его капканов соболей; вор оставался неподвижным около капкана; каждое лето медведь давил коров в селе; гибли коровы тех хозяев, на которых сердился шаман; летом шаман исчезал; однажды пропала его сноха; с тех около селения стали бродить два медведя: *секач* с *матухой*; зимой сын шамана, у которого пропала жена, поехал за дровами и обнаружил около них берлогу; вместе с братом он убил медведя; когда братья разостлали шкуру на снегу, на неё выскочила *матуха*, которая сказала, что они убили отца; затем она превратилась в женщину и всё рассказала; она следила за шаманом, в лесу он воткнул в землю нож и перескочил через него; она тоже перескочила и превратилась в медведя; шаман, сказал, что теперь он не сможет превратиться в человека; шаман специально сделал берлогу около дров, так как знал, что здесь его быстрее убьют и с помощью этого сноха станет человеком; шаман предупредил, что её нужно будет выпрыгнуть на его шкуру; жена шамана осталась жить в деревне; за шаманские дела её сожгли за рекой на большом костре; она не сопротивлялась, но только не велела жечь себя за рекой, иначе исчезнет рыба; предсказание старухи сбылось, наступил голод [Орлова 1999: 135-136].

Шаман обладает особыми знаниями. Они касаются как событий, происходящих в настоящем времени [Шашков 1864: 87], так и тех, которые должны случиться в дальнейшем [Третьяков 1869: 424-425; Потанин 1883: 293 (текст 64е); Сказания бурят 1890: 123-124 (текст LI); Окладников 1949: 86 (текст № 18); Орлова 1999: 135-136; Худяков 2002: 78, прим. 3]. Часто шаманские предсказания содержат сообщения о скорой смерти, шамана или кого-нибудь из окружающих [Василевич 1936: 75 (текст 57); Эргис 1960: 251-258 (текст № 181); Лаптев 1975: 237-238; Киле 1996: 426-427 (текст № 64); МЛЭ 2009]:

Кеты (Келлог): шаман лечит на берегу юношу; предсказывает ему скорую смерть, предсказание затем сбывается; на берегу остаётся мёртвая щука [МЛЭ 2009: З.М. Ходыка].

Сымские эвенки: мой отец был шаманом; рано умер; сам предсказал себе смерть [МЛЭ 2009: Г.П. Боярин].

Юкагиры (Халерчинская тундра, Нижнеколымский р-н): Ичэн говорит жене, что, когда по небу начнут бродить огни, люди будут говорить, что это огни *алайи*; Ичэн рассказывает жене, что скоро умрёт и что всё соседи тоже вскоре умрут, а их вещи и олени достанутся ей; всё случилось именно так, люди передних шатров умерли, остальные превратились в гагар [Лаптев 1975: 237-238].

Нанайцы: шаман Пассар предупреждает людей о своей скорой смерти и говорит, что вернёт свою душу через шесть дней; по прошествии этого срока люди идут к нему на могилу и видят его живым: воскресший становится великим шаманом; у него умирает жена, он воскрешает её [Киле 1996: 426-427 (текст № 64)].

Сказанное устами шамана может быть опасно для окружающих. Он способен насылать проклятия, то есть с помощью слов наносить вред людям и животным [Потанин 1883: 114; Попов 1937: 58-59; Эргис 1960: 251-258 (текст № 181), 259-262 (текст № 182); Михайлов 1996: 69]. Опасность подстерегает и тех, на кого шаман устремляет свой взгляд [Ксенофонов 1992а: 68; 1992б: 167-168, 212-213].

Что касается особых знаний, то их шаман может получать во время сна [Попов 1937: 64-66]. В том же состоянии он ведёт борьбу с духами и спасает похищенные души – пока тело спит, душа шамана действует [Затопляев 1890: 3; Curtin 1909: 111-113; Попов 1937: 64-66]:

Аларские буряты: Саган-бо сидел на берегу реки; в это время *анахай* кривлялся на льду и показывал шаману кукишы; Саган-бо плюнул на *анахая* и попал ему под заднюю подошву ноги, которая моментально примёрзла; Саган-бо начал бить *анахая*, тот просит о пощаде и обещает не идти против воли шамана; Саган-бо отпустил *анахая*, но он поселился в доме, в котором Саган-бо был *найже*; шаман заметил *анахая* под колыбелью ребёнка и ударил саблей; *анахай* увернулся и шаман отсёк голову ребёнку; после этого шаман спал трое суток; в это время душа шамана гонялась за *анахаем*; *анахай* перехитрил шамана и укрылся под защиту своего *тенгри* [Затопляев 1890: 3].

Используя свои силы, шаман способен насылать видения, которые подталкивают людей к совершению проигрышных для них поступков:

Непские (киренские) эвенки: шаман и мужчина пошли за дровами; шаман лёг на дерево и перед этим сказал мужчине, чтобы тот ударил его топором по больной спине; мужчина сначала не соглашался, потом ударил слегка, затем, после уговоров шаман, стал бить изо всей силы; шаман, сидя на пеньке, начал смеяться над мужчиной; мужчина посмотрел и увидел, что всё дерево разбито топором [Василевич 1936: 75 (текст 58)].

Северные якуты: у шамана был знаменитый пёстрый конь; однажды он ехал на нём поздно вечером и повстречался с всадником, который предложил шаману поменяться конями; шаман взял чужого усталого коня, а своего отдал; шаман и человек разъехались; вечером жена того человека спрашивает о том, где его конь; вместо коня во дворе лежит коряга [Окладников 1949: 87 (текст № 19)].

Иногда шаман занимается тем, что закладывает в кабаке шапку, которая затем возвращается к нему сама [Потанин 1883: 117, прим. 3]. Хитрости используются и во время спасения больных. Так, первый шаман превращается в осу или пчелу и кусает бога неба в лоб, чтобы тот достал палец из бутылки, в которой спрятана похищенная душа. В результате цель оказывается достигнутой и больной человек излечивается [Бохולי-Хара 1880: 89-90; Моргон-Хара 1880: 87-88; Дамеев 1927: 69-70; Михайлов 1996: 63-64]:

Прибайкальские буряты: Будда, чтобы испытать волшебную силу шаман, взял душу единственного сына одного богатого человека, положил её в бутылку, отверстие зажал пальцем; шаман, превратившись в осу, прилетел к богу и укусил его в лоб; бог вздрогнул и опустил палец с бутылки; шаман взял душу и полетел на своём бубне бог пустил в первого шамана *ошир-хонхо*; она попала в бубен и пробила его крылья, лишив возможности лететь дальше; с тех пор бубен шамана стал открытым и неспособным к полёту, а волшебная сила шамана убавилась наполовину; поэтому современные шаманы не имеют такой волшебной силы, как их шаманы-предки [Дамеев 1927: 69-70].

Это не единственный случай, в котором шаман прибегает к хитростям и уловкам при общении с богами. Якутский шаман выпрашивает на небе коней, получает их, обязавшись приехать навсегда через определённое время, но каждый раз съедает коней за год до назначенного срока [Ксенофонтов 1992а: 82-83]. Дарителю шаман заявляет, что конь украден.

Некоторые мотивы, относящиеся к теме шаманских сил, связаны с чудесными перемещениями предметов. Шаман способен достать какую-нибудь вещь издалека, например, из-под воды и с другого стойбища [Ксенофонтов 1992а: 86-87; Киле 1996: 426-427 (текст № 63); Березницкий 1999: 142-143 (текст № 1), 143-144 (текст № 3); Крупник 2000: 479, 486-487]. Такие действия могут быть совершены во время камлания в качестве демонстрации сил, либо в ответ на просьбу или провокацию со стороны окружающих:

Орочи: несколько охотников и шаман отправляются на охоту; у охотников кончается табак и они просят шамана достать его; шаман сначала отказывается, охотники над ним смеются; шаман соглашается, просит повесить на сучок дерева пустой мешок, начинает камлать; после этого шаман ложится у костра и спустя некоторое время распоряжается принести мешок обратно; двое охотников приносят мешок и обнаруживают в нём связку табака; охотники отказываются пробовать этот табак, шаман начинает курить свою трубку, после чего охотники тоже начинают это делать; шаман рассказывает, что слетал к одной старухе в стойбище и взял у неё из сундука табак взаймы; охотники не верят, но когда возвращаются в стойбище, то узнают, что у старухи пропала одна из связок табака [Березницкий 1999: 142-143 (текст № 1)]⁷.

Кроме того, шаман способен перемещать предметы, которые находятся в непосредственной близости, но являются слишком тяжёлыми, чтобы их двигали другие люди [Березницкий 1999: 143 (текст № 2)]. К теме перемещения предметов, возможно связанного с помощью духов, близок мотив чудесной рыбалки, во время которой невод шамана двигается самостоятельно [Лопатин 1922: 254-255].

⁷ Как правило, в шаманских легендах не указан способ, с помощью которого та или иная вещь добывается издалека, однако в этнографических описаниях уточнения на этот счёт встречаются. См., напр., у **вилюйских якутов:** дух, имеющий вид чёрной бабочки и служащий для различных мелких посылок, называется *кõtүтär аб̄асы*; при помощи этого духа знаменитые шаманы при своих камланиях достают с какого угодно расстояния листовую табак, кусочек мяса, бумажные деньги и водку [Попов 1947: 291] (см. также [Попов 2006: 55]).

Шаманские силы выражаются также в контроле над природой. Сибирский шаман управляет стихиями, он вызывает снег, град, ветер и направляет течение реки в другую сторону [Curtin 1909: 111-113; Лопатин 1922: 237-238, 254; Анохин 1924: 24; Попов 1937: 54-57; Сем 1996: 134-135; Лабанаускас 2002б: 158-165, 196-202]. Звери исполняют желания шамана [Орлова 1999: 135-136], а мёртвые животные могут быть возвращены им к жизни (см., напр., [Крейнович 1973: 441; Крупник 2000: 479, 485-486]).

На фоне остальных людей шаман выделяется из-за странностей в анатомии. У него могут быть обросшее шерстью сердце и что-то в пальце [Анохин 1924: 125], сросшиеся пальцы на руках и ногах [Ксенофонтов 1992а: 68], медвежьи волосы на спине и крылья на руках [Березницкий 1999: 112]. Используя свою ладонь как нож, шаман разрезает ей животное либо кусок замёрзшего мяса [Худяков 2002: 79; Крупник 2000: 485-486].

Шаман способен производить различные манипуляции с чужими и своими органами и костями:

Долганы: шаман Енмуча кочует вместе с младшим братом Сямям; младший брат, Сямяй, становится сильным шаманом; если у кого ломалась берцовая кость, то он вставлял оленью [Попов 1937: 58-59].

Если какой-то из органов шамана оказывается повреждённым, то шаман замещает его на соответствующий орган животного (нижняя челюсть, глаз) [Эргис 1960: 267-270 (текст № 185)]. Встречаются и другие варианты самоизлечения: шаман протирает насквозь простреленный лоб и рана исчезает [Василевич 1936: 90 (текст 72)], он засовывает вывалившиеся из распоротого живота внутренности обратно, плюёт на руку и залечивает больное место [Ксенофонтов 1992а: 58-60]. Кроме того, шаман способен извлекать собственные органы и продолжительное время обходиться без них – так он поступает, когда отправляется путешествовать с перелётными птицами [Кулаковский 1972б: 284 (текст № 9); Худяков 2002: 85-86, прим. 7]. Повреждение шаманских внутренностей приводит к гибели их владельца:

Северные якуты (Усть-Янский улус): у шамана Гуся не было детей; чтобы его имя не забылось, шаман собирается улететь на юг, добыть интересные сведения, которые останутся в памяти людей; шаман оставляет жене свои внутренности, превращается в гуся и улетает с гусями; весной шаман возвращается немой, жестами требует от жены принести внутренности; жена, вынося из погреба замёрзшие внутренности, поскользывается, падает и разбивает их; шаман умирает, ничего не рассказав [Кулаковский 1972б: 284 (текст № 9)].

К извлечению собственных внутренностей близок мотив отложенной беременности: на время камлания шаманка перекладывает плод из своего живота в живот мужа (при помощи духов-помощников) [Василевич 1966: 149-150, 306-307 (текст № 20)] либо оставляет нерождённых детей в *парке* [Симченко 1996а: 66-67, 75]. Однако выполнение шаманских обрядов во время беременности, пусть и отложенной, влечёт за собой дурные последствия:

Подкаменнотунгусские эвенки (Байкитский р-н, Эвенкийский национальный окр., Красноярский край): шаманка Деерок была беременной; её уговорили пошаманить над одним больным ребёнком; Деерок начала камлать, а плод из своего живота с помощью духов-помощников переложила в живот мужа; шаманка вылечила больного ребёнка, затем взяла плод от своего мужа; во время родов она сошла с ума, её испортили духи; они испортили и двух детей шаманки, которые тоже стали сумасшедшими; с тех пор Деерок перестала перевоплощаться, перестала шаманить, будучи беременной [Василевич 1966: 149-150, 306-307 (текст № 20)].

Нередко шаман совершает манипуляции с чужими органами в ответ на оскорбления и в качестве демонстрации силы:

Северные якуты: к шаманке Таспарыйе в юрту приехал русский казак; шаманка в это время камлала; казак начал кричать и запрещать ей это делать; шаманка ударила в бубен, запела; у казака оторвался половой член; Таспырыйа повесила его на *хоро* (конец бревна, выдающегося из камина); казак застонал, но шаманка освободила его лишь тогда, когда закончила камлать [Худяков 2002: 143].

Нанайцы: шаман Одзял поднимает джонку хвастливого маньчжурского купца на вершину утёса Одхялов; затем шаман берёт у купца трубку, ломает её пополам и забрасывает на середину реки; вечером шаман наполняет корыто водой, зовёт купца и начинает танцевать; шаман предлагает купцу поискать трубку в корыте с водой; купец находит её там целой, после чего шаман приказывает всем сесть, подходит к маньчжур-

гребцу, вынимает у него один глаз, подходит к собаке, вынимает глаз и у неё; глаз собаки шаман вставляет гребцу, а глаз гребца – собаке; после долгих просьб купца шаман спускает джонку с утёса к реке [Киле 1996: 426-427 (текст № 63)].

В сибирских легендах широко представлена тема шаманской неуязвимости. Целый ряд текстов связан с безуспешными попытками убить или наказать шамана: его пробуют повесить, но он удлиняет свою шею [Эргис 1960: 14-15 (текст № 85)], его стараются высечь, однако он появляется одновременно в нескольких местах [Худяков 2002: 143], ему отрубают голову, а она прирастает снова [Анохин 1924: 146]. Иногда проблему пытаются решить с помощью животных. Шамана сбрасывают в яму к медведям [Анучин 1914: 8] либо привязывают к дереву и оставляют на три дня среди роя комаров [Ксенофонтов 1992а: 68]. Но и это оказывается тщетным.

Не имеет успеха попытка застрелить шамана или шаманку из лука [Потанин 1883: 288 (текст 63а); Окладников 1949: 86 (текст № 18); Пинегина и др. 1952: 85-86]. Более того она может обернуться плачевно для самого нападающего:

Северные якуты (Нижняя Лена): во время жестоких войн жил шаман-*хосун*, у него было два сына; отец-шаман предсказал, что приближаются враги-*хосуны*; один из сыновей отправился на разведку и заметил врагов; отец-шаман камлал всю ночь; на утро враги напали на шамана и его сыновей, осыпая их стрелами; старик кончиком своего лука водил по воздуху, и стрелы пролетали мимо; стрелы, которые пускали враги, летели обратно и вонзались во вражеские тела; все 30 воинов-*хосунов* были перебиты собственными стрелами [Окладников 1949: 86 (текст № 18)].

Шаманская неуязвимость проявляется также в выдержке по отношению к высоким и низким температурам. Шаман может прикасаться к раскалённым предметам [Curtin 1909: 111-113; Лаптев 1975: 237-238] и выдерживать сильнейший холод [Анохин 1924: 123; Попов 1937: 62-64; Эргис 1960: 251-258 (текст № 181); Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18); Кулаковский 1979а: 14; Ксенофонтов 1992б: 238-239, 239-240; Лабанаускас 2002б: 278-282; Худяков 2002: 78, прим. 3]. Вдобавок ко всему он способен к мгновенной регенерации:

Кеты (Суломай): младший сын шамана Осмолки решил его убить; начал рубить шамана, а тело его начинало сразу заживать; шаман согласился принять смерть и просил не трогать дочь Кэнам; узнав об отце, Кэнам уехала к устью Дубчеса; люди догнали её и убили; это место теперь называется Кэнамей (светлые острова); те люди нарубили листовниц, похоронили шамана; подожгли его, огонь горел семь дней, старик не мог сгореть быстро; с ярмарки вернулся старший сын шамана, он рассердился на людей за отца; люди заметили, что шаман Осмолка ходит рядом с ними и стали говорить, что шаман теперь видит, стали умирать люди, и сожалеть, что убили его [Николаева 2006: 56-57].

Даже если шамана удалось убить, он всё равно может вернуться. Оживление шамана бывает как однократным (см., напр., [Попов 1937: 59-62; Эргис 1960: 267-270 (текст № 185)]), так и многократным [Лопатин 1922: 255; Анохин 1924: 125; Ксенофонов 1992а: 58-60]. Обычно в текстах лишь констатируется факт воскресения, а сам процесс возвращения к жизни не описывается. Если подробности всё-таки присутствуют, то причиной воскресения называется деятельность самого шамана – будучи умершим, он возвращает себе свою душу [Киле 1996: 426-427 (текст № 64)], – либо помощь духов, которые собирают кости разрезанного шамана [Ксенофонов 1992а: 58-60]. В последнем случае процесс оживления идентичен процедуре создания нового шамана.

Убийство шамана и нанесение ему вреда является нелёгким, но вполне осуществимым делом. Есть несколько специальных способов, позволяющих этого достигнуть. Опасность для шамана представляет, в частности, менструальная кровь:

Буряты: девушка копала *сарану*; Тархан-дуриск, шаман и кузнец, попросил у неё одну луковицу и съел; должно быть, у женщины были месячные; Тархан-дуриск захворал и умер на горе Мондю-байсин; с той поры здесь нет змей, белой сараны и сосны, и не ходит верблюды; Тархан-дуриск становится *хатом* местности Мен [Потанин 1883: 127].

Орочи: шаман мог наносить себе раны, ходил по свежему снегу, вслед за ним появлялись следы медведя и тигра, которые потом исчезали; шаман никогда не снимал одежду: на спине у него были медвежьи волосы, а на руках крылья; шаман взобрался на дерево и полетел; в него выстрелили деревянной стрелой, он упал, его связали, выжгли ему

железом волосы, вырвали перья и помазали женской месячной кровью; после этого шаман чуть не умер и больше уже не летал [Березницкий 1999: 112].

Мотив гибели или потери сил в результате прикосновения к менструальной крови и вещам, с ней контактировавших, широко представлен как на уровне нарративов, так и поверий, а среди рассказчиков встречаются сами шаманы. К примеру, нганасаны считают, что можно убить каждого человека, включая шамана, любой силы, если положить на короткое время ему на голову часть шкуры *надюма* (сосредоточием *надюма*, представляющим опасность для окружающих, является часть штанов на гениталии). В этом случае человек начинал мучиться от головной боли и умирал. По объяснению многих информантов, его голова начинала первая умирать от *надюма* [Симченко 1996: 98, 101].

В приведённых нганасанских материалах шаман поставлен в один ряд с остальными людьми, в то время как в других источниках оговаривается особый эффект, который средство оказывает именно на магического специалиста. Суть его заключается в нарушении связи с духами. У айнов в случае неудачного камлания шаман возлагает вину на менструирующую женщину, присутствующую во время сеанса, ведь запах менструальной крови отпугивает добрых духов и не позволяет им прийти на помощь к шаману [Ohnuki-Tierney 1973: 24] (ср. [Фёдорова 2004: 36; Доннер 2008: 72]). Шаманские силы таким образом сводятся на нет.

По мнению китайских эвенков, женщины-шаманки во время менструации не имеют возможности контактировать с духами [Heune 1999: 383, 391]. С одной стороны, это является слабой стороной шаманствующих женщин, но с другой – может стать их преимуществом. У якутов считается, что шаманки сильнее шаманов [Ионов 1918: 162; Попов 1947: 292; 2006: 43; Ксенофонов 1992а: 83-84]; в борьбе они неуязвимы, так как свою *воздух-душу* прячут в свою *vulva*. Если за шаманкой пускается в погоню шаман, она залезает на облако и оттуда брызжет в глаза шаману менструальными выделениями [Попов 1947: 292; 2006: 43].

Другой способ убийства шамана заключается в нахождении его души, которая хранится вне тела и может быть как в живом (например, рыбе [Затопляев 1890: 9]), так и неживом объекте:

Каларские эвенки (р. Калара, Читинская обл.): богатый шаман Кюстькемда посылал своих сыновей грабить эвенков чужих родов; предводитель рода кондыгирски узнал об этом и пошёл в поход на шамана; кондыгирски убивают двух сыновей шамана; шаман забрался на *лесину* и стал камлать; кондыгирски пустили в шамана десятки стрел, но он всё сидел и бил в бубен; кондыгирски пошли в чум шамана; там их предводитель спросил старуху, как убить шамана; услышав угрозы, старуха рассказала, что душа Кюстькемда в середине очага; кондыгирски пустили стрелы в огонь и шаман свалился с дерева [Пинегина и др. 1952: 85-86].

Отдельную группу мотивов составляют шаманские правила. Ситуация с запретами и предписаниями, касающимися непосредственно шамана, непроста и дело здесь в следующем. Шаман является главным магическим специалистом в сибирских культурах и важным членом коллектива в целом. С возрастанием статуса фигуры количество табу и предписаний часто увеличивается. Казалось бы, а ргіогі можно говорить о немалом количестве правил, окружающих жизнь шамана.

В то же время число опубликованных сибирских запретов и предписаний, касающихся обычных людей (мужчин-охотников, беременных женщин и др.), довольно велико. Однако крупнейшие издания, которые содержат сотни текстов [Романова, Мыреева 1971; Бурькин 2001], не включают ни одного (sic!) запрета или предписания, адресованного шаманам. Я имею в виду именно специфичные шаманские правила, то есть в данном случае не рассматриваются те, которые были общими и для шаманов, и для других членов коллектива⁸. Едва ли не единственная специальная подборка

⁸ Впрочем, это тоже небезынтересная тема. Любопытно было бы выяснить, например, какие табу, исполняемые в коллективе, «игнорировались», не соблюдались шаманами (если, конечно, такие запреты вообще существовали).

шаманских запретов и предписаний содержится в якутских материалах А.А. Попова [2006: 48-49].

В этнографических описаниях правила, окружающие жизнь шамана, отрывочно, но всё же представлены. К примеру, у нганасан считалось, что пока жив отец, молодому шаману шаманить нельзя [Симченко 1996б: 155]. Эвенскому шаману строго запрещалось рассказывать обычным людям о способах лечения, иначе духи могли отнять его дар [Алексеева 1992: 62]. У кетов шаман никогда не ест гагару с чёрным горлом; эта птица рассматривается им как товарищ либо союзник [Donner 1933: 81]. Последний запрет может встраиваться в шаманские легенды, к рассмотрению которых я и возвращаюсь:

Кеты: *dōg* женился на *hoze.dām*, которая была дочерью женщины из загробного мира; по какой-то причине они должны были отправиться на небо; по пути женщина родила мальчика (*do^ode-hip*); они встретили двух чудовищ (гром) и семерых других чудовищ, которых убили *пальмой*; последнее чудовище, которое было матерью грома и меньшим по размеру, оказалось худшим противником; чум мужа и жены был сожжён и они вместе с ним; мальчик полетел, спустился вниз и превратился в гагару с чёрным горлом; перед смертью отец указал сыну на свою реку; та река – это река *kios siès* наших дней, на которой люди приносят жертвы и где живут сильнейшие шаманы; упавший мальчик кричал, спрашивая где река; незнакомые люди убили его как обычную гагару, а затем съели; после этого все они, и мужчины, и женщины, забеременели; все мужчины погибли из-за этого; женщины родили детей, которые все стали шаманами; таким образом шаманы были принесены в этот мир; от духа гагары все остальные были рождены; именно поэтому шаман никогда не ест гагару с чёрным горлом [Donner 1933: 94].

Серия правил, отражённая в легендах, связана со злоупотреблением шаманской силой, которое является недопустимым. Запреты могут приобретать количественный характер, и тогда шаману не разрешается производить камлание больше одного раза в день [Клеменц 1890: 35]. Шаман должен подчиняться верховному божеству (см., напр., [Михайлов 1996: 63-64]) и ему не следует использовать шаманские силы без серьёзной причины (в частности, [Михайлов 1996: 69]). Помимо этого шаман обязан творить добро и

помогать людям, что соотносится с целью создания первых шаманов [Васильев 1910: 286; Агапитов, Хангалов 1958: 363-364]. В качестве образца можно привести текст из числа кетских записей:

Отец мне говорил... Они жили тогда на верховьях Елогуя... И вот отец-то и рассказывал, как он шаманом-то стал... Вот этот вот Фёдор. Он, говорит, молодой был, только ещё в подростке был. И где-то он то ли ходил он в лесу, то ли на берегу. Вот это точно не помню, как-то. И вроде какой ветер, такой вот сильный, сильный ветер, сильный, сильный пошёл, прямо деревья почти, говорит, по земле ложились, говорит, стелились... Люди, говорит, быстро свои эти чумы на перевязки взяли, говорит, быстро. А этот мальчик, говорит, там стоит, его даже ветром не трогает. А потом немного погода как будто что-то возле него садится, приземляется, говорит. Приземляется, приземляется. И вот не доходя до земли, говорит, к этому мальчику. Уже мы как бы видим, говорит, что даже потом, когда ветер уже прекратился, мы, говорит, уже видим, что что-то спустилось перед мальчиком и на этом, как облачко, как облачко. А на этом облачке, говорит, человек стоит. Такой пожилой, с бородой, говорит, стоит, ага. И чо-то он там говорит, мы, говорит, даже не поняли чо-то. А потом, говорит, опять ветер такой же сильный пошёл, пошёл, пошёл, пошёл. И вот это облачко таким вот вьющимся образом кверху туда пошло. И после этого, говорит, этот ветер остановился. Он остановился и этот мальчик, тоже испуганный. Мы, говорит, к нему побежали, говорит, его взяли, говорит, ну это они-то рассказывают отцу. Они, говорит, взяли. Ну, родственники, родители его. Взяли, привели, а ребёнок весь трёсся, говорит, так... Бальдины отцу моему рассказывали... И потом вот это, вот это, отец-то и говорит, когда они мальчика взяли, мы говорим, его спрашиваем: «Чо тебе дедушка говорил?». А он, говорит, мне говорит: «Ты, мальчик, будешь даром, говорит, моим одарён, говорит. Ты не должен, говорит, ничо плохого делать. В жизни, говорит. Ты должен только людям добро делать». И всё. Ну, так он объяснил ему. Ну, он уже подросток-то большой был. Он говорит, мне он так сказал, говорит. Вот, и люди потом уже обратились уже к большому шаману, местному, местные там были тоже шаманы. И вот этот шаман им говорит... И вот они обратились к шаману и спросили шамана, чо с ребёнком-то будет, потому что он после этого разговора, вот с этим вот мужиком-то, это был Есь, потом уже объяснили, вот... И ребёнок как будто не свой стал, не свой, что он места себе найти не может, потому что это дар у него стало уже, в душу его он пустил уже. Этот дар у него уже начал мешать. И вот. И потом шаманы-то уже сказали, что этот пацан у вас не простой, он шаманом будет. И вот с этих пор... с этого момента вот этот Фёдор начал подшаманивать, подшаманивать, а в конце

концов он начал сильным шаманом... Это не сказка, это была настоящая [МЛЭ 2009: М.М. Ирикова].

К шаманским правилам относятся запреты на определённый вид деятельности и нахождение в некоторых локусах. В литературе упоминаются эвенские легенды о том, что шаманам нельзя было охотиться, так как это могло рассорить всех их духов (*ибдирил*) с духами тех животных, на которых принято вести охоту [Попова 1981: 242]. В тексте, записанном у нганасан, содержится табу на вхождение в воду: шаманы не спускаются в неё, так как в противном случае хозяин реки не отпустит их обратно [Попов 1937: 54-57] (см. также [Симченко 1996а: 58]). В нганасанской же традиции у каждого шамана были особые установления по отношению к различным животным, которые выдавались за помощников. Так, по сообщению Дюдумо Яроцкого, некий шаман Семён Яроцкий говорил:

Конди`е – сову убивать нельзя. Сова – это Дямада. Если сову кто убьёт, то её надо головой в сторону леса класть и говорить:

– Я не виноват. Это я не нарочно [Симченко 1996а: 167-168].

В повествовательных текстах убийство духа-помощника либо персонажа, олицетворяющего шамана, влечёт за собой гибель шамана [Bogoras 1918: 35-36; Попов 1937: 59-62].

§ 6. Борьба с противниками и помощь нуждающимся

Крупный тематический раздел составляют мотивы приключенческого характера. Они связаны, в частности, с противостоянием между шаманом и различными персонажами, в числе которых находятся злые духи и духи-помощники, другие шаманы и иные магические специалисты (колдуны, священники, ламы), воры и правители.

Формы борьбы варьируются. Некоторые из них специфичны для определённых противников шамана, тогда как другие могут встречаться в текстах с разными типами шаманских соперников. Последнее характерно для мотива военной битвы: шаман вместе со своими духами-помощниками

сражается против войска болезни [Лопатин 1922: 327-328], либо то же самое происходит между двумя шаманами [Василевич 1936: 90 (текст 72); Пурбуева 2009: 155]. Нередко поединок происходит в виде боя животных, так борются между собой два шамана [Василевич 1936: 90 (текст 72); Ксенофонтов 1992а: 82-83; Эргис 1960: 264-267 (текст № 184)] или шаман и дух болезни [Эргис 1960: 302 (текст № 200); Ксенофонтов 1992а: 81-81, 85-86, 87]. В качестве образца приведу резюме якутского текста:

Якуты (с. Крест-Майор): появляется оспа; шаман Саргыл прячет всю свою семью и готовится бодаться с быком оспы; шаман встречает духа оспы около Ойусардааха, они бодаются, но силы сначала оказываются равными; дух оспы не бодается вторично и возвращается обратно; на горе Кэлээдин шаман настораживает самострел на духа оспы [Эргис 1960: 302 (текст № 200)].

К битве в виде животных близок мотив поединка на тарелке:

Эвены (р. Молонда, Колыма): сильный и старый шаман встречает скитающегося мальчика-сироту; шаман задаёт ему вопросы, предполагает, что мальчик шаман, и хочет его убить; ребёнок соглашается и идёт вместе с шаманом к нему домой; там шаман ставит тарелку перед мальчиком и объявляет о начале шаманского поединка; шаман ударяет в ладоши, плюёт на тарелку, на которой из слюны появляется медведь размером с вошь; мальчик чешет голову, не зная, что делать; на тарелку случайно падает настоящая вошь, между ней и медведем начинается поединок, который длится целый день; вошь начинает душить медведя, шаман умоляет прекратить борьбу, но мальчик не соглашается; в итоге вошь задушила медведя и как только это произошло, шаман умер; мальчик взял его жену и все его богатства [Vogoras 1918: 35-36].

Ранее я уже говорил о мотивах из раздела «Шаман и дерево». С деревом оказываются связаны не только рождение шамана, но и его возможная смерть. Поэтому каждый из двух соперничающих шаманов пытается уничтожить гнездо, в котором на ветвях шаманского дерева воспитывалась душа противника [Ксенофонтов 1992а: 52]. Примечательно, что сохранность определённого дерева оказывается залогом жизни других магических специалистов:

Якуты (Олбинский наслег Таттинского р-на): священник приводит шамана в церковь и заставляет класть поклоны; шаман долго ищет *кут* священника; увидев большую ель у

начала дороги, шаман предполагает, что в ней находится *кут* священника, превращается в гром и разбивает ель, из-за чего священник умирает [Эргис 1960: 259-262 (текст № 182)].

Ещё одной формой борьбы, встречающейся в связи с разными (но не всеми) типами соперников, является обоюдная демонстрация сил. Она не предусматривает непосредственный конфликт в виде сражения, уничтожения шаманского дерева и т.п., но подразумевает показ сил иными способами. Так могут проверять друг друга два шамана или шаман и магический специалист иного плана. Шаманы-соперники одновременно камлают у костра, пока духи одного из них не сгорают [Василевич 1936: 90 (текст 72)]. Когда спорят шаман и колдун, они по очереди насылают болезнь на быка и предлагают противнику вылечить животное [Худяков 2002: 79]⁹. Взаимная демонстрация сил, по-видимому, не встречается в легендах о борьбе со злыми духами.

Специфичным для текстов о шаманских поединках является мотив увеличения сил, которое происходит у победителя [Василевич 1936: 90 (текст 72)]. Таким же статусом обладает мотив договора для легенд, повествующих о противостоянии между шаманом и болезнями. В результате борьбы шаман заключает с духом договор о ненападении последнего [Затопляев 1890: 3; Ксенофонтов 1992а: 81-82, 87]. В легендах о соперничестве между шаманом и другими магическими специалистами этот мотив не присутствует.

В отдельную группу входят мотивы, связанные с помощью, которую шаман оказывает нуждающимся. Ими могут быть как люди, так и духи. Шаман способен чудесным образом добыть еду [Долгих 1976: 58-60 (текст № 16); Лабанаускас 2002б: 95-99, 110-121]. Ему удаётся расшевелить духа, из-за неподвижности которого начинаются стихийные бедствия [Дыренкова 1940: 270-271 (текст 37, 38); Симченко 1976: 49 = 1996а: 156-157 = 1996б = 35-36; Грачёва 1981: 84]. Шаман помогает выволить из плена похищенную женщину [Василевич 1936: 83 (текст 65); Лабанаускас 2002б:

⁹ Ср. дархатский текст о ламе и шаманке [Неклюдов 2009: 358 (текст 7)].

158-165]. Он оказывает помощь больным и даже умершим. Спасая больных братьев, шаман пробивается сквозь ледяное небо [Анохин 1924: 123], а в случае необходимости перемещает болезнь из человека в животное [МЛЭ 2009: З.М. Ходыка]. Для бесплодной жены он может похитить чужую беременность [Березницкий 1999: 130-131 (текст № 32)], а умерших людей вернуть к жизни [Curtin 1909: 111-113; Попов 1937: 64-66; Киле 1996: 426-427 (текст № 64)]. За помощью шаманов обращаются иногда и духи [Алсаханов 1916: 57-58; Михайлов 1996: 75-77; Пинегина и др. 1952: 50]:

Каларские эвенки (Читинская обл., р. Калара): раньше земля была ровная, без гор; в реке жил *сюлюки*, который плавал в реке и мог прыгать по деревьям; по земле ему ходить было нельзя: его копыта камни из земли притягивали; *сюлюки* этого не знал и пошёл по земле; там, где он ступил, появились горы; увидев это, духи верхнего мира испугались; они собрали шаманов и попросили их превратить *сюлюки* в змею; шаманы сделали то, что им велели духи; *сюлюки*-змей стал жить в горах; он сделался злым, особенно не любил шаманов; *сюлюки*-змей не мог отличить шаманов от других людей, поэтому жалил всех, кто попадался; поэтому змеи жалят людей [Пинегина и др. 1952: 50].

* * *

Базируясь на обработке более полутысячи текстов, изложенная картина моделирует общую повествовательную традицию, зафиксированную в регионе и связанную с фигурой шамана как персонажа. Эта картина демонстрирует то, кто такой шаман на уровне фольклорных источников и с чем сопряжена его жизнь, по мнению сибирских культур.

Первый круг мотивов является этиологическим и сравнительно невелик. В соответствующих текстах шаман (чаще всего первый шаман) непосредственно участвует в создании характерных для нынешнего мира особенностей, либо принимает в этом косвенное участие. Здесь встречаются этиологические мотивы, связанные, во-первых, с естественной историей (появление суши, луны, Млечного Пути и т.д.), во-вторых, историей культуры (в частности, происхождение оленеводства) и, в-третьих, «историей духов» (к примеру, объяснение причин их нынешней невидимости).

К этиологическому разделу примыкают, но тематически полностью им не ограничиваются, мотивы, связанные с появлением первых шаманов и их соперничеством с богами. Этиологическая часть этих мотивов объясняет, в частности, как и почему появились шаманы, кто был первыми из них. Вторая половина мотивов носит приключенческий характер и включает данные о действиях, специфичных для первых шаманов.

Определённый набор мотивов связан с этапами шаманской биографии. Эти мотивы группируются следующим образом: становление шамана (создание его души, чудесное рождение и пр.) и смерть шамана. Между ними располагается большая группа мотивов, связанных с шаманским деревом. Она не имеет с соседними группами чётких границ (здесь представлена как жизнь, так и смерть), но выделяется на их фоне генеральной идеей (шаманское дерево), количеством элементов и объёмом источников.

Один из разделов включает мотивы, связанные с особыми шаманскими силами и слабостями, а также правилами, которые окружают жизнь шамана. Другой раздел можно условно назвать «Борьба с противниками и помощь нуждающимся». Он содержит мотивы, связанные с противостоянием между шаманом и духами, с соперничеством магических специалистов друг с другом, а также с помощью, которую шаманы оказывают людям и духам.

Таким образом, вырисовывается модель «идеального» шамана, вытекающая целиком из фольклорных текстов. А это, в частности, открывает путь к более точному определению того, кто такой шаман и выяснению места этого персонажа среди магических специалистов из других регионов.

Глава II. Ареальное распределение шаманских мотивов

§ 1. Пансибирские шаманские мотивы

Аборигенные культуры Сибири исследованы неравномерно не только относительно друг друга, но и разных своих сфер. Языковые данные и этнографические материалы освещены в литературе, несомненно, полнее, чем фольклор. Касается это и локальных культурных вариаций¹⁰. В целом ситуация здесь кардинально отличается от той, что сложилась в Европе, где планомерная диалектографическая работа в области фольклора велась со второй половины XIX в.

Учитывая специфику народной культуры, масштаб территорий и этническое разнообразие, можно предполагать наличие некоего диалектного деления в рамках фольклорных традиций Сибири, под которым понимается присутствие в разных ареалах разных наборов мотивов. Но какие локальные варианты шаманской мифологии существуют и почему? Насколько велик размах вариаций? Есть ли у устных традиций региона такие черты, которые носят характер пансибирских и, если да, то какие? Решение проблемы фольклорных диалектов предполагает поиск ответов на эти и другие вопросы.

В настоящее время сведения о географии многих мотивов можно почерпнуть из каталога Ю.Е. Берёзкина [2011], в котором учтены и некоторые тексты о шаманах. В исследовании локальных вариантов мифологии, окружающей шамана, я опираюсь на достаточно полный корпус шаманских легенд (см. приложение № 1; приложение № 2: карта 1). После определения мотивного состава, которое предложено в первой главе, целесообразным

¹⁰ Из числа лингвистических работ приведу в качестве образца лишь классический в тунгусоведении труд Г.М. Василевич [1948]. О картографировании элементов материальной культуры и типов обрядов см., напр., [Левин, Потапов 1961; Гурвич 1978; Потапов 1978].

представляется выяснение границ распространения мотивов и анализ тенденций в их географическом и этническом распределении.

В историко-культурном плане рассматриваемый регион делится на пять ареалов: Западная Сибирь, Южная Сибирь, Восточная Сибирь, Северо-Восточная Азия, Дальний Восток. В данном параграфе речь пойдёт о мотивах, претендующих на статус *пансибирских*. Под ними я понимаю мотивы, которые доминируют в Сибири и распространены как минимум в четырёх её ареалах.

Пансибирским является мотив шаманского дерева (приложение № 2: карта 2). Его суть заключается в том, что становление, последующая жизнь и смерть шамана так или иначе связаны с определённым деревом. Во-первых, на дереве выращиваются шаманские души шаманов (вилюйские якуты [Ксенофонтов 1992а: 62-65], ср. у центральных якутов [Ксенофонтов 1992а: 41-42, 50, 52] и нижнетунгусских эвенков [Ксенофонтов 1992а: 91-93]), либо духи вешают на деревья голову и конечности рассечённого неофита (центральные якуты [Ксенофонтов 1992б: 167-168]). Во-вторых, шаманы рождаются около лиственницы (центральные якуты [Ксенофонтов 1992а: 80-81]), либо шамана-младенца на ней находят (подкаменно-тунгусские эвенки [Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18)]). В-третьих, возле дерева происходит передача шаманского дара (прибайкальские буряты [Сказания бурят 1890: 123-124 (текст LI); Агапитов, Хангалов 1958: 363-364]). В-четвёртых, дерево может являться будущему шаману во сне и давать указания (эңцы [Лабанаускас 2002б: 219-223], нанайцы [Шимкевич 1896: 8-11; Лопатин 1922: 237-238; Сем 1996: 134-136; Тураев 2003: 183]). В-пятых, к лиственнице бывают привязаны шаманские духи-помощники (долганы [Попов 1937: 59-62], ср. у кетов [Анучин 1914: 64]), на дереве или около него хранятся шаманские принадлежности (якуты (либо долганы) [Васильев 1910: 286], буряты [Михайлов 1996: 62-63], нанайцы [Лопатин 1922: 237-238; Сем 1996: 134-135]). В-шестых, с помощью дерева шаман превращается в животное

(буряты [Потанин 1883: 168]). И, наконец, в-седьмых, мотив представлен в текстах о смерти шаманов: её признаком становится сломанное дерево (ненцы [Лехтисало 1998: 119], кеты [МЛЭ 2009: Ю.М. Сутлин], эвенки юга Якутии [Романова, Мыреева 1971: 321-322 (тексты 10, 11)], ср. в якутской легенде [Эргис 1960: 259-262 (текст № 182)]), дерево вырастает на шаманской могиле (теленгиты [Потанин 1883: 327-328 (текст 77a)]) или на голове умершей шаманки (нганасаны [Грачёва 1981: 73-74]), выросшая шаманская лиственница (*кам тыт*) является перевоплотившимся умершим шаманом (теленгиты [Яданова 2006: 95 (текст № 8)]), либо его душа обитает в лиственнице (центральные якуты [Ксенофонтов 1992б: 241-242]). Таким образом, мотив шаманского дерева распространён в Западной (энцы, ненцы, нганасаны, долганы, кеты), Южной (теленгиты, буряты), Восточной (якуты, эвенки) Сибири и на Дальнем Востоке (нанайцы)¹¹.

Широкой дистрибуцией обладают тексты, в которых отмечаются аномалии в анатомии шамана (приложение № 2: карта 3). Мотив выражается в наличии особенных, часто животных, черт в облике магического специалиста и его внутреннем строении. Такие шаманские легенды записаны у нганасан (волчий хвост [Попов 1984: 50, 109; Добжанская 2010: 203]), алтайцев (обросшее шерстью сердце, что-то в пальце [Анохин 1924: 125]), разных групп якутов (всё тело состоит из «гадов» [Припузов 1884: 64; Приклонский 1891: 52; Lewitzky 1957: 35]; сросшиеся пальцы [Ксенофонтов 1992а: 68; 1992б: 197, 207]; один глаз находится посередине лба, другой – много ниже [Ксенофонтов 1992б: 156-158]; имеется *ойбон* – отверстие в теле, закрытое сверху кожаной перепонкой [Попов 2006: 41-42]) и орочей (медвежьи волосы на спине, «крылья на руках») [Березницкий 1999: 112]¹².

¹¹ О шаманском дереве в обрядовой сфере см., напр., [Шашков 1864: 25; Анисимов 1958: 192; Крейнович 1973: 441, 446].

¹² Ср. в ненарративных материалах:

Кеты: человек, которому суждено стать шаманом, от рождения имеет на черепе особый знак долголетия [Алексеев 1981: 97].

Пансибирским в полном смысле слова является мотив шаманских метаморфоз, который зафиксирован во всех пяти ареалах (приложение № 2: карта 4). Шаман способен превращаться в различных птиц (энцы [Лабанаускас 2002б: 95-99, 158-165; Функ 2008: 187 (№ 68/93)], нганасаны [Долгих 1976: 59-60 (текст № 16)], долганы [Попов 1937: 54-57; Ефремов 2000: текст 28], кеты [Алексеенко 1981: 114; 2001: 84 (текст 30); 104-106 (текст 45)], илимпийские эвенки [Васильев 1936: 255], «абаканские татары» [Катанов 1907: 449-451 (текст 438)], хакасы [Кузнецова-Ярилова 1909: 141-142 (текст I)], алтайцы [Подузова, Сагалаев 1983: 111-112], прибайкальские [Михайлов 1996: 75-77] и забайкальские [Герасимова 1969: 127-128] буряты, якуты [Эргис 1960: 264-267 (текст № 184); Кулаковский 1972б: 284 (текст № 9); Ксенофонтов 1992а: 83-84; 1992б: 208, 228-236; Худяков 2002: 85-86, прим. 7; Balzer 1996: 307], орочи [Березницкий 1999: 130-131 (текст № 32)], нивхи [Отаина 2010: 57-58 (текст I.10)], чукчи [Богораз 1899: 267; 1939: 122, 141; Вдовин 1981: 208]) и млекопитающих (ненцы [Попов 1944: 94; Турутина 2000], хакасы [Кузнецова-Ярилова 1909: 141-142 (текст I)], буряты [Потанин 1883: 168], якуты [Эргис 1960: 264-267 (текст № 184); Ксенофонтов 1992а: 62-65, 81-83, 85-87; 1992б: 197-198, 229-230, 232-236; Попов 2006: 415; Balzer 1996: 309], тундренные юкагиры [Vogoras 1918: 20-21], чукчи [Вдовин 1981: 208], эскимосы-юпик [Крупник 2000: 476-478], ительмены [Орлова 1999: 135-136], нивхи [Таксами 1977: 105-106], нанайцы [Лопатин 1922: 202 = Сем 2006: 494-496; Смоляк 1991: 59], ульчи [Смоляк 1991: 59; Портнова 2008: 39]), насекомых (кеты [Алексеенко 1981: 114

Хакасы: шаманом может стать только тот претендент, который обладает лишней костью – «артых сёок» [Бутанаев 1992: 55].

Тувинцы: сильных шаманов узнавали по внешнему виду – их нижнее веко было вывернуто и имело красный цвет [Дьяконова 1981: 159].

Виллюйские якуты: у некоторых шаманов имеется *киэли* – особое помещение в животе, куда шаман втягивает *абааны* больного, а также выпускает различных духов для общения с ними [Попов 2006: 42].

(прим. 122); 2001: 108-110 (текст 47)], прибайкальские буряты [Бохоли-Хара 1880; Моргон-Хара 1880; Дамеев 1927; Михайлов 1996: 63-64; Curtin 1909: 111-113; Lewitzky 1957: 35-36], центральные якуты [Ксенофонтов 1992б: 200, 208], чукчи [Богораз 1899]) и пауков (якуты [Эргис 1960: 264-267 (текст № 184)]), а также рыб (хакасы [Кузнецова-Ярилова 1909: 141-142 (текст I)], тундренные юкагиры [Vogoras 1918: 20-21]). Шаман может становиться духом-невидимкой (подкаменнотунгусские эвенки [Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18)]), превращаться в неживой объект (алтайцы [Потанин 1881: 172 (текст 31б); Никифоров 1915: 238-239; Подузова, Сагалаев 1983: 111-112], якуты [Эргис 1960: 259-262 (текст № 182), 297-301 (текст № 198)]) и различные стихии (долганы [Попов 1937: 51-54], центральные [Эргис 1960: 259-262 (текст № 182)] и вилуйские [Эргис 1960: 297-301 (текст № 198)] якуты), осуществлять неполные метаморфозы (сымские эвенки [Василевич 1936: 90 (текст 72)], якуты [Ксенофонтов 1992а: 86-87]). Он также способен на множественные превращения, т.е. неоднократные метаморфозы, следующие одна за другой (хакасы [Кузнецова-Ярилова 1909: 141-142 (текст I)], долганы [Попов 1937: 51-54], якуты [Эргис 1960: 264-267 (текст № 184); 297-301 (текст № 198)], тундренные юкагиры [Vogoras 1918: 20-21], чукчи [Богораз 1899: 265-266]).

Следующий пансибирский мотив – шаманская неуязвимость (приложение № 2: карта 5). В разных формах она представлена в легендах, которые записаны у энцев [Лабанаускас 2002б: 278-282], ненцев [Прокофьева 1953: 218], долган [Попов 1937: 62-64], кетов [Анучин 1914: 8; Алексеенко 1981: 115; Николаева 2006: 56-57], селькупов [Прокофьева 1981: 42], подкаменнотунгусских [Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18)] и каларских [Пинегина и др. 1952: 85-86] эвенков, алтайцев [Потанин 1881: 172 (текст 31 б); 1883: 289 (текст 63д), 290-291 (текст 64а); Синьковский 1883: 100; Соколов 1900: 298-300; Никифоров 1915: 238-239; Анохин 1924: 112-113, 128-129, 146; Подузова, Сагалаев 1983: 111-112], телеутов [Потанин 1883: 288

(текст 63б)], теленгитов [Потанин 1883: 291 (текст 64б), 293 (текст 64и)], тувинцев [Потанин 1883: 288 (текст 63а)], прибайкальских бурят [Потанин 1883: 289 (текст 63в), 290 (текст 63и); Манжигеев 1978: 22-23; Жамцарано 2001: 109; Curtin 1909: 111-113], якутов [Окладников 1949: 86 (текст № 18); Эргис 1960: 14-15 (текст № 85); Ксенофонтов 1992а: 68; Худяков 2002: 143], юкагиров [Лаптев 1975: 237-238] и чукчей [Богораз 1939: 108; Bogoras 1910: 35-36].

Пансибирский характер носит мотив манипуляций с органами и костями: шаман способен залечивать раны и производит различные манипуляции с органами и костями, как своими, так и других людей и животных (приложение № 2: карта 6). В долганской легенде шаман помогает больному тем, что заменяет сломанную берцовую кость на оленью [Попов 1937: 58-59]. В записи, сделанной у верхоянских якутов, шаман разрезает быка ладонью, достаёт из его сердца лягушку и затем заживляет рану [Худяков 2002: 79]. У тех же якутов встречается легенда о шамане, который, прежде чем улететь с перелётными птицами, достал свои внутренности и оставил их на хранение жене [Худяков 2002: 85-86, прим. 7] (см. также [Кулаковский 1972б: 284 (текст № 9)]). Она не сумела их сохранить, поэтому её муж погиб. В Качикатском наслеге бытовал текст о шамане, который за место вырванной нижней челюсти вставил себе телячью, а вместо пострадавшего глаза – глаз собаки [Эргис 1960: 267-270 (текст № 185)] (ср. [Ксенофонтов 1992а: 58-60]). Аналогичные замены глаз людей и животных осуществляются как ответ на вызов в орочских [Березницкий 1999: 144-145 (текст № 4)] и нанайских [Киле 1996: 426-427 (текст № 63)] легендах. Манипуляция чужими частями тела встречается в качестве демонстрации силы в бурятских [Сказания бурят 1890: 123-124 (текст LI)] и якутских [Худяков 2002: 143] источниках, а у «инородцев Анадырского края» (чуванцев или чукчей) этот мотив обнаруживается в тексте о противоборстве шаманов [Дьячков 1893: 128-129] и в рассказе о разозлённом чукотском шамане, который отрезал свой язык, но в

итоге вернул его на место [Дьячков 1893: 131-132; Вдовин 1981: 211]. Мотив встречается во всех ареалах Сибири; общая картина его распределения имеет следующий вид: долганы [Попов 1937: 58-59], прибайкальские буряты [Сказания бурят 1890: 123-124 (текст LI); Румянцев 1969: 87 (прим. 1); Жамцарано 2001: 86], северные [Кулаковский 1972б: 284 (текст № 9); Худяков 2002: 79; 85-86, прим. 7, 143], вилюйские [Попов 2006: 55, 405] и центральные якуты [Эргис 1960: 267-270 (текст № 185)] (ср. [Ксенофонтов 1992а: 58-60]), «инородцы Анадырского края» (чуванцы или чукчи) [Дьячков 1893: 128-129], чукчи [Дьячков 1893: 131-132; Вдовин 1981: 211], орочи [Березницкий 1999: 144-145 (текст № 4)], нанайцы [Киле 1996: 426-427 (текст № 63)].

Во все ареалах Сибири распространён мотив управления стихиями (шаман влияет на погоду, управляет водой, снегом, градом, ветром, вызывает землетрясение и т.д.) (приложение № 2: карта 7). Материалы с ним известны у энцев [Лабанаускас 2002б: 158-165, 196-202], долган [Попов 1937: 54-57], кетов [Алексеенко 1981: 121], «абаканских татар» [Катанов 1907: 629 (текст 123)], алтайцев [Анохин 1924: 24], прибайкальских бурят [Curtin 1909: 111-113], баргузинских орочёнов [Малых 1924/1936: 270 (текст 7)], разных групп якутов [Приклонский 1890: 169; Ксенофонтов 1992б: 226-228; Бравина, Илларионов 2006: 18-19; Попов 2006: 416; Романова 2008: 313; Balzer 1996: 307] (ср. [Попов 2006: 32]), нанайцев [Лопатин 1922: 237-238, 254; Сем 1996: 134-135; Булгакова: 2004: 201], ульчей [Портнова 2008: 34], чукчей [Богораз 1899: 266; Трощанский 1904: 113 (со ссылкой на: Аргентов 1857); Вдовин 1981: 189-190, 198] и чуванцев [Дьячков 1893: 132]¹³.

¹³ См. также чукотское заклинание, записанное от шамана и предназначенное для укрощения непогоды [Богораз 1939: 166 (текст 4); Вдовин 1981: 189]. Ср. у **эскимосов**: шаманы учат молодых людей заклинаниям, часть которых использовалась для воздействия на погоду [Теин 1981: 231]. Мотив шаманского управления стихиями распространён и в Монголии. См., напр, в намтаре Нейджи-Тойна [Пурбуева 1984: 65 (л. 39а, б); Heissig 1953: 522], у **халха-монголов**: около Таин-Дерке шаманы (*бо*) столь могущественны, что сводят

Другим пансибирским мотивом является воскрешение шаманом мёртвых людей, которое происходит в легендах нганасан [Долгих 1976: 92-98 (текст 23)], долган [Попов 1937: 64-66; Ефремов 2000: текст 26], кетов [Анучин 1914: 7], селькупов [Прокофьева 1981: 60], прибайкальских бурят [Шашков 1864: 81; Румянцев 1969: 86-87; Curtin 1909: 111-113; Lewitzky 1957: 35], непских эвенков [Василевич 1936: 74 (текст 56)], центральных [Припузов 1884: 64; Приклонский 1891: 52; Lewitzky 1957: 35] и вилюйских [Ксенофонтов 1992б: 189-193; Попов 2006: 57] якутов, чукчей [Богораз 1899: 263-267; Вдовин 1981: 197-198], нанайцев [Киле 1996: 426-427 (текст № 64)] (приложение № 2: карта 8). Широко распространён также мотив воскресшего шамана. Он зафиксирован у долган [Попов 1937: 59-62], алтайцев [Анохин 1924: 125], центральных якутов [Эргис 1960: 267-270 (текст № 185); Ксенофонтов 1992а: 58-60], чукчей [Bogoras 1910: 36-42] и нанайцев [Лопатин 1922: 255; Киле 1996: 426-427 (текст № 64)] (приложение № 2: карта 9).

Шаман способен предсказывать будущее (приложение № 2: карта 10). Материалы с этим мотивом записаны у кетов [МЛЭ 2009], сымских [МЛЭ 2009] и верхнеленских [Василевич 1936: 75 (текст 57)] эвенков, «туруханских инородцев» [Третьяков 1869: 424-425], хакасов [Кузнецова-Ярилова 1909: 142-144 (текст II)], теленгитов [Потанин 1883: 293 (текст 64е)], прибайкальских бурят [Сказания бурят 1890: 123-124 (текст LI); Жамцарано 2001: 86], северных [Окладников 1949: 86 (текст № 18); Худяков 2002: 78, прим. 3] и центральных [Эргис 1960: 251-258 (текст № 181)] якутов, юкагиров [Лаптев 1975: 237-238], чукчей [Вдовин 1981: 198], ительменов [Орлова 1999: 135-136] и нанайцев [Киле 1996: 426-427 (текст № 64)].

Жизнь сибирского шамана наполнена бесконечными поединками. В отличие от первого шамана, шаман-потомок, как правило, не соперничает открыто с богами высших уровней. В качестве его основных противников

молнию с неба [Потанин 1883: 293 (текст 64з)]; у **дархатов**: разозлённая шаманка вызывает гром, тот разрушает гору [Санжеев 1930: 47; 1931: 106].

выступают духи болезней и различные магические специалисты. Мотив противодействия болезням и прочим духам является памирским (долганы [Попов 1936: 105-106], кеты [Анучин 1914: 8], хакасы [Бурнаков 2007: 102; Бутанаева 2007: 111], прибайкальские буряты [Затопляев 1890: 3; Михайлов 1996: 75-77; Жамцарано 2001: 64; Curtin 1909: 111-113], илимпийские эвенки [АЛАЛС], якуты [Третьяков 1869: 425; Ксенофонтов 1927: 69; 1992а: 56-57, 81-82, 85-87; 1992б: 199, 225, 242-244; Эргис 1960: 297-301 (текст № 198); 302 (текст № 200); Гурвич 1974; Попов 2006: 414], нанайцы [Лопатин 1922: 327-328], чукчи [Богораз 1899; 1939: 138-139; Вдовин 1981: 211; Bogoras 1910: 18-25, 100-107, 199-122], эскимосы-инуит [Bogoras 1913: 435-436]). Мотив шаманских поединков, т.е. столкновений между магическими специалистами носит тот же статус и распространён во всех ареалах (ненцы [Лехтисало 1998: 95-96; Турутина 2000], долганы [Попов 1937: 51-54], кеты [Donner 1933: 75, 77], сымские [Василевич 1936: 90 (текст 72)] и подкаменнотунгусские [Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18)] эвенки, «абаканские татары» [Катанов 1907: 282-285 (текст 196), 451 (текст 439)], хакасы [Кузнецова-Ярилова 1909: 141-142 (текст I); Бутанаева 2007: 108, 112], телеуты [Батьянова 1995], шорцы [Дыренкова 1930: 279 (прим. 1)], тувинцы [Дьяконова 1981: 151 (прим. 51), 159; Кенин-Лопсан 1987: 37-38, 79-83], прибайкальские буряты [Потанин 1883: 128; Румянцев 1969: 86-87; Жамцарано 2001: 110; Пурбуева 2009: 255; 2010: 17], якуты [Корнилов 1910: 85; Эргис 1960: 259-262 (текст № 182), 264-267 (текст № 184); Ксенофонтов 1992а: 52, 69-71, 82-83; 1992б: 160-165, 197-198, 229-236, 241-242; Худяков 2002: 79, 145-146; Бравина, Илларионов 2006: 18; Попов 2006: 42-43, 57; Романова 2008: 312; Balzer 1996: 309], чукчи [Богораз 1899; 1939: 106, 122, 126, 132-133, 141; Вдовин 1981: 188-189, 211; Bogoras 1910: 14-17], «инородцы Анадырского края» (чуванцы или чукчи) [Дьячков 1893: 128-130], нанайцы [Смоляк 1991: 59-62; Булгакова 2001], удэгейцы [Арсеньев 1995: 178-179 (текст 21)], ульчи [Смоляк 1991: 59-62]) (приложение № 2: карта 11).

§ 2. Мотивы, локализованные в Западной, Южной и Восточной Сибири

§ 2.1. Западная Сибирь – Южная Сибирь – Восточная Сибирь

В сюжетно-мотивном составе шаманских легенд выделяется набор мотивов, которые сконцентрированы в трёх ареалах: в Западной, Южной и Восточной Сибири. Часть мотивов сосредоточена вокруг темы происхождения шаманизма. Тексты о первых шаманах широко зафиксированы в Сибири (приложение № 2: карта 12). Мне известны материалы, собранные у ненцев [Лар 2001: 188-205. Цит. по: Берёзкин 2011], нганасан [Попов 1984: 44-45; Симченко 1996: 56-59, 65-67, 74-75], кетов [Анучин 1914: 7-8, 14, 16, 23; Финдейзен 1929: 130-131; Ошаров 1936а: 106-109; Дульзон 1964: 188-195; Николаев 1985: 123 (прил. 2); Алексеенко 1981: 97 (прим. 37), 101 (прим. 56); 2001: 103-116 (тексты 44-51); Николаева 2006: 24-26, 43, 51-53; Donner 1933: 88, 93-94; 1955: 17, 37], енисейских [Ошаров 1936а: 21 = Ошаров 1936б: 280 (текст 12); Анисимов 1958: 179-182] и ербогаченских [Пежемский 1936: 272-273 (текст 1)] эвенков, «туруханских инородцев» [Третьяков 1869: 424-425], хакасов (качинцев) [Штернберг 1925: 733], алтайцев [Ландышев 1886: 330-331 = Вербицкий 1893: 103 (текст 9); 1887: 75 (s.v. *Янгара*), 123 (s.v. *Кам*); Анохин 1924: 18], тубаларов (черневых татар) [Клеменц 1890: 35], кумандинцев [Алексеев 1984: 57], тувинцев [Потанин 1883: 288 (текст 63а), 289-290 (текст 63з)], прибайкальских [Шашков 1864: 81; Бохоли-Хара 1880; Моргон-Хара 1880; Потанин 1883: 265 (текст 53г), 290 (текст 63и); Сказания бурят 1890: 123-124 (текст LI); Балдунников 1927; Дамеев 1927; Цыбиков 1927: 64; Агапитов, Хангалов 1958: 300 (прим.), 325, 363-364, 365; Хангалов 1890: 16; Хангалов 1960а: 130; Хангалов 1960б: 140-143; Румянцев 1955: 263 (прим. 42); Варламов 1995: 6; Михайлов 1996: 63-64; Кульганек 2000: 142-143 (№ 80), 293 (№ 276); Жамцарано 2001: 66, 73-74; Curtin 1909: 105; Harva 1938: 543-544; Lewitzky

1957: 35-36] и забайкальских [Сказания бурят 1890: 122-123 (тексты La, б)] бурят, разных групп якутов [Припузов 1884: 64; Приклонский 1890: 28-30; 1891: 52; Васильев 1910: 286; Попов 1947: 290; 2006: 31-32, 44; Алексеев и др. 1995: 52-55 (текст 2, блок 8, 10); Lewitzky 1957: 35], баргузинских орочёнов [Малых 1924/1936: 270 (текст 9)], коряков (см. [Мелетинский 1979: 33-79]), нанайцев [Трусов 1884: 448-449; Шимкевич 1896: 9-11; Лопатин 1922: 237-238; Штернберг 1925: 734-735; 1933: 455-457, 471-472, 484, 488, 492-495; 519-520; Смоляк 1991: 233; Сем 1996: 135-136; Тураев 2003: 183] и уйльта [Васильев 1929: 20-21]. По-видимому, речь о первом шамане идёт и в нарративах, записанных у ненцев [Лабанаускас 1995: 15-17; Лехтисало 1998: 10-12], непских (киренских) эвенков [Василевич 1936: 74 (текст 56)], эвенов [Роббек, Дуткин 1978: 156-157], орочей [Маргаритов 1888: 29] и чукчей [Vogoras 1910: 34-42 (текст 4)], хотя эксплицитно его статус в них не выражен.

В Западной Сибири, Северо-Восточной Азии и на Дальнем Востоке возникновение шаманизма обычно связано с культурным героем эпохи первотворения (Дяйба-нгуо и Нейминьг у нганасан, Ворон у коряков, Хадау у уйльта и т.д.), для которого статус первого шамана является лишь одной из многих других функций. Для Южной и Восточной Сибири эта черта не характерна. Здесь распространены легенды, в которых первый шаман является *исключительно первым шаманом*, т.е. магическим специалистом, обладающим великой силой, но не принимающим участия в космогонических событиях.

Порой первый шаман соперничает непосредственно с божествами высших уровней (божеством неба и божеством нижнего мира либо с одним из них). Этот мотив зафиксирован в Западной Сибири у ненцев [Лехтисало 1998: 11-12] и кетов [Анучин 1914: 7-8, 14; Финдейзен 1929: 130-131; Алексеенко 2001: 103-104 (текст 44), 107-110 (тексты 46-47), 113-116 (тексты 50, 51)], в Южной Сибири у алтайцев [Потанин 1883: 290-291], кумандинцев [Алексеев 1984: 57, со ссылкой на архив] и прибайкальских бурят [Шашков 1864: 81;

Бохоли-Хара 1880; Моргон-Хара 1880; Балдунников 1927: 68; Дамеев 1927: 69-70; Михайлов 1996: 63-64; Жамцарано 2001: 73–74; Lewitzky 1957: 35-36], в Восточной Сибири у непских (киренских) эвенков [Василевич 1936: 74 (текст 56)] и центральных якутов [Припузов 1884: 64; Приклонский 1891: 52; Lewitzky 1957: 35].

Из-за соперничества с богами или по другой причине первый шаман устраняется из мира людей и лишается сил (либо одно из двух); часто указывается, что из-за этого жизнь людей ухудшается. Данный мотив встречается у ненцев [Лехтисало 1998: 11-12], кетов [Анучин 1914: 7-8, 54; Финдейзен 1929: 130-131; Дульзон 1964: 192-195; Алексеенко 1981: 97 (прим. 37); 2001: 104-106 (текст 45), 107-108 (текст 46); Николаева 2006: 24-26, 51-52; МЛЭ 2009; Donner 1933: 94] (ср. юги [Иванов, Топоров 1965: 137-138]) и селькупы [Пелих 1998: 67-68. Цит. по: Берёзкин 2011], см. также кетский текст без указания имени шамана [Ошаров 1936а: 106-109 = Николаева 2006: 43]), непских (киренских) эвенков [Василевич 1936: 74 (текст 56)], прибайкальских бурят [Шашков 1864: 81; Моргон-Хара 1880: 88-89; Бохоли-Хара 1880: 90; Балдунников 1927: 68-69; Дамеев 1927: 70; Михайлов 1996: 64; Жамцарано 2001: 73-74; Lewitzky 1957: 35-36] и центральных якутов [Припузов 1884: 64; Приклонский 1891: 52; Lewitzky 1957: 35]:

Кеты: шаман Дох поднялся на небо так стремительно, что его *ульвей* упал; *кыньси* схватили *ульвей* и унесли на Мёртвый остров; Хосадам хотела его съесть, но сломала себе зуб; Хосадам прибила *ульвей* к дереву; утратив *ульвей*, Дох вынужден был уйти на небо; он встал на бубен, который превратился в облако, и стал подниматься на небо; люди заплакали; Дох снял свой шаманский плащ, бросил его своей внучке, которая была его помощницей при камлании, и сказал: «Теперь она будет шаманить вам» [Анучин 1914: 7-8].

Кеты: из-за неудачи Дога «Хосадам нас до сих пор таскает» [МЛЭ 2009: М.М. Ирикова].

Прибайкальские буряты: первый шаман Моргон-Хара нисколько не уступал и даже превосходил по силам Эрлэн-Хана; несколько раз злой дух похищал души людей и

заключал их в ад, но Моргон-хара возвращал души обратно; Эрлэн-Хан поднялся на небо и пожаловался Эсэгэ-Малан-Тэнгэри на шамана, который нарушает правило; Эсэгэ-Малан-Тэнгэри решил испытать Моргон-Хара, похитил душу одного человека и спрятал её в бутылку; шаман нашёл душу и затем, обратившись в осу, укусил Эсэгэ-Малан-Тэнгэри в лоб; тот от испуга ударил себя рукой по лбу, в это время шаман выхватил душу и отправился на землю; Эсэгэ-Малан-Тэнгэри рассердился и разделил хэсэ Моргон-Хара на две части; в итоге силы уменьшились не только у первого шамана, но и у всех шаманов, бывших после Моргон-Хара; Эсэгэ-Малан-Тэнгэри наказал Моргон-Хара – заставил его плясать на чёрном камне до тех пор, пока тело шамана совсем не сотрётся; Моргон-Хара до сих пор скачет на камне; чем больше стирается тело Моргон-Хара, тем хуже становятся шаманы; когда он совсем сотрётся, тогда у бурят шаманов не будет [Моргон-Хара 1880: 87-89]¹⁴.

В Западной, Южной и Восточной Сибири распространён мотив того, что некоторый шаман является родственником божества (мужем, сыном и т.д.). Фиксации известны у ненцев [Попов 1944: 91-92; Лехтисало 1998: 11-12], нганасан [Ламбер 1994], кетов [Donner 1933: 94; Алексеенко 1981: 118; 2001: 103-104 (текст 44); 107-108 (текст 46)], прибайкальских бурят [Жамцарано 2001: 74] и центральных якутов [Ксенофонтов 1992а: 80-81].

Агрессивность шамана по отношению к окружающим людям и животным выражается в насылании проклятий, которые подразумевают нанесение вреда, иногда смертельного, с помощью слов (заклинаний). На первый взгляд проклятия могут показаться действием тривиальным и повсеместно распространённым, однако судя по нарративным материалами это не так. Мотив шаманских проклятий присутствует только в тюрко-монгольских легендах, а именно тувинских [Дьяконова 1981: 160; Кенин-Лопсан 1987: 80-81], бурятских [Потанин 1883: 114; Герасимова 1969: 108-109; Михайлов 1996: 69], якутских [Эргис 1960: 251-258 (текст № 181); 259-262

¹⁴ Ср. у **забайкальских бурят**: «Удел всех шаманок и шаманов, как говорят, таков, что они до скончания веков должны блуждать, шаманить на том месте, где похоронены. Должны прыгать до тех пор, пока не скроется кончик косы под землёю. А уходит шаман в землю медленно, по одному пальцу в столетие» [Жамцарано 2001: 247].

(текст № 182); Балзер 1995; Худяков 2002: 145-146; Попов 2006: 412] и долганских [Попов 1937: 58-59] (приложение № 2: карта 13). Жертвами проклятий становятся как люди, так и животные:

Долганы: шаман Енмуча кочует вместе с младшим братом Сямям; они голодали; Енмуча увидел, что его духи-вороны очень далеко над чем-то кружатся; один из воронов сообщил шаману, что он не умрёт с голоду, если пойдёт в ту сторону; Енмуча волочит по земле за санками удочку с наживкой; на удочку попала рыба, которую братья съели; но рыба была без вкуса, она была шаманским наваждением; на следующий день встречаются двух оленей; братья упустили их; после неудачной погони Енмуча от досады трижды закричал, потом он нашёл погибшего оленя; Енмуча начал камлать; *айыы* гневается на шамана за то, что он, не обращаясь к нему, убил своим проклятием оленя; кочуя, братья дошли до места, где лежало множество упавших со скал оленей; братья начали питаться этим мясом; младший брат, Сямйя, становится сильным шаманом; если у кого ломалась берцовая кость, то он вставлял оленью; у Сямья был хороший олень-манщик, но его съел волк; вечером Сямйя помочился и трижды перепрыгнул это место, чокая губами; своего друга Бянгя шаман попросил караулить с ружьём; волк пришёл к саням, Бянгя его убил; Сямйя шаманит своему *айыы*; *айыы* гневается из-за того, что шаман, не сказав ему, убил ради своей досады; *айыы* обещает, что потомство шамана не разбогатеет, и ударяет его по руке; из-за этого железка над лучевой костью переломилась [Попов 1937: 58-59].

Прибайкальские (кудинские) буряты: шаман Маланак сидел со своими сородичами у дороги, по которой проезжали крестьяне с кладью; сородичи попросили шамана что-нибудь сделать с одной лошадью; шаман своими словами поразил её; душа лошади отправилась к своему творцу Солбону и пожаловалась, что её безвременно убил шаман; разгневанный Солбон пришёл к шаману во сне и начал бить его палкой по голове; душа шамана убежала в кузницу и легла в горн; Солбон ничего не мог сделать, так как шаман имел кузнечное *утха* [Михайлов 1996: 69].

Возможно, дистрибуцию мотива стоит очертить более узко – монголоязычные и наиболее связанные с ними тюркские традиции, – поскольку кроме бурят он распространён у тувинцев и якутов, которые монголизированы в высшей степени, что прослеживается в частности по лингвистическим источникам (см., напр., [Рассадин 1980: 65-90, 92; Иванов 1989]). Ещё одна легенда с шаманским проклятием записана у долган, а

якутский компонент в их этногенезе хорошо известен. Примеры из других традиций мне не известны.

Оговорюсь, я не имею в виду, что проклятия как жанр, образцы которого произносятся шаманами и другими людьми, характерны только для монгольских и подвергшихся их влиянию культур. Вопрос распространения этих текстов требует специального исследования с опорой на все доступные материалы. Замечу лишь, что краткие образцы якутских, тунгусских, остякских и самоедских проклятий были записаны ещё Г.Ф. Миллером [2009: 106-107], Н.Ф. Катанов слышал их у «абаканских татар» [1907: 236 (тексты 23-26), 591 (текст 95)], а В.Г. Богораз зафиксировал тексты злонамеренных заклинаний у чукчей [1939: 146-147, 152, 154, 173 (текст 10)]¹⁵.

Тем не менее, картина распространения проклятий, которая вырисовывается после массовой обработки шаманских легенд, является, на мой взгляд, показательной. Нарративы о шаманах, причиняющих вред с помощью слов, бытуют у вполне определённых этнических групп. К тому же мотив шаманских проклятий прослеживается у них за рамками прозы. Среди якутских материалов есть несколько объёмных проклятий, записанных в частности от шаманов [Мухоплева 1981]. У тувинцев зафиксированы развёрнутые тексты проклятий, исполняемые шаманами¹⁶, и песнопения, в

¹⁵ Ср. у эскимосов [Теин 1981: 231].

¹⁶ Аа, пусть проклятого съест аза,

Пусть сожрёт его детей,

Пусть оторвёт груди у его родителей,

Будь ты съеденным по частям!

Ой, пусть не будет у него потомства,

Ой, пусть будет одиноким, как кол,

Ой, пусть будет таким, как высохшее дерево [Кенин-Лопсан 1987: 118].

которых излагается история болезни, а вероятной причиной недуга называется опять-таки шаманское проклятие¹⁷.

Следующий мотив, локализованный в Западной, Южной и Восточной Сибири, – это шаманское трикстерство (приложение № 2: карта 14). Оно связано с действиями (хитростями) шамана, которыми тот провоцирует других персонажей на совершение выгодных для него поступков¹⁸. Такие легенды распространены на Среднем Енисее у югов [Werner 1997: 264 (текст 17)] и кетов [Николаева 2006: 70], в Прибайкалье у бурят [Шашков 1864: 81; Бохоли-Хара 1880; Моргон-Хара 1880; Балдунников 1927; Дамеев 1927; Михайлов 1996: 63-64; Lewitzky 1957: 35-36] и эвенков [Василевич 1936: 75 (текст 58)], в Лено-Алданском междуречье [Ксенофонтов 1992б: 199-201] и на Нижней Лене [Окладников 1949: 87 (текст № 19)] у якутов¹⁹.

В енисейских текстах трикстерство шамана выражается в наведении страха на врагов двусмысленной фразой:

Юги: тунгусы пришли убить юга-шамана; он сидел босым в своём чуме; тунгусы приказали ему выйти; он попросил немного подождать, ссылаясь на то, что всё равно будет убит ими; затем шаман сказал, что одевает пятерых людей, потом ещё пятерых; тунгусы, стоявшие снаружи чума, услышали это и подумали, что он шаман; они испугались; шаман надел свои сапоги и выпрыгнул из чума через дымовое отверстие; испуганные тунгусы побежали; взяв своё копье, шаман преследует их; он догоняет тунгусов и отрезает им

¹⁷ Может, это проклятие шамана,

Который громко кричит в тех аалах?

Может, это заклятие птицы-турпана,

Что кричит в полосатых тальниках? [Кенин-Лопсан 1987: 110-111].

Подробнее о тувинских проклятиях см. [Юша 2007]. Анализ некоторых проклинательных текстов, записанных у сибирских тюрок, представлен в [Мелетинский и др. 2010: 170-172]. Также они зафиксированы у бурят, см., напр., [Кульганек 2000: 130 (№ 66), 231-232 (№ 203)].

¹⁸ В определении трикстерства я следую за Е.С. Новик [1993].

¹⁹ Из работ, посвящённых трикстериаде в сибирском фольклоре, см. прежде всего [Мелетинский 1979: 149-174; Топоров 1987; Берёзкин 2003в].

пятки; тунгусы падают на землю, шаман говорит, что не станет пачкать кровью свою стрелу и убьёт их копьём; затем шаман убивает тунгусов [Werner 1997: 264 (текст 17)].

У югов и кетов шаман добивается своего с помощью мнимой угрозы, тогда как в эвенкийском и якутском текстах он, провоцируя оппонента, насылает видения. Действие в обоих легендах развивается по похожей схеме:

Непские (киренские) эвенки: шаман и мужчина пошли за дровами; шаман лёг на дерево и перед этим сказал мужчине, чтобы тот ударил его топором по больной спине; мужчина сначала не соглашался, потом ударил слегка, затем после уговоров шамана стал бить изо всей силы; шаман, сидя на пеньке, начал смеяться над мужчиной; мужчина посмотрел и увидел, что всё дерево разбито топором [Василевич 1936: 75 (текст 58)].

Северные якуты (Нижняя Лена): у шамана был знаменитый пёстрый конь; однажды он ехал на нём поздно вечером и повстречался с всадником, который предложил шаману поменяться конями; шаман взял чужого усталого коня, а своего отдал; шаман и человек разъехались; вечером жена того человека спрашивает о том, где его конь; вместо коня во дворе лежит коряга [Окладников 1949: 87 (текст № 19)].

Несмотря на разницу в исполняемых трюках, я склоняюсь к тому, чтобы рассматривать трикстерство шамана в качестве одного мотива, который, как уже было сказано, обладает ареальной приуроченностью. Не думаю, что в соответствии с поставленными целями и задачами стоит дробить его на несколько единиц, поскольку связи между традициями при таком масштабе будут плохо различимы. Главный герой сибирских шаманских легенд действует как трикстер не часто, а ареальное распределение этой его роли отражает общие тенденции. Здесь обнаруживаются связи енисейцев с монголами и монголизированными тюрками, а также близкими к Прибайкалью группами эвенков.

Как уже было сказано, идея шаманских метаморфоз является пансибирской. Однако некоторые мотивы, чьё бытование она провоцирует, встречаются не повсеместно. К примеру, мотив неузнанного шамана зафиксирован лишь у тюрко-монголов и енисейцев. Суть мотива в том, что шамана в облике птицы или иного носителя шаманского дара в том же виде, прилетевшего к людям с добрыми намерениями (во всяком случае, без злого

умысла), не узнают и пытаются убить, убивают либо игнорируют²⁰. В Сибири он распространён у кетов [Финдейзен 1929: 130-131; Дульзон 1964: 188-195; Алексеенко 2001: 107-108 (текст 46), 112-116 (тексты 49, 50, 51); Donner 1933: 94], хакасов [Бутанаева 2007: 111], прибайкальских бурят [Сказания бурят 1890: 123-124 (текст LI); Дамеев 1927: 69; Агапитов, Хангалов 1958: 363-364; Хангалов 1960 б: 141-142; Манжигеев 1978: 57] и среднеколымских якутов [Balzer 1996: 307] (приложение № 2: карта 15)²¹:

²⁰ Ср. текст унгинских бурят о филине, который защищал ребёнка, но по недоразумению был убит его матерью. Данный сюжет, вероятно, восходит к притче о женщине и мангусте из «Панчатантры» [Цендина 2003: 388].

²¹ Ср. нганасанские и ненецкие записи:

Нганасаны: [тунгусы нападают на семью нганасанского шамана; убивают детей; шаман исчезает, остаётся только одежда] через много лет сын нганасанского князя ходил охотиться вместе с одним человеком. Вдруг они увидели на небе летающую птицу. Она была какая-то странная. Чем ближе она летела над ними, делая круги, тем все больше становилась похожей на человека. Спутник сына князя оказался родственником исчезнувшего шамана. «Уж не дед ли, давай закричу», – сказал он. «Нет, подождем, молчи», – унял его сын князя. Тот не послушался и закричал. К их ногам упал человек. Он был голый – весь униженный тунгусскими стрелами, как птица перьями. В нем узнали исчезнувшего шамана. Шаман сказал: «Плохо сделали, что позвали меня, я сейчас умру». Стал умирать и позвал свою собаку. С восточной стороны прибежала огромная собака с белым ошейником, легла у его ног и пропала. Позвал своего оленя. Пришел бело-пестрый олень, некогда забодавший четырех тунгусских богатырей, пег рядом и умер. Так рассказывают люди [Попов 1984: 20-21]. См. также текст о Шаман-озере, которое находится на территории кочевания вадеевских нганасан: «В старину на этом озере поймали пёстро́го гуся необыкновенной величины, не убили его и отпустили, решив, что это был гусиный шаман. С тех пор озеро и стало называться Шаман-озеро» [Попов 1984: 53].

Ненцы: ...позднее Ганька рассказывал, что выстрелил так потому, что семь лет назад, когда он путешествовал с громами и посетил также старого Микулая, то по возвращению домой, прибыв к дымовому отверстию, чуть не был задушен своими родственниками, которые приняли его за проникшего в чум злого духа. Так как они не могли его убить, то подвязали шкурку горноста́я, чтобы он узнал пришельца. Но тот его не узнал, а духи

Кеты: *dōg* женился на *hoze.dām*, которая была дочерью женщины из загробного мира; по какой-то причине они должны были отправиться на небо; по пути женщина родила мальчика (*do'de-hip*); они встретили двух чудовищ (гром) и семерых других чудовищ, которых убили *пальмой*; последнее чудовище, которое было матерью грома и меньшим по размеру, оказалось худшим противником; чум мужа и жены был сожжён и они вместе с ним; мальчик полетел, спустился вниз и превратился в гагару с чёрным горлом; перед смертью отец указал сыну на свою реку; та река – это река *kios siès* наших дней, на которой люди приносят жертвы и где живут сильнейшие шаманы; упавший мальчик кричал, спрашивая где река; незнакомые люди убили его как обычную гагару, а затем съели; после этого все они, и мужчины, и женщины, забеременели; все мужчины погибли из-за этого; женщины родили детей, которые все стали шаманами; таким образом шаманы были принесены в этот мир; от духа гагары все остальные были рождены; именно поэтому шаман никогда не ест гагару с чёрным горлом [Donner 1933: 94].

Хакасы: герой Хыяр заболел во время охоты в тайге; родители пригласили шамана узнать о судьбе сына; шаман прилетел к стрелку Хыяру в образе филина; стрелок, испугавшись оборотня, застрелил ночную птицу; шаман, камлавший в юрте, в тот же момент скончался [Бутанаева 2007: 111].

Северо-восточные (среднеколымские) якуты: шаман *Parilor* решил посетить своего друга *Kharkha* из деревни *Khatingnaakh*; он прилетел как тетерев-глухарь и сел прямо на крышу *Kharkha*; вышедший из дома *Kharkha* увидел терева-глухаря, смотрящего на него; *Kharkha* схватил ружьё, приготовился стрелять, но птица улетела; через несколько дней шаман, будучи несколько обиженным, но улыбающимся, посетил дом своего друга и спросил, зачем тот пытался застрелить его позавчера [Balzer 1996: 307]²².

Ганьки застрелили его. Поскольку тогда духи стреляли в шкурку горноста, он тоже теперь должен в неё пострелять [Лехтисало 1998: 120].

²² См. запись из Восточного Туркестана и китайскую легенду с тем же мотивом:

Жёлтые уйгуры: главное шаманское божество *кан теңір* сначала появилось среди тангутов; тангуты плохо обращались с божеством и даже прогнали его от себя, бросая в него камни из пращей; небесное божество удалилось в Зурские горы и, остановившись у реки, плакало; услышав ржание лошади, божество отправилось на поиски его хозяина; божество спустилось в местечко по имени *nai-güz*; там одна старуха взбивала из молока масло и заснула; к ней с шумом спустилось божество шаманов; оно выхватило из рук старухи мех с молоком и с силой ударило им в стену жилья; при таких обстоятельствах

Рассказы о шаманских фокусах во время камланий популярны, видимо, по всей Сибири, но некоторые конкретные чудеса обладают локальной дистрибуцией. Одной из таких демонстраций шаманских сил является наводнение в жилище и появление в нём рыбы. Мотив встречается у нганасан [Симченко 1996а: 201], долган [Попов 1937: 54-57], прибайкальских бурят [Жамцарано 2001: 109-110] и виллюйских якутов [Бравина, Илларионов 2006: 16-17; Попов 2006: 36, 55], а также зафиксирован у русского населения Енисейской губернии [Чеканинский 1914: прим. 35]:

Нганасаны: шаман во время камлания ушёл под землю, оттуда хлынула вода, несколько человек успели выбежать из чума, остальные утонули там [Симченко 1996а: 201].

Долганы: осенью шаман заставил людей поставить чистый чум, начал камлать в нём, вызывая снег и дождь; внутри чума побежали реки, заиграли рыбы; когда люди опомнились, ни воды, ни рыбы, ни шамана не было [Попов 1937: 54-57].

Прибайкальские буряты: шаманка Модон пустила в присутствии чиновников воду из окна в комнату; потекла она, словно река, а в ней *омули, омули...* один другого жирнее; чиновники поймали по рыбе; потом оказалось, что они держались за свои члены [Жамцарано 2001: 109-110].

Виллюйские якуты: шаман Спиридон попал в тюрьму и показывал там чудеса: он внезапно оказывался в другой камере; комнату, где вёлся допрос, заполнял водой; шубы

божество-шаман вселилось в старуху; с того времени появились женщины-шаманки; затем люди изменили этому порядку и завели шаманов-мужчин [Малов 1912: 62].

Китай: между прочим рассказывают, что он [Лу Бань, покровитель плотников и строителей. – *Е. Д.*] вырезал из дерева сороку, которая, улетев, не спускалась 3 дня. Затем, для своей матери он сделал деревянного кучера и когда пускали в ход механизм, то экипаж тотчас же двигался (ходил). По другой версии он сделал не сороку, а деревянного коршуна, на которого сел его отец и прибыл на нём в У-хуй, где местные жители, приняв его за нечистую силу, умертвили. Тогда, разгневанный Лу-бань сделал из дерева бессмертного гения, который, поднятыми руками, указывал на ЮВ., вследствие этого У'ская земля была поражена трёхлетней великою засухой. Гадатель сказал, что это сделано Лу-банем. У'сцы послали ему подарки с повинною; Лу-бань отрубил у гения одну руку и в У пошёл большой дождь [Попов 1907: 64] (см. также [Рифтин 1988]).

превращал в медведя и волка, которые дрались между собой; проходил сквозь бревенчатые стены [Бравина, Илларионов 2006: 16-17].

Виллойские якуты: старинные шаманы наводняли юрту и наполняли её карасями; когда люди, взяв рыбу и нож, готовились чистить, то оказывалось, что ни воды, ни карасей нет, и они сидели, держа одной рукой нож, другой свои penis-ы [Попов 2006: 36, 55].

Другой примечательный мотив можно условно назвать «Отложенная беременность». Он заключается в том, что беременную шаманку уговаривают либо заставляют камлать, она соглашается и достаёт из живота ребёнка (иногда – двойню), который на время остаётся в животе мужа, в простой одежде, в коробочке либо над входом в юрту. Этот мотив распространён у нганасан [Симченко 1996а: 66-67, 75], подкаменнотунгусских эвенков [Василевич 1966: 149-150, 306-307 (текст № 20)] и прибайкальских бурят [Румянцев 1969: 86-87; Жамцарано 2001: 109-110] (приложение № 2: карта 16):

Нганасаны: шаманка Нейминьг забеременела от духов; люди попросили её пошаманить; она сначала отказывается, затем соглашается; парку сняла, живот пропал; время подошло – двух парней родила; они сразу шаманить стали; Нейминьг решила идти гостевать к своим Матерям; сыновья ей помогали; они шаманили; по дороге к Матерям старшего сына убили в воде семь людей на медных ветках [Симченко 1996а: 66-67].

Нганасаны: беременную шаманку из рода Нейминьг просят покамлать большие шаманы; она снимает парку, сворачивает её и просит не трогать; одевает шаманскую парку, начинает прыгать; живот у неё совсем пропал; вернулась потом, парку простую одела; живот опять появился; после неё все шаманы меньше силой стали [Симченко 1996а: 75].

Подкаменнотунгусские эвенки (Байкитский р-н, Эвенкийский национальный окр., Красноярский край): шаманка Деерок была беременной; её уговорили пошаманить над одним больным ребёнком; Деерок начала камлать, а плод из своего живота с помощью духов-помощников переложила в живот мужа; шаманка вылечила больного ребёнка, затем взяла плод от своего мужа; во время родов она сошла с ума, её испортили духи; они испортили и двух детей шаманки, которые тоже стали сумасшедшими; с тех пор Деерок перестала перевоплощаться, перестала шаманить, будучи беременной [Василевич 1966: 149-150, 306-307 (текст № 20)].

Прибайкальские (идинские) буряты: первый хордутский шаман Долhoto-Зогдор, прослышав о шаманке Мудай, отправился к ней в Обусу; подъезжая к юрте Мудай, он превратил коня во льва, а сзади на поводу повёл медведя; вместо кнута у него была тонкая змея, на правом плече его рос кедр, а на левом – ель; Долhoto-Зогдор, попросил Мудай выйти ему навстречу; Мудай, находившаяся в этот момент в юрте, услышав, что приехал великий шаман, чтобы сразиться с ней, вынула из своей утробы трёхмесячный плод, положила его над дверью, села и крикнула великому шаману: «Залу хун идэрху, гулгун нохой шудэрху (юноша – задористый, щенок – кусачий)»; Долhoto-Зогдор, войдя в юрту, упал замертво от нечистот плода, положенного Мудай над дверью; Мудай подумала, что если не воскресить сражённного ею шамана, могут возникнуть дурные последствия; она воскресила своего противника, совершив очищение корой священного дерева *едо* (пихты); ожив, Долhoto-Зогдор дал клятву Мудай впредь никогда не причинять никакого вреда потомству Мудай (онгоевскому роду); Долhoto-Зогдор остался в Обусе и жил в мире с Мудай-иби [Румянцев 1969: 86-87].

Прибайкальские буряты: [к моменту начала поединков со священниками и русской администрацией] шаманка Модон была беременна на третьем месяце; но она вынула ребенка из *эхэйн хэмнэгһээ* (из материнского чрева) и положила в *хэһэнэг* – коробочку для стрел; после победы она положила ребёнка обратно во чрево и доносила до срока [Жамцарано 2001: 109-110]²³.

Таким образом шаманки решают две взаимосвязанные проблемы. Во-первых, временно возвращают шаманские силы, утраченные из-за беременности, и, во-вторых, преодолевают запрет камлать беременными. В идинском тексте к этому добавляется необходимость осквернить шамана-противника.

²³ Ср. **тувинцы:** первым шаманом была женщина; богдохан велел в неё стрелять; шаманка не была убита и ещё сильнее начала камлать; богдохан признал её настоящим шаманом и дал прозвище Ельбичи-хам; у неё был ребёнок, который из-за тех выстрелов родился со знаком; в память об этой шаманке и теперь зовут сведущих шаманов *ельбичи-хам*, то есть шамана, умеющий производить *ельби* [Потанин 1883: 288 (текст 63а)]; один хан призвал кама-женщину (*хам-катын*) камлать; она была беременной и плохо камлала; хан велел застрелить её; кама-женщину застрелили, но она родила сына со знаком на лбу от стрел; это был родоначальник всех камов Потанин 1883: 289-290 (текст 63з)].

§ 2.2. Западная Сибирь – Южная Сибирь

Распространение некоторых мотивов ограничено, по-видимому, Западной и Южной Сибирью. Три из них связаны с первыми шаманами. Мотив «Первый шаман – орёл» зафиксирован у кетов [Анучин 1914: 23], хакасов (качинцев) [Штернберг 1925: 733] и прибайкальских бурят [Хангалов 1890: 16; 1960: 130; Агапитов, Хангалов 1958: 300 (прим.)] (приложение № 2: карта 17):

Кеты: первым шаманом был двуглавый орёл (*di*) [Анучин 1914: 23].

Хакасы (качинцы): орёл был родоначальником шаманов [Штернберг 1925: 733].

Прибайкальские буряты (Ольхон): орёл – сын *эжина* острова Ольхона и первый бурятский шаман по воле богов [Хангалов 1890: 16]; от дочери неба Сарь-саган-тэнгэри — по имени Сам-Сагай-саган – родился орёл, первый бурятский шаман [Агапитов, Хангалов 1958: 300 (прим.)]; первым шаманом и кузнецом был орёл, передавший шаманское и кузнечное искусство женщине; она среди людей была первой шаманкой и первым кузнецом [Хангалов 1960: 130].

Второй мотив заключается в том, что шаманский дар (силы, умения) получен первым шаманом от хищной птицы (орла, коршуна). Такие легенды записаны у кетов [Анучин 1914: 23, 54] и прибайкальских бурят [Сказания бурят 1890: 123-124 (текст LI); Дамеев 1927: 69-70; Агапитов, Хангалов 1958: 363-365; Хангалов 1960: 130] (приложение № 2: карта 18):

Кеты: двуглавый орёл научил человека шаманить; за это он лишился своей второй головы [Анучин 1914: 23]; шаман Дох научился шаманить у двуглавого орла; этот орёл жил у Доха, помогал ему сражаться с врагами и вместе с Дохом ушёл на небо [Анучин 1914: 54].

Прибайкальские буряты: бурханы послали коршуна защищать людей; когда его чуть не застрелили, бурханы сказали, чтобы он передал кому-нибудь свою чудодейственную силу; он заблудил одну девушку, увёл её в лес, усыпил около свалившегося дерева, сел на него и передал девушке силу; девушка стала видеть *бохолдоев* и угадывать вперёд хорошее и плохое; когда она вернулась домой, брат начал бить её; она обиделась и погрозила ему; брат заболел задержанием мочи; девушка пообещал вылечить его; парня, положив на белый войлок, внесли в юрту; там девушка показала ему висящие на столбе мужские половые органы и велела взять их; когда парень их увидел и взял, он сразу

выздоровел; после этого девушка стала шаманкой; *утха* этой шаманки Шошолок [Сказания бурят 1890: 123-124 (текст LI)].

Третий мотив выражается в том, что устранённый из мира людей первый шаман, возможно, вернётся. Такие ожидания распространены у кетов [Анучин 1914: 8] и прибайкальских бурят [Бохоли-Хара 1880: 90] (приложение № 2: карта 19):

Кеты: когда богатырь Альба вернётся на землю, он освободит *ульвей* Доха и тогда сам Дох вернётся на землю [Анучин 1914: 8].

Прибайкальские (кудинские) буряты: Эсэгэ-Малан осудил шамана Бохоли-Хара скакать на чёрном камне, до тех пор, пока сотрётся камень или он сам; если Бохоли-Хара сотрётся сам прежде камня, то его не будет, а шаманы будут плохи; если Бохоли-Хара не сотрётся, а скорее сотрётся камень, то он явится на землю с прежними силами; Бохоли-Хара, танцующий на камне, надел неизносимые железные сапоги, которые получил от неба Зан-Сагана; теперь скачет на камне, который стирается и уже стёрся до половины (текст записан от шамана) [Бохоли-Хара 1880: 90].

У лесных ненцев [Турутина 2000], долган [Попов 1937: 64-66; 1981: 256], кетов [МЛЭ 2009], хакасов [Бутанаева 2007: 112], прибайкальских [Затопляев 1890: 3; Curtin 1909: 111-113] и забайкальских [Герасимова 1969: 127-128] бурят встречается мотив шаманского сна: шаман действует во время сна (ведёт борьбу с духами, оказывает помощь нуждающимся, договаривается о поединке с другим шаманом и т.д.):

Прибайкальские буряты (Olzoni): шаман возвращается к себе домой из соседней деревни и встречает по дороге огромные открытые ворота; там шаман увидел триста коров, которых гнала женщина с ребёнком в руках, сидящая верхом на красном быке; затем шаман встретил мужчину, голова которого была размером со стог сена; этот мужчина ехал верхом на сером жеребце огромных размеров; шаман принял его за торговца мясом и спросил, откуда он; мужчина назвал своё имя, *Minga Nudite Milá* (Тысячеглазый), и сказал, что должен уничтожить весь скот в стране; шаман, придя домой, обнаруживает, что весь его скот погиб; рассерженный шаман отправляется за помощью к своим пятерым братьям-шаманам, но те отказывают ему; шаман вернулся домой, сделал и выпил *тарасун*, затем взял топор и положил его на свою кровать под подушку, привязал свою лошадь к столбу в юрте и лёг, предупредив жену, чтобы она не уводила лошадь из юрты и не будила его; вскоре шаман и лошадь стали выглядеть как спящие, но это были лишь их тела; в

действительности шаман скакал к Ангаре; шаман поднимается на гору *Torkoi Tonkoi*, с вершины которой видит *Minga Nudite Milá*, соорудившего через реку мост; одна половина моста была из золота, другая – из серебра; *Minga Nudite Milá* начинает перегонять скот по этому мосту; шаман превращается в пчелу, уменьшает свой топор, берёт его и летит под мост; там шаман рубит топором две подпорки, после чего мост обрушивается; весь скот падает в Ангару, в том числе красный бык вместе с женщиной, сидящей на нём верхом; в реке оказывается и *Minga Milá*, и его серый жеребец, которым удалось остаться в живых; шаман подкидывает своё шаманское кольцо к небу, из-за этого поднимается страшный ветер, свирепствовавший в течение трёх дней; *Minga Milá* не может выбраться из воды, его бросает из стороны в сторону; после трёх дней ветра наступают три дня, во время которых льёт сильный дождь; под конец этих шести дней у коня *Minga Milá* отваливаются копыта; когда шторм заканчивается, *Minga Milá* и его конь выбираются из воды и начинают сушиться; копыта коня появляются из реки, их приделывают обратно; рассерженный и испуганный *Minga Milá* клянётся, что никогда больше не появится в этой стране [Curtin 1909: 111-112]²⁴.

У тех же бурят зафиксировано представление, что душа спящего ребёнка, который станет впоследствии шаманом, обучается умершим родственником-шаманом и путешествует с ним [Curtin 1909: 105-106]. Свидетельства, касающиеся мотива шаманского сна, можно найти и в этнографических описаниях:

[Долганы:] Время сна считалось весьма удобным для всякого рода «консультаций» шаманов с божествами и духами и ясновидений. Если хотели, чтобы шаман увидел о ком-либо вещий сон, под подушку ему клали рубашку того человека. Когда добродетельный шаман хотел предпринять в жизни что-либо серьёзное, но не знал, будет ли оно одобрено верхними божествами, ответ на это получал от них во сне. Духи-помощники шамана часто во сне давали знать последнему, что собираются приехать за ним, чтобы везти к больному. Но интереснее всего, что долганские шаманы могли лечить также и во сне... [Попов 1981: 256].

[Хакасы:] В некоторых случаях шаманы не приезжали по вызову к пациентам и камлали на расстоянии, не выходя из дома. Они ложились ничком на кровать, впадая в состояние летаргического сна, из своей юрты отправляли *тёсей* на задание. Камлание

²⁴ Другой вариант текста, но без указанного мотива, записан от эхирит-булагатов в Алагуе [Жамцарано 2001: 64].

продолжалось в течение трёх суток. Обычно, таким образом изгонялись злые силы. Людям слышались удары бубна среди ночного селения [Бутанаева 2007: 112].

В Западной и Южной Сибири локализован мотив расшевелённого духа. Из-за того, что некоторый дух не может сдвинуться с места, начинаются стихийные бедствия, связанные с водой; шаману удаётся заставить духа двигаться и ситуация исправляется. Мотив зафиксирован у шорцев и нганасан и не известен в географически промежуточных и каких-то других традициях (приложение № 2: карта 20):

Шорцы: хозяин воды вошёл внутрь горы, напился там и свалился; после этого ледоход остановился; шаман Байрамаш вошёл в гору и насыпал хозяину воды на голову духов-муравьёв; когда шаман хотел выйти, то оказалось, что дверь, через которую он вошёл, была заперта; шаман стал блуждать в горе, вышел из неё через *тундюк* земли; шаман сказал, что вода и ледоход опять двинутся, пока он ещё не кончит камлать, и что, когда он выходил из горы, хозяин воды уже шевелился; до того, как шаман пришёл в себя и кончил камлать, вода двинулась [Дыренкова 1940: 270-271 (текст 37)].

Шорцы: на реке начался ледоход, потом вода остановилась, поднялась и затопила улус; священники (русскому) богу молились; шаман стал камлать и вошёл к хозяину горы; войдя, он увидел свалившегося пьяного хозяина воды; шамана набрал муравьёв и высыпал их на спину хозяина воды, после чего тот вскочил и спустился к реке; лёд сразу же стал разбиваться и тронулся вперёд; вода спала и река вошла в свои берега [Дыренкова 1940: 270-271 (текст 38)].

Нганасаны: летом стояла жара, пересохла реки и начался падёж скота; шаман Сыры`а выяснил, что жара наступила потому, что на шестах его чума сидит Кадю`о (гром), который не может сдвинуться с места из-за болезни своего старшего брата; в ответ на предложение Кадю`о шаман лечит его брата; после трёхдневного камлания шаман сообщает людям, что через три дня братья соберут аргиш; через три дня пошёл дождь [Симченко 1976: 49 = 1996а: 156-157 = 1996б = 35-36; Грачёва 1981: 84].

Комментируя последний текст, Ю.Б. Симченко отмечает: «Появление этого шаманского предания, безусловно, связано с реальным фактом» [1976: 49 = 1996а: 157 = 1996б: 35-36]. С этим утверждением трудно согласиться. Учитывая дистрибуцию мотива (нганасаны, шорцы), следует полагать, что если его появление и связано с реальным фактом, а это не очевидно, то вряд

ли с произошедшим у нганасан на Таймыре, поскольку мотив должен был существовать к моменту прекращения отношений между северными самодийцами и тюрками Южной Сибири, т.е. в любом случае до прихода нганасан на полуостров²⁵.

§ 2.3. Западная Сибирь – Восточная Сибирь

Ярким мотивом, который популярен в Западной Сибири, а также встречается в Восточной Сибири, является путешествие шамана с птицами. Один шаман либо два шамана отправляются в другие края вместе с перелётными птицами и/или в образе перелётных птиц; возвращается всегда только один шаман (независимо от числа улетевших). Мотив обнаруживается в шаманских легендах энцев [Лабанаускас 2002б: 95-99; Функ 2008: 187 (№ 68/93)], нганасан [Долгих 1976: 59-60 (текст № 16)], ненцев [Третьяков 1869: 400; Попов 1944: 91], долган [Попов 1937: 54-57; Ефремов 2000: текст 28], «туруханских инородцев» [Третьяков 1869: 424-425], кетов [Алексеенко 1981: 114, 122; 2001: 84 (текст 30); 104-110 (тексты 45, 46, 47)]²⁶, илимпийских [Васильев 1936: 255], подкаменнотунгусских [Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18)] и верхнеленских [Василевич 1936: 75 (текст 57)] эвенков, северных якутов [Кулаковский 1972б: 284 (текст № 9); Худяков 2002: 85-86, прим. 7]²⁷. Таким образом, он обладает сравнительно

²⁵ Об этногенезе самодийцев см. [Напольских 1997: 81-104].

²⁶ Помимо того встречаются упоминания о кетских вариантах, в которых шаманы возвращаются с юга в образе стрекозы, шмеля [Алексеенко 1981: 114 (прим. 122), 122 (прим. 156)]. В одном из текстов Дог вернулся в облике мухи [Алексеенко 2001: 108-110 (текст 47)].

²⁷ Часть указанных легенд содержит также мотив, который популярен вне связи с шаманами, – I22В «Птицы на пути в иной мир» [Берёзкин 2011]. Он формулируется следующим образом. Перелётные птицы пролетают из нашего мира в иной: 1) отверстие в иной мир узкое, путь лежит между толкучих скал либо небосвод бьется о землю, давя пролетающих; 2) у прохода в иной мир находится персонаж, который питается птицами;

широкой дистрибуцией (приложение № 2: карта 21), а у ненцев помимо того встречается в песенном фольклоре:

Сенянан та хунананта	Когда-то давно
Опай тадебэ танясь	Один шаман был.
Чеки тадебэ пензерь совой	Этого шамана с бубном (вместе)
Нум ханавы	Бог унёс.
Сял иры энгуда	Сколько месяцев не было.
Нара ямбада то	В продолжительную весну пришёл
Ебта совой	С гусями вместе
Ани чикы мякононт хаморгазе	Опять в этот чум упал
	[Третьяков 1869: 400].

Енисейские ненцы: осенью один шаман вместе с гусями улетел в тёплую страну, превратившись в гуся; прилетев туда, он стал летать вместе со своими гусями на одном озере; когда у гусей стали отрастать крылья, пришли люди и начали ловить их сетями; шаман-гусь вместе с десятью другими гусями, удачно избежал смерти, нырнув в воду; когда наступила весна, шаман-гусь прилетел к себе домой, превратился в человека и рассказал обо всём своим людям [Попов 1944: 91].

Нганасаны: шаман Нгамтусо предложил шаману Линанчера слетать с гусями в их землю; Линанчера попросил жену приготовить ему новую одежду и велел никому её не показывать; когда всё было готово, шаман полетел с гусями; пролетая над чумом Нгамтусо, Линанчера позвал его; другой шаман забыл о договорённости, не приготовил новой шаманской одежды и начал камлать в старой; Нгамтусо прилетел в страну гусей и увидел, что вода, на которой сидел Линанчера, была сплошь покрыта гусями; Нгамтусо улетел линять на озеро; Линанчера отправился искать второго шамана; обнаружив Нгамтусо на

3) в мире по другую сторону пульсирующей преграды находится хозяйка птиц; 4) варианты сочетаются. Распространение: древние греки, саамы, алтайцы, телеуты, манси, ханты, северные селькупы, долганы, кеты, нанайцы, нивхи, чукчи, коряки, азиатские эскимосы, центральные юпик, юрок, кроу, горные мивок, барасана.

Здесь и далее все ссылки на международные указатели вынесены в подстрочные примечания.

озере, Линанчера предупредил, что оттуда не выбраться, если придут охотники; к реке, где линял Линанчера, пришли охотники; гуси спаслись; охотники пошли на озеро и убили там всех гусей, в том числе и Нгамтусо; на следующий год Линанчера вернулся домой; шаман подлетел к заранее приготовленному чуму, спустился через трубу; люди Нгамтусо умирали с голода, из людей Линанчера никто не умер [Долгих 1976: 59-60 (текст № 16)].

Трудно судить о том, какие традиции были исходными носителями мотива путешествия с перелётными птицами, но правомерно выдвинуть гипотезу о его самодийской либо енисейской природе. Тюркское происхождение является крайне сомнительным – более вероятно, что долганы и янские якуты восприняли его от субстратного населения. Мотив не зафиксирован у других групп якутов и южносибирских тюрков²⁸, а тюркский компонент, вылившийся в формирование долган, появился на Таймыре сравнительно поздно и вряд ли мог стать источником мотива, который популярен в мифологии ненцев, энцев, нганасан и кетов и при этом инкорпорирован у них в обрядовую сферу²⁹.

Судя по имеющимся материалам, лишь у энцев и близких к Прибайкалью непских эвенков зафиксирован мотив возвращения похищенной жены (враги

²⁸ Ср. однако у **забайкальских (хоринских в р-не р. Кижинги) бурят**: однажды кижингинский шаман Бадмаев Сэдэк, живший лет 90 тому назад, попросил не будить его, так как он будет спать семь суток; жители улуса увидели, как из *тоны* вылетел ворон, а навстречу ему с Чел саны опустился орёл – это был сам Буурал баабай [покровитель местности]; они вместе полетели на юг, в Монголию, на родину Буурал баабая; но там его уже забыли и почти перестали почитать; рассерженный холодным приёмом Буурал баабай навредил дочери одного богатого нойона, которая болела до тех пор, пока по совету одной большой шаманки не угостили сына Шэрэльжзна [Герасимова 1969: 127-128].

²⁹ Обряды с участием шамана, связанные с перелётными птицами, описаны у нганасан (см., напр., [Попов 1984: 53, 114]), енисейских ненцев [Попов 1944: 91], кетов [Алексеенко 1977: 33-34; 1981: 114-115] (ср. у селькупов [Прокофьева 1981: 51-52]). О кетских текстах, посвящённых путешествиям шаманов вместе с лебедями, есть сведения, что некоторые из них «пели шаманы» [Алексеенко 2001: 274].

похищают женщину со стойбища; используя сверхъестественные силы, её спасает шаман):

Энцы: на стойбище трёх братьев жил сильный шаман; братья уехали промыслять дикого оленя; к закату они вернулись с добычей на стойбище, каждый пошёл в свой чум; младший брат обнаружил, что его жена пропала; жёны остальных братьев не знали, куда она исчезла; братья нашли следы около крайнего чума, но не стали пускаться в погоню из-за наступления темноты; когда вернулся шаман, ему рассказали о случившемся; шаман начал камлать, затем сказал, что женщину похитил один богатый тунгус; на следующий день шаман велел младшему брату собираться в путь и взять с собой тунгусскую *парку* и *бакари*; старший и средний брат остались на стойбище, а младший брат и шаман отправились в путь по следам тунгуса; когда они догнали тунгусов, шаман сказал младшему энцу, чтобы он одел тунгусскую одежду, незаметно подошёл к стаду оленей и вместе с работниками гнал их; после этого шаман превратился в белую сову и улетел; энец всё сделал так, как велел шаман; ночью энец вышел из чума и заметил, что на концах шестов большого чума сидит белая сова; энец решил, что это шаман показывает ему, в каком чуме находится похищенная женщина; вскоре из чума вышла жена энца; энец окликнул её и они вместе убежали в лес; когда муж с женой добежали до деревьев, поднялась сильная метель, которую наслал шаман; к концу второго дня младший энец с женой вернулся в чум; шаман предупредил братьев, что предводитель тунгусов не будет мириться с пропажей женщины; покамлав, шаман рассказал, что тунгусы идут по следам к стойбищу братьев; по совету шамана братья немедленно начали готовить аргиш, а утром отправились в тундру; шаман остался на том месте, где стояли чумы; как только увидел тунгусов, тут же превратился в сову и сел на ближайшее дерево; тунгусы, заметив следы от аргиша, решили продолжить погоню, но поднялась сильная метель; шаман прилетел на стойбище трёх братьев, превратился в человека, вошёл в чум среднего брата и сказал, что теперь братья могут жить спокойно [Лабанаускас 2002б: 158-165].

Непские эвенки: эвенки, один из которых был шаман, жили в двух юртах; мужья ушли промыслять; когда они вернулись, то обнаружили, что жён увели эвенки-людоеды; шаман предложил идти искать жён; когда тропа раздвоилась, шаман сказал, что пойдёт по левой дороге, а своему товарищу велел идти по правой; шаман предупредил, что завтра будет облачно, запретил заходить в юрты и посоветовал дожидаться дождя, во время которого появится возможность увести женщин, ведь они будут покрывать тисками лабаз; мужчина сделал всё, как велел шаман; шаман сказал своей жене, чтобы она перерезала

тетивы луков; жена вошла в юрту и сделала это; затем шаман убил эвенков-людоедов и увёл свою жену [Василевич 1936: 83 (текст 65)].

В Западной и Восточной Сибири локализован мотив сломанного дерева. Сломанное дерево либо деревянная вещь становится причиной либо признаком смерти шамана (или другого магического специалиста). Данный мотив встречается в шаманских легендах и текстах малых жанров; он известен кетам [МЛЭ 209], эвенкам юга Якутии [Романова, Мыреева 1971: 321-322 (тексты 10, 11)] и центральным якутам [Эргис 1960: 259-262 (текст № 182)]:

Кеты (Келлог): шамана забрали на войну; уезжая из дома, он показал одно место и сказал: «Если там появится крест – значит, я умер»; однажды в дерево ударила молния, оно сломалось, появился крест; шаман умер; рассказчик видел этот крест сам [МЛЭ 2009: Ю.М. Сутлин].

Эвенки юга Якутии: *сама:н буддэкин, мо:н эркэрэ:вки:* (когда умирает шаман, (его) дерево засыхает) [Романова, Мыреева 1971: 321-322 (текст 10)].

Эвенки юга Якутии: *сагди: мо: ти:ктэкин, сама:н буддэн* (если упадёт старое дерево, умер шаман) [Романова, Мыреева 1971: 321-322 (текст 11)].

Ряд мотивов, связывающих между собой Западную и Восточную Сибирь, зафиксирован только у тюркского населения ареалов – долган и якутов. В их легендах для борьбы с шаманами и болезнями используются сделанные из гнилого дерева фигуры животных (долганы [Попов 1937: 59-62], северные якуты [Гурвич 1974: 262-263]); шаманы сватают для земного правителя дочь небесного божества (долганы [Попов 1937: 62-64; Ефремов 2000: текст 24], виллойские якуты [Попов 2006: 405-409]) и превращаются в различные стихии: туман, молнию, гром, вихрь, дым и т.п. (долганы [Попов 1937: 51-54], центральные [Эргис 1960: 259-262 (текст № 182)] и виллойские [Эргис 1960: 297-301 (текст № 198)] якуты).

§ 2.4. Южная Сибирь – Восточная Сибирь

Среди форм борьбы, которые являются общими для легенд о шаманских поединках и противодействии шамана духам, присутствует нанесение вреда изнутри. Шаман или дух болезни стремятся быть проглоченными шаманом-

противником, однако удаётся это не всегда. Мотив распространён у «абаканских татар» [Катанов 1907: 449-451 (текст 438)], хакасов [Кузнецова-Ярилова 1909: 141-142 (текст I)], тувинцев [Кенин-Лопсан 1987: 37-38], илимпийских эвенков [АЛАЛС: Удыгир Виктор Николаевич, 08.08.07, текст на эвенкийском языке, зап. О.А. Казакевич] и виллюйских якутов [Эргис 1960: 297-301 (текст № 198)]:

Хакасы (качинцы): шаманка прилетела к пьяному шаману Джалбаку и, превратившись в муху, села у трубы его юрты; Джалбак держал в руке чашку вина и говорил, что ощущает дух этой шаманки; он выпил вино, а шаманка успела превратиться в пылинку и опуститься в чашку; Джалбак проглотил шаманку и сразу это понял; он начал призывать своих духов, но они не могли попасть к нему, так как шаманка заранее устала всю юрту своими; сама же она крутила у него внутри сердце; духу, который помогал держать шаману бубен, удалось из-под низа юрты пробиться сквозь духов шаманки и вместе с шаманом ухватиться за бубен; вслед за ним ворвались и остальные; Джалбак ударил себя бубном по животу и шаманка выскочила у него изо рта, превратившись в голубого горностая; Джалбак погнал её вниз по р. Тубе; шаманка спряталась за овцу, которую какой-то человек хотел принести в жертву; шаман несколько раз прокричал человеку, чтобы тот отошёл; человек спрятался в кустах; шаман сказал ему, чтобы он не боялся и что шаманка ушла; человек посмотрел вокруг себя, никого не видно, но словно кто пронёсся по воздуху; шаманка превратилась в щуку и нырнула в воду; Джалбак превратился в ворона, полетел над водой, не отстаёт от шаманки; она доплыла до дома, деваться некуда, пришла к себе в человеческом виде и отдала Джалбаку вместо себя душу своей единственной дочери; шаман взял её и вернулся на Тубу; дочь шаманки умерла [Кузнецова-Ярилова 1909: 141-142 (текст I)].

Формой борьбы шамана с духом является организация ловушки для последнего. Мотив духа в ловушке тяготеет к тюрко-монгольскому миру, хотя распространён и за его пределами (хакасы [Бурнаков 2007: 102; Бутанаева 2007: 111], прибайкальские буряты [Затопляев 1890: 3; Михайлов 1996: 75-77; Жамцарано 2001: 64], илимпийские эвенки [АЛАЛС], якуты [Виташевский 1890: 40-48; Эргис 1960: 297-301 (текст № 198)]³⁰).

³⁰ Ср. у **чукчей** [Bogoras 1910: 100-107].

Противодействуя духу, шаман обездвиживает его, помещает с помощью силы или хитрости в некоторую ёмкость. В тексте аларских бурят шаман плюёт под подошву *анахая* и тот примерзает к месту [Затопляев 1890: 3]. В хакасских легендах духи оказываются запертыми среди скал или пойманными в яму, причём в их заточении участвуют не только шаманы:

Хакасы: великий шаман Аралай Тайдонов, живший в аале Сеектиг, во время камлания летал на берестяной лодке; у него имелся шаманский костюм, но камлал он *орбою*, без бубна; из-за того, что у него умирали дети, Аралай решил переселиться в другое место со своей семьёй; он посадил домочадцев в берестяную лодку и полетел вниз по Чёрному Июсу; когда он приземлился в устье р. Печище, то один ясновидец увидел злого духа, ехавшего вместе с семьёй Аралая, спрятавшись под разводами в его лодке; надев костюм, Аралай сумел поймать злого духа, которого отвёл на север и запер среди северных скал [Бутанаева 2007: 111].

Хакасы (Аскизский р-н): 1) чтобы избавиться от *Мусмалов*, все люди ночью собрались в одной большой юрте; ринесли воды и, слив её в огромный котёл, стали кипятить; перед входом в юрту выкопали большую глубокую яму; сверху прикрыли её шкурами; вскоре пришли *Инек-азах*; они один за другим подходили к юрте и падали в яму; собралось их там множество; никто из них не мог выбраться из ямы; люди стали заливать яму кипятком; все находящиеся там *Инек-азах* погибли; после этого камлал *Улуг хам* – сильный шаман, и всех оставшихся *Инек-азах* закрыл в горе; по словам стариков, настанет время, когда *Инек-азах* выйдут из горы; произойдёт это тогда, когда у зайцев на ушах исчезнет белый пушок, и из горы выйдет шаман из рода Сарыг, вместе с которым выйдут и *Инек-азах*; 2) Бог закрыл *Мусмалов*, других *айна* и духов-помощников шаманов в горе; они там будут находиться до судного дня (текст записан от шаманки) [Бурнаков 2007: 102].

Среди не нарративных хакасских материалов есть близкие сведения о родовых горах, в которых обитают души детей рода [Бутанаева 2007: 102], а также о том, что шаман по завершению камлания запирает *тёсей* в горах и лесах [Бутанаева 2007: 115] (см. также [Бутанаев 1992: 55-56]). Весной и осенью шамана приглашали очищать место жительства. Он выдворял поселившихся в юрте *айна*, открывал серебряные двери какой-нибудь скалы и закрывал там изгнанников [Бутанаева 2007: 107].

В прибайкальских легендах шаманы закапывают пойманных духов (кудинские буряты [Михайлов 1996: 75-77]), загоняют в штаны и погружают их в воду (аларские буряты [Затопляев 1890: 3]) либо привязывают к *торокам* (эхирит-булагаты [Жамцарано 2001: 64]). От бурят фиксации мотива тянутся далее на север:

Виллюйские якуты (Тылгынинский наслег Виллюйского р-на): духи оспы, семь сестёр, приходят в Мастахский улус и пляшут посередине озера; услышав это, шаман Суор Уола превращается в дым и улетает в небо; затем он оборачивается в русскую иголку, прячется в щели дерева и подслушивает разговор сестёр; семь девушек-стерхов распределяют между собой кому куда идти; никто из сестёр не хочет оставаться в Мастахском улусе, опасаясь шамана; в итоге решают оставить старшую сестру и советуют убить шамана следующим образом: оборотившись в огонь, упасть в кашу, которую он ест; сёстры превращаются в туман и исчезают; шаман отправляется домой и просит домочадцев сварить большой котёл *саламаату*; домочадцы выполняют просьбу, когда они собираются снять котёл, на *саламаат* падает уголь величиной с человеческий глаз; шаман вскакивает, хватается уголь и опускает его в бутылку; заткнув бутылку, шаман кладёт её в железную бочку и, вырубив прорубь, топит в воде; бочку шаман обматывает верёвкой, конец которой привязывает к палке на краю проруби; оспа распространяется по всей земле за исключением Мастахского улуса; когда шаман вновь слышит песни и танцы сестёр, он бежит к проруби, достаёт бутылку и отправляется к берегу озера; шаман открывает бутылку, находившийся в ней уголь превращается в синее пламя и исчезает; бутылку шаман разбивает о землю, а сам, превратившись в русскую иголку, прячется в щели на берегу озера; к девушкам приходит их исхудавшая старшая сестра, которая рассказывает, что с ней сделал шаман; сёстры танцуют и расходятся; прибыв домой, шаман рассказывает своему народу о том, как он победил оспу; перед смертью шаман завещает похоронить его таким образом, чтобы голова и руки находились над землёй, при этом в руках должны быть бубен и колотушка; люди выполняют его завещание [Эргис 1960: 297-301 (текст № 198)]³¹.

³¹ Ср. сведения о камлании, во время которого якутский шаман поймал духа болезни в горшок [Виташевский 1890: 40-48]. Приманивание духа с помощью сосуда, наполненного пищей, встречается также в дальневосточном тексте:

Нивхи: шаман Итызан пытался через второстепенных духов-помощников найти злого духа, который унёс кровь одного мальчика, вследствие чего тот заболел; шаману это не удалось; он вызвал свою главную помощницу – женщину с четырьмя грудями; она

Илимпейские эвенки (п. Эконда Эвенкийского муниципального р-на Красноярского края): две болезни направляются в две деревни, чтобы всех убить; одна говорит, что как иголка от лиственницы упадёт местному шаману в ложку, когда он будет есть; шаман предупреждает семью, чтобы зарезали жирного оленя и сделали из шкуры большой мешок; мешок сделали, оленя сварили и начали есть; в ложку шамана упала иголочка, он быстро вылил её в мешок, завязал его и пришёл в чум; там шаман повесил мешок на жердь, которая над костром, и стал сидеть; мешок надулся, шаман начал его колотить, мешок сдулся; потом всё повторяется; шаман колотит мешок и говорит, придёшь ли ещё сюда; из мешка донеслось: «Сюда не приду»; мешок сдулся, как пустой стал, шаман унёс его в какие-то земли и бросил [АЛАИС: Удыгир Виктор Николаевич, текст на эвенкийском языке, 08.08.07, зап. О.А. Казакевич].

Посёлок Эконда, где сделана последняя запись, находится у истоков Вилюя³². 93 % населения посёлка составляют эвенки (313 чел.). Наряду с ними там проживает небольшое количество якутов (6 чел.) и долган (5 чел.) [Казакевич 2008: 273]. Учитывая всё это, тяготение мотива к тюрко-монгольским традициям и его отсутствие у остальных групп эвенков, можно предполагать, что илимпейская легенда является якутским заимствованием. Противоположный вариант, на мой взгляд, маловероятен.

Итак, фиксации мотива имеются у хакасов и прибайкальских бурят, вилюйских якутов и близких к ним географически илимпейских эвенков. В их легендах мотив ловушки для духов представлен отчётливо и включает в себя в идеале два эпизода: (1) заманивание духа в ловушку либо его насильственное обездвижение, которые затем усиливаются (2) заточением пойманного в ещё одну оболочку (под землю и воду). Локальное распространение мотива в

отыскала нужного духа, но отнять у него кровь не смогла; женщина выжала из своей левой груди молоко в чашку; когда злой дух кинулся пить его, она схватила кровь мальчика, принесла её больному и он ожил; у этой женщины молоко каждой груди предназначено для кормления определённого вида духов – помощников шамана [Крейнович 1973: 451].

³² См. подробнее об экспедиции 2007 г. в [Казакевич 2008].

Сибири, вероятно, имеет связь со среднеазиатскими традициями, в которых он встречается в шаманских и других текстах³³.

В Юго-Восточной Сибири зафиксирован мотив сожжения шаманов (см., в частности, [Подузова, Сагалаев 1983]). Поскольку вопросы его дистрибуции и происхождения подробно разбираются в следующей главе (§ 1), сейчас укажу лишь предварительную формулировку: правитель приказывает сжечь всех шаманов, но некоторые из них выживают и распространяют шаманизм вновь. В Сибири распространение мотива ограничено пределами тюрко-монгольского мира.

Часть мотивов, локализованных лишь в Южной и Восточной Сибири, является отражением бурятско-якутских связей в области шаманской мифологии. В обоих ареалах распространены тексты о том, как шаман в образе насекомого жалит в лоб или нос божество, у которого находится похищенная душа человека, либо шаман запихивает такому божеству что-нибудь в нос; в итоге божество выпускает душу (достаёт палец из бутылки, в которой находилась душа, выплёвывает душу и т.п.); шаман забирает её. Мотив ужаленного бога зафиксирован у прибайкальских бурят [Бохולי-Хара 1880; Моргон-Хара 1880; Дамеев 1927: 69-70; Михайлов 1996: 63-64; Михайлов 1996: 63-64; Lewitzky 1957: 35-36] и центральных якутов [Ксенофонтов 1992б: 199-203; Алексеев и др. 1995: 258-271 (текст № 54)]:

Прибайкальские буряты: Эсэгэ Малан не хотел, чтобы у одного богатого буряты был сын; бурят обратился за помощью к самому первому великому шаману Бухли хара боо (Целый чёрный шаман); шаман помог богачу, создал ему сына и стал *найжи* этого ребёнка; рассерженный Эсэгэ Малан забрал душу ребёнка к себе на небо и держал её около себя; шаман полетел на бубне на небо; во время полёта шамана побрякушки его одеяния так красиво звенели, что звери и птицы, оставив своих детёнышей и птенцов, заслушались этими звуками и забыли о своём потомстве, которое умерло с голоду; прилетев на небо,

³³ См., напр., фрагмент шаманского заклинания, записанного у **сартов** (Восточный Туркестан): «У меня есть крепкий ящик (*сандук*), – я пришёл, чтобы заключить Вас туда!» [Малов 1918: 4].

шаман обратился в жёлтую осу и ужалил Эсэгэ Малана в лоб, из-за чего тот вздрогнул и упустил душу ребёнка; шаман схватил её и вернулся на землю; ребёнок выздоровел; разозлённый Эсэгэ Малан отнял душу ребёнка обратно, а шамана за неподчинение и злоупотребление силами заставил плясать на чёрном плоском камне (скале), пока он совсем не скроется в скалу; чем больше из века в век углубляется шаман, тем больше падает шаманство, хуже становятся шаманы [Михайлов 1996: 63-64].

Центральные якуты: духи не хотят выдавать похищенную душу; шаман превращается в осу, жалит быка в нос; тот фыркает, душа выскакивает из его ноздрей; шаман её уносит; ему вслед кидают глину; рассерженные божества уменьшают силу будущих шаманов – замазывают их душам глаза детскими экскрементами [Ксенофонов 1992б: 199-201].

Кроме того у прибайкальских бурят [Жамцарано 2001: 74] и центральных якутов [Ксенофонов 1992а: 80-81] встречается мотив «Шаман – сын божества». Следующий мотив с аналогичным распространением выражается в том, что во время камлания вокруг шамана появляется огонь. Мотив огненного камлания содержится в материалах, собранных у прибайкальских бурят [Пурбуева 2009: 255; 2010: 17] и виллюйских якутов [Попов 2006: 56]:

Прибайкальские буряты: шаман из Тарасы Федот поехал с земляком на свадьбу в Обусу, где вел себя вызывающе и, поссорившись с местным шаманом, был побежден им; вот какие события происходили в тот момент: «Духовный отец ... начал призывать своих предков монгольских шаманов. ... Над головой духовного отца жениха горело синее пламя, изо рта вылетали огоньки, свистели стрелы, бой бубнов, лязг оружий. ... Федот ... не доехал до дома, умер на хребте» [Пурбуева 2009: 255].

Прибайкальские буряты: шаман Дайбгар боролся с шаманом Ингааном; Дайбгар призывал своих духов-предков из Монголии, при этом над ним пылали синие огоньки, изо рта выходило красное пламя; Ингаан вытащил из колчана стрелу и, встав на неё, начал камлать; Дайбгар тоже достал две стрелы и, взобравшись на них, стал камлать [Пурбуева 2010: 17].

Виллюйские якуты: у знаменитых шаманов при камлании образуется огненный круг, и, если зайти внутрь его, можно умереть [Попов 2006: 56]³⁴.

³⁴ Тот же мотив зафиксирован у **халха-монголов**: когда шаман камлает, огонь заходит через *тоно* и уходит обратно [МЭМ 2011].

§ 3. Связи в области шаманской мифологии между Юго-Восточной Сибирью, Северо-Восточной Азией и Дальним Востоком

Связи в области шаманской мифологии между Южной и Восточной Сибирью, Северо-Восточной Азией и Дальним Востоком не исчерпываются наличием паназиатских мотивов. Существует несколько мотивов, встречающихся в Сибири лишь в трёх или двух из этих ареалов в следующих конфигурациях: Южная Сибирь – Восточная Сибирь – Северо-Восточная Азия, Восточная Сибирь – Северо-Восточная Азия – Дальний Восток, Восточная Сибирь – Северо-Восточная Азия, Восточная Сибирь – Дальний Восток.

У прибайкальских бурят [Затопляев 1890: 3], якутов [Ксенофонтов 1992а: 81-82, 87; 1992б: 225, 242-244] и чукчей [Bogoras 1910: 18-25] зафиксирован мотив договора с духом: итогом борьбы шамана и духа болезни становится заключение договора либо принесение клятвы о ненападении духа.

Прибайкальские (аларские) буряты: Саган-бо сидел на берегу реки; в это время *анахай* кривлялся на льду и показывал шаману кукиши; Саган-бо плюнул на *анахая* и попал ему под заднюю подошву ноги, которая моментально примёрзла; Саган-бо начал бить *анахая*, тот просит о пощаде и обещает не идти против воли шамана; Саган-бо отпустил *анахая*, но он поселился в доме, в котором Саган-бо был *найже*; шаман заметил *анахая* под колыбелью ребёнка и ударил саблей; *анахай* увернулся и шаман отсёк голову ребёнку; после этого шаман спал трое суток; в это время душа шамана гонялась за *анахаем*; *анахай* перехитрил шамана и укрылся под защиту своего *тенгри* [Затопляев 1890: 3].

Прибайкальские буряты (Алагуй): великий шаман Гавани Хубун Барлаг поймал в местности Хажин Хара *боомо*, привязал к своим *торокам* и два дня пьянствовал по улусам; *боомо* дал клятву не вредить одноулусникам шамана [Жамцарано 2001: 64].

Центральные якуты (Мытахский наслег Западно-Кангаласского улуса): шаман Наачабыл и оспа бодались, превратившись в быков; силы оказались равными и противники разошлись, заключив договор больше не встречаться; оспа дала подписку никогда не бывать среди потомков шамана [Ксенофонтов 1992а: 87].

На Дальнем Востоке, в Южной и Восточной Сибири распространён мотив шаманского завещания. Умирая, шаман оставляет завещание, которое, как правило, является предписанием относительно способа и места захоронения.

Мотив зафиксирован у теленгитов [Потанин 1883: 327-328 (текст 77а)], телеутов [Батьянова 1995], южных тувинцев [Дьяконова 2004: 117], прибайкальских [Затопляев 1890: 9] и забайкальских [Герасимова 1969: 128] бурят, центральных [Эргис 1960: 251-258 (текст № 181); 267-270 (текст № 185), 273-275 (текст № 189); Ксенофонтов 1992б: 219-220] и вилюйских [Эргис 1960: 297-301 (текст № 198); Ксенофонтов 1992б: 156-160; Попов 2006: 411] якутов, нанайцев [Лопатин 1922: 327-328] и удэгейцев [Арсеньев 1995: 177-179 (тексты 20, 21)].

Ряд мотивов сближает якутскую шаманскую мифологию с традициями Северо-Восточной Азии и Дальнего Востока. Данные мотивы не характерны для остальных тюркских традиций Сибири и представляют особый интерес, поскольку по своему распределению могут претендовать на статус палеосибирских, т.е. заимствованных якутами от субстратного населения.

Шаманские силы находят своё проявление в том, что шаман разрезает животное либо кусок мяса своей ладонью³⁵. Мотив «Рука как нож» зафиксирован у северных якутов [Худяков 2002: 79] и азиатских эскимосов-юпик [Крупник 2000: 485-486] (приложение № 2: карта 22):

Северные якуты (Верхоянский окр.): шаман поспорил с колдуном, о том, сможет ли колдун вылечить того, кого испортил шаман; колдун связал быка и сказал шаману, чтобы тот его испортил; шаман предложил поменяться ролям; колдун плюнул быку в рот, бык упал; шаман плюнул себе в ладонь, разрезал быка ладонью посередине и вытащил из сердца лягушку; затем шаман вложил сердце обратно, плюнул на руку, потёр раны быку, после чего тот ожил; шаман достал из уха чёрный камешек, бросил быку в сердце и бык упал; колдун не смог вылечить быка [Худяков 2002: 79].

Азиатские эскимосы-юпик (Провидения): на берег выбросило скелет чайки – одни кости, только крылья целые [с перьями. – *И. К.*]; шаман Аг,лю бросил скелет вверх; скелет полетал, кричал, затем упал; оленевод вёз из Кивака кусок моржового *копальхына*; Аг,лю попросил кусочек; оленевод предложил ему взять самому, а *копальхын* так замёрз, что ножом не взять; Аг,лю подошёл к нарте, рукой (ребром ладони. – *И. К.*) отрезал большой кусок и взял себе [Крупник 2000: 485-486].

³⁵ Ср. мотив L9 «Ноги-копья и руки-ножи» [Берёзкин 2011].

В последнем тексте содержится также оживление давно умершего животного (т.е. шкуры, истлевшего трупа), совершённое шаманом. Распространение этого мотива является крайне любопытным (приложение № 2: карта 23), он встречается только у виллюйских якутов [Бравина, Илларионов 2006: 16-17], чукчей [Богораз 1899: 268], азиатских эскимосов-юпик [Рубцова 1954: 203-215 (текст № 14); Крупник 2000: 479, 485-486] и нивхов [Крейнович 1973: 441]³⁶.

Виллюйские якуты: шаман Спиридон попал в тюрьму и показывал там чудеса: он внезапно оказывался в другой камере; комнату, где вёлся допрос, заполнял водой; шубы превращал в медведя и волка, которые дрались между собой; проходил сквозь бревенчатые стены [Бравина, Илларионов 2006: 16-17].

Чукчи: отец послал шамана Рынтэу за великим ножом (мечом) Кэля, который живёт на северной стороне в тёмной земле; Рынтэу отправился, увидел круглую скалу без дверей; стал кричать, оттуда голос отвечает: «Войди!»; но двери нет; опять стал кричать, камень раскрылся и впустил его; там жили старик и старуха (*кэля*), всё жилище было наполнено шкурами песцом, лисиц, горностаев, белок; Рынтэу сказал, что пришёл шаманить, а сам смотрит: нож тут же лежит; зашаманил Рынтэу; шкуры песцов, лисиц, горностаев и белок ожили и стали плясать под стук бубна; Кэля тоже стали плясать, затем устали, упали, заснули; Рынтэу схватил нож и убежал [Богораз 1899: 268].

Азиатские эскимосы-юпик (п. Провидения): две старухи[-шаманки] заставляли шкурки оленьих телёнок ходить как живые [Крупник 2000: 479].

Азиатские эскимосы-юпик (п. Чаплино): нувыткакский шаман и напыгальский мужчина обменялись жёнами; затем они вдвоём отправились к чукчам-оленеводам; чукча-оленеvod дал им мало оленей, шаману – двоих, мужчине – одного; шаман начал спорить с олениководом; олениковод сказал: «Если ты сердисься, смотри! [Угроза]. Ты береговое мясо (берега мясо) знаешь: моржа, лахтака, кита, нерпу»; олениковод (?) подул на лахтачью шкуру, на нерпичью шкуру; они стали шевелиться; все вещи, сделанные из моржовой шкуры, стали по-моржачьи кричать, лахтачьи шкуры по-лахтачьи стали кричать, нерпичьи шкуры – по-нерпичьи; шаман стал звать своих духов, но те не услышали его; только мышонок один пришёл и стал бегать вокруг оленей; они за ним погнались; мужчина сказал шаману снять *кухлянку* и сам её надел; потому мужчина сел и задрожал; когда он дрожал, между ног копьё высунулось и тоже стало дрожать; мужчина взял копьё и бросил его; потом

³⁶ Ср. у бурят [Герасимова 1969: 117].

олений всех нанизал на него; когда открыл рот, копьё приблизилось [прилетело с оленями]; мужчина олений всех проглотил; на обратной дороге мужчина сказал шаману: «Когда в Напыгалак заедем, заехав, в ярангу со мной иди. К яранге когда подойдём, я зайду в неё. Туда лицом к двери я сяду. В оленью упряжь запряги меня, хотя бы я и отказывался. Затем ты вынеси меня. Потом очень сильно (меня) тяни меня. Тогда что-нибудь получится»; так всё и сделали; у мужчины открылась макушка, из неё вышло оленьё стадо; потом впереди яранга построилась сама; не шаман стал шаманом; шаман стал не шаманом; новый шаман сказал своему обменному, что тот в своём селении на следующий день убьёт кита, но праздновать это сам не должен (станет праздновать новый шаман); бывший шаман добыл кита, но отпраздновал сам; потом осенью бывший шаман вышел ночью на улицу и потерял сознание; очнулся на льдине посередине озера; позвал своих духов, они пришли, но в воду войти не могут; лишь мышонок [дух] прибыл; он приложил лапки к лицу бывшего шамана, чтобы согреть его, но лицо стало только чесаться; мужчина уснул, проснулся на льдине в море; добрался до суши, там его встретили мужчины и женщины; это были касатки, он остался жить среди них [Рубцова 1954: 203-215 (текст № 14)].

Нивхи: рассказы о могуществе шамана Чамк`а нивхи подтвердили эпизодом оживления замёрзшей крысы, которую он потом велел нивхам убить и зарыть вместе с едой и кусочками ткани в землю, так как она, по словам шамана, ожившая, причиняла бы людям зло [Крейнович 1973: 441].

§ 4. Связи в области шаманской мифологии между Западной Сибирью, Северо-Восточной Азией и Дальним Востоком

Шаманскую мифологию Западной Сибири, Северо-Восточной Азии и Дальнего Востока сближает ряд общих и не встречающихся в остальных ареалах мотивов. Число их невелико; распределение имеет следующие конфигурации: Западная Сибирь – Северо-Восточная Азия, Западная Сибирь – Дальний Восток³⁷.

³⁷ О фольклорно-мифологических мотивах с аналогичным распространением см. [Берёзкин 2006]. Ю.Е. Берёзкин отмечает: «Фольклор и мифологию Западной Сибири, Северо-Восточной Азии и нижнего Амура – Приморья объединяет ряд общих сюжетов или, говоря точнее, сюжетобразующих мотивов. Ни один из них не был в достаточной мере прослежен, некоторые вообще не опознаны. Одна часть из них связывает Западную Сибирь

Ярким мотивом является исход на небеса: один шаман либо шаман вместе со своей семьёй, а также иногда вместе со своим народом, отправляются жить на небо. Мотив широко распространён в Западной Сибири (нганасаны [Попов 1984: 45-47; Долгих 1976: 106-109 (текст 28); Симченко 1996а: 144-145], кеты [Ошаров 1936: 106-109; Алексеенко 2001: 104-108 (тексты 45, 46), 110-116 (тексты 48, 49, 50, 51); Николаева 2006: 24-26, 43], северные селькупы [Пелих 1998: 67-68], ханты [Кулемзин, Лукина 1978: 147-149 (тексты 129, 130, 131, 132); Лукина 1991: текст № 55]³⁸) и зафиксирован в Северо-Восточной Азии у «инородцев Анадырского края» (вероятно, чуванцев) [Дьячков 1893: 129-130] (приложение № 2: карта 24):

Нганасаны: два брата-шамана голодают, старший видит сон о куропатках, на следующий день появляются бескрылые куропатки, их ловят и едят; снова голодают; младший решает идти на небо, его семья собирает вещи; шаман заколол пороза, достал у него сердце; потом пороза хореем стал гонять, пороз в небо побежал, всех людей унёс; аргиш по небу пошёл; два раза поворачивал назад: за ножом, за топором; на другой год младший шаман вернулся, рассказывает, что там у них всё есть; старший бросил вверх топор, младший сказал, что теперь они не будут к нему ходить и ушёл; на небе теперь пороза дыхание (Млечный Путь), топор тоже, как огниво о кремь, на небе сверкает, это *дянду* (зарница) [Симченко 1996а: 144-145].

с Северо-Востоком, другая – с нижним Амуром; есть сюжеты, известные во всех трех регионах. В Америке те же мотивы встречаются преимущественно в относительно близких к Азии областях (Аляска, Северо-Западное Побережье, Плато), причем в основном у индейцев, а не у эскимосов. У якутов и эвенков рассматриваемые мотивы либо отсутствуют, либо представлены своеобразными вариантами, а в тюрко-монгольском южно-сибирском фольклоре аналогов им совсем нет. Подобное ареальное распределение объяснимо, если предположить, что в прошлом почти вся Сибирь представляла собой единую фольклорную провинцию, распавшуюся после расселения тунгусов и якутов. Пришельцы часть мотивов восприняли от субстрата, часть принесли с собой. Еще раньше сходные наборы фольклорно-мифологических мотивов были характерны как для Сибири, так и для северо-запада Северной Америки» [2006: 112].

³⁸ Ср. у **подкаменнотунгусских эвенков** [Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18)] и **хакасов** [Бутанаева 2007: 111].

Кеты: мудрый шаман поднялся на последнее небо, оттуда принёс на бубне золотопёрую рыбу – ельца и сказал людям: «Зачем нам жить здесь, на земле?»; шаман взял сына и вместе с чумом откочевал на небо; докочевал до седьмого неба, т.к. деревья по пути были полужелезными; но и на седьмом небе деревья оказались такими, шаман не смог их срубить; шаман умер; сын его упал с неба в озеро и сделался гагарой; его убили охотники, съели и после этого умерли [Ошаров 1936: 106-109; Николаева 2006: 43].

Северные селькупы: шаман Моньга на туче поднялся на небо, женился на Пумыль-нееля – дочери Пари-нума; стал перевозить на небо и свою земную семью; протаскивая нарты сквозь отверстие в небе, уронил маленького сына; успел вызвать силу земли, она удержала мальчика в воздухе; он долго провисел с раскинутыми руками; снизу от земли шел тёмный свет, с неба – белое сияние; спина мальчика стала чёрной, а брюхо – белым, руки превратились в крылья, он стал гагарой; Пари-нум велел гагаре нырнуть в море и достать землю, пообещав вернуть человеческий облик; гагара не смогла этого сделать, осталась птицей [Пелих 1998: 67-68. Цит. по: Берёзкин 2011].

«Инородцы Анадырского края» (вероятно, чуванцы): один древний чуванский шаман оделся в белую одежду, запряг под санки двух белых оленей и, распростившись со всеми родственниками, сказал, что «все шаманы переселились в подземный мир, а меня бог призывает на небо»; потом сел в санки и ударил оленей; шаман поехал сначала по земле, потом начал отделяться от неё и поехал по воздуху, исчез в небесном пространстве; далее о нём ничего не рассказывают [Дьячков 1893: 129-130].

В Западной Сибири (долганы [Попов 1937: 64-66]) и Северо-Восточной Азии (чукчи [Богораз 1899: 263-270]) также зафиксирован мотив «Бывший мертвец – будущий шаман». Он включает несколько эпизодов: по просьбе отца шаман оживляет ребёнка, умершего несколько лет назад; душа умершего похищается шаманом из жилища духов; шаман вкладывает её в истлевшее тело; оживший становится шаманом.

С Дальним Востоком Западную Сибирь связывает мотив «Дерево является во сне»: будущему шаману во сне является дерево, рассказывает ему, какие действия необходимо совершить (провести обряд, изготовить шаманские принадлежности и т.п.). Мотив встречается у энцев [Лабанаускас 2002б: 219-223], кур-урмийских [Шимкевич 1896: 8-11; Сем 1996: 135-136] и

верхнеамурских [Лопатин 1922: 237-238; Сем 1996: 134-135] нанайцев (ср. [Тураев 2003: 183]).

§ 5. Специфичные западносибирские мотивы

Мотивный репертуар, характерный для западносибирских шаманских легенд, включает несколько мотивов, которые можно назвать специфичными для ареала. В текстах, записанных от самодийцев и отчасти кетов, шаман нередко принимает участие в космогонических событиях. Так, одно из ненецких повествований посвящено событиями, которые связаны с потопом:

Тундровые ненцы (Обдорск): когда-то в стороне юга находилось одно священное место под названием *Надья*; там росла священная берёза с семью ветвями, все люди отправлялись туда для жертвоприношений; однажды корни берёзы охватила гниль, и когда все семь корней сгнили, берёза упала; внизу ствола из неё текла кровь; но это была не настоящая кровь, а огонь, и после огня начала литься её священная вода, которая поглотила все реки; люди сделали плот и взяли на него по одному их всех животных земли; великие ворожеи стояли на хребте священного мыса, и, когда вода поднималась всё выше, они крикнули семь раз, после чего вода опала на одну пядь; спустя лето и зиму вода зачала; люди ожидают нового потопа; сказание предсказывает появление нового ворожея, который приведёт воду в состояние потока; тогда все люди будто бы построят плот из ивы и скрепят его собачьими волосами, и если *Нум* будет в хорошем настроении, то все люди, оказавшиеся на этом плоту, останутся в живых; сейчас снова время появления священной воды (текст записан от «ворожея») [Лехтисало 1998: 10].

Шаманы спасают мир от наводнения, но когда-нибудь произойдёт новый потоп, инициатором которого станет шаман. Эсхатологические мотивы являются редкостью для сибирских шаманских легенд, но в связи с шаманами встречаются и в других контекстах³⁹.

³⁹ Например, у **забайкальских орочёнов**: «На рисунке шаманского нагрудника, изображающем три мира (верхний, средний и нижний), фигурирует мировое дерево лиственница (иракта), дерево, по которому шаман взбирается в верхний мир. Падение шамана с этого дерева вниз (по-видимому вместе с деревом) повлечёт за собой гибель всего мира» (объяснение С.М. Широкогорова к переданному в МАЭ шаманскому костюму) [Штернберг 1925: 736].

В нескольких самодийских легендах рассказывается о появлении лунных пятен, которые являются фигурой прилипшего к месяцу шамана. Этот распространённый на западносибирском севере мотив не встречается в текстах из других районов, хотя и включается в группу мотивов, объясняющих лунные пятна как чью-то фигуру, с гораздо более широкой дистрибуцией⁴⁰. Мотив шамана на луне зафиксирован у ненцев [Попов 1944: 85; Лехтисало 1998: 13-14], нганасан [Долгих 1976: 61 (текст № 17); Попов 1984: 47] и энцев [Прокофьева 1953: 205, 219; Долгих 1961: 64-69; Лабанаускас 2002б: 278-282; Функ 2008: 180 (№ 17/33] (приложение № 2: карта 25). Кроме того есть материалы середины XIX в. без точной этнической привязки:

«Туруханские инородцы»: луна называется «немкартия». У самоедов, равно и у других инородцев, она почитается также божеством; про эту планету у всех инородцев, кроме остяков, сохранилось следующее предание: когда-то, давно, один великий шаман вздумал вступить в борьбу с луною, но едва успел до неё прикоснуться, как тотчас же прильнул к ней вместе с бубном; изображение шамана видно и поныне на луне. Ущерб этой планеты самоеды объясняют похищением её подземным дьяволом, называемым «сыр-нянда» [Третьяков 1869: 415].

В плане космогонических мотивов, связанных с шаманом, к северным самодийцам близки кеты. В их цикле о первом шамане содержится мотив нырятьщика, популярный у урало-алтайских народов: Дог просит гагару принести кусочек земли со дна моря и создаёт сушу [Анучин 1914: 14]⁴¹. Мне известен лишь один другой случай, когда инициатором появления земли становится такой персонаж. В эвенском тексте она была образована ради людей небесным шаманом (*ньанин саманни*), который превратил в неё маленький комочек глины, доставленный гагарой по его просьбе [Роббек,

⁴⁰ См., в частности, мотивы А32 «Фигура на лунном диске» и А32J «Шаман на луне» [Берёзкин 2011], а также [Thompson 1955-1958: motif A751].

⁴¹ См. мотивы С6 «Нырятьщик» и В3А «Первичные воды» [Берёзкин 2011], а также [Thompson 1955-1958: motif A810].

Дуткин 1978: 157]. Другое сходство кетской и самодийских традиций заключается в рассказах о шамане и месяце. Хотя мотив прилипшего к луне шамана у енисейцев не засвидетельствован, у них есть легенда о появлении месяца, которым становится первый шаман Дог, после того как его разорвали на две части солнце и демон [Donner 1933: 94]. Этот мотив распространён в Сибири строго локально, он имеется также у ненцев, хантов и селькупов, а в кетских материалах встречается чаще без указания на шаманский статус героя (см., напр., [Дульзон 1965: 100-101, 113-115 (текст 47); Николаева 2006: 123-126])⁴².

В нганасанской легенде с шаманами связано появление Млечного Пути (*Фотади-инсюда* – Звёздный олень) и зарницы (*дянду*). Первый – это дыхание порога, на котором путешествовал один шаман вместе с семьёй. Вторая – след от летящего топора, брошенного другим шаманом [Симченко 1996а: 144-146]. В кетских шаманских легендах именно такие мотивы отсутствуют, но появление Млечного Пути тоже связывается с шаманом⁴³, что для остальных традиций не характерно.

И последнее в связи с кетской космогонией. В Келлоге был зафиксирован известный во всех районах Сибири мотив девушки на луне⁴⁴, но с

⁴² См. мотивы А29 «Солнце и демон соперничают из-за героя», А29А «Разорванный двумя женами», А29В «Разорванный Месяц» [Берёзкин 2011]. Подробнее о мотивном составе кетского цикла см. в главе III, § 2.

⁴³ Млечный Путь является дорогой Дога, по которой тот ходил к солнцу, и становится виден после того, как шаман по нему пролетел [Donner 1933: 93-94; 1955: 37]. Одно из таких путешествий закончилось тем, что Дог превратился в месяц [Donner 1933: 94]. Ср. мотив I109 «Млечный Путь – дорога небесных светил» [Берёзкин 2011]. Формулировка: Млечный Путь – дорога, по которой движутся Солнце и Луна. Распространение: бантуязычная Африка (фьоти; рунди), Большой Юго-Запад (хикарилья), Северные Анды (юпа). См. также мотив I58 «Млечный Путь – дорога птиц» [Берёзкин 2011]. Формулировка: Млечный Путь называется птичьим путем. Распространение в Сибири: ханты, манси, среднеамурские эвенки.

⁴⁴ См. мотив А32F «Лунная водоноша» [Берёзкин 2011].

объяснением, аналогий которому я не могу назвать: на луне есть девушка с пустыми вёдрами, которую туда закинул шаман [МЛЭ 2009: С.Н. Жижина].

У ненцев [Лехтисало 1998: 11-12] и кетов [Donner 1933: 94; Алексеенко 1981: 118; 2001: 103-104 (текст 44); 107-108 (текст 46)] распространён мотив того, что первый шаман становится родственником (зятем или мужем) смерти. У кетов же [Анучин 1914: 64] и долган [Попов 1937: 59-62] записаны тексты, в которых духи-помощники шамана обитают на дереве либо около дерева.

Некоторые мотивы, локализованные в Западной Сибири, связаны с темой шаманских путешествий. Суть мотива «На небо по облакам» заключается в том, что шаман добирается до верхнего мира по облакам, на туче и т.п. Такие легенды известны у кетов [Анучин 1914: 7-8; Алексеенко 2001: 104-108 (тексты 45, 46)] и северных селькупов [Пелих 1998: 67-68]. У энцев [Лабанаускас 2002б: 196-202] и нганасан [Симченко 1996а: 70] зафиксирован мотив, являющийся вариантом чудесной переправы через реку. Шаман преодолевает водную преграду вместе с людьми, при этом вода замерзает под идущими.

§ 6. Специфичные восточносибирские мотивы

Территорией Восточной Сибири ограничена дистрибуция нескольких мотивов, которые зафиксированы у эвенков и якутов либо у одной из этих этнических групп. Связи между ними выражаются в наличии общих мотивов, включённых в тематический раздел «Шаман и дерево». Мотив «Выращенный на дереве» распространён у эвенков (олимпийских либо подкаменнотунгусских) [Ксенофонтов 1992а: 91-93], а также центральных [Ксенофонтов 1992а: 41-42, 50, 52] и вилюйских [Ксенофонтов 1992а: 62-65] якутов. Его суть заключается в том, что души шаманов выращиваются на дереве (если указано, то это лиственница, реже – ель). Согласно другому мотиву, чем выше гнездо, в котором воспитывался шамана, тем сильнее он

будет. Мотив «Высокое гнездо» встречается у эвенков (илимпийских либо подкаменнотунгусских) [Ксенофонтов 1992а: 92-93] и центральных якутов [Ксенофонтов 1992а: 41-42]. Аналогичное распределение характерно для мотива «Новорождённый шаман и дерево»: шаманы рождаются около лиственницы либо шамана-младенца находят на лиственнице (подкаменнотунгусские эвенки [Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18)], центральные якуты [Ксенофонтов 1992а: 80-81]).

В Восточной Сибири распространены легенды, содержащие мотив «Шаман рубит скрепы звёзд». Они известны лишь у якутов, зато в нескольких вариантах, которые записаны у разных территориальных групп [Кулаковский 1979а: 14; Ксенофонтов 1992б: 238-240; Худяков 2002: 78, прим. 3]:

Северные якуты (Верхоянский окр.): шаман оделся в волчью доху и рукавицы, взял за пояс топор, стал шаманить и вышел за три-девять седалищ к звезде; когда шаман камлал, его волосы и ресницы покрылись снегом; шаман начал рубить звезду как дерево; вышедшие из юрты люди увидели, что от звезды летят искры [Худяков 2002: 78, прим. 3].

Центральные якуты (2-й Одунинский наслег Западно-Кангаласского улуса): на небе появилась звезда – *чолбон*, из-за которой зимняя пора удлиняется, а мороз усиливается; этот *чолбон* пошёл навстречу к Плеядам и задержал их ход; от этого усилилось их морозное дуновение; наступающее лето обещало быть холодным; люди обратились к шаману Агдага и уговорили его совершить камлание: он оделся по-зимнему, заткнул за пояс топор и вознёсся на небо к Чолбонтой-Тойону, насылающему *чолбоны*; шаман обратился к небу с молением; вслед за этим шаман, стоя в юрте, начал своим топором что-то рубить; все выбежали на двор и увидели, что от *чолбона* сыпались искры; *чолбон* исчез; шаман спустился на землю весь обледенелый и покрытый снегом [Ксенофонтов 1992б: 239-240].

У подкаменнотунгусских эвенков зафиксирован мотив «Испытание холодом» (два шамана соревнуются в выдержке на холод):

Подкаменнотунгусские эвенки (п. Полигус, Байкитский р-н, Эвенкийский национальный окр., Красноярский край): шаман Бакадя (Найдёныш) мог превращаться в *духа-мэлкен* (невидимку); на стойбище жил другой шаман; рано утром послышался плач ребёнка; много дней все слышали звук, но никто не видел его источник; шаман покамлал и сказал, что это не ребёнок, а шаман, превратившийся в ребёнка; шаман повёл людей искать плачущего, с собой не взяли вдовца; нашли плачущего ребёнка в люльке, которая висела на

лиственнице; шаман, камлая, подпилит дерево, ребёнка взяли и унесли домой; там ему сделали колыбель; за семь дней ребёнок стал взрослым человеком и опять стал шаманить; во время камлания ему подыскали имя – Бакадя; Бакадя много лет лечил людей; зимой Бакадя поссорился с другим шаманом из-за духов-помощников; они устроили состязание: расчистили от снега лёд на реке, сели друг от друга на расстоянии слышимости звука речи, надели шаманские плащи и разговаривали между собой неделю; наступил сильный мороз; о том, что шаманы живы, сообщали колокольчики, которые брякали на их плащах; Бакадя звонил пять дней, другой шаман на пятый день перестал звонить, замёрз; Бакадя звонил ещё два дня, затем пошёл к жене; шаман сказал жене, что они оба должны превратиться в птиц и исчезнуть, так как на этом месте им жить нельзя; шаман предложил лететь на край земли, на море, при этом он велел жене не брать железные подвески на одежде; жена забыла его требование и оставила железный игольник в своём поясе; Бакадя полетел с женой и уронил её на землю; она пропала, а Бакадя остался *мэлкэном* [Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18)].

Мне удалось обнаружить этот мотив только в одной сибирской шаманской легенде. Однако он хорошо известен за пределами Евразии⁴⁵.

§ 7. Специфичные дальневосточные мотивы

Как и для восточносибирских легенд, для текстов с Дальнего Востока характерно наличие ряда специфичных мотивов. Один из них является вариантом мотива о лишних светилах, погашенных некоторым персонажем⁴⁶: три солнца обжигают землю, два из них застрелены шаманом. Мотив шамана-стрелка зафиксирован у верхнеамурских и кур-урмийских нанайцев [Шимкевич 1896: 8-11; Лопатин 1922: 237-238; Сем 1996: 134-136]:

⁴⁵ См. мотив М35 «Кто не замерзнет?» [Берёзкин 2011]. Его формулировка: «Двое персонажей соревнуются, кто из них всю ночь проведёт на холоде и останется жив. К утру один из них погибает». Мотив распространён на Среднем Западе (меномини) и Большом Юго-Западе (липан), в Центральных Андах (кечуа, кауки, район Куско, аймара горной Боливии, чипайя) и Чако (тоба).

⁴⁶ См. мотивы А2А «Несколько солнц опаляют землю», А2В «Лишние солнца погашены» [Берёзкин 2011], а также [Thompson 1955-1958: motif A720.1].

Верхнеамурские нанайцы (с. Муху): вначале на земле жили двое людей: брат Ходай и сестра Мяменди; Мяменди укусила палец, из него побежала кровь; из капли крови, упавшей на землю, образовались один мужчина и две женщины; у женщин родились дети, от которых произошли все люди; существовало три солнца, поэтому было слишком светло и жарко; Мяменди сказала брату Ходай, чтобы он прострелил лишнее солнце; Ходай потушил стрелами из лука два солнца; людям стало жить легче, они начали плодиться ещё больше; их стало слишком много; Мяменди спросила брата, почему он не откроет дверь на тот свет; Ходай пошёл искать эту дверь, нашёл её и отпер; люди стали умирать, на земле накопилось много трупов, но хоронить было некому, так как шаманов ещё не было; Ходай увидел сон, в котором к нему явился *сеон* и сказал, что хочет сделать его шаманом, умеющим хоронить людей и провожать их в *бун*; *сеон* велел Ходай идти в лес, найти там шаманское дерево, на котором растут *толи*, *конгокта* и рога; утром Ходай отправился в лес и нашёл шаманское дерево; Ходай выбрал себе множество шаманских вещей, положил их в мешок и принёс домой; ночью все эти вещи зашумели, сказали, что их будет слишком много для одного Ходай; когда Ходай развязал мешок, шаманские вещи полетели в разные стороны к людям, достойным шаманского звания; появилось много шаманов, Ходай стал вместе с ними хоронить умерших и уводить души их в *бун*; Ходай было трудно ездить вверх по реке, поэтому он сделал так, чтобы одна половина реки текла вверх от его фанзы, а другая вниз; но догадался Ходай, что люди обленятся, и пустил всю воду вниз [Лопатин 1922: 237-238; Сем 1996: 134-135].

Кур-урмийские нанайцы: первые люди были бессмертными, после своей смерти они возрождались; первые два человека достигли глубокой старости и жили со своим престарелым сыном Долдчу-Ходаем; людей стало очень много; Долдчу-Ходай ушёл в пещеру, чтобы прекратить возрождение; отец завалил вход большим камнем, но возрождение человечества не прекратилось; старуха заткнула вход звериными шкурами и сказала, что, когда последняя истлеет, возрождение прекратится; на другое утро на небе взошли три солнца; от жары стало гибнуть всё живое; ночью взошли три луны; старик построил фанзу из камня *оуса*, приготовил лук и стрелы, застрелил лишние светила; необходимо было хоронить людей; старик увидел во сне *конгуру-загде* (шаманское дерево) и услышал голос, рассказавший как сделать шаманский костюм; пояс и бубен будут переносить в *бун*, помощниками будут бурханы Бучу и птица Кори [Шимкевич 1896: 8-11; Сем 1996: 135-136].

Приведённые тексты включают также мотив, связанный с происхождением смерти: дверь (дорога) на тот свет была открыта шаманом, в

результате люди начали умирать. Помимо разных групп нанайцев [Шимкевич 1896: 8-11; Лопатин 1922: 237-238; Сем 1996: 134-136] данный мотив засвидетельствован у орочей [Маргаритов 1888: 29]:

Орочи: прежде людей было немного, никто не умирал; смерть появилась впоследствии; молодой ороч, сын одного шамана, полез на утёс доставать яйца одной морской утки; набрал яиц, хотел слезать, но оступился, упал на камни и разбился; шаман-отец не доволен тем, что умер лишь его сын; шаман камлает, идёт в горы, вырывает яму и провозглашает её дорогой в Бунни Боà [Маргаритов 1888: 29].

Только на Дальнем Востоке встречается мотив «Шаман-оборотень», состоящий из нескольких эпизодов: внезапно умирает человек; его родственник или друг, родственники или друзья караулят около тела убийцу; появившееся ночью животное пытаются убить, ранят; животное сбегает; на следующий день выясняется, что в поселении умер либо находится при смерти шаман, который и был виновником гибели человека; иногда убийцу опознают по оставшемуся в ране оружию. Мотив содержится в записях, сделанных у нанайцев [Смоляк 1991: 59], ульчей [Смоляк 1991: 59] и нивхов [Таксами 1977: 105-106; Отаина 2010: 57-58 (текст I.10)] (приложение № 2: карта 26):

Нанайцы и ульчи: у нанайцев и ульчей была широко распространена легенда о том, как убили шамана-черта; внезапно умершего человека ночью караулили храбрецы, желавшие наказать злого духа (*амбан*), убившего их родственника (или друга, односельчанина); ночью *амбан* в образе медведя или выдры приходил к телу умершего, чтобы его съесть; в него бросали оружие, он убегал; на следующий день обнаруживалось, что в соседнем селении умирал от раны шаман; приходили, смотрели – в его груди оказывалась острога (или наконечник стрелы) охотника; дух-помощник этого шамана был злым духом [Смоляк 1991: 59].

Нивхи (восточное побережье Сахалина): жили два брата с родителями, сестрой и зятем; старший брат со своим зятем по реке к сопке спустился соболя искать; сделали балаган (шалаш); зять дрова рубил; его тесть по воду пошел; зять до темноты своего тестя не дождался; потом зять за своим тестем спустился и увидел, что тесть лежит мёртвый в воде; зять схватил его и принёс в дом; ночью, копьё взяв, около своего порога ждал; по реке вниз по течению смотрел; по реке, вверх по течению, два больших огня наравне

поднимались; совсем приблизясь, к двери подошли; большой сивуч в дверь зашёл, зять своим копьём этого сивуча колол; сивуч упал мёртвым, потом ожил; зять, бересту зажегши, посмотрел – кровь к реке спустилась; на следующий день, когда приближался к своей деревне, встретил младшего тестя; тот сказал: «Я страшную новость имею. В эту ночь твоя старуха сразу, кровью истекая, умерла. Я-то испугался, пришел»; зять рассказал ему, что произошло вечером; они принесли тело старшего тестя в деревню; мать с сыном вместе сожгли; их мать – сильный шаман – к своему ребенку поднявшись, его убив, съест хотела; в кашалота превратившись, поднявшись к нему, зло сделала [Таксами 1977: 105-106].

Нивхи: два брата отправились на рыбалку; договорились объехать остров с разных сторон и затем встретиться; вечером младший брат нашёл старшего брата в лодке, приставшей к берегу; младший брат сел рядом, сорвал пруттик, впереди себя его поставил, взял острогу и стал ждать (злого духа); когда стемнело, со стороны деревни прилетел орёл, сел на лодку с мёртвым; младший брат кинул в него острогу, попал; стали тянуть друг у друга, верёвка порвалась, орёл улетел; младший брат привёз старшего в деревню и похоронил; на другой день в соседнем доме все почему-то засуетились; младший брат пошёл туда, видит, что шаман-сосед стонет, а другой шаман камлает рядом; посмотрел, а острога торчит из груди больного; младший брат подошёл и выдернул свою острогу; «Так-то будет лучше!» – сказал; тот шаман умер, а брат вернулся домой с острогой [Отаина 2010: 57-58 (текст I.10)].

* * *

В ареальном распределении шаманских мотивов и их тематической принадлежности можно отметить следующие тенденции. Во-первых, существует набор мотивов, которые имеют статус пансибирских. Они распространены во всех ареалах региона либо в четырёх из них. Пансибирские мотивы связаны, как правило, со сверхъестественными способностями шамана, его становлением и основными направлениями той борьбы, которую он ведёт на протяжении своей жизни (противодействие духам и другим магическим специалистам). Среди пансибирских отсутствуют этиологические и эсхатологические мотивы.

Во-вторых, выделяются ареально приуроченные мотивы. Они сосредоточены, в первую очередь, в Западной, Восточной и Южной Сибири.

Тексты из этих ареалов являются наиболее разнообразными в отношении мотивного состава. Между Западной, Восточной и Южной Сибирью отчётливо прослеживаются специфичные связи в области шаманской мифологии. В то же время выявляются немногочисленные мотивы, распределение которых имеет следующие конфигурации: Западная Сибирь – Северо-Восточная Азия, Западная Сибирь – Дальний Восток, Восточная Сибирь – Северо-Восточная Азия – Дальний Восток. Такие мотивы бывают тематически связаны со становлением и особыми силами шамана, а также его путешествиями. Что касается мотивов, которые являются специфичными для одного ареала, то они чаще всего оказываются этиологическими.

Глава 3. Проблема формирования локальных вариантов шаманской мифологии в Сибири

При исследовании фольклорных диалектов возникает проблема их формирования. Какие причины лежат в его основе, типологические или исторические? Почему некоторые мотивы распространены в Сибири практически повсеместно, а другие встречаются строго ареально? На мой взгляд, давать какую-либо интерпретацию пансибирского мотивного набора преждевременно; чтобы понять природу его составляющих и причины их распространения, необходимо как минимум сравнение с данными по другим регионам, где зафиксирован шаманизм либо близкие социальные институты, и в первую очередь, по Центральной Азии и Северной Америке.

Когда же речь заходит о частных связях в области сибирской шаманской мифологии и происхождении отдельных мотивов, тот здесь существуют вполне решаемые сейчас проблемы, на которых стоит остановиться, тем более что с ними связана часть той небольшой историографии, которая посвящена шаманским легендам.

§ 1. Сожжение шаманов:

происхождение и распространение мотива

§ 1.1. Историография

Уникальная черта тюрко-монгольских текстов – это мотив сожжения шаманов. За пределами тюрко-монгольского мира он не встречается. Ввиду особой значимости указанного мотива приведу содержащий его текст, который записан у алтайцев:

Галдан-Церен каан выпустил такой указ: «Кто шаманит, пусть в Улалу приедет. В Улалу приедет, свой бубен привезёт, шубу шаманскую привезёт. Каан на это хочет посмотреть». Объявил, чтобы весь народ собрался. Прошёл год, как объявили этот приказ, и шаманить выпало на осень. Каан построил аил со ста семьюдесятью углами и кошару.

Кошару и аил он покрыл берестой, а внутрь наложил соломы. Он заколол сто семьдесят лошадей, в аиле мясо в *тешии* положил, и собрал много масла, *араки*, *быштак*, *курут* и всякой другой еды. Два отряда солдат привёл, аил окружил. Сто семьдесят камов приехало по указу Галдан-Церена. Эти камы приехали из Онгудая, Чои, Усть-Кана. Все они приехали на своих конях, на свои средства.

Смотрит Галдан-Церен каан и видит, что приехало сто семьдесят камов. Среди них каких только камов не было! Были и такие, что не сегодня-завтра умрут, и начинающие камы тринадцати-пятнадцати лет были, камы шестидесяти-семидесяти лет, и женщины-камы были. Если этих камов (по родам) разделить, то там были кумандинские, тубаларские, челканские, теленгитские, шорские, казахские и алтайские камы.

Самым сильным у них был с девятью бубнами кам Тоолок, было ему в то время пятьдесят лет. Второй по силе кам был из сеока Иркин – Калпас кам с семью бубнами. Третьим был Киндик кам из сеока Тодош. Четвертый кам был Дибирек из сеока Мундус, ему было семнадцать лет. Среди этих камов только из Улагана не было камов и из Кош-Агача не было. Слышали, но не приехали. А из других мест Алтая все камы приехали.

Тогда каан сильно над этим не задумывался, он их (камов) за собак считал, и думал так: «Разве они люди? Их можно сжечь. Как бумагу на костре можно сжечь, так и их можно сжечь. Какая польза от этих камов? Сжечь и посмотреть – пусть не один я вижу, и моё войско тоже пусть видит, камов помощники, слуги, *зайсаны*, *демичи* и другие пусть видят».

Как он и решил, загнал камов в аил со ста семьюдесятью углами и так им сказал: «Мы хотим на вас посмотреть, мы аил сожжём. Если среди вас действительно есть кам, если среди вас есть человек, если он может превращаться, если он людей сможет обмануть, то этот человек живым останется. Это приказ каана. Мы вас сжигаем, а кто выбежит, в того стрелять будем, голову отрубим».

Войско, которое тут стояло, аил со ста семьюдесятью углами подожгло, а когда его подожжёшь – что с огня возьмешь? Всё внутри аила быстро сгорит в огне: масло, жир, арака, мясо, одежда, все люди. Огонь ничего не щадит.

Смотрят люди – вокруг очага в аиле один кам ходит, камлает. (Из аила) в небо гусь вылетел. Когда он вылетел, один солдат в него прицелился. Командир остановил его и сказал: «Зачем хочешь стрелять? Это же не человек, а птица! Не было тебе такого приказа стрелять! Опустит оружие!» И солдат опустил ружьё. Ну, вот, люди видели это. Около ста семидесяти человек сгорело. Один кам живой стоит. Семь дней и семь ночей горел этот огонь. Что было в аиле, всё сгорело. Живым остался с девятью бубнами Тоолок из

Онгудайского аймака, жил он у села Кулада, у подножия трёх гор. Этот кам подошёл к Галдан-Церену и сказал: «Если ты Золотого Ойрота племени Ойрот-кааном хочешь быть, то ты сдурел, Галдан-Церен. Весь народ свой ты сгубил, сжёг. Камов своих ты проклял, алтайский народ сожрал. На твою родину придёт беда. Подчинишь свой народ монголу, китайцу, казаху. Алтайцы от тебя не отстанут (не простят). Разве ты меня съел? Сжигая сто семьдесят камов, что ты думал? Как каану, нет тебе жизни, как каму, мне нет жизни. Что мне ответишь: что умрёшь, или мне поможешь? Людям как объявишь?»

Каан испугался кама и сказал: «Сто табунов лошадей дадим, два хотона людей дадим, больше двух миллионов (денег) дадим. Что надо, берите, до самой смерти у себя в стране живите. Все ваши знатные баи, весь народ, дети, родичи пусть в ваших руках будут. Теперь вас никто не тронет, (только) нас не губите, нам беду не шлите. Теперь нам скажите, сколько камов в живых осталось – один, два или три, нам объясните». Тогда Толок сказал: «Я не один, из сеока Иркит Калпас кам есть, пусть встанет!» В очаге камень шевельнулся: «Я тоже живой!» Встал из очага Калпас кам, поздоровался, спрашивает (каана): «Что ты теперь будешь делать? Меня жёг столько дней, а я не умер. Что мне сделаешь?» Тут третий кам-гусь с неба спустился. «Я кам Дибирек из сеона Мундус», – сказал. Вот такой был случай. Осталось в живых на Алтае три кама (А.Г. Калкин, с. Ябоган Усть-Канского р-на Горно-Алтайской автономной обл.) [Подузова, Сагалаев 1983: 111-112].

Проанализировав текст, С.А. Подузова и А.М. Сагалаев пришли к выводу о связи этого сюжета с конкретными историческими фактами. В начале статьи они осторожно замечают: «События, описываемые в этих преданиях, восходят, вероятно, к джунгарскому времени» [Подузова, Сагалаев 1983: 111]. Затем более категорично: «Не вызывает сомнения, что в публикуемой легенде отражены реальные события, имевшие место в годы правления джунгарского хана Галдана-Церена (1725-1745 гг.)» [Подузова, Сагалаев 1983: 113]. В принципе, такая точка зрения не являлась новой и высказывалась ранее. За 30 лет до этого, известный этнограф Л.П. Потапов отметил: «Несомненно, что к джунгарскому периоду относятся довольно распространённые среди алтайцев легенды о сожжении шаманов и чудесном избавлении некоторых из них от мучительной смерти» [Потапов 1953: 130]. Впоследствии указанное мнение повторила в своей докторской диссертации Е.Е. Ямаева, хотя и без упоминания предшественников: «Гонения на шаманов имели место в

Ойратском (Джунгарском) государстве, прекратившем своё существование в середине XVIII в. Большинство алтайских племён, входивших в состав монголо-ойратских государственных образований, в той или иной степени обращены в ламаизм, в фольклоре алтайцев сохранились многочисленные рассказы о сожжении, гонении или пленении шаманов. Исходя из этого[,] можно с уверенностью утверждать, что миф относится к XVII-XVIII вв.» [Ямаева 2002: 61].

Таким образом, в этнографической литературе бытует точка зрения о джунгарской природе, которая характерна для мотива сожжения шаманов, что фактически означает его датировку ойратским временем. А это, как и мнение об отражении реальных событий в легенде, затрагивает две важные проблемы: (1) историзма фольклора, (2) происхождения отдельных мотивов и сюжетов.

Существование исторических референций в фольклорных текстах вряд ли можно отрицать, однако можно ли, например, события и имена, содержащиеся в текстах, надёжно соотносить с фактами и личностями реальной истории? Опыт показывает, что вряд ли (см., напр., [Клейн 1994; Неклюдов 2001; 2003; 2007]). Но не будем спешить и рассмотрим характерные для данного случая доводы *pro et contra*. Указанную гипотезу о происхождении мотива (сюжета) сожжения шаманов я условно назову джунгарской.

§ 1.2. Джунгарская гипотеза

Для её сторонников важно, что в легендах алтайцев присутствует большое количество географических и этнических деталей и то, что событие самим рассказчиком прямо отнесено ко времени правления Галдан-Церена. «Исторический факт», по их мнению, стал сюжетообразующим элементом [Подузова, Сагалаев 1983: 112]. Однако гипотеза проявляет слабость, в том числе, в историческом отношении.

Основные источники по истории Джунгарского ханства подразделяются на три вида: своды законов, хроники и *намтары*, т.е. биографии выдающихся

лам. «Их Цааз» – монголо-ойратское уложение 1640 г. и основной правовой источник по джунгарскому времени – содержит несколько пунктов, в которых указаны размеры штрафов за оскорбление ламского духовенства (24-27.3), и четыре статьи (182-185), непосредственно связанных с шаманами:

182. У человека, пригласившего к себе шамана или шаманку, взять его лошадь. У прибывшей шаманки тоже взять лошадь. У того, кто, увидев их, не возьмет /у них лошадей/, отобрать и его лошадь.

183. Кто увидит /где-либо/ онгона, должен забрать его. Но если владелец /онгона/ будет оспаривать и не отдаст его, то взять его лошадь.

184. Если /шаман/ произнесет заклятие, /обращаясь/ к знатному человеку, то взять /с него/ пяток, а если — простолюдину — две лошади.

185. Кто /убьет в целях использования в шаманском ритуале/ турпана, воробья или собаку, взять его лошадь, а за /убийство/ змей, кроме тех, которые водятся на горе Алак-ула, взять две стрелы. Но если у него не окажется стрел, то взять его нож [Дылков 1981]⁴⁷.

Как видно, ни в одной из статей смертная казнь не фигурирует, не встречаются даже физические наказания за совершение шаманских действий. Дело ограничивается штрафами, которые фигурируют и в монгольских хрониках [Эрдэнипэл 2005: 217], а также намтарах. В биографии джунгарского религиозного деятеля Зая-Пандиты, написанной его учеником Раднабхадрой, сказано, что:

[Зая-пандита] обнародовал повеление: «Всякий, кто увидит приносящего жертву онгонам, пусть [те] онгоны сожжет и заберет [у виновного] лошадь и овцу. У того, кто пригласит камлать шамана или шаманку, пусть заберёт лошадь. Шамана и шаманку же пусть окурит собачьим калом» [Раднабхадра 1999: 67 (10б-11а)]⁴⁸.

Методом борьбы, упомянутым здесь и хорошо освещённым в других источниках, является сожжение не шаманов, а онгонов, шаманских

⁴⁷ Об указах, запрещающих шаманскую веру в Восточной и Южной Монголии, см. [Пурбуева 1984: 25; Эрдэнипэл 2005: 217, 223-224, 245-246; Heissig 1953: 493, 514-515].

⁴⁸ Ср. в хронике Эрдэнипэла: «...по указанию Далай-ламы он [Зая-Пандита. – Е. Д.] вернулся в кочевья олётгов и с 1640 г. запретил всем поколениям олётгов и халхасцев правого крыла исповедовать красную религию, шаманизм и другие вероучения, установив и обнародовав новые правила поклонения жёлтому учению» [Эрдэнипэл 2005: 245].

принадлежностей [Пурбуева 1984: 73-74 (л. 53б-54а); Эрдэнипэл 2005: 217-218; Heissig 1953: 20, 524-525]⁴⁹. В намтаре Нейджи-Тойна [Пурбуева 1984; Heissig 1953] также не содержится свидетельств гонений, сопровождавшихся убийствами шаманов. Судя по основным письменным источникам, борьба с шаманизмом в Монголии была, но сожжений, кровопролитных и массовых преследований не происходило⁵⁰. Значит и «исторического факта» как такового нет.

С точки зрения фольклористики джунгарская гипотеза тоже вызывает возражения. Тексты о сожжении всех либо нескольких шаманов зафиксированы у алтайцев [Потанин 1881: 172 (текст 31 б); 1883: 289 (текст 63д), 290-291 (текст 64а); Синьковский 1883: 100; Соколов 1900: 298-300; Никифоров 1915: 238-239; Анохин 1924: 112-113, 128-129, 146; Подузова, Сагалаев 1983: 111-112] (ср. [Ямаева 2002: 61]), телеутов [Потанин 1883: 288 (текст 63б)], теленгитов Чуйской степи [Потанин 1883: 291 (текст 64б)] и прибайкальских бурят [Потанин 1883: 290 (текст 63i); Жамцарано 2001: 109]. Также существуют записи легенд о попытке сжечь только одного шамана, который в итоге чудом спасается (теленгиты [Потанин 1883: 293 (текст 64и), прибайкальские буряты [Потанин 1883: 289 (текст 63в); Манжигеев 1978: 22-23]). Имена их персонажей иногда перекликаются с теми, что содержатся в легендах о сожжении всех или нескольких шаманов. Наряду с антропонимикой тексты объединяет фигура инициатора сожжения. Хотя его конкретный статус варьируется, он всегда предстаёт как персонаж,

⁴⁹ Аналогичные действия ламского духовенства зафиксированы в сибирских источниках (южные тувинцы [Дьяконова 2004: 116], прибайкальские и забайкальские буряты [Герасимова 1969: 108; Гомбоева 1999: 120; Балдаев 2010: 23; Heissig 1953: 517-518]). О борьбе с шаманами императорской администрации см., напр., [Разумов, Сосновский 1898: 133; Гирченко 1926: 13].

⁵⁰ И.Я. Златкин пишет, что «монгольские ханы и князья... жестоко подавляли и преследовали шаманизм, шаманов и их последователей» [1983: 100], однако, поскольку ссылка на источники не приводится, трудно судить, что это были за меры.

наделённый властными полномочиями: хан Галдан-Церен (алтайцы [Подузова, Сагалаев 1983: 111-112]), хан Нам (алтайцы [Анохин 1924: 128]), хан Амыр-Сан (алтайцы [Соколов 1900: 298-299]), Еджен-хан (алтайцы [Потанин 1883: 290-291 (текст 64а)], два хана Дёрбён-ойрод-хан и Балаган (алтайцы [Потанин 1883: 289 (текст 63д)]), хан Ойрот (алтайцы [Синьковский 1883: 100]), ойратский чиновник (алтайцы [Анохин 1924: 112-113; 146]), русский хан (теленгиты [Потанин 1883: 291 (текст 64б)]), безымянный хан (алтайцы [Потанин 1881: 172 (текст 31 б); Анохин 1924: 129]), телеуты [Потанин 1883: 288 (текст 63б)], буряты-хонгодоры [Потанин 1883: 290 (текст 63i)], Ежимош (алтайцы [Никифоров 1915: 238-239]), иркутский начальник (прибайкальские буряты [Потанин 1883: 289 (текст 63в)]), иркутский генерал-губернатор (буряты [Манжигеев 1978: 22-23]), русские чиновники (прибайкальские буряты [Жамцарано 2001: 109]). Только в двух случаях шаманов, имена которых известны и по другим записям, пытаются сжечь те, чей высокий статус эксплицитно не выражен, – враги ойратского хана сары сойоны и халхасцы (теленгиты [Потанин 1883: 293 (тексты 64и, 64е)]).

Что касается имён спасшихся шаманов, то в текстах содержится их следующий набор (если у шамана два имени, они приводятся через «/»): Тостогош (алтайцы [Потанин 1883: 290-291 (текст 64а); Соколов 1900: 298-299; Анохин 1924: 129]), Тостогош / Абыс-кам (теленгиты [Потанин 1883: 291 (текст 64б); 293 (текст 64и)]), Абыс-кам / Тархан-бо (алтайцы [Потанин 1883: 289 (текст 63д)]), Калпас (алтайцы [Анохин 1924: 112-113; Подузова, Сагалаев 1983: 111-112]), Кам-кадылбаш (телеуты [Потанин 1883: 288 (текст 63б)]), Толок (алтайцы [Подузова, Сагалаев 1983: 111-112]), Мундус (алтайцы [Подузова, Сагалаев 1983: 111-112]), Чабаш (алтайцы [Анохин 1924: 128]), Газыр-гам (алтайцы [Потанин 1883: 290-291 (текст 64а)], Махунай (аларские буряты [Потанин 1883: 289 (текст 63в)]). Калпас, Тостогош, Тархан, Чабаш и Кадылбаш фигурируют также в шаманских родословных [Потанин 1883: 68;

Анохин 1924: 112, 128] (ср. [Потанин 1883: 288 (текст 63б)]; этим персонажам, за исключением Чабаша, адресуются шаманские призывания, записанные у алтайцев (Тостогошу [Анохин 1924: 129-130], Калпасу [Анохин 1924: 113; Каруновская 1935: 169-170], Тархану [Каруновская 1935: 167-168]) и теленгитов (Тостогошу [Потанин 1883: 72-73]). Помимо всего прочего, есть материалы, в которых содержится очевидная отсылка к легендам о сожжении шаманов:

Алтайцы: по словам иркыта Туйбыса (алтайца) взлетание кама из огня произошло на урочище Коту, по эту сторону Уляссутая; на этом месте виден его бубен и находится его могила [Потанин 1883: 289 (текст 63е)].

Алтайцы: по словам ангудайского шамана Энчу, спаслось от огня двое: дядя и племянник; дядя вынес племянника под мышкой; имя одного из них – Тостубаш [Потанин 1883: 289 (текст 63г)].

В содержательном плане тексты о сожжении шаманов различаются по своей полноте. В «идеале» они включают три эпизода: персонаж, наделённый высокой властью, сжигает всех либо нескольких шаманов; из них в огне чудом выживает один либо несколько; спасшиеся шаманы распространяют шаманизм вновь. Идея возрождения «шаманской веры» представлена в записях, сделанных у алтайцев и теленгитов:

Алтайцы: по распоряжению хана, шаман Тостогош был зажжён в юрте вместе с другими шаманами; все сгорели, а Тостогош вылетел в трубу юрты и остался невредим; он водворил снова шаманство на Алтае [Анохин 1924: 129] (ср. [Соколов 1900: 298-300]).

Телеуты: один хан велел собрать всех шаманов и сжечь; их собрали, посадили в одну юрту и зажгли; все сгорели, только Кам-кадылбаш вылетел из огня и спасся; от Кама-калдыбаша расплодился нынешние шаманы; телеутские шаманы при камлании поминают его, говоря о себе: «Я из поколения Кам-кадылбаша»; другие говорят: «Я из калдыбашева остатка» [Потанин 1883: 288 (текст 63б)].

Почему шаманы были сожжены? В текстах мотивировка отсутствует либо заключается в желании правителя проверить, есть ли среди шаманов истинные или все они являются обманщиками (алтайцы [Потанин 1881: 172 (текст 31 б); 1883: 289 (текст 63д), 290-291 (текст 64а); Соколов 1900: 298-299;

Подузова, Сагалаев 1983: 111-112], прибайкальские буряты [Потанин 1883: 289 (текст 63в), 290 (текст 63i)]:

Алтайцы: во времена двух ханов – Дорбон-ойрод-хана и Балагана – было много камов, но большая часть их были ложные; два хана велели собрать всех и сжечь: кто не ложный тот спасётся; все камы были собраны в одну юрту и начали камлать; снаружи юрты был зажжён костёр; все камы сгорели, только один вылетел невредимым; Балаган дал ему имя абыс-кам, а Дорбон-ойрод дал ему имя Тархан-бо [Потанин 1883: 289 (текст 63д)].

Алтайцы: Еджен-хан собрал всех камов и велел сжечь; при этом он сказал: «Худые сгорят, а настоящие живы останутся»; все камы сгорели, живыми остались только двое, Тостогош и Газыр-гам, которые вылетели из огня [Потанин 1883: 290-291 (текст 64а)].

Прибайкальские (аларские) буряты: иркутский начальник позвал шаманов и спросил, чем они могут доказать, что их вера не ложь; Махунай сказал, что он не сгораем; его посадили с бубном на камень, обложили и завалили соломой, которой собрали семьдесят возов; зажгли, солома сгорела, Махунай стряхнул с себя пепел и встал невредим [Потанин 1883: 289 (текст 63в)].

Прибайкальские буряты (хонгодоры): хан велел собрать всех шаманов, сделать для них соломенную юрту и сжечь; он говорил, что если они настоящие шаманы, то не сгорят; все сгорели, только один вышел невредим; это было в местности Онгу, которая лежит к востоку от Иркутска (Онгурён) [Потанин 1883: 290 (текст 63i)].

Таким образом, шаманы вынужденно демонстрируют свои способности, это служит доказательством наличия у них сверхъестественных сил. Такие легенды распространены шире Южной Сибири – они есть на Дальнем Востоке (нанайцы [Киле 1996: 426-427 (текст № 63)], орочи [Березницкий 1999: 142-143 (текст № 1), 144-145 (текст № 4)]), в Северо-Восточной Азии (см., напр., у юкагиров [Лаптев 1975: 237-238]) и в Восточной Сибири (в частности, у северных якутов [Худяков 2002: 143]). Нередко в роли инициатора испытания выступают чужаки.

Шаманы спасаются во время сожжения несколькими способами: (1) вылетая из огня, выпрыгивая через дымовое отверстие (алтайцы [Потанин 1881: 172 (текст 31 б); 1883: 289 (текст 63д), 290-291 (текст 64а); Соколов 1900: 298; Анохин 1924: 129, 146; Никифоров 1915: 238-239; Подузова, Сагалаев 1983: 111-112], телеуты [Потанин 1883: 288 (текст 63б)], теленгиты

[Потанин 1883: 293 (текст 64и)]; (2) останавливая огонь, превращая его в грязь, испуская из себя воду и т. п. (алтайцы [Потанин 1881: 172 (текст 31 б)]; прибайкальские буряты [Жамцарано 2001: 109]); (3) проявляя шаманскую неуязвимость (алтайцы [Анохин 1924: 112-113; Подузова, Сагалаев 1983: 111-112], прибайкальские буряты [Потанин 1883: 289 (текст 63в), 290 (текст 63и)]).

Прыжок шамана через дымовое отверстие жилища является мотивом, зафиксированным в Сибири также у энцев [Лабанаускас 2002б: 95-99], югов [Werner 1997: 264], кетов [Николаева 2006], «туруханских инородцев» [Третьяков 1869: 424-425], центральных якутов [Ксенофонов 1992а: 83-84] (ср. [Эргис 1960: 289-291 (текст № 194)]) и чукчей [Богораз 1899: 270], а в Монголии у дархатов [МЭМ 2011]; у алтайцев он встречается и в других контекстах [Анохин 1924: 120]. В текстах о сожжении шаманов первый способ реализуется порой через пансибирский мотив шаманских метаморфоз – спасаясь от огня, магический специалист превращается в птицу (алтайцы [Подузова, Сагалаев 1983: 111-112]). Второй способ связан с мотивом «Управление стихиями», популярным во всех ареалах Сибири (приложение № 2: карта 7) и в Монголии [Потанин 1883: 293 (текст 64з); Санжеев 1930: 47; 1931: 106; Пурбуева 1984: 65 (л. 39а, б); Heissig 1953: 522]. Мотив же шаманской неуязвимости, которым представлен третий способ, является, как и предыдущие, пансибирским (приложение № 2: карта 5), а его частная реализация – шаманская несгораемость – бывает связана также с умершим шаманом (его тело горит семь дней: кеты [Николаева 2006: 56-57]) и шаманскими атрибутами (люди хотят сжечь бубен, но он трижды выпрыгивает из костра: северо-восточные якуты [Балзер 1995])⁵¹. В Монголии легенды о попытке сожжения шамана тоже зафиксированы [Санжеев 1930: 48; МЭМ 2011]:

⁵¹ См. подробнее о мотивах шаманской неуязвимости, метаморфоз и управлении стихиями в главе II, § 1.

Дархаты: жил некогда шаман, которого враги не могли сжечь на костре, убить мечами, пристрелить из лука и отрубить ему голову [Санжеев 1930: 48].

Итак, основания джунгарской гипотезы расшатаны. Степень историзма фольклора, если под ним понимать «событийный историзм», является крайне низкой, если не нулевой [Клейн 1994; Неклюдов 2001; 2003; 2007]. Более того исторический факт, якобы лежащий в основе легенд, не найден в иных источниках. Тексты о сожжении шаманов пронизывает ряд мотивов, распространённых в нескольких ареалах Сибири и в Монголии; некоторые из этих мотивов имеют характер пансибирских. Несомненно, что все они существовали в до-ойратское время. Да и само распределение текстов о сожжении шаманов тоже не в пользу джунгарской гипотезы или, по крайней мере, не является для неё однозначным аргументом. Фиксации встречаются у прибайкальских бурят, которых, в отличие от южных алтайцев, экспансия Джунгарского ханства не затронула, а следовательно – и предполагаемые ойратские гонения на шаманов. К тому же мотив зафиксирован у хонгодоров – бурят, мигрировавших в Прибайкалье из Северо-Западной Монголии сравнительно поздно – в XVII в. Конечно, можно сказать, что западные буряты заимствовали мотив у алтайских тюрков, а переселившиеся в район хонгодоры – от местных бурят. Однако учитывая такую дистрибуцию, стоит выяснить, не встречается ли мотив сожжения шаманов за пределами Южной Сибири, поскольку может оказаться, что цепочка его фиксаций тянется в другие ареалы.

§ 1.3. Монголо-тибетская гипотеза

Мотив сожжения шаманов обнаруживается в монгольских письменных памятниках. «Üliger-ün dalai» («Море притч») содержит следующий рассказ:

Шигемуни наиболее прославил себя в борьбе с шаманами (*диртигенерун джурган бакши*); состязаясь с ними, он коснулся своего седалища; раздался дикий голос, из-под земли вышел огонь и явились духи, предводимые Очирвани; они ринулись на шаманов и стали поражать их; шаманы ударились в бегство, но река преградила им путь; из шестисот

тысяч уцелело всего двести шаманов; они, рассеявшись по миру, распространили чёрную веру, у которой до сих пор есть последователи [Нил 1858: 226-227, 330; Шашков 1864: 81-82].

Зафиксированный в Южной Сибири мотив сожжения шаманов здесь налицо: высокостатусный персонаж (божество) уничтожает с помощью огня практически всех шаманов; выживают немногие; они распространяют шаманизм. Поскольку «Üliger-ün dalai» является частью тибетского канона «Ганджура», переведённого на монгольский язык, правомерно выдвинуть гипотезу о монголо-тибетском происхождении мотива.

Как известно, распространение буддизма в Монголии сопровождалось активной переводческой деятельностью и внедрением буддийской литературы. Свидетельства этому находятся, в частности, в намтарах:

Предпринимая переписку Ганджура, [Нейджи-тойн] заказал из Пекина тушь, бумагу и киноварь и собрал много переписчиков, которые, переписали Ганджур 108 раз (?). Затем роздал по одному [комплекту?] Ганджура ванам, княгиням и принцессам, большим и малым нойонам, тоннам, хуvaraкам и тушимэлам каждого хошуна с приказанием: «Ревностно их почитайте!» А также дал их амбаню и сайтам восьми хошунов Пекина с повелением: «Почитайте и читайте!»... [Пурбуева 1984: 81 (л. 73б)].

Нейджи-тойн развернул свою миссионерскую деятельность в Восточной Монголии. В Джунгарии действовал другой проповедник, Зая-пандита, который составил «ясное письмо» и в период с 1638 по 1662 г. перевёл для ойратов более 200 буддийских сочинений, в том числе «Üligeriyin dalai» [Раднабхадра 1999: 62 (8б)]. Таким образом, начиная с XVII в., в монголыязычной среде начинает бытовать тибетский канон, включающий «Üliger-ün dalai», который в свою очередь содержит мотив сожжения шамана. По оценкам ведущих монголоведов, «Üliger-ün dalai» был крайне любим монголами и являлся одной из самых популярных частей «Ганджура» [Позднеев 1908: 121-122, 152; Владимирцов 1920: 102]. В бурятских дацанах, которые равнялись в книгопечатании на монгольские и тибетские монастыри, «Üliger-ün dalai» входил в число активно издаваемых буддийских сочинений, предназначенных для мирян [Галданова и др. 1983: 78-79]. В Санкт-

Петербурге хранятся его ксилографы, изготовленные в Агинском, Худонском (Кижингинском) и Цонгольском дацанах [Сазыкин 2004: 112-113, 421]⁵².

Можно предполагать, что мотив сожжения шаманов проник в Южную Сибирь при монгольском посредничестве и при этом имеет книжное буддийское происхождение. По сравнению с джунгарской гипотезой монголо-тибетская выглядит более правдоподобной: мотив из популярного монголо-тибетского сочинения проникает в Прибайкалье и на Алтай. Казалось бы, в решении проблемы осталось сделать последний шаг – обратиться к тибетскому оригиналу «Üliger-ün dalai» и удостовериться в наличии искомого мотива... Однако его там нет!

Тринадцатая глава («О посрамлении шести учителей») III раздела «Дзанлундо» («Сутра о мудром и глупом»), лёгшего в основу «Üliger-ün dalai», включает следующий фрагмент:

На следующий день Победоносного пригласил Индра. Был поставлен львиный трон, и Победоносный воссел на него. С правой стороны жертвенное подношение совершал Индра. С левой стороны жертвенное подношение совершал Брахма. Многочисленные окружающие сидели в полном молчании. Тогда Победоносный надавил рукой на львиный трон, тотчас оттуда раздался рев, подобный реву слона, и появились пять ракшасов, которые выхватили сиденья из-под шестерых учителей и разбили их вдребезги. А Ваджрапани, сжимая ваджру, наконечник которого извергал пламя, поднял его над головами шестерых учителей. Охваченные страхом, шестеро учителей бросились врассыпную. В трусливом смятении прыгнули они в реку, и им тут же настал конец.

Девяносто тысяч человек из окружения шестерых учителей прибегли к защите Будды и попросили принять их в монашество.

– Придите во благе, – сказал им Победоносный [Дзанлундо 2002: 80].

Очевидно, что эта часть «Дзанлундо» послужила прототипом приведенного ранее рассказа из «Üliger-ün dalai» (см. [Нил 1858: 226-227;

⁵² В бурятских монастырях, а также Туве, имел хождение и «Ганджур» на тибетском языке. Об истории одной его находке в Забайкалье см. [Вампилов, Чернышева 1969]. Обзор сведений о различных изданиях тибетского канона и историографии, ему посвящённой, содержится в [Болсохоева и др. 1989].

Шашков 1864: 81-82]). В то же время тибетский оригинал и монгольский перевод не являются идентичными. В «Дзанлундо» речь идёт о соперничестве Будды с шестью брахманами, которые, увидев проявления сил Победоносного и *ваджру*, извергающую пламя, бросились бежать. Они бросились в реку и погибли. В тибетском тексте отсутствуют эпизоды, связанные с чудесным спасением соперников властителя и их дальнейшей миссией (распространением своей веры). Мотива сожжения шаманов, отчётливо представленного в «Üliger-ün dalai», в «Дзанлундо» не оказалось.

Причина, видимо, заключается в вариативности, присущей тибетскому канону. Различные издания «Ганджура» и «Данджура» значительно отличаются друг от друга. Даже издания одной монастырской печатни не всегда оставались полностью идентичными: дополнения и исправления вводились в уже ранее тиражированные издания – непосредственно в ксилографические доски. Всё это позволяет говорить о тибетском каноне как движущейся системе текстов [Маланова 1989]. В данном случае мы, вероятно, имеем дело с монгольскими содержательными привнесениями в перевод «Ганджура». Отсутствие в «Дзанлундо» мотива и его присутствие (по известному мне переводу) в «Üliger-ün dalai» наводит на мысль о том, что мотив сожжения шаманов уже бытовал в монголоязычной среде к моменту прихода в страну ламаизма и проник в литературный памятник из фольклорной среды. В современной устной традиции мотив действительно бытует, однако его отношение к книжности остаётся неясным:

Халха-монголы (окрестности Хайрхана): на западной стороне Монголии было много шаманов, там ламы истребляли шаманов; ламы собрали шаманов, чтобы проверить их силы, сожгли всех шаманов, жгли их в яме; остались очень немногие, они выжили в огне, вызвали в себя *онготы*; некоторые оставили шаманизм, стали жёлтыми ламами, другие прятались в горах, камнях [МЭМ 2011].

Итак, хотя монголо-тибетская гипотеза не подтвердилась полностью, она тем самым является возможным контраргументом для гипотезы джунгарской. Если мотив присутствовал в Монголии до распространения там буддизма, то о

его происхождении, связанном с ламаистскими гонениями на шаманов, и речи быть не может.

§ 1.4. Курыканская гипотеза

Вернёмся к сибирским текстам и внимательнее рассмотрим имеющиеся материалы ещё раз. В алтайском тексте выживший в огне шаман Тостогош водворяет шаманизм вновь [Анохин 1924: 129] (ср. [Нил 1858: 226-227; Шашков 1864: 81-82]). В другом варианте Тостогошу, пережившему сожжение, отрубает голову, которая затем превращается в злого Эрлика. Он мстил монголам и алтайцам, навлекая на них одну беду за другой. Чтобы избавиться от Эрлика, многие «калмыки» стали шаманами, которых сам же Эрлик и научил камлать. С тех пор камы снова появляются на Алтае [Соколов 1900: 298-300]. В телеутской легенде из всех шаманов в огне выживает только Кам-кадылбаш. От него расплодился нынешние шаманы [Потанин 1883: 288 (текст 63б)].

Таким образом, спасшиеся шаманы являются в некотором смысле первыми шаманами. Именно с ними связано происхождение нынешнего шаманизма. Поэтому в выяснении дистрибуцию, характерной для мотива сожжения шаманов, особый интерес представляют остальные сибирские легенды о первых шаманах.

В южносибирских текстах, посвящённых происхождению изначального шаманизма, разбираемый мотив не содержится. Не зафиксирован он и в Западной Сибири. Распространённый на Алтае и Прибайкалье он появляется вновь только в Лено-Алданском междуречье – у центральных якутов [Припузов 1884: 64; Приклонский 1891: 52; Lewitzky 1957: 35]. Привожу текст с ним полностью:

Неизвестно, откуда взял первый шаман своё учение. Первого шамана якуты называют *Ан аргыл оюн* (двери, большой), который был очень могущественен и делал великие чудеса, например: кроме исцеления больных, он воскрешал мёртвых, умерших тому назад три года, и давал зрение слепым. Такие дела его стали известны Аи-тоену, который три

раза посылал своего служителя спросить, во имя кого он делает такие чудеса и верует ли в него. На это первый шаман три раза сказал, что он делает чудеса своею силою и не верует в Аи-тоена. Тогда, разгневавшийся бог велел сжечь непокорного шамана, чтобы ничего не осталось от него; но так как всё тело его состояло из разных пресмыкающихся гадов, то огня избежала одна лягушка, которая поселилась на вершинах высочайших гор, где она расплодилась; у неё родились следующие демоны-шаманы: *Хара баргыя тоен* (чёрный клокочущий господин) и *Кюнь кянгись оюн* (солнце ненасытный), которые и по ныне даруют якутам знаменитых шаманов и шаманок [Припузов 1884: 64]⁵³.

Сейчас можно окончательно определит суть мотива «Сожжение шаманов»: высокостатусный персонаж (правитель, божество) уничтожает с помощью огня всех существующих шаманов, чудом выжившие персонажи распространяют шаманизм вновь. Распределение мотива: алтайцы, телеуты, теленгиты, «Üliger-ün dalai» (но не его тибетский оригинал), халха-монголы, прибайкальские буряты, центральные якуты (приложение № 2: карта 27). Последняя фиксация очень существенна, поскольку позволяет

⁵³ Текст, приведённый В.Л. Приклонским [1891: 52], практически идентичен легенде, которую опубликовал Н.П. Припузов. Ссылка отсутствует, однако о работе Припузова Приклонский наверняка знал, о чём свидетельствует упоминание в другом месте [1891: 44]. Поэтому я склоняюсь к тому, чтобы рассматривать легенду из [Приклонский 1891: 52] как цитату, нежели вторую фиксацию.

Среди изданных якутских материалов запись Припузова [1884: 64] является, видимо, уникальной. В «Журнале заседания» РГО есть сведения о другой его работе: «Действ. член В.В. Радлов доложил отзыв о рассмотренной им рукописи Н.П. Припузова: “Сведения для изучения этнографии Якутского округа, собранные по программе Императорского Русского Географического Общества”. Доставленные сведения относятся к отд. III названной программы: язык, предания и памятники, и отд. IV: домашний быт» [Журнал заседания 1887: 767]. После изложения критики приводится решение: «Хранить рукопись г. Припузова в учёном архиве Общества» [Журнал заседания 1887: 769]. Насколько мне известно, она так и не была опубликована.

Что касается текста в статье А. Левицкого [Lewitzky 1957: 35], то он, хотя ссылка снова не даётся, очевидно, является переводом легенды из работ Припузова или Приклонского.

скорректировать выводы о происхождении мотива. К тому же в легенде, записанной Н.П. Припузовым, содержатся мотивы «Соперничество с богами» и «Устранение первого шамана», ареальное распространение которых, вероятно, тоже обусловлено исторически.

Текст о соперничестве первого шамана с Аи-Тоёном и последующем уничтожении шамана зафиксирован лишь в центральном районе Якутии, бывшем Якутском округе, тогда как для других групп якутов характерны иные мотивы ([Васильев 1910: 286; Попов 1947: 290; 2006: 31-32; Алексеев и др. 1995: 52-55 (текст 2, блок 8, 10)] и др.). В основном, они включаются в цикл об Эллее и связывают первого шамана с именем его сына Лабынгха.

Неавтохтонность якутов является бесспорной. Отделение якутского языка от тюркской основы датируется по методу глоттохронологии примерно 160 г. н. э. [Дыбо 2006: 784]. Среди сибирских тюркских языков в якутском выделяется наивысшее количество слов монгольского происхождения [Рассадин 1980: 65-90, 92-93]. В антропологическом типе якутов присутствуют центральноазиатские особенности, что сближает их с бурятами и тувинцами [Алексеев, Гохман 1984: 104–105, 131, 165]. Приход якутов с юга подтверждается помимо прочего данными генетики [Pakendorf et al. 2006; Тарская и др. 2009].

Разные группы якутов довольно сильно различаются в области культуры в зависимости от этнических компонентов, которые легли в их основу. В частности, выделяются кыпчакский и курыканский компоненты, с первым из которых, по-видимому, связан цикл об Эллее [Тарская и др. 2009: 24, 26]. Что касается второго компонента, то он соотносится с тюркизированными монголоязычными, а также испытывавшими монгольское влияние тюркскими предками якутов, занимавших Алдано-Ленское плоскогорье Центральной Якутии [Гоголев 1993: 61].

Южносибирский исход протоякутов отчётливо прослеживается по археологическим источникам. В VI-X вв. в Прибайкалье существует

куруканская (курумчинская) археологическая культура, а в XIV в. на севере Лено-Амгинского междуречья появляются кулун-атахские памятники [Гоголев 1990: 10-51; 1993: 87-96; Алексеев 1996: 30-32]. Обнаруженные на них типы керамики и ножей, бусы из бирюзы, нефрита и перламутра, наконечник со знаками рунического письма, формы жилищ и мн. др. проявляют определённую связь с аналогичными вещами из культур Южной и Западной Сибири, в основном, датируемых курыкано-уйгурским временем [Гоголев 1990: 48; 1993: 94]. Преобладающее значение имели явные курыканские элементы [Гоголев 1990: 50], появление которых в сильноудалённом от Прибайкалья районе свидетельствует о миграции части курыкан на территорию Алдано-Ленского плоскогорья. Впоследствии они составили основу населения Центральной Якутии, среди которого проводил полевые исследования Н.П. Припузов [1884].

Упадок курыканской культуры в IX-X в. отчасти был связан с кыргызской агрессией [Гоголев 1993: 44]. Другим фактором, изменившим ситуацию в Прибайкалье, стала миграция сюда в X-XI вв. монгольского племени хори. Вероятно, именно под их давлением часть курыкан уходит вниз по Лене, в район северного Лено-Амгинского междуречья, тогда как остальные курыкане остаются на своей территории и входят в состав нового политического объединения, возглавляемого хори [Дашибалов 1995: 164]. На основании этого этнического образования формируются затем западные буряты. Примечательно, что тексты о получившем дар от орла первом шамане, соперничавшем с богами и устранившем из мира людей, записаны у разных групп прибайкальских бурят, но не встречаются у забайкальских. Таким образом, легенды с данными мотивами зафиксированы только у тех групп бурят и якутов, в этногенезе которых присутствует сильный курыканский компонент. Впрочем, в случае бурятских фиксаций дело может заключаться и в ламаистском влиянии на восточных бурят, выразившимся в стирании шаманских традиций в Забайкалье.

С курыканским компонентом, вероятно, связан мотив сожжения шаманов, распространённый в Восточной Сибири только у центральных якутов. Поскольку после миграции из Прибайкалья их контакты с западными бурятами и тем более алтайцами были практически невозможны, я считаю, что для мотива резонно установить *terminus ante quem*: X-XI вв., т. е. время южносибирского исхода курыкан-протоякутов. Судя по всему, мотив сожжения шаманов существовал задолго до появления Джунгарского ханства и прихода буддизма в Монголию.

§ 2. Кетский цикл о Доге на общесибирском фоне

Фиксации текстов о первых шаманах обычно являются единичными, но не в случае кетов и бурят, у которых есть развёрнутые повествования о первом шамане, представленные во многих вариантах. Наиболее многочисленны и разнообразны кетские материалы, они объединяются в цикл о Доге и заметно выделяются на сибирском фоне [Анучин 1914: 7-8, 14, 16, 23; Финдейзен 1929: 130-131; Ошаров 1936а: 106-109; Дульзон 1964: 188-195; Николаев 1985: 123 (прил. 2); Алексеенко 1981: 97 (прим. 37), 101 (прим. 56); 2001: 103-116 (тексты 44-51); Николаева 2006: 24-26, 43, 51-53; Donner 1933: 93-94; 1955: 37]⁵⁴. Возникает проблема происхождения кетского цикла: как и когда он сформировался? Прежде всего стоит выяснить, насколько его мотивный состав специфичен.

Я предлагаю выделить две группы: мотивы, встречающиеся главным образом за пределами шаманских легенд, и те, которые характерны преимущественно для текстов о шаманах. К первой группе относится мотив нырятьщика, широко распространённый в Сибири (Сб «Нырятьщик»: ненцы, нганасаны, энцы, ханты, манси, кеты, селькупы, сибирские татары, алтайцы, шорцы, хакасы, буряты, якуты, эвенки, эвены, нанайцы, негидальцы,

⁵⁴ В качестве первого шамана у кетов иногда фигурирует герой Альба [Donner 1933: 88; 1955: 17].

юкагиры, Русское Устье, Марково [Берёзкин 2011]⁵⁵). Дог просит гагару принести кусочек земли со дна моря и создаёт сушу [Анучин 1914: 14].

Следующий мотив связан с проникновением в иной мир нежеланного гостя. Охотник, живущий на небе, падает на землю, но люди не видят его. Он хватается девушку за край парки, она начинает умирать. Затем люди вызывают Дога, который отправляет охотника обратно на небо [Дульзон 1964: 188-195]. Мотив I56 «Духи не видят живых» (человек, попадающий в иной мир, невидим для его обитателей, а его прикосновение обычно приносит болезнь) зафиксирован в Сибири у ненцев, нганасан, энцев, долган, манси, кетов, селькупов, тофаларов, хакасов, бурят, якутов, эвенков, эвенов, негидальцев, уйльта, нивхов, эскимосов [Берёзкин 2011]⁵⁶.

Согласно записям В.И. Анучина, Дог поражает громом и молнией злых духов *кынсей*. При этом молния получается от ударов его стрел о тучу, как искра от удара огнива о кремень [Анучин 1914: 8]. Данный мотив встречается в Сибири у хантов, селькупов, кетов, тувинцев, бурят, якутов, эвенов, ительменов, орочей (I3 «Оружие Грома» [Берёзкин 2011]). Его формулировка: молнию (и гром) производит предмет (меч, зеркало и пр.) в руках персонажа; молния есть предмет.

Два мотива, которые содержит кетский цикл, распространены в Сибири менее широко, чем предыдущие. В одном из текстов шаман становится месяцем, после того как его разорвали на две части солнце и демон [Donner 1933: 94]. Этот мотив имеется также у ненцев, хантов и селькупов (A29 «Солнце и демон соперничают из-за героя» [Берёзкин 2011]); в других ареалах Сибири он не известен.

⁵⁵ См. также мотивы 3А «Первичные воды», С6С «Ныряльщик – птица», С6D «Доставание земли» [Берёзкин 2011]. О распространении мотива ныряльщика см. подробнее [Напольских 1990а, б; 2011].

⁵⁶ Помимо указанных у Ю.Е. Берёзкина текстов см. [Отаина 2010: 37-43 (текст 6)]. Анализ вариантов представлен в [Неклюдов, Новик 2010].

Сына Дога, рождённого на небе и упавшего на землю, съели незнакомые люди, затем все они забеременели [Donner 1933: 94] (ср. [Алексеевко 2001: 74]). Мужчины в итоге погибли, что близко соответствует мотиву, зафиксированному в Сибири только у кетов (I4A «Гром в беде» [Берёзкин 2011])⁵⁷.

Вторая группа содержит шаманские мотивы, в числе которых – «Шаманские метаморфозы» и «Превращение в птицу» [Алексеевко 1981: 114; 2001: 84 (текст 30), 104-106 (текст 45)]. Они имеют статус пансибирских. Иногда Дог превращается в насекомое [Алексеевко 1981: 114 (прим. 122); 2001: 108-110 (текст 47)], что является ареально приуроченным мотивом, встречающимся также у хакасов [Бутанаева 2007: 112], прибайкальских бурят [Бохולי-Хара 1880; Моргон-Хара 1880; Дамеев 1927; Михайлов 1996: 63-64; Curtin 1909: 111-113; Lewitzky 1957: 35-36], центральных якутов [Эргис 1960: 264-267 (текст № 184); Ксенофонов 1992б: 200, 208] и чукчей [Богораз 1899]. В Западной Сибири этот мотив распространён только у кетов; большинство записей с ним сделано в тюрко-монгольских традициях.

Другими мотивами, сближающими кетов с этническими группами Юго-Восточной Сибири, являются «Первый шаман – орёл» (кеты [Анучин 1914: 23], хакасы [Штернберг 1925: 733], прибайкальские буряты [Хангалов 1890: 16; 1960: 130; Агапитов, Хангалов 1958: 300 (прим.)]; приложение № 2: карта 17), «Дар от птицы» (кеты [Анучин 1914: 23, 54], прибайкальские буряты [Сказания бурят 1890: 123-124 (текст LI); Дамеев 1927: 69-70; Агапитов, Хангалов 1958: 363-365; Хангалов 1960: 130]; приложение № 2: карта 18), «Возвращение первого шамана» (кеты [Анучин 1914: 8], прибайкальские буряты [Бохולי-Хара 1880: 89-90]; приложение № 2:

⁵⁷ Из редких на общесибирском фоне мотивов, которые зафиксированы у кетов вне связи с шаманами, см., напр., мотив «Вавилонской башни»: люди строили каменную лестницу на небо; она разрушена богом; люди падают, возникают разные языки [Дульзон 1965: 101-102, 115-116 (текст 48)]. Помимо кетов мотив встречается в Сибири только у ненцев (B86 «Вавилонская башня» [Берёзкин 2011]).

карта 19), «Неузнанный шаман» (кеты [Финдейзен 1929: 130-131; Дульзон 1964: 188-195; Алексеенко 2001: 107-108 (текст 46), 112-116 (тексты 49, 50, 51); Donner 1933: 94], хакасы [Бутанаева 2007: 111], прибайкальские буряты [Сказания бурят 1890: 123-124 (текст LI); Дамеев 1927: 69; Агапитов, Хангалов 1958: 363-365; Хангалов 1960 б: 141-142; Манжигеев 1978: 57], северо-восточные якуты [Balzer 1996: 307]; приложение № 2: карта 15).

Некоторые мотивы кетского цикла встречаются у ненцев, но опять же распространены преимущественно в Южной и Восточной Сибири. Таковыми являются «Соперничество с богами» (кеты [Анучин 1914: 7-8, 14; Финдейзен 1929: 130-131; Алексеенко 2001: 103-104 (текст 44), 107-110 (тексты 46-47), 113-116 (тексты 50, 51)], ненцы [Лехтисало 1998: 11-12], кумандинцы [Алексеев 1984: 57], алтайцы [Потанин 1883: 290-291 (текст 64а)], прибайкальские буряты [Шашков 1864: 81; Бохоли-Хара 1880; Моргон-Хара 1880; Балдунников 1927: 68; Дамеев 1927: 69-70; Михайлов 1996: 63-64; Жамцарано 2001: 73-74; Lewitzky 1957: 35-36], непские (киренские) эвенки [Василевич 1936: 74 (текст 56)], центральные якуты [Припузов 1884: 64; Приклонский 1891: 52; Lewitzky 1957: 35]) и «Устранение первого шамана» (кеты [Анучин 1914: 7-8, 54; Финдейзен 1929: 130-131; Дульзон 1964: 192-195; Алексеенко 1981: 97 (прим. 37); 2001: 104-106 (текст 45), 107-108 (текст 46); Николаева 2006: 24-26, 51-52; Donner 1933: 94]⁵⁸, ненцы [Лехтисало 1998: 11-12], непские (киренские) эвенки [Василевич 1936: 74 (текст 56)], прибайкальские буряты [Шашков 1864: 81; Моргон-Хара 1880: 88-89; Бохоли-Хара 1880: 90; Балдунников 1927: 68-69; Дамеев 1927: 70; Михайлов 1996: 64; Жамцарано 2001: 73-74; Lewitzky 1957: 35-36], центральные якуты [Припузов 1884: 64; Приклонский 1891: 52; Lewitzky 1957: 35]).

⁵⁸ Ср. у **югов** [Иванов, Гопоров 1965: 137-138] и **селькупов** [Пелих 1998: 67-68. Цит. по: Берёзкин 2011], см. также кетский текст без указания имени шамана [Ошаров 1936а: 106-109 = Николаева 2006: 43].

Для части мотивов, связанных с Догом и популярных в других традициях Западной Сибири, характерно наличие единичных фиксаций за пределами ареала. Мотив «Исход на небеса» зафиксирован у кетов [Ошаров 1936: 106-109; Алексеенко 2001: 104-108 (тексты 45, 46), 110-116 (тексты 48, 49, 50, 51); Николаева 2006: 24-26, 43], нганасан [Попов 1984: 45-47; Долгих 1976: 106-109 (текст 28); Симченко 1996а: 144-145], северных селькупов [Пелих 1998: 67-68], хантов [Кулемзин, Лукина 1978: 147-149 (тексты 129, 130, 131, 132); Лукина 1991: текст № 55], а также «инородцев Анадырского края» (вероятно, чуванцев) [Дьячков 1893: 129-130] (приложение № 2: карта 24). Тексты с мотивом «Путешествие с перелётными птицами» записаны у кетов [Алексеенко 1981: 114, 122; 2001: 84 (текст 30); 104-110 (тексты 45, 46, 47)], энцев [Лабанаускас 2002б: 95-99; Функ 2008: 187 (№ 68/93)], нганасан [Долгих 1976: 59-60 (текст № 16)], ненцев [Третьяков 1869: 400; Попов 1944: 91], «туруханских инородцев» [Третьяков 1869: 424-425], долган [Попов 1937: 54-57; Ефремов 2000: текст 28], илимпийских [Васильев 1936: 255] подкаменнотунгусских [Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18)] и верхнеленских [Василевич 1936: 75 (текст 57)] эвенков, северных якутов [Кулаковский 1972б: 284 (текст № 9); Худяков 2002: 85-86, прим. 7] (приложение № 2: карта 21).

Дистрибуция мотивов «Шаман – родственник смерти» и «На небо по облакам», по-видимому, ограничена Западной Сибирью. Первый мотив встречается у кетов [Donner 1933: 94; Алексеенко 1981: 118; 2001: 103-104 (текст 44); 107-108 (текст 46)] и ненцев [Лехтисало 1998: 11-12], второй – у кетов [Анучин 1914: 7-8; Алексеенко 2001: 104-108 (тексты 45, 46)] и северных селькупов [Пелих 1998: 67-68].

Исследование кетского цикла и его формирования вплотную подводит к вопросам, связанным с этнической историей енисейцев. «Кетская проблема» – так называется одна из лучших обобщающих работ, посвящённых этногенезу кетов [Алексеенко 1980]. С момента выхода статьи Е.А. Алексеенко кетская

проблема не перестала быть таковой – история этого народа и енисейцев в целом до сих включает множество неразрешённых вопросов. И всё же многое теперь понятно. Несомненным является южное происхождение енисейцев, язык которых родственен северокавказским и синотибетским [Старостин 1982; 1984]. Данные топонимики свидетельствуют о том, что носители енисейских языков продолжительное время обитали в некоторых частях Южной Сибири, в частности Минусинской котловине и Туве [Дульзон 1962]. Очевидно, что праенисейцы контактировали с пратюрками, о чём свидетельствуют заимствования из пратюркского в праенисейский язык (в основном термины материальной культуры) [Дыбо 2006: 780-781; 2007: 154-155]; на интенсивность контактов на праязыковом уровне указывают и явления «союзного» типа в лексике [Дыбо 2007: 160-169].

Южное происхождение кетов подтверждается этнографическими источниками [Алексеенко 1973; 1980: 133-137], а также хакасско-кетскими связями в области фольклора [Николаев 1974]. Археологическая идентификация протоенисейцев затруднена; существует мнение, что предками кетов являются носители карасукской археологической культуры либо одной из культур карасукского типа (см., напр., [Членова 1969; 1975]), однако есть и другие варианты языковой атрибуции карасукцев [Клейн 2000], а правомерность выделения карасукской общности сейчас отвергается [Ковалёв 2004: 264]. Так или иначе, но кеты мигрировали на средний Енисей из Южной Сибири, причём довольно поздно – основные волны, по-видимому, относятся к IX-XIII вв. (см. [Иванов, Топоров 1964; Алексеенко 1980: 139-140]).

Опыт показывает, что ни один повествовательный текст нельзя считать «исконно» присущим культуре того или иного народа [Берёзкин 2003б]. Кетский цикл – яркий феномен на общесибирском фоне, но его мотивный состав в основе своей не является уникальным. Ряд мотивов обладает пансибирским статусом. Другие встречаются в Сибири локально и не хаотично, поэтому едва ли речь идёт о случайности их распределения. Скорее

всего, причины дистрибуции носят исторический характер. Некоторые компоненты мотивного состава находят аналогии только у самодийцев и угров, а также в Северо-Восточной Азии. Остальная часть мотивов тяготеет к тюрко-монгольским традициям, причём отчётливыми являются связи с прибайкальскими бурятами. Можно полагать, что ядро цикла было сформировано к моменту южносибирского исхода кетов.

Заключение

Завершая работу, можно сделать следующие выводы:

1. Массовая обработка текстов позволила выявить узловые моменты в тематике сибирских шаманских легенд. Мотивы группируются следующим образом: «Этиология: земля, небо и светила», «Этиология: люди, животные и демоны», «Происхождение шаманизма и деяния первых шаманов», «Становление шамана», «Шаман и дерево», «Смерть и похороны шамана», «Силы и внешние особенности шамана», «Слабости шамана», «Шаманские правила», «Борьба с противниками и помощь нуждающимся», «Шаманские путешествия», «Эсхатология». Наиболее разнообразными и многочисленными являются мотивы, связанные с темами сверхъестественных способностей шамана, его борьбы с различными персонажами (магическими специалистами, духами болезней и др.) и шаманских путешествий.

2. Проанализировав собранный корпус текстов, удалось выделить ряд черт, которые являются общими для локальных вариантов шаманской мифологии. Это *пансибирские* мотивы, под которыми понимаются идеи, распространённые как минимум в четырёх ареалах. Среди таких мотивов присутствуют шаманское дерево, анатомические аномалии шамана, манипуляции с органами и костями, шаманские метаморфозы и предсказания, неуязвимость шамана, воскресший шаман, воскрешение мёртвых, управление стихиями, противодействие духам, шаманские поединки. Это доминантные для региона идеи и то, что связывает сибирские традиции в их восприятии шамана.

Помимо пансибирских мотивов существуют те, чья дистрибуция этнически и географически ограничена. Был выявлен набор мотивов, распространённых только в Западной, Южной и Восточной Сибири, как-то: соперничество с высшими богами, устранение первого шамана, шаманское проклятие и трикстерство, шаман – родственник богов, неузнанный шаман,

наводнение в жилище, отложенная беременность. Вдобавок к этому существует ряд мотивов, распространённых в двух из трёх этих ареалов. Некоторые связывают между собой Западную и Южную Сибирь: первый шаман – орёл, дар от птицы, первый шаман как заступник, ожидаемое возвращение первого шамана, расшевелённый дух. Несколько мотивов сближают Западную и Восточную Сибирь: путешествие с перелётными птицами, возвращение похищенной жены, попадание в верхний мир через отверстие в небе, превращение шамана в стихии (туман, молнию и пр.). Последний мотив, являясь образцом шаманских метаморфоз, представляет собой и отдельную текстовую единицу с чёткой ареальной приуроченностью. Восточная и Южная Сибирь тоже имеют специфичные связи в области мотивного состава. На этих территориях локализованы следующие мотивы: шаман – сын божества, ужаленный бог, сожжение шаманов, огненное камлание, ловушка для духа.

В Восточной Сибири встречаются мотивы, распространённые помимо того лишь в Северо-Восточной Азии и на Дальнем Востоке (оживление давно умершего животного) либо только в Северо-Восточной Азии (рука как нож). Особый интерес представляют связи в области шаманской мифологии между Западной Сибирью и Северо-Восточной Азией. Наиболее заметным из мотивов, которые, по-видимому, не встречаются за пределами этих ареалов, является исход на небеса: шаман вместе с другими людьми запрягает оленей в нарты и отправляется жить на небо. В Западной Сибири мотив встречается у нганасан, кетов, эвенков, селькупов и хантов, а в Северо-Восточной Азии – у чуванцев. В деталях совпадают нганасанские, кетские и чуванские варианты, что может быть далёким общим наследием и/или следами мифологии палеосибирского населения.

Ряд мотивов локализован исключительно в одном ареале. Они отчётливо выявляются для Западной Сибири (шаман на луне, месяц из шамана, первый шаман – родственник смерти и др.), Восточной Сибири (выращенный на

дереве, высокое гнездо, новорождённый шаман и дерево, шаман рубит скрепы звёзд, испытание холодом) и Дальнего Востока (шаман и три солнца, шаман-оборотень, шаман и происхождение смерти).

Данные об ареальной дистрибуции более сотни мотивов позволяют сделать выводы о характере шаманской мифологии у отдельных этнических групп. Судя по имеющимся данным, фольклор, окружающий шамана у енисейцев (кетов, югов) и эвенков, является по своему содержанию промежуточным между тюрко-монгольским и самодийским. Что касается эскимосско-чукотских легенд, то они поглощены мотивами пансибирского и межареального характера, поэтому за редким исключением сложно говорить об их отличительных особенностях. Одна из вероятных причин заключается в том статистическом перевесе тюрко-монгольских, енисейских и самодийских текстов, который характерен для собранного корпуса. Поэтому нужно учитывать, что после накопления других материалов, записанных в Северо-Восточной Азии, картина будет скорректирована.

Мотивы, встречающиеся в шаманских легендах из Южной Сибири, являются, как правило, пансибирскими, либо такими, которые связывают её с Западной или Восточной Сибирью. Отсутствие чёткого набора специфичных мотивов у южносибирских тюрко-монголов нельзя объяснить недостатком материала, поэтому дело, скорее всего, заключается в исторической действительности (активные миграции через этот ареал и пр.).

Повторюсь, список мотивов продолжает быть открытым, т.е. нахождение мотивов, которые сосредоточены, например, только в Южной Сибири, по-прежнему является вероятным. Однако общие тенденции всё же налицо. После пансибирского слоя выделяются прежде всего общие связи Западной, Восточной и Южной Сибири и частные пересечения между двумя из этих ареалов. Шаманская мифология Сибири делится в первую очередь на западно-юго-восточносибирскую, дальневосточную и северо-восточноазиатскую. В то

же время между этими компонентами есть связи, выражающиеся не только в пансибирских чертах, но и в ареально приуроченных мотивах.

Отдельный штрих к общей картине добавляют данные о дистрибуции этиологических мотивов. Обнаруживается чёткое отличие между, с одной стороны, Юго-Восточной Сибирью и, с другой – Западной Сибирью, Северо-Восточной Азией и Дальним Востоком. Северно-самодийские, енисейские, чукотско-камчатские и восточно-тунгусские шаманы принимают участие в космогонических событиях, тогда как тюрко-монгольским традициям не свойственно вовлекать в эти деяния магического специалиста.

3. Определение мотивного состава, который характерен для шаманских легенд, и исследование ареальной дистрибуции его составляющих при корреляции с данными других дисциплин (археологии, этнографии, сравнительно-исторического языкознания и др.) позволяет подступить к решению проблемы происхождения отдельных мотивов и их групп. Очевидно, что фактически невозможно установить дату происхождения какого-либо мотива. Возможно однако выяснить причины его географии и время, к которому он уже существовал. Применённый в работе метод установления *terminus ante quem* основывается на синтезе выводов по разным источникам. Анализ фольклорных материалов дал ожидаемые результаты: перечень основных мотивов и сведения об их географическом распространении. В итоге наряду с пансибирским набором мотивов, обнаружились мотивы, дистрибуция которых носит ареальный характер. Резонным в таком случае является привлечение выводов по остальным историческим источникам. Присутствие одинаковых мотивов в сильноудалённых традициях и отсутствие этих же мотивов в других, в том числе географически промежуточных, традициях при условии, что есть данные об их исторических связях, ведёт к выдвижению гипотезы о существовании мотивов ко времени разрыва отношений между данными традициями. Таким образом, на мой взгляд, можно датировать мотивную

основу, которая содержится в кетском цикле, временем южносибирского исхода енисейцев, т.е. XII-XIII в., а мотив сожжения шаманов – моментом курыканской миграции из Прибайкалья в Лено-Алданское междуречье, т.е. X-XI вв.

Список источников и литературы

1. Аврорин, Козьминский 1949 – *Аврорин В.А., Козьминский И.И.* Представления орочей о вселенной, о переселении душ и путешествиях шаманов, изображённые на «карте» // СМАЭ. 1949. Т. XI. С. 324-334.
2. Агапитов, Хангалов 1958 – *Агапитов Н.Н., Хангалов М.Н.* Материалы для изучения шаманства в Сибири // Хангалов М.Н. Собрание сочинений: В 3 т. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1958. Т. 1. С. 289-402.
3. Алексеев 1996 – *Алексеев А.Н.* Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1996. (История и культура востока Азии.) 96 с.
4. Алексеев 1984 – *Алексеев Н.А.* Шаманизм тюркоязычных народов Сибири (опыт ареального сравнительного исследования). Новосибирск: Наука, 1984. 233 с.
5. Алексеев и др. 1995 – *Алексеев Н.А., Емельянов Н.В., Петров В.Т.* (сост.). Предания, легенды и мифы саха (якутов). Новосибирск: Наука; Сибирская издательская фирма РАН, 1995. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока.) 400 с.
6. Алексеев, Гохман 1984 – *Алексеев В.П., Гохман И.И.* Антропология азиатской части СССР. М.: Наука, 1984. 208 с.
7. Алексеева 1992 – *Алексеева С.А.* Эвенские камлания-лечения // Шаманизм как религия. Генезис, реконструкция, традиции: Тезисы докладов международной научной конференции (15-22 августа 1992 г.) / Отв. ред. А.И. Гоголев. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1992. С. 62.
8. Алексеенко 1969 – *Алексеенко Е.А.* Этнографические материалы по этногенезу кетов // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Материалы межвузовской конференции 11-13 мая 1969 г. / Отв. ред. А.П. Дульзон. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1969. С. 125-126.
9. Алексеенко 1973 – *Алексеенко Е.А.* Южносибирские элементы в культуре кетов. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1973. (IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь, 1973). Доклады советской делегации.) 19 с.
10. Алексеенко 1977 – *Алексеенко Е.А.* Культы у кетов // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.) / Отв. ред. И.С. Вдовин. Л.: Наука, 1977. (СМАЭ. XXXIII.) С. 29-65.

11. Алексеенко 1980 – *Алексеенко Е.А.* Кетская проблема // Этногенез народов Севера / Отв. ред. И.С. Гурвич. М.: Наука, 1980. С. 118-140.
12. Алексеенко 1981 – *Алексеенко Е.А.* Шаманство у кетов // ПИОСАС. С. 90-128.
13. Алексеенко 2001 – *Алексеенко Е.А.* (сост., предисл., коммент. и глоссарий). Мифы, предания, сказки кетов / Под общ. ред. Е.С. Новик. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. (Сказки и мифы народов Востока.) 343 с.
14. Алсаханов 1916 – *Алсаханов А.* Легенда о «Дахабари». (Душа умершей женщины) // ЖС. 1916 [1917]. Год XXV. Вып. II-III. Прил. № 5. С. 57-58.
15. Анисимов 1958 – *Анисимов А.Ф.* Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 236 с.
16. Анохин 1924 – *Анохин А.В.* Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю 1910-1912 гг. по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Л.: Изд-во РАН, 1924. (СМАЭ. Т. IV. 2.) 148 с.
17. Анучин 1914 – *Анучин В.И.* Очерк шаманства у енисейских остяков. СПб.: Типография ИАН, 1914. (СМАЭ. Т. II. 2.) 90 с.
18. Арсеньев 1995 – *Арсеньев В.К.* Мифы, легенды, предания и сказки народов Дальнего Востока / Вступ. ст., сост. и подгот. текста к публикации Н.А. Соболевской // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1955. № 3. С. 163-182.
19. Балдаев 2010 – *Балдаев С.П.* Родословные предания и легенды. Забайкальские буряты / Отв. ред. и сост. Т.Е. Санжиева. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2010. 367 с.
20. Балдунников 1927 – *Балдунников А.И.* Первый шаман // БС. 1927. Вып. III-IV. С. 67-69.
21. Балзер 1995 – *Балзер М.М.* От бубнов к сковородам: парадоксальные изменения шаманизма в истории саха (якутов) // Шаманизм и ранние религиозные представления: К 90-летию доктора исторических наук, профессора Л.П. Потапова / Отв. ред. Д.А. Функ. М.: Б. и., 1995. (Этнологические исследования по шаманству и иным ранним верованиям и практикам. Т. 1.)
22. Банзаров 1955 – *Банзаров Д.* Собрание сочинений / Отв. ред. Г.Д. Санжеев. Подгот. к печати и примеч. Г.Н. Румянцева. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
23. Басилов 1984 – *Басилов В.Н.* Избранники духов. М.: Политиздат, 1984. 208 с.
24. Батьянова 1995 – *Батьянова Е.П.* Телеуты рассказывают о шаманах // Шаманизм и ранние религиозные представления: К 90-летию доктора исторических наук,

- профессора Л.П. Потапова / Отв. ред. Д.А. Функ. М.: Б. и., 1995. (Этнологические исследования по шаманству и иным ранним верованиям и практикам. Т. 1.)
25. Беннингсен 1912 – Легенды и сказки Центральной Азии, собранные графом А.П. Беннингсеном. СПб: Типография А.С. Суворина, 1912. 168 с.
 26. Берёзкин 2000 – *Берёзкин Ю.Е.* Восточносредиземноморская мифология в Америке // ΣΥΣΣΙΤΙΑ: Памяти Юрия Викторовича Андреева / Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб.: Государственный Эрмитаж; Алетейя, 2000. С. 185-197.
 27. Берёзкин 2002 – *Берёзкин Ю.Е.* Мифология аборигенов Америки: Результаты статистической обработки ареального распределения мотивов // История и семиотика индейских культур Америки / Отв. ред. А.А. Бородатова, В.А. Тишков. М.: Наука, 2002. С. 277-346.
 28. Берёзкин 2003а – *Берёзкин Ю.Е.* Об универсалиях в мифологии // Теория и методика архаики: Материалы теоретического семинара. СПб., 2003. Вып. 3. С. 24-36.
 29. Берёзкин 2003б – *Берёзкин Ю.Е.* «Пополь-Вух». Насколько «майским» является лучший источник по мифологии майя? // Кунсткамера: Этнографические тетради. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); Петербургское Востоковедение, 2003. Вып. 13. С. 130-137.
 30. Берёзкин 2003в – *Берёзкин Ю.Е.* Трикстер как серия эпизодов // Труды факультета этнологии. СПб: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2003. С. 97-164.
 31. Берёзкин 2005 – *Берёзкин Ю.* Некоторые тенденции в глобальном распространении комплексов фольклорно-мифологических мотивов // Ad hominem: Памяти Николая Гиренко / Редкол.: В.Ф. Выдрин и др. СПб: МАЭ РАН, 2005. С. 156-131.
 32. Берёзкин 2006 – *Берёзкин Ю.Е.* Фольклорно-мифологические параллели между Западной Сибирью, Северо-Востоком Азии и Приамурьем-Приморьем (к реконструкции раннего состояния сибирской мифологии) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 3. С. 112-122.
 33. Берёзкин 2007 – *Берёзкин Ю.Е.* Мифы заселяют Америку: Ареальное распределение фольклорных мотивов и ранние миграции в Новый Свет. М.: ОГИ, 2007. 360 с.
 34. Берёзкин 2011 – *Берёзкин Ю.Е.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: Аналитический каталог [Электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. [М.: ЦТСФ РГГУ, 2011]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm>.

35. Березницкий 1999 – *Березницкий С.В.* Мифология и верования орочей. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. (Фольклор народов Маньчжурии. Вып. 2.) 208 с.
36. Богораз 1899 – *Богораз В.Г.* Сказка о Чесоточном шамане *Waпысьхалауl-лумозыl* // ЖС. 1899. Вып. II. С. 263-270.
37. Богораз 1910 – *Богораз В.Г.* К психологии шаманства у народов Северо-Восточной Азии // Этнографическое обозрение. 1910. Кн. LXXXIV–LXXXV. С. 1-36.
38. Богораз 1939 – *Богораз В.Г.* Чукчи. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. [Т.] II: Религия. 196 с.
39. Болсохоева и др. 1989 – *Болсохоева Н.Д., Бадараев Б.-Д., Ванчикова Ц.П., Дашиев Д.Б., Дугар-Нимаев Ц.А., Касьяненко З.К., Маланова Т.М., Пубаев Р.Е., Пупышев В.Н.* Введение в изучение Ганчжура и Данчжура: Историко-библиографический очерк. Новосибирск: Наука; Сибирское отделение, 1989. 199 с.
40. Бородина 1977 – *Бородина М.А.* (отв. ред.) Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л.: Наука, 1977. 264 с.
41. Бородина 1978 – *Бородина М.А.* (отв. ред.). Народы и языки Сибири: Ареальные исследования. М.: Наука, 1978. 108 с.
42. Бохоли-Хара 1880 – Первый шаман Бохоли-Хара. (Вариант легенды о первом шамане у кудинских бурят; записан со слов шамана Манжу) // Известия ВСО ИРГО. 1880. Т. XI. № 1-2. Май. С. 89-90.
43. Бравина, Илларионов 2006 – *Бравина Р.И., Илларионов В.В.* О шаманских текстах А.А. Попова // Попов А.А. Камлания шаманов бывшего Вилюйского округа: (Тексты) / Сост. Р.И. Бравина. Новосибирск: Наука, 2006. (Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа. Ч. III.) С. 13-24.
44. Брук 1974 – *Брук С.И.* (отв. ред.) Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л.: Наука; Ленинградское отделение, 1974. 324 с.
45. Булгакова 2001 – *Булгакова Т.Д.* Похищение шаманских духов // Этнографическое обозрение. 2001. № 3. С. 32-41.
46. Булгакова 2004 – *Булгакова Т.Д.* Демонстрация чудес в нанайском шаманстве // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы Пятых Сибирских чтений, Санкт-Петербург, 17-19 октября 2001 г. / Отв. ред. Е.Г. Фёдорова. СПб.: МАЭ РАН, 2004. Ч. 2. С. 197-201.
47. Бурнаков 2007 – *Бурнаков В.А.* Образ демонического существа Мусмала в традиционных верованиях хакасов // Памяти И.Н. Гемуева: Сборник научных статей

- и воспоминаний / Отв. ред. А.В. Бауло. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2007. С. 97-103.
48. Бутанаев 1992 – *Бутанаев В.Я.* «Служебные» духи-тёси хакасских шаманов // Известия Сибирского отделения АН СССР. История, филология и философия. 1992. Вып. 1. С. 54-58.
 49. Бутанаева 2007 – *Бутанаева И.И.* Мифическое путешествие хакасских шаманов в иной мир // Памяти И.Н. Гемуева: Сборник научных статей и воспоминаний / Отв. ред. А.В. Бауло. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2007. С. 104-116.
 50. Вампилов, Чернышева 1969 – *Вампилов Б.Н., Чернышева Н.Ф.* Ещё один экземпляр «Ганджура» (к истории находки) // Народы Азии и Африки. 1969. № 6. С. 230-233.
 51. Варламов 1995 – *Варламов О.Б.* Шаманизм западных бурят: Легенды и обряды. Иркутск: Б. и., 1995. 12 с.
 52. Василевич 1936 – *Василевич Г.М.* Материалы по фольклору эвенков Сибири // МЭФ. С. 1-146.
 53. Василевич 1948 – *Василевич Г.М.* Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1948. 352 с.
 54. Василевич 1966 – *Василевич Г.М.* (зап. текстов, пер. и коммент.). Исторический фольклор эвенков: Сказания и предания. М.; Л.: Наука, 1966. 400 с.
 55. Василевич 1969 – *Василевич Г.М.* Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л.: Наука; Ленинградское отделение, 1969. 304 с.
 56. Васильев 1910 – *Васильев В.Н.* Изображения долгано-якутских духов как атрибуты шаманства // ЖС. 1910. Вып. IV. С. 269-288.
 57. Васильев 1909/1936 – *Васильев В.Н.* Образцы тунгусской народной литературы // МЭФ. С. 255-262.
 58. Васильев 1929 – *Васильев Б.А.* Основные черты этнографии ороков. Предварительный очерк по материалам экспедиции 1928 г. // Этнография. 1929. № 1. С. 3-22.
 59. Ващенко, Долгих 1962 – *Ващенко П.Т., Долгих Б.О.* Предания о тотемических названиях родов у нганасан // Советская этнография. 1962. № 3. С. 178-182.
 60. Вдовин 1981 – *Вдовин И.С.* Чукотские шаманы и их социальные функции // ПИОСАС. С. 178-217.

61. Вербицкий 1887 – Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка / Сост. В. Вербицкий. Казань: Типолитография В.М. Ключникова, 1887. 494 с.
62. Вербицкий 1893 – *Вербицкий В.И.* Алтайские инородцы. Сборник этнографических статей и исследований. М.: Высочайше утв. Т-во Скоропечатни А.А. Левенсон, 1893. XIV, 221 с.
63. Виташевский 1890 – *Виташевский Н.А.* Материалы для изучения шаманства у якутов // Шаманские поверья инородцев Восточной Сибири. Иркутск: Б. и., 1890. (Записки ВСО ИРГО по этнографии. Т. II. Вып. 2.) С. 36-49.
64. Владимирцов 1920 – *Владимирцов Б.* Монгольская литература // Литература Востока: Сборник статей. Пб.: Гос. изд-во, 1920. Вып. 2. С. 90-115.
65. Владимирцов 1927 – *Владимирцов Б.Я.* Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах // Северная Монголия. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. [Т.] II: Предварительные отчёты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведённых в 1925 году. С. 1-42.
66. Галданова и др. 1983 – *Галданова Г.Р., Герасимова К.М., Дашиев Д.Б., Митупов Г.Ц.* Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века: Структура и социальная роль культовой системы. Новосибирск: Наука, 1983. 236 с.
67. Герасимова 1969 – *Герасимова К.М.* Культ обо как дополнительный материал для изучения этнических процессов в Бурятии // Этнографический сборник / Отв. ред. Е.М. Залкинд. Улан-Удэ: Бурятский филиал СО АН СССР. 1969. Вып. 5. С. 105-144.
68. Гирченко 1926 – *Гирченко Вл.* Материалы по истории хозяйства и родового управления добайкальских бурят во второй половине 18-го и в начале 19-го века // Бурятиеведение: Бюллетень БМНО. 1926. № 2. С. 7-14.
69. Гоголев 1989 – *Гоголев А.И.* Раннесредневековые истоки в традиционной культуре якутов и бурят // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века: Сб. научных трудов / Отв. ред. Т.М. Михайлов. Новосибирск: Наука; Сибирское отделение, 1989. С. 126-131.
70. Гоголев 1990 – *Гоголев А.И.* Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV-XVIII вв.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 192 с.
71. Гоголев 1993 – *Гоголев А.И.* Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. 200 с.
72. Гомбоева 1999 – *Гомбоева М.И.* Шаманистские и буддийские практики в культуре обо // Формирование гуманитарной среды. Забайкалье 1999-2000: Сборник материалов

- научно-практической конференции (25-26 мая 1999 г.) / Отв. ред. Д.А. Крылов. Чита: Изд-во Забайкальского гос. пед. ун-та, 1999. С. 118-121.
73. Грачёва 1981 – *Грачёва Г.Н.* Шаманы у нганасан // ПИОСАС. С. 69-89.
 74. Гурвич 1974 – *Гурвич И.С.* Якутско-юкагирские предания об оспе (к вопросу о путях формирования демонологических образов) // Социальная организация и культура народов Севера / Отв. ред. И.С. Гурвич. М., 1974. С. 249-269.
 75. Гурвич 1978 – *Гурвич И.С.* К вопросу о картографировании элементов духовной культуры народов Сибири // Народы и языки Сибири: Ареальные исследования / Отв. ред. М.А. Бородина. М.: Наука, 1978. С. 15-22.
 76. Давлетшин 2006 – *Давлетшин А.И.* Спящие духи как скелеты: Ещё один мифологический мотив с глобальной дистрибуцией. 2006 (рукопись).
 77. Дамеев 1927 – *Дамеев Д.Д.* Легенда о происхождении шаманизма и падении волшебства // БС. 1927. Вып. III-IV. С. 69-70.
 78. Дашибалов 1995 – *Дашибалов Б.Б.* Археологические памятники курыкан и хори. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. 191 с.
 79. Дзанлундо 2002 – Сутра о мудрости и глупости (Дзанлундо) / Пер. с тиб., введение и коммент. Ю.М. Парфионовича. 2-е изд. М.: Восточная литература, 2002. (Памятники письменности Востока. VII.) 320 с.
 80. Добжанская 2010 – *Добжанская О.Э.* Предания о таймырских шаманах в современном культурном контексте // Пространство колдовства / Сост. О.Б. Христофорова. М.: РГГУ, 2010. С. 200-213.
 81. Долгих 1961 – *Долгих Б.О.* (зап., введение и коммент.). Мифологические сказки и исторические предания энцев. М.: Изд-во АН СССР, 1961. (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. LXVI.) 244 с.
 82. Долгих 1976 – *Долгих Б.О.* (зап., подгот. текстов, введение и коммент.). Мифологические сказки и исторические предания нганасан. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1976. (Сказки и мифы народов Востока.) 341 с.
 83. Доннер 2008 – *Доннер К.* У самоедов в Сибири / Пер. с нем. А.В. Байдак. Томск: Ветер, 2008. 176 с.
 84. Дульзон 1962 – *Дульзон А.П.* Былое расселение кетов, по данным топонимики // Вопросы географии. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1962. Сб. 58: Географические названия / Отв. ред. Э.М. Мурзаев, В.А. Никонов. С. 50-84.

85. Дульзон 1964 – *Дульзон А.П.* Очерки по грамматике кетского языка. I. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1964. 220 с.
86. Дульзон 1965 – *Дульзон А.П.* Кетские сказки и другие тексты // Учёные записки Томского государственного педагогического института. 1965. Т. XXII: Лингвистические науки. С. 95-122.
87. Дьяконова 1981 – *Дьяконова В.П.* Тувинские шаманы и их социальная роль в обществе // ПИОСАС. С. 129-164.
88. Дьяконова 2004 – *Дьяконова В.П.* Шаманство южных тувинцев (по материалам 1960-1970-х гг.) // Материалы полевых этнографических исследований / Отв. ред. Е.Г. Фёдорова. СПб.: МАЭ РАН, 2004. Вып. 5. С. 111-118.
89. Дьячков 1893 – Анадырский край. Рукопись жителя села Марково г. Дьячкова. Владивосток: Типография Сибирского флотского экипажа, 1893. (Записки Общества изучения Амурского края. Т. II.) XXVIII, 159 с.
90. Дыбо 2006 – *Дыбо А.В.* Хронология тюркских языков и лингвистические контакты ранних тюрков // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. М.: Наука, 2006. С. 766-811.
91. Дыбо 2007 – *Дыбо А.В.* Лингвистические контакты ранних тюрков: Лексический фонд: Пратюркский период. М.: Восточная литература РАН, 2007. 223 с.
92. Дылков 1981 – *Дылков С.Д.* (транслит. текста, пер., введение и коммент.). Их Цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. М.: Наука, 1981. 148 с.
93. Дыренкова 1930 – *Дыренкова Н.П.* Получение шаманского дара по воззрениям турецких племён // СМАЭ. 1930. Т. IX. С. 267-291.
94. Дыренкова 1940 – *Дыренкова Н.П.* (зап., пер., вступ. ст., примеч.). Шорский фольклор. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. XL, 448 с.
95. Ефремов 2000 – *Ефремов П.Е.* (сост.). Фольклор долган. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 19.) 448 с.
96. Жамцарано 2001 – *Жамцарано Ц.* Путевые дневники: 1903-1907 гг. / Отв. ред. Ц.П. Ванчикова. Сост. В.Ц. Лыскокова, Ц.П. Ванчикова, И.В. Кульганек. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 382 с.
97. Жирмунский 1927 – *Жирмунский В.М.* Проблемы немецкой диалектографии в связи с историческим краеведением // Этнография. 1927. Кн. III. № 1. С. 139-150.

98. Жирмунский 1932/2004 – *Жирмунский В.М.* Методика социальной географии (Диалектология и фольклор в свете географического исследования) // Жирмунский В.М. Фольклор Запада и Востока: Сравнительно-исторические очерки. М.: ОГИ, 2004. С. 22-39.
99. Журнал заседания 1887 – Журнал заседания Отделения Этнографии 30 октября 1887 года // Известия ИРГО. 1887 [1888]. Т. XXIII. Вып. VI. С. 765-770.
100. Затопляев 1890 – *Затопляев Н.И.* Некоторые поверья аларских бурят // Шаманские поверья инородцев Восточной Сибири. Иркутск: Б. и., 1890. (Записки ВСО ИРГО по этнографии. Т. II. Вып. 2.) С. 1-9.
101. Зеленин 1935/2004 – *Зеленин Д.К.* Идеология сибирского шаманства // Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1934-1954 / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. Т.Г. Ивановой. М.: Индрик, 2004. С. 77-110.
102. Златкин 1983 – *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства (1635-1758). 2-е изд. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1983. 333 с.
103. Иванов, Топоров 1964 – *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Лингвистические вопросы этногенеза кетов в связи с проблемой вхождения их в циркумполярную область. М.: Наука, 1964. 12 с.
104. Иванов, Топоров 1965 – *Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.* К описанию некоторых кетских семиотических систем // Труды по знаковым системам / Отв. ред. Ю. Лотман. Тарту: Б. и., 1965. II. (Учёные записки Тартуского государственного университета. Вып. 181.) С. 116-143.
105. Иванов 1989 – *Иванов С.А.* Следы монгольского языкового влияния в говорах якутского языка // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века: Сб. научных трудов / Отв. ред. Т.М. Михайлов. Новосибирск: Наука; Сибирское отделение, 1989. С. 156-163.
106. Ионов 1918 – *Ионов В.М.* К вопросу об изучении дохристианских верований якутов // Ко дню 80-летия академика Василия Васильевича Радлова (1837-1917 гг.). Петроград: Типография РАН, 1918. (СМАЭ. Т. V. Вып. 1.) С. 155-164.
107. Казакевич 2008 – *Казакевич О.А.* Документация говоров западных эвенков // Полевые исследования студентов РГГУ: Этнология, фольклористика, лингвистика, религиоведение / Отв. ред. Д.П. Бак, В.В. Минаев. М.: РГГУ, 2008. Вып. III. С. 270-274.

108. Каруновская 1935 – *Каруновская Л.Э.* Представления алтайцев о вселенной (материалы к алтайскому шаманству) // Советская этнография. 1935. № 4-5. С. 160-183.
109. Катанов 1907 – Образцы народной литературы тюркских племён, изданные В. Радловым. СПб.: Б. и., 1907. Ч. IX: Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведённые Н.Ф. Катановым. Перевод. 658 с.
110. Кенин-Лопсан 1987 – *Кенин-Лопсан М.Б.* Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства: Конец XIX – начало XX в. Новосибирск: Наука, 1987. 165 с.
111. Киле 1996 – *Киле Н.Б.* (сост.). Нанайский фольклор: Нингман, сиюхор, тэлунгу. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 11.) 478 с.
112. Клейн 1994 – *Клейн Л.С.* Бесплотные герои: Происхождение образов «Илиады». СПб.: Художественная литература, 1994. 192 с.
113. Клейн 2000 – *Клейн Л.С.* Тохарская миграция в свете археологии // *Stratum plus*. 2000. № 2. С. 178-187.
114. Клеменц 1890 – *Клеменц Д.* Несколько образцов бубнов минусинских инородцев // Шаманские поверья инородцев Восточной Сибири. Иркутск: Б. и., 1890. (Записки ВСО ИРГО по этнографии. Т. II. Вып. 2.) С. 25-35.
115. Кляус 1997 – *Кляус В.Л.* Легенды и рассказы о шаманах эвенков Забайкалья // Народы Забайкалья: Возрождение и развитие. Сборник материалов научной конференции / Ред. колл.: М.В. Константинов и др. Чита: Изд-во Забайкальского госпедуниверситета, 1997. С. 45-46.
116. Ковалёв 2004 – *Ковалёв А.А.* Древнейшая миграция из Загроса в Китай и проблема прародины тохаров // *Археолог: детектив и мыслитель*. Сборник статей, посвящённый 77-летию Льва Самойловича Клейна / Отв. ред. Л.Б. Вишняцкий, А.А. Ковалёв, О.А. Щеглова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2004. С. 249-292.
117. Козьмин 2003 – *Козьмин А.В.* Структурно-семантический указатель фольклорных сюжетов. Компьютерная модель установления связей между текстом и единицами его описания. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2003. 122 с.
118. Корнилов 1910 – *Корнилов И.* Из якутских поверий: 1. Как становятся шаманами. 2. Обряд посвящения кузнеца и Кытай Бахсы предок кузнецов // *Известия ВСО ИРГО*. 1908 [1910]. Т. XXXIX. С. 82-85.

119. Крейнович 1929 – *Крейнович Е.А.* Очерк космогонических представлений гилак о-ва Сахалина // Этнография. 1929. № 1. С. 78-102.
120. Крейнович 1973 – *Крейнович Е.А.* Нивхгу: Загадочные обитатели Сахалина и Амура. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1973. 496 с.
121. Крупник 2000 – *Крупник И.И.* (науч. ред., сост., зап.). Пусть говорят наши старики. Рассказы азиатских эскимосов-юпик: Записи 1977-1987 гг. М.: Ин-т наследия, 2000. 528 с.
122. Ксенофонтов 1927 – *Ксенофонтов Г.В.* Изображения на скалах реки Лены в пределах Якутского округа // Бурятияеведение: Бюллетень БМНО. 1927. № 3-4. С. 64-70.
123. Ксенофонтов 1992а – *Ксенофонтов Г.В.* Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов: Материалы к мифологии урало-алтайских племён в Северной Азии. Ч. 1 // Ксенофонтов Г.В. Шаманизм: Избранные труды (Публикации 1928-1929 гг.). Якутск: Север-Юг, 1992. С. 35-109.
124. Ксенофонтов 1992б – *Ксенофонтов Г.В.* Хрестес. Шаманизм и христианство (факты и выводы) // Ксенофонтов Г.В. Шаманизм: Избранные труды (Публикации 1928-1929 гг.). Якутск: Север-Юг, 1992. С. 111-247.
125. Кузнецова-Ярилова 1909 – *Кузнецова-Ярилова А.А.* (зап.). Два рассказа о шаманах // Сборник в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1909. (Записки ИРГО по отделению этнографии. Т. XXXIV.) С. 141-144.
126. Кулаковский 1979а – *Кулаковский А.Е.* Материалы для изучения верований якутов // Кулаковский А.Е. Научные труды / Подгот. к печати Н.В. Емельянов, П.А. Слепцов. Якутск: Книжное издательство, 1979. С. 7-101.
127. Кулаковский 1979б – *Кулаковский А.Е.* Якутские легенды-былины // Кулаковский А.Е. Научные труды / Подгот. к печати Н.В. Емельянов, П.А. Слепцов. Якутск: Книжное изд-во, 1979. С. 257-308.
128. Кулемзин, Лукина 1978 – *Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* (зап., введение и примеч.). Материалы по фольклору хантов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978. 216 с.
129. Кульганек 2000 – *Кульганек И.В.* Каталог монголоязычных фольклорных материалов Архива востоковедов при СПбФ ИВ РАН. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. (Архив российского востоковедения. V.) 320 с.

130. Лабанаускас 1995 – *Лабанаускас К.И.* (сост.). Ненецкий фольклор. Мифы, сказки, исторические предания. Красноярск: Б. и., 1995. (Фольклор народов Таймыра. Вып. 5.) 221 с.
131. Лабанаускас 2002а – *Лабанаускас К.И.* (сост.). Вехи древних путей: Исторические предания нганасан. СПб.: Дрофа, 2002. 199 с., ил.
132. Лабанаускас 2002б – *Лабанаускас К.И.* (авт.-сост.). Родное слово: Энецкие песни, сказки, исторические предания, традиционные рассказы, мифы. СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение», 2002. 339 с.: ил.
133. Лабанаускас 2004 – *Лабанаускас К.И.* Происхождение нганасанского народа. СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение», 2004. 211 с.: ил.
134. Ламбер 1994 – *Ламбер Ж.-Л.* Дочь солнца для нганасанского шамана // Таймырский этнолингвистический сборник / Под ред. Е.А. Хелимского. М.: РГГУ, 1994. Вып. 1: Материалы по нганасанскому шаманству и языку. С. 172-189.
135. Ландышев 1886 – *Ландышев С.* Космология и теогония алтайцев язычников // Православный собеседник. 1886. Март. С. 304-334.
136. Лаптев 1975 – *Лаптев А.Н.* (зап., пер.). Фольклорные памятники юкагиров // Юкагиры: (Историко-этнографический очерк) / Отв. ред. А.П. Окладников. Новосибирск: Изд-во «Наука»; Сибирское отделение, 1975. С. 193-238.
137. Лауфер 1927 – *Лауфер Б.* Очерк монгольской литературы. Л.: Издание Ленинградского восточного института, 1927. 95 с.
138. Левин, Потапов 1961 – *Левин М.Г., Потапов Л.П.* (ред.). Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 468 с.
139. Левинтон 1988 – *Левинтон Г.А.* Легенды и мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1988. Т. 2. С. 45.
140. Лехтисало 1998 – *Лехтисало Т.* Мифология юрако-самоедов (ненцев) / Пер. с нем. Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1998. 136 с.
141. Лопатин 1922 – *Лопатин И.А.* Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские: Опыт этнографического исследования. Владивосток: Б. и., 1922. (Записки Общества изучения Амурского края Владивостокского отделения Приамурского отдела РГО. Т. XVII.) IV, 370 с.
142. Лукина 1990 – *Лукина Н.В.* (пер., сост., предисл. и примеч.). Мифы, предания, сказки хантов и манси / Под общ. ред. Е.С. Новик. М.: Наука, 1990. (Сказки и мифы народов Востока.) 568 с.

143. Маланова 1989 – *Маланова Т.М.* Тибетский канон Ганчжур и Данчжур как движущаяся система текстов // Источниковедение и текстология памятников средневековых наук в странах Центральной Азии: Сб. научных трудов / Отв. ред. Р.Е. Пубаев. Новосибирск: Наука; Сибирское отделение, 1989. С. 251-259.
144. Малов 1912 – *Малов С.* Остатки шаманства у жёлтых уйгуров // ЖС. 1912. Вып. I. С. 61-74.
145. Малов 1918 – *Малов С.Е.* Шаманство у сартов Восточного Туркестана. (К пояснению коллекции Музея Антропологии и Этнографии по восточно-туркестанскому шаманству) // Ко дню 80-летия академика Василия Васильевича Радлова (1837-1917 гг.). Петроград: Типография РАН, 1918. (СМАЭ. Т. V. Вып. 1.) С. 1-16.
146. Малых 1924/1936 – *Малых П.* Несколько слов об орочёнах и их фольклоре // МЭФ. С. 267-271.
147. Манжигеев 1978 – *Манжигеев И.А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины: Опыт атеистической интерпретации. М.: Наука, 1978. 128 с.
148. Маргаритов 1888 – *Маргаритов В.П.* Об орочах Императорской гавани. СПб.: Б. и., 1888. 56 с.
149. Мелетинский 1979 – *Мелетинский Е.М.* Палеоазиатский мифологический эпос: Цикл Ворона. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1979. (Исследования по фольклору и мифологии Востока.) 230 с.
150. Мелетинский 1983 – *Мелетинский Е.М.* Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семиотического указателя мотивов и сюжетов // Σημειωτική: Труды по знаковым системам. Тарту, 1983. XVI: Текст и культура. (Учёные записки Тартуского государственного университета. Вып. 635.) С. 115-125.
151. Мелетинский и др. 2010 – *Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С.* Историческая поэтика фольклора: от архаики к классике. М.: РГГУ, 2010. 285 с.
152. Миллер 2009 – *Миллер Г.Ф.* Описание сибирских народов / Изд. А.Х. Элерт, В. Хинтцше. Пер. с нем. А.Х. Элерт. М.: Памятники исторической мысли, 2009. (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов. Т. VIII, 1: Герард Фридрих Миллер. Этнографические труды. Ч. 1.) 456 с.
153. Михайлов 1996 – *Михайлов В.А.* Религиозная мифология. Улан-Удэ: Соёл, 1996. 111 с.

154. Моргон-Хара 1880 – Первый бурятский шаман «Моргон-Хара» // Известия ВСО ИРГО. 1880. Т. XI. № 1-2. Май. С. 87-89.
155. Мухоплева 1991 – *Мухоплева С.Д.* Якутские проклятия-кырыыс // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока: Сб. научных трудов / Ред. колл.: В.М. Гацак, А.В. Кудияров и др. Якутск: ЯИНЛИ СО РАН, 1991. С. 119-131.
156. Мыльникова, Цинциус 1931 – *Мыльникова К.М., Цинциус В.И.* Материалы по исследованию негидальского языка // Тунгусский сборник. I / Ред. В.Г. Богораз. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. С. 107-218.
157. Напольских 1990а – *Напольских В.В.* Древнейшие финно-угорские мифы о возникновении земли // Мировоззрение финно-угорских народов / Отв. ред. И.Н. Гемуев. Новосибирск: Наука; Сиб. отделение, 1990. С. 5-21.
158. Напольских 1990б – *Напольских В.В.* Миф о возникновении земли в прауральской космологии: реконструкция, параллели, эволюция // Советская этнография. 1990. № 1. С. 65-74.
159. Напольских 1997 – *Напольских В.В.* Введение в историческую уралоистику. Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 268 с.
160. Напольских 2011 – *Напольских В.В.* Миф о нырянии за землёй (A812) в Северной Евразии и Северной Америке: двадцать лет спустя // «Не любопытства ради, а познания для...»: К 75-летию Юрия Борисовича Симченко / Под ред. Н.А. Дубовой, Ю.Н. Квашнина. М.: Старый сад, 2011. С. 245-272.
161. Неклюдов 2001 – *Неклюдов С.* Антитезисы к «Метафизике фольклора» И.П. Смирнова // Новое литературное обозрение. 2001. № 52. С. 97-102.
162. Неклюдов 2003 – *Неклюдов С.Ю.* Славная гибель доблестного Роланда и таинственное рождение маркграфа Хруодланда // Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура; In memoriam / Отв. ред. А.Н. Анфертьев. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. (Ethnographica Petropolitana. IX.) С. 352-364.
163. Неклюдов 2006 – *Неклюдов С.Ю.* Указатели фольклорных сюжетов и мотивов: к вопросу о современном состоянии проблемы // Проблемы структурно-семантических указателей: Сб. ст. / Под ред. А.В. Рафаевой. М.: РГГУ, 2006. С. 31-37.
164. Неклюдов 2007 – *Неклюдов С.Ю.* Заметки об «исторической памяти» в фольклоре // АБ-60. Сборник к 60-летию А.К. Байбурина / Ред.: Н.Б. Вахтин и Г.А. Левинтон при участии В.Б. Колосовой и А.М. Пиир. СПб.: Европейский университет в Санкт-

- Петербурге, 2007. (*Studia Ethnologica: Труды факультета этнологии. Вып. 4.*) С. 77-86.
165. Неклюдов 2009 – *Неклюдов С.Ю.* Монгольские экспедиции 2006-2008 гг. // Вестник РГГУ. 2009. № 9. Серия «Филологические науки. Литературоведение и фольклористика». С. 353-358.
166. Неклюдов, Новик 2010 – *Неклюдов С.Ю., Новик Е.С.* Невидимый и нежеланный гость // Исследования по лингвистике и семиотике. Сб. статей к юбилею Вяч. Вс. Иванова / Отв. ред. Т.М. Николаева. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 393-408.
167. Никифоров 1915 – *Никифоров Н.Я.* Аносский сборник: Собрание сказок алтайцев / Примеч. Г.Н. Потанина. Омск, 1915. (Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. Т. XXXVII.) 293, XIV с.
168. Николаев 1974 – *Николаев Р.В.* Общие элементы в кетских и хакасских эпических сказаниях // Советская этнография. 1974. № 1. С. 145-150.
169. Николаев 1985 – *Николаев Р.В.* Фольклор и вопросы этнической истории кетов. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1985. 128 с.
170. Николаева 2006 – *Николаева Г.Х.* (сост.). Кетские народные сказки. Красноярск: Поликор, 2006. 240 с.
171. Нил 1858 – *Нил*, архиепископ Ярославский. Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири. СПб.: Типография Григория Трусова, 1858. 386 с.
172. Новик 1978 – *Новик Е.С.* Поэтика шаманских легенд (к вопросу о соотношении обряда и фольклора) // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока (Материалы Всесоюзной конференции фольклористов) / Ред.: Н.В. Емельянов, В.Т. Петров. Якутск: Якутский филиал СО АН СССР, 1978. С. 104-109.
173. Новик 1993 – *Новик Е.С.* Структура сказочного трюка // От мифа к литературе. Сб. в честь семидесятилетия Е. М. Мелетинского / Сост. и авт. вступ. ст. С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик. М.: Российский университет, 1993. С. 145-160.
174. Новик 2004 – *Новик Е.С.* Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. 2-е изд., испр. и доп. М.: Восточная литература, 2004. (Исследования по фольклору и мифологии Востока. Семиотика фольклора.) 304 с.
175. Окладников 1949 – *Окладников А.П.* Исторические рассказы и легенды Нижней Лены // СМАЭ. 1949. Т. XI. С. 73-109.

176. Орлова 1999 – *Орлова Е.П.* Ительмены: Историко-этнографический очерк. СПб.: Наука, 1999. 199 с.
177. Отаина 2010 – Нивхские мифы и сказки из архива Г.А. Отаиной / Отв. ред. А.М. Певнов. М.: Энерджи Пресс, 2010. 160 с.
178. Ошаров 1936а – *Ошаров М.* (собр. и обр.). Северные сказки. [Новосибирск:] Б. и., 1936. 272 с.
179. Ошаров 1936б – *Ошаров М.* Тунгусские сказки // МЭФ. С. 275-283.
180. Пежемский 1936 – *Пежемский В.С.* Две легенды ербогаченских эвенков // МЭФ. С. 272-275.
181. Пинегина и др. 1952 – *Пинегина М.[Л.]*, *Коненкин Г.* и др. (собр. и обр.). Эвенкийские сказки / Ред. и вступ. ст. М.А. Сергеева. [Чита:] Читинское обл. гос. изд-во, 1952. 112 с.
182. Подузова, Сагалаев 1983 – *Подузова С.А.*, *Сагалаев А.М.* Из истории шаманства на Алтае // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1983. № 6. Вып. 2. С. 111-114.
183. Позднеев 1908 – Лекции по истории монгольской литературы, читанные ординарным профессором Императорского С.-Петербургского Университета А.М. Позднеевым в 1897/98 акад. году. Владивосток: Типолитография при Восточном Институте, 1908. Т. III / Зап. и изд. Г.В. Подставиным и Г.Ц. Цыбиковым. 199 с.
184. Попов 1907 – *Попов П.С.* Китайский пантеон. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1907. (СМАЭ. VI.) XII, 88 с., X табл.
185. Попов 1936 – *Попов А.А.* Тавгийцы. Материалы по этнографии авамских и ведеевских тавгийцев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 110 с.
186. Попов 1937 – *Попов А.А.* (вступ. ст., тексты и перев.). Долганский фольклор / Литер. обработка Е.М. Тагер. Общ. ред. М.А. Сергеева. М.; Л.: Советский писатель, 1937. 256 с.
187. Попов 1944 – *Попов А.А.* Енисейские ненцы (юраки) // Известия Всесоюзного географического общества. 1944. Т. LXXVI. Вып. 2-3. С. 76-95.
188. Попов 1947 – *Попов А.А.* Получение «шаманского дара» у виллойских якутов // Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. 1947. Т. II. С. 282-293.
189. Попов 1981 – *Попов А.А.* Шаманство у долган // ПИОСАС. С. 253-264.
190. Попов 1984 – *Попов А.А.* Нганасаны: Социальное устройство и верования. Л.: Наука; Ленинградское отделение, 1984. 152 с.

191. Попов 2006 – *Попов А.А.* Камлания шаманов бывшего Вилюйского округа: (Тексты) / Сост. Р.И. Бравина. Новосибирск: Наука, 2006. (Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа. Ч. III.) 464 с.
192. Попова 1981 – *Попова У.Г.* Пережитки шаманизма у эвенов // ПИОСАС. С. 233-252.
193. Портнова 2008 – *Портнова Е.В.* Современное состояние ульчского шаманизма (на материалах, собранных в с. Булава) // Полевые исследования студентов РГГУ: Этнология, фольклористика, лингвистика, религиоведение / Отв. ред. Д.П. Бак, В.В. Минаев. М.: РГГУ, 2008. Вып. III. С. 33-40.
194. Потанин 1881 – *Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии: Результаты путешествия, исполненного в 1876-1877 годах по поручению Императорского Русского Географического Общества. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1881. Вып. II: Материалы этнографические.
195. Потанин 1883 – *Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии: Результаты путешествия, исполненного в 1879 году по поручению Императорского Русского Географического Общества. СПб.: Типография В. Киришбаума, 1883. Вып. IV: Материалы этнографические. 1026 с., XXVI табл.
196. Потапов 1953 – *Потапов Л.П.* Очерки по истории алтайцев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 444 с.
197. Потапов 1978 – *Потапов Л.П.* К проблеме ареальных исследований этнографии народов Сибири // Народы и языки Сибири: Ареальные исследования / Отв. ред. М.А. Бородина. М.: Наука, 1978. С. 7-14.
198. Припузов 1884 – Сведения для изучения шаманства у якутов Якутского округа. (Собраны по программе Н.Н. Агапитова народным учителем Николаем Припузовым) // Известия ВСО ИРГО. 1884. Т. XV. № 3-4. Ноябрь. С. 59-66.
199. Приклонский 1890 – *Приклонский В.Л.* Три года в Якутской области. Этнографические очерки. Глава II // ЖС. 1890. Вып. II. С. 24-54.
200. Приклонский 1891 – *Приклонский В.Л.* Три года в Якутской области. Этнографические очерки. Глава V // ЖС. 1891. Вып. IV. С. 43-66.
201. Прокофьева 1953 – *Прокофьева Е.Д.* Материалы по религиозным представлениям энцев // СМАЭ. 1953. Т. XIV. С. 194-230.
202. Прокофьева 1981 – *Прокофьева Е.Д.* Материалы по шаманству селькупов // ПИОСАС. С. 42-68.
203. Пропп 1998 – *Пропп В.Я.* Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. 512 с.

204. Пурбуева 1984 – *Пурбуева Ц.П.* «Биография Нейджи-Тойна» – источник по истории буддизма в Монголии. Новосибирск: Наука, 1984. 112 с.
205. Пурбуева 2009 – *Пурбуева М.В.* Генеалогические легенды и предания о шаманах // Учёные записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. Серия «Филология, история, востоковедение». 2009. № 3 (26). С. 254-255.
206. Пурбуева 2010 – *Пурбуева М.В.* Шаманский прозаический фольклор бурят: Сюжеты, мотивы и персонажи. Автореферат дисс. ... к. филол. н. Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 2010. 22 с.
207. Путилов 2003 – *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура; In memoriam / Отв. ред. А.Н. Анфертьев. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. (Ethnographica Petropolitana. IX.) 464 с.
208. Раднабхадра 1999 – *Раднабхадра.* «Лунный свет»: История рабджам Зая-пандиты. Факсимиле рукописи / Пер. с ойратского Г.Н. Румянцева и А.Г. Сазыкина. Транслитерация текста, предисл., примеч. и указатели А.Г. Сазыкина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. (Памятники культуры Востока: Санкт-Петербургская научная серия. VII.) 176 с.
209. Разумов, Сосновский 1898 – *Разумов Н., Сосновский И.* (сост.) Высочайше учреждённая под председательством статс-секретаря Куломзина комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области: Материалы. СПб., 1898. Вып. 6: Население, значение рода у инородцев и ламаизм. 165 с.
210. Рассадин 1980 – *Рассадин В.И.* Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980. 116 с.
211. Рифтин 1988 – *Рифтин Б.Л.* Лу Бань // Мифы народов мира: Энциклопедия / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1988. Т. 2. С. 74–75.
212. Роббек, Дуткин 1978 – *Роббек В.А., Дуткин Х.И.* Миф о происхождении земли и человека в эвенском фольклоре // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока (Материалы Всесоюзной конференции фольклористов) / Ред.: Н.В. Емельянов, В.Т. Петров. Якутск: Якутский филиал СО АН СССР, 1978. С. 156-158.
213. Романова 2008 – *Романова Е.Н.* Мифология современного шаманства. К интерпретации феномена «помнящая культура» // Миф, символ, ритуал. Народы Сибири / Сост. О.Б. Христофорова. М.: РГГУ, 2008. С. 309-326.

214. Романова, Мыреева 1964 – *Романова А.В., Мыреева А.Н.* Очерки учурского, майского и тоттинского говоров / Под ред. Г.М. Василевич. М.; Л.: Наука, 1964. (Диалектологические материалы по говорам эвенков Якутской АССР. Вып. 2.) 172 с.
215. Романова, Мыреева 1971 – *Романова А.В., Мыреева А.Н.* Фольклор эвенков Якутии / Под ред. Г.М. Василевич. Л.: Наука; Ленинградское отделение, 1971. (Диалектологические материалы по говорам эвенков Якутской АССР. Вып. 4.) 332 с.
216. Рубцова 1954 – *Рубцова Е.С.* Материалы по языку и фольклору эскимосов (чаплинский диалект). Ч. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 556 с.
217. Румянцев 1955 – *Румянцев Г.Н.* Примечания // Банзаров Д. Собрание сочинений / Отв. ред. Г.Д. Санжеев. Подгот. к печати и примеч. Г.Н. Румянцева. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 253-349.
218. Румянцев 1969 – *Румянцев Г.Н.* Идинские буряты (родо-племенной состав) // Этнографический сборник / Отв. ред. Е.М. Залкинд. Улан-Удэ: Бурятский филиал СО АН СССР. 1969. Вып. 5. С. 76-104.
219. Сазыкин 2004 – *Сазыкин А.Г.* Каталог бурятских ксилографированных и литографированных изданий из коллекций Санкт-Петербурга. Киото: Университет Киото, 2004. (Contribution to the Studies of Eurasian Languages Series 8.) 173 с.
220. Санжеев 1930 – *Санжеев Г.Д.* Дархаты: Этнографический отчёт о поездке в Монголию в 1927 году. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. (Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР. Вып. 10.) 64 с.
221. Санжеев 1931 – *Санжеев Г.Д.* Дархатский говор и фольклор. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. (Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР. Вып. 15.) 112 с.
222. Сем 1996 – *Сем Т.Ю.* Амурский космогонический миф: модель и варианты // Системные исследования взаимосвязи древних культур Сибири и Северной Америки: Духовная культура / Отв. ред. и сост. Е.А. Окладникова. СПб.: МАЭ РАН, 1996. Вып. 3. С. 111-142.
223. Сем 2006 – *Сем Т.Ю.* (сост.). Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII-XX вв.: Хрестоматия. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. 664 с.
224. Симченко 1976 – *Симченко Ю.Б.* Культура охотников на оленей Северной Евразии: Этнографическая реконструкция. М.: Наука, 1976. 312 с.

225. Симченко 1996а – *Симченко Ю.Б.* Традиционные верования нганасан. Ч. I. М.: Б. и., 1996. (Библиотека российского этнографа.) 216 с.
226. Симченко 1996б – *Симченко Ю.Б.* Традиционные верования нганасан. Ч. II. М.: Б. и., 1996. (Библиотека российского этнографа.) 208 с.
227. Синьковский 1883 – Записки алтайского миссионера Чёрно-Ануйского отделения священника Филарета Синьковского за 1876, 77, 78, 79, 80 и 81 годы. М.: Типография М.Н. Лаврова и К^о, 1883. 168 с.
228. Сказания бурят 1890 – Сказания бурят, записанные разными собирателями. Иркутск, 1890. (Записки ВСО ИРГО. По этнографии. Т. I. Вып. 2.) 160 с.
229. Смоляк 1991 – *Смоляк А.В.* Шаман: личность, функции, мировоззрение (народы нижнего Амура). М.: Наука, 1991. 280 с.
230. Соколов 1900 – *Соколов К.* Записки миссионера Урскульского отделения Алтайской миссии за 1900 год [Продолжение] // Православный благовестник. 1900. Т. III. № 23. Кн. 1. С. 295-302.
231. Старостин 1982 – *Старостин С.А.* Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник: Антропология, этнография, мифология, лингвистика / Отв. ред. Е.А. Алексеенко. Л.: Наука; Ленинградское отделение, 1982. С. 144-237.
232. Старостин 1984 – *Старостин С.А.* Гипотеза о генетических связях синотибетских языков с енисейскими и северокавказскими // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Тезисы и доклады конференции / Ред. колл.: И.Ф. Вардуль, В.А. Дыбо и др. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1984. Ч. 4: Древнейшая языковая ситуация в Восточной Азии. С. 19-38.
233. Таксами 1977 – *Таксами Ч.М.* Система культов у нивхов // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.) / Отв. ред. И.С. Вдовин. Л.: Наука, 1977. (СМАЭ. XXXIII.) С. 90-116.
234. Тарская и др. 2009 – *Тарская Л.А., Гоголев А.И., Ельчинова Г.И., Егорова А.Г., Лимборская С.А.* Этническая геномика якутов (народа саха): Генетические особенности и популяционная история. М.: Наука, 2009. 271 с.
235. Теин 1981 – *Теин Т.С.* Шаманы сибирских эскимосов // ПИОСАС. С. 218-232.
236. Топоров 1987 – *Топоров В.Н.* Образ трикстера в енисейской традиции // Традиционные верования и быт народов Сибири: XIX – начало XX в. / Отв. ред. И.Н. Гемуев, А.М. Сагалаев. Новосибирск: Наука; Сибирское отделение, 1987. С. 5-27.

237. Третьяков 1869 – *Третьяков П.* Туруханский край // Записки ИРГО. По общей географии. (Отделениям географии физической и математической.) 1869. Т. II. С. 215-530.
238. Трощанский 1904 – *Трощанский В.Ф.* Эволюция чёрной веры (шаманства) у якутов. Казань: Типолиитография Императорского университета, 1904. (Отд. отт. из «Учёных записок Императорского Казанского университета».) IV, 185, X, 13, II с.
239. Трусов 1884 – [*Трусов Д.*] Отчёт о состоянии камчатской миссии за 1883 г. // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1884. Октября 6. № 40. С. 437-452.
240. Тураев 2003 – *Тураев В.А.* (отв. ред.). История и культура нанайцев: Историко-этнографические очерки. СПб.: Наука, 2003. 326 с.
241. Турутина 2000 – *Турутина П.Г.* По тропам моих предков и моего детства: Сказки, легенды, шаманские обряды и изречения лесных ненцев. Екатеринбург: Баско, 2000. 96 с.
242. Фёдорова 2004 – *Фёдорова Е.Г.* Об одном из аспектов женской культуры манси // Материалы полевых этнографических исследований / Отв. ред. Е.Г. Фёдорова. СПб.: МАЭ РАН, 2004. Вып. 5. С. 29-40.
243. Финдейзен 1929 – *Финдейзен Г.* Из поездки к кэто (енисейским остякам) в 1927-28 гг. // Северная Азия. 1929. № 2 (26). С. 126-131.
244. Функ 2008 – *Функ Д.А.* Неопубликованные рассказы энцев в записи Б.О. Долгих // Миф, символ, ритуал. Народы Сибири / Сост. О.Б. Христофорова. М.: РГГУ, 2008. С. 174-192.
245. Хангалов 1890 – *Хангалов М.Н.* Суд заянов над людьми // Шаманские поверья инородцев Восточной Сибири. Иркутск: Типография К.И. Витковской, 1890. (Записки ВСО ИРГО по этнографии. Т. II. Вып. 2.) С. 15-17.
246. Хангалов 1960а – *Хангалов М.Н.* О шаманстве у бурят // Хангалов М.Н. Собрание сочинений: В 3 т. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1960. Т. 2. С. 117-139.
247. Хангалов 1960б – *Хангалов М.Н.* Несколько слов о шамане (О кудинских шаманах) // Хангалов М.Н. Собрание сочинений: В 3 т. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1960. Т. 2. С. 140-156.
248. Христофорова 2003 – *Христофорова О.Б.* Получение дара: рассказы о шаманском становлении у нганасан // *Arbor Mundi*. 2003. № 10. С. 87-105.
249. Худяков 2002 – *Худяков И.А.* Краткое описание Верхоянского округа: (Отдельные главы) / Сост. В.В. Илларионов. Якутск: Бичик, 2002. 208 с.

250. Цендина 2003 – *Цендина А.Д.* Индийские сказочно-повествовательные традиции в фольклоре монгольских народов // Буддизм и литература / Отв. ред. Н.И. Никулин. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 379-401.
251. Цыбиков 1927 – *Цыбиков Г.Ц.* Культ огня у восточных бурят-монголов // БС. 1927. Вып. III-IV. С. 63-64. (Перепечатано в: *Цыбиков Г.Ц.* Избранные труды в двух томах. Новосибирск: Наука, 1981. Т. 2: О Центральном Тибете, Монголии и Бурятии. С. 167-168.)
252. Цыбиков 1981 – *Цыбиков Г.Ц.* Шаманизм у бурят-монголов // Цыбиков Г.Ц. Избранные труды в двух томах. Новосибирск: Наука, 1981. Т. 2: О Центральном Тибете, Монголии и Бурятии. С. 169-176.
253. Чеканинский 1914 – *Чеканинский Ив.* Следы шаманского культа в русско-тунгусских поселениях по реке Чуне в Енисейской губернии // Этнографическое обозрение. 1914. № 3-4. С. 61-80.
254. Чеснов 1998 – *Чеснов Я.В.* Лекции по исторической этнологии. М.: Гардарика, 1998. 397 с.
255. Членова 1969 – *Членова Н.Л.* Соотношение культур карасукского типа и кетских топонимов на территории Сибири // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Материалы межвузовской конференции 11-13 мая 1969 г. / Отв. ред. А.П. Дульзон. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1969. С. 143-146.
256. Членова 1975 – *Членова Н.Л.* Соотношение культур карасукского типа и кетских топонимов на территории Сибири // Этногенез и этническая история народов Севера / Отв. ред. И.С. Гурвич. М.: Наука, 1975. С. 223-230.
257. Шагланова 2005 – *Шагланова О.А.* Архивные источники ОПП ИМБиТ СО РАН по бурятскому шаманизму // Письменное наследие монгольских народов: актуальные проблемы информационного обеспечения востоковедных исследований. Материалы I международного семинара / Ред. колл.: Б.В. Базаров, Ц.П. Ванчиков и др. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. С. 18-21.
258. Шашков 1864 – *Шашков С.* Исследования и материалы. Шаманство в Сибири. СПб.: Типография В. Безобразова и комп., 1864. (Записки ИРГО. Кн. 2.) 105 с.
259. Шимкевич 1896 – *Шимкевич П.П.* Материалы для изучения шаманства у гольдов. Хабаровск: Типография канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1896. (Записки Приамурского отдела ИРГО. Т. II. Вып. 1.) 133 с.
260. Штернберг 1925 – *Штернберг Л.Я.* Культ орла у сибирских народов (Этюд по сравнительному фольклору) // Ко дню 80-летия академика Василия Васильевича

- Радлова (1837-1917 гг.). Л.: Изд-во АН СССР, 1917-1925. (СМАЭ. Т. V. [Вып. 2.]) С. 717-740.
261. Штернберг 1933 – *Штернберг Л.Я.* Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны: Статьи и материалы. Хабаровск: Дальгиз, 1933. 740 с.
262. Элиаде 2000 – *Элиаде М.* Шаманизм: Архаические техники экстаза. Киев: София, 2000. 480 с.
263. Эргис 1960 – *Эргис Г.У.* (подгот. изд.). Исторические предания и рассказы якутов: В 2 ч. / Под ред. А.А. Попова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Ч. 2. 360 с.
264. Эрдэнипэл 2005 – *Эрдэнипэл.* Конечная причина религий в Монголии / Пер. Ринчена и Самбу // История в трудах учёных лам / Сост. и ред. А.С. Железняков, А.Д. Цендина. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. С. 155-247.
265. Юша 2007 – *Юша Ж.М.* Магические формулы проклятий у тувинцев // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 4. С. 106-108.
266. Яданова 2006 – *Яданова К.В.* Несказочная проза теленгитов. М.: Режанс, 2006. 128 с.
267. Ямаева 2002 – *Ямаева Е.Е.* Духовная культура алтайцев: Эпос. Миф. Ритуал. Дисс. ... д-ра истор. наук. Горно-Алтайск: ИГИРА, 2002. 263 с.
268. Balzer 1996 – *Balzer M.M.* Flights of the sacred: Symbolism and theory in Siberian shamanism // *American Anthropologist*. New series. 1996. Vol. 98. No. 2. P. 305-318.
269. Barnard 1996 – *Barnard A.* Regional comparison in Khoisan ethnography: Theory, method and practice // *Zeitschrift für Ethnologie*. 1996 (1997). Bd. 121. S. 203-220.
270. Berezkin 1999 – *Berezkin Yu.E.* What truth myths contain? // *Revista de filología y lingüística de la Universidad de Costa Rica*. 1999. Vol. 25. No. 1. P. 89-138.
271. Bogoras 1910 – *Bogoras W.* Chukchee mythology. Leiden; New York, 1910. (The Jessup North Pacific Expedition. Memoir of the American Museum of Natural History. Vol. VIII. Pt. I.) 197 p.
272. Bogoras 1913 – *Bogoras W.* The Eskimo of Siberia. Leiden; New York, 1913. (The Jessup North Pacific Expedition. Memoir of the American Museum of Natural History. Vol. VIII. Pt. III.) 452 p.
273. Bogoras 1918 – *Bogoras W.* Tales of Jukagir, Lamut, and Russianized natives of Eastern Siberia. New York, 1918. (Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. Vol. XX. Pt. I.) 148 p.
274. Chiodo 2009 – *Chiodo E.* Songs of Khorchin shamans to Jayagachi, the protector of livestock and property. Paderborn; München; Wien; Zürich: Verlag Ferdinand Schöningh,

2009. (Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Academie der Wissenschaften und der Künste. Bd. 121.) 132 p.
275. Curtin 1909 – *Curtin J.* A journey in Southern Siberia: The Mongols, their religion, and their myths. Boston: Little, Brown, and Company, 1909. XIV, 319 p.
276. Donner 1933 – *Donner K.* Ethnological notes about the Yenisey-Ostyak (in the Turukhansk Region). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1933. (Mémoires de la Société Finno-ougrienne. LXVI.) 104 p.
277. Donner 1955 – *Donner K.* Ketica. Materialien aus dem Ketischen oder Jenisseiostjakischen / Bearb. und hrsg. von Aulis J. Joki. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1955. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 108.) 135 S.
278. Dundes 1962 – *Dundes A.* From etic to emic units in the structural study of folktales // Journal of American Folklore. 1962. Vol. 75. No. 296 (Apr. - Jun.). P. 95-105.
279. Dundes 1997 – *Dundes A.* The motif-index and the tale type index: A critique // Journal of Folklore Research. 1997. Vol. 34. No. 3 (Sep. - Dec.). P. 195-202.
280. Friedrich, Buddruss 1955/1987 – Schamanengeschichten aus Sibirien / Aus dem Russ. übers. und eingeleitet von A. Friedrich und G. Buddruss. Berlin: Zerling, 1987. (Reihe Documenta Ethnographica.) 327 S.
281. Harva 1938 – *Harva U.* Die religiösen Vorstellungen der altaischen Völker. Helsinki: Suomalainen tiedeakatemia, 1938. (FF communications. Vol. LII. No. 125.) 634 S.
282. Heissig 1953 – *Heissig W.* A Mongolian source to the Lamaist suppression of shamanism in the 17th century // Anthropos. 1953. 48. P. 1-29, 493-536.
283. Heyne 1999 – *Heyne G.F.* The social significance of the shaman among the Chinese reindeer-Evenki // Asian Folklore Studies. 1999. Vol. 58. P. 377-395.
284. Hultkrantz 1993 – *Hultkrantz A.* The shaman in myths and tales // Shaman. 1993. Vol. 1. No. 2. P. 53-70.
285. Kuper 1979 – *Kuper A.* Regional comparison in African anthropology // African Affairs. Vol. 78. No. 310. P. 103-113.
286. Lewitzky 1957 – *Lewitzky A.* Myths and rites of shamanism // Diogenes. 1957. Vol. 5 (17). P. 33-44.
287. Ohnuki-Tierney 1973 – *Ohnuki-Tierney E.* The shamanism of the Ainu of the Northwest coast of Southern Sakhalin // Ethnology. 1973. Vol. 12. No. 1. P. 15-29.
288. Pakendorf et al. 2006 – *Pakendorf B., Novgorodov I.N., Osakovskij V.L., Danilova A.P., Protod'jakonov A.P., Stoneking M.* Investigation the effects of prehistoric migrations in

- Siberia: Genetic variation and the origins of Yakuts // *Human Genetics*. 2006. Vol. 120. No. 3. P. 334-353.
289. Schapera 1953 – *Schapera I.* Comparative method in social anthropology // *American Anthropologist*. New Series. Vol. 55. No. 3. P. 353-362.
290. Thompson 1955-1958 – *Thompson S.* Motif-index of folk-literature: A classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, mediaeval romances, exempla, fabliaux, jest-books and local legends. Rev. & enlarged ed. Bloomington: Indiana University Press, 1955-1958. Vol. I-VI.
291. Uther 2004 – *Uther H.-J.* The types of international folktales: A classification and bibliography. Based on the system of Antti Aarne and Stith Thompson. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 2004. (FF Communications. Vol. CXXXIII. No. 284; Vol. CXXXIV. No. 285; Vol. CXXXV. No. 286.) Pt. 1: Animal tales, tales of magic, religious tales, and realistic tales, with an introduction. 619 p.; Pt. 2: Tales of the stupid ogre, anecdotes and jokes, and formula tales. 536 p.; Pt. 3: Appendices. 285 p.
292. Werner 1997 – *Werner H.* Das Jugische (Sym-Ketische). Wiesbaden: Harrassowitz, 1997. (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Bd. 50.) X, 325 S.

Список сокращений

- АЛАЛС – Архив Лаборатории автоматизированных лексикографических систем Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва.
- БМНО – Бурят-монгольское научное общество им. Доржи Банзарова. Верхнеудинск.
- БС – Бурятоведческий сборник. Издание Бурят-монгольской секции Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Иркутск: Власть труда, 1927.
- ВСО – Восточно-Сибирский отдел ИРГО. Иркутск.
- ЖС – Живая старина. Периодическое издание Отделения этнографии ИРГО. Санкт-Петербург.
- ИРГО – Императорское Русское географическое общество. Санкт-Петербург.
- МЛЭ 2009 – Материалы лингвистической экспедиции ЛАЛС НИВЦ МГУ и ИЛ РГГУ к сымским эвенкам и южным кетам (п. Сым Енисейского р-на и п. Келлог Туруханского р-на Красноярского края, август-сентябрь 2009 г., рук. – О.А. Казакевич).
- МЭФ – Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / Сост. Г.М. Василевич; Под ред. Я.П. Алькора. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936. (Труды по фольклору. Т. 1.)
- МЭМ 2011 – Материалы фольклорно-этнографической экспедиции ЦТСФ РГГУ к халха-монголам, олётам и дархатам (Центральная и Северная Монголия, июль-август 2011 г., рук. – А.А. Соловьёва).
- ПИОСАС – Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX – начала XX в.) / Отв. ред. И.С. Вдовин. Л.: Наука, 1981.
- СМАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии при Императорской Академии Наук. Санкт-Петербург / Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии Наук. Ленинград.

Приложения

Приложение № 1. Каталог мотивов сибирских шаманских легенд

Структура каталога

I. ЭТИОЛОГИЯ: ЗЕМЛЯ, НЕБО И СВЕТИЛА

- I.1. Шаман и нырятьщик.
- I.2. Шаманы останавливают потоп.
- I.3. Шаман-стрелок.
- I.4. Месяц из шамана.
- I.5. Шаман на луне.
- I.6. Почему на луне девушка.
- I.7. Млечный Путь – дорога шамана.
- I.8. Млечный Путь – дыхание порога.
- I.9. Зарница – брошенный топор.
- I.10. Застрявшие нарты.

II. ЭТИОЛОГИЯ: ЛЮДИ, ЖИВОТНЫЕ И ДЕМОНЫ

- II.1. Происхождение смерти – открытая дверь.
- II.2. Освоение огня.
- II.3. Происхождение оленеводства.
- II.4. Рисунки на скалах.
- II.5. Съеденная письменность.
- II.6. Животное – прежний шаман.
- II.7. Уши зайца.
- II.8. Почему змеи кусают людей.
- II.9. Создание духов-помощников.
- II.10. Почему духи-помощники невидимые.
- II.11. Шаман и появление демонов.

III. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ШАМАНИЗМА И ДЕЯНИЯ ПЕРВЫХ ШАМАНОВ

- III.1. Проводник в подземный мир.
- III.2. Заступник.

- III.3. Наказание за отступничество.
- III.4. Первый шаман – женщина.
- III.5. Первый шаман – брошенный ребёнок.
- III.6. Первый шаман – орёл.
- III.7. Дар от птицы.
- III.8. Проглоченная градинка.
- III.9. Сброшенный дьявол.
- III.10. Соперничество с богами.
- III.11. Родственник смерти.
- III.12. Устранение первого шамана.
- III.13. Возвращение первого шамана.

IV. СТАНОВЛЕНИЕ ШАМАНА

- IV.1. Сваренный шаман.
- IV.2. Принуждение к шаманству.
- IV.3. Удар грома.
- IV.4. Бывший мертвец – будущий шаман.
- IV.5. Дети-найденыши – будущие шаманы.
- IV.6. Дети-птенцы.
- IV.7. Чудесный быстрый рост.
- IV.8. Шаман – родственник богов.
- IV.9. Шаман – сын божества.
- IV.10. Небесная жена шамана.

V. ШАМАН И ДЕРЕВО

- V.1. Шаманское дерево.
- V.2. Выращенный на дереве.
- V.3. Высокое гнездо.
- V.4. Новорождённый шаман и дерево.
- V.5. Дерево и передача шаманских сил.
- V.6. Дерево является во сне.
- V.7. Дерево и духи-помощники.
- V.8. Деревья на шамане.
- V.9. Сломанное дерево.

VI. СМЕРТЬ И ПОХОРОНЫ ШАМАНА

- VI.1. Шаманское завещание.
- VI.2. Мстительный дух.
- VI.3. Стихийные бедствия.
- VI.4. Тело долго горит.
- VI.5. Умерший шаман – хозяин местности.
- VI.6. Каменная баба.
- VI.7. Катающийся череп.

VII. СИЛЫ И ВНЕШНИЕ ОСОБЕННОСТИ ШАМАНА

- VII.1. Шаманские метаморфозы.
- VII.2. Превращение в птицу.
- VII.3. Превращение в млекопитающее.
- VII.4. Превращение в насекомых и пауков.
- VII.5. Превращение в стихии.
- VII.6. Множественные превращения.
- VII.7. Обратное превращение невозможно.
- VII.8. Аномалии в анатомии шамана.
- VII.9. Смертоносный взгляд.
- VII.10. Рука как нож.
- VII.11. Манипуляции с органами и костями.
- VII.12. Манипуляции с органами и костями: половой член.
- VII.13. Манипуляции с органами и костями: замена человеческих костей.
- VII.14. Отложенная беременность.
- VII.15. Шаманская неуязвимость.
- VII.16. Шаман и холод.
- VII.17. Воскресший шаман.
- VII.18. Воскрешение мёртвых.
- VII.19. Оживление умершего животного.
- VII.20. Управление стихиями.
- VII.21. Наводнение в жилище.
- VII.22. Огненное камлание.
- VII.23. Шаманское предсказание.

VII.24. Язык растений и животных.

VIII. СЛАБОСТИ ШАМАНА

VIII.1. Опасные женщины.

VIII.2. Шаманка сильнее шамана.

VIII.3. Душа не в шамане.

VIII.4. Убийство духа-помощника.

VIII.5. Превращения и раны.

IX. ШАМАНСКИЕ ПРАВИЛА

IX.1. Разрешение старших.

IX.2. Злоупотребление шаманскими силами.

IX.3. Нельзя в воду.

IX.4. Жилище шамана.

X. БОРЬБА С ПРОТИВНИКАМИ и ПОМОЩЬ НУЖДАЮЩИМСЯ

X.1. Противодействие духам.

X.2. Шаманские поединки.

X.3. Битва духов.

X.4. Борьба животных.

X.5. Вред изнутри.

X.6. Гнилое дерево.

X.7. Ловушка для духа.

X.8. Договор с духом.

X.9. Шаманский сон.

X.10. Испытание холодом.

X.11. Обмен предсказаниями о смерти.

X.12. Взаимная демонстрация сил.

X.13. Шаманское проклятие.

X.14. Пожирание душ.

X.15. Шаман-оборотень.

X.16. Шаманское трикстерство.

X.17. Видения.

X.18. Ужаленный бог.

- X.19. Просящие духи.
- X.20. Расшевелённый дух.
- X.21. Дочь верхнего мира.
- X.22. Шаман рубит скрепы звёзд
- X.23. Сожжение шаманов.
- X.24. Возвращение похищенной жены.
- X.25. Похищенная беременность.

XI. ШАМАНСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

- XI.1. Путешествие с перелётными птицами.
- XI.2. Исход на небеса.
- XI.3. Испорченное путешествие
- XI.4. Отверстие в небе.
- XI.5. На небо по облакам.
- XI.6. Путешествие на бубне.
- XI.7. На небо по дереву.
- XI.8. На небо по радуге.
- XI.9. Чудесная переправа через воду.
- XI.10. Чудесная переправа через воду: появление льда.
- XI.11. Шаманские нарты.
- XI.12. Прыжок через дымовое отверстие.
- XI.13. Неузнанный шаман.

XII. ЭСХАТОЛОГИЯ

- XII.1. Шаман и гибель мира.

Каталог

I. ЭТИОЛОГИЯ: ЗЕМЛЯ, НЕБО И СВЕТИЛА

I.1. ШАМАН И НЫРЯЛЬЩИК.

Шаман участвует в создании суши (приказывает гагаре принести землю со дна моря; превращает принесённое в сушу). См. мотивы 3А «Первичные воды», Сб «Ныряльщик», СбС «Ныряльщик – птица», СбD «Доставание земли» [Берёзкин 2011].

Кеты [Анучин 1914: 14], эвены [Роббек, Дуткин 1978: 157].

Кеты: Дох шаманил, разыскивая *ульвей* богатыря; с помощью хитрости овладев *ульвеем*, Дох летел обратно через море; Хосадам подняла бурю; Дох летел трое суток, уставая, сажился на своих духов, имевших вид лебедя, гагары и других; духи устали, буря не прекращалась; Дох приказал гагаре нырнуть в воду и достать со дна кусочек твёрдой земли; два раза гагара ныряла неудачно, на третий раз принесла комок тины в клюве; из этой тины Дох сделал среди моря остров, отдохнув на котором, он благополучно, возвратился [Анучин 1914: 14].

Эвены: земля была образована ради людей небесным шаманом (*ньанин саманни*), который превратил в землю маленький комочек глины, доставленный гагарой по его просьбе [Роббек, Дуткин 1978: 157].

I.2. ШАМАНЫ ОСТАНАВЛИВАЮТ ПОТОП.

Шаманы своими действиями останавливают мировой потоп.

Тундровые ненцы [Лехтисало 1998: 10].

Тундровые ненцы (Обдорск): когда-то в стороне юга находилось одно очень священное место под названием *Надья*; там росла священная берёза с семью ветвями, все люди

отправлялись туда для жертвоприношений; однажды корни берёзы охватила гниль, и когда все семь корней сгнили, берёза упала; внизу ствола из неё текла кровь; но это была не настоящая кровь, а огонь, и после огня начала литься её священная вода, которая поглотила все реки; люди сделали плот и взяли на него по одному из всех животных земли; великие ворожеи стояли на хребте священного мыса, и, когда вода поднималась всё выше, они крикнули семь раз, после чего вода опала на одну пядь; спустя лето и зиму вода зачала; люди ожидают нового потопа; сказание предсказывает появление нового ворожея, который приведёт воду в состояние потока; тогда все люди будто бы построят плот из ивы и скрепят его собачьими волосами, и если *Нум* будет в хорошем настроении, то все люди, оказавшиеся на этом плоту, останутся в живых; сейчас снова время появления священной воды (текст записан от «ворожея» [Лехтисало 1998: 10]).

1.3. ШАМАН-СТРЕЛОК.

Три солнца обжигают землю, два из них застрелены шаманом.

Верхнеамурские и кур-урмийские нанайцы [Шимкевич 1896: 8-11; Лопатин 1922: 237-238; Сем 1996: 134-136].

Верхнеамурские нанайцы (с. Муху): вначале на земле жили двое людей: брат Ходай и сестра Мяменди; Мяменди укусила палец, из него побежала кровь; из капли крови, упавшей на землю, образовались один мужчина и две женщины; у женщин родились дети, от которых произошли все люди; существовало три солнца, поэтому было слишком светло и жарко; Мяменди сказала брату Ходай, чтобы он прострелил лишнее солнце; Ходай потушил стрелами из лука два солнца; людям стало жить легче, они начали плодиться ещё больше; их стало слишком много; Мяменди спросила брата, почему он не откроет дверь на тот свет; Ходай пошёл искать эту дверь, нашёл её и отпер; люди стали умирать, на земле накопилось много трупов, но хоронить было некому, так как шаманов ещё не было; Ходай увидел сон, в котором к нему явился *сеон* и сказал, что хочет сделать его шаманом, умеющим хоронить людей и провожать их в *бун*; *сеон* велел Ходай идти в лес, найти там шаманское дерево, на котором растут *толи*, *конгокта* и рога; утром Ходай отправился в лес и нашёл шаманское дерево; Ходай выбрал себе множество шаманских вещей, положил их в мешок и принёс домой; ночью все эти вещи зашумели, сказали, что их будет слишком

много для одного Ходай; когда Ходай развязал мешок, шаманские вещи полетели в разные стороны к людям, достойным шаманского звания; появилось много шаманов, Ходай стал вместе с ними хоронить умерших и уводить души их в *бун*; Ходай было трудно ездить вверх по реке, поэтому он сделал так, чтобы одна половина реки текла вверх от его фанзы, а другая вниз; но догадался Ходай, что люди обленятся, и пустил всю воду вниз [Лопатин 1922: 237-238; Сем 1996: 134-135].

Кур-урмийские нанайцы: первые люди были бессмертными, после своей смерти они возрождались; первые два человека достигли глубокой старости и жили со своим престарелым сыном Долдчу-Ходаем; людей стало очень много; Долдчу-Ходай ушёл в пещеру, чтобы прекратить возрождение; отец завалил вход большим камнем, но возрождение человечества не прекратилось; старуха заткнула вход звериными шкурами и сказала, что, когда последняя истлеет, возрождение прекратится; на другое утро на небе возшли три солнца; от жары стало гибнуть всё живое; ночью возшли три луны; старик построил фанзу из камня *оиса*, приготовил лук и стрелы, застрелил лишние светила; необходимо было хоронить людей; старик увидел во сне *конгуру-загде* (шаманское дерево) и услышал голос, рассказавший как сделать шаманский костюм; пояс и бубен будут переносить в *бун*, помощниками будут бурханы Бучу и птица Кори [Шимкевич 1896: 8-11; Сем 1996: 135-136].

1.4. МЕСЯЦ ИЗ ШАМАНА.

Разорванный на части шаман становится месяцем. См. мотивы A29 «Солнце и демон соперничают из-за героя», A29A «Разорванный двумя женами», A29B «Разорванный Месяц» [Берёзкин 2011].

Кеты [Donner 1933: 94].

Кеты: *dōg* всегда использовал Млечный путь как дорогу, когда путешествовал к солнцу; во время полёта к солнцу дьявол схватил шамана, солнце же стало держать за другую, бóльшую, часть его тела; дьявол забрал сердце *dōg`a*, а солнце, которое было замужем за шаманом, забрало всё остальное; так как сердце осталось у дьявола, *dōg* мог жить только по ночам; из *dōg`a* солнце и дьявол создали месяц [Donner 1933: 94].

1.5. ШАМАН НА ЛУНЕ.

На луне виднеется изображение шамана. См. мотивы А32 «Фигура на лунном диске», А32J «Шаман на луне» [Берёзкин 2011], а также [Thompson 1955-1958: motif A751].

Ненцы [Попов 1944: 85; Лехтисало 1998: 13-14], нганасаны [Долгих 1976: 61 (текст № 17); Попов 1984: 47], энцы [Прокофьева 1953: 205, 219; Долгих 1961: 64-69; Лабанаускас 2002б: 278-282; Функ 2008: 180 (№ 17/33)], «туруханские инородцы» [Третьяков 1869: 415].

Ненцы: когда-то очень давно один шаман стал камлать, желая достать луну; во время камлания шаман поднялся вверх: его унёс на небо гром, и притянула к себе луна, и он прилип к ней; вот почему на луне виднеется изображение шамана с бубном в руке [Попов 1944: 85].

Нганасаны: шаман идёт к луне, чтобы узнать, когда женщины будут рожать; луна бежит к своей матери за советом, та говорит, что шамана нельзя отпускать; луна возвращается к шаману, он становится её мужем; шаман приклеился к луне и виден на ней [Долгих 1976: 61 (текст № 17)].

Энцы: шаман народа сомату Быкубо позвал камлать шамана народа бай Пянтуку; Пянтуку приехал, шаманы начали камлать в двух близкостоящих чумах; шаман Быкубо позвал Пянтуку к себе в чум; шаманы советуются, кто из них будет приглашать солнце, а кто месяц; Пянтуку сказал, что он позовёт месяц, Быкубо решил звать солнце; Пянтуку опасается, что из-за солнца все сгорят, а из-за месяца – ознобятся, замёрзнут; Быкубо ушёл в свой чум, оба шамана начали камлать; к полночи месяц пришёл совсем близко, в чуме Пянтуко становится холодно, у людей, которые прибегают с улицы отлетают носы и щёки; Пянтуко надевает шаманскую шапку, *парку* и нагрудник, затем выходит на улицу, держа бубен в руках; месяц находился около переднего угла чума, шаман стал кланяться, кивать головой; он попросил месяц отойти от переднего угла, ссылаясь на то, что все замерзают; когда шаман перестал кланяться, месяц приблизился к нему на расстояние двух *арканов*; шаман повернулся обратно к чуму, хотел пойти к входу, но ноги у него стали двигаться назад, будто его что-то притягивало; шаман вместе с бубном прилип к месяцу; люди выходят из чума, начинают искать шамана; старики им говорят, что шаман прилип к месяцу; шаман Быкубо тоже шаманил; он спрашивал людей, не стало ли солнце ближе, но

солнце оставалось на своём месте; два старика, которые сидели в чуме, схватили по полену и начали стучать в бубен; они сказали шаману, что он напрасно трудится; шаман народа сомату перестал камлать, положил бубен, разделся, сел около жены и умер [Лабанаускас 2002б: 278-282].

«Туруханские инородцы»: луна называется «немкартия». У самоедов, равно и у других инородцев, она почитается также божеством; про эту планету у всех инородцев, кроме остяков, сохранилось следующее предание: когда-то, давно, один великий шаман вздумал вступить в борьбу с луною, но едва успел до неё прикоснуться, как тотчас же прильнул к ней вместе с бубном; изображение шамана видно и поныне на луне. Ущерб этой планеты самоеды объясняют похищением её подземным дьяволом, называемым «сыр-нянда» [Третьяков 1869: 415].

I.6. ПОЧЕМУ НА ЛУНЕ ДЕВУШКА.

Шаман закинул на луну девушку с пустыми вёдрами.

Кеты [МЛЭ 2009]. Ср. мотив А32F «Лунная водоноша» [Берёзкин 2011].

Кеты (Келлог): на луне есть девушка с пустыми вёдрами, которую туда закинул шаман [МЛЭ 2009].

I.7. МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ – ДОРОГА ШАМАНА.

Млечный Путь – это дорога шамана. Ср. мотивы I109 «Млечный Путь – дорога небесных светил», I58 «Млечный Путь – дорога птиц» [Берёзкин 2011].

Кеты [Donner 1933: 93-94; 1955: 37].

Кеты: Млечный Путь назван в честь первого шамана, после того, как шаман летел к солнцу вдоль него; после этого Млечный Путь стал видимым [Donner 1933: 93].

Кеты: *dōg* всегда использовал Млечный Путь как дорогу, когда путешествовал к солнцу; во время полёта к солнцу дьявол схватил шамана, солнце же стало держать за другую, бóльшую, часть его тела; дьявол забрал сердце *dōg`а*, а солнце, которое было замужем за шаманом, забрало всё остальное; так как сердце осталось у дьявола, *dōg* мог жить только по ночам; из *dōg`а* солнце и дьявол создали месяц [Donner 1933: 94].

Кеты: Млечный Путь – это дорога первого шамана Дога, по которой тот ходил к солнцу [Donner 1955: 37].

1.8. МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ – ДЫХАНИЕ ПОРОЗА.

Млечный Путь – это дыхание пороза, с помощью которого шаман путешествовал по небу.

Нганасаны [Симченко 1996а: 144-145].

Нганасаны: два брата-шамана голодают, старший видит сон о куропатках, на следующий день появляются бескрылые куропатки, их ловят и едят; снова голодают; младший решает идти на небо, его семья собирает вещи; шаман заколол пороза, достал у него сердце; потом пороза хореем стал гонять, пороз в небо побежал, всех людей унёс; аргиш по небу пошёл; два раза поворачивал назад: за ножом, за топором; на другой год младший шаман вернулся, рассказывает, что там у них всё есть; старший бросил вверх топор, младший сказал, что теперь они не будут к нему ходить и ушёл; на небе теперь пороза дыхание (Млечный Путь), топор тоже, как огниво о кремьень, на небе сверкает, это дяндю (зарница) [Симченко 1996а: 144-145].

1.9. ЗАРНИЦА – БРОШЕННЫЙ ТОПОР.

Зарница – это топор, брошенный с земли шаманом в другого шамана.

Нганасаны [Симченко 1996а: 144-145].

Нганасаны: два брата-шамана голодают, старший видит сон о куропатках, на следующий день появляются бескрылые куропатки, их ловят и едят; снова голодают; младший решает идти на небо, его семья собирает вещи; шаман заколол пороза, достал у него сердце; потом пороза хореем стал гонять, пороз в небо побежал, всех людей унёс; аргиш по небу пошёл; два раза поворачивал назад: за ножом, за топором; на другой год младший шаман вернулся, рассказывает, что там у них всё есть; старший бросил вверх топор, младший сказал, что теперь они не будут к нему ходить и ушёл; на небе теперь пороза дыхание (Млечный Путь), топор тоже, как огниво о кремень, на небе сверкает, это дяндю (зарница) [Симченко 1996а: 144-145].

I.10. ЗАСТРЯВШИЕ НАРТЫ.

На небе видны застрявшие нарты жены шамана.

Кеты [Дульзон 1964: 188-195; Алексеенко 2001: 107-108 (текст 46)].

Кеты: шаман Дог жил, когда народился первый снег; на зиму, как лебедь, летал к Томам и там зимовал; когда он возвращался, люди делали ему чум с двумя входами, один против другого; Дог с верхней стороны влетает, с другой вылетает; круг до солнца делает, снова в дверь сверху залетает; когда в седьмой раз залетел, жена на него новый белый платок накинула; подняла платок – там человек, Дог; пока он зимовал у Томам, его сын умер; Дог спросил свою бабу, она ответила, что сына утащила Хоседам; Дог попросил своих людей сделать ему петлю из железа; люди поленились и сделали петлю из черёмухового лыка; зная, что идёт Дог, Хоседам привязала над входом камень, чтобы тот упал и убил шамана; Дог задел камень *альдонем*, который был у него на *шаманской короне*; камень лопнул; Дог спрашивает Хоседам о сыне, она говорит, что не знала, что это его сын; Дог накинул ей на шею петлю, но затянуть не смог – петля не железная, лопнула; тогда Дог ударил Хоседам в висок своей *лопаткой*; Хоседам говорит: «К тебе семь оленей сверху спустятся, на них ты к Есю поднимешься»; Дог не расслышал и спросил свою *затылочную жену*, что сказала мать; жена пожалела свою мать и обманула Дога, сказав, что Хоседам ничего не говорила; если бы Дог узнал правду, он бы вернулся, её прикончил; сверху спустились семь оленей, Дог сказал своим людям, что будем *аргишить*; своей жене он велел взять с собой только чистое бельё; они аргишили, Дог думал – по земле идут, а их тучей подняло вверх, где

громы ходят; лесом там идут; Хоседам сделала так, что половина деревьев в том лесу железная; люди стали безуспешно рубить дрова, Дог пошаманил и сказал им, какие дрова нужно рубить; когда они поднялись на небо, нарта бабы Дога застряла: она не послушалась своего мужа, взяла с собой грязные штаны; она дёрнула нарту, *суклам* нарты застряла; до сих пор торчит, иногда её на небе видно; когда люди ночевали, стали греметь громы; у Дога и его сына были *пальмы*, наконечник *пальмы* сына – из меди; но ведь ещё раньше Дог велел своим людям делать железные наконечники; Дог убил шесть маленьких громов; пришла Мать громов, Дог схватил *пальму* сына, но медный наконечник расплавился; люди стали погибать; когда чум Дога загорелся, он поднял берестяную покрывку, толкнул сына в гагарью шкуру и отправил вниз, туда, где сосновая река (Келлог); сын перепутал, полетел на Сым; там он прилетел на озеро к югам, которые стали гонять его на *ветках*; сын Дога кричал, говорил, кто он, что ему надо в Келлог, и предупреждал, что юги погибнут, если убьют его; юги не понимают его языка, лишь один старик кричал, что сына Дога не надо убивать; юги убили гагару, подняли её, она тяжёлая, а внутри всё медное; юги поняли, что это был сын Дога; на утро один тот старик встал – остальные мёртвые; так все юги и пропали; если бы сын Дога жив остался, он бы за отца Хоседам убил и наш народ не кончался, большой был бы [Алексеев 2001: 107-108 (текст 46)].

II. ЭТИОЛОГИЯ: ЛЮДИ, ЖИВОТНЫЕ И ДЕМОНЫ

II.1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ СМЕРТИ – ОТКРЫТАЯ ДВЕРЬ.

Дверь на тот свет открыта шаманом, в результате люди начинают умирать.

Верхнеамурские и кур-урмийские нанайцы [Шимкевич 1896: 8-11; Лопатин 1922: 237-238; Сем 1996: 134-136], орочи [Маргаритов 1888: 29].

Верхнеамурские нанайцы (с. Муху): вначале на земле жили двое людей: брат Ходай и сестра Мямнди; Мямнди укусила палец, из него побежала кровь; из капли крови, упавшей на землю, образовались один мужчина и две женщины; у женщин родились дети, от которых произошли все люди; существовало три солнца, поэтому было слишком светло и жарко; Мямнди сказала брату Ходай, чтобы он прострелил лишнее солнце; Ходай потушил стрелами из лука два солнца; людям стало жить легче, они начали плодиться ещё больше; их стало слишком много; Мямнди спросила брата, почему он не откроет дверь на тот свет; Ходай пошёл искать эту дверь, нашёл её и отпер; люди стали умирать, на земле накопилось много трупов, но хоронить было некому, так как шаманов ещё не было; Ходай увидел сон, в котором к нему явился *сеон* и сказал, что хочет сделать его шаманом, умеющим хоронить людей и провожать их в *бун*; *сеон* велел Ходай идти в лес, найти там шаманское дерево, на котором растут *толи*, *конгокта* и рога; утром Ходай отправился в лес и нашёл шаманское дерево; Ходай выбрал себе множество шаманских вещей, положил их в мешок и принёс домой; ночью все эти вещи зашумели, сказали, что их будет слишком много для одного Ходай; когда Ходай развязал мешок, шаманские вещи полетели в разные стороны к людям, достойным шаманского звания; появилось много шаманов, Ходай стал вместе с ними хоронить умерших и уводить души их в *бун*; Ходай было трудно ездить вверх по реке, поэтому он сделал так, чтобы одна половина реки текла вверх от его фанзы, а другая вниз; но догадался Ходай, что люди обленятся, и пустил всю воду вниз [Лопатин 1922: 237-238; Сем 1996: 134-135].

Кур-урмийские нанайцы: первые люди были бессмертными, после своей смерти они возрождались; первые два человека достигли глубокой старости и жили со своим

престарелым сыном Долдчу-Ходаем; людей стало очень много; Долдчу-Ходай ушёл в пещеру, чтобы прекратить возрождение; отец завалил вход большим камнем, но возрождение человечества не прекратилось; старуха заткнула вход звериными шкурами и сказала, что, когда последняя истлеет, возрождение прекратится; на другое утро на небе взошли три солнца; от жары стало гибнуть всё живое; ночью взошли три луны; старик построил фанзу из камня *оуса*, приготовил лук и стрелы, застрелил лишние светила; необходимо было хоронить людей; старик увидел во сне *конгуру-загде* (шаманское дерево) и услышал голос, рассказавший как сделать шаманский костюм; пояс и бубен будут переносить в *бунни*, помощниками будут бурханы Бучу и птица Кори [Шимкевич 1896: 8-11; Сем 1996: 135-136].

Орочи: прежде людей было немного, никто не умирал; смерть появилась впоследствии; молодой ороч, сын одного шамана, полез на утёс доставать яйца одной морской утки; набрал яиц, хотел слезать, но оступился, упал на камни и разбился; шаман-отец не доволен тем, что умер лишь его сын; шаман камлает, идёт в горы, вырывает яму и провозглашает её дорогой в Бунни Боа [Маргаритов 1888: 29].

II.2. ОСВОЕНИЕ ОГНЯ.

Освоение огня произошло благодаря шаманам. Ср. мотив D3 «Изобретение огня» [Берёзкин 2011].

Кеты [Анучин 1914: 16].

Кеты: люди получили огонь от молнии; от удара молнии загорелось дерево; этим велел воспользоваться кто-то из великих шаманов и люди развели костёр; впоследствии шаман Дох, при котором появился первый кузнец, научил высекать огонь из камня [Анучин 1914: 16].

II.3. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОЛЕНЕВОДСТВА.

Шаман привёз из-за океана первых оленей.

Томмотские эвенки [Романова, Мыреева 1964: 162 (текст № 1)].

Томмотские эвенки (р. Амга, Алданский р-н): раньше у эвенков не было оленей; шаман, сделав деревянный плот, перевёз с той стороны какого-то океана четырёх оленей; их взял один очень богатый человек и увёл в тайгу; с тех пор развелись олени и распространились по эвенкам; когда не было оленей, у эвенков не было никаких домашних животных [Романова, Мыреева 1964: 162 (текст № 1)].

II.4. РИСУНКИ НА СКАЛАХ.

Наскальное изображение сделано собственной кровью шаманкой.

Центральные якуты [Ксенофонтов 1927: 69].

Центральные якуты (Якутский округ): [комментарий к наскальному изображению (сцена двух борющихся животных) на берегу р. Лены:] древняя знаменитая шаманка боролась с духом оспы; шаманка, совершив подвиг, нарисовала фигуры двух зверей, по словам одних, кровью мизинца, а по другому варианту – менструальной кровью [Ксенофонтов 1927: 69].

II.5. СЪЕДЕННАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ.

Шаман обладал книгой, но утратил её (книга съедена, разорвана и пр.); с тех пор силы шамана уменьшились, у народа исчезла письменность.

Прибайкальские буряты [Бохоли-Хара 1880: 89-90; Варламов 1995: 6; Жамцарано 2001: 73-74] (ср. [Сказания бурят 1890: 87 (текст XXXIII)]). См. подборку материалов с мотивом утраченной письменности у Я.В. Чеснова [1998: 357-373], а также текст хорчинских монголов [Chiodo 2009: 90-91] (ср. у нивхов [Крейнович 1929: 91]).

Прибайкальские буряты: первый бурятский шаман Бохоли-Хара обладал огромной силой, не уступал богам и соперничал с ламами, имел письменную книгу, которую получил

от Эсэгэ-Малан-Тэнгэри; жил один очень богатый человек, который не имел детей; шаман создал ему ребёнка; крылатые посланники сообщили богу о создании ребёнка; шаман не имел права создавать человека без участия богов, поэтому Эсэгэ Малан послал трёх крылатых посланников, чтобы они принесли ему душу мальчика; посланники обратились в трёх лам и попросились ночевать к богачу, а на другое утро ушли, забрав с собой душу ребёнка; они отправились к Эсэгэ-Малану; он положил душу в бутылку, которую закрыл большим пальцем правой руки; шаман ищет душу, приходит к Эсэгэ-Малану, безуспешно просит вернуть душу мальчика; затем обращается в осу, жалит бога, выхватывает душу, возвращает её в тело; Эсэгэ-Малан рассердился на шамана, потребовал его к себе, разорвал его книгу; потом рассёк его бубен на две части, чем уменьшил его силу, затем ещё на четыре и наконец на восемь частей, отчего уменьшил силы и прочих шаманов; в это время к Эсэгэ-Малану вошли 9 сыновей неба и сказали: «Он нам нужен, так как мы каждый день пускаем на землю 9 стрел, которые он отправляет обратно на небо»; Эсэгэ-Малан отпустил Бохоли-Хара на землю, попробовать его силы: 9 сыновей неба опять послали на землю девять стрел и также 9 стрел ламам, чтоб узнать, кто из них скорее поднимет на небо; книгу Бохоли-Хара съел баран; шаман заколол барана, взял лопатку и увидел там всё; вот почему нынешние шаманы ворожат на лопатке; Бохоли-Хара скорее поднял обратно на небо 9 стрел и также 9 ламских, а ламы только до половины прочитали книгу; Эсэгэ-Малан осудил шамана Бохоли-Хара скакать на чёрном камне до тех пор, пока сотрётся камень или он сам; если Бохоли-Хара сотрётся сам прежде камня, то его не будет, а шаманы будут плохи; если Бохоли-Хара не сотрётся, а скорее сотрётся камень, то он явится на землю с прежними силами; Бохоли-Хара, танцующий на камне, надел неизносимые железные сапоги, которые получил от неба Зан-Сагана; теперь скачет на камне, который стирается и уже стёрся до половины (текст записан от шамана) [Бохоли-Хара 1880: 89-90].

Прибайкальские буряты: гадание на баранье лопатке началось после того, как однажды баран съел «Книгу судеб» бурятского народа у заснувшего первого шамана; содержание книги пропиталось в баранью лопатку [Варламов 1995: 6].

II.6. ЖИВОТНОЕ – ПРЕЖНИЙ ШАМАН.

Некоторые животные раньше были шаманами.

Кеты [Алексеевко 2001: 84 (текст 30)], алтайцы [Потанин 1883: 169-170 (текст 2б)], прибайкальские буряты [Потанин 1883: 168 (текст 1в); 169-170 (текст 2б); Штернберг 1925: 732] (ср. [Потанин 1883: 167-169 (тексты 1г, д, и)]).

Кеты: лебеди раньше были людьми, поэтому их не убивают; два шамана, дядя и племянник, однажды ушли далеко; в том месте, где они сели отдыхать, было озеро; шаманы превратились в лебедей; у старого лебедя перья, крылья были большие и крепкие, а молодого – слабые; на озеро пришли люди и стали гонять птиц; младший лебедь улететь не может, старший не бросает его и кричит, чтобы тот бежал прятаться в валежник; сам он спрятался там, а молодой лебедь, не послушав старшего, побежал вперёд; его поймали собаки; второго лебедя люди не нашли и ушли; старый лебедь полетел искать младшего, но нашёл только перья; тогда он полетел к своим и сказал, что его товарищ пропал; все его люди стали лебедями; старый лебедь остался птицей и наказал другим лебедям, чтобы они, если люди будут гонять, лезли прятаться в валежник; сам он улетел в лес, кричит «кук, кук!», товарища ищет; так и сейчас летает [Алексеевко 2001: 84 (текст 30)].

Алтайцы (с. Ангудай): Джарканат (летучая мышь) прежде был шаманом; Джаячи-хан призвал шамана Джарканата камлать над своим больным сыном; Джараканат покамлал и объявил, что нужно принести жертвы Эрлик-хану; Джаячи-хан велел заколоть животных, а когда шаман начал камлать, пошёл за ним в подземное царство; Эрлик-хан не принял жертву; если Эрлик не принимает животную жертву, следовало вместо больного человека принести в жертву здорового; Джарканат, вернувшись от Эрлика, сказал Джаячи-хану, что Эрлик-хан не принял жертву; недовольный тем, что шаман не отдал себя в жертву, Джаячи-хан воскликнул: «Летай же ты после этого только ночью, и пусть от тебя не будет людям никакой пользы» [Потанин 1883: 169-170 (текст 2б)].

Прибайкальские буряты (р. Иркут): медведь прежде был охотником (*ангушин*) и шаманом (*бо*); отправляясь на охоту, он обходил три раза одно дерево и превращался в медведя; в таком виде он ловил зверей, потом снова обходил вокруг дерева три раза и становился человеком; кто-то срубил то дерево, шаман навсегда остался медведем [Потанин 1883: 168 (текст 1в)].

Прибайкальские (балаганские) буряты: орёл прежде был шаманом, который превращался в орла, летал по миру, а затем возвращался домой; однажды после

утомительного перелёта он проголодался, сел на павшую скотину и стал есть её; из-за этого он осквернился и не смог превратиться обратно [Штернберг 1925: 732, со ссылкой на рукопись В.А. Михайлова].

II.7. УШИ ЗАЙЦА.

Шаман бьёт зайцев по ушам; с тех пор кончики заячьих ушей почернели. См. мотив М45 «Собравшиеся животные биты» [Берёзкин 2011].

Кеты [Алексеенко 2001: 84 (текст 29)].

Кеты: давным-давно на всех зверей в тайге напали болезни; повсюду стали умирать звери; они отправили зайцев к главному шаману, который жил на берегу Енисея; шаман согласился помочь; все звери собрались в одном месте, сделали отдельный чум для шамана; долго бился с духами шаман, не хотят его слушать разгневанные духи; зайцы долго смотрели, как камлает шаман, и засмеялись; тогда шаман ударил их палочкой по ушам, и с тех пор кончики ушей у зайцев почернели; а звери больше не стали погибать [Алексеенко 2001: 84 (текст 29)].

II.8. ПОЧЕМУ ЗМЕИ КУСАЮТ ЛЮДЕЙ.

Змеи жалят людей, потому что не любят шаманов.

Каларские эвенки [Пинегина и др. 1952: 50].

Каларские эвенки (Читинская обл., р. Калара): раньше земля была ровная, без гор; в реке жил *сюлюки*, который плавал в реке и мог прыгать по деревьям; по земле ему ходить было нельзя: его копыта камни из земли притягивали; *сюлюки* этого не знал и пошёл по земле; там, где он ступил, появились горы; увидев это, духи верхнего мира испугались; они собрали шаманов и попросили их превратить *сюлюки* в змею; шаманы сделали то, что им велели духи; *сюлюки*-змей стал жить в горах; он сделался злым, особенно не любил

шаманов; *сюлюки-змеи* не мог отличить шаманов от других людей, поэтому жалил всех, кто попадался; поэтому змеи жалят людей [Пинегина и др. 1952: 50].

II.9. СОЗДАНИЕ ДУХОВ-ПОМОЩНИКОВ.

Духи-помощники изготовлены первым шаманом.

Вилюйские якуты [Попов 1947: 290; 2006: 44].

Вилюйские якуты: первый шаман вырезал из кусочков тальника изображения *ämäkäät*, птиц и животных, сделал их полыми, вдунул внутрь дыхание; они ожили и скрылись; с этих пор появились шаманские духи-помощники [Попов 1947: 290; 2006: 44].

II.10. ПОЧЕМУ ДУХИ-ПОМОЩНИКИ НЕВИДИМЫЕ.

Раньше духи-помощники были видимыми, из-за этого шаманов легко убивали, поэтому духи-помощники стали невидимыми.

Долганы [Попов 1937: 59-62].

Долганы: кочевали старший удалец и младший удалец, который желал жену первого; когда они приехали к кочевникам, младший удалец пошёл в чум, где камлал шаман; удалец оскорбляет шамана, тот говорит, что удальцу предстоит опасная встреча с привязанным к трём лиственницам медведем; удальцы откочевали; младший удалец, сделав из гнилого дерева медведя, выпустил его вперед; медведь превратился в большого зверя, удалец пристрелил его из лука; затем, продолжая ехать, удалец сделал из дерева орла, который улетает и садится на дерево; удалец пристрелил и его; после этого удалец сделал и убил сокола; по дороге повстречался большой медведь, привязанный цепями к трём лиственницам; увидев людей, медведь разорвал цепи и пошёл на них; младший удалец хотел выстрелить из лука, но старший обсмеял его; младший удалец убил медведя краем ладони; затем он поехал на то место, где камлал шаман; там уже давно сделали для шамана гроб; спустя несколько лет удальцы остановились около одного стойбища; старший удалец

зашёл в чум, в котором камлал шаман; шаман сказал, что удалец встретит медведя, от которого, возможно, погибнет; шаман предупредил, что если удалец его убьёт, то через три года он придёт и съест удальца; удальцы встретили медведя, старший убил его краем ладони; младший удалец вернулся к тому шаману; ему уже делали гроб, но он был ещё жив; младшему удальцу шаман пообещал, что придёт через три года и съест старшего удальца; через три года слышались громкие звуки бубна, младший шаман поехал к соседям и увидел умершего три года назад шамана, который сказал, что придёт ночью к старшему удальцу; младший удалец передал старшему слова шамана и пообещал помочь; утром младший удалец обнаружил, что его соседа нет в чуме; умирающего соседа нашли на улице, он рассказал, что его забодали рогами двое мать-зверей, и велел младшему удальцу взять его жену; воскресший шаман тоже умер, так как погибший удалец ножом поранил настоящих мать-зверей; противники шаманов делали из дерева медведя, птиц и, внедрив туда духов шамана, убивали их; в старину духи шаманов ходили открыто, но из-за того, что человек умел побеждать их, стали невидимыми [Попов 1937: 59-62].

II.11. ШАМАН И ПОЯВЛЕНИЕ ДЕМОНОВ.

В результате действий шаманов на земле появляются некоторые демоны.

Долганы [Попов 1937: 62-64], прибайкальские буряты [Алсаханов 1916: 57-58].

Долганы: богатый и молодой князь требует от шамана привести ему в качестве жены дочь *айыы*; шаман камлал девять дней и девять ночей, его голова покрылась инеем; взлетев на небо, шаман уговорил *айыы* отдать дочь в жёны князю; шаман вернулся и рассказал, что дочь *айыы* следует ожидать через три дня; в качестве подтверждения этих слов шаман вручил князю что-то золотое, принесённое от *айыы*; через три дня князь ждал дочь *айыы* в новом чуме; с небес спустился большой ветер; когда он затих, ни чума, ни князя уже не было – дочь *айыы* взяла человека к себе; при её сошествии с неба спустились духи *менериков*, поэтому появились «певцы» малые шаманы [Попов 1937: 62-64].

Прибайкальские буряты (Иркутский уезд): два шамана, побывав у Небесного владыки, спускались с небес; они встретили богиню моря, которая несла на руках плачущего ребёнка; после этого шаманы увидели звезду, на ней была толпа рыдающих людей; эти

люди хоронили ребёнка, последнее чадо бога звезды Солбона (Венеры); шаманы предложили вернуть душу ребёнка обратно в тело; люди согласились; вместе с шаманами и умершим они пришли к Солбону; шаманы рассказали ему, что видели по пути; они устроили жертвоприношение от имени Солбона богине моря; в итоге она его приняла и вернула душу ребёнка; с этих пор на земле появились *дахабари* – души умерших женщин, которые провели жизнь несчастливо; после смерти они жалуются на своих притеснителей богине моря, которая дарует им право на *дахабари*, чтобы они могли отплатить обидчикам [Алсаханов 1916: 57-58].

III. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ШАМАНИЗМА И ДЕЯНИЯ ПЕРВЫХ ШАМАНОВ

III.1. ПРОВОДНИК В ПОДЗЕМНЫЙ МИР.

Первые шаманы появились, потому что был необходим проводник (для жертв или душ умерших) в подземный мир.

Виллюйские якуты [Попов 2006: 31-32], верхнеамурские нанайцы [Лопатин 1922: 237-238; Сем 1996: 134-135].

Виллюйские якуты (1-й Батулинский наслег): *абааны* жили на земле вместе с людьми и часто обижали последних, уводя к себе их жён; мужья, пускаясь в погоню, уходили в Нижний мир и там доходили до тех мест, где дальше уже невозможно было продолжать путь без коня; тогда люди обращались за помощью к Кыдай Мах-сыыну (кузнец подземного царства); он выковывал им лошадей, ставя условие, чтобы они, по возвращении на землю, посылали ему на работу девять черных лошадей с белыми мордами; люди спрашивали, с кем их высылать; Кыдай Мах-сыыну отвечал, что выслать нужно со знаменитым шаманом; с тех пор стали появляться шаманы [Попов 2006: 31-32].

Верхнеамурские нанайцы (с. Муху): вначале на земле жили двое людей: брат Ходай и сестра Мяменди; Мяменди укусила палец, из него побежала кровь; из капли крови, упавшей на землю, образовались один мужчина и две женщины; у женщин родились дети, от которых произошли все люди; существовало три солнца, поэтому было слишком светло и жарко; Мяменди сказала брату Ходай, чтобы он прострелил лишнее солнце; Ходай потушил стрелами из лука два солнца; людям стало жить легче, они начали плодиться ещё больше; их стало слишком много; Мяменди спросила брата, почему он не откроет дверь на тот свет; Ходай пошёл искать эту дверь, нашёл её и отпер; люди стали умирать, на земле накопилось много трупов, но хоронить было некому, так как шаманов ещё не было; Ходай увидел сон, в котором к нему явился *сеон* и сказал, что хочет сделать его шаманом, умеющим хоронить людей и провожать их в *бун*; *сеон* велел Ходай идти в лес, найти там шаманское дерево, на котором растут *толи*, *конгокта* и рога; утром Ходай отправился в лес и нашёл шаманское дерево; Ходай выбрал себе множество шаманских вещей, положил их в мешок и принёс домой; ночью все эти вещи зашумели, сказали, что их будет слишком

много для одного Ходай; когда Ходай развязал мешок, шаманские вещи полетели в разные стороны к людям, достойным шаманского звания; появилось много шаманов, Ходай стал вместе с ними хоронить умерших и уводить души их в *бун*; Ходай было трудно ездить вверх по реке, поэтому он сделал так, чтобы одна половина реки текла вверх от его фанзы, а другая вниз; но догадался Ходай, что люди обленятся, и пустил всю воду вниз [Лопатин 1922: 237-238; Сем 1996: 134-135].

III.2. Заступник.

Первые шаманы появились по воле богов, потому что людям был необходим помощник в борьбе со злыми духами.

Прибайкальские буряты [Агапитов, Хангалов 1958: 363-364], северо-западные якуты (либо долганы) [Васильев 1910: 286].

Прибайкальские буряты: сначала людей не было, а только существовали *тэнгри*; западные *тэнгри* создали людей, которые в первое время жили счастливо, не знали ни болезни, ни горя; но вот люди заслужили немилость злых духов, восточных *тэнгриев* и начали заболеть и умирать; западные *тэнгри* испугались за участь людей и начали совещаться, как помочь людям; место совещания было на плеядах, а потом на луне; в помощь людям для борьбы со злыми духами решили дать шамана и выбрали для этого орла; орел был бог (сын Сам-Сагай-Саган дочери неба Сар-Саган, принадлежащего к восточным *тэнгриям*); хотя орел и помогал людям, отгоняя злых духов, но люди ему не доверяли, видели в нем простую птицу; орел не мог подавать людям советы, так как его языка люди не понимали, и говорить орел не мог; орел возвратился на небо и рассказал о своей неудаче западным *тэнгриям* и просил: или шаманом сделать бурята, или дать ему позволение говорить по-человечески; боги решили, чтобы орел передал свое шаманское звание первому встречному человеку; спустившись на землю, орел заметил под деревом спящую женщину, ушедшую от своего мужа: орел вступил с ней в связь, и женщина забеременела, после чего она вернулась к мужу; восточные *тэнгри* подослали *шулмуса*, который обратился в красивую женщину и побуждал бурята прогнать первую жену; орел явился на помощь, схватил *шулмуса* и бросил его за море Халхин-далай (Ветреное море);

затем женщина родила сына (от орла), который и сделался первым шаманом – Мэргэн-Хара (у балаганских бурят) или Бохоли-Хара [Агапитов, Хангалов 1958: 363-364].

Северо-западные якуты (либо долганы): Аҗы Тојон создал мир и людей, а чтобы последние имели целителей и заступник, дал им первого шамана; при его создании он вырастил у себя во дворе священное дерево *ту:спа:т туру* (непадающее стояние), между его ветвей обитают светлые духи, дети Аҗы Тојона; на земле одновременно с этим Аҗы Тојон выросил три дерева и, сидя у их основания, приготовил все принадлежности первому шаману и научил его, как нужно действовать на пользу людей в борьбе со злыми духами [Васильев 1910: 286].

III.3. НАКАЗАНИЕ ЗА ОТСТУПНИЧЕСТВО.

Появление первых шаманов связано с недовольством небесного бога, отступлением от его заповедей и т.п.

Алтайцы [Анохин 1924: 18] (ср. [Вербицкий 1893: 103 (текст 9) = Ландышев 1886: 330-331]), ербогаченские эвенки [Пежемский 1936: 272-273 (текст 1)], баргузинские (баунтовские) орочёны [Малых 1924/1936: 270 (текст 9)].

Алтайцы: [после потопа] Ыҗгән силою *ном* – книги мудрости – стал творить человека; положил синий цветок – ветренник (*көк чачак*) в золотую чашку; старший брат Эрлик похитил у него часть цветка и сотворил тоже человека; разгневался Ыҗгән на брата и проклял его творение, сказав: «Пусть будет сотворённый тобою народ чёрный и опоясан чёрным ремнём», и далее: «Мой народ белый пойдёт на восход солнца, а твой народ чёрный – на запад»; чёрный народ покрыл круг кожей (бубен) и первый стал камлать на земле [Анохин 1924: 18].

Баргузинские (баунтовские) орочёны: Бог – добрый к орочёнам; веру так дал, старики сказывают: жил давно один орочён с семьёй; раз сидит у юрты, смотрит – бог идёт; подошёл к нему, говорит: «Я сейчас пойду, там другой человек живёт, дам ему дам веру, потом вернусь – тебе какую-нибудь дам»; ушёл бог и долго не было; у орочёна в семье кто-то заболел; ждал, ждал орочён бога – нету; тогда стал орочён шаманить, стал делать из

дерева рыб; смотрит – идёт бог; «Ты чего делаешь?», – спрашивает; орочён говорит: «У меня человек болен, я шаманить хочу»; тогда бог говорит: «Ну, как знаешь, делай так», и ушёл; так стал орочён шаманить [Малых 1924/1936: 270].

Ербогаченские эвенки: как только появилась земля, Ховоки населил её великанами; они начали враждовать и Ховоки превратил их в горы, реки, озёра, звёзды; Ховоки заселил землю людьми, тела которых были покрыты шерстью, и стал жить с ними; однажды Ховоки сказал людям, что отлучится на три дня, и предписал им жить так же, как жили при нём, не есть древесных ягод; прошло много лет, люди, ждавшие Ховоки, стали сомневаться, вернётся ли он; они ворожили, но ворожба ни к чему не привела; люди начали есть всё, что им попадалось на глаза; как только начали есть древесные ягоды, появилась среди них болезнь, после которой вся их шерсть выпала; оголённые женщины не давали прохода мужчинам, а молодёжь и взрослые приставали на каждом шагу к женщинам; поведение мужчин породило ревность (*орголит*), а вместе с нею начались ссоры и убийства; с убийством узнал людей и Орумо (Харги), до этого он боялся подходить к стойбищу; с появлением среди людей Харги ворожба сменилась шаманством, и люди всё более и более отделялись от Ховоки; среди оголённых людей начались болезни; спустя несколько лет в начале весны на восходе из солнечных лучей выделился Ховоки и стал приближаться к стойбищу; разозлённые люди бросились на Ховоки, тот удалился кверху и исчез; люди решили наказать его; они стали носить шапками в одно место землю, чтобы насыпать её большим холмом-горою, по которой можно было бы добраться до Ховоки; через много лет была создана высокая гора: несколько лет требовалось, чтобы достичь вершины и высыпать из шапки землю; когда люди возвращались с горы на стойбище, они находили там новое поколение, говорящее на непонятном языке; возвратившийся чувствовал себя одиноким, брал жену какого-нибудь ушедшего и с нею уходил в сторону от стойбища; так люди рассеялись по всей земле, образуя роды и различные племена; холм раздора людей с Ховоки является теперь стоянкой болезней; при камлании дух шамана уходит к этому холму, чтобы яснее проследить ход болезни, губящей человека, так как родовые тропы торны и по ним болезнь гонит какой-либо род, как собаки зверя; поэтому плохо, когда люди берут в жёны девушку из своего рода: тогда болезни легко разобратся чутьём в родовом следу и пожрать семью; кто желает жить хорошо, пусть берёт жену из других родов (не близких): это перемешает родовые пути, и болезнь племени долго будет блудить чутьём в поисках семейства (запись сделана от шамана) [Пежемский 1936: 272-273 (текст 1)].

III.4. ПЕРВЫЙ ШАМАН – ЖЕНЩИНА.

Первым шаманом была женщина.

Тувинцы [Потанин 1883: 288 (текст 63а)], прибайкальские [Агапитов, Хангалов 1958: 363-365] и забайкальские (?) [Цыбиков 1927: 64] буряты.

Тувинцы: первым шаманом была женщина; богдохан велел в неё стрелять; шаманка не была убита и ещё сильнее начала камлать; богдохан признал её настоящим шаманом и дал прозвище Ельбичи-хам; у неё был ребёнок, который из-за тех выстрелов родился со знаком; в память об этой шаманке и теперь зовут сведущих шаманов *ельбичи-хам*, то есть шамана, умеющий производить *ельби* [Потанин 1883: 288 (текст 63а)].

Прибайкальские буряты: сначала людей не было, а только существовали *тэнгрии*; западные *тэнгрии* создали людей, которые в первое время жили счастливо, не знали ни болезни, ни горя; но вот люди заслужили немилость злых духов, восточных *тэнгриев* и начали заболеть и умирать; западные *тэнгрии* испугались за участь людей и начали совещаться, как помочь людям; место совещания было на плеядах, а потом на луне; в помощь людям для борьбы со злыми духами решили дать шамана и выбрали для этого орла; орел был бог (сын Сам-Сагай-Саган дочери неба Сар-Саган, принадлежащего к восточным *тэнгриям*); хотя орел и помогал людям, отгоняя злых духов, но люди ему не доверяли, видели в нем простую птицу; орел не мог подавать людям советы, так как его языка люди не понимали, и говорить орел не мог; орел возвратился на небо и рассказал о своей неудаче западным *тэнгриям* и просил: или шаманом сделать бурята, или дать ему позволение говорить по-человечески; боги решили, чтобы орел передал свое шаманское звание первому встречному человеку; спустившись на землю, орел заметил под деревом спящую женщину, ушедшую от своего мужа: орел вступил с ней в связь, и женщина забеременела, после чего она вернулась к мужу; восточные *тэнгрии* подослали *шулмуса*, который обратился в красивую женщину и побуждал бурята прогнать первую жену; орел явился на помощь, схватил *шулмуса* и бросил его за море Халхин-далай (Ветреное море); затем женщина родила сына (от орла), который и сделался первым шаманом — Мэргэн-Хара (у балаганских бурят) или Бохоли-Хара; по другому варианту легенды шаманом сделалась сама женщина; при этом она стала различать и видеть злых и добрых духов [Агапитов, Хангалов 1958: 363-365].

Забайкальские (?) буряты: у бурят-монголов есть предание, что первым шаманом была женщина, т. е. *утган* [Цыбиков 1927: 64].

III.5. ПЕРВЫЙ ШАМАН – БРОШЕННЫЙ РЕБЁНОК.

Первым шаманом был брошенный ребёнок.

Тубалары [Клеменц 1890: 35].

Тубалары (черневые татары) (Нижнее-Матурский улус, Кузнецкий окр., р. Матура): в лесу жили муж и жена с двумя детьми – мальчиком и девочкой; когда начался голод, родители ушли в другое место, а детей оставили; спустя некоторое время в улусе, в котором жили муж и жена, появился мальчик; он держал в руках две палочки и шаманил; одному человеку мальчик сказал, куда убежала его лошадь, другого вылечил; мальчик сказал людям, чтобы они сделали ему *тюр* (бубен); бубен был изготовлен и к мальчику с неба слетела *орба* из заячьего меха, которая начала колотить по бубну; это происходило всегда, когда мальчик шаманил; ему было сказано, чтобы он не шаманил больше одного раза в день; однажды мальчика позвали к больному после того, как он уже камлал; мальчик отказывался, но его уговорили и он пошёл; в этот раз *орба* не прилетела и уже больше не спускалась с неба; мальчику сделали деревянную *орбу*, обтянули её заячьим мехом и он стал камлать с ней [Клеменц 1890: 35]⁵⁹.

III.6. ПЕРВЫЙ ШАМАН – ОРЁЛ.

Первым шаманом был орёл.

⁵⁹ Комментарий А. Клеменца в преддверии текста: «Сообщу здесь только легенду о том, кто был первый кам, слышанною мною на р. Матуре, в Нижнее-Матурском улусе Кузнецкого округа. Обитатели этого улуса, как и всех инородческих поселений по Матуру, Куляле и Могазы, лет сто тому назад переселились с Мрассы. Следовательно это легенда черневых татар, но не абаканских. У последних я не слыхал ничего подобного» [1890: 35].

Кеты [Анучин 1914: 23], хакасы (качинцы) [Штернберг 1925: 733], прибайкальские буряты [Хангалов 1890: 16; 1960: 130; Агапитов, Хангалов 1958: 300 (прим.)].

Кеты: первым шаманом был двуглавый орёл (*di*) [Анучин 1914: 23].

Хакасы (качинцы): орёл был родоначальником шаманов [Штернберг 1925: 733].

Прибайкальские (аларские) буряты (Ольхон): орёл – сын *эжина* острова Ольхона и первый бурятский шаман по воле богов [Хангалов 1890: 16].

Прибайкальские буряты: от дочери неба Сарь-саган-тэнгэри — по имени Сам-Сагай-саган – родился орел, первый бурятский шаман [Агапитов, Хангалов 1958: 300 (прим.)].

Прибайкальские буряты: первым шаманом и кузнецом был орел, передавший шаманское и кузнечное искусство женщине; она среди людей была первой шаманкой и первым кузнецом [Хангалов 1960: 130].

III.7. ДАР ОТ ПТИЦЫ.

Шаманский дар (силы, умения) получен первым шаманом от хищной птицы (орла, коршуна).

Кеты [Анучин 1914: 23, 54], прибайкальские буряты [Сказания бурят 1890: 123-124 (текст LI); Дамеев 1927: 69-70; Агапитов, Хангалов 1958: 363-365; Хангалов 1960: 130]. Ср. нганасаны [Ващенко, Долгих 1962: 180 = Лабанаускас 2002а: 168-169 = 2004: 66-67].

Кеты: двуглавый орёл научил человека шаманить; за это он лишился своей второй головы [Анучин 1914: 23].

Кеты: шаман Дох научился шаманить у двуглавого орла; этот орёл жил у Доха, помогал ему сражаться с врагами и вместе с Дохом ушёл на небо [Анучин 1914: 54].

Прибайкальские буряты: бурханы послали коршуна защищать людей; когда его чуть не застрелили, бурханы сказали, чтобы он передал кому-нибудь свою чудодейственную силу; он заблудил одну девушку, увёл её в лес, усыпил около свалившегося дерева, сел на него и передал девушке силу; девушка стала видеть *бохолдоев* и угадывать вперёд хорошее и плохое; когда она вернулась домой, брат начал бить её; она обиделась и погрозила ему; брат заболел задержанием мочи; девушка пообещал вылечить его; парня, положив на белый войлок, внесли в юрту; там девушка показала ему висящие на столбе мужские половые органы и велела взять их; когда парень их увидел и взял, он сразу выздоровел; после этого девушка стала шаманкой; *утха* этой шаманки *Шошолок* [Сказания бурят 1890: 123-124 (текст LI)].

Прибайкальские буряты: сначала людей не было, а только существовали *тэнгрии*; западные *тэнгрии* создали людей, которые в первое время жили счастливо, не знали ни болезни, ни горя; но вот люди заслужили немилость злых духов, восточных *тэнгриев* и начали заболеть и умирать; западные *тэнгрии* испугались за участь людей и начали совещаться, как помочь людям; место совещания было на плеядах, а потом на луне; в помощь людям для борьбы со злыми духами решили дать шамана и выбрали для этого орла; орел был бог (сын Сам-Сагай-Саган дочери неба Сап-Саган, принадлежащего к восточным *тэнгриям*); хотя орел и помогал людям, отгоняя злых духов, но люди ему не доверяли, видели в нем простую птицу; орел не мог подавать людям советы, так как его языка люди не понимали, и говорить орел не мог; орел возвратился на небо и рассказал о своей неудаче западным *тэнгриям* и просил: или шаманом сделать бурята, или дать ему позволение говорить по-человечески; боги решили, чтобы орел передал свое шаманское звание первому встречному человеку; спустившись на землю, орел заметил под деревом спящую женщину, ушедшую от своего мужа: орел вступил с ней в связь, и женщина забеременела, после чего она вернулась к мужу; восточные *тэнгрии* подослали *шулмуса*, который обратился в красивую женщину и побуждал бурята прогнать первую жену; орел явился на помощь, схватил *шулмуса* и бросил его за море Халхин-далай (Ветреное море); затем женщина родила сына (от орла), который и сделался первым шаманом — Мэргэн-Хара (у балаганских бурят) или Бохоли-Хара; по другому варианту легенды шаманом сделалась сама женщина; при этом она стала различать и видеть злых и добрых духов [Агапитов, Хангалов 1958: 363-365].

Прибайкальские буряты: первым шаманом и кузнецом был орёл, передавший шаманское и кузнечное искусство женщине; она среди людей была первой шаманкой и первым кузнецом [Хангалов 1960: 130].

Прибайкальские буряты: в Монголии жил шаман – орёл, который имел волшебную силу воскрешать мёртвых, обогащать бедных; но никто его слов не знал и сам он чужих слов не понимал; в эту пору одна молодая женщина из Урянхая совершила побег от своего мужа, которого не влюбила; во время пути она устала и легла спать; увидев её спящей, орёл дунул ей в ухо и через дуновение передал все свои силы, а сам умер; женщина забеременела от дуновенья шамана-орла; у неё родился сын, который стал родоначальником всех шаманов; первый шаман имел волшебную силу, полученную в наследство от шамана-орла и посредством своей силы присваивал себе всё, что ему было угодно; Эрлик-намон-хан жаловался богу Будде: живёт шаман, который присваивает себе всё, что угодно ему; Будда, чтобы испытать волшебную силу шаман, взял душу единственного сына одного богатого человека, положил её в бутылку, отверстие зажал пальцем; шаман, превратившись в осу, прилетел к богу и укусил его в лоб; бог вздрогнул и опустил палец с бутылки; шаман взял душу и полетел на своём бубне; бог пустил в первого шамана *ошир-хонхо*; она попала в бубен и пробила его крылья, лишив возможности лететь дальше; с тех пор бубен шамана стал открытым и неспособным к полёту, а волшебная сила шамана убавилась наполовину; поэтому современные шаманы не имеют такой волшебной силы, как их шаманы-предки [Дамеев 1927: 69-70].

Ср. **нганасаны:** шаман Ниндими едет с соседским парнем в горы добывать перья для стрел; спутники подъезжают к скале, на выступе которой находится гнездо воронов; шаман опускает парня в ущелье с помощью верёвки; парень набирает перьев в гнезде и кричит, чтобы шаман тащил его вверх; шаман, опасаясь мести ворона, решает отдать ворону этого парня взамен перьев; когда парень оказывается над обрывом, шаман сначала берёт у него перья, а затем перерезает верёвку; парень падает в гнездо; прилетают вороны, кормят парня и учат его шаманить; когда молодые вороны вырастают, они поднимают парня наверх и объясняют ему, как найти дорогу к чуму шамана; когда парень доходит до чума, шаман умирает; парень становится большим шаманом и основывает род Ворона [Ващенко, Долгих 1962: 180 = Лабанаускас 2002а: 168-169 = 2004: 66-67].

III.8. ПРОГЛОЧЕННАЯ ГРАДИНКА.

Девушка проглатывает градинку, после чего рождает первого шамана.

Прибайкальские буряты [Curtin 1909: 105; Румянцев 1955: 263 (прим. 42)].

Прибайкальские буряты: Эсеге Малан вошёл в градинку; когда она упала на землю, её проглотила тринадцатилетняя Mélúk Shin, которая затем родила Mindiú Qúbun Iryil Noyon Tunkói; он был первым шаманом; Mindiú основал бурятскую религию, рассказал бурятам об их богах, выбрал 176 первых шаманов, 99 мужчин и 77 женщин [Curtin 1909: 105].

Прибайкальские (?) буряты: Г.Н. Румянцев в комментариях к Д. Банзарову [1955] («Таншихай, основатель могущества племени сяньби, родился от градинки, которая упала, говорят, с неба в уста какой-то княгине») отмечает: «Тань-шихай, Тань-ши-хуай, в начале второй половины II в. объединил под своею властью всех сяньби. Умер в 181 г. н. э. Подобным же образом, по преданию, родился первый бурятский шаман» [Румянцев 1955: 263 (прим. 42)].

III.9. СБРОШЕННЫЙ ДЬЯВОЛ.

Шаманы и колдуны появились во время падения дьвола.

Виллюйские якуты [Попов 2006: 32].

Виллюйские якуты (Угулятский наслег) когда дьявол стал делать много зла, ангелы спустили его вниз в ад; падая, он отрыгнул – и появились колдуны, испустил газы – появились шаманы [Попов 2006: 32].

III.10. СОПЕРНИЧЕСТВО С БОГАМИ.

Шаман соперничает непосредственно с божествами высших уровней (божеством неба и божеством нижнего мира либо с одним из них).

Ненцы [Лехтисало 1998: 11-12], кеты [Анучин 1914: 7-8, 14; Финдейзен 1929: 130-131; Алексеенко 2001: 103-104 (текст 44), 107-110 (тексты 46-47), 113-116 (тексты 50, 51)], алтайцы [Потанин 1883: 290-291 (текст 64а)], кумандинцы [Алексеев 1984: 57, со ссылкой на архив], прибайкальские буряты [Шашков 1864: 81; Бохоли-Хара 1880; Моргон-Хара 1880; Балдунников 1927: 68; Дамеев 1927: 69-70; Михайлов 1996: 63-64; Жамцарано 2001: 73-74; Lewitzky 1957: 35-36], непские (киренские) эвенки [Василевич 1936: 74 (текст 56)], центральные якуты [Припузов 1884: 64; Приклонский 1891: 52; Lewitzky 1957: 35].

Ненцы: ворожей после ударов бубна отправился на небо к Нуму; тот сказал, что не приглашал ворожея к себе, и велел идти ему к Нга (смерти), в зятя; после семидневных подземных скитаний ворожей попал к хижине Нга; тот не собирался отдавать ни одну из своих семерых дочерей, а велел оставить ворожея у себя слугой, в противном случае он бы его сожрал; после семидневной борьбы у Нга кончились силы, и он сказал: «Пожалуйста, освободи меня, не убивай! Я дам тебе самую младшую дочь. Оставайся впредь у меня помощником. Если ворожей в Верхнем мире ворожит с умом, то я освобождаю больного»; так ворожей стал зятем смерти; затем ворожей со своей женой спустился ещё дальше, где теперь сидит с землёй в руке; он называется Земляной старик [Лехтисало 1998: 11-12].

Кеты: Дох шаманил, разыскивая *ульвей* богатыря; с помощью хитрости овладев *ульвеем*, Дох летел обратно через море; Хосадам подняла бурю; Дох летел трое суток, уставая, садился на своих духов, имевших вид лебедя, гагары и других; духи устали, буря не прекращалась; Дох приказал гагаре нырнуть в воду и достать со дна кусочек твёрдой земли; два раза гагара ныряла неудачно, на третий раз принесла комок тины в клюве; из этой тины Дох сделал среди моря остров, отдохнув на котором, он благополучно, возвратился [Анучин 1914: 14].

Кеты: великий шаман Дох жил в то время, когда боги существовали на земле; он был женат и имел детей; пришла Хоседенбам и съела одного из его сыновей; разгневанный Дох сказал кэто, что они должны изготовить железный молоток и железную проволоку; кэто сделали деревянный молоток, а вместо железной проволоки дали шаману запутанные корни; Дох отправился к Хоседенбам, чтобы убить её; он ударил её молотком, но тот разлетелся на куски; проволока из корней порвалась, когда Дох набросил её, чтобы удушить Хоседенбам; Хоседенбам сказала: «Иди домой и убей сто оленей и иди с

половиной твоего народа на небо»; Дох пошёл домой, убил сто оленей, сказал половине своего народа сделать новые вещи для путешествия и объяснил, что там, куда они поедут, будет холодно; новые вещи были изготовлены и люди вместе с Дохом поехали на небо; там не было деревьев, чтобы строить чумы; Дох пошаманил и создал деревья, которые были наполовину из дерева, наполовину из железа; тогда построили чумы и стали жить там; едва прожили две недели, как разразилась ужасная буря, и все были сожжены молнией; осталась только задняя доска от нарты жены Доха; эта доска видна теперь на небе, как звезда, и эта звезда называется «Суклам жены Доха»; только один из сыновей Доха убежал от молнии и возвратился на землю гагарой; это было в деревне Ворогово на Енисее; живущие там остяки пошли на охоту, чтобы убить утку; они убили и вскрыли её, она вся была из чистого золота; на следующее утро все остяки из Ворогово умерли; осталась одна семья, старик из которой отговорили своего племянника идти на охоту накануне; эта семья взяла золото и жила хорошо [Финдейзен 1929: 130-131].

Кеты: Дого поднялся наверх; Есь его пытается – правда ли, что он семью мыслями ходит, всё исполнить может; Есь попросил принести ему для еды птицу *еккыт*; Дого сходил, принёс; Есь начал есть, кости в Дого кидает, хочет его ранить; Дого увёртывается, ловит кости на лету, в Еся кидает, попадает – только кровь брызжет; Есь сказал, что вспотел, признал, что сила Дого больше, и послал его к Тыгылам, чтобы принести костяной *сюк*; за это Есь пообещал Дого свою дочь; Дого взял рыбы и мяса и полетел; прилетев к Тыгылам, Дого бросил её волкам-стражам еду и вошёл в дом; Тыгылам сидит на *сюке*, разложив на нём *постель*, скоблит её; у Дого с собой был *еккыт*, от которого дом накалился; Тыгылам стало жарко, вспотела вся, сидеть на *сюке* не может, скатилась с него – *сюк* гладким стал; Дого схватил его и понёс к Есю; тот отдал ему дочь [Алексеев 2001: 103-104 (текст 44)].

Кеты: шаман Дог жил, когда родился первый снег; на зиму, как лебедь, летал к Томам и там зимовал; когда он возвращался, люди делали ему чум с двумя входами, один против другого; Дог с верхней стороны влетает, с другой вылетает; круг до солнца делает, снова в дверь сверху залетает; когда в седьмой раз залетел, жена на него новый белый платок накинула; подняла платок – там человек, Дог; пока он зимовал у Томам, его сын умер; Дог спросил свою бабу, она ответила, что сына утащила Хоседам; Дог попросил своих людей сделать ему петлю из железа; люди поленились и сделали петлю из черёмухового лыка; зная, что идёт Дог, Хоседам привязала над входом камень, чтобы тот упал и убил шамана; Дог задел камень *альдонем*, который был у него на *шаманской короне*; камень лопнул; Дог

спрашивает Хоседам о сыне, она говорит, что не знала, что это его сын; Дог накинул ей на шею петлю, но затянуть не смог – петля не железная, лопнула; тогда Дог ударил Хоседам в висок своей *лопаткой*; Хоседам говорит: «К тебе семь оленей сверху спустятся, на них ты к Есю поднимешься»; Дог не расслышал и спросил свою *затылочную жену*, что сказала мать; жена пожалела свою мать и обманула Дога, сказав, что Хоседам ничего не говорила; если бы Дог узнал правду, он бы вернулся, её прикончил; сверху спустились семь оленей, Дог сказал своим людям, что будем *аргишить*; своей жене он велел взять с собой только чистое бельё; они аргишили, Дог думал – по земле идут, а их тучей подняло вверх, где громы ходят; лесом там идут; Хоседам сделала так, что половина деревьев в том лесу железная; люди стали безуспешно рубить дрова, Дог пошаманил и сказал им, какие дрова нужно рубить; когда они поднялись на небо, нарта бабы Дога застряла: она не послушалась своего мужа, взяла с собой грязные штаны; она дёрнула нарту, *суклам* нарты застряла; до сих пор торчит, иногда её на небе видно; когда люди ночевали, стали греметь громы; у Дога и его сына были *пальмы*, наконечник *пальмы* сына – из меди; но ведь ещё раньше Дог велел своим людям делать железные наконечники; Дог убил шесть маленьких громов; пришла Мать громов, Дог схватил *пальму* сына, но медный наконечник расплавился; люди стали погибать; когда чум Дога загорелся, он поднял берестяную покрывку, толкнул сына в гагарью шкуру и отправил вниз, туда, где сосновая река (Келлог); сын перепутал, полетел на Сым; там он прилетел на озеро к югам, которые стали гонять его на *ветках*; сын Дога кричал, говорил, кто он, что ему надо в Келлог, и предупреждал, что юги погибнут, если убьют его; юги не понимают его языка, лишь один старик кричал, что сына Дога не надо убивать; юги убили гагару, подняли её, она тяжёлая, а внутри всё медное; юги поняли, что это был сын Дога; на утро один тот старик встал – остальные мёртвые; так все юги и пропали; если бы сын Дога жив остался, он бы за отца Хоседам убил и наш народ не кончался, большой был бы [Алексеенко 2001: 107-108 (текст 46)].

Кумандинцы: Эрлик в прошлом жил в среднем мире; он стал есть всех людей – и тех, кого осудил Ульген, и тех, кого не осудил; первый шаман изгнал Эрлика из среднего мира, однако люди всё равно продолжали вымирать; шаман решил пойти к Эрлику и уничтожить его; он явился к нему и снова одержал победу, но никак не мог уничтожить глаза главы злых духов; они горели, словно огонь; тогда шаман сказал: «Хорошо, не трогай больше людей... непредназначенных свыше. Живи здесь. Последующие камы будут ходить к тебе и приносить к твоим трём дверям подношение» [Алексеев 1984: 57, со ссылкой на архив].

Алтайцы: Еджен-хан собрал всех камов и велел сжечь; при этом он сказал: «Худые сгорят, а настоящие живы останутся»; все камы сгорели, живыми остались только двое, Тостогош и Газыр-гам, которые вылетели из огня; после этого Тостогош сказал, что будет предсказывать войну, а Газыр-гам заявил, что будет знать человеческую смерть; с этими словами шаманы обратились к Ерлику; вдруг пришла война, Тостогошу отрубили голову и повезли к Еджен-хану; туловище кама пошло вслед за головой и в земле Еджен-хана стало *кюшотаи`ем* (каменной бабой); Тостогош однажды камлал какому-то Абысу и так понравился, что тот дал ему прозвище Абыс-Кыдай; Газыр-гам пошёл к Ерлику и сказал ему: «Я буду узнавать впредь человеческую смерть; если скажу, что этот человек умрёт, он должен умереть; если скажу, оживёт, он должен ожить»; Ерлик рассердился и сказал, что шаман хочет знать больше него; они поссорились; Газыр-гам отрубил лапу собаке Ерлика Тайгыл-ит; собака умерла, а Газыр-гам улетел к Тэнгри-Кудая; Ерлик пошёл жаловаться к Тэнгри-Кудая и сказал, что Газыр-гам зарубил его собаку; Тэнгрэ-Кудай обвинил Газыр-гама, началась ссора; Газыр-гам схватил с юрты Тэнгрэ-Кудая железные *карачки* (верхний круг юрты) и бросил на землю, а сам убежал; он закончил жизнь самоубийством на Кемчике – бросился со скалы: скала от его крови и теперь красная, а на месте, где он упал, вырос красный тальник; оба кама, Тостогош и Газыр-гам, были родом с реки Чуи, теленгиты [Потанин 1883: 290-291 (текст 64а)].

Прибайкальские буряты: первый бурятский шаман Бохоли-Хара обладал огромной силой, не уступал богам и соперничал с ламами, имел письменную книгу, которую получил от Эсэгэ-Малан-Тэнгэри; жил один очень богатый человек, который не имел детей; шаман создал ему ребёнка; крылатые посланники сообщили богу о создании ребёнка; шаман не имел права создавать человека без участия богов, поэтому Эсэгэ Малан послал трёх крылатых посланников, чтобы они принесли ему душу мальчика; посланники обратились в трёх лам и попросились ночевать к богачу, а на другое утро ушли, забрав с собой душу ребёнка; они отправились к Эсэгэ-Малану; он положил душу в бутылку, которую закрыл большим пальцем правой руки; шаман ищет душу, приходит к Эсэгэ-Малану, безуспешно просит вернуть душу мальчика; затем обращается в осу, жалит бога, выхватывает душу, возвращает её в тело; Эсэгэ-Малан рассердился на шамана, потребовал его к себе, разорвал его книгу; потом рассёк его бубен на две части, чем уменьшил его силу, затем ещё на четыре и наконец на восемь частей, отчего уменьшил силы и прочих шаманов; в это время к Эсэгэ-Малану вошли 9 сыновей неба и сказали: «Он нам нужен, так как мы каждый день пускаем на землю 9 стрел, которые он отправляет обратно на небо»; Эсэгэ-Малан отпустил

Бохоли-Хара на землю, попробовать его силы: 9 сыновей неба опять послали на землю девять стрел и также 9 стрел ламам, чтоб узнать, кто из них скорее поднимет на небо; книгу Бохоли-Хара съел баран; шаман заколол барана, взял лопатку и увидел там всё; вот почему нынешние шаманы ворожат на лопатке; Бохоли-Хара скорее поднял обратно на небо 9 стрел и также 9 ламских, а ламы только до половины прочитали книгу; Эсэгэ-Малан осудил шамана Бохоли-Хара скакать на чёрном камне до тех пор, пока сотрётся камень или он сам; если Бохоли-Хара сотрётся сам прежде камня, то его не будет, а шаманы будут плохи; если Бохоли-Хара не сотрётся, а скорее сотрётся камень, то он явится на землю с прежними силами; Бохоли-Хара, танцующий на камне, надел неизносимые железные сапоги, которые получил от неба Зан-Сагана; теперь скачет на камне, который стирается и уже стёрся до половины (текст записан от шамана) [Бохоли-Хара 1880: 89-90].

Прибайкальские буряты: первый шаман Моргон-Хара нисколько не уступал и даже превосходил по силам Эрлэн-Хана; несколько раз злой дух похищал души людей и заключал их в ад, но Моргон-хара возвращал души обратно; Эрлэн-Хан поднялся на небо и пожаловался Эсэгэ-Малан-Тэнгэри на шамана, который нарушает правило; Эсэгэ-Малан-Тэнгэри решил испытать Моргон-Хара, похитил душу одного человека и спрятал её в бутылку; шаман нашёл душу и, обратившись в осу, укусил Эсэгэ-Малан-Тэнгэри в лоб; тот от испуга ударил себя рукой по лбу, в это время шаман выхватил душу и отправился на землю; Эсэгэ-Малан-Тэнгэри рассердился и разделил *хэсэ* Моргон-Хара на две части; в итоге силы уменьшились не только у первого шамана, но и у всех шаманов, бывших после Моргон-Хара; Эсэгэ-Малан-Тэнгэри наказал Моргон-Хара – заставил его плясать на чёрном камне до тех пор, пока тело шамана совсем не сотрётся; Моргон-Хара до сих пор скачет на камне; чем больше стирается тело Моргон-Хара, тем хуже становятся шаманы; когда он совсем сотрётся, тогда у бурят шаманов не будет [Моргон-Хара 1880: 87-89].

Прибайкальские буряты: в Монголии жил шаман – орёл, который имел волшебную силу воскрешать мёртвых, обогащать бедных; но никто его слов не знал и сам он чужих слов не понимал; в эту пору одна молодая женщина из Урянхая совершила побег от своего мужа, которого не взлюбила; во время пути она устала и легла спать; увидев её спящей, орёл дунул ей в ухо и через дуновение передал все свои силы, а сам умер; женщина забеременела от дуновенья шамана-орла; у неё родился сын, который стал родоначальником всех шаманов; первый шаман имел волшебную силу, полученную в наследство от шамана-орла и посредством своей силы присваивал себе всё, что ему было

угодно; Эрлик-намон-хан жаловался богу Будде: живёт шаман, который присваивает себе всё, что угодно ему; Будда, чтобы испытать волшебную силу шаман, взял душу единственного сына одного богатого человека, положил её в бутылку, отверстие зажал пальцем; шаман, превратившись в осу, прилетел к богу и укусил его в лоб; бог вздрогнул и опустил палец с бутылки; шаман взял душу и полетел на своём бубне; бог пустил в первого шамана *ошир-хонхо*; она попала в бубен и пробила его крылья, лишив возможности лететь дальше; с тех пор бубен шамана стал открытым и неспособным к полёту, а волшебная сила шамана убавилась наполовину; поэтому современные шаманы не имеют такой волшебной силы, как их шаманы-предки [Дамеев 1927: 69-70].

Прибайкальские буряты: Эсэгэ Малан не хотел, чтобы у одного богатого бурята был сын; бурят обратился за помощью к самому первому великому шаману Бухли хара боо (Целый чёрный шаман); шаман помог богачу, создал ему сына и стал *найжи* этого ребёнка; рассерженный Эсэгэ Малан забрал душу ребёнка к себе на небо и держал её около себя; шаман полетел на бубне на небо; во время полёта шамана побрякушки его одеяния так красиво звенели, что звери и птицы, оставив своих детёнышей и птенцов, заслушались этими звуками и забыли о своём потомстве, которое умерло с голоду; прилетев на небо, шаман обратился в жёлтую осу и ужалил Эсэгэ Малана в лоб, из-за чего тот вздрогнул и упустил душу ребёнка; шаман схватил её и вернулся на землю; ребёнок выздоровел; разозлённый Эсэгэ Малан отнял душу ребёнка обратно, а шамана за неподчинение и злоупотребление силами заставил плясать на чёрном плоском камне (скале), пока он совсем не скроется в скалу; чем больше из века в век углубляется шаман, тем больше падает шаманство, хуже становятся шаманы [Михайлов 1996: 63-64].

Непские (киренские) эвенки: большой шаман оживлял мёртвых и ни одному человеку не давал умирать; к шаману пришёл бог, предложивший выяснить, кто из них сильнее; бог дал шаману два куска мяса и предложил их сжарить; шаман не сумел сжарить второй кусок мяса; с тех пор люди стали умирать, шаман не мог оживлять мёртвых; если бы шаман сжарил, не умирали бы люди [Василевич 1936: 74 (текст 56)].

Центральные якуты (Якутский окр.): первый шаман Ан-Аргыл-Оюн был очень могущественен и совершал великие чудеса; кроме исцеления больных, он воскрешал мёртвых, умерших три года назад, и давал зрение слепым; это стало известно Аи-тоену, который три раза посылал своего служителя спросить, во имя кого шаман делает такие

чудеса и верует ли в него; на это первый шаман сказал, что делает чудеса своей силой и не верует в Аи-тоена; разгневанный бог велел сжечь непокорного шамана, чтобы ничего не осталось от него; так как всё тело шамана состояло из пресмыкающихся гадов, то огня избежала одна лягушка; она поселилась на вершинах высочайших гор и расплодилась; у неё родились следующие демоны – шаманы: Хара баргыя тоен (чёрный клокочущий господин) и Кюн кянгись оюн (солнце ненасытный), которые до сих пор даруют якутам знаменитых шаманов и шаманок [Припузов 1884: 64].

III.11. РОДСТВЕННИК СМЕРТИ.

Первый шаман становится родственником (зятем или мужем) смерти. См. также мотив IV.8 «Шаман – родственник богов».

Ненцы [Лехтисало 1998: 11-12], кеты [Donner 1933: 94; Алексеенко 1981: 118; 2001: 103-104 (текст 44); 107-108 (текст 46)].

Ненцы: ворожей после ударов бубна отправился на небо к Нуму; тот сказал, что не приглашал ворожея к себе, и велел идти ему к Нга (смерти), в зятя; после семидневных подземных скитаний ворожей попал к хижине Нга; тот не собирался отдавать ни одну из своих семерых дочерей, а велел оставить ворожея у себя слугой, в противном случае он бы его сожрал; после семидневной борьбы у Нга кончились силы, и он сказал: «Пожалуйста, освободи меня, не убивай! Я дам тебе самую младшую дочь. Оставайся впредь у меня помощником. Если ворожей в Верхнем мире ворожит с умом, то я освобождаю больного»; так ворожей стал зятем смерти; затем ворожей со своей женой спустился ещё дальше, где теперь сидит с землёй в руке; он называется Земляной старик [Лехтисало 1998: 11-12].

Кеты: *dōg* женился на *hoze.dām*, которая была дочерью женщины из загробного мира; по какой-то причине они должны были отправиться на небо; по пути женщина родила мальчика (*do^ode-hip*); они встретили двух чудовищ (гром) и семерых других чудовищ, которых убили *пальмой*; последнее чудовище, которое было матерью грома и меньшим по размеру, оказалось худшим противником; чум мужа и жены был сожжён и они вместе с ним; мальчик полетел, спустился вниз и превратился в гагару с чёрным горлом; перед смертью отец указал сыну на свою реку; та река – это река *kios siès* наших дней, на которой

люди приносят жертвы и где живут сильнейшие шаманы; упавший мальчик кричал, спрашивая где река; незнакомые люди убили его как обычную гагару, а затем съели; после этого все они, и мужчины, и женщины, забеременели; все мужчины погибли из-за этого; женщины родили детей, которые все стали шаманами; таким образом шаманы были принесены в этот мир; от духа гагары все остальные были рождены; именно поэтому шаман никогда не ест гагару с чёрным горлом [Donner 1933: 94].

Кеты: Дого поднялся наверх; Есь его пытается – правда ли, что он семью мыслями ходит, всё исполнить может; Есь попросил принести ему для еды птицу *еккыт*; Дого сходил, принёс; Есь начал есть, кости в Дого кидает, хочет его ранить; Дого увёртывается, ловит кости на лету, в Еся кидает, попадает – только кровь брызжет; Есь сказал, что вспотел, признал, что сила Дого больше, и послал его к Тыгылам, чтобы принести костяной *сюк*; за это Есь пообещал Дого свою дочь [вероятно, рождённую Хоседам. – Е. Д.]; Дого взял рыбы и мяса и полетел; прилетев к Тыгылам, Дого бросил её волкам-стражам еду и вошёл в дом; Тыгылам сидит на *сюке*, разложив на нём *постель*, скоблит её; у Дого с собой был *еккыт*, от которого дом накалился; Тыгылам стало жарко, вспотела вся, сидеть на *сюке* не может, скатилась с него – *сюк* гладким стал; Дого схватил его и понёс к Есю; тот отдал ему дочь [Алексеевко 2001: 103-104 (текст 44)].

Кеты: шаман Дог жил, когда народился первый снег; на зиму, как лебедь, летал к Томам и там зимовал; когда он возвращался, люди делали ему чум с двумя входами, один против другого; Дог с верхней стороны влетает, с другой вылетает; круг до солнца делает, снова в дверь сверху залетает; когда в седьмой раз залетел, жена на него новый белый платок накинула; подняла платок – там человек, Дог; пока он зимовал у Томам, его сын умер; Дог спросил свою бабу, она ответила, что сына утащила Хоседам; Дог попросил своих людей сделать ему петлю из железа; люди поленились и сделали петлю из черёмухового лыка; зная, что идёт Дог, Хоседам привязала над входом камень, чтобы тот упал и убил шамана; Дог задел камень *альдонем*, который был у него на *шаманской короне*; камень лопнул; Дог спрашивает Хоседам о сыне, она говорит, что не знала, что это его сын; Дог накинул ей на шею петлю, но затянуть не смог – петля не железная, лопнула; тогда Дог ударил Хоседам в висок своей *лопаткой*; Хоседам говорит: «К тебе семь оленей сверху спустятся, на них ты к Есю поднимешься»; Дог не расслышал и спросил свою *затылочную жену*, что сказала мать; жена пожалела свою мать и обманула Дога, сказав, что Хоседам ничего не говорила; если бы Дог узнал правду, он бы вернулся, её прикончил; сверху спустились семь оленей,

Дог сказал своим людям, что будем *аргишить*; своей жене он велел взять с собой только чистое бельё; они аргишили, Дог думал – по земле идут, а их тучей подняло вверх, где громы ходят; лесом там идут; Хоседам сделала так, что половина деревьев в том лесу железная; люди стали безуспешно рубить дрова, Дог пошаманил и сказал им, какие дрова нужно рубить; когда они поднялись на небо, нарта бабы Дога застряла: она не послушалась своего мужа, взяла с собой грязные штаны; она дёрнула нарту, *суклам* нарты застряла; до сих пор торчит, иногда её на небе видно; когда люди ночевали, стали греметь громы; у Дога и его сына были *пальмы*, наконечник *пальмы* сына – из меди; но ведь ещё раньше Дог велел своим людям делать железные наконечники; Дог убил шесть маленьких громов; пришла Мать громов, Дог схватил *пальму* сына, но медный наконечник расплавился; люди стали погибать; когда чум Дога загорелся, он поднял берестяную покрывку, толкнул сына в гагарью шкуру и отправил вниз, туда, где сосновая река (Келлог); сын перепутал, полетел на Сым; там он прилетел на озеро к югам, которые стали гонять его на *ветках*; сын Дога кричал, говорил, кто он, что ему надо в Келлог, и предупреждал, что юги погибнут, если убьют его; юги не понимают его языка, лишь один старик кричал, что сына Дога не надо убивать; юги убили гагару, подняли её, она тяжёлая, а внутри всё медное; юги поняли, что это был сын Дога; на утро один тот старик встал – остальные мёртвые; так все юги и пропали; если бы сын Дога жив остался, он бы за отца Хоседам убил и наш народ не кончался, большой был бы [Алексеев 2001: 107-108 (текст 46)].

III.12. УСТРАНЕНИЕ ПЕРВОГО ШАМАНА.

Первый шаман устраняется из мира людей и лишается сил (либо одно из двух); часто указывается, что из-за этого жизнь людей ухудшается.

Ненцы [Лехтисало 1998: 11-12], кеты [Анучин 1914: 7-8, 54; Финдейзен 1929: 130-131; Дульзон 1964: 192-195; Алексеев 1981: 97 (прим. 37); 2001: 104-106 (текст 45), 107-108 (текст 46); Николаева 2006: 24-26, 51-52; Donner 1933: 94] (ср. юги [Иванов, Топоров 1965: 137-138]) и селькупы [Пелих 1998: 67-68. Цит. по: Берёзкин 2011], см. также кетский текст без указания имени шамана [Ошаров 1936а: 106-109 = Николаева 2006: 43]), непские (киренские) эвенки [Василевич 1936: 74 (текст 56)], прибайкальские буряты [Шашков 1864: 81; Моргон-Хара 1880: 88-89; Бохоли-Хара 1880: 90; Балдунников 1927: 68-69; Дамеев

1927: 70; Михайлов 1996: 64; Жамцарано 2001: 73-74; Lewitzky 1957: 35-36], центральные якуты [Припузов 1884: 64; Приклонский 1891: 52; Lewitzky 1957: 35].

Ненцы: ворожей после ударов бубна отправился на небо к Нуму; тот сказал, что не приглашал ворожея к себе, и велел идти ему к Нга (смерти), в зятя; после семидневных подземных скитаний ворожей попал к хижине Нга; тот не собирался отдавать ни одну из своих семерых дочерей, а велел оставить ворожея у себя слугой, в противном случае он бы его сожрал; после семидневной борьбы у Нга кончились силы, и он сказал: «Пожалуйста, освободи меня, не убивай! Я дам тебе самую младшую дочь. Оставайся впредь у меня помощником. Если ворожей в Верхнем мире ворожит с умом, то я освобождаю больного»; так ворожей стал зятем смерти; затем ворожей со своей женой спустился ещё дальше, где теперь сидит с землёй в руке; он называется Земляной старик [Лехтисало 1998: 11-12].

Кеты: шаман Дох поднялся на небо так стремительно, что его *ульвей* упал; *кыньси* схватили *ульвей* и унесли на Мёртвый остров; Хосадам хотела его съесть, но сломала себе зуб; Хосадам прибила *ульвей* к дереву; утратив *ульвей*, Дох вынужден был уйти на небо; он встал на бубен, который превратился в облако, и стал подниматься на небо; люди заплакали; Дох снял свой шаманский плащ, бросил его своей внучке, которая была его помощницей при камлании, и сказал: «Теперь она будет шаманить вам» [Анучин 1914: 7-8].

Кеты: из-за неудачи Дога «Хосадам нас до сих пор таскает» [МЛЭ 2009].

Прибайкальские буряты: первый шаман Моргон-Хара несколько не уступал и даже превосходил по силам Эрлэн-Хана; несколько раз злой дух похищал души людей и заключал их в ад, но Моргон-хара возвращал души обратно; Эрлэн-Хан поднялся на небо и пожаловался Эсэгэ-Малан-Тэнгэри на шамана, который нарушает правило; Эсэгэ-Малан-Тэнгэри решил испытать Моргон-Хара, похитил душу одного человека и спрятал её в бутылку; шаман нашёл душу и, обратившись в осу, укусил Эсэгэ-Малан-Тэнгэри в лоб; тот от испуга ударил себя рукой по лбу, в это время шаман выхватил душу и отправился на землю; Эсэгэ-Малан-Тэнгэри рассердился и разделил *хэсэ* Моргон-Хара на две части; в итоге силы уменьшились не только у первого шамана, но и у всех шаманов, бывших после Моргон-Хара; Эсэгэ-Малан-Тэнгэри наказал Моргон-Хара – заставил его плясать на чёрном камне до тех пор, пока тело шамана совсем не сотрётся; Моргон-Хара до сих пор

скачет на камне; чем больше стирается тело Моргон-Хара, тем хуже становятся шаманы; когда он совсем сотрётся, тогда у бурят шаманов не будет [Моргон-Хара 1880: 87-89].

Прибайкальские буряты: первый бурятский шаман Бохоли-Хара обладал огромной силой, не уступал богам и соперничал с ламами, имел письменную книгу, которую получил от Эсэгэ-Малан-Тэнгэри; жил один очень богатый человек, который не имел детей; шаман создал ему ребёнка; крылатые посланники сообщили богу о создании ребёнка; шаман не имел права создавать человека без участия богов, поэтому Эсэгэ Малан послал трёх крылатых посланников, чтобы они принесли ему душу мальчика; посланники обратились в трёх лам и попросились ночевать к богачу, а на другое утро ушли, забрав с собой душу ребёнка; они отправились к Эсэгэ-Малану; он положил душу в бутылку, которую закрыл большим пальцем правой руки; шаман ищет душу, приходит к Эсэгэ-Малану, безуспешно просит вернуть душу мальчика; затем обращается в осу, жалит бога, выхватывает душу, возвращает её в тело; Эсэгэ-Малан рассердился на шамана, потребовал его к себе, разорвал его книгу; потом рассёк его бубен на две части, чем уменьшил его силу, затем ещё на четыре и наконец на восемь частей, отчего уменьшил силы и прочих шаманов; в это время к Эсэгэ-Малану вошли 9 сыновей неба и сказали: «Он нам нужен, так как мы каждый день пускаем на землю 9 стрел, которые он отсылает обратно на небо»; Эсэгэ-Малан отпустил Бохоли-Хара на землю, попробовать его силы: 9 сыновей неба опять послали на землю девять стрел и также 9 стрел ламам, чтоб узнать, кто из них скорее поднимет на небо; книгу Бохоли-Хара съел баран; шаман заколол барана, взял лопатку и увидел там всё; вот почему нынешние шаманы ворожат на лопатке; Бохоли-Хара скорее поднял обратно на небо 9 стрел и также 9 ламских, а ламы только до половины прочитали книгу; Эсэгэ-Малан осудил шамана Бохоли-Хара скакать на чёрном камне до тех пор, пока сотрётся камень или он сам; если Бохоли-Хара сотрётся сам прежде камня, то его не будет, а шаманы будут плохи; если Бохоли-Хара не сотрётся, а скорее сотрётся камень, то он явится на землю с прежними силами; Бохоли-Хара, танцующий на камне, надел неизносимые железные сапоги, которые получил от неба Зан-Сагана; теперь скачет на камне, который стирается и уже стёрся до половины (текст записан от шамана) [Бохоли-Хара 1880: 89-90].

Прибайкальские буряты: в Монголии жил шаман – орёл, который имел волшебную силу воскрешать мёртвых, обогащать бедных; но никто его слов не знал и сам он чужих слов не понимал; в эту пору одна молодая женщина из Урянхая совершила побег от своего мужа, которого не влюбила; во время пути она устала и легла спать; увидев её спящей, орёл

дунул ей в ухо и через дуновение передал все свои силы, а сам умер; женщина забеременела от дуновенья шамана-орла; у неё родился сын, который стал родоначальником всех шаманов; первый шаман имел волшебную силу, полученную в наследство от шамана-орла и посредством своей силы присваивал себе всё, что ему было угодно; Эрлик-намон-хан жаловался богу Будде: живёт шаман, который присваивает себе всё, что угодно ему; Будда, чтобы испытать волшебную силу шаман, взял душу единственного сына одного богатого человека, положил её в бутылку, отверстие зажал пальцем; шаман, превратившись в осу, прилетел к богу и укусил его в лоб; бог вздрогнул и опустил палец с бутылки; шаман взял душу и полетел на своём бубне; бог пустил в первого шамана *ошир-хонхо*; она попала в бубен и пробила его крылья, лишив возможности лететь дальше; с тех пор бубен шамана стал открытым и неспособным к полёту, а волшебная сила шамана убавилась наполовину; поэтому современные шаманы не имеют такой волшебной силы, как их шаманы-предки [Дамеев 1927: 69-70].

Непские (киренские) эвенки: большой шаман оживлял мёртвых и ни одному человеку не давал умирать; к шаману пришёл бог, предложивший выяснить, кто из них сильнее; бог дал шаману два куска мяса и предложил их сжарить; шаман не сумел сжарить второй кусок мяса; с тех пор люди стали умирать, шаман не мог оживлять мёртвых; если бы шаман сжарил, не умирали бы люди [Василевич 1936: 74 (текст 56)].

Центральные якуты (Якутский окр.): первый шаман Ан-Аргыл-Оюн был очень могущественен и совершал великие чудеса; кроме исцеления больных, он воскрешал мёртвых, умерших три года назад, и давал зрение слепым; это стало известно Аи-тоену, который три раза посылал своего служителя спросить, во имя кого шаман делает такие чудеса и верует ли в него; на это первый шаман сказал, что делает чудеса своей силой и не верует в Аи-тоена; разгневанный бог велел сжечь непокорного шамана, чтобы ничего не осталось от него; так как всё тело шамана состояло из пресмыкающихся гадов, то огня избежала одна лягушка; она поселилась на вершинах высочайших гор и расплодилась; у неё родились следующие демоны – шаманы: Хара баргыя тоен (чёрный клокочущий господин) и Кюн кянгись оюн (солнце ненасытный), которые до сих пор даруют якутам знаменитых шаманов и шаманок [Припузов 1884: 64].

III.13. ВОЗВРАЩЕНИЕ ПЕРВОГО ШАМАНА.

Устранённый из мира людей первый шаман, возможно, вернётся.

Кеты [Анучин 1914: 8], прибайкальские буряты [Бохולי-Хара 1880: 89-90].

Кеты: когда богатырь Альба вернётся на землю, он освободит *ульвей* Доха и тогда сам Дох вернётся на землю [Анучин 1914: 8].

Прибайкальские буряты: первый бурятский шаман Бохоли-Хара обладал огромной силой, не уступал богам и соперничал с ламами, имел письменную книгу, которую получил от Эсэгэ-Малан-Тэнгэри; жил один очень богатый человек, который не имел детей; шаман создал ему ребёнка; крылатые посланники сообщили богу о создании ребёнка; шаман не имел права создавать человека без участия богов, поэтому Эсэгэ Малан послал трёх крылатых посланников, чтобы они принесли ему душу мальчика; посланники обратились в трёх лам и попросились ночевать к богачу, а на другое утро ушли, забрав с собой душу ребёнка; они отправились к Эсэгэ-Малану; он положил душу в бутылку, которую закрыл большим пальцем правой руки; шаман ищет душу, приходит к Эсэгэ-Малану, безуспешно просит вернуть душу мальчика; затем обращается в осу, жалит бога, выхватывает душу, возвращает её в тело; Эсэгэ-Малан рассердился на шамана, потребовал его к себе, разорвал его книгу; потом рассёк его бубен на две части, чем уменьшил его силу, затем ещё на четыре и наконец на восемь частей, отчего уменьшил силы и прочих шаманов; в это время к Эсэгэ-Малану вошли 9 сыновей неба и сказали: «Он нам нужен, так как мы каждый день пускаем на землю 9 стрел, которые он отсылает обратно на небо»; Эсэгэ-Малан отпустил Бохоли-Хара на землю, попробовать его силы: 9 сыновей неба опять послали на землю девять стрел и также 9 стрел ламам, чтоб узнать, кто из них скорее поднимет на небо; книгу Бохоли-Хара съел баран; шаман заколол барана, взял лопатку и увидел там всё; вот почему нынешние шаманы ворожат на лопатке; Бохоли-Хара скорее поднял обратно на небо 9 стрел и также 9 ламских, а ламы только до половины прочитали книгу; Эсэгэ-Малан осудил шамана Бохоли-Хара скакать на чёрном камне, до тех пор, пока сотрётся камень или он сам; если Бохоли-Хара сотрётся сам прежде камня, то его не будет, а шаманы будут плохи; если Бохоли-Хара не сотрётся, а скорее сотрётся камень, то он явится на землю с прежними силами; Бохоли-Хара, танцующий на камне, надел неизносимые железные

сапоги, которые получил от неба Зан-Сагана; теперь скачет на камне, который стирается и уже стёрся до половины (текст записан от шамана) [Бохоли-Хара 1880: 89-90].

IV. СТАНОВЛЕНИЕ ШАМАНА⁶⁰

IV.1. СВАРЕННЫЙ ШАМАН.

Шамана варят, закаляют, куют в ином мире.

Центральные якуты [Ксенофонов 1992а: 41], орочи [Аврорин, Козьминский 1949: 331-332].

Центральные якуты (о-в Тоён-Арыы, р. Лена = 1-й Мальжегарский наслег Западно-Кангаласского улуса): на небесах есть дерево *Ыйык-Мас*, вершина которого доходит до девятого неба; начиная от корня до самой верхушки, дерево покрыто наростами, но ясных ветвей на нём нет; в этих наростах зарождаются шаманы, шаманки и все, кто знаком с колдовством и магией; сильные рождаются у основания ствола, шаманы полной силы зарождаются у корня дерева, в наросте величиной с небольшой курган; самые большие шаманы воспитываются и укачиваются в особой зыбке в нижней стране у злых духов – *Харса-Джабын* («Духи раздора и зла»); там есть кузнец – Кыдай-Бахсы, у которого предварительно свариваются, закаляются и выходят кузнецы и шаманы [Ксенофонов 1992а: 41].

Орочи: души шаманов создаются верховным небесным божеством Хадау; он выковывает душу шамана из железа на наковальне, имеющей вид безрогого лося; горном ему служит железная жаба; *бучу* (дух-помощник Хадау) надувает её через задний проход мехами, и изо рта её вырывается пламя; вместе с душой каждого шамана Хадау выковывает и его ритуальные атрибуты; после того, как душа с атрибутами изготовлена, она поступает в распоряжение жены Хадау (*хадау мамачани*), которая кладёт её в каменную люльку, подвешенную на двух железных змеях; вынянчив душу шамана *хадау мамачани* превращает её в рыбу и выпускает в реку, берущую своё начало от самой люльки; по реке душа шамана спускается в озеро, где её ждёт ряд испытаний: злой дух с остройгой, собака на каменном помосте, заездок, около которого злой дух с каменным молотком; молотком

⁶⁰ Сведения о мотивах в разделе являются неполными. Очевидно, что данные об их дистрибуции будут скорректированы после массовой обработки ненарративных материалов.

дух глушит рыбу – душу шамана; дух несёт душу шамана в свой балаган и приводит в чувство, затем уговаривает отведать человеческого мяса; если душа согласится, то впоследствии шаман будет питаться душами людей и грызть покойников, такую душу злой дух отпускает в озеро; если душа откажется – злой дух попытается её съесть, однако некоторым удаётся убежать в озеро; душа проплывает между девятью подводными камнями и попадает из озера в реку, соединяющей его с моржовым морем; у устья реки душу шамана поджидает Хадау с гарпуном, ремень которого держат девять духов с остроконечными головами (*бучу*) и девять духов с круглыми головами (*мане*); Хадау без промаха попадает гарпуном в каждую рыбу, и если это слабая душа, то убивает её, если же душа достаточно сильна, то она плывёт дальше с наконечниками в спине и увлекает за собой восемнадцать духов, держащихся за ремень; впоследствии эти духи становятся ближайшими духами-помощниками шамана; в моржовом море душа шамана приобретает человеческий облик; Хадау снабжает душу самоходной лодкой; душа шамана вместе с духами-помощниками садится в лодку и плывёт по моржовому, затем по китовому морю, проплывает около моря Хозяина рыб и подплывает к нашему материку; душа вселяется в того или иного человека, который превращается в шамана [Аврорин, Козьминский 1949: 331-332].

IV.2. ПРИНУЖДЕНИЕ К ШАМАНСТВУ.

Решение об избрании шаманского пути принимает не человек; инициатива исходит от духов и божеств.

Долганы [Попов 1937: 64-66], теленгиты [Потанин 1883: 327-328 (текст 77а)], тувинцы [Потанин 1883: 289 (текст 63ж); Дыренкова 1930: 276; Кенин-Лопсан 1987: 16, 19; Дьяконова 1981: 133], прибайкальские буряты [Curtin 1909: 106-107; Жамцарано 2001: 67], виллюйские [Дыренкова 1930: 276; Ксенофонтов 1992а: 62-65] и центральные [Ксенофонтов 1992б: 160-165; 167-168] якуты.

Долганы: дочь старика самоеда умерла; он не стал её хоронить, а возил с собой на санях; старик просил встречных шаманов воскресить её; никто не соглашался; спустя два года после смерти дочери, старик нашёл двух шаманов, которые камлали, но ничего не могли сделать; пожалевший старика прозорливец-шаман увидел сон и рассказал старику, что те

шаманы не воскресят девушку; старик пообещал прозорливцу половину своего богатства и дочь, тем самым уговорив его помочь с воскрешением; прозорливец уснул и дошёл до места болезни, затем отправился в другое место; там прозорливец встретил трёх одинаковых девушек, одна из которых была дочерью старика; девушки жили в трёх одинаковых чумах; прозорливец по очереди переночевал в каждом из них, но так и не понял, какая из девушек дочь старика; девушки собрались втроём в одном чуме; заранее спрятавшись, там лежал прозорливец, который подслушал разговор и понял, кто дочь старика; когда девушки заснули, прозорливец унёс старикову дочку из чума; он обнял её, побежал и проснулся; его тело пребывало во сне девять дней; около костей обнаружили девушку, которая не шевелилась; прозорливец уложил её вовнутрь кости, после чего она ожила и стала дочерью старика; прозорливец взял девушку в жёны; две умершие подруги рассердились, сделали девушку шаманкой и принудили покрыть бубен кожей старухи [Попов 1937: 64-66].

Теленгиты (Чуйская степь): Кайракан был прежде охотником; его настоящее имя – Кашка Буурул; он охотился на вершинах рек Катуня, Сумулты, Кабак, Кадрин, Ту Абаган; на одном озере он встретил *муйгака* (моралуху) и хотел убить его; перед ним предстал седой старик с белой бородой; Кашка Буурул всё-таки застрелил *муйгака*; белый старик ударил его змеёй, которую держал вместо плети; Кашка Буурул стал от этого удара без ума, приехал домой и начал с той поры камлать; вскоре у него заболел и умер сын; Кашка Буурул отправился на небо к Тэнгри и спросил, почему старик ударил его плетью и вышиб из ума, и за что Тэнгри отнял у него сына; Тэнгри ответил, что это Ерлик, послан которого был белый старик; Кашка Буурул отправился к Ерлику; при его дверях стояли два богатыря с железными костылями; Кашка-Буурул перешиб эти костыли и убежал; Ерлик отправил за ним погоню, но Кашка Буурул спрятался за семьдесят семь слоёв земли; посланники Ерлика вернулись назад, а Кашка Буурул продолжил жить на Алтае; состарившись, он велел похоронить себя в устье Башкауса и сказал, что если он хороший кам, то на его могиле вырастет берёза, а если худой, то чёрное дерево; на его могиле выросла берёза, поэтому его стали почитать; в его честь вешают небольшой бубен, брызжут молоком [Потанин 1883: 327-328 (текст 77а)].

Тувинцы (р. Торхолик): Улы-Кайракан, зимующий на земле и летом возносящийся на небо, бросает молнию разных цветов; кому попадёт в голову, тот становится камом; в кого

упадёт белая молния, тот становится *ак сеёкту хам* (текст записан от шаманки) [Потанин 1883: 289 (текст 63ж)].

Вилюйские якуты (Хаданский наслег Хочинского улуса): младший из двух братьев женился; весной родился красно-пегий жеребёнок, который обещал быть хорошим конём; осенью младший брат заболел и умер; лёжа мёртвым, он всё видел и слышал; его похоронили; он услышал, что наверху кто-то начал разрывать могилу; крышка гроба открылась и погребённый увидел четырёх чёрных людей; они его подняли, усадили и повернули лицом в сторону дома; из глубины могилы с рёвом показался чёрный бык с близко сходящимися рогами; бык захватил сидящего человека между рогами и спустился обратно по тому отверстию, по которому поднялся; они добрались до места, где был дом; из дома послышался голос, приказавший принести человека; выскочили чёрные люди, схватили принесённого, занесли его в дом и посадили на ладонь старика; старик определил тяжесть человека и сказал, чтобы его несли обратно; бык вынес человека обратно и усадил на прежнее место; ночью прилетел чёрный ворон, который поднял человека и полетел с ним наверх; они пролетели через отверстие и оказались в месте, где тоже светили солнце и луна, а дома и амбары были из железа; местные люди были вороноголовыми; изнутри дома послышался голос, велевший принести человека; выскочившие парни выполнили приказ и посадили человека на ладони старика; старик, испытав на ладони его на тяжесть, велел парням положить человека на самое верхнее гнездо; парни выполнили приказ; гнездо было на лиственнице, верхушка которой достигала неба; на гнездо прилетел белый крылатый олень, соски которого приходились человеку прямо в рот; он начал сосать их; человек лежал там три года; чем больше он сосал оленя, тем меньше становилось его тело, пока не стало с напёрсток; лёжа в гнезде, человек однажды услышал голос старика, велевшего одному из своих сыновей спуститься на среднюю землю и принести оттуда жену; сын старика вернулся, держа за волосы женщину; началось пиршество; лежащий в гнезде услышал голос, говорящий, что их сын, который живёт в средней земле, возможно, поднимется за женщиной; женщину заперли в амбар; лежащий в гнезде услышал гром шаманского бубна в средней земле; доносились приближающиеся звуки пения и в выходном отверстии показалась голова шамана; поднявшись, шаман приставил поперёк ко лбу колотушку своего бубна, затем превратился в быка с единственным рогом, выбил двери амбара, где была заперта женщина, и вместе с ней спустился вниз; сын старика снова отправился на среднюю землю и вернулся с другой женщиной; её запрятали, уменьшив в крошечное насекомое, у среднего столба юрты; снова послышались звуки бубна и пения

шамана; шаман нашёл женщину, раздробив столб, и унёс её вниз; сын старика спустился в третий раз и вернулся с той же женщиной; верхние люди заранее приготовились: у выходного отверстия зажгли костёр и, держа в руках горящие головни, стали около; когда в отверстии показался шаман, они, ударяя головнями, спровадили его обратно; к концу третьего года лежащий в гнезде услышал голос старика, давший ему имя Ааджа-Шаман и сказавший, что настало время послать его вниз, вселить в женщину, которая затем родит его; только вступив в пятилетний возраст, этот человек вспомнил, как раньше родился и жил на земле, как возродился наверху; с восьми лет он начал шаманить, а с двенадцати стал великим шаманом; он родился недалеко от места, где жил в первое своё рождение; жена его вышла замуж, а пегий жеребёнок стал знаменитым конём; на одном *ысыахе* молодой шаман встретил того шамана, который поднимался наверх, когда он лежал в гнезде; тот его узнал и сказал, что видел его в гнезде, сосущим мать-зверя; молодой шаман разгневался из-за того, что секрет его рождения разглашается; в ту же ночь он умертвил старого шамана [Ксенофонтов 1992а: 62-65].

IV.3. УДАР ГРОМА.

Духи и божества ударяют громом, молниями или пламенем человека, он становится шаманом.

Тувинцы [Потанин 1883: 289 (текст 63ж); Дыренкова 1930: 276; Кенин-Лопсан 1987: 16], прибайкальские буряты [Curtin 1909: 106-107; Жамцарано 2001: 67], виллойские [Дыренкова 1930: 276] и центральные якуты [Ксенофонтов 1992б: 167-168].

Тувинцы (р. Торхолик): Улы-Кайракан, зимующий на земле и летом возносящийся на небо, бросает молнию разных цветов; кому попадёт в голову, тот становится камом; в кого упадёт белая молния, тот становится *ак сеёкту хам* (текст записан от шаманки [Потанин 1883: 289 (текст 63ж)]).

Прибайкальские буряты: прежние великие шаманы посвящение на шаманство получали от Хухудой Мэргэна через удары грома – *нэрьеэрээр*; Хухудой Мэргэн есть бог грома и молнии [Жамцарано 2001: 67].

IV.4. БЫВШИЙ МЕРТВЕЦ – БУДУЩИЙ ШАМАН.

По просьбе отца шаман оживляет ребёнка, умершего несколько лет назад; душа умершего похищается шаманом из жилища духов; шаман вкладывает её в истлевшее тело; оживший становится шаманом.

Долганы [Попов 1937: 64-66], чукчи [Богораз 1899: 263-270].

Долганы: дочь старика самоеда умерла; он не стал её хоронить, а возил с собой на санях; старик просил встречных шаманов воскресить её; никто не соглашался; спустя два года после смерти дочери, старик нашёл двух шаманов, которые камлали, но ничего не могли сделать; пожалевший старика прозорливец-шаман увидел сон и рассказал старику, что те шаманы не воскресят девушку; старик пообещал прозорливцу половину своего богатства и дочь, тем самым уговорив его помочь с воскрешением; прозорливец уснул и дошёл до места болезни, затем отправился в другое место; там прозорливец встретил трёх одинаковых девушек, одна из которых была дочерью старика; девушки жили в трёх одинаковых чумах; прозорливец по очереди переночевал в каждом из них, но так и не понял, какая из девушек дочь старика; девушки собрались втроём в одном чуме; заранее спрятавшись, там лежал прозорливец, который подслушал разговор и понял, кто дочь старика; когда девушки заснули, прозорливец унёс старикову дочку из чума; он обнял её, побежал и проснулся; его тело пребывало во сне девять дней; около костей обнаружили девушку, которая не шевелилась; прозорливец уложил её вовнутрь кости, после чего она ожила и стала дочерью старика; прозорливец взял девушку в жёны; две умершие подруги рассердились, сделали девушку шаманкой и принудили покрыть бубен кожей старухи [Попов 1937: 64-66].

Чукчи: был великий и богатый шаман Мээмгын, жил в срединной земле; его единственный сын Рынтэу умер; Мээмгын искал его по всей земле, обыскивал все вселенные, не мог найти; прошло три года, тело сына всё сгнило; отец послал двух работников к Чесоточному шаману, туда, где небо и змея сходятся; Мээмгын выбрал им четырёх оленей, запряг их в сани, работников посадил на сани, сам надел узду на оленей, вожжи надел им на руки, заговорил оленям уши и головы, сани и сбрую; окончив заговор, дунул, – полетели они по воздуху как гуси; у Чесоточного сто домов, он лежит издавна в пологе, ибо не может сам

пошевелиться; всё тело его покрыто паршами; ещё до прихода работников говорит жене: «Положи меня у задней стены, дай мне бубен, я немного постучу, посмотрю в бреду»; постучал, говорит жене: «Свари побольше еды, гости сегодня будут»; работники пришли, рассказали об умершем сыне, стали просить помощи, пообещали награду; там где живёт Чесоточный, около домов ходят не олени, а собачьи стада; собаки большие и жирные, не меньше оленей; Чесоточный увидел оленей, стал их разглядывать, сказал, что они – его; работники стали думать, как поедут обратно, что оленей съедят собаки; шаман узнал их мысли, успокоил их; оленям стал наговаривать в глаза, уши, ноздри, рот; когда окончил, убежали олени, задрав хвостики, как собаки, добежали до собачьего стада, стали нюхать друг друга (собаки и олени); вечером шаман и работники отправились в путь; около его селения есть высокая крутая гора; шаман взял бубен, работники взяли его под руки и понесли на верх горы; шаман сказал им, чтобы ложились спать; когда они заснули, шаман сорвал всю траву вокруг себя и стал плести верёвку, сплёл травяную верёвку, выплел и узды, и вожжи; узды надел на спящих, вожжи взял в руки; дунул, понеслись по воздуху как птицы; опустились на горе около шатра Мээмгына; работники утром проснулись, увидели, что оказались дома; Чесоточный расспросил Мээмгына, где тот искал сына; выяснилось, что не искал во вселенной, которая выше всего есть над нами и которая принадлежит Птичьей женщине; Мээмгын не знал об этой вселенной, Чесоточный отправился туда; загремел бубном, ушёл вместе с ним внутрь земли; потом далеко за шатром послышался шум; вышел из земли и взвился с бубном вверх, до вселенной Птичьей жены; по дороге миновал три вселенные, запутывал следы; достигнув вселенной Птичьей жены, шаман увидел железный шатёр, у задней стены которого была перевязана железными ремнями по всем суставам душа мальчика; Птичья жена откармливала его себе на пищу; когда шаман прибыл, похитительница улетела добывать мальчику на еду китовую кожу; у дверей были привязаны двое *рэккэ* (чудовища с медвежьей пастью и огромными парусообразными ушами, способными уловить малейший шорох); Чесоточный обернулся комаром, хотел было влететь в шатёр, на него щёлкают зубами – уловили шум крыльев; попробовал залететь оводом – не получилось, белошапкой и бабочкой – тоже; шаман обернулся мясной мухой, полетел в шатёр; *рэккэ* внимания не обращают, им шорох мясной мухи знаком издавна; шаман развязал мальчика, обернул и его мясной мухой; полетели в свою вселенную, вели кругами следы, как лисица; когда достигли третьей вселенной, догнала их Птичья жена; стала угрожать, потом махнула крыльями; затрепыхался Чесоточный, как сухой лист от вихря; в ответ он вобрал руку в рукав, из рукава мизинцем к небу повёл, сошёл с неба огонь и опалил крылья Птичьей жены; она снова стала махать крыльями, но в

них уже не было ветра; шаман ещё раз повёл мизинцем: сошёл с неба огонь и сжѐг всю Птичью жену; Чесоточный продолжил путь; сидящие в шатре Мээмгына слышали шум бубна; Чесоточный спустился с неба, вошёл внутрь земли, немного после этого вышел из земли посреди полога; рассказал, что нашѐ мальчика; позвал своих духов и дал им держать душу; щѐлкнул горлом и проглотил кучу гнили перед Мээмгыном; попросили принести новую шкуру; когда её разостлали, Чесоточный харкнул и выхаркнул тело мальчика: кости вошли на место, мясо приросло к костям; опять щѐлкнул горлом, проглотил тело, выхаркнул его, обтянул тело новой кожей, загладил все изъяны; в третий раз проглотил и выхаркнул: кровь блеснула на щеках, только что не говорит; Чесоточный взял душу у духов, проглотил и выхаркнул её на тело; прошла сквозь тело, как стрела, вонзилась в стену; Чесоточный сказал, что она не припаивается, т.к. слишком холодное тело; затем проглотил тело, разогрел его в своей утробе, опять выхаркнул; Чесоточный бросил в него душу, мальчик стал произноситт звуки и сел; обрадованный отец предложил Чесоточному на выбор одно из пятнадцати оленьих стад; Чесоточный выбрал пятнисто-серое, самое многочисленное; работники привели оленей, пять дней шло мимо шатра стадо, оно встало вокруг него на три дня пути в глубину; Чесоточный сказал: «Ну, я уезжаю; только пусть все люди войдут в полог и не выходят вон; ибо всё, что будет снаружи, захвачу с собой. А я весьма далѐкий! А за парнем смотрите! Я сделал его шаманом бѐльшим, чем я сам. Но ум его будет склонен на худое. Но берегитесь с этим спорить, ибо вам будет худо»; Чесоточный ударил в бубен, запел свою песню и двинулся из шатра; тотчас же шум стада и звук песни стали удаляться вверх; как только уехал Чесоточный, Рынтэу стал поступать безумно, обижать людей (насиловать женщин и хватать мужчин за половые члены); ничего с ним сделать не могли; повалят его, начнут вязать, смотрят, а он уже совсем в другом месте; пробовали делать порчу, он собирал в рукавицу все слова тех людей, которые его пытались испортить, в рукавице завязывал и утром раздавал их обратно; отец решил, надо его извести; пошѐл на вечернюю сторону к старухе Кэля, договорился с ней; вернувшись домой, отец сказал Рынтэу, чтобы тот принѐс гарпун, лежащий за шатром; за дверями стояла Кэля, подняв железный посох навзмах удара; Рынтэу увидел её, вспорхнул гусем, пробил сзади старухи крышку шатра и улетел на сторону ночной темноты; старуха не смогла догнать; на ночной стороне Рынтэу переночевал у филина, тот рассказал, как пройти в светлую землю, миновава старуху Кэлю; Рынтэу переночевал ещё у ворона и вернулся домой; ещё хуже стал он поступать с людьми; отец послал его высватать дочь у Кэля, который живѐт на восточной стороне в тѐмной земле; Рынтэу высвататал, привѐз дочь домой, тотчас же забеременела; у соседей, где увидит ребѐнка, тут и съест; люди

жалуются отцу, тот послал Рынтэу за дочерью Кэля, который живёт на западной стороне в тёмной земле; Рынтэу и её высватал, привёз домой, она сразу забеременела; в соседних шатрах, где увидит старика, тут и съест; люди жалуются отцу; тот послал Рынтэу за великим ножом (мечом) Кэля, который живёт на северной стороне в тёмной земле; Рынтэу отправился, увидел круглую скалу без дверей; стал кричать, оттуда голос отвечает: «Войди!»; но двери нет; опять стал кричать, камень раскрылся и впустил его; там жили старик и старуха (*кэля*), всё жилище было наполнено шкурами песцом, лисиц, горностаев, белок; Рынтэу сказал, что пришёл шаманить, а сам смотрит: нож тут же лежит; зашаманил Рынтэу; шкуры песцов, лисиц, горностаев и белок ожили и стали плясать под стук бубна; Кэля тоже стали плясать, затем устали, упали, заснули; Рынтэу схватил нож и убежал; принёс домой нож, повесил над пологом; кто коснётся его рукой, умирает, кто посмотрит, заболит; а жёны едят детей и стариков; отец отправил Рынтэу за море, в гости к своей сестре; отец зарезал двух белых сук, содрал шкуры и одел невесток, а языки им обвязал крепко; приехал Рынтэу, ему сказали, что жёны из-за скуки уехали по домам; а две суки так и ходят вокруг Рынтэу; он развязал им языки, они заговорили; содрал и собачину, снова стали ему жёнами; сильнее прежнего стали истреблять людей; отец пошёл на сторону восхода, нашёл старушку Кэрэк; по дороге сказала старуха с порчей отцу, что если застанут его в пологе, то ладно; если застанут на дворе, надо сказать ему, чтобы вошёл в полог, а когда войдёт, надо чтобы тотчас же вышел; пришли домой, сын работал снаружи; отец пригласил его в полог; когда Рынтэу вошёл, отец сказал ему выйти наружу; старушка Кэрэк создала волшебством одну вселенную внутри полога, другую вселенную внутри шатра, третью вселенную снаружи; Рынтэу вышел из полога, пошёл вперёд, потеряв ум; у берега были морские утёсы, на них – каменные отрожки прямо над водой; на одном из них очутился Рынтэу, тогда очнулся; место незнакомое, сойти нельзя; просидел два дня, мимо пролетал ворон, который в обмен на всех живых дома рассказал Рынтэу, как выбраться отсюда и попасть на землю, где на старых кочевьях необходимо найти иглу и напёрсток; над ними дома нужно совершить служение с помощью бубна, на который по дороге домой надо натянуть шкуру большого жука; Рынтэу прыгнул на проплывающую мимо кокору; пристав к каменистому берегу, зажмурил глаза, собрал в горсть дресвы и стал пересыпать камешки из руки в руку; когда ощутил, что они мягкие, как морошка, бросил через голову; его подхватило, понесло по верху и перенесло за море; опять пристал к каменистому берегу, сделал то же самое, что и раньше, с дресвой; его подхватило, перенесло по верху и перенесло в его землю; Рынтэу объявил, что на следующий день будет служение, построил огромный шатёр; собрались люди со всех сторон; стал он шаманить на своём маленьком

бубне, а старуха Кэрэк устроила подножие из опрокинутого котла и, взобравшись на него, давала Рынтэу певучие ответы; собрались все мужчины, женщины и дети; только одной сиротке Рынтэу приказал остаться снаружи; она вышла, тогда он сказал: «Сюда игла»; сверху сквозь трубу спустилась игла, как на ниточке; Рынтэу сказал, что пусть возьмёт её та, кому она подходит по руке; женщины стали тянуть руки, игла уклонялась, не давалась им; Рынтэу сказал, что если никто не может взять, то пусть её уберут обратно; иглу утянуло вверх; та же история произошла с напёрстком; затем сверху спустилась бусина, как ягода морошки, укреплённая на серебрянной нити; женщины потянули к ней руки, схватили за нить; кому не досталось места, те хватали за руки соседок; Рынтэу ударил в бубен и запел о договорённости с вороном; затем подпрыгнул вверх, выпрыгнул через дымовое отверстие; бубен его вырос, застрял в отверстии и закрыл его собой; двери и выходы из дома исчезли; колотушка сама стала стучать в бубен; бусина стала расти, теснить людей; в итоге она наполнила весь дом, сжимая людей; лопнули и распались связи дома, полилась кровавая река; остались на земле только двое, Рынтэу и сиротка; он женился на ней, от них снова размножился человеческий род [Богораз 1899: 263-270].

IV.5. ДЕТИ-НАЙДЁНЫШИ – БУДУЩИЕ ШАМАНЫ.

Дети-найдёныши становятся шаманами.

Подкаменнотунгусские эвенки [Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18)], прибайкальские буряты [Потанин 1883: 114].

Подкаменнотунгусские эвенки (п. Полигус, Байкитский р-н, Эвенкийский национальный окр., Красноярский край): шаман Бакадя (*Найдёныш*) мог превращаться в духа-*мэлкен* (невидимку); на стойбище жил другой шаман; рано утром послышался плач ребёнка; много дней все слышали звук, но никто не видел его источник; шаман покамлял и сказал, что это не ребёнок, а шаман, превратившийся в ребёнка; шаман повёл людей искать плачущего, с собой не взяли вдовца; нашли плачущего ребёнка в люльке, которая висела на лиственнице; шаман, камлая, подпилит дерево, ребёнка взяли и унесли домой; там ему сделали колыбель; за семь дней ребёнок стал взрослым человеком и опять стал шаманить; во время камлания ему подыскали имя – Бакадя; Бакадя много лет лечил людей; зимой Бакадя поссорился с другим шаманом из-за духов-помощников; они устроили состязание:

расчистили от снега лёд на реке, сели друг от друга на расстоянии слышимости звука речи, надели шаманские плащи и разговаривали между собой неделю; наступил сильный мороз; о том, что шаманы живы, сообщали колокольчики, которые брякали на их плащах; Бакадя звонил пять дней, другой шаман на пятый день перестал звонить, замёрз; Бакадя звонил ещё два дня, затем пошёл к жене; шаман сказал жене, что они оба должны превратиться в птиц и исчезнуть, так как на этом месте им жить нельзя; шаман предложил лететь на край земли, на море, при этом он велел жене не брать железные подвески на одежде; жена забыла его требование и оставила железный *игольник* в своём поясе; Бакадя полетел с женой и уронил её на землю; она пропала, а Бакадя остался *мэлкэном* [Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18)].

Прибайкальские буряты: шаманка Асуйхан, мать шамана Андобара, нашла двух мальчиков, которые были закованы в люльках; шаманка приняла их и полюбила более родных детей; один из них, Андобара, оставил шаманку и ушёл; шаманка пошла за ним и прокляла его: «Если будешь ходить в лесу, будешь Урянха, если будешь по скалам ходить, будешь Хамногынь»; Андобара зашёл на север, там урянха угощали его головами тальменя; когда Андобара оказался у бурят, его кормили головами коз; Андобара был хорошим шаманом; он убил оленя, принадлежащего другому шаману; этот шаман погнался за Андобарой; тот, убегая, скрылся в юрте Хан-джиргай-хан-ноин-баабая; хозяин оленя стал требовать выдачи Андобары; хан сказал: «Возьми его в виде андобара»; хозяин оленя отказался и ушёл, сказав: «Если хочешь так возьми его себе»; хан сделал Андобара онгоном [Потанин 1883: 114].

IV.6. ДЕТИ-ПТЕНЦЫ.

Шаманы рождаются в виде птиц (воронов).

Центральные якуты [Ксенофонтов 1992а: 80-81].

Центральные якуты: красивая девушка пошла искать табун кобылиц; по дороге ей повстречался незнакомый человек, который ехал на белой лошади с восточной стороны; после краткого разговора девушка вступила с этим мужчиной в любовную связь; незнакомец признаётся, что он сын божества Хаара-Суорона, живущего в верхней стране;

мужчина говорит девушке, что она зачала от него двух сыновей, не знающих смерти и болезней до установленных сроков; он велит ей разрешиться, лёжа на шкуре грязнопёстрого коня, найти поляну с озером, на которой растёт трёхразвильчатая лиственница; около этого дерева девушка должна родить; мужчина предупредил, что родятся два птенца, чёрные воронята, которые вылетят и сядут на нижние ветки лиственницы; по словам мужчины, девушке необходимо будет обойти вокруг дерева три раза, ударяя по нему нижней своей одеждой, после чего воронята кувырком упадут на разостланную шкуру, затем их нужно засунуть в левой половине юрты у изголовья нижней балки; мужчина рассказал, что через трое суток они заплачут по-детски и превратятся в мальчиков; младший станет сильным шаманом, когда ему исполнится сорок лет, а старший – на сорок первом году; после этой речи дух верхней страны исчез, а его предсказание исполнилось [Ксенофонов 1992а: 80-81].

IV.7. ЧУДЕСНЫЙ БЫСТРЫЙ РОСТ.

Ребёнок-шаман становится взрослым за несколько дней.

Подкаменнотунгусские эвенки [Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18)].

Подкаменнотунгусские эвенки (п. Полигус, Байкитский р-н, Эвенкийский национальный окр., Красноярский край): шаман Бакадя (*Найдёныш*) мог превращаться в духа-мэлкен (невидимку); на стойбище жил другой шаман; рано утром послышался плач ребёнка; много дней все слышали звук, но никто не видел его источник; шаман покамлял и сказал, что это не ребёнок, а шаман, превратившийся в ребёнка; шаман повёл людей искать плачущего, с собой не взяли вдовца; нашли плачущего ребёнка в люльке, которая висела на лиственнице; шаман, камлая, подпилит дерево, ребёнка взяли и унесли домой; там ему сделали колыбель; за семь дней ребёнок стал взрослым человеком и опять стал шаманить; во время камлания ему подыскали имя – Бакадя; Бакадя много лет лечил людей; зимой Бакадя поссорился с другим шаманом из-за духов-помощников; они устроили состязание: расчистили от снега лёд на реке, сели друг от друга на расстоянии слышимости звука речи, надели шаманские плащи и разговаривали между собой неделю; наступил сильный мороз; о том, что шаманы живы, сообщали колокольчики, которые брякали на их плащах; Бакадя звонил пять дней, другой шаман на пятый день перестал звонить, замёрз; Бакадя звонил

ещё два дня, затем пошёл к жене; шаман сказал жене, что они оба должны превратиться в птиц и исчезнуть, так как на этом месте им жить нельзя; шаман предложил лететь на край земли, на море, при этом он велел жене не брать железные подвески на одежде; жена забыла его требование и оставила железный *игольник* в своём поясе; Бакадя полетел с женой и уронил её на землю; она пропала, а Бакадя остался *мэлкэном* [Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18)].

IV.8. ШАМАН – РОДСТВЕННИК БОГОВ.

Некоторый шаман является родственником божества (мужем, сыном и т.п.). См. также мотивы III.11 «Шаман – родственник смерти», IV.9 «Шаман – сын божества», IV.10 «Небесная жена шамана».

Ненцы [Попов 1944: 91-92; Лехтисало 1998: 11-12], нганасаны [Ламбер 1994], кеты [Donner 1933: 94; Алексеенко 1981: 118; 2001: 103-104 (текст 44); 107-108 (текст 46)], прибайкальские буряты [Жамцарано 2001: 74], центральные якуты [Ксенофонтов 1992а: 80-81]. Ср. у чукчей [Богораз 1899].

Ненцы: ворожей после ударов бубна отправился на небо к Нуму; тот сказал, что не приглашал ворожея к себе, и велел идти ему к Нга (смерти), в зятя; после семидневных подземных скитаний ворожей попал к хижине Нга; тот не собирался отдавать ни одну из своих семерых дочерей, а велел оставить ворожея у себя слугой, в противном случае он бы его сожрал; после семидневной борьбы у Нга кончились силы, и он сказал: «Пожалуйста, освободи меня, не убивай! Я дам тебе самую младшую дочь. Оставайся впредь у меня помощником. Если ворожей в Верхнем мире ворожит с умом, то я освобождаю больного»; так ворожей стал зятем смерти; затем ворожей со своей женой спустился ещё дальше, где теперь сидит с землёй в руке; он называется Земляной старик [Лехтисало 1998: 11-12].

Енисейские ненцы: у шаманов духом-женой являлась одна из дочерей северного сияния [Попов 1944: 91-92].

Кеты: *dōg* женился на *hoze.dām*, которая была дочерью женщины из загробного мира; по какой-то причине они должны были отправиться на небо; по пути женщина родила

мальчика (*do^ode-hip*); они встретили двух чудовищ (гром) и семерых других чудовищ, которых убили *пальмой*; последнее чудовище, которое было матерью грома и меньшим по размеру, оказалось худшим противником; чум мужа и жены был сожжён и они вместе с ним; мальчик полетел, спустился вниз и превратился в гагару с чёрным горлом; перед смертью отец указал сыну на свою реку; та река – это река *kios siès* наших дней, на которой люди приносят жертвы и где живут сильнейшие шаманы; упавший мальчик кричал, спрашивая где река; незнакомые люди убили его как обычную гагару, а затем съели; после этого все они, и мужчины, и женщины, забеременели; все мужчины погибли из-за этого; женщины родили детей, которые все стали шаманами; таким образом шаманы были принесены в этот мир; от духа гагары все остальные были рождены; именно поэтому шаман никогда не ест гагару с чёрным горлом [Donner 1933: 94].

Кеты: Дого поднялся наверх; Есь его пытается – правда ли, что он семью мыслями ходит, всё исполнить может; Есь попросил принести ему для еды птицу *еккыт*; Дого сходил, принёс; Есь начал есть, кости в Дого кидает, хочет его ранить; Дого увёртывается, ловит кости на лету, в Еся кидает, попадает – только кровь брызжет; Есь сказал, что вспотел, признал, что сила Дого больше, и послал его к Тыгылам, чтобы принести костяной *сюк*; за это Есь пообещал Дого свою дочь [вероятно, рождённую Хоседам. – *Е. Д.*]; Дого взял рыбы и мяса и полетел; прилетев к Тыгылам, Дого бросил её волкам-стражам еду и вошёл в дом; Тыгылам сидит на *сюке*, разложив на нём *постель*, скоблит её; у Дого с собой был *еккыт*, от которого дом накалился; Тыгылам стало жарко, вспотела вся, сидеть на *сюке* не может, скатилась с него – *сюк* гладким стал; Дого схватил его и понёс к Есю; тот отдал ему дочь [Алексеевко 2001: 103-104 (текст 44)].

Кеты: шаман Дог жил, когда народился первый снег; на зиму, как лебедь, летал к Томам и там зимовал; когда он возвращался, люди делали ему чум с двумя входами, один против другого; Дог с верхней стороны влетает, с другой вылетает; круг до солнца делает, снова в дверь сверху залетает; когда в седьмой раз залетел, жена на него новый белый платок накинула; подняла платок – там человек, Дог; пока он зимовал у Томам, его сын умер; Дог спросил свою бабу, она ответила, что сына утащила Хоседам; Дог попросил своих людей сделать ему петлю из железа; люди поленились и сделали петлю из черёмухового лыка; зная, что идёт Дог, Хоседам привязала над входом камень, чтобы тот упал и убил шамана; Дог задел камень *альдонем*, который был у него на *шаманской короне*; камень лопнул; Дог спрашивает Хоседам о сыне, она говорит, что не знала, что это его сын; Дог накинул ей на

шею петлю, но затянуть не смог – петля не железная, лопнула; тогда Дог ударил Хоседам в висок своей *лопаткой*; Хоседам говорит: «К тебе семь оленей сверху спустятся, на них ты к Есю поднимешься»; Дог не расслышал и спросил свою *затылочную жену*, что сказала мать; жена пожалела свою мать и обманула Дога, сказав, что Хоседам ничего не говорила; если бы Дог узнал правду, он бы вернулся, её прикончил; сверху спустились семь оленей, Дог сказал своим людям, что будем *аргишить*; своей жене он велел взять с собой только чистое бельё; они аргишили, Дог думал – по земле идут, а их тучей подняло вверх, где громы ходят; лесом там идут; Хоседам сделала так, что половина деревьев в том лесу железная; люди стали безуспешно рубить дрова, Дог пошаманил и сказал им, какие дрова нужно рубить; когда они поднялись на небо, нарта бабы Дога застряла: она не послушалась своего мужа, взяла с собой грязные штаны; она дёрнула нарту, *суклам* нарты застряла; до сих пор торчит, иногда её на небе видно; когда люди ночевали, стали греметь громы; у Дога и его сына были *пальмы*, наконечник *пальмы* сына – из меди; но ведь ещё раньше Дог велел своим людям делать железные наконечники; Дог убил шесть маленьких громов; пришла Мать громов, Дог схватил *пальму* сына, но медный наконечник расплавился; люди стали погибать; когда чум Дога загорелся, он поднял берестяную покрывку, толкнул сына в гагарью шкуру и отправил вниз, туда, где сосновая река (Келлог); сын перепутал, полетел на Сым; там он прилетел на озеро к югам, которые стали гонять его на *ветках*; сын Дога кричал, говорил, кто он, что ему надо в Келлог, и предупреждал, что юги погибнут, если убьют его; юги не понимают его языка, лишь один старик кричал, что сына Дога не надо убивать; юги убили гагару, подняли её, она тяжёлая, а внутри всё медное; юги поняли, что это был сын Дога; на утро один тот старик встал – остальные мёртвые; так все юги и пропали; если бы сын Дога жив остался, он бы за отца Хоседам убил и наш народ не кончался, большой был бы [Алексеенко 2001: 107-108 (текст 46)].

Прибайкальские буряты: одна девушка забеременела от божества (*хаатай болоо*); хотя она не имела сношения с мужчиной, родители оскорбились её поведением (думали, что она имела дело), и когда надо было родить, крепко-накрепко заперев юрту, оставили её одну; Мэндэ из рода Ханьид был табунщиком у одного богача; он услышал крик и плач в юрте; взобрался на юрту, посмотрел – лежит девушка, всю её раздуло; она говорит: «Прийди, ложись рядом, тогда я рожу»; Мэндэ отворил двери и исполнил просьбу девушки; божественный мальчик родился, ибо он ждал, чтоб был исполнен человеческий обычай; мальчик сделался великим шаманом по имени Эргэл Буга, считался сыном Мэндэ (Мэндэйн хубүүн Эргэл буга); он перед смертью сшил хорьковую шубу и тем принес

жертву своему *бурхану*; потому теперь почитают его шаманы Полонгото бурханом – богом с хорьком [Жамцарано 2001: 74].

Центральные якуты: красивая девушка пошла искать табун кобылиц; по дороге ей повстречался незнакомый человек, который ехал на белой лошади с восточной стороны; после краткого разговора девушка вступила с этим мужчиной в любовную связь; незнакомец признаётся, что он сын божества Хаара-Суорона, живущего в верхней стране; мужчина говорит девушке, что она зачала от него двух сыновей, не знающих смерти и болезней до установленных сроков; он велит ей разрешиться, лёжа на шкуре грязно-пёстрого коня, найти поляну с озером, на которой растёт трёхразвильчатая лиственница; около этого дерева девушка должна родить; мужчина предупредил, что родятся два птенца, чёрные воронята, которые вылетят и сядут на нижние ветки лиственницы; по словам мужчины, девушке необходимо будет обойти вокруг дерева три раза, ударяя по нему нижней своей одеждой, после чего воронята кувырком упадут на разостланную шкуру, затем их нужно засунуть в левой половине юрты у изголовья нижней балки; мужчина рассказал, что через трое суток они заплачут по-детски и превратятся в мальчиков; младший станет сильным шаманом, когда ему исполнится сорок лет, а старший – на сорок первом году; после этой речи дух верхней страны исчез, а его предсказание исполнилось [Ксенофонтов 1992а: 80-81].

IV.9. ШАМАН – СЫН БОЖЕСТВА.

Шаман является сыном некоторого божества.

Прибайкальские буряты [Жамцарано 2001: 74], центральные якуты [Ксенофонтов 1992а: 80-81].

Прибайкальские буряты: одна девушка забеременела от божества (*хаатай болоо*); хотя она не имела сношения с мужчиной, родители оскорбились её поведением (думали, что она имела дело), и когда надо было родить, крепко-накрепко заперев юрту, оставили её одну; Мэндэ из рода Ханьид был табунщиком у одного богача; он услышал крик и плач в юрте; взобрался на юрту, посмотрел – лежит девушка, всю ее раздуло; она говорит: «Прийди, ложись рядом, тогда я рожу»; Мэндэ отворил двери и исполнил просьбу девушки;

божественный мальчик родился, ибо он ждал, чтоб был исполнен человеческий обычай; мальчик сделался великим шаманом по имени Эргэл Буга, считался сыном Мэндэ (Мэндэйн хүбүүн Эргэл буга); он перед смертью сшил хорьковую шубу и тем принес жертву своему бурхану; потому теперь почитают его шаманы Полонгото бурханом – богом с хорьком [Жамцарано 2001: 74].

Центральные якуты: красивая девушка пошла искать табун кобылиц; по дороге ей повстречался незнакомый человек, который ехал на белой лошади с восточной стороны; после краткого разговора девушка вступила с этим мужчиной в любовную связь; незнакомец признаётся, что он сын божества Хаара-Суорона, живущего в верхней стране; мужчина говорит девушке, что она зачала от него двух сыновей, не знающих смерти и болезней до установленных сроков; он велит ей разрешиться, лёжа на шкуре грязно-пёстрого коня, найти поляну с озером, на которой растёт трёхразвильчатая лиственница; около этого дерева девушка должна родить; мужчина предупредил, что родятся два птенца, чёрные воронята, которые вылетят и сядут на нижние ветки лиственницы; по словам мужчины, девушке необходимо будет обойти вокруг дерева три раза, ударяя по нему нижней своей одеждой, после чего воронята кувырком упадут на разостланную шкуру, затем их нужно засунуть в левой половине юрты у изголовья нижней балки; мужчина рассказал, что через трое суток они заплачут по-детски и превратятся в мальчиков; младший станет сильным шаманом, когда ему исполнится сорок лет, а старший – на сорок первом году; после этой речи дух верхней страны исчез, а его предсказание исполнилось [Ксенофонтов 1992а: 80-81].

IV.10. НЕБЕСНАЯ ЖЕНА ШАМАНА.

У шамана есть жена, происходящая из иного мира (чаще всего – верхнего).

Ненцы [Попов 1944: 91-92; Лехтисало 1998: 11-12], нганасаны [Ламбер 1994], кеты [Donner 1933: 94; Алексеенко 1981: 118; 2001: 103-104 (текст 44); 107-108 (текст 46)], северные селькупы [Пелих 1998: 67-68]. Ср. у чукчей [Богораз 1899].

Ненцы: ворожей после ударов бубна отправился на небо к Нуму; тот сказал, что не приглашал ворожея к себе, и велел идти ему к Нга (смерти), в зятя; после семидневных

подземных скитаний ворожей попал к хижине Нга; тот не собирался отдавать ни одну из своих семерых дочерей, а велел оставить ворожея у себя слугой, в противном случае он бы его сожрал; после семидневной борьбы у Нга кончились силы, и он сказал: «Пожалуйста, освободи меня, не убивай! Я дам тебе самую младшую дочь. Оставайся впредь у меня помощником. Если ворожей в Верхнем мире ворожит с умом, то я освобождаю больного»; так ворожей стал зятем смерти; затем ворожей со своей женой спустился ещё дальше, где теперь сидит с землёй в руке; он называется Земляной старик [Лехтисало 1998: 11-12].

Енисейские ненцы: у шаманов духом-женой являлась одна из дочерей северного сияния [Попов 1944: 91-92].

Кеты: *dōg* женился на *hoze.dām*, которая была дочерью женщины из загробного мира; по какой-то причине они должны были отправиться на небо; по пути женщина родила мальчика (*doʹde-hip*); они встретили двух чудовищ (гром) и семерых других чудовищ, которых убили *пальмой*; последнее чудовище, которое было матерью грома и меньшим по размеру, оказалось худшим противником; чум мужа и жены был сожжён и они вместе с ним; мальчик полетел, спустился вниз и превратился в гагару с чёрным горлом; перед смертью отец указал сыну на свою реку; та река – это река *kios siès* наших дней, на которой люди приносят жертвы и где живут сильнейшие шаманы; упавший мальчик кричал, спрашивая где река; незнакомые люди убили его как обычную гагару, а затем съели; после этого все они, и мужчины, и женщины, забеременели; все мужчины погибли из-за этого; женщины родили детей, которые все стали шаманами; таким образом шаманы были принесены в этот мир; от духа гагары все остальные были рождены; именно поэтому шаман никогда не ест гагару с чёрным горлом [Donner 1933: 94].

Кеты: Дого поднялся наверх; Есь его пытается – правда ли, что он семью мыслями ходит, всё исполнить может; Есь попросил принести ему для еды птицу *еккыт*; Дого сходил, принёс; Есь начал есть, кости в Дого кидает, хочет его ранить; Дого увёртывается, ловит кости на лету, в Еся кидает, попадает – только кровь брызжет; Есь сказал, что вспотел, признал, что сила Дого больше, и послал его к Тыгылам, чтобы принести костяной *сюк*; за это Есь пообещал Дого свою дочь [вероятно, рождённую Хоседам. – Е. Д.]; Дого взял рыбы и мяса и полетел; прилетев к Тыгылам, Дого бросил её волкам-стражам еду и вошёл в дом; Тыгылам сидит на *сюке*, разложив на нём *постель*, скоблит её; у Дого с собой был *еккыт*, от которого дом накалился; Тыгылам стало жарко, вспотела вся, сидеть на *сюке* не может,

скатилась с него – *сюк* гладким стал; Дого схватил его и понёс к Есю; тот отдал ему дочь [Алексееенко 2001: 103-104 (текст 44)].

Кеты: шаман Дог жил, когда народился первый снег; на зиму, как лебедь, летал к Томам и там зимовал; когда он возвращался, люди делали ему чум с двумя входами, один против другого; Дог с верхней стороны влетает, с другой вылетает; круг до солнца делает, снова в дверь сверху залетает; когда в седьмой раз залетел, жена на него новый белый платок накинула; подняла платок – там человек, Дог; пока он зимовал у Томам, его сын умер; Дог спросил свою бабу, она ответила, что сына утащила Хоседам; Дог попросил своих людей сделать ему петлю из железа; люди поленились и сделали петлю из черёмухового лыка; зная, что идёт Дог, Хоседам привязала над входом камень, чтобы тот упал и убил шамана; Дог задел камень *альдонем*, который был у него на *шаманской короне*; камень лопнул; Дог спрашивает Хоседам о сыне, она говорит, что не знала, что это его сын; Дог накинул ей на шею петлю, но затянуть не смог – петля не железная, лопнула; тогда Дог ударил Хоседам в висок своей *лопаткой*; Хоседам говорит: «К тебе семь оленей сверху спустятся, на них ты к Есю поднимешься»; Дог не расслышал и спросил свою *затылочную жену*, что сказала мать; жена пожалела свою мать и обманула Дога, сказав, что Хоседам ничего не говорила; если бы Дог узнал правду, он бы вернулся, её прикончил; сверху спустились семь оленей, Дог сказал своим людям, что будем *аргишить*; своей жене он велел взять с собой только чистое бельё; они аргишили, Дог думал – по земле идут, а их тучей подняло вверх, где громы ходят; лесом там идут; Хоседам сделала так, что половина деревьев в том лесу железная; люди стали безуспешно рубить дрова, Дог пошаманил и сказал им, какие дрова нужно рубить; когда они поднялись на небо, нарта бабы Дога застряла: она не послушалась своего мужа, взяла с собой грязные штаны; она дёрнула нарту, *суклам* нарты застряла; до сих пор торчит, иногда её на небе видно; когда люди ночевали, стали греметь громы; у Дога и его сына были *пальмы*, наконечник *пальмы* сына – из меди; но ведь ещё раньше Дог велел своим людям делать железные наконечники; Дог убил шесть маленьких громов; пришла Мать громов, Дог схватил *пальму* сына, но медный наконечник расплавился; люди стали погибать; когда чум Дога загорелся, он поднял берестяную покрывку, толкнул сына в гагарью шкуру и отправил вниз, туда, где сосновая река (Келлог); сын перепутал, полетел на Сым; там он прилетел на озеро к югам, которые стали гонять его на *ветках*; сын Дога кричал, говорил, кто он, что ему надо в Келлог, и предупреждал, что юги погибнут, если убьют его; юги не понимают его языка, лишь один старик кричал, что сына Дога не надо убивать; юги убили гагару, подняли её, она тяжёлая, а внутри всё медное; юги поняли, что

это был сын Дога; на утро один тот старик встал – остальные мёртвые; так все юги и пропали; если бы сын Дога жив остался, он бы за отца Хоседам убил и наш народ не кончался, большой был бы [Алексеевко 2001: 107-108 (текст 46)].

Северные селькупы: шаман Моньга на туче поднялся на небо, женился на Пумыль-нееля – дочери Пари-нума; стал перевозить на небо и свою земную семью; протаскивая нарты сквозь отверстие в небе, уронил маленького сына; успел вызвать силу земли, она удержала мальчика в воздухе; он долго провисел с раскинутыми руками; снизу от земли шел тёмный свет, с неба – белое сияние; спина мальчика стала чёрной, а брюхо – белым, руки превратились в крылья, он стал гагарой; Пари-нум велел гагаре нырнуть в море и достать землю, пообещав вернуть человеческий облик; гагара не смогла этого сделать, осталась птицей [Пелих 1998: 67-68. Цит. по: Берёзкин 2011].

V. ШАМАН И ДЕРЕВО

V.1. ШАМАНСКОЕ ДЕРЕВО.

Рождение, становление, последующая жизнь и смерть шамана так или иначе связаны с определённым деревом либо несколькими деревьями.

Энцы [Лабанаускас 2002б: 219-223], ненцы [Лехтисало 1998: 119], нганасаны [Грачёва 1981: 73-74], долганы [Попов 1937: 59-62], кеты [Анучин 1914: 64; МЛЭ 2009], подкаменнотунгусские эвенки [Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18); Ксенофонтов 1992а: 91-93] и эвенки юга Якутии [Романова, Мыреева 1971: 321-322 (тексты 10, 11)], теленгиты [Потанин 1883: 327-328 (текст 77а); Яданова 2006: 95 (текст № 8)], буряты [Потанин 1883: 168; Сказания бурят 1890: 123-124 (текст LI); Агапитов, Хангалов 1958: 363-364; Румянцев 1969: 86; Михайлов 1996: 62-63], северо-западные (либо долганы) [Васильев 1910: 286], виллойские [Ксенофонтов 1992а: 62-65] и центральные [Ксенофонтов 1992а: 41-42, 50, 52, 80-81, 167-168; 1992б: 241-242; Эргис 1960: 259-262 (текст № 182)] якуты, нанайцы [Шимкевич 1896: 8-11; Лопатин 1922: 237-238; Сем 1996: 134-136; Тураев 2003: 183].

Энцы: сын шамана Дели увидел сон, в котором слышал голос Бога; Бог рассказал ему, что где-то есть священная ель с семью разветвлениями; эта ель качалась на ветру и пела, обращаясь к сыну шамана, она звала его; спустя некоторое время сын шамана увидел во сне дорогу, по которой можно было аргишить к священному месту; шаман и его люди достигают нужного места; шаман вместе с сыном пошёл в лес, чтобы найти подходящий материал для изготовления священной санки; они сделали специальные заготовки, дерево рубил только сам шаман; когда вечером шаман и его сын вернулись в чум, они обратили внимание на две сопки, поросшие елью; там сын шамана увидел свет от ели, которая ему снилась; на следующий день шаман приступил к изготовлению священной санки, он всё делал сам, а сын только сидел рядом и говорил отцу, как что делать; по указанию сына шаман поставил санку подальше от чума, там, где земля была совершенно чистая; утром сын шамана рассказал о своём очередном сне, в котором слышал пение священной ели; сын шамана требует забить трёхгодовалого оленя; оленя забивают, его кровью обмазывают все части священной санки; всю санку накрыли шкурой убитого оленя; после этого сын

сказал шаману, чтобы тот запряг в санку двух оленей и отвёз её к тем сопкам, где в прошлый раз видели ель, от которой исходил свет; шаман сделал всё так, как велел сын; затем шаман сделал для сына бубен, а мать тем временем сшила шаманскую парку и шапку; когда всё было готово, сын шамана начал своё первое камлание; шаман Дели слушал пение сына и ничего не мог понять; сын закончил петь, отложил бубен и рассказал отцу, что священная санка теперь уже не пустая – в ней есть хозяин Нумгыпой, который будет идолом их рода; сын велел отцу поехать к санке, заглянуть вовнутрь, но только через медные очки и одним глазом; только отец мог смотреть на хозяина священной санки; шаман выполнил веление сына; как только шаман увидел Нумгыпоя, оленья шкура сама свернулась; шаман ощупал её и убедился, что внутри есть идол; перед возвращением на прежнее стойбище шаман и его люди забили оленя; через несколько лет шаман Дели умер, священная санка с идолом осталась сыну, и он возил её везде, где бы ни аргишил; когда он тоже умер, у него не было сыновей, поэтому санка с идолом была положена рядом с его могилой-мэро [Лабанаускас 2002б: 219-223].

Долганы: кочевали старший удалец и младший удалец, который желал жену первого; когда они приехали к кочевникам, младший удалец пошёл в чум, где камлал шаман; удалец оскорбляет шамана, тот говорит, что удальцу предстоит опасная встреча с привязанным к трём лиственницам медведем; удальцы откочевали; младший удалец, сделав из гнилого дерева медведя, выпустил его вперед; медведь превратился в большого зверя, удалец пристрелил его из лука; затем, продолжая ехать, удалец сделал из дерева орла, который улетает и садится на дерево; удалец пристрелил и его; после этого удалец сделал и убил сокола; по дороге повстречался большой медведь, привязанный цепями к трём лиственницам; увидев людей, медведь разорвал цепи и пошёл на них; младший удалец хотел выстрелить из лука, но старший обсмеял его; младший удалец убил медведя краем ладони; затем он поехал на то место, где камлал шаман; там уже давно сделали для шамана гроб; спустя несколько лет удальцы остановились около одного стойбища; старший удалец зашёл в чум, в котором камлал шаман; шаман сказал, что удалец встретит медведя, от которого, возможно, погибнет; шаман предупредил, что если удалец его убьёт, то через три года он придёт и съест удальца; удальцы встретили медведя, старший убил его краем ладони; младший удалец вернулся к тому шаману; ему уже делали гроб, но он был ещё жив; младшему удальцу шаман пообещал, что придёт через три года и съест старшего удальца; через три года слышались громкие звуки бубна, младший шаман поехал к соседям и увидел умершего три года назад шамана, который сказал, что придёт ночью к

старшему удальцу; младший удалец передал старшему слова шамана и пообещал помочь; утром младший удалец обнаружил, что его соседа нет в чуме; умирающего соседа нашли на улице, он рассказал, что его забодали рогами двое мать-зверей, и велел младшему удальцу взять его жену; воскресший шаман тоже умер, так как погибший удалец ножом поранил настоящих мать-зверей; противники шаманов делали из дерева медведя, птиц и, внедрив туда духов шамана, убивали их; в старину духи шаманов ходили открыто, но из-за того, что человек умел побеждать их, стали невидимыми [Попов 1937: 59-62].

Кеты: на каждом из небес, за исключением первых двух, стоит *шаманское дерево*; на них сидят духи в виду птиц, которые, по просьбе шамана, если он сам не в состоянии подняться на следующее небо, поднимаются дальше и узнают всё нужное шаману [Анучин 1914: 64].

Кеты (Келлог): шамана забрали на войну; уезжая из дома, он показал одно место и сказал: «Если там появится крест – значит, я умер»; однажды в дерево ударила молния, оно сломалось, появился крест; шаман умер; рассказчик видел этот крест сам [МЛЭ 2009: Ю.М. Сутлин].

Илимпейские либо подкаменнотунгусские эвенки (Нижняя Тунгуска, уроч. Ингаарыкта): на границе дня и ночи стоит дерево; на нём в девяти суках имеются гнёзда, одно выше другого; в этих гнёздах воспитываются души шаманов [Ксенофонтов 1992а: 91].

Илимпейские либо подкаменнотунгусские эвенки (Нижняя Тунгуска, уроч. Ингаарыкта): наверху есть дерево *тууру*, на котором воспитываются души шаманов; чем выше гнездо, в котором шаман воспитывался, тем сильнее он будет; ободок шаманского бубна откалывается от лиственницы, а само дерево продолжает стоять в воспоминание о *тууру*; в память о *тууру* шаман при каждом камлании водружает на дворе около чума дерево с одной или несколькими перекладинами; по этому дереву шаман поднимается на небо [Ксенофонтов 1992а: 92-93].

Подкаменнотунгусские эвенки (п. Полигус, Байкитский р-н, Эвенкийский национальный окр., Красноярский край): шаман Бакадя (*Найдёныш*) мог превращаться в духа-*мэлкен* (невидимку); на стойбище жил другой шаман; рано утром послышался плач ребёнка; много дней все слышали звук, но никто не видел его источник; шаман покамлял и сказал, что это не ребёнок, а шаман, превратившийся в ребёнка; шаман повёл людей искать плачущего, с

собой не взяли вдовца; нашли плачущего ребёнка в люльке, которая висела на лиственнице; шаман, камлая, подпилит дерево, ребёнка взяли и унесли домой; там ему сделали колыбель; за семь дней ребёнок стал взрослым человеком и опять стал шаманить; во время камлания ему подыскали имя – Бакадя; Бакадя много лет лечил людей; зимой Бакадя поссорился с другим шаманом из-за духов-помощников; они устроили состязание: расчистили от снега лёд на реке, сели друг от друга на расстоянии слышимости звука речи, надели шаманские плащи и разговаривали между собой неделю; наступил сильный мороз; о том, что шаманы живы, сообщали колокольчики, которые брякали на их плащах; Бакадя звонил пять дней, другой шаман на пятый день перестал звонить, замёрз; Бакадя звонил ещё два дня, затем пошёл к жене; шаман сказал жене, что они оба должны превратиться в птиц и исчезнуть, так как на этом месте им жить нельзя; шаман предложил лететь на край земли, на море, при этом он велел жене не брать железные подвески на одежде; жена забыла его требование и оставила железный *игольник* в своём поясе; Бакадя полетел с женой и уронил её на землю; она пропала, а Бакадя остался *мэлкэном* [Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18)].

Эвенки юга Якутии: *сама:н буддэкин, мо:н эпкэрэ:вки:* (когда умирает шаман, (его) дерево засыхает) [Романова, Мыреева 1971: 321-322 (текст 10)].

Эвенки юга Якутии: *сагди: мо: ти:ктэкин, сама:н буддэн* (если упадёт старое дерево, умер шаман) [Романова, Мыреева 1971: 321-322 (текст 11)].

Теленгиты (Чуйская степь): Кайракан был прежде охотником; его настоящее имя – Кашка Буурул; он охотился на вершинах рек Катунь, Сумулты, Кабак, Кадрин, Ту Абаган; на одном озере он встретил *муйгака* (моралуху) и хотел убить его; перед ним предстал седой старик с белой бородой; Кашка Буурул всё-таки застрелил *муйгака*; белый старик ударил его змеей, которую держал вместо плети; Кашка Буурул стал от этого удара без ума, приехал домой и начал с той поры камлать; вскоре у него заболел и умер сын; Кашка Буурул отправился на небо к Тэнгри и спросил, почему старик ударил его плетью и вышиб из ума, и за что Тэнгри отнял у него сына; Тэнгри ответил, что это Ерлик, послан которого был белый старик; Кашка Буурул отправился к Ерлику; при его дверях стояли два богатыря с железными костылями; Кашка-Буурул перешиб эти костыли и убежал; Ерлик отправил за ним погоню, но Кашка Буурул спрятался за семьдесят семь слоёв земли; посланники Ерлика вернулись назад, а Кашка Буурул продолжил жить на Алтае; состарившись, он

велел похоронить себя в устье Башкауса и сказал, что если он хороший кам, то на его могиле вырастет берёза, а если худой, то чёрное дерево; на его могиле выросла берёза, поэтому его стали почитать; в его честь вешают небольшой бубен, брызжут молоком [Потанин 1883: 327-328 (текст 77а)].

Прибайкальские буряты: *бурханы* послали коршуна защищать людей; когда его чуть не застрелили, *бурханы* сказали, чтобы он передал кому-нибудь свою чудодейственную силу; он заблудил одну девушку, увёл её в лес, усыпил около свалившегося дерева, сел на него и передал девушке силу; девушка стала видеть *бохолдоев* и угадывать вперёд хорошее и плохое; когда она вернулась домой, брат начал бить её; она обиделась и погрозила ему; брат заболел задержанием мочи; девушка пообещал вылечить его; парня, положив на белый войлок, внесли в юрту; там девушка показала ему висящие на столбе мужские половые органы и велела взять их; когда парень их увидел и взял, он сразу выздоровел; после этого девушка стала шаманкой; *утха* этой шаманко *Шошолок* [Сказания бурят 1890: 123-124 (текст LI)].

Прибайкальские буряты: сначала людей не было, а только существовали *тэнгрии*; западные *тэнгрии* создали людей, которые в первое время жили счастливо, не знали ни болезни, ни горя; но вот люди заслужили немилость злых духов, восточных *тэнгриев* и начали заболеть и умирать; западные *тэнгрии* испугались за участь людей и начали совещаться, как помочь людям; место совещания было на плеядах, а потом на луне; в помощь людям для борьбы со злыми духами решили дать шамана и выбрали для этого орла; орел был бог (сын Сам-Сагай-Саган дочери неба Сар-Саган, принадлежащего к восточным *тэнгриям*); хотя орел и помогал людям, отгоняя злых духов, но люди ему не доверяли, видели в нем простую птицу; орел не мог подавать людям советы, так как его языка люди не понимали, и говорить орел не мог; орел возвратился на небо и рассказал о своей неудаче западным *тэнгриям* и просил: или шаманом сделать бурята, или дать ему позволение говорить по-человечески; боги решили, чтобы орел передал свое шаманское звание первому встречному человеку; спустившись на землю, орел заметил под деревом спящую женщину, ушедшую от своего мужа: орел вступил с ней в связь, и женщина забеременела, после чего она вернулась к мужу; восточные *тэнгрии* подослали *шулмуса*, который обратился в красивую женщину и побуждал бурята прогнать первую жену; орел явился на помощь, схватил *шулмуса* и бросил его за море Халхин-далай (Ветреное море); затем женщина родила сына (от орла), который и сделался первым шаманом – Мэргэн-

Хара (у балаганских бурят) или Бохоли-Хара; по другому варианту легенды шаманом сделалась сама женщина; при этом она стала различать и видеть злых и добрых духов [Агапитов, Хангалов 1958: 363-365].

Прибайкальские (идинские) буряты: первый хордутский шаман Долhoto-Зогдор, прослышав о шаманке Мудай, отправился к ней в Обусу; подъезжая к юрте Мудай, он превратил коня во льва, а сзади на поводу повёл медведя; вместо кнута у него была тонкая змея, на правом плече его рос кедр, а на левом – ель; Долhoto-Зогдор, попросил Мудай выйти ему навстречу; Мудай, находившаяся в этот момент в юрте, услышав, что приехал великий шаман, чтобы сразиться с ней, вынула из своей утробы трёхмесячный плод, положила его над дверью, села и крикнула великому шаману: «Залу хун идэрху, гулгун нохой шудэрху (юноша – задористый, щенок – кусачий)»; Долhoto-Зогдор, войдя в юрту, упал замертво от нечистот плода, положенного Мудай над дверью; Мудай подумала, что если не воскресить сражённого ею шамана, могут возникнуть дурные последствия; она воскресила своего *противника*, совершив очищение корой священного дерева *едо* (пихты); ожив, Долhoto-Зогдор дал клятву Мудай впредь никогда не причинять никакого вреда потомству Мудай (онгоевскому роду); Долhoto-Зогдор остался в Обусе и жил в мире с Мудай-иби [Румянцев 1969: 86].

Центральные якуты (о-в Тоён-Арыы, р. Лена = 1-й Мальжегарский наслег Западно-Кангаласского улуса): на небесах есть дерево *Бйык-Мас*, вершина которого доходит до девятого неба; начиная от корня до самой верхушки, дерево покрыто наростами, но ясных ветвей на нём нет; в этих наростах зарождаются шаманы, шаманки и все, кто знаком с колдовством и магией; сильные рождаются у основания ствола, шаманы полной силы зарождаются у корня дерева, в наросте величиной с небольшой курган; самые большие шаманы воспитываются и укачиваются в особой зыбке в нижней стране у злых духов – *Харса-Джабын* («Духи раздора и зла»); там есть кузнец – Кыдай-Бахсы, у которого предварительно свариваются, закаляются и выходят кузнецы и шаманы [Ксенофонов 1992а: 41].

Центральные якуты (о-в Тоён-Арыы, р. Лена = 1-й Мальжегарский наслег Западно-Кангаласского улуса): душа шамана зарождается внизу у горы *Джокуо*; там растёт большая ель с отломанной верхушкой и с ветвями, направленными вниз; у каждого сучка этого

дерева – птичьи гнёзда; шаманы, которых воспитали в гнёздах верхних ветвей, будут сильнее и старше воспитывавшихся в нижних гнёздах [Ксенофонтов 1992а: 41-42].

Центральные якуты (о-в Тоён-Арыы, р. Лена = 1-й Мальжегарский наслег Западно-Кангаласского улуса): у каждого шамана есть мать-зверь (*иньэ-кыыла*), которая, сойдя в нижнюю страну с душой имеющего быть шаманом, воспитывает его там на ветви елового дерева; душа большого шамана воспитывается на девятом ряду ветвей, считая снизу [Ксенофонтов 1992а: 50].

Центральные якуты (о-в Тоён-Арыы, р. Лена = 1-й Мальжегарский наслег Западно-Кангаласского улуса): существует особое шаманское дерево *Аар-Кудук-Мас*, на ветвях которого много гнёзд на подобие птичьих; в этих гнёздах воспитываются души шаманов; когда происходит состязание шаманов, то последние стараются прежде всего разломать гнездо своего противника; побеждает тот, кто успеет это первым сделать [Ксенофонтов 1992а: 52].

Центральные якуты: красивая девушка пошла искать табун кобылиц; по дороге ей повстречался незнакомый человек, который ехал на белой лошади с восточной стороны; после краткого разговора девушка вступила с этим мужчиной в любовную связь; незнакомец признаётся, что он сын божества Хаара-Суорона, живущего в верхней стране; мужчина говорит девушке, что она зачала от него двух сыновей, не знающих смерти и болезней до установленных сроков; он велит ей разрешиться, лёжа на шкуре грязно-пёстрого коня, найти поляну с озером, на которой растёт трёхразвильчатая лиственница; около этого дерева девушка должна родить; мужчина предупредил, что родятся два птенца, чёрные воронята, которые вылетят и сядут на нижние ветки лиственницы; по словам мужчины, девушке необходимо будет обойти вокруг дерева три раза, ударяя по нему нижней своей одеждой, после чего воронята кувырком упадут на разостланную шкуру, затем их нужно засунуть в левой половине юрты у изголовья нижней балки; мужчина рассказал, что через трое суток они заплачут по-детски и превратятся в мальчиков; младший станет сильным шаманом, когда ему исполнится сорок лет, а старший – на сорок первом году; после этой речи дух верхней страны исчез, а его предсказание исполнилось [Ксенофонтов 1992а: 80-81].

Центральные якуты (Олбинский наслег Таттинского р-на): шаман Дойомпо, когда ему было десять лет, каждый вечер заходил в *хоттон* и исчезал там; родители искали своего сына, зажигая лучину, но не находили его; если шаман считал вознаграждение за камлание недостаточным, то выходя из дома, падал и садился на пол; в этот же день умирал один из лучших людей или пропадала лучшая скотина; каждый год шаман рожал вечером девятого января, он рожал на холме с маленьким озерцом, рожал через пуп рыбу-щуку, которую выпускал в озеро; после того, как один старик дал ему мало водки, шаман обратился в вихрь, вынул и сожрал *кут* его единственной дочери; ребёнок начинает болеть, старик просит о помощи Дойомпо, но тот отказывается; старик обращается к приёмному отцу своей дочери, который идёт к Дойомпо и угрозами заставляет его прийти к больному ребёнку; увидев шамана, девочка требует увести его прочь; Дойомпо отводят в соседний дом, где он начинает камлать; шаман заявляет, что дух не поддался ему и уходит домой; ребёнок умирает; шаман ссорится с богачом и в течение трёх лет пытается его съесть, но *кут* богача убежал от него в дом солнца; когда шаман приходил, чтобы съесть лошадей богача, то его не подпускал жеребец; когда пытался съесть рогатый скот, не подпускал его бык-пороз; в итоге шаману удаётся съесть лишь единственную дочь богача; священник приводит шамана в церковь, заставляет класть поклоны; шаман долго ищет *кут* священника; увидев большую ель у начала дороги, шаман предполагает, что в ней находится *кут* священника, превращается в гром и разбивает ель, из-за чего священник умирает; шаман намеревается погубить богача; во время тумана ко двору богача приходит *абаасы* шамана в виде быка; бык поднимает *урасу* и опрокидывает её, затем обращается в вихрь, поднимает *урасу* и уносит её; когда шаман постарел, к нему пришли люди, заставившие его переселиться в другую местность; шаман проклинает князя, приказавшего это сделать; приехав на новое место, шаман лежал при смерти; около него стояла толстая трость, с которой он не расставался всю жизнь; когда трость с треском разломалась по середине, люди увидели, что шаман умер [Эргис 1960: 259-262 (текст № 182)].

Вилюйские якуты (Хаданский наслег Хочинского улуса): младший из двух братьев женился; весной родился красно-пегий жеребёнок, который обещал быть хорошим конём; осенью младший брат заболел и умер; лёжа мёртвым, он всё видел и слышал; его похоронили; он услышал, что наверху кто-то начал разрывать могилу; крышка гроба открылась и погребённый увидел четырёх чёрных людей; они его подняли, усадили и повернули лицом в сторону дома; из глубины могилы с рёвом показался чёрный бык с близко сходящимися рогами; бык захватил сидящего человека между рогами и спустился

обратно по тому отверстию, по которому поднялся; они добрались до места, где был дом; из дома слышался голос, приказавший принести человека; выскочили чёрные люди, схватили принесённого, занесли его в дом и посадили на ладонь старика; старик определил тяжесть человека и сказал, чтобы его несли обратно; бык вынес человека обратно и усадил на прежнее место; ночью прилетел чёрный ворон, который поднял человека и полетел с ним наверх; они пролетели через отверстие и оказались в месте, где тоже светило солнце и луна, а дома и амбары были из железа; местные люди были вороноголовыми; изнутри дома слышался голос, велевший принести человека; выскочившие парни выполнили приказ и посадили человека на ладони старика; старик, испытав на ладони его на тяжесть, велел парням положить человека на самое верхнее гнездо; парни выполнили приказ; гнездо было на лиственнице, верхушка которой достигала неба; на гнездо прилетел белый крылатый олень, соски которого приходились человеку прямо в рот; он начал сосать их; человек лежал там три года; чем больше он сосал оленя, тем меньше становилось его тело, пока не стало с напёрсток; лёжа в гнезде, человек однажды услышал голос старика, велевшего одному из своих сыновей спуститься на среднюю землю и принести оттуда жену; сын старика вернулся, держа за волосы женщину; началось пиршество; лежащий в гнезде услышал голос, говорящий, что их сын, который живёт в средней земле, возможно, поднимется за женщиной; женщину заперли в амбар; лежащий в гнезде услышал гром шаманского бубна в средней земле; доносились приближающиеся звуки пения и в выходном отверстии показалась голова шамана; поднявшись, шаман приставил поперёк ко лбу колотушку своего бубна, затем превратился в быка с единственным рогом, выбил двери амбара, где была заперта женщина, и вместе с ней спустился вниз; сын старика снова отправился на среднюю землю и вернулся с другой женщиной; её запрятали, уменьшив в крошечное насекомое, у среднего столба юрты; снова слышались звуки бубна и пения шамана; шаман нашёл женщину, раздробив столб, и унёс её вниз; сын старика спустился в третий раз и вернулся с той же женщиной; верхние люди заранее приготовились: у выходного отверстия зажгли костёр и, держа в руках горящие головни, стали около; когда в отверстии показался шаман, они, ударяя головнями, спровадили его обратно; к концу третьего года лежащий в гнезде услышал голос старика, давший ему имя Ааджа-Шаман и сказавший, что настало время послать его вниз, вселить в женщину, которая затем родит его; только вступив в пятилетний возраст, этот человек вспомнил, как раньше родился и жил на земле, как возродился наверху; с восьми лет он начал шаманить, а с двенадцати стал великим шаманом; он родился недалеко от места, где жил в первое своё рождение; жена его вышла замуж, а пегий жеребёнок стал знаменитым конём; на одном *ысыахе* молодой

шаман встретил того шамана, который поднимался наверх, когда он лежал в гнезде; тот его узнал и сказал, что видел его в гнезде, сосущим мать-зверя; молодой шаман разгневался из-за того, что секрет его рождения разглашается; в ту же ночь он умертвил старого шамана [Ксенофонов 1992а: 62-65].

Кур-урмийские нанайцы: первые люди были бессмертными, после своей смерти они возрождались; первые два человека достигли глубокой старости и жили со своим престарелым сыном Долдчу-Ходаем; людей стало очень много; Долдчу-Ходай ушёл в пещеру, чтобы прекратить возрождение; отец завалил вход большим камнем, но возрождение человечества не прекратилось; старуха заткнула вход звериными шкурами и сказала, что, когда последняя истлеет, возрождение прекратится; на другое утро на небе взошли три солнца; от жары стало гибнуть всё живое; ночью взошли три луны; старик построил фанзу из камня *оуса*, приготовил лук и стрелы, застрелил лишние светила; необходимо было хоронить людей; старик увидел во сне *конгуру-загде* (шаманское дерево) и услышал голос, рассказавший как сделать шаманский костюм; пояс и бубен будут переносить в *бун*, помощниками будут бурханы Бучу и птица Кори [Шимкевич 1896: 8-11; Сем 1996: 135-136].

Верхнеамурские нанайцы (с. Муху): вначале на земле жили двое людей: брат Ходай и сестра Мямнди; Мямнди укусила палец, из него побежала кровь; из капли крови, упавшей на землю, образовались один мужчина и две женщины; у женщин родились дети, от которых произошли все люди; существовало три солнца, поэтому было слишком светло и жарко; Мямнди сказала брату Ходай, чтобы он прострелил лишнее солнце; Ходай потушил стрелами из лука два солнца; людям стало жить легче, они начали плодиться ещё больше; их стало слишком много; Мямнди спросила брата, почему он не откроет дверь на тот свет; Ходай пошёл искать эту дверь, нашёл её и отпер; люди стали умирать, на земле накопилось много трупов, но хоронить было некому, так как шаманов ещё не было; Ходай увидел сон, в котором к нему явился *сеон* и сказал, что хочет сделать его шаманом, умеющим хоронить людей и провожать их в *бун*; *сеон* велел Ходай идти в лес, найти там шаманское дерево, на котором растут *толи*, *конгокта* и рога; утром Ходай отправился в лес и нашёл шаманское дерево; Ходай выбрал себе множество шаманских вещей, положил их в мешок и принёс домой; ночью все эти вещи зашумели, сказали, что их будет слишком много для одного Ходай; когда Ходай развязал мешок, шаманские вещи полетели в разные стороны к людям, достойным шаманского звания; появилось много шаманов, Ходай стал

вместе с ними хоронить умерших и уводить души их в *буни*; Ходай было трудно ездить вверх по реке, поэтому он сделал так, чтобы одна половина реки текла вверх от его фанзы, а другая вниз; но догадался Ходай, что люди обленятся, и пустил всю воду вниз [Лопатин 1922: 237-238; Сем 1996: 134-135].

V.2. ВЫРАЩЕННЫЙ НА ДЕРЕВЕ.

Души шаманов выращиваются на дереве (если указано, то это лиственница, реже – ель).

Эвенки (илимпийские либо подкаменнотунгусские) [Ксенофонтов 1992а: 91-93], центральные [Ксенофонтов 1992а: 41-42, 50, 52] и вилкойские [Ксенофонтов 1992а: 62-65] якуты.

Илимпийские либо подкаменнотунгусские эвенки (Нижняя Тунгуска, уроч. Ингаарыкта): на границе дня и ночи стоит дерево; на нём в девяти суках имеются гнёзда, одно выше другого; в этих гнёздах воспитываются души шаманов [Ксенофонтов 1992а: 91].

Илимпийские либо подкаменнотунгусские эвенки (Нижняя Тунгуска, уроч. Ингаарыкта): наверху есть дерево *тууру*, на котором воспитываются души шаманов; чем выше гнездо, в котором шаман воспитывался, тем сильнее он будет; ободок шаманского бубна откалывается от лиственницы, а само дерево продолжает стоять в воспоминание о *тууру*; в память о *тууру* шаман при каждом камлании водружает на дворе около чума дерево с одной или несколькими перекладинами; по этому дереву шаман поднимается на небо [Ксенофонтов 1992а: 92-93].

Центральные якуты (о-в Тоён-Арыы, р. Лена = 1-й Мальжегарский наслег Западно-Кангаласского улуса): на небесах есть дерево *Ыйык-Мас*, вершина которого доходит до девятого неба; начиная от корня до самой верхушки, дерево покрыто наростами, но ясных ветвей на нём нет; в этих наростах зарождаются шаманы, шаманки и все, кто знаком с колдовством и магией; сильные рождаются у основания ствола, шаманы полной силы зарождаются у корня дерева, в наросте величиной с небольшой курган; самые большие шаманы воспитываются и укачиваются в особой зыбке в нижней стране у злых духов –

Харса-Джабын («Духи раздора и зла»); там есть кузнец – Кыдай-Бахсы, у которого предварительно свариваются, закаляются и выходят кузнецы и шаманы [Ксенофонтов 1992а: 41].

Центральные якуты (о-в Тоён-Арыы, р. Лена = 1-й Мальжегарский наслег Западно-Кангаласского улуса): душа шамана зарождается внизу у горы *Джокуо*; там растёт большая ель с отломанной верхушкой и с ветвями, направленными вниз; у каждого сучка этого дерева – птичьи гнёзда; шаманы, которых воспитали в гнёздах верхних ветвей, будут сильнее и старше воспитывавшихся в нижних гнёздах [Ксенофонтов 1992а: 41-42].

Центральные якуты (о-в Тоён-Арыы, р. Лена = 1-й Мальжегарский наслег Западно-Кангаласского улуса): у каждого шамана есть мать-зверь (*иньэ-кыыла*), которая, сойдя в нижнюю страну с душой имеющего быть шаманом, воспитывает его там на ветви елового дерева; душа большого шамана воспитывается на девятом ряду ветвей, считая снизу [Ксенофонтов 1992а: 50].

Центральные якуты (о-в Тоён-Арыы, р. Лена = 1-й Мальжегарский наслег Западно-Кангаласского улуса): существует особое шаманское дерево *Аар-Кудук-Мас*, на ветвях которого много гнёзд на подобие птичьих; в этих гнёздах воспитываются души шаманов; когда происходит состязание шаманов, то последние стараются прежде всего разломать гнездо своего противника; побеждает тот, кто успеет это первым сделать [Ксенофонтов 1992а: 52].

Виллюйские якуты (Хаданский наслег Хочинского улуса): младший из двух братьев женился; весной родился красно-пегий жеребёнок, который обещал быть хорошим конём; осенью младший брат заболел и умер; лёжа мёртвым, он всё видел и слышал; его похоронили; он услышал, что наверху кто-то начал разрывать могилу; крышка гроба открылась и погребённый увидел четырёх чёрных людей; они его подняли, усадили и повернули лицом в сторону дома; из глубины могилы с рёвом показался чёрный бык с близко сходящимися рогами; бык захватил сидящего человека между рогами и спустился обратно по тому отверстию, по которому поднялся; они добрались до места, где был дом; из дома послышался голос, приказавший принести человека; выскочили чёрные люди, схватили принесённого, занесли его в дом и посадили на ладонь старика; старик определил тяжесть человека и сказал, чтобы его несли обратно; бык вынес человека обратно и усадил

на прежнее место; ночью прилетел чёрный ворон, который поднял человека и полетел с ним наверх; они пролетели через отверстие и оказались в месте, где тоже светили солнце и луна, а дома и амбары были из железа; местные люди были вороноголовыми; изнутри дома послышался голос, велевший принести человека; выскочившие парни выполнили приказ и посадили человека на ладони старика; старик, испытав на ладони его на тяжесть, велел парням положить человека на самое верхнее гнездо; парни выполнили приказ; гнездо было на лиственнице, верхушка которой достигала неба; на гнездо прилетел белый крылатый олень, соски которого приходились человеку прямо в рот; он начал сосать их; человек лежал там три года; чем больше он сосал оленя, тем меньше становилось его тело, пока не стало с напёрсток; лёжа в гнезде, человек однажды услышал голос старика, велевшего одному из своих сыновей спустится на среднюю землю и принести оттуда жену; сын старика вернулся, держа за волосы женщину; началось пиршество; лежащий в гнезде услышал голос, говорящий, что их сын, который живёт в средней земле, возможно, поднимется за женщиной; женщину заперли в амбар; лежащий в гнезде услышал гром шаманского бубна в средней земле; доносились приближающиеся звуки пения и в выходном отверстии показалась голова шамана; поднявшись, шаман приставил поперёк ко лбу колотушку своего бубна, затем превратился в быка с единственным рогом, выбил двери амбара, где была заперта женщина, и вместе с ней спустился вниз; сын старика снова отправился на среднюю землю и вернулся с другой женщиной; её запрятали, уменьшив в крошечное насекомое, у среднего столба юрты; снова послышались звуки бубна и пения шамана; шаман нашёл женщину, раздробив столб, и унёс её вниз; сын старика спустился в третий раз и вернулся с той же женщиной; верхние люди заранее приготовились: у выходного отверстия зажгли костёр и, держа в руках горящие головни, стали около; когда в отверстии показался шаман, они, ударяя головнями, спровадили его обратно; к концу третьего года лежащий в гнезде услышал голос старика, давший ему имя Ааджа-Шаман и сказавший, что настало время послать его вниз, вселить в женщину, которая затем родит его; только вступив в пятилетний возраст, этот человек вспомнил, как раньше родился и жил на земле, как возродился наверху; с восьми лет он начал шаманить, а с двенадцати стал великим шаманом; он родился недалеко от места, где жил в первое своё рождение; жена его вышла замуж, а пегий жеребёнок стал знаменитым конём; на одном *ысыахе* молодой шаман встретил того шамана, который поднимался наверх, когда он лежал в гнезде; тот его узнал и сказал, что видел его в гнезде, сосущим мать-зверя; молодой шаман разгневался из-за того, что секрет его рождения разглашается; в ту же ночь он умертвил старого шамана [Ксенофонов 1992а: 62-65].

V.3. ВЫСОКОЕ ГНЕЗДО.

Чем выше гнездо, в котором воспитывался шамана, тем сильнее он будет.

Эвенки (илимпийские либо подкаменнотунгусские) [Ксенофонтов 1992а: 92-93], центральные якуты [Ксенофонтов 1992а: 41-42].

Илимпийские либо подкаменно-тунгусские эвенки (Нижняя Тунгуска, уроч. Ингаарыкта): наверху есть дерево *тууру*, на котором воспитываются души шаманов; чем выше гнездо, в котором шаман воспитывался, тем сильнее он будет; ободок шаманского бубна откалывается от лиственницы, а само дерево продолжает стоять в воспоминание о *тууру*; в память о *тууру* шаман при каждом камлании водружает на дворе около чума дерево с одной или несколькими перекладинами; по этому дереву шаман поднимается на небо [Ксенофонтов 1992а: 92-93].

Центральные якуты (о-в Тоён-Арыы, р. Лена = 1-й Мальжегарский наслег Западно-Кангаласского улуса): душа шамана зарождается внизу у горы *Джокуо*; там растёт большая ель с отломанной верхушкой и с ветвями, направленными вниз; у каждого сучка этого дерева – птичьи гнёзда; шаманы, которых воспитали в гнёздах верхних ветвей, будут сильнее и старше воспитывавшихся в нижних гнёздах [Ксенофонтов 1992а: 41-42].

V.4. НОВОРОЖДЁННЫЙ ШАМАН И ДЕРЕВО.

Шаманы рождаются около лиственницы либо шамана-младенца находят на лиственнице.

Подкаменнотунгусские эвенки [Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18)], центральные якуты [Ксенофонтов 1992а: 80-81].

Подкаменнотунгусские эвенки (п. Полигус, Байкитский р-н, Эвенкийский национальный окр., Красноярский край): шаман Бакадя (*Найдёныш*) мог превращаться в духа-мэлкен (невидимку); на стойбище жил другой шаман; рано утром послышался плач ребёнка; много дней все слышали звук, но никто не видел его источник; шаман покамлал и сказал, что это

не ребёнок, а шаман, превратившийся в ребёнка; шаман повёл людей искать плачущего, с собой не взяли вдовца; нашли плачущего ребёнка в люльке, которая висела на лиственнице; шаман, камлая, подпилит дерево, ребёнка взяли и унесли домой; там ему сделали колыбель; за семь дней ребёнок стал взрослым человеком и опять стал шаманить; во время камлания ему подыскали имя – Бакадя; Бакадя много лет лечил людей; зимой Бакадя поссорился с другим шаманом из-за духов-помощников; они устроили состязание: расчистили от снега лёд на реке, сели друг от друга на расстоянии слышимости звука речи, надели шаманские плащи и разговаривали между собой неделю; наступил сильный мороз; о том, что шаманы живы, сообщали колокольчики, которые брякали на их плащах; Бакадя звонил пять дней, другой шаман на пятый день перестал звонить, замёрз; Бакадя звонил ещё два дня, затем пошёл к жене; шаман сказал жене, что они оба должны превратиться в птиц и исчезнуть, так как на этом месте им жить нельзя; шаман предложил лететь на край земли, на море, при этом он велел жене не брать железные подвески на одежде; жена забыла его требование и оставила железный *игольник* в своём поясе; Бакадя полетел с женой и уронил её на землю; она пропала, а Бакадя остался *мэлкэном* [Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18)].

Центральные якуты: красивая девушка пошла искать табун кобылиц; по дороге ей повстречался незнакомый человек, который ехал на белой лошади с восточной стороны; после краткого разговора девушка вступила с этим мужчиной в любовную связь; незнакомец признаётся, что он сын божества Хаара-Суорона, живущего в верхней стране; мужчина говорит девушке, что она зачала от него двух сыновей, не знающих смерти и болезней до установленных сроков; он велит ей разрешиться, лёжа на шкуре грязно-пёстрого коня, найти поляну с озером, на которой растёт трёхразвильчатая лиственница; около этого дерева девушка должна родить; мужчина предупредил, что родятся два птенца, чёрные воронята, которые вылетят и сядут на нижние ветки лиственницы; по словам мужчины, девушке необходимо будет обойти вокруг дерева три раза, ударяя по нему нижней своей одеждой, после чего воронята кувырком упадут на разостланную шкуру, затем их нужно засунуть в левой половине юрты у изголовья нижней балки; мужчина рассказал, что через трое суток они заплачут по-детски и превратятся в мальчиков; младший станет сильным шаманом, когда ему исполнится сорок лет, а старший – на сорок первом году; после этой речи дух верхней страны исчез, а его предсказание исполнилось [Ксенофонтов 1992а: 80-81].

V.5. ДЕРЕВО И ПЕРЕДАЧА ШАМАНСКИХ СИЛ.

Передача шаманских сил от птицы человеку происходит около дерева.

Прибайкальские буряты [Сказания бурят 1890: 123-124 (текст LI); Агапитов, Хангалов 1958: 363-364].

Прибайкальские буряты: *бурханы* послали коршуна защищать людей; когда его чуть не застрелили, *бурханы* сказали, чтобы он передал кому-нибудь свою чудодейственную силу; он заблудил одну девушку, увёл её в лес, усыпил около свалившегося дерева, сел на него и передал девушке силу; девушка стала видеть *бохолдоев* и угадывать вперёд хорошее и плохое; когда она вернулась домой, брат начал бить её; она обиделась и погрозила ему; брат заболел задержанием мочи; девушка пообещал вылечить его; парня, положив на белый войлок, внесли в юрту; там девушка показала ему висящие на столбе мужские половые органы и велела взять их; когда парень их увидел и взял, он сразу выздоровел; после этого девушка стала шаманкой; *утха* этой шаманко *Шошолок* [Сказания бурят 1890: 123-124 (текст LI)].

Прибайкальские буряты: сначала людей не было, а только существовали *тэнгрии*; западные *тэнгрии* создали людей, которые в первое время жили счастливо, не знали ни болезни, ни горя; но вот люди заслужили немилость злых духов, восточных *тэнгриев* и начали заболеть и умирать; западные *тэнгрии* испугались за участь людей и начали совещаться, как помочь людям; место совещания было на плеядах, а потом на луне; в помощь людям для борьбы со злыми духами решили дать шамана и выбрали для этого орла; орел был бог (сын Сам-Сагай-Саган дочери неба Сар-Саган, принадлежащего к восточным *тэнгриям*); хотя орел и помогал людям, отгоняя злых духов, но люди ему не доверяли, видели в нем простую птицу; орел не мог подавать людям советы, так как его языка люди не понимали, и говорить орел не мог; орел возвратился на небо и рассказал о своей неудаче западным *тэнгриям* и просил: или шаманом сделать бурята, или дать ему позволение говорить по-человечески; боги решили, чтобы орел передал свое шаманское звание первому встречному человеку; спустившись на землю, орел заметил под деревом спящую женщину, ушедшую от своего мужа: орел вступил с ней в связь, и женщина забеременела, после чего она вернулась к мужу; восточные *тэнгрии* подослали *шулмуса*,

который обратился в красивую женщину и побуждал бурята прогнать первую жену; орел явился на помощь, схватил *шулмуса* и бросил его за море Халхин-далай (Ветреное море); затем женщина родила сына (от орла), который и сделался первым шаманом — Мэргэн-Хара (у балаганских бурят) или Бохоли-Хара; по другому варианту легенды шаманом сделалась сама женщина; при этом она стала различать и видеть злых и добрых духов [Агапитов, Хангалов 1958: 363-365].

V.6. ДЕРЕВО ЯВЛЯЕТСЯ ВО СНЕ.

Будущему шаману во сне является дерево, рассказывает ему, какие действия необходимо совершить (провести обряд, изготовить шаманские принадлежности и т.п.).

Энцы [Лабанаускас 2002б: 219-223], кур-урмийские [Шимкевич 1896: 8-11; Сем 1996: 135-136] и верхнеамурские [Лопатин 1922: 237-238; Сем 1996: 134-135] нанайцы.

Энцы: сын шамана Дели увидел сон, в котором слышал голос Бога; Бог рассказал ему, что где-то есть священная ель с семью разветвлениями; эта ель качалась на ветру и пела, обращаясь к сыну шамана, она звала его; спустя некоторое время сын шамана увидел во сне дорогу, по которой можно было аргишить к священному месту; шаман и его люди достигают нужного места; шаман вместе с сыном пошёл в лес, чтобы найти подходящий материал для изготовления священной санки; они сделали специальные заготовки, дерево рубил только сам шаман; когда вечером шаман и его сын вернулись в чум, они обратили внимание на две сопки, поросшие елью; там сын шамана увидел свет от ели, которая ему снилась; на следующий день шаман приступил к изготовлению священной санки, он всё делал сам, а сын только сидел рядом и говорил отцу, как что делать; по указанию сына шаман поставил санку подальше от чума, там, где земля была совершенно чистая; утром сын шамана рассказал о своём очередном сне, в котором слышал пение священной ели; сын шамана требует забить трёхгодовалого оленя; оленя забивают, его кровью обмазывают все части священной санки; всю санку накрыли шкурой убитого оленя; после этого сын сказал шаману, чтобы тот запряг в санку двух оленей и отвёз её к тем сопкам, где в прошлый раз видели ель, от которой исходил свет; шаман сделал всё так, как велел сын; затем шаман сделал для сына бубен, а мать тем временем сшила шаманскую парку и шапку; когда всё было готово, сын шамана начал своё первое камлание; шаман Дели

слушал пение сына и ничего не мог понять; сын закончил петь, отложил бубен и рассказал отцу, что священная санка теперь уже не пустая – в ней есть хозяин Нумгыпой, который будет идолом их рода; сын велел отцу поехать к санке, заглянуть вовнутрь, но только через медные очки и одним глазом; только отец мог посмотреть на хозяина священной санки; шаман выполнил веление сына; как только шаман увидел Нумгыпоя, оленья шкура сама свернулась; шаман ощупал её и убедился, что внутри есть идол; перед возвращением на прежнее стойбище шаман и его люди забили оленя; через несколько лет шаман Дели умер, священная санка с идолом осталась сыну, и он возил её везде, где бы ни аргишил; когда он тоже умер, у него не было сыновей, поэтому санка с идолом была положена рядом с его могилой-*мэро* [Лабанаускас 2002б: 219-223].

Кур-урмийские нанайцы: первые люди были бессмертными, после своей смерти они возрождались; первые два человека достигли глубокой старости и жили со своим престарелым сыном Долдчу-Ходаем; людей стало очень много; Долдчу-Ходай ушёл в пещеру, чтобы прекратить возрождение; отец завалил вход большим камнем, но возрождение человечества не прекратилось; старуха заткнула вход звериными шкурами и сказала, что, когда последняя истлеет, возрождение прекратится; на другое утро на небе взошли три солнца; от жары стало гибнуть всё живое; ночью взошли три луны; старик построил фанзу из камня *оуса*, приготовил лук и стрелы, застрелил лишние светила; необходимо было хоронить людей; старик увидел во сне *конгуру-загде* (шаманское дерево) и услышал голос, рассказавший как сделать шаманский костюм; пояс и бубен будут переносить в *бун*, помощниками будут бурханы Бучу и птица Кори [Шимкевич 1896: 8-11; Сем 1996: 135-136].

Верхнеамурские нанайцы (с. Муху): вначале на земле жили двое людей: брат Ходай и сестра Мямнди; Мямнди укусила палец, из него побежала кровь; из капли крови, упавшей на землю, образовались один мужчина и две женщины; у женщин родились дети, от которых произошли все люди; существовало три солнца, поэтому было слишком светло и жарко; Мямнди сказала брату Ходай, чтобы он прострелил лишнее солнце; Ходай потушил стрелами из лука два солнца; людям стало жить легче, они начали плодиться ещё больше; их стало слишком много; Мямнди спросила брата, почему он не откроет дверь на тот свет; Ходай пошёл искать эту дверь, нашёл её и отпер; люди стали умирать, на земле накопилось много трупов, но хоронить было некому, так как шаманов ещё не было; Ходай увидел сон, в котором к нему явился *сеон* и сказал, что хочет сделать его шаманом,

умеющим хоронить людей и провожать их в *бун*; *сеон* велел Ходай идти в лес, найти там шаманское дерево, на котором растут *толи*, *конгокта* и рога; утром Ходай отправился в лес и нашёл шаманское дерево; Ходай выбрал себе множество шаманских вещей, положил их в мешок и принёс домой; ночью все эти вещи зашумели, сказали, что их будет слишком много для одного Ходай; когда Ходай развязал мешок, шаманские вещи полетели в разные стороны к людям, достойным шаманского звания; появилось много шаманов, Ходай стал вместе с ними хоронить умерших и уводить души их в *бун*; Ходай было трудно ездить вверх по реке, поэтому он сделал так, чтобы одна половина реки текла вверх от его фанзы, а другая вниз; но догадался Ходай, что люди обленятся, и пустил всю воду вниз [Лопатин 1922: 237-238; Сем 1996: 134-135].

V.7. ДЕРЕВО И ДУХИ-ПОМОЩНИКИ.

Духи-помощники шамана обитают на дереве, около дерева.

Долганы [Попов 1937: 59-62], кеты [Анучин 1914: 64].

Долганы: кочевали старший удалец и младший удалец, который желал жену первого; когда они приехали к кочевникам, младший удалец пошёл в чум, где камлал шаман; удалец оскорбляет шамана, тот говорит, что удальцу предстоит опасная встреча с привязанным к трём лиственницам медведем; удальцы откочевали; младший удалец, сделав из гнилого дерева медведя, выпустил его вперед; медведь превратился в большого зверя, удалец пристрелил его из лука; затем, продолжая ехать, удалец сделал из дерева орла, который улетаёт и садится на дерево; удалец пристрелил и его; после этого удалец сделал и убил сокола; по дороге повстречался большой медведь, привязанный цепями к трём лиственницам; увидев людей, медведь разорвал цепи и пошёл на них; младший удалец хотел выстрелить из лука, но старший обсмеял его; младший удалец убил медведя краем ладони; затем он поехал на то место, где камлал шаман; там уже давно сделали для шамана гроб; спустя несколько лет удальцы остановились около одного стойбища; старший удалец зашёл в чум, в котором камлал шаман; шаман сказал, что удалец встретит медведя, от которого, возможно, погибнет; шаман предупредил, что если удалец его убьёт, то через три года он придёт и съест удальца; удальцы встретили медведя, старший убил его краем ладони; младший удалец вернулся к тому шаману; ему уже делали гроб, но он был ещё

жив; младшему удальцу шаман пообещал, что придёт через три года и съест старшего удальца; через три года слышались громкие звуки бубна, младший шаман поехал к соседям и увидел умершего три года назад шамана, который сказал, что придёт ночью к старшему удальцу; младший удалец передал старшему слова шамана и пообещал помочь; утром младший удалец обнаружил, что его соседа нет в чуме; умирающего соседа нашли на улице, он рассказал, что его забодали рогами двое мать-зверей, и велел младшему удальцу взять его жену; воскресший шаман тоже умер, так как погибший удалец ножом поранил настоящих мать-зверей; противники шаманов делали из дерева медведя, птиц и, внедрив туда духов шамана, убивали их; в старину духи шаманов ходили открыто, но из-за того, что человек умел побеждать их, стали невидимыми [Попов 1937: 59-62].

Кеты: на каждом из небес, за исключением первых двух, стоит *шаманское дерево*; на них сидят духи в виду птиц, которые, по просьбе шамана, если он сам не в состоянии подняться на следующее небо, поднимаются дальше и узнают всё нужное шаману [Анучин 1914: 64].

V.8. ДЕРЕВЬЯ НА ШАМАНЕ.

На плечах шамана вырастают деревья (кедр и ель).

Прибайкальские буряты [Румянцев 1969: 86]. См. тот же мотив у дархатов [Санжеев 1930: 48].

Прибайкальские (идинские) буряты: первый хордутский шаман Долhoto-Зогдор, прослышав о шаманке Мудай, отправился к ней в Обусу; подъезжая к юрте Мудай, он превратил коня во льва, а сзади на поводу повёл медведя; вместо кнута у него была тонкая змея, на правом плече его рос кедр, а на левом – ель; Долhoto-Зогдор, попросил Мудай выйти ему навстречу; Мудай, находившаяся в этот момент в юрте, услышав, что приехал великий шаман, чтобы сразиться с ней, вынула из своей утробы трёхмесячный плод, положила его над дверью, села и крикнула великому шаману: «Залу хун идэрху, гулгун нохой шудэрху (юноша – задористый, щенок – кусачий)»; Долhoto-Зогдор, войдя в юрту, упал замертво от нечистот плода, положенного Мудай над дверью; Мудай подумала, что если не воскресить сражённого ею шамана, могут возникнуть дурные последствия; она воскресила своего *противника*, совершив очищение корой священного дерева *едо* (пихты);

ожив, Долhoto-Зогдор дал клятву Мудай впредь никогда не причинять никакого вреда потомству Мудай (онгоевскому роду); Долhoto-Зогдор остался в Обусе и жил в мире с Мудай-иби [Румянцев 1969: 86].

V.9. СЛОМАННОЕ ДЕРЕВО.

Сломанное дерево или деревянная вещь – причина либо признак смерти шамана (или другого магического специалиста).

Кеты [МЛЭ 209], эвенки юга Якутии [Романова, Мыреева 1971: 321-322 (тексты 10, 11)], центральные якуты [Эргис 1960: 259-262 (текст № 182)].

Кеты (Келлог): шамана забрали на войну; уезжая из дома, он показал одно место и сказал: «Если там появится крест – значит, я умер»; однажды в дерево ударила молния, оно сломалось, появился крест; шаман умер; рассказчик видел этот крест сам [МЛЭ 2009: Ю.М. Сутлин].

Эвенки юга Якутии: *сама:н буддэкин, мо:н эпкэрэ:вки:* (когда умирает шаман, (его) дерево засыхает) [Романова, Мыреева 1971: 321-322 (текст 10)].

Эвенки юга Якутии: *сагди: мо: ти:ктэкин, сама:н буддэн* (если упадёт старое дерево, умер шаман) [Романова, Мыреева 1971: 321-322 (текст 11)].

Центральные якуты (Олбинский наслег Таттинского р-на): шаман Дойомпо, когда ему было десять лет, каждый вечер заходил в *хоттон* и исчезал там; родители искали своего сына, зажигая лучину, но не находили его; если шаман считал вознаграждение за камлание недостаточным, то выходя из дома, падал и садился на пол; в этот же день умирал один из лучших людей или пропадала лучшая скотина; каждый год шаман рожал вечером девятого января, он рожал на холме с маленьким озерцом, рожал через пуп рыбу-щуку, которую выпускал в озеро; после того, как один старик дал ему мало водки, шаман обратился в вихрь, вынул и сожрал *кут* его единственной дочери; ребёнок начинает болеть, старик просит о помощи Дойомпо, но тот отказывается; старик обращается к приёмному отцу своей дочери, который идёт к Дойомпо и угрозами заставляет его прийти к больному

ребёнку; увидев шамана, девочка требует увести его прочь; Дойомпо отводят в соседний дом, где он начинает камлать; шаман заявляет, что дух не поддался ему и уходит домой; ребёнок умирает; шаман ссорится с богачом и в течение трёх лет пытается его съесть, но *кут* богача убежал от него в дом солнца; когда шаман приходил, чтобы съесть лошадей богача, то его не подпускал жеребец; когда пытался съесть рогатый скот, не подпускал его бык-пороз; в итоге шаману удаётся съесть лишь единственную дочь богача; шамана священник приводит в церковь и заставляет класть поклоны; шаман долго ищет *кут* священника; увидев большую ель у начала дороги, шаман предполагает, что в ней находится *кут* священника, превращается в гром и разбивает ель, из-за чего священник умирает; шаман намеревается погубить богача; во время тумана ко двору богача приходит *абаасы* шамана в виде быка; бык поднимает *урасу* и опрокидывает её, затем обращается в вихрь, поднимает *урасу* и уносит её; когда шаман постарел, к нему пришли люди, заставившие его переселиться в другую местность; шаман проклинает князя, приказавшего это сделать; приехав на новое место, шаман лежал при смерти; около него стояла толстая трость, с которой он не расставался всю жизнь; когда трость с треском разломалась по середине, люди увидели, что шаман умер [Эргис 1960: 259-262 (текст № 182)].

VI. СМЕРТЬ И ПОХОРОНЫ ШАМАНА

VI.1. ШАМАНСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ.

Умирая, шаман оставляет завещание, которое, как правило, является предписанием относительно способа и места захоронения.

Теленгиты [Потанин 1883: 327-328 (текст 77а)], телеуты [Батьянова 1995], южные тувинцы [Дьяконова 2004: 117], прибайкальские [Затопляев 1890: 9] и забайкальские [Герасимова 1969: 128] буряты, центральные [Эргис 1960: 251-258 (текст № 181); 267-270 (текст № 185), 273-275 (текст № 189); Ксенофонтов 1992б: 219-220] и вилуйские [Эргис 1960: 297-301 (текст № 198); Ксенофонтов 1992б: 156-160; Попов 2006: 411] якуты, нанайцы [Лопатин 1922: 327-328], удэгейцы [Арсеньев 1995: 177-179 (тексты 20, 21)].

Теленгиты (Чуйская степь): Кайракан был прежде охотником; его настоящее имя – Кашка Буурул; он охотился на вершинах рек Катунь, Сумулты, Кабак, Кадрин, Ту Абаган; на одном озере он встретил *муйгака* (моралуху) и хотел убить его; перед ним предстал седой старик с белой бородой; Кашка Буурул всё-таки застрелил *муйгака*; белый старик ударил его змеей, которую держал вместо плети; Кашка Буурул стал от этого удара без ума, приехал домой и начал с той поры камлать; вскоре у него заболел и умер сын; Кашка Буурул отправился на небо к Тэнгри и спросил, почему старик ударил его плетью и вышиб из ума, и за что Тэнгри отнял у него сына; Тэнгри ответил, что это Ерлик, послан которого был белый старик; Кашка Буурул отправился к Ерлику; при его дверях стояли два богатыря с железными костылями; Кашка-Буурул перешиб эти костыли и убежал; Ерлик отправил за ним погоню, но Кашка Буурул спрятался за семьдесят семь слоёв земли; посланники Ерлика вернулись назад, а Кашка Буурул продолжил жить на Алтае; состарившись, он велел похоронить себя в устье Башкауса и сказал, что если он хороший кам, то на его могиле вырастет берёза, а если худой, то чёрное дерево; на его могиле выросла берёза, поэтому его стали почитать; в его честь вешают небольшой бубен, брызжут молоком [Потанин 1883: 327-328 (текст 77а)].

Южные тувинцы: шаман попросил, чтобы его похоронили на *сор*, бубен порезали, а костюм, шапку, *онгут*, *сетир* положили также на *сор*; он завещал также, чтобы через три

дня собрались все мужчины аймака и пришли к нему; но его жена решила тайком посмотреть, что он там делает, и на второй день отправилась на то место, где он лежал; дойдя до пригорка, она увидела, что её муж надевает в рукава шаманский костюм; он её заметил и сразу же умер [Дьяконова 2004: 117].

Прибайкальские (аларские) буряты: у слепого шамана было девять сыновей-шаманов; отец послал сыновей ловить рыбу на реку; при этом шаман велел не ловить того из семи тайменей, который окажется слепым, так как это его душа; дети не послушались отца и поймали всех тайменей; возвратившись домой, сыновья застали отца умирающим; шаман завещал им, чтобы они после его смерти через три дня отправили ему *тайлаган*; дети не исполнили завещание и сошли с ума; они догадались, что это произошло с ними в результате послушания, и решили отправить *тайлаган*; но дети не смогли найти место погребения отца и разошлись по разным местам; потомки этих шаманов тоже были шаманами [Затопляев 1890: 9].

Забайкальские (хоринские в р-не Еравнинских озёр) буряты: об Алтанай *обо* в Исинге рассказывают следующее; в те времена, когда здесь жили предки одиннадцати хоринских родов, из Монголии прибыл шаман, поселился здесь и кочевал вокруг Исинги; с той стороны озера он переезжал на летник, находившийся на этой стороне; семью отправлял на телеге, а сам на козле прямо через озеро перемахивал; однажды он отправил семью, а сам задержался, выпил самогона из медного чайника и бросил куда-то, он упал прямо на телегу; один шаман – его друг – послал ему шаманское *толи*; к дому исингинского шамана однажды подошёл изюбрь, у которого на шее что-то висело; шаман выстрелил, упало *толи*, а изюбрь исчез; этот шаман частенько переправлялся на козле через оз. Исингу, навещался к здешним жителям; перед смертью он просил похоронить его на горе Алтай Ундэр, сказав, что место захоронения укажет сама лошадь: где она начнёт оправляться, там остановитесь; труп шамана посадили на коня и поехали; когда лошадь стала оправляться около трёх берез, на том месте поднялся вихрь; здесь и похоронили шамана [Герасимова 1969: 128].

Центральные якуты (Эргисский наслег Западно-Кангаласского р-на): белый шаман Эргис камлал только на *ысыахе* и духу-хозяйке земли; когда он камлал на *ысыахе*, в небе появлялся Дьёсөгёй; во время кошения сена шаман Эргис наловил на озере Титтях девять коробов рыбы, после этого он предсказал свою скорую смерть; шаман решает перед

смертью устроить будущую жизнь своих детей, он камлает три дня и три ночи до того, что борода и волосы его покрылись инеем; в итоге шаман спускается сверху с тремя пучками белых конских хвостовых волос, которые отдаёт младшему сыну; старшие сыновья завидуют младшему брату, выманивают пучки волос и делят между собой; шаман их прокликает, расселяет каждого в отдельной местности; перед смертью шаман завещает перехоронить свои кости трижды; шаман умирает и через несколько поколений является одному из эргисцев, наказывает позаботиться о своих останках; эргисцы устраивают перезахоронение; из-за отклонений от обряда впоследствии случается падёж лошадей и начинается эпидемия; Ылаар, прибывший с приисков разорившимся, пошёл на могилу шаман, забрался в амбар *лабаза* и взял лук, после чего уснул на двое суток; проснувшись, Ылаар оставляет лук и уходит с могилы; разорившийся Илья залез на могильный лабаз шамана и забрал лежавшие в котелке монеты; по дороге домой он увидел летящего старика, кинул деньги назад и убежал [Эргис 1960: 251-258 (текст № 181)].

Центральные якуты: бедняк Биэстээх-Бочоох занимается тем, что ставит зимой петли и самострелы на зайцев; попавшихся зайцев начинает расклёвывать ворон; Биэстээх-Бочоох думает, что птицу посылает шаман; в дом Биэстээх-Бочооха, ушедшего осматривать петли и самострелы, приезжает шаман; невестка Биэстээх-Бочооха ничем не угощает гостя; шаман уходит, посещает одних жителей и рассказывает им, что посадит всю семью Биэстээх-Бочооха на середину лужи из свежей крови; Биэстээх-Бочоох узнаёт об угрозах, а вскоре умирает его трёхлетний внук; Биэстээх-Бочоох считает, что это шаман съел душу ребёнка; Биэстээх-Бочоох случайно заходит к жителям, у которых сидит шаман, вырывает шаману нижнюю челюсть; шаман вставляет на её место телячью; снова встретив шамана, Биэстээх-Бочоох вырывает ему левый глаз; шаман вставляет себе собачий; повстречав шамана на острове, Биэстээх-Бочоохто убивает его, отрывает ему голову; труп сжигает, а пепел костей бросает в воду и размешивает деревом с корневищем; шаман воскресает, но подумав, что, если Биэстээх-Бочоох убьёт его во второй раз, то он уже не сможет возродиться, прячется у озера и умирает от болезни, как обыкновенный человек; своему сыну шаман завещает похоронить себя у озера в отвесной, как для столба, яме и стоймя; с тех пор жители не подзывают коров подражательным мычанием и не называют телят *торбос* [Эргис 1960: 267-270 (текст № 185)].

Центральные якуты (Кобяйский наслег Кобяйского р-на): у старика и старухи рождается мальчик, которого называют Кысалга (Нужда); ребёнок, достигнув семи лет, начинает

камлать; впоследствии он становится знаменитым шаманом; у шамана рождается сын, который постигает грамоту по старинным письменам деревянного пасхала; сын недоволен тем, что отец его шаман; когда шаман становится старым, приезжает русский священник; он выливает шаману на голову ведро воды, крестит его и даёт имя; перед смертью шаман завещает похоронить себя на чистом месте, где ныне стоит церковь; сын не выполняет просьбу и отвозит отца на быке в другую местность; по дороге труп становится таким тяжёлым, что бык не может его везти и останавливается; сын требует от отца, чтобы тот прекратил проказы, ударяет пальмой поперёк гроба; воз делается легче; сын хоронит отца около озера и ставит над ним памятник в виде амбара [Эргис 1960: 273-275 (текст № 189)].

Виллюйские якуты (Тылгынинский наслег Виллюйского р-на): духи оспы, семь сестёр, приходят в Мастахский улус и пляшут посередине озера; услышав это, шаман Суор Уола превращается в дым и улетает в небо; затем он оборачивается в русскую иголку, прячется в щели дерева и подслушивает разговор сестёр; семь девушек-стерхов распределяют между собой кому куда идти; никто из сестёр не хочет оставаться в Мастахском улусе, опасаясь шамана; в итоге решают оставить старшую сестру и советуют убить шамана следующим образом: оборотившись в огонь, упасть в кашу, которую он ест; сёстры превращаются в туман и исчезают; шаман отправляется домой и просит домочадцев сварить большой котёл *саламаату*; домочадцы выполняют просьбу, когда они собираются снять котёл, на *саламаат* падает уголь величиной с человеческий глаз; шаман вскакивает, хватается за уголь и опускает его в бутылку; заткнув бутылку, шаман кладёт её в железную бочку и, вырубив прорубь, топит в воде; бочку шаман обматывает верёвкой, конец которой привязывает к палке на краю проруби; оспа распространяется по всей земле за исключением Мастахского улуса; когда шаман вновь слышит песни и танцы сестёр, он бежит к проруби, достаёт бутылку и отправляется к берегу озера; шаман открывает бутылку, находившийся в ней уголь превращается в синее пламя и исчезает; бутылку шаман разбивает о землю, а сам, превратившись в русскую иголку, прячется в щели на берегу озера; к девушкам приходит их исхудавшая старшая сестра, которая рассказывает, что с ней сделал шаман; сёстры танцуют и расходятся; прибыв домой, шаман рассказывает своему народу о том, как он победил оспу; перед смертью шаман завещает похоронить его таким образом, чтобы голова и руки находились над землёй, при этом в руках должны быть бубен и колотушка; люди выполняют его завещание [Эргис 1960: 297-301 (текст № 198)].

Нанайцы: сначала в гольдскую землю пришли помощницы оспы; могучий шаман созвал своих *сеонов* и вместе с ними прогнал помощниц Даяну, а некоторых убил; скоро явилась сама Даяну со множеством помощниц и с большим войском; шаман не испугался, ещё сильнее забил в свой бубен и продолжал плясать; скоро он закачался на ногах и упал; собравшимся гольдам шаман сказал, что умирает, так как не успел созвать всех *сеонов*; шаман велел не зарывать его в землю, а положить сверху и рядом повесить бубен и весь его наряд; шаман предупредил, что через 9 дней люди услышат ночью звон бубна, и он оживёт; при этом шаман попросил не выпускать собак и не ходить в лес к нему; шаман пообещал, что когда он оживёт, то созовёт всех своих сеонов и прогонит или убьёт Даяну; у шамана был брат, который очень любил его жену; как только брат услышал звон бубна, он схватил *гиду*, побежал в лес и заколол там шамана; шаман перевернулся и умер окончательно; Даяну до сих пор свирепствует, где хочет, и нет теперь ни одного шамана, который бы осмелился сразиться с нею [Лопатин 1922: 327-328].

Удэгэйцы: Тору был величайший гольдский шаман; он сказал: «Когда я умру, то мои инструменты отнести в китайскую молельню»; себя велел закопать в землю; после его похорон все шаманские вещи отнесли, как он велел, в кумирню; спустя лет 20-30 люди вдруг стали болеть, стали делаться сумасшедшими; шаманы всюду стали шаманить и узнали, что исходит от души Тору (Тору *севони*); чтобы убедиться, они сделали *тору* на дереве в виде изображения лица человеческого и получили исцеление; с той поры и стали гольды всюду в тайге устраивать подобные *тору* [Арсеньев 1995: 177-178 (текст 20)].

VI.2. МСТИТЕЛЬНЫЙ ДУХ.

Дух умершего шамана вредит живым людям (начинаются эпидемии, учащаются случаи сумасшествия).

Прибайкальские буряты [Затопляев 1890: 9], центральные якуты [Эргис 1960: 251-258 (текст № 181); 289-291 (текст № 194)], удэгэйцы [Арсеньев 1995: 177-178 (текст 20)].

Прибайкальские (аларские) буряты: у слепого шамана было девять сыновей-шаманов; отец послал сыновей ловить рыбу на реку; при этом шаман велел не ловить того из семи тайменей, который окажется слепым, так как это его душа; дети не послушались отца и

поймали всех тайменей; возвратившись домой, сыновья застали отца умирающим; шаман завещал им, чтобы они после его смерти через три дня отправили ему *тайлаган*; дети не исполнили завещание и сошли с ума; они догадались, что это произошло с ними в результате послушания, и решили отправить *тайлаган*; но дети не смогли найти место погребения отца и разошлись по разным местам; потомки этих шаманов тоже были шаманами [Затопляев 1890: 9].

Центральные якуты (Эргисский наслег Западно-Кангаласского наслега): белый шаман Эргис камлал только на *ысыахе* и духу-хозяйке земли; когда он камлал на *ысыахе*, в небе появлялся Дьёсөгёй; во время кошения сена шаман Эргис наловил на озере Титтях девять коробов рыбы, после этого он предсказал свою скорую смерть; шаман решает перед смертью устроить будущую жизнь своих детей, он камлает три дня и три ночи до того, что борода и волосы его покрылись инеем; в итоге шаман спускается сверху с тремя пучками белых конских хвостовых волос, которые отдаёт младшему сыну; старшие сыновья завидуют младшему брату, выманивают пучки волос и делят между собой; шаман их прокликает, расселяет каждого в отдельной местности; перед смертью шаман завещает перехоронить свои кости трижды; шаман умирает и через несколько поколений является одному из эргисцев, наказывает позаботиться о своих останках; эргисцы устраивают перезахоронение; из-за отклонений от обряда впоследствии случается падёж лошадей и начинается эпидемия; Ылаар, прибывший с приисков разорившимся, пошёл на могилу шамана, забрался в амбар *лабаза* и взял лук, после чего уснул на двое суток; проснувшись, Ылаар оставляет лук и уходит с могилы; разорившийся Илья залез на могильный лабаз шамана и забрал лежавшие в котелке монеты; по дороге домой он увидел летящего старика, кинул деньги назад и убежал [Эргис 1960: 251-258 (текст № 181)].

Центральные якуты (Качикатский наслег Орджоникидзевского р-на): Краснощёкий Хамалга с двенадцатью всадниками приезжает к тюмятинской шаманке и поджигает её; запертая в балагане шаманка берёт бубен, поднимается вверх по отверстию дымохода, но один из людей Хамалги закрывает его доской и сидит на нём; шаманка пытается провалиться сквозь землю и застревает, зацепившись за корни дерева (её люди, когда строили балаган, столбом оставили срезанную растущую ель с корнями); тело шаманки сгорает, а её *кут-сюр* улетает; тюмятинцы, узнав о прибытии Хамалги, едут сражаться, но проигрывают бой и отступают; по прошествии многих лет в Тюмяти учащаются случаи сумасшествия и иступлённого распевания; устами женщин-*мэнэричек* и сошедших с ума

старуха-шаманка упрекает своих людей, в том, что они не поставили в её доме обрубленный столб; старейшины-главы наслега призывают девять шаманов; они камлают, ловят ставшую *юёр* шаманку и вселяют её в берестяной идол, который окутывают клубком шерсти и прячут в дупло дерева; сумасшествие и иступлённое распевание прекращаются; проходят годы, люди забывают, в каком дупле запрятан *юёр*; старик Дьабады едет в лес за дровами; там он срубает большую лиственницу и перерубает её на чурбаны, в одном из которых обнаруживается клубок шерсти; старик ударяет обухом по клубку, из него выпадает берестяной идол; после этого старик сходит с ума, то же самое начинает происходить с людьми из Тюмяти; устами сумасшедших шаманка упрекает людей за то, что её сорок лет держали в темнице; старейшины-главы наслега призывают девять шаманов, покупают амбар у одного старика и переносят этот амбар на восточный конец *аласа* Киэнг Еннюёс; *сюр-кут* шаманки вселяют в берестяной идол величиной с настоящую женщину, снабжают всеми принадлежностями для лошадей и коров, домашней утварью и необходимой для женщины зимней и летней одеждой; со многими заклинаниями поселяют *юёр* в перенесённый амбар; после этого люди реже сходят с ума [Эргис 1960: 289-291 (текст № 194)].

Удэгейцы: Тору был величайший гольдский шаман; он сказал: «Когда я умру, то мои инструменты отнести в китайскую молельню»; себя велел закопать в землю; после его похорон все шаманские вещи отнесли, как он велел, в кумирню; спустя лет 20-30 люди вдруг стали болеть, стали делаться сумасшедшими; шаманы всюду стали шаманить и узнали, что исходит от души Тору (Тору *севони*); чтобы убедиться, они сделали *тору* на дереве в виде изображения лица человеческого и получили исцеление; с той поры и стали гольды всюду в тайге устраивать подобные *тору* [Арсеньев 1995: 177-178 (текст 20)].

VI.3. СТИХИЙНЫЕ БЕДСТВИЯ.

Смерть шамана сопровождается стихийными бедствиями. Ср. мотив VII.20 «Управление стихиями».

Хакасы [Бутанаев 1992: 55], центральные якуты [Ксенофонтов 1992а: 57].

Хакасы: во время смерти или рождения нового шамана резко изменяется погода – поднимается буря, льёт проливной дождь; это проказничают собравшиеся *тёси* [Бутанаев 1992: 55].

Центральные якуты (Качикат): перед смертью шаманка Матрёна сказала: «Если я отправлюсь с ветром и бурей, то в этот край не возвращусь больше, и мои люди будут жить счастливо»; когда она умерла, случился страшный ветер, который повалил много деревьев и побил в домах окна; в ночь смерти шаманки подохла одна корова; в день похорон от вихря погиб один конь [Ксенофонов 1992а: 57].

VI.4. ТЕЛО ДОЛГО ГОРИТ.

Тело убитого шамана горит несколько дней. Ср. мотив VII.15 «Шаманская неуязвимость».

Кеты [Николаева 2006: 56-57].

Кеты (Суломаи): младший сын шамана Осмолки решил его убить; начал рубить шамана, а тело его начинало сразу заживать; шаман согласился принять смерть и просил не трогать дочь Кэнам; узнав об отце, Кэнам уехала к устью Дубчеса; люди догнали её и убили; это место теперь называется Кэнамай (светлые острова); те люди нарубили лиственниц, похоронили шамана; подожгли его, огонь горел семь дней, старик не мог сгореть быстро; с ярмарки вернулся старший сын шамана, он рассердился на людей за отца; люди заметили, что шаман Осмолка ходит рядом с ними и стали говорить, что шаман теперь видит стали умирать люди, и сожалеть, что убили его [Николаева 2006: 56-57].

VI.5. УМЕРШИЙ ШАМАН – ХОЗЯИН МЕСТНОСТИ.

После смерти шаман становится хозяином, покровителем местности.

Буряты [Потанин 1883: 114, 127; Heissig 1953: 508-509].

Прибайкальские буряты: шаманка Асуйхан, мать шамана Андобара, нашла двух мальчиков, которые были закованы в люльках; шаманка приняла их и полюбила более родных детей; один из них, Андобара, оставил шаманку и ушёл; шаманка пошла за ним и прокляла его: «Если будешь ходить в лесу, будешь Урянха, если будешь по скалам ходить, будешь Хамногынь»; Андобара зашёл на север, там урянха угощали его головами *талменя*; когда Андобара оказался у бурят, его кормили головами коз; Андобара был хорошим шаманом; он убил оленя, принадлежащего другому шаману; этот шаман погнался за Андобарой; тот, убегая, скрылся в юрте Хан-джиргай-хан-ноин-баабая; хозяин оленя стал требовать выдачи Андобары; хан сказал: «Возьми его в виде андобара»; хозяин оленя отказался и ушёл, сказав: «Если хочешь так возьми его себе»; хан сделал Андобара *онгоном* [Потанин 1883: 114].

Прибайкальские буряты: девушка копала *сарану*; Тархан-дуриск, шаман и кузнец, попросил у неё одну луковицу и съел; должно быть, у женщины были месячные; Тархан-дуриск захворал и умер на горе Мондю-байсин; с той поры здесь нет змей, белой *сараны* и сосны, и не ходит верблюд; Тархан-дуриск становится *хатом* местности Мен [Потанин 1883: 127].

VI.6. КАМЕННАЯ БАБА.

После смерти шаман становится каменной бабой.

Алтайцы [Потанин 1883: 290-291 (текст 64а)], теленгиты [Потанин 1883: 291 (текст 64б), 293 (текст 64е)]. См. также у халха-монголов [Беннингсен 1912: 117-119; Владимирцов 1927: 24].

Алтайцы: Еджен-хан собрал всех камов и велел сжечь; при этом он сказал: «Худые сгорят, а настоящие живы останутся»; все камы сгорели, живыми остались только двое, Тостогош и Газыр-гам, которые вылетели из огня; после этого Тостогош сказал, что будет предсказывать войну, а Газыр-гам заявил, что будет знать человеческую смерть; с этими словами шаманы обратились к Ерлику; вдруг пришла война, Тостогошу отрубили голову и повезли к Еджен-хану; туловище кама пошло вслед за головой и в земле Еджен-хана стало *кюшоташ`ем* (каменной бабой); Тостогош однажды камлал какому-то Абысу и так

понравился, что тот дал ему прозвище Абыс-Кыдай; Газыр-гам пошёл к Ерлику и сказал ему: «Я буду узнавать впредь человеческую смерть; если скажу, что этот человек умрёт, он должен умереть; если скажу, оживёт, он должен ожить»; Ерлик рассердился и сказал, что шаман хочет знать больше него; они поссорились; Газыр-гам отрубил лапу собаке Ерлика Тайгыл-ит; собака умерла, а Газыр-гам улетел к Тэнгри-Кудаю; Ерлик пошёл жаловаться к Тэнгри-Кудаю и сказал, что Газыр-гам зарубил его собаку; Тэнгрэ-Кудай обвинил Газыр-гама, началась ссора; Газыр-гам схватил с юрты Тэнгрэ-Кудая железные *карачки* (верхний круг юрты) и бросил на землю, а сам убежал; он закончил жизнь самоубийством на Кемчике – бросился со скалы: скала от его крови и теперь красная, а на месте, где он упал, вырос красный тальник; оба кама, Тостогош и Газыр-гам, были родом с реки Чуи, теленгиты [Потанин 1883: 290-291 (текст 64а)].

Теленгиты (Чуйская степь): русский хан велел сжечь всех камов, но Тостогоша не могли убить; русский хан дал ему имя Абыс-кам и позволил камлать; у Ойрод-хана (или у Эдзен-хана) заболели сын и дочь; приглашённый Абыс-кам приехал и вылечил больных; хан подарил ему девять табунов лошадей и человека; Тостогош отправил лошадей вперёд, а сам тайно остался близ хана, потому что задумал увезти ханскую дочь; договорившись, ночью они убежали вдвоём на лошади; хан послал погоню и велел привязать дочь к конским хвостам и разорвать, а каму отрубить голову; посланные так и сделали; отрубленная и привязанная в *торока* голова кама захохотала, а тело его стало ходить; его привезли к Ойрод-хану; Тостогош превратился в камень и теперь он стоит в виде *кюшочило*; иному он кажется бурым, иному белым, иному красным; около него живёт большой кам; хороший кам перед ним камлает безвредно, плохой умирает; халха приносят ему жертвы [Потанин 1883: 291 (текст 64б)].

Теленгиты (Чуйская степь): худой и хороший камы камлали на Башкаусе; худой предсказал, что будет война, добрый не поверил; пришли халхасцы с войной; хорошему каму отрубили голову и он умер; худого кама жгли огнём, топили в воде, но он оставался невредимым; ему отрубили голову и повезли в *тороках*; голова захохотала; когда её привезли к калкасскому *бию*, она обратилась в камень; и теперь эта каменная баба (*кюшотаиш*) стоит в местности Коту; сколько ни камлали перед камнем он не шевелился; один молодой человек пришёл с водкой (*арыкы*), сделал возлияние (*чачылгы*) и голова зашевелилась; имя этому каму было Тархан-Бо-Таин-Дере Тостогошевой породы [Потанин 1883: 293 (текст 64е)].

VI.7. КАТАЮЩИЙСЯ ЧЕРЕП.

Череп умершего шамана ходит пить воду к озеру.

Северные [Окладников 1949: 74 (текст № 1)] и вилюйские [Попов 2006: 415] якуты.

Северные якуты (Нижняя Лена): около озера в *аранасе* был похоронен шаман, живший ещё до крещения; *аранас* развалился, останки шамана упали на землю; от тела отделился череп, который, чтобы утолить жажду, ходил пить воду к соседнему озеру [Окладников 1949: 74 (текст № 1)].

VII. СИЛЫ И ВНЕШНИЕ ОСОБЕННОСТИ ШАМАНА

VII.1. ШАМАНСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ.

Шаман превращается в живые или неживые объекты либо осуществляет неполные метаморфозы.

Энцы [Лабанаускас 2002б: 95-99, 158-165; Функ 2008: 187 (№ 68/93)], нганасаны [Долгих 1976: 59-60 (текст № 16)], ненцы [Попов 1944: 94; Турутина 2000], долганы [Попов 1937: 51-57; Ефремов 2000: текст 28], кеты [Алексеенко 1981: 114; 2001: 84 (текст 30), 104-106 (текст 45)], илимпийские [Васильев 1936: 255], подкаменнотунгусские [Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18)] и сымские [Василевич 1936: 90 (текст 72)] эвенки, «абаканские татары» [Катанов 1907: 449-451 (текст 438)], хакасы [Кузнецова-Ярилова 1909: 141-142 (текст I); Бутанаева 2007: 112], алтайцы [Потанин 1881: 172 (текст 31б); Никифоров 1915: 238-239; Подузова, Сагалаев 1983: 111-112], прибайкальские [Бохолит-Хара 1880; Моргон-Хара 1880; Потанин 1883: 168 (текст Iв); Дамеев 1927; Михайлов 1996: 63-64, 75-77; Curtin 1909: 111-113; Lewitzky 1957: 35-36] и забайкальские [Герасимова 1969: 127-128] буряты, якуты [Эргис 1960: 259-262 (текст № 182), 264-267 (текст № 184), 297-301 (текст № 198); Кулаковский 1972б: 284 (текст № 9); Ксенофонтов 1992а: 62-65, 81-87; 1992б: 197-198, 200, 208, 228-236; Худяков 2002: 85-86, прим. 7; Попов 2006: 415; Balzer 1996: 307, 309], чукчи [Богораз 1899: 265-267; 1939: 122, 141; Вдовин 1981: 208], азиатские эскимосы-юпик [Крупник 2000: 476-478], тундренные юкагиры [Bogoras 1918: 20-21], ительмены [Орлова 1999: 135-136], нанайцы [Лопатин 1922: 202 = Сем 2006: 494-496; Смоляк 1991: 59], орочи [Березницкий 1999: 130-131 (текст № 32)], ульчи [Смоляк 1991: 59; Портнова 2008: 39], нивхи [Таксами 1977: 105-106; Отаина 2010: 57-58 (текст I.10)].

Энцы: на стойбище трёх братьев жил сильный шаман; братья уехали промыслять дикого оленя; к закату они вернулись с добычей на стойбище, каждый пошёл в свой чум; младший брат обнаружил, что его жена пропала; жёны остальных братьев не знали, куда она исчезла; братья нашли следы около крайнего чума, но не стали пускаться в погоню из-за наступления темноты; когда вернулся шаман, ему рассказали о случившемся; шаман начал камлать, затем сказал, что женщину похитил один богатый тунгус; на следующий день шаман велел младшему брату собираться в путь и взять с собой тунгусскую *парку* и

бакари; старший и средний брат остались на стойбище, а младший брат и шаман отправились в путь по следам тунгуса; когда они догнали тунгусов, шаман сказал младшему энцу, чтобы он одел тунгусскую одежду, незаметно подошёл к стаду оленей и вместе с работниками гнал их; после этого шаман превратился в белую сову и улетел; энец всё сделал так, как велел шаман; ночью энец вышел из чума и заметил, что на концах шестов большого чума сидит белая сова; энец решил, что это шаман показывает ему, в каком чуме находится похищенная женщина; вскоре из чума вышла жена энца; энец окликнул её и они вместе убежали в лес; когда муж с женой добежали до деревьев, поднялась сильная метель, которую наслал шаман; к концу второго дня младший энец с женой вернулся в чум; шаман предупредил братьев, что предводитель тунгусов не будет мириться с пропажей женщины; покалав, шаман рассказал, что тунгусы идут по следам к стойбищу братьев; по совету шамана братья немедленно начали готовить аргиш, а утром отправились в тундру; шаман остался на том месте, где стояли чумы; как только увидел тунгусов, тут же превратился в сову и сел на ближайшее дерево; тунгусы, заметив следы от аргиша, решили продолжить погоню, но поднялась сильная метель; шаман прилетел на стойбище трёх братьев, превратился в человека, вошёл в чум среднего брата и сказал, что теперь братья могут жить спокойно [Лабанаускас 2002б: 158-165].

Энцы: между собой соперничают два шамана: энецкий и эвенкийский; шаманы хвастаются друг перед другом, каждый обещает съесть своего противника; энецкий шаман предлагает сопернику улететь в край гусей, дабы не случилось ничего плохого; энец сообщает это своей жене и просит её поставить весной чистый чум; эвенк также говорит своей жене о путешествии и его причинах; энец, превратившись в лебедя, вылетает через дымовое отверстие чума для камланий; пролетая над чумом другого шамана, энец зовет его в страну гусей; эвенк одевается в шаманскую парку и, превратившись в гагара, вылетает через дымовое отверстие; улетаая вместе с гагарами, он кричит оставшимся в чуме, чтобы они поставили чум, если он вернётся обратно; энец и эвенк улетают в гусиный край; прилетевшие шаманы присоединяются к птицам; шаман-лебедь линяет среди лебедей, а шаман-гагара – среди гагар; крепкий пух шамана-гагары не линяет, а у шамана-лебедя облезают крылья и линяет пух; при встрече шаман-лебедь жалуется шаману-гагаре, что замерзает, и предупреждает его, чтобы он не попался в небесные сети; через какое-то время шаман-гагара во время ловли рыбы попадает в выставленные сети и оказывается пойманным людьми; шаман-лебедь выращивает себе новое оперение, с наступлением весны у него появляются новые крылья; шаман-лебедь возвращается в тот чум, из которого

улетал; он три раза облетает чум над дымовым отверстием и кричит по-лебединому; затем энецкий шаман садится в чистом чуме, в котором уже были приготовлены шаманская одежда и бубен; шаман начинает камлать, после камлания люди начинают спрашивать о судьбе второго шамана; шаман рассказывает о том, что эвенк попал в небесные сети, считая вероятным его возвращение; шаман предсказывает, что скоро станет лебедем, а его род будет кормить всех жителей земли, в отличие от священной птицы эвенков – гагары, которую будет очень сложно поймать [Лабанаускас 2002б: 95-99].

Нганасаны: шаман Нгамтусо предложил шаману Линанчера слетать с гусями в их землю; Линанчера попросил жену приготовить ему новую одежду и велел никому её не показывать; когда всё было готово, шаман полетел с гусями; пролетая над чумом Нгамтусо, Линанчера позвал его; другой шаман забыл о договорённости, не приготовил новой шаманской одежды и начал камлать в старой; Нгамтусо прилетел в страну гусей и увидел, что вода, на которой сидел Линанчера, была сплошь покрыта гусями; Нгамтусо улетел линять на озеро; Линанчера отправился искать второго шамана; обнаружив Нгамтусо на озере, Линанчера предупредил, что оттуда не выбраться, если придут охотники; к реке, где линял Линанчера, пришли охотники; гуси спаслись; охотники пошли на озеро и убили там всех гусей, в том числе и Нгамтусо; на следующий год Линанчера вернулся домой; шаман подлетел к заранее подготовленному чуму, спустился через трубу; люди Нгамтусо умирали с голода, из людей Линанчера никто не умер [Долгих 1976: 59-60 (текст № 16)].

Лесные ненцы: жили по речке два шамана, Ваханде и Нойсама, один выше по течению, другой ниже; дети шаманов стали уговаривать их побороться, чтобы выяснить, кто сильнее; отцы сначала отказывались, но в итоге дети их поссорили; во сне Ваханде пришёл к Нойсама и назначил место борьбы - речную песчаную косу между стойбищами; Нойсама проснулся и рассказал сон детям; в день встречи дети пришли на песчаную косу и стали ждать; со стороны чума Ваханде прибежал баран с загнутыми рогами; от стада Нойсамы отделился большой олень и побежал в сторону барана; они бросились друг на друга; борьба шла долго, к утру баран упал, со всех боков льётся кровь; раненный баран побежал в сторону чума; испуганные дети побежали по своим домам; дети Ваханде увидели израненного отца, лежащего на постели, и сказали: «Там олень забодал барана»; Ваханде ответил: «Вы этого сами хотели»; через некоторое время он умер; когда дети Нойсама прибежали, то увидели своего отца ослабленным; они стали рассказывать о случившемся: «Отец, там олень барана убил, а сам ушел весь раненный в лес»; Нойсама сказал: «Вы этого

хотели сами»; утром родственники Вахонде похоронили его и перекочевали на новое место; Нойсама тоже собрал вещи и переехал подальше от этого места; потом Нойсама сказал детям: «Я скоро умру. Баран нанес мне смертельные раны. Хоть он был и маленьким, но рога у него были острыми. Я очень вас прошу перед своей смертью, никогда не шутите с шаманами. Не пользуйтесь ради своей забавы шаманской силой. Эта сила дана нести добро людям, лечить, а не воевать. Мы жили дружно, но ради вашей прихоти, мы поссорились»; через месяц Нойсама умер [Турутина 2000].

Долганы: когда-то бедный шаман стал купцом; он пришёл в гости к другому купцу и познакомился там с русским колдуном; колдун рассказал, что на следующий день отправится в город, в котором он сначала убьёт трёх шаманов, а затем всех остальных жителей; колдун обещал так поступить и с обитателями ещё двух городов; шамана колдун предупредил, чтобы он не соглашался камлать, когда за ним будут приезжать санные из этих городов; всё произошло так, как рассказывал колдун; шаман, опасаясь гибели, не соглашался помогать жителям тех городов; через несколько лет шаман, камлая у больной женщины, поймал *абаасы* русского колдуна; шаман превратился в молнию, увидел в море лодку, в которой плыл колдун и два *абаасы*; шаман превратился в туман, закрыл море, потом снова превратился в молнию и шаманской стрелой пробил лодку; колдун и его спутники утонули [Попов 1937: 51-54].

Долганы: два шамана решили улететь с гусями; шаманы приказали поставить чистый чум и рассказали людям о своих планах; покамлав, шаманы обратились в гусей и улетели; они пролетели через отверстие в небе, около которого сидела старуха, ловившая крюком посоха жирных гусей; пролетая около старухи, один из шаманов подумал, какая она противная; прилетев в страну, где летают гуси, шаманы приняли человеческий облик и стали жить в землянках; когда настало время линять, один из шаманов превратился в лебедя и полетел на озеро, второй шаман остался на реке, обратившись в гуся; на озере появились охотники, которые перебили всех, кроме хозяина слова шамана; после ухода охотников второй шаман прилетел на озеро; хозяин слова шамана-лебедя рассказал ему, что погиб из-за того, что плохо подумал о хозяйке вселенной, которой была старуха, сидящая у отверстия в небе; умирая, он завещал, чтобы впредь ни один шаман не прилетал сюда, так как хозяйке это не угодно; с наступлением весны родные шаманов поставили чистый чум; когда летели три стада гусей, что-то упало на чум; люди тихонько подошли к чуму и, услышав звуки бубна, вошли в него; там сидел вздрагивающий и порывающийся улететь шаман; люди стали

подпевать ему, он превратился в человека и рассказал всё; услышав рассказ, другой шаман заявил, что уплывёт с рыбами в море; осенью шаман заставил людей поставить чистый чум, начал камлать в нём, вызывая снег и дождь; внутри чума побежали реки, заиграли рыбы; когда люди опомнились, ни воды, ни рыбы, ни шамана не было; весной люди поставили чистый чум и перегородили речной залив сетями; один парень поставил свои старые сети; шаман попался к нему в сеть, но сеть оборвалась и шаман исчез в воде; люди позвали другого шамана; после камлания он сказал, что хозяин реки не отпустит назад попавшихся к нему; с тех пор шаманы не спускаются в воду [Попов 1937: 54-57].

Кеты: лебеди раньше были людьми, поэтому их не убивают; два шамана, дядя и племянник, однажды ушли далеко; в том месте, где они сели отдыхать, было озеро; шаманы превратились в лебедей; у старого лебедя перья, крылья были большие и крепкие, а молодого – слабые; на озеро пришли люди и стали гонять птиц; младший лебедь улететь не может, старший не бросает его и кричит, чтобы тот бежал прятаться в валежник; сам он спрятался там, а молодой лебедь, не послушав старшего, побежал вперёд; его поймали собаки; второго лебедя люди не нашли и ушли; старый лебедь полетел искать младшего, но нашёл только перья; тогда он полетел к своим и сказал, что его товарищ пропал; все его люди стали лебедями; старый лебедь остался птицей и наказал другим лебедям, чтобы они, если люди будут гонять, лезли прятаться в валежник; сам он улетел в лес, кричит «кук, кук!», товарища ищет; так и сейчас летает [Алексеев 2001: 84 (текст 30)].

Кеты: в образе лебедя, стрекозы, шмеля в легендарное время возвращались большие шаманы, улетавшие к Томам [Алексеев 1981: 114 (прим. 122)].

Илимпейские эвенки (долины р. Хатанга и Котуй): два знаменитых шамана захотели посмотреть на те места, где зимует птица; шаманы превратились в лебедей и полетели осенью с лебединой стаей; шаманы прилетели туда, где зимует птица; оказалось, что там тепло и что нужно линять; все лебеди собрались линять, шаманы посоветовались, один решил линять вместе со стаей, а другой – где-нибудь в стороне, опасаясь, что лебеди узнают и забьют насмерть; в итоге первого без перьев лебеди узнали и убили, а второй благополучно вылинял и вернулся домой [Васильев 1936: 255].

Подкаменнотунгусские эвенки (п. Полигус, Байкитский р-н, Эвенкийский национальный окр., Красноярский край): шаман Бакадя (*Найдёныш*) мог превращаться в духа-мэлкен

(невидимку); на стойбище жил другой шаман; рано утром послышался плач ребёнка; много дней все слышали звук, но никто не видел его источник; шаман покамлял и сказал, что это не ребёнок, а шаман, превратившийся в ребёнка; шаман повёл людей искать плачущего, с собой не взяли вдовца; нашли плачущего ребёнка в люльке, которая висела на лиственнице; шаман, камлая, подпилит дерево, ребёнка взяли и унесли домой; там ему сделали колыбель; за семь дней ребёнок стал взрослым человеком и опять стал шаманить; во время камлания ему подыскали имя – Бакадя; Бакадя много лет лечил людей; зимой Бакадя поссорился с другим шаманом из-за духов-помощников; они устроили состязание: расчистили от снега лёд на реке, сели друг от друга на расстоянии слышимости звука речи, надели шаманские плащи и разговаривали между собой неделю; наступил сильный мороз; о том, что шаманы живы, сообщали колокольчики, которые брякали на их плащах; Бакадя звонил пять дней, другой шаман на пятый день перестал звонить, замёрз; Бакадя звонил ещё два дня, затем пошёл к жене; шаман сказал жене, что они оба должны превратиться в птиц и исчезнуть, так как на этом месте им жить нельзя; шаман предложил лететь на край земли, на море, при этом он велел жене не брать железные подвески на одежде; жена забыла его требование и оставила железный *игольник* в своём поясе; Бакадя полетел с женой и уронил её на землю; она пропала, а Бакадя остался *мэлкэном* [Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18)].

Сымские эвенки: Молькон нашёл маленького ребёнка и вырастил его; Арка стал шаманом; он состязался с другим шаманом; разожгли большой огонь и начали камлать; другой шаман сжёг своих духов, проиграл и улетел; Арка стал значительно сильнее; он пошёл к другому шаману, который предложил померяться силами; развели большой костёр, у обоих шаманов выросли рога, началась схватка, в которой победил Арка; духи Арка стали сильнее; затем Арка встретился с третьим шаманом; они начали драться на льду, на реке; противник прострелил Арка лоб насквозь; Арка вытер лоб, рана исчезла; пятьдесят мечников Арка бились с пятьюдесятью мечниками другого шамана; Арка победил и убил всех из рода проигравшего [Василевич 1936: 90 (текст 72)].

Хакасы (качинцы): шаманка прилетела к пьяному шаману Джалбаку и, превратившись в муху, села у трубы его юрты; Джалбак держал в руке чашку вина и говорил, что ощущает дух этой шаманки; он выпил вино, а шаманка успела превратиться в пылинку и опуститься в чашку; Джалбаг проглотил шаманку и сразу это понял; он начал призывать своих духов, но они не могли попасть к нему, так как шаманка заранее устала всю юрту своими; сама

же она крутила у него внутри сердце; духу, который помогал держать шаману бубен, удалось из-под низа юрты пробиться сквозь духов шаманки и вместе с шаманом ухватиться за бубен; вслед за ним ворвались и остальные; Джалбак ударил себя бубном по животу и шаманка выскочила у него изо рта, превратившись в голубого горностая; Джалбак погнал её вниз по р. Тубе; шаманка спряталась за овцу, которую какой-то человек хотел принести в жертву; шаман несколько раз прокричал человеку, чтобы тот отошёл; человек спрятался в кустах; шаман сказал ему, чтобы он не боялся и что шаманка ушла; человек посмотрел вокруг себя, никого не видно, но словно кто пронёсся по воздуху; шаманка превратилась в щуку и нырнула в воду; Джалбак превратился в ворона, полетел над водой, не отстаёт от шаманки; она доплыла до дома, деваться некуда, пришла к себе в человеческом виде и отдала Джалбаку вместо себя душу своей единственной дочери; шаман взял её и вернулся на Тубу; дочь шаманки умерла [Кузнецова-Ярилова 1909: 141-142 (текст I)].

Хакасы: камы в момент битв с другими шаманами могли превращаться в зверей, в птиц, в рыб и даже в насекомых [Бутанаева 2007: 112].

Алтайцы: хан приказал сжечь всех камов, потому что считал их всех обманщиками; собрали всех камов, их оказалось 250; 249 камов поместили в одну соломенную юрту, оставшегося кама – в другую, т.к. считали его очень сильным; юрта с 249 шаманами сгорела до тла; когда огонь достиг великого шамана, он стал грязью; снова устроили юрту, зажгли – то же; в третий раз принесли дров и травы побольше; когда пламя стало доходить до кама, он вылетел из огня, как птица, прямо на скалу; бубен его и теперь там, можно с лошади рукой достать; местность эта находится где-то вверх по р. Кырлык (в верхней части долины р. Урусула) [Потанин 1881: 172 (текст 31 б)].

Алтайцы: Ежимош велел собрать всех шаманов и сжечь; все сгорели, за исключением трёх: двух шаманов мужчин и одной девушки шаманки; они трое вылетели из огня; Тостогош и девушка поднялись в воздух; шаман Калбас не мог подняться и обратился в камень; когда всё закончилось, Калпас отряхнулся и снова ожил; Ежимош требует от него принести Эрлика; Тостогош предупредил, что будет камлать семь ночей камлать, а днём будет лежать, накрывшись бубном; Ежимош накалил железо и положил на голень спящего Тостогоша; шаман привёл Эрлика лишь на восьмой день; оправдываясь, Тостогош рассказал, что у него было неотложное дело – лечение одного человека; Тостогош камлал около больного целый день, поэтому опоздал к Эрлику; к Ежимошу собралось множество

людей, которые желали посмотреть на Эрлика; когда народ увидел Эрлика, то впал в бесчувственное состояние; Эрлик вышел из подножия огня; Ежимош спросил Эрлика, зачем он приносит людям смерть; Эрлик предложил Ежимошу дать искупление от себя или от людей; Ежимош не захотел лично жертвовать собой; Эрлик исчез [Никифоров 1915: 238-239].

Алтайцы: Галдан-Церен каан выпустил указ, согласно которому все шаманы должны съехаться в Улалу; каан построил аил со ста семьюдесятью углами и кошару; каан привел солдат, которые окружили аил; приехали сто семьдесят шаманов со всего Алтая кроме двух мест; самым сильным был Толок, второй по силе – Калпас, третий – Киндик; каан загнал всех шаманов в аил и поджѐг его; люди увидели, что вокруг очага в аиле один шаман ходит, камлает; в небо вылетел гусь; семь дней и семь ночей горел аил; живым остался Толок, который предсказал Галдан-Церену множество бедствий; каан испугался, пообещал всевозможные богатства и спросил, сколько шаманов осталось в живых; Толок сказал, что он остался не один; в очаге зашевелился камень, оттуда встал Калпас; с неба в виде гуся спустился третий шаман [Подузова, Сагалаев 1983: 111-112].

Прибайкальские буряты: медведь прежде был охотником и шаманом; отправляясь на охоту, он обходил три раза одно дерево и превращался в медведя; в таком виде он ловили зверей, потом снова обходил вокруг дерева три раза и становился человеком; кто-то срубил то дерево и шаман навсегда остался медведем [Потанин 1883: 168].

Прибайкальские буряты: 27-летний шаман возвращается к себе домой из соседней деревни и встречает по дороге огромные открытые ворота; там шаман увидел триста коров, которых гнала женщина с ребёнком в руках, сидящая верхом на красном быке; затем шаман встретил мужчину, голова которого была размером со стог сена; этот мужчина ехал верхом на сером жеребце огромных размеров; шаман принял его за торговца мясом и спросил, откуда он; мужчина назвал своё имя, *Minga Nudite Milá* (Тысячеглазый), и сказал, что должен уничтожить весь скот в стране; шаман, придя домой, обнаруживает, что весь его скот погиб; рассерженный шаман отправляется за помощью к своим пятерым братьям-шаманам, но те отказывают ему; шаман вернулся домой, сделал и выпил *тарасун*, затем взял топор и положил его на свою кровать под подушку, привязал свою лошадь к столбу в юрте и лёг, предупредив жену, чтобы она не уводила лошадь из юрты и не будила его; вскоре шаман и лошадь стали выглядеть как спящие, но это были лишь их тела, в

действительности шаман скакал к Ангаре; шаман поднимается на гору *Torkoi Tonkoi*, с вершины которой видит *Minga Nudite Milá*, соорудившего через реку мост; одна половина моста была из золота, другая – из серебра; *Minga Nudite Milá* начинает перегонять скот по этому мосту; шаман превращается в пчелу, уменьшает свой топор, берёт его и летит под мост; там шаман рубит топором две подпорки, после чего мост обрушивается; весь скот падает в Ангару, в том числе красный бык вместе с женщиной, сидящей на нём верхом; в реке оказывается и *Minga Milá*, и его серый жеребец, которым удалось остаться в живых; шаман подкидывает своё шаманское кольцо к небу, из-за этого поднимается страшный ветер, свирепствовавший в течение трёх дней; *Minga Milá* не может выбраться из воды, его бросает из стороны в сторону; после трёх дней ветра наступают три дня, во время которых льёт сильный дождь; под конец этих шести дней у коня *Minga Milá* отваливаются копыта; когда шторм заканчивается, *Minga Milá* и его конь выбираются из воды и начинают сушиться; копыта коня появляются из реки, их приделывают обратно; рассерженный и испуганный *Minga Milá* клянётся, что никогда больше не появится в этой стране; шаман возвращается домой; по дороге он встречает пятерых своих братьев и рассказывает им, как был наказан Тысячеглазый; спустя год шаман по пути домой встречает людей, которые хоронят умершего ребёнка; шаман запрещает им это делать и советуют закопать вместо него козла; шаман относит ребёнка к себе домой, разогревает шесть камней докрасна, затем пляшет на них босиком и камлает до утра, до крика первого петуха; во время камлания шаман время от времени пританцовывает над мёртвым ребёнком; после этого кровь в теле ребёнка начинает двигаться, он открывает глаза, но не может говорить; на следующую ночь шаман привязывает отца и мать ребёнка к столбу юрты и снова камлает до самого утра; всё это время ребёнок лежит без движения; во время восхода солнца шаман дует на голову и ноги ребёнка, он вскочил и спросил: «Что ты делаешь, отец?»; затем шаман развязал родителей ребёнка и сказал им, что тот жив; благодарный отец предлагает шаману половину своих денег и половину скота, но шаман отказывается и соглашается в итоге на стог сена, аркан и девять копеек [Curtin 1909: 111-113].

Прибайкальские буряты: первый бурятский шаман Бохоли-Хара обладал огромной силой, не уступал богам и соперничал с ламами, имел письменную книгу, которую получил от Эсэгэ-Малан-Тэнгэри; жил один очень богатый человек, который не имел детей; шаман создал ему ребёнка; крылатые посланники сообщили богу о создании ребёнка; шаман не имел права создавать человека без участия богов, поэтому Эсэгэ Малан послал трёх крылатых посланников, чтобы они принесли ему душу мальчика; посланники обратились в

трёх лам и попросились ночевать к богачу, а на другое утро ушли, забрав с собой душу ребёнка; они отправились к Эсэгэ-Малану; он положил душу в бутылку, которую закрыл большим пальцем правой руки; шаман ищет душу, приходит к Эсэгэ-Малану, безуспешно просит вернуть душу мальчика; затем обращается в осу, жалит бога, выхватывает душу, возвращает её в тело; Эсэгэ-Малан рассердился на шамана, потребовал его к себе, разорвал его книгу; потом рассёк его бубен на две части, чем уменьшил его силу, затем ещё на четыре и наконец на восемь частей, отчего уменьшил силы и прочих шаманов; в это время к Эсэгэ-Малану вошли 9 сыновей неба и сказали: «Он нам нужен, так как мы каждый день пускаем на землю 9 стрел, которые он отправляет обратно на небо»; Эсэгэ-Малан отпустил Бохоли-Хара на землю, попробовать его силы: 9 сыновей неба опять послали на землю девять стрел и также 9 стрел ламам, чтоб узнать, кто из них скорее поднимет на небо; книгу Бохоли-Хара съел баран; шаман заколол барана, взял лопатку и увидел там всё; вот почему нынешние шаманы ворожат на лопатке; Бохоли-Хара скорее поднял обратно на небо 9 стрел и также 9 ламских, а ламы только до половины прочитали книгу; Эсэгэ-Малан осудил шамана Бохоли-Хара скакать на чёрном камне до тех пор, пока сотрётся камень или он сам; если Бохоли-Хара сотрётся сам прежде камня, то его не будет, а шаманы будут плохи; если Бохоли-Хара не сотрётся, а скорее сотрётся камень, то он явится на землю с прежними силами; Бохоли-Хара, танцующий на камне, надел неизносимые железные сапоги, которые получил от неба Зан-Сагана; теперь скачет на камне, который стирается и уже стёрся до половины (текст записан от шамана) [Бохоли-Хара 1880: 89-90].

Прибайкальские буряты: первый шаман Моргон-Хара несколько не уступал и даже превосходил по силам Эрлэн-Хана; несколько раз злой дух похищал души людей и заключал их в ад, но Моргон-хара возвращал души обратно; Эрлэн-Хан поднялся на небо и пожаловался Эсэгэ-Малан-Тэнгэри на шамана, который нарушает правило; Эсэгэ-Малан-Тэнгэри решил испытать Моргон-Хара, похитил душу одного человека и спрятал её в бутылку; шаман нашёл душу и, обратившись в осу, укусил Эсэгэ-Малан-Тэнгэри в лоб; тот от испуга ударил себя рукой по лбу, в это время шаман выхватил душу и отправился на землю; Эсэгэ-Малан-Тэнгэри рассердился и разделил *хэсэ* Моргон-Хара на две части; в итоге силы уменьшились не только у первого шамана, но и у всех шаманов, бывших после Моргон-Хара; Эсэгэ-Малан-Тэнгэри наказал Моргон-Хара – заставил его плясать на чёрном камне до тех пор, пока тело шамана совсем не сотрётся; Моргон-Хара до сих пор скачет на камне; чем больше стирается тело Моргон-Хара, тем хуже становятся шаманы; когда он совсем сотрётся, тогда у бурят шаманов не будет [Моргон-Хара 1880: 87-89].

Прибайкальские буряты: Эсэгэ Малан не хотел, чтобы у одного богатого бурята был сын; бурят обратился за помощью к самому первому великому шаману Бухли хара боо (Целый чёрный шаман); шаман помог богачу, создал ему сына и стал *найжи* этого ребёнка; рассерженный Эсэгэ Малан забрал душу ребёнка к себе на небо и держал её около себя; шаман полетел на бубне на небо; во время полёта шамана побрякушки его одеяния так красиво звенели, что звери и птицы, оставив своих детёнышей и птенцов, заслушались этими звуками и забыли о своём потомстве, которое умерло с голоду; прилетев на небо, шаман обратился в жёлтую осу и ужалил Эсэгэ Малана в лоб, из-за чего тот вздрогнул и упустил душу ребёнка; шаман схватил её и вернулся на землю; ребёнок выздоровел; разозлённый Эсэгэ Малан отнял душу ребёнка обратно, а шамана за неподчинение и злоупотребление силами заставил плясать на чёрном плоском камне (скале), пока он совсем не скроется в скалу; чем больше из века в век углубляется шаман, тем больше падает шаманство, хуже становятся шаманы [Михайлов 1996: 63-64].

Прибайкальские буряты: в Монголии жил шаман – орёл, который имел волшебную силу воскрешать мёртвых, обогащать бедных; но никто его слов не знал и сам он чужих слов не понимал; в эту пору одна молодая женщина из Урянхая совершила побег от своего мужа, которого не взлюбила; во время пути она устала и легла спать; увидев её спящей, орёл дунул ей в ухо и через дуновение передал все свои силы, а сам умер; женщина забеременела от дуновенья шамана-орла; у неё родился сын, который стал родоначальником всех шаманов; первый шаман имел волшебную силу, полученную в наследство от шамана-орла и посредством своей силы присваивал себе всё, что ему было угодно; Эрлик-намон-хан жаловался богу Будде: живёт шаман, который присваивает себе всё, что угодно ему; Будда, чтобы испытать волшебную силу шаман, взял душу единственного сына одного богатого человека, положил её в бутылку, отверстие зажал пальцем; шаман, превратившись в осу, прилетел к богу и укусил его в лоб; бог вздрогнул и опустил палец с бутылки; шаман взял душу и полетел на своём бубне; бог пустил в первого шамана *ошир-хонхо*; она попала в бубен и пробила его крылья, лишив возможности лететь дальше; с тех пор бубен шамана стал открытым и неспособным к полёту, а волшебная сила шамана убавилась наполовину; поэтому современные шаманы не имеют такой волшебной силы, как их шаманы-предки [Дамеев 1927: 69-70].

Прибайкальские (кудинские) буряты: у Солбона заболел сын Сокто; Солбон позвал двух кудинских шаманов, Маланака и Майдара; последний был непосвящённый; шаманы прибыли на радуге на небо и выяснили, что Сокто заболел из-за единственной дочери моря; Маланак начал приносить жертву; в итоге жертва была принята и Сокто выздоровел; когда шаманы спускались обратно по радуге, небесные божества в насмешку отрубили её; шаманы стремглав полетели вниз; когда оставалось совсем немного до земли, Майдар превратился в беркута и, схватив Маланака за спину, благополучно спустился вниз; там шаманы увидели, что на дворе одного бурята совершается треба; местный шаман совершал обряд зазывания; Маланак и Майдар увидели *дахабари*, поймали её и отняли у неё душу ребёнка; шаманы закопали *дахабари* в землю; местный шаман прекратил обряд зазывания, сказав, что не может сделать так, чтобы жертва была принята, после этого вся толпа ушла в юрту; Маланак и Майдар сделались невидимыми и зашли в юрту, к которой оказалось много шаманов; Майдар надел на голову худшего шамана обруч, а Маланак хлестнул шамана пламенем; шаман упал, затем начал камлать, приговаривая, что кудинские белые ребята молодцы; Маланак и Майдар проделали это над всеми остальными шаманами; потом Маланак и Майдар прекратили быть невидимыми и рассказали о *дахабари*; шаманов приняли с подобающей честью, Маланак принёс жертвоприношение своим родовым шаманам Ардайским [Михайлов 1996: 75-77].

Вилуйские якуты (Хаданский наслег Хочинского улуса): младший из двух братьев женился; весной родился красно-пегий жеребёнок, который обещал быть хорошим конём; осенью младший брат заболел и умер; лёжа мёртвым, он всё видел и слышал; его похоронили; он услышал, что наверху кто-то начал разрывать могилу; крышка гроба открылась и погребённый увидел четырёх чёрных людей; они его подняли, усадили и повернули лицом в сторону дома; из глубины могилы с рёвом показался чёрный бык с близко сходящимися рогами; бык захватил сидящего человека между рогами и спустился обратно по тому отверстию, по которому поднялся; они добрались до места, где был дом; из дома слышался голос, приказавший принести человека; выскочили чёрные люди, схватили принесённого, занесли его в дом и посадили на ладонь старика; старик определил тяжесть человека и сказал, чтобы его несли обратно; бык вынес человека обратно и усадил на прежнее место; ночью прилетел чёрный ворон, который поднял человека и полетел с ним наверх; они пролетели через отверстие и оказались в месте, где тоже светило солнце и луна, а дома и амбары были из железа; местные люди были вороноголовыми; изнутри дома слышался голос, велевший принести человека; выскочившие парни выполнили приказ и

посадили человека на ладони старика; старик, испытав на ладони его на тяжесть, велел парням положить человека на самое верхнее гнездо; парни выполнили приказ; гнездо было на лиственнице, верхушка которой достигала неба; на гнездо прилетел белый крылатый олень, соски которого приходились человеку прямо в рот; он начал сосать их; человек лежал там три года; чем больше он сосал оленя, тем меньше становилось его тело, пока не стало с напёрсток; лёжа в гнезде, человек однажды услышал голос старика, велевшего одному из своих сыновей спуститься на среднюю землю и принести оттуда жену; сын старика вернулся, держа за волосы женщину; началось пиршество; лежащий в гнезде услышал голос, говорящий, что их сын, который живёт в средней земле, возможно, поднимется за женщиной; женщину заперли в амбар; лежащий в гнезде услышал гром шаманского бубна в средней земле; доносились приближающиеся звуки пения и в выходном отверстии показалась голова шамана; поднявшись, шаман приставил поперёк ко лбу колотушку своего бубна, затем превратился в быка с единственным рогом, выбил двери амбара, где была заперта женщина, и вместе с ней спустился вниз; сын старика снова отправился на среднюю землю и вернулся с другой женщиной; её запрятали, уменьшив в крошечное насекомое, у среднего столба юрты; снова послышались звуки бубна и пения шамана; шаман нашёл женщину, раздробив столб, и унёс её вниз; сын старика спустился в третий раз и вернулся с той же женщиной; верхние люди заранее приготовились: у выходного отверстия зажгли костёр и, держа в руках горящие головни, стали около; когда в отверстии показался шаман, они, ударяя головнями, спровадили его обратно; к концу третьего года лежащий в гнезде услышал голос старика, давший ему имя Ааджа-Шаман и сказавший, что настало время послать его вниз, вселить в женщину, которая затем родит его; только вступив в пятилетний возраст, этот человек вспомнил, как раньше родился и жил на земле, как возродился наверху; с восьми лет он начал шаманить, а с двенадцати стал великим шаманом; он родился недалеко от места, где жил в первое своё рождение; жена его вышла замуж, а пегий жеребёнок стал знаменитым конём; на одном *ысыахе* молодой шаман встретил того шамана, который поднимался наверх, когда он лежал в гнезде; тот его узнал и сказал, что видел его в гнезде, сосущим мать-зверя; молодой шаман разгневался из-за того, что секрет его рождения разглашается; в ту же ночь он умертвил старого шамана [Ксенофонов 1992а: 62-65].

Вилуйские якуты (селение Нюрба): младший из двух братьев-шаманов заболел оспой; старший брат начал камлать над больным; младший брат предупредил, что не стоит вступать в состязание с духом оспы; старший брат его не послушался и стал бодаться;

прежде чем выйти на борьбу с духом оспы, шаман запретил жене выглядывать на двор; услышав голоса борющихся, жена не выдержала и нарушила запрет; на дворе она увидела двух бодающихся быков; когда женщина выглянула за дверь, муж чуть повернул свою голову, чтобы взглянуть на неё; в это время противник проткнул его рогами; спустя несколько дней шаман умер; в результате оспа истребила весь род кроме двоих человек, которых спас младший шаман [Ксенофонтов 1992а: 85-86].

Виллюйские якуты (Верхне-Виллюйский улус): шаман Бодонгкос рассказывал, как он бодался с духом оспы, приняв вид быка; шаман проиграл своей жене, которая открыла двери юрты и выглянула, чтобы взглянуть на противников; противоборство шамана разгневало оспу – из его семьи погибло семь человек [Ксенофонтов 1992а: 86].

Виллюйские якуты (селение Нюрба): шаман во время камлания, бросив свой бубен, начал издавать бычий рёв и, встав на четвереньки, обеими руками стал рыть землю; на голове у шамана появились рога, которыми он стал ковырять землю; до этого шаман приказал прикрыть горячие угли пеплом и в юрте было темновато; затем рога у шамана исчезли; он попросил у присутствующих нож, но никто ему не дал; шаман, подставляя свой бубен отверстием вверх, стал сильно в него бить около дверей; в бубен сверху упал нож, который тут же оказался в руках у шамана [Ксенофонтов 1992а: 86-87].

Виллюйские якуты (Тылгынинский наслег Виллюйского р-на): духи оспы, семь сестёр, приходят в Мастахский улус и пляшут посередине озера; услышав это, шаман Суор Уола превращается в дым и улетает в небо; затем он оборачивается в русскую иголку, прячется в щели дерева и подслушивает разговор сестёр; семь девушек-стерхов распределяют между собой кому куда идти; никто из сестёр не хочет оставаться в Мастахском улусе, опасаясь шамана; в итоге решают оставить старшую сестру и советуют убить шамана следующим образом: оборотившись в огонь, упасть в кашу, которую он ест; сёстры превращаются в туман и исчезают; шаман отправляется домой и просит домочадцев сварить большой котёл *саламаату*; домочадцы выполняют просьбу, когда они собираются снять котёл, на *саламаат* падает уголь величиной с человеческий глаз; шаман вскакивает, хватается за уголь и опускает его в бутылку; заткнув бутылку, шаман кладёт её в железную бочку и, вырубив прорубь, топит в воде; бочку шаман обматывает верёвкой, конец которой привязывает к палке на краю проруби; оспа распространяется по всей земле за исключением Мастахского улуса; когда шаман вновь слышит песни и танцы сестёр, он бежит к проруби, достаёт

бутылку и отправляется к берегу озера; шаман открывает бутылку, находившийся в ней уголь превращается в синее пламя и исчезает; бутылку шаман разбивает о землю, а сам, превратившись в русскую иголку, прячется в щели на берегу озера; к девушкам приходит их исхудавшая старшая сестра, которая рассказывает, что с ней сделал шаман; сёстры танцуют и расходятся; прибыв домой, шаман рассказывает своему народу о том, как он победил оспу; перед смертью шаман завещает похоронить его таким образом, чтобы голова и руки находились над землёй, при этом в руках должны быть бубен и колотушка; люди выполняют его завещание [Эргис 1960: 297-301 (текст № 198)].

Центральные якуты (2-й Легейский наслег Усть-Алданского р-на): шаман Адагалаах имеет обыкновение состязаться с другими шаманами; на гору Ытык Хайа прилетает шаман Кисинчэ, превратившийся в птицу; он ест траву с другого берега; шаман Адагалаах видит это и бросает в него железную острогу; Кисинчэ замечает острогу и взлетает ввысь; острой срезает лишь одно перо с крыла; шаман Кисинчэ исчезает; спустя девять суток шаман Адагалаах выезжает на гору на быке; над рекой поднимается пурга; Адагалаах снимает ярмо с быка, в это время Кисинчэ бросает в него острогу, которая срезает спинной мозг, убивает Адагалааха и быка; пурга длится трое суток, после её окончания жители наслега находят Адагалааха и хоронят его; сын Адагалааха, не достигший законного возраста, имеет склонность стать шаманом; он камлает, но не может дойти до трижды девятого *олоха*; юноша превращается в сокола, поднимается только на шестой *олох* и смотрит оттуда на средний мир; юноша узнаёт, что его отца убил шаман Кисинчэ; достигнув совершеннолетия, юноша превращается в сокола и прилетает на местожительство Кисинчэ; его не оказалось дома; юноша превращается в кошку, ложится у подножия берёзы по левой стороне дома; увидев в загоне два стада коров, он бросает острогу; появляются люди в белых одеждах с длинными палками в руках; эти духи-покровители скота запрещают сыну Адагалааха убивать коров; юноша продолжает ждать, убивает собаку, вышедшую из дома; жена шаман Кисинчэ запирает дом; юноша убивает вышедших из дома ребёнка и беременную женщину, а также подъехавшего с возом мяса старика и его быка; вечером возвращается Кисинчэ на коне; Кисинчэ, заехав на свою поляну, кидает искры из глаз и узнаёт о присутствии шамана; Кисинчэ подъезжает к коновязи и слезает с коня, юноша кидает в него острогу; Кисинчэ отбрасывает её в сторону рукой и начинает привязывать коня; юноша вновь бросает острогу, Кисинчэ отбрасывает её в сторону; то же самое повторяется, когда Кисинчэ заходит в дом; Кисинчэ заставляет жену отлить в огонь верхний слой супа из конины, после этого из огня вылетает ястреб; юноша

убегает, ястреб гоняется за ним девять лет; за это время юноша проходит между мизинцем и кольцом человека и через трубчатый стебель травы; за это время шаман Баабыр достигает совершеннолетия, прячется, спустившись к предкам девяти шаманов; Кисинчэ является следом за ним; Кисинчэ и Баабыр жалуются, их взвешивают, оба они оказываются равны; их направляют в нижнюю страну; шаманы спускаются вниз и бодаются на железном мосту над огненным морем, превратившись в пауков; через три года оба срываются; Баабыр, воспитывавшийся немного у шаманки Алысардаах, начинает просить её о помощи; шаманка превращается в небесного голубя, прилетает и хватает когтями шамана Баабыра, уносит и отпускает его на свою землю [Эргис 1960: 264-267 (текст № 184)].

Центральные якуты (о-в Тоён-Арыы, р. Лена = 1-й Мальжегарский наслег Западно-Кангаласского улуса): два брата-шамана, боясь приближающейся с юга оспы, бежали в горы вместе со скотом; с их табора убежала одна кобылица; Джаанай велел младшему брату пригнать её обратно; младший брат вскочил на коня и отправился в путь; он доехал до того места, где они стояли табором в предыдущий день, и увидел кобылицу, которая лизала пепел с потухшего костра; подойдя к кобылице, шаман ударил её таловым прутом, после чего она превратилась в пороза с особой отметиной на лбу; пороз ударом своих рогов распорол живот шаману; он, упав навзничь, засунул себе вывалившиеся кишки обратно в живот, плюнул на руку и залечил рану; шаман приехал к брату, сказал, что оспа убила его, и умер; старший брат превратился в быка и побежал; встретившись с духом оспы, он условился с ним о месте борьбы; в этой борьбе бык-шаман вышел победителем; оспа дала обязательство, скреплённое кровью, что не будет бывать у потомков шамана, что его наслег будет жить в течение девяти поколений без болезней [Ксенофонтов 1992а: 81-82].

Центральные якуты (о-в Тоён-Арыы, р. Лена = 1-й Мальжегарский наслег Западно-Кангаласского улуса): шаман Джаанай совершил камлание и направился к своему отцу, сыну Хаара-Суоруна; шаман выпросил коня, при этом отец выдвинул требование: шаман должен приехать к нему навсегда, как только коню исполнится девять лет; когда конь достиг восьмилетнего возраста, шаман заколол его на пищу, а отцу, сказал, что конь украден; шаману вновь дали коня с требованием – прибыть на нём, когда исполнится восемь лет; этого коня, доведя до семилетнего возраста, шаман тоже съел; затем он начал камлать, но когда оставалось пройти три *олох*, шамана прогнали обратно; ему дали нового коня, которого нужно было довести до трёх лет; за год до окончания срока шаман его съел;

после этого шаман долго жил, постарел и обессилел; шаман погиб во время поединка – он и его брат бодались, превратившись в порозов [Ксенофонов 1992а: 82-83].

Центральные якуты (о-в Тоён-Арыы, р. Лена = 1-й Мальжегарский наслег Западно-Кангаласского улуса): у Джаанайя была младшая сестра – шаманка светлых, небесных духов; недовольная преступлениями брата она решила покинуть страну; шаманка превратилась в птицу и вылетела в дымовое отверстие; брат надел шаманский плащ и три раза перевернулся, стоя на одном месте; птица, чуть не коснувшись земли, вспорхнула снова и улетела; шаман проделал это три раза; сестра, как шаманка, была сильнее его и с тех пор исчезла [Ксенофонов 1992а: 83-84].

Центральные якуты (Мытахский наслег Западно-Кангаласского улуса): шаман Наачабыл и оспа бодались, превратившись в быков; силы оказались равными и противники разошлись, заключив договор больше не встречаться; оспа дала подписку никогда не бывать среди потомков шамана [Ксенофонов 1992а: 87].

Центральные якуты (Олбинский наслег Таттинского р-на): шаман Дойомпо, когда ему было десять лет, каждый вечер заходил в *хоттон* и исчезал там; родители искали своего сына, зажигая лучину, но не находили его; если шаман считал вознаграждение за камлание недостаточным, то выходя из дома, падал и садился на пол; в этот же день умирал один из лучших людей или пропадала лучшая скотина; каждый год шаман рожал вечером девятого января, он рожал на холме с маленьким озерцом, рожал через пуп рыбу-щуку, которую выпускал в озеро; после того, как один старик дал ему мало водки, шаман обратился в вихрь, вынул и сожрал *кут* его единственной дочери; ребёнок начинает болеть, старик просит о помощи Дойомпо, но тот отказывается; старик обращается к приёмному отцу своей дочери, который идёт к Дойомпо и угрозами заставляет его прийти к больному ребёнку; увидев шамана, девочка требует увести его прочь; Дойомпо отводят в соседний дом, где он начинает камлать; шаман заявляет, что дух не поддался ему и уходит домой; ребёнок умирает; шаман ссорится с богачом и в течение трёх лет пытается его съесть, но *кут* богача убегал от него в дом солнца; когда шаман приходил, чтобы съесть лошадей богача, то его не подпускал жеребец; когда пытался съесть рогатый скот, не подпускал его бык-пороз; в итоге шаману удаётся съесть лишь единственную дочь богача; шамана священник приводит в церковь и заставляет класть поклоны; шаман долго ищет *кут* священника; увидев большую ель у начала дороги, шаман предполагает, что в ней

находится *кут* священника, превращается в гром и разбивает ель, из-за чего священник умирает; шаман намеревается погубить богача; во время тумана ко двору богача приходит *абаасы* шамана в виде быка; бык поднимает *урасу* и опрокидывает её, затем обращается в вихрь, поднимает *урасу* и уносит её; когда шаман постарел, к нему пришли люди, заставившие его переселиться в другую местность; шаман проклинает князя, приказавшего это сделать; приехав на новое место, шаман лежал при смерти; около него стояла толстая трость, с которой он не расставался всю жизнь; когда трость с треском разломалась по середине, люди увидели, что шаман умер [Эргис 1960: 259-262 (текст № 182)].

Северные якуты (Усть-Янский улус): у шамана Гуся не было детей; чтобы его имя не забылось, шаман собирается улететь на юг, добыть интересные сведения, которые останутся в памяти людей; шаман оставляет жене свои внутренности, превращается в гуся и улетает с гусями; весной шаман возвращается немым, жестами требует от жены принести внутренности; жена, вынося из погреба замёрзшие внутренности, поскользывается, падает и разбивает их; шаман умирает, ничего не рассказав [Кулаковский 1972б: 284 (текст № 9)].

Северные якуты: бытантайский шаман умел превращаться в стерха; перед своим полётом он рассказал жене, что вынет из себя внутренности, обратится стерхом и полетит на юг; шаман предупредил, что оттуда вернётся семь стерхов, которые сядут на надворье, их должны будут окружить семь девственниц с верёвкой; шаман велел, чтобы после того, как шесть стерхов улетят, ему разрезали живот и вложили внутренности, затем он превратится в человека; слова шамана сбылись, но жена, которая пошла за внутренностями для стерха, по пути их случайно изорвала; шаман умер, так и не рассказав, что он видел на юге [Худяков 2002: 85-86, прим. 7].

Северные якуты (Верхоянский окр.): шаман Кычакан умел бывать сразу в семи местах; когда его стали сечь, он являлся в семи видах; когда хватали одного и начинали сечь, выходил новый Кычакан, который призывал сечь пойманного ещё больше [Худяков 2002: 143].

Тундренные юагиры (западные тундренные р-ны Колымы): у старого и сильного шамана есть дочка, которую он хочет выдать замуж за лучшего из людей; шаман превращается в арктическую лису и отправляется в путь; первому встречному мужчине шаман позволяет себя поймать; мужчина хватается лису за спину, после чего шаман

устремляется вперёд и тащит за собой человека; шаман бежит до реки, превращается в рыбу и прыгает в воду, утаскивая за собой человека, который затем тонет; далее шаман, обратившись в красную лису, снова отправляется в путь; первому встречному мужчине шаман позволяет себя поймать; мужчина хватается лису за спину; шаман устремляется вперёд и топчет человека в реке; после этого шаман обращается в горностаю и история повторяется; далее шаман превращается в чёрную лису и встречает молодого нищего странника; шаман позволяет себя поймать и бежит, увлекая за собой юношу; шаман достигает реки, превращается в рыбу и переплывает на другой берег, но странник остаётся жив; шаман бежит через скалы и лес, затем ныряет в море и переплывает на другой берег; странник по-прежнему остаётся в живых; шаман останавливается и предлагает юноше свою дочь в качестве невесты; юноша отказывается, убивает лису и снимает с неё шкуру [Bogoras 1918: 20-21].

Чукчи: был великий и богатый шаман Мээмгын, жил в срединной земле; его единственный сын Рынтэу умер; Мээмгын искал его по всей земле, обыскивал все вселенные, не мог найти; прошло три года, тело сына всё сгнило; отец послал двух работников к Чесоточному шаману, туда, где небо и земля сходятся; Мээмгын выбрал им четырёх оленей, запряг их в сани, работников посадил на сани, сам надел узду на оленей, вожжи надел им на руки, заговорил оленям уши и головы, сани и сбрую; окончив заговор, дунул, – полетели они по воздуху как гуси; у Чесоточного сто домов, он лежит издавна в пологе, ибо не может сам пошевелиться; всё тело его покрыто паршами; ещё до прихода работников говорит жене: «Положи меня у задней стены, дай мне бубен, я немного постучу, посмотрю в бреду»; постучал, говорит жене: «Свари побольше еды, гости сегодня будут»; работники пришли, рассказали об умершем сыне, стали просить помощи, пообещали награду; там где живёт Чесоточный, около домов ходят не олени, а собачьи стада; собаки большие и жирные, не меньше оленей; Чесоточный увидел оленей, стал их разглядывать, сказал, что они – его; работники стали думать, как поедут обратно, что оленей съедят собаки; шаман узнал их мысли, успокоил их; оленям стал наговаривать в глаза, уши, ноздри, рот; когда окончил, убежали олени, задрал хвостики, как собаки, добежали до собачьего стада, стали нюхать друг друга (собаки и олени); вечером шаман и работники отправились в путь; около его селения есть высокая крутая гора; шаман взял бубен, работники взяли его под руки и понесли на верх горы; шаман сказал им, чтобы ложились спать; когда они заснули, шаман сорвал всю траву вокруг себя и стал плести верёвку, сплёл травяную верёвку, выплел и узды, и вожжи; узды надел на спящих, вожжи взял в руки; дунул, понеслись по воздуху как

птицы; опустились на горе около шатра Мээмгына; работники утром проснулись, увидели, что оказались дома; Чесоточный расспросил Мээмгына, где тот искал сына; выяснилось, что не искал во вселенной, которая выше всего есть над нами и которая принадлежит Птичьей женщине; Мээмгын не знал об этой вселенной, Чесоточный отправился туда; загремел бубном, ушёл вместе с ним внутрь земли; потом далеко за шатром слышался шум; вышел из земли и взвился с бубном вверх, до вселенной Птичьей жены; по дороге миновал три вселенные, запутывал следы; достигнув вселенной Птичьей жены, шаман увидел железный шатёр, у задней стены которого была перевязана железными ремнями по всем суставам душа мальчика; Птичья жена откармливала его себе на пищу; когда шаман прибыл, похитительница улетела добывать мальчику на еду китовую кожу; у дверей были привязаны двое *рэккэ* (чудовища с медвежьей пастью и огромными парусообразными ушами, способными уловить малейший шорох); Чесоточный обернулся комаром, хотел было влететь в шатёр, на него щёлкают зубами – уловили шум крыльев; попробовал залететь оводом – не получилось, белошапкой и бабочкой – тоже; шаман обернулся мясной мухой, полетел в шатёр; *рэккэ* внимания не обращают, им шорох мясной мухи знаком издавна; шаман развязал мальчика, обернул и его мясной мухой; полетели в свою вселенную, вели кругами следы, как лисица; когда достигли третьей вселенной, догнала их Птичья жена; стала угрожать, потом махнула крыльями; затрепыхался Чесоточный, как сухой лист от вихря; в ответ он вобрал руку в рукав, из рукава мизинцем к небу повёл, сошёл с неба огонь и опалил крылья Птичьей жены; она снова стала махать крыльями, но в них уже не было ветра; шаман ещё раз повёл мизинцем: сошёл с неба огонь и сжёг всю Птичью жену; Чесоточный продолжил путь; сидящие в шатре Мээмгына слышали шум бубна; Чесоточный спустился с неба, вошёл внутрь земли, немного после этого вышел из земли посреди полога; рассказал, что нашё мальчика; позвал своих духов и дал им держать душу; щёлкнул горлом и проглотил кучу гнили перед Мээмгыном; попросили принести новую шкуру; когда её разостлали, Чесоточный харкнул и выхаркнул тело мальчика: кости вошли на место, мясо приросло к костям; опять щёлкнул горлом, проглотил тело, выхаркнул его, обтянул тело новой кожей, загладил все изъяны; в третий раз проглотил и выхаркнул: кровь блеснула на щеках, только что не говорит; Чесоточный взял душу у духов, проглотил и выхаркнул её на тело; прошла сквозь тело, как стрела, вонзилась в стену; Чесоточный сказал, что она не припаивается, т.к. слишком холодное тело; затем проглотил тело, разогрел его в своей утробе, опять выхаркнул; Чесоточный бросил в него душу, мальчик стал произносить звуки и сел; обрадованный отец предложил Чесоточному на выбор одно из пятнадцати оленьих стад; Чесоточный выбрал пятнисто-серое, самое

многочисленное; работники привели оленей, пять дней шло мимо шатра стадо, оно встало вокруг него на три дня пути в глубину; Чесоточный сказал: «Ну, я уезжаю; только пусть все люди войдут в полог и не выходят вон; ибо всё, что будет снаружи, захвачу с собой. А я весьма далёкий! А за парнем смотрите! Я сделал его шаманом бóльшим, чем я сам. Но ум его будет склонен на худое. Но берегитесь с этим спорить, ибо вам будет худо»; Чесоточный ударил в бубен, запел свою песню и двинулся из шатра; тотчас же шум стада и звук песни стали удаляться вверх; как только уехал Чесоточный, Рынтэу стал поступать безумно, обижать людей (насилловать женщин и хватать мужчин за половые члены); ничего с ним сделать не могли; повалят его, начнут вязать, смотрят, а он уже совсем в другом месте; пробовали делать порчу, он собирал в рукавицу все слова тех людей, которые его пытались испортить, в рукавице завязывал и утром раздавал их обратно; отец решил, надо его известить; пошёл на вечернюю сторону к старухе Кэля, договорился с ней; вернувшись домой, отец сказал Рынтэу, чтобы тот принёс гарпун, лежащий за шатром; за дверями стояла Кэля, подняв железный посох навзмах удара; Рынтэу увидел её, вспорхнул гусем, пробил сзади старухи крышку шатра и улетел на сторону ночной темноты; старуха не смогла догнать; на ночной стороне Рынтэу переночевал у филина, тот рассказал, как пройти в светлую землю, миновав старуху Кэлю; Рынтэу переночевал ещё у ворона и вернулся домой; ещё хуже стал он поступать с людьми; отец послал его высватать дочь у Кэля, который живёт на восточной стороне в тёмной земле; Рынтэу высватал, привёз дочь домой, тотчас же забеременела; у соседей, где увидит ребёнка, тут и съест; люди жалуются отцу, тот послал Рынтэу за дочерью Кэля, который живёт на западной стороне в тёмной земле; Рынтэу и её высватал, привёз домой, она сразу забеременела; в соседних шатрах, где увидит старика, тут и съест; люди жалуются отцу; тот послал Рынтэу за великим ножом (мечом) Кэля, который живёт на северной стороне в тёмной земле; Рынтэу отправился, увидел круглую скалу без дверей; стал кричать, оттуда голос отвечает: «Войди!»; но двери нет; опять стал кричать, камень раскрылся и впустил его; там жили старик и старуха (*кэля*), всё жилище было наполнено шкурами песцом, лисиц, горностаев, белок; Рынтэу сказал, что пришёл шаманить, а сам смотрит: нож тут же лежит; зашаманил Рынтэу; шкуры песцов, лисиц, горностаев и белок ожили и стали плясать под стук бубна; Кэля тоже стали плясать, затем устали, упали, заснули; Рынтэу схватил нож и убежал; принёс домой нож, повесил над пологом; кто коснётся его рукой, умирает, кто посмотрит, заболит; а жёны едят детей и стариков; отец отправил Рынтэу за море, в гости к своей сестре; отец зарезал двух белых сук, содрал шкуры и одел невесток, а языки им обвязал крепко; приехал Рынтэу, ему сказали, что жёны из-за скуки уехали по домам; а две суки так

и ходят вокруг Рынтэу; он развяза им языки, они заговорили; содрал и собачину, снова стали ему жёнами; сильнее прежнего стали истреблять людей; отец пошёл на сторону восхода, нашёл старушку Кэрэк; по дороге сказала старуха с порчей отцу, что если застанут его в пологе, то ладно; если застанут на дворе, надо сказать ему, чтобы вошёл в полог, а когда войдёт, надо чтобы тотчас же вышел; пришли домой, сын работал снаружи; отец пригласил его в полог; когда Рынтэу вошёл, отец сказал ему выйти наружу; старушка Кэрэк создала волшебством одну вселенную внутри полога, другую вселенную внутри шатра, третью вселенную снаружи; Рынтэу вышел из полога, пошёл вперёд, потеряв ум; у берега были морские утёсы, на них – каменные отростки прямо над водой; на одном из них очутился Рынтэу, тогда очнулся; место незнакомое, сойти нельзя; просидел два дня, мимо пролетал ворон, который в обмен на всех живых дома рассказал Рынтэу, как выбраться отсюда и попасть на землю, где на старых кочевиях необходимо найти иглу и напёрсток; над ними дома нужно совершить служение с помощью бубна, на который по дороге домой надо натянуть шкуру большого жука; Рынтэу прыгнул на проплывающую мимо кокору; пристав к каменистому берегу, зажмурил глаза, собрал в горсть дресвы и стал пересыпать камешки из руки в руку; когда ощутил, что они мягкие, как морошка, бросил через голову; его подхватило, понесло по верху и перенесло за море; опять пристал к каменистому берегу, сделал то же самое, что и раньше, с дресвой; его подхватило, перенесло по верху и перенесло в его землю; Рынтэу объявил, что на следующий день будет служение, построил огромный шатёр; собрались люди со всех сторон; стал он шаманить на своём маленьком бубне, а старуха Кэрэк устроила подножие из опрокинутого котла и, взобравшись на него, давала Рынтэу певучие ответы; собрались все мужчины, женщины и дети; только одной сиротке Рынтэу приказал остаться снаружи; она вышла, тогда он сказал: «Сюда игла»; сверху сквозь трубу спустилась игла, как на ниточке; Рынтэу сказал, что пусть возьмёт её та, кому она подходит по руке; женщины стали тянуть руки, игла уклонялась, не давалась им; Рынтэу сказал, что если никто не может взять, то пусть её уберут обратно; иглу утянуло вверх; та же история произошла с напёрстком; затем сверху спустилась бусина, как ягода морошки, укреплённая на серебрянной нити; женщины потянули к ней руки, схватили за нить; кому не досталось места, те хватили за руки соседок; Рэнтэу ударил в бубен и запел о договорённости с вороном; затем подпрыгнул вверх, выпрыгнул через дымовое отверстие; бубен его вырос, застрял в отверстии и закрыл его собой; двери и выходы из дома исчезли; колотушка сама стала стучать в бубен; бусина стала расти, теснить людей; в итоге она наполнила весь дом, сжимая людей; лопнули и распались связи

дома, полилась кровавая река; остались на земле только двое, Рынтэу и сиротка; он женился на ней, от них снова размножился человеческий род [Богораз 1899: 263-270].

Азиатские эскимосы-юпик (Провидения): шаман К,утылын умел летать: однажды ночью он поехал из Чаплино – забирать сложенных нерп; увидев летящего шамана, К,утылын тоже взлетел в воздух; другой шаман постучал по нарте ножом и убежал (? – *И. К.*) в лагуну, где стал моржом; затем К,утылын увидел там раздетого человека, пошёл к нему и заметил, что и сам стал раздетым; после просьбы К,утылын очистил человека от снега; они познакомились, второй шаман – Асияк - прилетел с Аляски; когда летает, он убивает встречных людей; в это время у него дома народ песни поёт, он предлагает К,утылыну послушать, тот соглашается и слушает; шаманы обменялись бусами, чтобы им потом поверили; когда Асияк улетел, К,утылын увидел лежащего на льду около нарты человека; подошёл туда и увидел, что это его одежда и нарта; одевшись, К,утылын стал думать как достать нерпу – у него не было с собой палки; но нерпы оказались уже вытащенными на снег; уставший К,утылын сел на нарту, собак у него не было, он стал кричать так, как погоняют упряжку, и закрыл глаза; открыв глаза, К,утылын увидел, что он уже около Чаплино [Крупник 2000: 476-478].

Ительмены: *тойон* шаман Марлин мог превращаться в медведя; звери исполняли его желания; мог остановить на бегу соболя – тот оказывался с переломанными ногами; шаман знал, если кто-то пытался брать из его капканов соболей; вор оставался неподвижным около капкана; каждое лето медведь давил коров в селе; гибли коровы тех хозяев, на которых сердился шаман; летом шаман исчезал; однажды пропала его сноха; с тех около селения стали бродить два медведя: *секач* с *матухой*; зимой сын шамана, у которого пропала жена, поехал за дровами и обнаружил около них берлогу; вместе с братом он убил медведя; когда братья разостлали шкуру на снегу, на неё выскочила *матуха*, которая сказала, что они убили отца; затем она превратилась в женщину и всё рассказала; она следила за шаманом, в лесу он воткнул в землю нож и перескочил через него; она тоже перескочила и превратилась в медведя; шаман, сказал, что теперь он не сможет превратиться в человека; шаман специально сделал берлогу около дров, так как знал, что здесь его быстрее убьют и с помощью этого сноха станет человеком; шаман предупредил, что её нужно будет выпрыгнуть на его шкуру; жена шамана осталась жить в деревне; за шаманские дела её сожгли за рекой на большом костре; она не сопротивлялась, но только

не велела жечь себя за рекой, иначе исчезнет рыба; предсказание старухи сбылось, наступил голод [Орлова 1999: 135-136].

Нанайцы: зимой орока с двумя гольдами возвращался с охоты; они ехали на двух нагруженных нартах, которые еле тащили уставшие и голодные собаки; охотники заехали в стойбище Дондон; там шаман Опенка попросился с ними ехать до следующего стойбища; охотники согласились, но про себя подумали, как же они его повезут на усталых собаках с нагруженными нартами; шаман угадал их мысли и сказал, что удастся доехать до захода солнца; охотники удивились, ведь и на свежих собаках можно было доехать лишь ночью; когда они собрались в путь, шаман велел охотникам ехать вперёд и сказал, что догонит их; охотники отъехали от стойбища, собаки вдруг понеслись стрелой вперёд; оглянувшись назад, охотники увидели преследующего их тигра; всю дорогу тигр гнался за ними, поэтому собаки неслись без остановки; до захода солнца охотники доехали до стойбища, соскочили с нарт и забежали в фанзу; вскоре в фанзу вошёл шаман Оненка; все кинулись на двор, чтобы посмотреть, на чём он приехал; люди пошли по его следам по снегу, под амбаром человеческие следы закончились, там было на снегу заметно, что валялся какой-то зверь, и дальше шли следы тигра [Лопатин 1922: 202].

Орочи: шаман пытается помочь своей бесплодной жене; он превращается в орла, летит за море, похищает у одной женщины беременность и улетает обратно; местный шаман пускается в погоню за птицей, стреляет из лука и отбивает правое крыло; шаман-похититель всё-таки долетает до дома и приносит душу ребёнка; правая рука шамана остаётся парализованной [Березницкий 1999: 130-131 (текст № 32)].

Ульчи (с. Булава Ульчского р-на Хабаровского края): шаманка Анга, превратившись в козу, напала во сне матери на её дочь; та прогнала козу от ребёнка; на следующий день шаманка сидела с повреждениями, которые были аналогичными ранам козы во сне [Портнова 2008: 39].

Нивхи (восточное побережье Сахалина): жили два брата с родителями, сестрой и зятем; старший брат со своим зятем по реке к сопке спустился соболя искать; сделали балаган (шалаш); зять дрова рубил; его тесть по воду пошёл; зять до темноты своего тестя не дождался; потом зять за своим тестем спустился и увидел, что тесть лежит мёртвый в воде; зять схватил его и принёс в дом; ночью, копьё взяв, около своего порога ждал; по реке вниз

по течению смотрел; по реке, вверх по течению, два больших огня наравне поднимались; совсем приблизясь, к двери подошли; большой сивуч в дверь зашёл, зять своим копьем этого сивуча колот; сивуч упал мёртвым, потом ожил; зять, бересту зажегши, посмотрел – кровь к реке спустилась; на следующий день, когда приближался к своей деревне, встретил младшего тестя; тот сказал: «Я страшную новость имею. В эту ночь твоя старуха сразу, кровью истекая, умерла. Я-то испугался, пришел»; зять рассказал ему, что произошло вечером; они принесли тело старшего тестя в деревню; мать с сыном вместе сожгли; их мать – сильный шаман – к своему ребенку поднявшись, его убив, съест хотела; в кашалота превратившись, поднявшись к нему, зло сделала [Таксами 1977: 105-106].

Нивхи: два брата отправились на рыбалку; договорились объехать остров с разных сторон и затем встретиться; вечером младший брат нашёл старшего брата в лодке, приставшей к берегу; младший брат сел рядом, сорвал прутик, впереди себя его поставил, взял острогу и стал ждать (злого духа); когда стемнело, со стороны деревни прилетел орёл, сел на лодку с мёртвым; младший брат кинул в него острогу, попал; стали тянуть друг у друга, верёвка порвалась, орёл улетел; младший брат привёз старшего в деревню и похоронил; на другой день в соседнем доме все почему-то засуетились; младший брат пошёл туда, видит, что шаман-сосед стонет, а другой шаман камлает рядом; посмотрел, а острога торчит из груди больного; младший брат подошёл и выдернул свою острогу; «Так-то будет лучше!» – сказал; тот шаман умер, а брат вернулся домой с острой [Отаина 2010: 57-58 (текст I.10)].

VII.2. ПРЕВРАЩЕНИЕ В ПТИЦУ.

Шаман превращается в птицу.

Энцы [Лабанаускас 2002б: 95-99, 158-165; Функ 2008: 187 (№ 68/93)], нганасаны [Долгих 1976: 59-60 (текст № 16)], долганы [Попов 1937: 54-57; Ефремов 2000: текст 28], кеты [Алексеенко 1981: 114; 2001: 84 (текст 30); 104-106 (текст 45)], илимпийские эвенки [Васильев 1936: 255], «абаканские татары» [Катанов 1907: 449-451 (текст 438)], хакасы [Кузнецова-Ярилова 1909: 141-142 (текст I); Бутанаева 2007: 112], алтайцы [Подузова, Сагалаев 1983: 111-112], прибайкальские [Михайлов 1996: 75-77] и забайкальские [Герасимова 1969: 127-128] буряты, якуты [Эргис 1960: 264-267 (текст № 184); Кулаковский 1972б: 284 (текст № 9); Ксенофонтов 1992а: 83-84; 1992б: 208, 228-236;

Худяков 2002: 85-86, прим. 7; Balzer 1996: 307], орочи [Березницкий 1999: 130-131 (текст № 32)], нивхи [Отаина 2010: 57-58 (текст I.10)], чукчи [Богораз 1899: 267; 1939: 122, 141; Вдовин 1981: 208].

Энцы: на стойбище трёх братьев жил сильный шаман; братья уехали промыслять дикого оленя; к закату они вернулись с добычей на стойбище, каждый пошёл в свой чум; младший брат обнаружил, что его жена пропала; жёны остальных братьев не знали, куда она исчезла; братья нашли следы около крайнего чума, но не стали пускаться в погоню из-за наступления темноты; когда вернулся шаман, ему рассказали о случившемся; шаман начал камлать, затем сказал, что женщину похитил один богатый тунгус; на следующий день шаман велел младшему брату собираться в путь и взять с собой тунгусскую *парку* и *бакари*; старший и средний брат остались на стойбище, а младший брат и шаман отправились в путь по следам тунгуса; когда они догнали тунгусов, шаман сказал младшему энцу, чтобы он одел тунгусскую одежду, незаметно подошёл к стаду оленей и вместе с работниками гнал их; после этого шаман превратился в белую сову и улетел; энец всё сделал так, как велел шаман; ночью энец вышел из чума и заметил, что на концах шестов большого чума сидит белая сова; энец решил, что это шаман показывает ему, в каком чуме находится похищенная женщина; вскоре из чума вышла жена энца; энец окликнул её и они вместе убежали в лес; когда муж с женой добежали до деревьев, поднялась сильная метель, которую наслал шаман; к концу второго дня младший энец с женой вернулся в чум; шаман предупредил братьев, что предводитель тунгусов не будет мириться с пропажей женщины; покамлав, шаман рассказал, что тунгусы идут по следам к стойбищу братьев; по совету шамана братья немедленно начали готовить аргиш, а утром отправились в тундру; шаман остался на том месте, где стояли чумы; как только увидел тунгусов, тут же превратился в сову и сел на ближайшее дерево; тунгусы, заметив следы от аргиша, решили продолжить погоню, но поднялась сильная метель; шаман прилетел на стойбище трёх братьев, превратился в человека, вошёл в чум среднего брата и сказал, что теперь братья могут жить спокойно [Лабанаускас 2002б: 158-165].

Энцы: между собой соперничают два шамана: энецкий и эвенкийский; шаманы хвастаются друг перед другом, каждый обещает съесть своего противника; энецкий шаман предлагает сопернику улететь в край гусей, дабы не случилось ничего плохого; энец сообщает это своей жене и просит её поставить весной чистый чум; эвенк также говорит своей жене о путешествии и его причинах; энец, превратившись в лебедя, вылетает через дымовое

отверстие чума для камланий; пролетая над чумом другого шаман, энец зовет его в страну гусей; эвенк одевается в шаманскую парку и, превратившись в гагару, вылетает через дымовое отверстие; улетаая вместе с гагарами, он кричит оставшимся в чуме, чтобы они поставили чум, если он вернётся обратно; энец и эвенк улетаают в гусиный край; прилетевшие шаманы присоединяются к птицам; шаман-лебедь линяет среди лебедей, а шаман-гагара – среди гагар; крепкий пух шамана-гагары не линяет, а у шамана-лебедя облезают крылья и линяет пух; при встрече шаман-лебедь жалуется шаману-гагаре, что замерзает, и предупреждает его, чтобы он не попался в небесные сети; через какое-то время шаман-гагара во время ловли рыбы попадает в выставленные сети и оказывается пойманным людьми; шаман-лебедь выращивает себе новое оперение, с наступлением весны у него появляются новые крылья; шаман-лебедь возвращается в тот чум, из которого улетаал; он три раза облетает чум над дымовым отверстием и кричит по-лебединому; затем энецкий шаман садится в чистом чуме, в котором уже были приготовлены шаманская одежда и бубен; шаман начинает камлать, после камлания люди начинают спрашивать о судьбе второго шаман; шаман рассказывает о том, что эвенк попал в небесные сети, считая вероятным его возвращение; шаман предсказывает, что скоро станет лебедем, а его род будет кормить всех жителей земли, в отличие от священной птицы эвенков – гагары, которую будет очень сложно поймать [Лабанаускас 2002б: 95-99].

Нганасаны: шаман Нгамтусо предложил шаману Линанчера слетать с гусями в их землю; Линанчера попросил жену приготовить ему новую одежду и велел никому её не показывать; когда всё было готово, шаман полетел с гусями; пролетая над чумом Нгамтусо, Линанчера позвал его; другой шаман забыл о договорённости, не приготовил новой шаманской одежды и начал камлать в старой; Нгамтусо прилетел в страну гусей и увидел, что вода, на которой сидел Линанчера, была сплошь покрыта гусями; Нгамтусо улетаал линять на озеро; Линанчера отправился искать второго шамана; обнаружив Нгамтусо на озере, Линанчера предупредил, что оттуда не выбраться, если придут охотники; к реке, где линял Линанчера, пришли охотники; гуси спаслись; охотники пошли на озеро и убили там всех гусей, в том числе и Нгамтусо; на следующий год Линанчера вернулся домой; шаман полетел к заранее приготовленному чуму, спустился через трубу; люди Нгамтусо умирали с голода, из людей Линанчера никто не умер [Долгих 1976: 59-60 (текст № 16)].

Долганы: два шамана решили улетаать с гусями; шаманы приказали поставить чистый чум и рассказали людям о своих планах; покамлав, шаманы обратились в гусей и улетаали; они

пролетели через отверстие в небе, около которого сидела старуха, ловившая крючком посоха жирных гусей; пролетая около старухи, один из шаманов подумал, какая она противная; прилетев в страну, где летают гуси, шаманы приняли человеческий облик и стали жить в землянках; когда настало время линять, один из шаманов превратился в лебедя и полетел на озеро, второй шаман остался на реке, обратившись в гуся; на озере появились охотники, которые перебили всех, кроме хозяина слова шамана; после ухода охотников второй шаман прилетел на озеро; хозяин слова шамана-лебедя рассказал ему, что погиб из-за того, что плохо подумал о хозяйке вселенной, которой была старуха, сидящая у отверстия в небе; умирая, он завещал, чтобы впредь ни один шаман не прилетал сюда, так как хозяйке это не угодно; с наступлением весны родные шаманов поставили чистый чум; когда летели три стада гусей, что-то упало на чум; люди тихонько подошли к чуму и, услышав звуки бубна, вошли в него; там сидел вздрагивающий и порывающийся улететь шаман; люди стали подпевать ему, он превратился в человека и рассказал всё; услышав рассказ, другой шаман заявил, что уплывёт с рыбами в море; осенью шаман заставил людей поставить чистый чум, начал камлать в нём, вызывая снег и дождь; внутри чума побежали реки, заиграли рыбы; когда люди опомнились, ни воды, ни рыбы, ни шамана не было; весной люди поставили чистый чум и перегородили речной залив сетями; один парень поставил свои старые сети; шаман попался к нему в сеть, но сеть оборвалась и шаман исчез в воде; люди позвали другого шамана; после камлания он сказал, что хозяин реки не отпустит назад попавшихся к нему; с тех пор шаманы не спускаются в воду [Попов 1937: 54-57].

Кеты: лебеди раньше были людьми, поэтому их не убивают; два шамана, дядя и племянник, однажды ушли далеко; в том месте, где они сели отдыхать, было озеро; шаманы превратились в лебедей; у старого лебедя перья, крылья были большие и крепкие, а молодого – слабые; на озеро пришли люди и стали гонять птиц; младший лебедь улететь не может, старший не бросает его и кричит, чтобы тот бежал прятаться в валежник; сам он спрятался там, а молодой лебедь, не послушав старшего, побежал вперёд; его поймали собаки; второго лебедя люди не нашли и ушли; старый лебедь полетел искать младшего, но нашёл только перья; тогда он полетел к своим и сказал, что его товарищ пропал; все его люди стали лебедями; старый лебедь остался птицей и наказал другим лебедям, чтобы они, если люди будут гонять, лезли прятаться в валежник; сам он улетел в лес, кричит «кук, кук!», товарища ищет; так и сейчас летает [Алексеевко 2001: 84 (текст 30)].

Кеты: в образе лебедя, стрекозы, шмеля в легендарное время возвращались большие шаманы, улетавшие к Томам [Алексеевко 1981: 114 (прим. 122)].

Илимпейские эвенки (долины р. Хатанга и Котуй): два знаменитых шамана захотели посмотреть на те места, где зимует птица; шаманы превратились в лебедей и полетели осенью с лебединой стаей; шаманы прилетели туда, где зимует птица; оказалось, что там тепло и что нужно линять; все лебеди собрались линять, шаманы посоветовались, один решил линять вместе со стаей, а другой – где-нибудь в стороне, опасаясь, что лебеди узнают и забьют насмерть; в итоге первого без перьев лебеди узнали и убили, а второй благополучно вылинял и вернулся домой [Васильев 1936: 255].

Хакасы (качинцы): шаманка прилетела к пьяному шаману Джалбаку и, превратившись в муху, села у трубы его юрты; Джалбак держал в руке чашку вина и говорил, что ощущает дух этой шаманки; он выпил вино, а шаманка успела превратиться в пылинку и опуститься в чашку; Джалбак проглотил шаманку и сразу это понял; он начал призывать своих духов, но они не могли попасть к нему, так как шаманка заранее устала всю юрту своими; сама же она крутила у него внутри сердце; духу, который помогал держать шаману бубен, удалось из-под низа юрты пробиться сквозь духов шаманки и вместе с шаманом ухватиться за бубен; вслед за ним ворвались и остальные; Джалбак ударил себя бубном по животу и шаманка выскочила у него изо рта, превратившись в голубого горноста; Джалбак погнал её вниз по р. Тубе; шаманка спряталась за овцу, которую какой-то человек хотел принести в жертву; шаман несколько раз прокричал человеку, чтобы тот отошёл; человек спрятался в кустах; шаман сказал ему, чтобы он не боялся и что шаманка ушла; человек посмотрел вокруг себя, никого не видно, но словно кто пронёсся по воздуху; шаманка превратилась в щуку и нырнула в воду; Джалбак превратился в ворона, полетел над водой, не отстаёт от шаманки; она доплыла до дома, деваться некуда, пришла к себе в человеческом виде и отдала Джалбаку вместо себя душу своей единственной дочери; шаман взял её и вернулся на Тубу; дочь шаманки умерла [Кузнецова-Ярилова 1909: 141-142 (текст I)].

Хакасы: камы в момент битв с другими шаманами могли превращаться в зверей, в птиц, в рыб и даже в насекомых [Бутанаева 2007: 112].

Алтайцы: Галдан-Церен каан выпустил указ, согласно которому все шаманы должны съехаться в Улалу; каан построил аил со ста семьдесятю углами и кошару; каан привел

солдат, которые окружили аил; приехали сто семьдесят шаманов со всего Алтая кроме двух мест; самым сильным был Толок, второй по силе – Калпас, третий – Киндик; каан загнал всех шаманов в аил и поджёт его; люди увидели, что вокруг очага в аиле один шаман ходит, камлает; в небо вылетел гусь; семь дней и семь ночей горел аил; живым остался Толок, который предсказал Галдан-Церену множество бедствий; каан испугался, пообещал всевозможные богатства и спросил, сколько шаманов осталось в живых; Толок сказал, что он остался не один; в очаге зашевелился камень, оттуда встал Калпас; с неба в виде гуся спустился третий шаман [Подузова, Сагалаев 1983: 111-112].

Прибайкальские (кудинские) буряты: у Солбона заболел сын Сокто; Солбон позвал двух кудинских шаманов, Маланака и Майдара; последний был непосвящённый; шаманы прибыли на радуге на небо и выяснили, что Сокто заболел из-за единственной дочери моря; Маланак начал приносить жертву; в итоге жертва была принята и Сокто выздоровел; когда шаманы спускались обратно по радуге, небесные божества в насмешку отрубили её; шаманы стремглав полетели вниз; когда оставалось совсем немного до земли, Майдар превратился в беркута и, схватив Маланака за спину, благополучно спустился вниз; там шаманы увидели, что на дворе одного бурята совершается треба; местный шаман совершал обряд зазывания; Маланак и Майдар увидели *дахабари*, поймали её и отняли у неё душу ребёнка; шаманы закопали *дахабари* в землю; местный шаман прекратил обряд зазывания, сказав, что не может сделать так, чтобы жертва была принята, после этого вся толпа ушла в юрту; Маланак и Майдар сделались невидимыми и зашли в юрту, к которой оказалось много шаманов; Майдар надел на голову худшего шамана обруч, а Маланак хлестнул шамана пламенем; шаман упал, затем начал камлат, приговаривая, что кудинские белые ребята молодцы; Маланак и Майдар проделали это над всеми остальными шаманами; потом Маланак и Майдар прекратили быть невидимыми и рассказали о *дахабари*; шаманов приняли с подобающей честью, Маланак принёс жертвоприношение своим родовым шаманам Ардайским [Михайлов 1996: 75-77].

Центральные якуты (2-й Легейский наслег Усть-Алданского р-на): шаман Адагалаах имеет обыкновение состязаться с другими шаманами; на гору Ытык Хайа прилетает шаман Кисинчэ, превратившийся в птицу; он ест траву с другого берега; шаман Адагалаах видит это и бросает в него железную острогу; Кисинчэ замечает острогу и взлетает ввысь; острогой срезает лишь одно перо с крыла; шаман Кисинчэ исчезает; спустя девять суток шаман Адагалаах выезжает на гору на быке; над рекой поднимается пурга; Адагалаах

снимает ярмо с быка, в это время Кисинчэ бросает в него острогу, которая срезает спинной мозг, убивает Адагалааха и быка; пурга длится трое суток, после её окончания жители наслег находят Адагалааха и хоронят его; сын Адагалааха, не достигший законного возраста, имеет склонность стать шаманом; он камлает, но не может дойти до трижды девятого *олоха*; юноша превращается в сокола, поднимается только на шестой *олох* и смотрит оттуда на средний мир; юноша узнаёт, что его отца убил шаман Кисинчэ; достигнув совершеннолетия, юноша превращается в сокола и прилетает на местожительство Кисинчэ; его не оказалось дома; юноша превращается в кошку, ложится у подножия берёзы по левой стороне дома; увидев в загоне два стада коров, он бросает острогу; появляются люди в белых одеждах с длинными палками в руках; эти духи-покровители скота запрещают сыну Адагалааха убивать коров; юноша продолжает ждать, убивает собаку, вышедшую из дома; жена шаман Кисинчэ запирает дом; юноша убивает вышедших из дома ребёнка и беременную женщину, а также подъехавшего с возом мяса старика и его быка; вечером возвращается Кисинчэ на коне; Кисинчэ, заехав на свою поляну, кидает искры из глаз и узнаёт о присутствии шамана; Кисинчэ подъезжает к коновязи и слезает с коня, юноша кидает в него острогу; Кисинчэ отбрасывает её в сторону рукой и начинает привязывать коня; юноша вновь бросает острогу, Кисинчэ отбрасывает её в сторону; то же самое повторяется, когда Кисинчэ заходит в дом; Кисинчэ заставляет жену отлить в огонь верхний слой супа из конины, после этого из огня вылетает ястреб; юноша убегает, ястреб гоняется за ним девять лет; за это время юноша проходит между мизинцем и кольцом человека и через трубчатый стебель травы; за это время шаман Баабыр достигает совершеннолетия, прячется, спустившись к предкам девяти шаманов; Кисинчэ является следом за ним; Кисинчэ и Баабыр жалуются, их взвешивают, оба они оказываются равны; их направляют в нижнюю страну; шаманы спускаются вниз и бодаются на железном мосту над огненным морем, превратившись в пауков; через три года оба срываются; Баабыр, воспитывавшийся немного у шаманки Алысардаах, начинает просить её о помощи; шаманка превращается в небесного голубя, прилетает и хватает когтями шамана Баабыра, уносит и отпускает его на свою землю [Эргис 1960: 264-267 (текст № 184)].

Центральные якуты (о-в Тоён-Арыы, р. Лена = 1-й Мальжегарский наслег Западно-Кангаласского улуса): у Джаанайя была младшая сестра – шаманка светлых, небесных духов; недовольная преступлениями брата она решила покинуть страну; шаманка превратилась в птицу и вылетела в дымовое отверстие; брат надел шаманский плащ и три раза перевернулся, стоя на одном месте; птица, чуть не коснувшись земли, вспорхнула

снова и улетела; шаман проделал это три раза; сестра, как шаманка, была сильнее его и с тех пор исчезла [Ксенофонов 1992а: 83-84].

Северные якуты (Усть-Янский улус): у шамана Гуся не было детей; чтобы его имя не забылось, шаман собирается улететь на юг, добыть интересные сведения, которые останутся в памяти людей; шаман оставляет жене свои внутренности, превращается в гуся и улетает с гусями; весной шаман возвращается немым, жестами требует от жены принести внутренности; жена, вынося из погреба замёрзшие внутренности, поскользывается, падает и разбивает их; шаман умирает, ничего не рассказав [Кулаковский 1972б: 284 (текст № 9)].

Северные якуты: бытантайский шаман умел превращаться в стерха; перед своим полётом он рассказал жене, что вынет из себя внутренности, обратится стерхом и полетит на юг; шаман предупредил, что оттуда вернётся семь стерхов, которые сядут на надворье, их должны будут окружить семь девственниц с верёвкой; шаман велел, чтобы после того, как шесть стерхов улетят, ему разрезали живот и вложили внутренности, затем он превратится в человека; слова шамана сбылись, но жена, которая пошла за внутренностями для стерха, по пути их случайно изорвала; шаман умер, так и не рассказав, что он видел на юге [Худяков 2002: 85-86, прим. 7].

Орочи: шаман пытается помочь своей бесплодной жене; он превращается в орла, летит за море, похищает у одной женщины беременность и улетает обратно; местный шаман пускается в погоню за птицей, стреляет из лука и отбивает правое крыло; шаман-похититель всё-таки долетает до дома и приносит душу ребёнка; правая рука шамана остаётся парализованной [Березницкий 1999: 130-131 (текст № 32)].

Нивхи: два брата отправились на рыбалку; договорились объехать остров с разных сторон и затем встретиться; вечером младший брат нашёл старшего брата в лодке, приставшей к берегу; младший брат сел рядом, сорвал пруттик, впереди себя его поставил, взял острогу и стал ждать (злого духа); когда стемнело, со стороны деревни прилетел орёл, сел на лодку с мёртвым; младший брат кинул в него острогу, попал; стали тянуть друг у друга, верёвка порвалась, орёл улетел; младший брат привёз старшего в деревню и похоронил; на другой день в соседнем доме все почему-то засуетились; младший брат пошёл туда, видит, что шаман-сосед стонет, а другой шаман камлает рядом; посмотрел, а острога торчит из груди

больного; младший брат подошёл и выдернул свою острогу; «Так-то будет лучше!» – сказал; тот шаман умер, а брат вернулся домой с острой [Отаина 2010: 57-58 (текст I.10)].

VII.3. ПРЕВРАЩЕНИЕ В МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ.

Шаман превращается в млекопитающее.

Ненцы [Попов 1944: 94; Турутина 2000], хакасы [Кузнецова-Ярилова 1909: 141-142 (текст I); Бутанаева 2007: 112], прибайкальские буряты [Потанин 1883: 168], якуты [Эргис 1960: 264-267 (текст № 184); Ксенофонтов 1992а: 62-65, 81-83, 85-87; 1992б: 197-198, 229-230, 232-236; Попов 2006: 415; Valzer 1996: 309], тундренные юкагиры [Bogoras 1918: 20-21], чукчи [Вдовин 1981: 208], азиатские эскимосы-юпик [Крупник 2000: 476-478], ительмены [Орлова 1999: 135-136], нивхи [Таксами 1977: 105-106], нанайцы [Лопатин 1922: 202 = Сем 2006: 494-496; Смоляк 1991: 59], ульчи [Смоляк 1991: 59; Портнова 2008: 39].

Лесные ненцы: жили по речке два шамана, Ваханде и Нойсама, один выше по течению, другой ниже; дети шаманов стали уговаривать их побороться, чтобы выяснить, кто сильнее; отцы сначала отказывались, но в итоге дети их поссорили; во сне Ваханде пришёл к Нойсама и назначил место борьбы - речную песчаную косу между стойбищами; Нойсама проснулся и рассказал сон детям; в день встречи дети пришли на песчаную косу и стали ждать; со стороны чума Ваханде прибежал баран с загнутыми рогами; от стада Нойсамы отделился большой олень и побежал в сторону барана; они бросились друг на друга; борьба шла долго, к утру баран упал, со всех боков льётся кровь; раненный баран побежал в сторону чума; испуганные дети побежали по своим домам; дети Ваханде увидели израненного отца, лежащего на постели, и сказали: «Там олень забодал барана»; Ваханде ответил: «Вы этого сами хотели»; через некоторое время он умер; когда дети Нойсама прибежали, то увидели своего отца ослабленным; они стали рассказывать о случившемся: «Отец, там олень барана убил, а сам ушел весь раненный в лес»; Нойсама сказал: «Вы этого хотели сами»; утром родственники Ваханде похоронили его и перекочевали на новое место; Нойсама тоже собрал вещи и переехал подальше от этого места; потом Нойсама сказал детям: «Я скоро умру. Баран нанес мне смертельные раны. Хоть он был и маленьким, но рога у него были острыми. Я очень вас прошу перед своей смертью, никогда

не шутите с шаманами. Не пользуйтесь ради своей забавы шаманской силой. Эта сила дана нести добро людям, лечить, а не воевать. Мы жили дружно, но ради вашей прихоти, мы поссорились»; через месяц Нойсама умер [Турутина 2000].

Хакасы (качинцы): шаманка прилетела к пьяному шаману Джалбаку и, превратившись в муху, села у трубы его юрты; Джалбак держал в руке чашку вина и говорил, что ощущает дух этой шаманки; он выпил вино, а шаманка успела превратиться в пылинку и опуститься в чашку; Джалбаг проглотил шаманку и сразу это понял; он начал призывать своих духов, но они не могли попасть к нему, так как шаманка заранее устала всю юрту своими; сама же она крутила у него внутри сердце; духу, который помогал держать шаману бубен, удалось из-под низа юрты пробиться сквозь духов шаманки и вместе с шаманом ухватиться за бубен; вслед за ним ворвались и остальные; Джалбак ударил себя бубном по животу и шаманка выскочила у него изо рта, превратившись в голубого горностая; Джалбак погнал её вниз по р. Тубе; шаманка спряталась за овцу, которую какой-то человек хотел принести в жертву; шаман несколько раз прокричал человеку, чтобы тот отошёл; человек спрятался в кустах; шаман сказал ему, чтобы он не боялся и что шаманка ушла; человек посмотрел вокруг себя, никого не видно, но словно кто пронёсся по воздуху; шаманка превратилась в щуку и нырнула в воду; Джалбак превратился в ворона, полетел над водой, не отстаёт от шаманки; она доплыла до дома, деваться некуда, пришла к себе в человеческом виде и отдала Джалбаку вместо себя душу своей единственной дочери; шаман взял её и вернулся на Тубу; дочь шаманки умерла [Кузнецова-Ярилова 1909: 141-142 (текст I)].

Хакасы: камы в момент битв с другими шаманами могли превращаться в зверей, в птиц, в рыб и даже в насекомых [Бутанаева 2007: 112].

Прибайкальские буряты: медведь прежде был охотником и шаманом; отправляясь на охоту, он обходил три раза одно дерево и превращался в медведя; в таком виде он ловили зверей, потом снова обходил вокруг дерева три раза и становился человеком; кто-то срубил то дерево и шаман навсегда остался медведем [Потанин 1883: 168].

Вилуйские якуты (Хаданский наслег Хочинского улуса): младший из двух братьев женился; весной родился красно-пегий жеребёнок, который обещал быть хорошим конём; осенью младший брат заболел и умер; лёжа мёртвым, он всё видел и слышал; его похоронили; он услышал, что наверху кто-то начал разрывать могилу; крышка гроба

открылась и погребённый увидел четырёх чёрных людей; они его подняли, усадили и повернули лицом в сторону дома; из глубины могилы с рёвом показался чёрный бык с близко сходящимися рогами; бык захватил сидящего человека между рогами и спустился обратно по тому отверстию, по которому поднялся; они добрались до места, где был дом; из дома послышался голос, приказавший принести человека; выскочили чёрные люди, схватили принесённого, занесли его в дом и посадили на ладонь старика; старик определил тяжесть человека и сказал, чтобы его несли обратно; бык вынес человека обратно и усадил на прежнее место; ночью прилетел чёрный ворон, который поднял человека и полетел с ним наверх; они пролетели через отверстие и оказались в месте, где тоже светили солнце и луна, а дома и амбары были из железа; местные люди были вороноголовыми; изнутри дома послышался голос, велевший принести человека; выскочившие парни выполнили приказ и посадили человека на ладони старика; старик, испытав на ладони его на тяжесть, велел парням положить человека на самое верхнее гнездо; парни выполнили приказ; гнездо было на лиственнице, верхушка которой достигала неба; на гнездо прилетел белый крылатый олень, соски которого приходились человеку прямо в рот; он начал сосать их; человек лежал там три года; чем больше он сосал оленя, тем меньше становилось его тело, пока не стало с напёрсток; лёжа в гнезде, человек однажды услышал голос старика, велевшего одному из своих сыновей спуститься на среднюю землю и принести оттуда жену; сын старика вернулся, держа за волосы женщину; началось пиршество; лежащий в гнезде услышал голос, говорящий, что их сын, который живёт в средней земле, возможно, поднимется за женщиной; женщину заперли в амбар; лежащий в гнезде услышал гром шаманского бубна в средней земле; доносились приближающиеся звуки пения и в выходном отверстии показалась голова шамана; поднявшись, шаман приставил поперёк ко лбу колотушку своего бубна, затем превратился в быка с единственным рогом, выбил двери амбара, где была заперта женщина, и вместе с ней спустился вниз; сын старика снова отправился на среднюю землю и вернулся с другой женщиной; её запрятали, уменьшив в крошечное насекомое, у среднего столба юрты; снова послышались звуки бубна и пения шамана; шаман нашёл женщину, раздробив столб, и унёс её вниз; сын старика спустился в третий раз и вернулся с той же женщиной; верхние люди заранее приготовились: у выходного отверстия зажгли костёр и, держа в руках горящие головни, стали около; когда в отверстии показался шаман, они, ударяя головнями, спровадили его обратно; к концу третьего года лежащий в гнезде услышал голос старика, давший ему имя Ааджа-Шаман и сказавший, что настало время послать его вниз, вселить в женщину, которая затем родит его; только вступив в пятилетний возраст, этот человек вспомнил, как раньше родился и

жил на земле, как возродился наверху; с восьми лет он начал шаманить, а с двенадцати стал великим шаманом; он родился недалеко от места, где жил в первое своё рождение; жена его вышла замуж, а пегий жеребёнок стал знаменитым конём; на одном *ысыахе* молодой шаман встретил того шамана, который поднимался наверх, когда он лежал в гнезде; тот его узнал и сказал, что видел его в гнезде, сосущим мать-зверя; молодой шаман разгневался из-за того, что секрет его рождения разглашается; в ту же ночь он умертвил старого шамана [Ксенофонтов 1992а: 62-65].

Вилюйские якуты (селение Нюрба): младший из двух братьев-шаманов заболел оспой; старший брат начал камлать над больным; младший брат предупредил, что не стоит вступать в состязание с духом оспы; старший брат его не послушался и стал бодаться; прежде чем выйти на борьбу с духом оспы, шаман запретил жене выглядывать на двор; услышав голоса борющихся, жена не выдержала и нарушила запрет; на дворе она увидела двух бодающихся быков; когда женщина выглянула за дверь, муж чуть повернул свою голову, чтобы взглянуть на неё; в это время противник проткнул его рогами; спустя несколько дней шаман умер; в результате оспа истребила весь род кроме двоих человек, которых спас младший шаман [Ксенофонтов 1992а: 85-86].

Вилюйские якуты (Верхне-Вилюйский улус): шаман Бодонгкос рассказывал, как он бодался с духом оспы, приняв вид быка; шаман проиграл своей жене, которая открыла двери юрты и выглянула, чтобы взглянуть на противников; противоборство шамана разгневало оспу – из его семьи погибло семь человек [Ксенофонтов 1992а: 86].

Центральные якуты (о-в Тоён-Арыы, р. Лена = 1-й Мальжегарский наслег Западно-Кангаласского улуса): два брата-шамана, боясь приближающейся с юга оспы, бежали в горы вместе со скотом; с их табора убежала одна кобылица; Джаанай велел младшему брату пригнать её обратно; младший брат вскочил на коня и отправился в путь; он доехал до того места, где они стояли табором в предыдущий день, и увидел кобылицу, которая лизала пепел с потухшего костра; подойдя к кобылице, шаман ударил её таловым прутом, после чего она превратилась в пороза с особой отметиной на лбу; пороз ударом своих рогов распорол живот шаману; он, упав навзничь, засунул себе вывалившиеся кишки обратно в живот, плюнул на руку и залечил рану; шаман приехал к брату, сказал, что оспа убила его, и умер; старший брат превратился в быка и побежал; встретившись с духом оспы, он условился с ним о месте борьбы; в этой борьбе бык-шаман вышел победителем; оспа дала

обязательство, скреплённое кровью, что не будет бывать у потомков шамана, что его наслег будет жить в течение девяти поколений без болезней [Ксенофонтов 1992а: 81-82].

Центральные якуты (Мытахский наслег Западно-Кангаласского улуса): шаман Наачабыл и оспа бодались, превратившись в быков; силы оказались равными и противники разошлись, заключив договор больше не встречаться; оспа дала подписку никогда не бывать среди потомков шамана [Ксенофонтов 1992а: 87].

Центральные якуты (о-в Тоён-Арыы, р. Лена = 1-й Мальжегарский наслег Западно-Кангаласского улуса): шаман Джаанай совершил камлание и направился к своему отцу, сыну Хаара-Суоруна; шаман выпросил коня, при этом отец выдвинул требование: шаман должен приехать к нему навсегда, как только коню исполнится девять лет; когда конь достиг восьмилетнего возраста, шаман заколол его на пищу, а отцу, сказал, что конь украден; шаману вновь дали коня с требованием – прибыть на нём, когда исполнится восемь лет; этого коня, доведя до семилетнего возраста, шаман тоже съел; затем он начал камлать, но когда оставалось пройти три *олох*, шамана прогнали обратно; ему дали нового коня, которого нужно было довести до трёх лет; за год до окончания срока шаман его съел; после этого шаман долго жил, постарел и обессилел; шаман погиб во время поединка – он и его брат бодались, превратившись в порозов [Ксенофонтов 1992а: 82-83].

Центральные якуты (2-й Легейский наслег Усть-Алданского р-на): шаман Адагалаах имеет обыкновение состязаться с другими шаманами; на гору Ытык Хайа прилетает шаман Кисинчэ, превратившийся в птицу; он ест траву с другого берега; шаман Адагалаах видит это и бросает в него железную острогу; Кисинчэ замечает острогу и взлетает ввысь; острой срезает лишь одно перо с крыла; шаман Кисинчэ исчезает; спустя девять суток шаман Адагалаах выезжает на гору на быке; над рекой поднимается пурга; Адагалаах снимает ярмо с быка, в это время Кисинчэ бросает в него острогу, которая срезает спинной мозг, убивает Адагалааха и быка; пурга длится трое суток, после её окончания жители наслега находят Адагалааха и хоронят его; сын Адагалааха, не достигший законного возраста, имеет склонность стать шаманом; он камлает, но не может дойти до трижды девятого *олоха*; юноша превращается в сокола, поднимается только на шестой *олох* и смотрит оттуда на средний мир; юноша узнаёт, что его отца убил шаман Кисинчэ; достигнув совершеннолетия, юноша превращается в сокола и прилетает на местожительство Кисинчэ; его не оказалось дома; юноша превращается в кошку, ложится у

подножия берёзы по левой стороне дома; увидев в загоне два стада коров, он бросает острогу; появляются люди в белых одеждах с длинными палками в руках; эти духи-покровители скота запрещают сыну Адагалааха убивать коров; юноша продолжает ждать, убивает собаку, вышедшую из дома; жена шаман Кисинчэ запирает дом; юноша убивает вышедших из дома ребёнка и беременную женщину, а также подъехавшего с возом мяса старика и его быка; вечером возвращается Кисинчэ на коне; Кисинчэ, заехав на свою поляну, кидает искры из глаз и узнаёт о присутствии шамана; Кисинчэ подъезжает к коновязи и слезает с коня, юноша кидает в него острогу; Кисинчэ отбрасывает её в сторону рукой и начинает привязывать коня; юноша вновь бросает острогу, Кисинчэ отбрасывает её в сторону; то же самое повторяется, когда Кисинчэ заходит в дом; Кисинчэ заставляет жену отлить в огонь верхний слой супа из конины, после этого из огня вылетает ястреб; юноша убегает, ястреб гоняется за ним девять лет; за это время юноша проходит между мизинцем и кольцом человека и через трубчатый стебель травы; за это время шаман Баабыр достигает совершеннолетия, прячется, спустившись к предкам девяти шаманов; Кисинчэ является следом за ним; Кисинчэ и Баабыр жалуются, их взвешивают, оба они оказываются равны; их направляют в нижнюю страну; шаманы спускаются вниз и бодаются на железном мосту над огненным морем, превратившись в пауков; через три года оба срываются; Баабыр, воспитывавшийся немного у шаманки Алысардаах, начинает просить её о помощи; шаманка превращается в небесного голубя, прилетает и хватая когтями шамана Баабыра, уносит и отпускает его на свою землю [Эргис 1960: 264-267 (текст № 184)].

Азиатские эскимосы-юпик (Провидения): шаман К,утылын умел летать: однажды ночью он поехал из Чаплино – забирать сложенных нерп; увидев летящего шамана, К,утылын тоже взлетел в воздух; другой шаман постучал по нарте ножом и убежал (? – *И. К.*) в лагуну, где стал моржом; затем К,утылын увидел там раздетого человека, пошёл к нему и заметил, что и сам стал раздетым; после просьбы К,утылын очистил человека от снега; они познакомились, второй шаман – Асисяк - прилетел с Аляски; когда летает, он убивает встречных людей; в это время у него дома народ песни поёт, он предлагает К,утылыну послушать, тот соглашается и слушает; шаманы обменялись бусами, чтобы им потом поверили; когда Асисяк улетел, К,утылын увидел лежащего на льду около нарты человека; подошёл туда и увидел, что это его одежда и нарта; одевшись, К,утылын стал думать как достать нерпу – у него не было с собой палки; но нерпы оказались уже вытащенными на снег; уставший К,утылын сел на нарту, собак у него не было, он стал кричать так, как

погоняют упряжку, и закрыл глаза; открыв глаза, Кутылын увидел, что он уже около Чаплино [Крупник 2000: 476-478].

Ительмены: *тойон* шаман Марлин мог превращаться в медведя; звери исполняли его желания; мог остановить на бегу соболя – тот оказывался с переломанными ногами; шаман знал, если кто-то пытался брать из его капканов соболей; вор оставался неподвижным около капкана; каждое лето медведь давил коров в селе; гибли коровы тех хозяев, на которых сердился шаман; летом шаман исчезал; однажды пропала его сноха; с тех около селения стали бродить два медведя: *секач* с *матухой*; зимой сын шамана, у которого пропала жена, поехал за дровами и обнаружил около них берлогу; вместе с братом он убил медведя; когда братья разостлали шкуру на снегу, на неё выскочила *матуха*, которая сказала, что они убили отца; затем она превратилась в женщину и всё рассказала; она следила за шаманом, в лесу он воткнул в землю нож и перескочил через него; она тоже перескочила и превратилась в медведя; шаман, сказал, что теперь он не сможет превратиться в человека; шаман специально сделал берлогу около дров, так как знал, что здесь его быстрее убьют и с помощью этого сноха станет человеком; шаман предупредил, что её нужно будет выпрыгнуть на его шкуру; жена шамана осталась жить в деревне; за шаманские дела её сожгли за рекой на большом костре; она не сопротивлялась, но только не велела жечь себя за рекой, иначе исчезнет рыба; предсказание старухи сбылось, наступил голод [Орлова 1999: 135-136].

Нанайцы: зимой орока с двумя гольдами возвращался с охоты; они ехали на двух нагруженных нартах, которые еле тащили уставшие и голодные собаки; охотники заехали в стойбище Дондон; там шаман Опенка попросился с ними ехать до следующего стойбища; охотники согласились, но про себя подумали, как же они его повезут на усталых собаках с нагруженными нартами; шаман угадал их мысли и сказал, что удастся доехать до захода солнца; охотники удивились, ведь и на свежих собаках можно было доехать лишь ночью; когда они собрались в путь, шаман велел охотникам ехать вперёд и сказал, что догонит их; охотники отъехали от стойбища, собаки вдруг понеслись стрелой вперёд; оглянувшись назад, охотники увидели преследующего их тигра; всю дорогу тигр гнался за ними, поэтому собаки неслись без остановки; до захода солнца охотники доехали до стойбища, соскочили с нарт и забежали в фанзу; вскоре в фанзу вошёл шаман Опенка; все кинулись на двор, чтобы посмотреть, на чём он приехал; люди пошли по его следам по снегу, под

амбаром человеческие следы закончились, там было на снегу заметно, что валялся какой-то зверь, и дальше шли следы тигра [Лопатин 1922: 202].

Ульчи (с. Булава Ульчского р-на Хабаровского края): шаманка Анга, превратившись в козу, напала во сне матери на её дочь; та прогнала козу от ребёнка; на следующий день шаманка сидела с повреждениями, которые были аналогичными ранам козы во сне [Портнова 2008: 39].

Нивхи (восточное побережье Сахалина): жили два брата с родителями, сестрой и зятем; старший брат со своим зятем по реке к сопке спустился соболя искать; сделали балаган (шалаш); зять дрова рубил; его тесть по воду пошёл; зять до темноты своего тестя не дождался; потом зять за своим тестем спустился и увидел, что тесть лежит мёртвый в воде; зять схватил его и принёс в дом; ночью, копьё взяв, около своего порога ждал; по реке вниз по течению смотрел; по реке, вверх по течению, два больших огня наравне поднимались; совсем приблизясь, к двери подошли; большой сивуч в дверь зашёл, зять своим копьем этого сивуча колот; сивуч упал мёртвым, потом ожил; зять, бересту зажегши, посмотрел – кровь к реке спустилась; на следующий день, когда приближался к своей деревне, встретил младшего тестя; тот сказал: «Я страшную новость имею. В эту ночь твоя старуха сразу, кровью истекая, умерла. Я-то испугался, пришел»; зять рассказал ему, что произошло вечером; они принесли тело старшего тестя в деревню; мать с сыном вместе сожгли; их мать – сильный шаман – к своему ребенку поднявшись, его убив, съесть хотела; в кашалота превратившись, поднявшись к нему, зло сделала [Таксами 1977: 105-106].

VII.4. ПРЕВРАЩЕНИЕ В НАСЕКОМЫХ И ПАУКОВ.

Шаман превращается в насекомое либо паука.

Кеты [Алексеев 1981: 114 (прим. 122); 2001: 108-110 (текст 47)], хакасы [Бутанаева 2007: 112], прибайкальские буряты [Бохולי-Хара 1880; Моргон-Хара 1880; Дамеев 1927; Михайлов 1996: 63-64; Curtin 1909: 111-113; Lewitzky 1957: 35-36], центральные якуты [Эргис 1960: 264-267 (текст № 184); Ксенофонтов 1992б: 200, 208], чукчи [Богораз 1899].

Кеты: в образе лебедя, стрекозы, шмеля в легендарное время возвращались большие шаманы, улетавшие к Томам [Алексеевко 1981: 114 (прим. 122)].

Хакасы: камы в момент битв с другими шаманами могли превращаться в зверей, в птиц, в рыб и даже в насекомых [Буганаева 2007: 112].

Прибайкальские буряты: 27-летний шаман возвращается к себе домой из соседней деревни и встречает по дороге огромные открытые ворота; там шаман увидел триста коров, которых гнала женщина с ребёнком в руках, сидящая верхом на красном быке; затем шаман встретил мужчину, голова которого была размером со стог сена; этот мужчина ехал верхом на сером жеребце огромных размеров; шаман принял его за торговца мясом и спросил, откуда он; мужчина назвал своё имя, *Minga Nudite Milá* (Тысячеглазый), и сказал, что должен уничтожить весь скот в стране; шаман, придя домой, обнаруживает, что весь его скот погиб; рассерженный шаман отправляется за помощью к своим пятерым братьям-шаманам, но те отказывают ему; шаман вернулся домой, сделал и выпил *тарасун*, затем взял топор и положил его на свою кровать под подушку, привязал свою лошадь к столбу в юрте и лёг, предупредив жену, чтобы она не уводила лошадь из юрты и не будила его; вскоре шаман и лошадь стали выглядеть как спящие, но это были лишь их тела, в действительности шаман скакал к Ангаре; шаман поднимается на гору *Togkoí Tonkoí*, с вершины которой видит *Minga Nudite Milá*, соорудившего через реку мост; одна половина моста была из золота, другая – из серебра; *Minga Nudite Milá* начинает перегонять скот по этому мосту; шаман превращается в пчелу, уменьшает свой топор, берёт его и летит под мост; там шаман рубит топором две подпорки, после чего мост обрушивается; весь скот падает в Ангару, в том числе красный бык вместе с женщиной, сидящей на нём верхом; в реке оказывается и *Minga Milá*, и его серый жеребец, которым удалось остаться в живых; шаман подкидывает своё шаманское кольцо к небу, из-за этого поднимается страшный ветер, свирепствовавший в течение трёх дней; *Minga Milá* не может выбраться из воды, его бросает из стороны в сторону; после трёх дней ветра наступают три дня, во время которых льёт сильный дождь; под конец этих шести дней у коня *Minga Milá* отваливаются копыта; когда шторм заканчивается, *Minga Milá* и его конь выбираются из воды и начинают сушиться; копыта коня появляются из реки, их приделывают обратно; рассерженный и испуганный *Minga Milá* клянётся, что никогда больше не появится в этой стране; шаман возвращается домой; по дороге он встречает пятерых своих братьев и рассказывает им, как был наказан Тысячеглазый; спустя год шаман по пути домой встречает людей, которые

хоронят умершего ребёнка; шаман запрещает им это делать и советуют закопать вместо него козла; шаман относит ребёнка к себе домой, разогревает шесть камней докрасна, затем пляшет на них босиком и камлает до утра, до крика первого петуха; во время камлания шаман время от времени пританцовывает над мёртвым ребёнком; после этого кровь в теле ребёнка начинает двигаться, он открывает глаза, но не может говорить; на следующую ночь шаман привязывает отца и мать ребёнка к столбу юрты и снова камлает до самого утра; всё это время ребёнок лежит без движения; во время восхода солнца шаман дует на голову и ноги ребёнка, он вскочил и спросил: «Что ты делаешь, отец?»; затем шаман развязал родителей ребёнка и сказал им, что тот жив; благодарный отец предлагает шаману половину своих денег и половину скота, но шаман отказывается и соглашается в итоге на стог сена, аркан и девять копеек [Curtin 1909: 111-113].

Прибайкальские буряты: первый бурятский шаман Бохоли-Хара обладал огромной силой, не уступал богам и соперничал с ламами, имел письменную книгу, которую получил от Эсэгэ-Малан-Тэнгэри; жил один очень богатый человек, который не имел детей; шаман создал ему ребёнка; крылатые посланники сообщили богу о создании ребёнка; шаман не имел права создавать человека без участия богов, поэтому Эсэгэ Малан послал трёх крылатых посланников, чтобы они принесли ему душу мальчика; посланники обратились в трёх лам и попросились ночевать к богачу, а на другое утро ушли, забрав с собой душу ребёнка; они отправились к Эсэгэ-Малану; он положил душу в бутылку, которую закрыл большим пальцем правой руки; шаман ищет душу, приходит к Эсэгэ-Малану, безуспешно просит вернуть душу мальчика; затем обращается в осу, жалит бога, выхватывает душу, возвращает её в тело; Эсэгэ-Малан рассердился на шамана, потребовал его к себе, разорвал его книгу; потом рассёк его бубен на две части, чем уменьшил его силу, затем ещё на четыре и наконец на восемь частей, отчего уменьшил силы и прочих шаманов; в это время к Эсэгэ-Малану вошли 9 сыновей неба и сказали: «Он нам нужен, так как мы каждый день пускаем на землю 9 стрел, которые он отправляет обратно на небо»; Эсэгэ-Малан отпустил Бохоли-Хара на землю, попробовать его силы: 9 сыновей неба опять послали на землю девять стрел и также 9 стрел ламам, чтоб узнать, кто из них скорее поднимет на небо; книгу Бохоли-Хара съел баран; шаман заколол барана, взял лопатку и увидел там всё; вот почему нынешние шаманы ворожат на лопатке; Бохоли-Хара скорее поднял обратно на небо 9 стрел и также 9 ламских, а ламы только до половины прочитали книгу; Эсэгэ-Малан осудил шамана Бохоли-Хара скакать на чёрном камне до тех пор, пока сотрётся камень или он сам; если Бохоли-Хара сотрётся сам прежде камня, то его не будет, а шаманы будут

плохи; если Бохоли-Хара не сотрётся, а скорее сотрётся камень, то он явится на землю с прежними силами; Бохоли-Хара, танцующий на камне, надел неизносимые железные сапоги, которые получил от неба Зан-Сагана; теперь скачет на камне, который стирается и уже стёрся до половины (текст записан от шамана) [Бохоли-Хара 1880: 89-90].

Прибайкальские буряты: первый шаман Моргон-Хара нисколько не уступал и даже превосходил по силам Эрлэн-Хана; несколько раз злой дух похищал души людей и заключал их в ад, но Моргон-хара возвращал души обратно; Эрлэн-Хан поднялся на небо и пожаловался Эсэгэ-Малан-Тэнгэри на шамана, который нарушает правило; Эсэгэ-Малан-Тэнгэри решил испытать Моргон-Хара, похитил душу одного человека и спрятал её в бутылку; шаман нашёл душу и, обратившись в осу, укусил Эсэгэ-Малан-Тэнгэри в лоб; тот от испуга ударил себя рукой по лбу, в это время шаман выхватил душу и отправился на землю; Эсэгэ-Малан-Тэнгэри рассердился и разделил *хэсэ* Моргон-Хара на две части; в итоге силы уменьшились не только у первого шамана, но и у всех шаманов, бывших после Моргон-Хара; Эсэгэ-Малан-Тэнгэри наказал Моргон-Хара – заставил его плясать на чёрном камне до тех пор, пока тело шамана совсем не сотрётся; Моргон-Хара до сих пор скачет на камне; чем больше стирается тело Моргон-Хара, тем хуже становятся шаманы; когда он совсем сотрётся, тогда у бурят шаманов не будет [Моргон-Хара 1880: 87-89].

Прибайкальские буряты: Эсэгэ Малан не хотел, чтобы у одного богатого бурята был сын; бурят обратился за помощью к самому первому великому шаману Бухли хара боо (Целый чёрный шаман); шаман помог богачу, создал ему сына и стал *найжи* этого ребёнка; рассерженный Эсэгэ Малан забрал душу ребёнка к себе на небо и держал её около себя; шаман полетел на бубне на небо; во время полёта шамана побрякушки его одеяния так красиво звенели, что звери и птицы, оставив своих детёнышей и птенцов, заслушались этими звуками и забыли о своём потомстве, которое умерло с голоду; прилетев на небо, шаман обратился в жёлтую осу и ужалил Эсэгэ Малана в лоб, из-за чего тот вздрогнул и упустил душу ребёнка; шаман схватил её и вернулся на землю; ребёнок выздоровел; разозлённый Эсэгэ Малан отнял душу ребёнка обратно, а шамана за неподчинение и злоупотребление силами заставил плясать на чёрном плоском камне (скале), пока он совсем не скроется в скалу; чем больше из века в век углубляется шаман, тем больше падает шаманство, хуже становятся шаманы [Михайлов 1996: 63-64].

Прибайкальские буряты: в Монголии жил шаман – орёл, который имел волшебную силу воскрешать мёртвых, обогащать бедных; но никто его слов не знал и сам он чужих слов не понимал; в эту пору одна молодая женщина из Урянхая совершила побег от своего мужа, которого не влюбила; во время пути она устала и легла спать; увидев её спящей, орёл дунул ей в ухо и через дуновение передал все свои силы, а сам умер; женщина забеременела от дуновенья шамана-орла; у неё родился сын, который стал родоначальником всех шаманов; первый шаман имел волшебную силу, полученную в наследство от шамана-орла и посредством своей силы присваивал себе всё, что ему было угодно; Эрлик-намон-хан жаловался богу Будде: живёт шаман, который присваивает себе всё, что угодно ему; Будда, чтобы испытать волшебную силу шамана, взял душу единственного сына одного богатого человека, положил её в бутылку, отверстие зажал пальцем; шаман, превратившись в осу, прилетел к богу и укусил его в лоб; бог вздрогнул и опустил палец с бутылки; шаман взял душу и полетел на своём бубне; бог пустил в первого шамана *ошир-хонхо*; она попала в бубен и пробила его крылья, лишив возможности лететь дальше; с тех пор бубен шамана стал открытым и неспособным к полёту, а волшебная сила шамана убавилась наполовину; поэтому современные шаманы не имеют такой волшебной силы, как их шаманы-предки [Дамеев 1927: 69-70].

Центральные якуты (2-й Легейский наслег Усть-Алданского р-на): шаман Адагалаах имеет обыкновение состязаться с другими шаманами; на гору Ытык Хайа прилетает шаман Кисинчэ, превратившийся в птицу; он ест траву с другого берега; шаман Адагалаах видит это и бросает в него железную острогу; Кисинчэ замечает острогу и взлетает ввысь; острой срезает лишь одно перо с крыла; шаман Кисинчэ исчезает; спустя девять суток шаман Адагалаах выезжает на гору на быке; над рекой поднимается пурга; Адагалаах снимает ярмо с быка, в это время Кисинчэ бросает в него острогу, которая срезает спинной мозг, убивает Адагалааха и быка; пурга длится трое суток, после её окончания жители наслег находят Адагалааха и хоронят его; сын Адагалааха, не достигший законного возраста, имеет склонность стать шаманом; он камлает, но не может дойти до трижды девятого *олоха*; юноша превращается в сокола, поднимается только на шестой *олох* и смотрит оттуда на средний мир; юноша узнаёт, что его отца убил шаман Кисинчэ; достигнув совершеннолетия, юноша превращается в сокола и прилетает на местожительство Кисинчэ; его не оказалось дома; юноша превращается в кошку, ложится у подножия берёзы по левой стороне дома; увидев в загоне два стада коров, он бросает острогу; появляются люди в белых одеждах с длинными палками в руках; эти духи-

покровители скота запрещают сыну Адагалааха убивать коров; юноша продолжает ждать, убивает собаку, вышедшую из дома; жена шаман Кисинчэ запирает дом; юноша убивает вышедших из дома ребёнка и беременную женщину, а также подъехавшего с возом мяса старика и его быка; вечером возвращается Кисинчэ на коне; Кисинчэ, захав на свою поляну, кидает искры из глаз и узнаёт о присутствии шамана; Кисинчэ подъезжает к коновязи и слезает с коня, юноша кидает в него острогу; Кисинчэ отбрасывает её в сторону рукой и начинает привязывать коня; юноша вновь бросает острогу, Кисинчэ отбрасывает её в сторону; то же самое повторяется, когда Кисинчэ заходит в дом; Кисинчэ заставляет жену отлить в огонь верхний слой супа из конины, после этого из огня вылетает ястреб; юноша убегает, ястреб гоняется за ним девять лет; за это время юноша проходит между мизинцем и кольцом человека и через трубчатый стебель травы; за это время шаман Баабыр достигает совершеннолетия, прячется, спустившись к предкам девяти шаманов; Кисинчэ является следом за ним; Кисинчэ и Баабыр жалуется, их взвешивают, оба они оказываются равны; их направляют в нижнюю страну; шаманы спускаются вниз и бодаются на железном мосту над огненным морем, превратившись в пауков; через три года оба срываются; Баабыр, воспитывавшийся немного у шаманки Алысардаах, начинает просить её о помощи; шаманка превращается в небесного голубя, прилетает и хватает когтями шамана Баабыра, уносит и отпускает его на свою землю [Эргис 1960: 264-267 (текст № 184)].

VII.5. ПРЕВРАЩЕНИЕ В СТИХИИ.

Шаман превращается в различные стихии (туман, молнию, гром, вихрь, дым и т.п.).

Долганы [Попов 1937: 51-54], центральные [Эргис 1960: 259-262 (текст № 182)] и вилуйские [Эргис 1960: 297-301 (текст № 198)] якуты.

Долганы: когда-то бедный шаман стал купцом; он пришёл в гости к другому купцу и познакомился там с русским колдуном; колдун рассказал, что на следующий день отправится в город, в котором он сначала убьёт трёх шаманов, а затем всех остальных жителей; колдун обещал так поступить и с обитателями ещё двух городов; шамана колдун предупредил, чтобы он не соглашался камлать, когда за ним будут приезжать санные из этих городов; всё произошло так, как рассказывал колдун; шаман, опасаясь гибели, не соглашался помогать жителям тех городов; через несколько лет шаман, камлая у больной

женщины, поймал *абаасы* русского колдуна; шаман превратился в молнию, увидел в море лодку, в которой плыл колдун и два *абаасы*; шаман превратился в туман, закрыл море, потом снова превратился в молнию и шаманской стрелой пробил лодку; колдун и его спутники утонули [Попов 1937: 51-54].

Центральные якуты (Олбинский наслег Таттинского р-на): шаман Дойомпо, когда ему было десять лет, каждый вечер заходил в *хоттон* и исчезал там; родители искали своего сына, зажигая лучину, но не находили его; если шаман считал вознаграждение за камлание недостаточным, то выходя из дома, падал и садился на пол; в этот же день умирал один из лучших людей или пропадала лучшая скотина; каждый год шаман рожал вечером девятого января, он рожал на холме с маленьким озерцом, рожал через пуп рыбу-щуку, которую выпускал в озеро; после того, как один старик дал ему мало водки, шаман обратился в вихрь, вынул и сожрал *кут* его единственной дочери; ребёнок начинает болеть, старик просит о помощи Дойомпо, но тот отказывается; старик обращается к приёмному отцу своей дочери, который идёт к Дойомпо и угрозами заставляет его прийти к больному ребёнку; увидев шамана, девочка требует увести его прочь; Дойомпо отводят в соседний дом, где он начинает камлать; шаман заявляет, что дух не поддался ему и уходит домой; ребёнок умирает; шаман ссорится с богачом и в течение трёх лет пытается его съесть, но *кут* богача убежал от него в дом солнца; когда шаман приходил, чтобы съесть лошадей богача, то его не подпускал жеребец; когда пытался съесть рогатый скот, не подпускал его бык-пороз; в итоге шаману удаётся съесть лишь единственную дочь богача; шамана священник приводит в церковь и заставляет класть поклоны; шаман долго ищет *кут* священника; увидев большую ель у начала дороги, шаман предполагает, что в ней находится *кут* священника, превращается в гром и разбивает ель, из-за чего священник умирает; шаман намеревается погубить богача; во время тумана ко двору богача приходит *абаасы* шамана в виде быка; бык поднимает *урасу* и опрокидывает её, затем обращается в вихрь, поднимает *урасу* и уносит её; когда шаман постарел, к нему пришли люди, заставившие его переселиться в другую местность; шаман проклинает князя, приказавшего это сделать; приехав на новое место, шаман лежал при смерти; около него стояла толстая трость, с которой он не расставался всю жизнь; когда трость с треском разломалась по середине, люди увидели, что шаман умер [Эргис 1960: 259-262 (текст № 182)].

Виллюйские якуты (Тылгынинский наслег Виллюйского р-на): духи оспы, семь сестёр, приходят в Мастахский улус и пляшут посередине озера; услышав это, шаман Суор Уола

превращается в дым и улетает в небо; затем он оборачивается в русскую иголку, прячется в щели дерева и подслушивает разговор сестёр; семь девушек-стерхов распределяют между собой кому куда идти; никто из сестёр не хочет оставаться в Мастахском улусе, опасаясь шамана; в итоге решают оставить старшую сестру и советуют убить шамана следующим образом: оборотившись в огонь, упасть в кашу, которую он ест; сёстры превращаются в туман и исчезают; шаман отправляется домой и просит домочадцев сварить большой котёл *саламаату*; домочадцы выполняют просьбу, когда они собираются снять котёл, на *саламаат* падает уголь величиной с человеческий глаз; шаман вскакивает, хватается за уголь и опускает его в бутылку; заткнув бутылку, шаман кладёт её в железную бочку и, вырубив прорубь, топит в воде; бочку шаман обматывает верёвкой, конец которой привязывает к палке на краю проруби; оспа распространяется по всей земле за исключением Мастахского улуса; когда шаман вновь слышит песни и танцы сестёр, он бежит к проруби, достаёт бутылку и отправляется к берегу озера; шаман открывает бутылку, находившийся в ней уголь превращается в синее пламя и исчезает; бутылку шаман разбивает о землю, а сам, превратившись в русскую иголку, прячется в щели на берегу озера; к девушкам приходит их исхудавшая старшая сестра, которая рассказывает, что с ней сделал шаман; сёстры танцуют и расходятся; прибыв домой, шаман рассказывает своему народу о том, как он победил оспу; перед смертью шаман завещает похоронить его таким образом, чтобы голова и руки находились над землёй, при этом в руках должны быть бубен и колотушка; люди выполняют его завещание [Эргис 1960: 297-301 (текст № 198)].

VII.6. МНОЖЕСТВЕННЫЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ.

Шаман осуществляет множественные метаморфозы – неоднократные превращения, следующие одно за другим.

Долганы [Попов 1937: 51-54], хакасы [Кузнецова-Ярилова 1909: 141-142 (текст I)], центральные [Эргис 1960: 264-267 (текст № 184)] и вилюйские [Эргис 1960: 297-301 (текст № 198)] якуты, тундренные юкагиры [Vogoras 1918: 20-21], чукчи [Богораз 1899: 265-266].

Долганы: когда-то бедный шаман стал купцом; он пришёл в гости к другому купцу и познакомился там с русским колдуном; колдун рассказал, что на следующий день

отправится в город, в котором он сначала убьёт трёх шаманов, а затем всех остальных жителей; колдун обещал так поступить и с обитателями ещё двух городов; шамана колдун предупредил, чтобы он не соглашался камлать, когда за ним будут приезжать санные из этих городов; всё произошло так, как рассказывал колдун; шаман, опасаясь гибели, не соглашался помогать жителям тех городов; через несколько лет шаман, камлая у больной женщины, поймал *абаасы* русского колдуна; шаман превратился в молнию, увидел в море лодку, в которой плыл колдун и два *абаасы*; шаман превратился в туман, закрыл море, потом снова превратился в молнию и шаманской стрелой пробил лодку; колдун и его спутники утонули [Попов 1937: 51-54].

Хакасы (качинцы): шаманка прилетела к пьяному шаману Джалбаку и, превратившись в муху, села у трубы его юрты; Джалбак держал в руке чашку вина и говорил, что ощущает дух этой шаманки; он выпил вино, а шаманка успела превратиться в пылинку и опуститься в чашку; Джалбак проглотил шаманку и сразу это понял; он начал призывать своих духов, но они не могли попасть к нему, так как шаманка заранее устала всю юрту своими; сама же она крутила у него внутри сердце; духу, который помогал держать шаману бубен, удалось из-под низа юрты пробиться сквозь духов шаманки и вместе с шаманом ухватиться за бубен; вслед за ним ворвались и остальные; Джалбак ударил себя бубном по животу и шаманка выскочила у него изо рта, превратившись в голубого горностая; Джалбак погнал её вниз по р. Тубе; шаманка спряталась за овцу, которую какой-то человек хотел принести в жертву; шаман несколько раз прокричал человеку, чтобы тот отошёл; человек спрятался в кустах; шаман сказал ему, чтобы он не боялся и что шаманка ушла; человек посмотрел вокруг себя, никого не видно, но словно кто пронёсся по воздуху; шаманка превратилась в щуку и нырнула в воду; Джалбак превратился в ворона, полетел над водой, не отстаёт от шаманки; она доплыла до дома, деваться некуда, пришла к себе в человеческом виде и отдала Джалбаку вместо себя душу своей единственной дочери; шаман взял её и вернулся на Тубу; дочь шаманки умерла [Кузнецова-Ярилова 1909: 141-142 (текст I)].

Виллюйские якуты (Тылгынинский наслег Виллюйского р-на): духи оспы, семь сестёр, приходят в Мастахский улус и пляшут посередине озера; услышав это, шаман Суор Уола превращается в дым и улетает в небо; затем он оборачивается в русскую иголку, прячется в щели дерева и подслушивает разговор сестёр; семь девушек-стерхов распределяют между собой кому куда идти; никто из сестёр не хочет оставаться в Мастахском улусе, опасаясь шамана; в итоге решают оставить старшую сестру и советуют убить шамана следующим

образом: оборотившись в огонь, упасть в кашу, которую он ест; сёстры превращаются в туман и исчезают; шаман отправляется домой и просит домочадцев сварить большой котёл *саламаату*; домочадцы выполняют просьбу, когда они собираются снять котёл, на *саламаат* падает уголь величиной с человеческий глаз; шаман вскакивает, хватается за уголь и опускает его в бутылку; заткнув бутылку, шаман кладёт её в железную бочку и, вырубив прорубь, топит в воде; бочку шаман обматывает верёвкой, конец которой привязывает к палке на краю проруби; оспа распространяется по всей земле за исключением Мастахского улуса; когда шаман вновь слышит песни и танцы сестёр, он бежит к проруби, достаёт бутылку и отправляется к берегу озера; шаман открывает бутылку, находившийся в ней уголь превращается в синее пламя и исчезает; бутылку шаман разбивает о землю, а сам, превратившись в русскую иголку, прячется в щели на берегу озера; к девушкам приходит их исхудавшая старшая сестра, которая рассказывает, что с ней сделал шаман; сёстры танцуют и расходятся; прибыв домой, шаман рассказывает своему народу о том, как он победил оспу; перед смертью шаман завещает похоронить его таким образом, чтобы голова и руки находились над землёй, при этом в руках должны быть бубен и колотушка; люди выполняют его завещание [Эргис 1960: 297-301 (текст № 198)].

Центральные якуты (2-й Легейский наслег Усть-Алданского р-на): шаман Адагалаах имеет обыкновение состязаться с другими шаманами; на гору Ытык Хайа прилетает шаман Кисинчэ, превратившийся в птицу; он ест траву с другого берега; шаман Адагалаах видит это и бросает в него железную острогу; Кисинчэ замечает острогу и взлетает ввысь; острой срезает лишь одно перо с крыла; шаман Кисинчэ исчезает; спустя девять суток шаман Адагалаах выезжает на гору на быке; над рекой поднимается пурга; Адагалаах снимает ярмо с быка, в это время Кисинчэ бросает в него острогу, которая срезает спинной мозг, убивает Адагалааха и быка; пурга длится трое суток, после её окончания жители наслега находят Адагалааха и хоронят его; сын Адагалааха, не достигший законного возраста, имеет склонность стать шаманом; он камляет, но не может дойти до трижды девятого *олоха*; юноша превращается в сокола, поднимается только на шестой *олох* и смотрит оттуда на средний мир; юноша узнаёт, что его отца убил шаман Кисинчэ; достигнув совершеннолетия, юноша превращается в сокола и прилетает на местожительство Кисинчэ; его не оказалось дома; юноша превращается в кошку, ложится у подножия берёзы по левой стороне дома; увидев в загоне два стада коров, он бросает острогу; появляются люди в белых одеждах с длинными палками в руках; эти духи-покровители скота запрещают сыну Адагалааха убивать коров; юноша продолжает ждать,

убивает собаку, вышедшую из дома; жена шаман Кисинчэ запирает дом; юноша убивает вышедших из дома ребёнка и беременную женщину, а также подъехавшего с возом мяса старика и его быка; вечером возвращается Кисинчэ на коне; Кисинчэ, заехав на свою поляну, кидает искры из глаз и узнаёт о присутствии шамана; Кисинчэ подъезжает к коновязи и слезает с коня, юноша кидает в него острогу; Кисинчэ отбрасывает её в сторону рукой и начинает привязывать коня; юноша вновь бросает острогу, Кисинчэ отбрасывает её в сторону; то же самое повторяется, когда Кисинчэ заходит в дом; Кисинчэ заставляет жену отлить в огонь верхний слой супа из конины, после этого из огня вылетает ястреб; юноша убегает, ястреб гоняется за ним девять лет; за это время юноша проходит между мизинцем и кольцом человека и через трубчатый стебель травы; за это время шаман Баабыр достигает совершеннолетия, прячется, спустившись к предкам девяти шаманов; Кисинчэ является следом за ним; Кисинчэ и Баабыр жалуются, их взвешивают, оба они оказываются равны; их направляют в нижнюю страну; шаманы спускаются вниз и бодаются на железном мосту над огненным морем, превратившись в пауков; через три года оба срываются; Баабыр, воспитывавшийся немного у шаманки Алысардаах, начинает просить её о помощи; шаманка превращается в небесного голубя, прилетает и хватается когтями шамана Баабыра, уносит и отпускает его на свою землю [Эргис 1960: 264-267 (текст № 184)].

Северные якуты (Верхоянский окр.): шаман Кычакан умел бывать сразу в семи местах; когда его стали сечь, он являлся в семи видах; когда хватали одного и начинали сечь, выходил новый Кычакан, который призывал сечь пойманного ещё больше [Худяков 2002: 143].

Чукчи: был великий и богатый шаман Мээмгын, жил в срединной земле; его единственный сын Рынтэу умер; Мээмгын искал его по всей земле, обыскивал все вселенные, не мог найти; прошло три года, тело сына всё сгнило; отец послал двух работников к Чесоточному шаману, туда, где небо и змея сходятся; Мээмгын выбрал им четырёх оленей, запряг их в сани, работников посадил на сани, сам надел узду на оленей, вожжи надел им на руки, заговорил оленям уши и головы, сани и сбрую; окончив заговор, дунул, – полетели они по воздуху как гуси; у Чесоточного сто домов, он лежит издавна в пологе, ибо не может сам пошевелиться; всё тело его покрыто паршами; ещё до прихода работников говорит жене: «Положи меня у задней стены, дай мне бубен, я немного постучу, посмотрю в бреду»; постучал, говорит жене: «Свари побольше еды, гости сегодня будут»; работники пришли, рассказали об умершем сыне, стали просить помощи, пообещали награду; там где живёт

Чесоточный, около домов ходят не олени, а собачьи стада; собаки большие и жирные, не меньше оленей; Чесоточный увидел оленей, стал их разглядывать, сказал, что они – его; работники стали думать, как поедут обратно, что оленей съедят собаки; шаман узнал их мысли, успокоил их; оленям стал наговаривать в глаза, уши, ноздри, рот; когда окончил, убежали олени, задрав хвостики, как собаки, добежали до собачьего стада, стали нюхать друг друга (собаки и олени); вечером шаман и работники отправились в путь; около его селения есть высокая кругая гора; шаман взял бубен, работники взяли его под руки и понесли на верх горы; шаман сказал им, чтобы ложились спать; когда они заснули, шаман сорвал всю траву вокруг себя и стал плести верёвку, сплёл травяную верёвку, выплел и узды, и вожжи; узды надел на спящих, вожжи взял в руки; дунул, понеслись по воздуху как птицы; опустились на горе около шатра Мээмгына; работники утром проснулись, увидели, что оказались дома; Чесоточный расспросил Мээмгына, где тот искал сына; выяснилось, что не искал во вселенной, которая выше всего есть над нами и которая принадлежит Птичьей женщине; Мээмгын не знал об этой вселенной, Чесоточный отправился туда; загремел бубном, ушёл вместе с ним внутрь земли; потом далеко за шатром послышался шум; вышел из земли и взвился с бубном вверх, до вселенной Птичьей жены; по дороге миновал три вселенные, запутывал следы; достигнув вселенной Птичьей жены, шаман увидел железный шатёр, у задней стены которого была перевязана железными ремнями по всем суставам душа мальчика; Птичья жена откармливала его себе на пищу; когда шаман прибыл, похитительница улетела добывать мальчику на еду китовую кожу; у дверей были привязаны двое *рэккэ* (чудовища с медвежьей пастью и огромными парусообразными ушами, способными уловить малейший шорох); Чесоточный обернулся комаром, хотел было влететь в шатёр, на него щёлкают зубами – уловили шум крыльев; попробовал залететь оводом – не получилось, белошапкой и бабочкой – тоже; шаман обернулся мясной мухой, полетел в шатёр; *рэккэ* внимания не обращают, им шорох мясной мухи знаком издавна; шаман развязал мальчика, обернул и его мясной мухой; полетели в свою вселенную, вели кругами следы, как лисица; когда достигли третьей вселенной, догнала их Птичья жена; стала угрожать, потом махнула крыльями; затрепыхался Чесоточный, как сухой лист от вихря; в ответ он вобрал руку в рукав, из рукава мизинцем к небу повёл, сошёл с неба огонь и опалил крылья Птичьей жены; она снова стала махать крыльями, но в них уже не было ветра; шаман ещё раз повёл мизинцем: сошёл с неба огонь и сжёг всю Птичью жену; Чесоточный продолжил путь; сидящие в шатре Мээмгына слышали шум бубна; Чесоточный спустился с неба, вошёл внутрь земли, немного после этого вышел из земли посреди полога; рассказал, что нашё мальчика; позвал своих духов и дал им держать

душу; щёлкнул горлом и проглотил кучу гнили перед Мээмгыном; попросили принести новую шкуру; когда её разостлали, Чесоточный харкнул и выхаркнул тело мальчика: кости вошли на место, мясо приросло к костям; опять щёлкнул горлом, проглотил тело, выхаркнул его, обтянул тело новой кожей, загладил все изъязны; в третий раз проглотил и выхаркнул: кровь блеснула на щеках, только что не говорит; Чесоточный взял душу у духов, проглотил и выхаркнул её на тело; прошла сквозь тело, как стрела, вонзилась в стену; Чесоточный сказал, что она не припаивается, т.к. слишком холодное тело; затем проглотил тело, разогрел его в своей утробе, опять выхаркнул; Чесоточный бросил в него душу, мальчик стал произноситт звуки и сел; обрадованный отец предложил Чесоточному на выбор одно из пятнадцати оленьих стад; Чесоточный выбрал пятнисто-серое, самое многочисленное; работники привели оленей, пять дней шло мимо шатра стадо, оно встало вокруг него на три дня пути в глубину; Чесоточный сказал: «Ну, я уезжаю; только пусть все люди войдут в полог и не выходят вон; ибо всё, что будет снаружи, захвачу с собой. А я весьма далёкий! А за парнем смотрите! Я сделал его шаманом бóльшим, чем я сам. Но ум его будет склонен на худое. Но берегитесь с этим спорить, ибо вам будет худо»; Чесоточный ударил в бубен, запел свою песню и двинулся из шатра; тотчас же шум стада и звук песни стали удаляться вверх; как только уехал Чесоточный, Рынтэу стал поступать безумно, обижать людей (насилловать женщин и хватать мужчин за половые члены); ничего с ним сделать не могли; повалят его, начнут вязать, смотрят, а он уже совсем в другом месте; пробовали делать порчу, он собирал в рукавицу все слова тех людей, которые его пытались испортить, в рукавице завязывал и утром раздавал их обратно; отец решил, надо его извести; пошёл на вечернюю сторону к старухе Кэля, договорился с ней; вернувшись домой, отец сказал Рынтэу, чтобы тот принёс гарпун, лежащий за шатром; за дверями стояла Кэля, подняв железный посох навзмах удара; Рынтэу увидел её, вспорхнул гусем, пробил сзади старухи крышку шатра и улетел на сторону ночной темноты; старуха не смогла догнать; на ночной стороне Рынтэу переночевал у филина, тот рассказал, как пройти в светлую землю, миновава старуху Кэлю; Рынтэу переночевал ещё у ворона и вернулся домой; ещё хуже стал он поступать с людьми; отец послал его высватать дочь у Кэля, который живёт на восточной стороне в тёмной земле; Рынтэу высвататал, привёз дочь домой, тотчас же забеременела; у соседей, где увидит ребёнка, тут и съест; люди жалуются отцу, тот послал Рынтэу за дочерью Кэля, который живёт на западной стороне в тёмной земле; Рынтэу и её высватал, привёз домой, она сразу забеременела; в соседних шатрах, где увидит старика, тут и съест; люди жалуются отцу; тот послал Рынтэу за великим ножом (мечом) Кэля, который живёт на северной стороне в тёмной земле; Рынтэу

отправился, увидел круглую скалу без дверей; стал кричать, оттуда голос отвечает: «Войди!»; но двери нет; опять стал кричать, камень раскрылся и впустил его; там жили старик и старуха (*кэля*), всё жилище было наполнено шкурами песцом, лисиц, горностаев, белок; Рынтэу сказал, что пришёл шаманить, а сам смотрит: нож тут же лежит; зашаманил Рынтэу; шкуры песцов, лисиц, горностаев и белок ожили и стали плясать под стук бубна; Кэля тоже стали плясать, затем устали, упали, заснули; Рынтэу схватил нож и убежал; принёс домой нож, повесил над пологом; кто коснётся его рукой, умирает, кто посмотрит, заболит; а жёны едят детей и стариков; отец отправил Рынтэу за море, в гости к своей сестре; отец зарезал двух белых сук, содрал шкуры и одел невесток, а языки им обвязал крепко; приехал Рынтэу, ему сказали, что жёны из-за скуки уехали по домам; а две суки так и ходят вокруг Рынтэу; он развязал им языки, они заговорили; содрал и собачину, снова стали ему жёнами; сильнее прежнего стали истреблять людей; отец пошёл на сторону восхода, нашёл старушку Кэрэк; по дороге сказала старуха с порчей отцу, что если застанут его в пологе, то ладно; если застанут на дворе, надо сказать ему, чтобы вошёл в полог, а когда войдёт, надо чтобы тотчас же вышел; пришли домой, сын работал снаружи; отец пригласил его в полог; когда Рынтэу вошёл, отец сказал ему выйти наружу; старушка Кэрэк создала волшебством одну вселенную внутри полога, другую вселенную внутри шатра, третью вселенную снаружи; Рынтэу вышел из полога, пошёл вперёд, потеряв ум; у берега были морские утёсы, на них – каменные отростки прямо над водой; на одном из них очутился Рынтэу, тогда очнулся; место незнакомое, сойти нельзя; просидел два дня, мимо пролетал ворон, который в обмен на всех живых дома рассказал Рынтэу, как выбраться отсюда и попасть на землю, где на старых кочевницах необходимо найти иглу и напёрсток; над ними дома нужно совершить служение с помощью бубна, на который по дороге домой надо натянуть шкуру большого жука; Рынтэу прыгнул на проплывающую мимо кокору; пристав к каменистому берегу, зажмурил глаза, собрал в горсть дресвы и стал пересыпать камешки из руки в руку; когда ощутил, что они мягкие, как морошка, бросил через голову; его подхватило, понесло по верху и перенесло за море; опять пристал к каменистому берегу, сделал то же самое, что и раньше, с дресвой; его подхватило, перенесло по верху и перенесло в его землю; Рынтэу объявил, что на следующий день будет служение, построил огромный шатёр; собрались люди со всех сторон; стал он шаманить на своём маленьком бубне, а старуха Кэрэк устроила подножие из опрокинутого котла и, взобравшись на него, давала Рынтэу певучие ответы; собрались все мужчины, женщины и дети; только одной сиротке Рынтэу приказал остаться снаружи; она вышла, тогда он сказал: «Сюда игла»; сверху сквозь трубу спустилась игла, как на ниточке; Рынтэу сказал, что пусть возьмёт её

та, кому она подходит по руке; женщины стали тянуть руки, игла уклонялась, не давалась им; Рынтэу сказал, что если никто не может взять, то пусть её уберут обратно; иглу утянуло вверх; та же история произошла с напёрстком; затем сверху спустилась бусина, как ягода морошки, укреплённая на серебрянной нити; женщины потянули к ней руки, схватили за нить; кому не досталось места, те хватали за руки соседок; Рэнтэу ударил в бубен и запел о договорённости с вороном; затем подпрыгнул вверх, выпрыгнул через дымовое отверстие; бубен его вырос, застрял в отверстии и закрыл его собой; двери и выходы из дома исчезли; колотушка сама стала стучать в бубен; бусина стала расти, теснить людей; в итоге она наполнила весь дом, сжимая людей; лопнули и распались связи дома, полилась кровавая река; остались на земле только двое, Рынтэу и сиротка; он женился на ней, от них снова размножился человеческий род [Богораз 1899: 263-270].

Тундренные юагиры (западные тундренные р-ны Колымы): у старого и сильного шамана есть дочка, которую он хочет выдать замуж за лучшего из людей; шаман превращается в арктическую лису и отправляется в путь; первому встречному мужчине шаман позволяет себя поймать; мужчина хватается лису за спину, после чего шаман устремляется вперёд и тащит за собой человека; шаман бежит до реки, превращается в рыбу и прыгает в воду, утаскивая за собой человека, который затем тонет; далее шаман, обратившись в красную лису, снова отправляется в путь; первому встречному мужчине шаман позволяет себя поймать; мужчина хватается лису за спину; шаман устремляется вперёд и топчет человека в реке; после этого шаман обращается в горностаю и история повторяется; далее шаман превращается в чёрную лису и встречает молодого нищего странника; шаман позволяет себя поймать и бежит, увлекая за собой юношу; шаман достигает реки, превращается в рыбу и переплывает на другой берег, но странник остаётся жив; шаман бежит через скалы и лес, затем ныряет в море и переплывает на другой берег; странник по-прежнему остаётся в живых; шаман останавливается и предлагает юноше свою дочь в качестве невесты; юноша отказывается, убивает лису и снимает с неё шкуру [Bogoras 1918: 20-21].

VII.7. ОБРАТНОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ НЕВОЗМОЖНО.

Шаман принимает облик животного или птицы; по какой-то причине обратное превращение становится невозможным (из-за вмешательства посторонних лиц или нарушения шаманом правил).

Прибайкальские буряты [Потанин 1883: 168 (текст 1в); Штернберг 1925: 732, со ссылкой на рукопись В.А. Михайлова], ительмены [Орлова 1999: 135-136].

Прибайкальские буряты (р. Иркут): медведь прежде был охотником (*ангушин*) и шаманом (*бо*); отправляясь на охоту, он обходил три раза одно дерево и превращался в медведя; в таком виде он ловил зверей, потом снова обходил вокруг дерева три раза и становился человеком; кто-то срубил то дерево, шаман навсегда остался медведем [Потанин 1883: 168 (текст 1в)].

Прибайкальские (балаганские) буряты: орёл прежде был шаманом, который превращался в орла, летал по миру, а затем возвращался домой; однажды после утомительного перелёта он проголодался, сел на павшую скотину и стал есть её; из-за этого он осквернился и не смог превратиться обратно [Штернберг 1925: 732, со ссылкой на рукопись В.А. Михайлова].

Ительмены: *тойон* шаман Марлин мог превращаться в медведя; звери исполняли его желания; мог остановить на бегу соболя – тот оказывался с переломанными ногами; шаман знал, если кто-то пытался брать из его капканов соболей; вор оставался неподвижным около капкана; каждое лето медведь давил коров в селе; гибли коровы тех хозяев, на которых сердился шаман; летом шаман исчезал; однажды пропала его сноха; с тех около селения стали бродить два медведя: *секач* с *матухой*; зимой сын шамана, у которого пропала жена, поехал за дровами и обнаружил около них берлогу; вместе с братом он убил медведя; когда братья разостлали шкуру на снегу, на неё выскочила *матуха*, которая сказала, что они убили отца; затем она превратилась в женщину и всё рассказала; она следила за шаманом, в лесу он воткнул в землю нож и перескочил через него; она тоже перескочила и превратилась в медведя; шаман, сказал, что теперь он не сможет превратиться в человека; шаман специально сделал берлогу около дров, так как знал, что здесь его быстрее убьют и с помощью этого сноха станет человеком; шаман предупредил,

что её нужно будет выпрыгнуть на его шкуру; жена шамана осталась жить в деревне; за шаманские дела её сожгли за рекой на большом костре; она не сопротивлялась, но только не велела жечь себя за рекой, иначе исчезнет рыба; предсказание старухи сбылось, наступил голод [Орлова 1999: 135-136].

VII.8. АНОМАЛИИ В АНАТОМИИ ШАМАНА.

Во внешнем облике шамана и его внутреннем строении присутствуют необычные, часто животные, черты.

Нганасаны [Попов 1984: 50, 109; Добжанская 2010: 203], кеты [Алексеенко 1981: 97], хакасы [Бутанаев 1992: 55], алтайцы [Анохин 1924: 125], тувинцы [Дьяконова 1981: 159], якуты [Припузов 1884: 64; Приклонский 1891: 52; Lewitzky 1957: 35; Ксенофонтов 1992а: 68; 1992б: 156-158; 197, 207; Попов 2006: 41-42], орочи [Березницкий 1999: 112].

Кеты: человек, которому суждено стать шаманом, от рождения имеет на черепе особый знак долголетия [Алексеенко 1981: 97].

Хакасы: шаманом может стать только тот претендент, который обладает лишней костью – «артых сөөк» [Бутанаев 1992: 55].

Алтайцы: при нападении на Алтай киргизов Бади-шамана убивали три раза, но он оживал; в конце концов, ему выкололи глаза и распороли живот; у шамана нашли обросшее шерстью сердце; то же самое у него было внутри большого пальца [Анохин 1924: 125].

Тувинцы: сильных шаманов узнавали по внешнему виду – их нижнее веко было вывернуто и имело красный цвет [Дьяконова 1981: 159].

Якуты (Маганы, граница Якутского и Вилюйского окр.): когда шаман Бютэй-Илии устремлял свой взгляд на скот и людей, все они погибали; по этой причине шамана привязали к дереву и оставили на три дня среди роя комаров; однако с шаманом ничего не случилось; у него были сросшиеся пальцы на руках и ногах, поэтому он и получил своё имя Бютэй-Илии («сросшиеся, цельные руки») [Ксенофонтов 1992а: 68].

Центральные якуты (Якутский окр.): первый шаман Ан-Аргыл-Оюн был очень могущественен и совершал великие чудеса; кроме исцеления больных, он воскрешал мёртвых, умерших три года назад, и давал зрение слепым; это стало известно Аи-тоену, который три раза посылал своего служителя спросить, во имя кого шаман делает такие чудеса и верует ли в него; на это первый шаман сказал, что делает чудеса своей силой и не верует в Аи-тоена; разгневанный бог велел сжечь непокорного шамана, чтобы ничего не осталось от него; так как всё тело шамана состояло из пресмыкающихся гадов, то огня избежала одна лягушка; она поселилась на вершинах высочайших гор и расплодилась; у неё родились следующие демоны – шаманы: Хара баргья тоен (чёрный клокочущий господин) и Кюн кянгись оюн (солнце ненасытный), которые до сих пор даруют якутам знаменитых шаманов и шаманок [Припузов 1884: 64].

Орочи: шаман мог наносить себе раны, ходил по свежему снегу, вслед за ним появлялись следы медведя и тигра, которые потом исчезали; шаман никогда не снимал одежду: на спине у него были медвежьи волосы, а на руках крылья; шаман взобрался на дерево и полетел; в него выстрелили деревянной стрелой, он упал, его связали, выжгли ему железом волосы, вырвали перья и помазали женской месячной кровью; после этого шаман чуть не умер и больше уже не летал [Березницкий 1999: 112].

VII.9. СМЕРТОНОСНЫЙ ВЗГЛЯД.

Шаман наносит вред своим взглядом.

Якуты [Ксенофонтов 1992а: 68; 1992б: 167-168, 212-213].

Якуты (Маганы, граница Якутского и Вилюйского окр.): когда шаман Бютэй-Илии устремлял свой взгляд на скот и людей, все они погибали; по этой причине шамана привязали к дереву и оставили на три дня среди роя комаров; однако с шаманом ничего не случилось; у него были сросшиеся пальцы на руках и ногах, поэтому он и получил своё имя Бютэй-Илии («сросшиеся, цельные руки») [Ксенофонтов 1992а: 68].

VII.10. РУКА КАК НОЖ.

Шаман разрезает животное либо кусок мяса своей ладонью. Ср. мотив L9 «Ноги-копья и руки-ножи» [Берёзкин 2011].

Северные якуты [Худяков 2002: 79], азиатские эскимосы-юпик [Крупник 2000: 485-486].

Северные (верхоянские) якуты: шаман поспорил с колдуном, о том, сможет ли колдун вылечить того, кого испортил шаман; колдун связал быка и сказал шаману, чтобы тот его испортил; шаман предложил поменяться ролям; колдун плюнул быку в рот, бык упал; шаман плюнул себе в ладонь, разрезал быка ладонью посередине и вытащил из сердца лягушку; затем шаман вложил сердце обратно, плюнул на руку, потёр раны быку, после чего тот ожил; шаман достал из уха чёрный камешек, бросил быку в сердце и бык упал; колдун не смог вылечить быка [Худяков 2002: 79].

Азиатские эскимосы-юпик (Провидения): на берег выбросило скелет чайки – одни кости, только крылья целые [с перьями. – *И. К.*]; шаман Аг,лю бросил скелет вверх; скелет полетал, кричал, затем упал; оленевод вёз из Кивака кусок моржового *копальхына*; Аг,лю попросил кусочек; оленевод предложил ему взять самому, а *копальхын* так замёрз, что ножом не взять; Аг,лю подошёл к нарте, рукой (ребром ладони. – *И. К.*) отрезал большой кусок и взял себе [Крупник 2000: 485-486].

VII.11. МАНИПУЛЯЦИИ С ОРГАНАМИ И КОСТЯМИ.

Шаман залечивает раны и производит различные манипуляции с органами и костями, как своими, так и других людей и животных.

Долганы [Попов 1937: 58-59], прибайкальские буряты [Сказания бурят 1890: 123-124 (текст LI); Румянцев 1969: 87 (прим. 1); Жамцарано 2001: 86], северные [Кулаковский 1972б: 284 (текст № 9); Худяков 2002: 79; 85-86, прим. 7, 143], виллюйские [Попов 2006: 55, 405] и центральные якуты [Эргис 1960: 267-270 (текст № 185)] (ср. [Ксенофонтов 1992а: 58-60]), «инородцы Анадырского края» (чуванцы или чукчи) [Дьячков 1893: 128-129],

чукчи [Дьячков 1893: 131-132; Вдовин 1981: 211], орочи [Березницкий 1999: 144-145 (текст № 4)], нанайцы [Киле 1996: 426-427 (текст № 63)].

Долганы: шаман Енмуча кочует вместе с младшим братом Сямям; они голодали; Енмуча увидел, что его духи-вороны очень далеко над чем-то кружатся; один из воронов сообщил шаману, что он не умрёт с голоду, если пойдёт в ту сторону; Енмуча волочит по земле за санками удочку с наживкой; на удочку попалась рыба, которую братья съели; но рыба была без вкуса, она была шаманским наваждением; на следующий день встречают двух оленей; братья упустили их; после неудачной погони Енмуча от досады трижды закричал, потом он нашёл погибшего оленя; Енмуча начал камлать; *айыы* гневается на шамана за то, что он, не обращаясь к нему, убил своим проклятьем оленя; кочуя, братья дошли до места, где лежало множество упавших со скал оленей; братья начали питаться этим мясом; младший брат, Сямяй, становится сильным шаманом; если у кого ломалась берцовая кость, то он вставлял оленью; у Сямья был хороший олень-манщик, но его съел волк; вечером Сямяй помочился и трижды перепрыгнул это место, чокая губами; своего друга Бянгя шаман попросил караулить с ружьём; волк пришёл к саням, Бянгя его убил; Сямяй шаманит своему айыы; айыы гневается из-за того, что шаман, не сказав ему, убил ради своей досады; айыы обещает, что потомство шамана не разбогатеет, и ударяет его по руке; из-за этого железка над лучевой костью переломилась [Попов 1937: 58-59].

Прибайкальские буряты: бурханы послали коршуна защищать людей; когда его чуть не застрелили, бурханы сказали, чтобы он передал кому-нибудь свою чудодейственную силу; он заблудил одну девушку, увёл её в лес, усыпил около свалившегося дерева, сел на него и передал девушке силу; девушка стала видеть *бохолдоев* и угадывать вперёд хорошее и плохое; когда она вернулась домой, брат начал бить её; она обиделась и погрозила ему; брат заболел задержанием мочи; девушка пообещал вылечить его; парня, положив на белый войлок, внесли в юрту; там девушка показала ему висящие на столбе мужские половые органы и велела взять их; когда парень их увидел и взял, он сразу выздоровел; после этого девушка стала шаманкой; *утха* этой шаманко *Шошолок* [Сказания бурят 1890: 123-124 (текст LI)].

Прибайкальские (идинские) буряты: хордутский шаман Долhoto-Зогдор приехал в Обусу; заметив это, Онгэ Тодэ вытащила свою тонкую кишку, кольцом натянула её вокруг своей юрты и, сняв свою голову и положив её на колени, убивала вшей на голове; Долhoto-

Зогдор ехал, выпуская изо рта и носа червей, жуков, змей и прочих; увидев Онгэ Тодэ, Долһото-Зогдор сказал: «Горы здесь лицом смотрят на юг, к солнцу; приехал, думая, что здесь счастливо будут жить потомки людей (*аратан*)»; Онгэ Тодэ пригласила его в юрту; как только Долһото-Зогдор вошёл, он сразу же упал на пол, из его носа и рта потекла кровь; войдя в юрту, Долһото-Зогдор от натянутой внутри тонкой кишки сделался нечистым (*буриида*) и от этого умер; Онгэ Тодэ, сжалившись над его молодостью, оживила Долһото-Зогдора; он, проснувшись, попросил у Онгэ Тодэ разрешения остаться в Обусе; она разрешила ему остаться и иметь своё *утха* [Румянцев 1969: 87 (прим. 1)].

Северные якуты (Усть-Янский улус): у шамана Гуся не было детей; чтобы его имя не забылось, шаман собирается улететь на юг, добыть интересные сведения, которые останутся в памяти людей; шаман оставляет жене свои внутренности, превращается в гуся и улетает с гусями; весной шаман возвращается немым, жестами требует от жены принести внутренности; жена, вынося из погреба замёрзшие внутренности, поскользывается, падает и разбивает их; шаман умирает, ничего не рассказав [Кулаковский 1972б: 284 (текст № 9)].

Северные якуты: бытантайский шаман умел превращаться в стерха; перед своим полётом он рассказал жене, что вынет из себя внутренности, обратится стерхом и полетит на юг; шаман предупредил, что оттуда вернётся семь стерхов, которые сядут на надворье, их должны будут окружить семь девственниц с верёвкой; шаман велел, чтобы после того, как шесть стерхов улетят, ему разрешили живот и вложили внутренности, затем он превратится в человека; слова шамана сбылись, но жена, которая пошла за внутренностями для стерха, по пути их случайно изорвала; шаман умер, так и не рассказав, что он видел на юге [Худяков 2002: 85-86, прим. 7].

Северные якуты: шаман поспорил с колдуном, о том, сможет ли колдун вылечить того, кого испортил шаман; колдун связал быка и сказал шаману, чтобы тот его испортил; шаман предложил поменяться ролям; колдун плюнул быку в рот, бык упал; шаман плюнул себе в ладонь, разрезал быка ладонью посередине и вытащил из сердца лягушку; затем шаман вложил сердце обратно, плюнул на руку, потёр раны быку, после чего тот ожил; шаман достал из уха чёрный камешек, бросил быку в сердце и бык упал; колдун не смог вылечить быка [Худяков 2002: 79].

Северные якуты: к шаманке Таспарыйе в юрту приехал русский казак; шаманка в это время камлала; казак начал кричать и запрещать ей это делать; шаманка ударила в бубен, запела; у казака оторвался половой член; Таспырыйа повесила его на *хоро* (конец бревна, выдающегося из камина); казак застонал, но шаманка освободила его лишь тогда, когда закончила камлать [Худяков 2002: 143].

Вилюйские якуты: старинные шаманы могли срезывать себе голову и скакать, положив её на полку; могли вынимать свои внутренности. [Попов 2006: 55].

Центральные якуты: бедняк Биэстээх-Бочоох занимается тем, что ставит зимой петли и самострелы на зайцев; попавшихся зайцев начинает расклёвывать ворон; Биэстээх-Бочоох думает, что птицу посылает шаман; в дом Биэстээх-Бочооха, ушедшего осматривать петли и самострелы, приезжает шаман; невестка Биэстээх-Бочооха ничем не угощает гостя; шаман уходит, посещает одних жителей и рассказывает им, что посадит всю семью Биэстээх-Бочооха на середину лужи из свежей крови; Биэстээх-Бочоох узнаёт об угрозах, а вскоре умирает его трёхлетний внук; Биэстээх-Бочоох считает, что это шаман съел душу ребёнка; Биэстээх-Бочоох случайно заходит к жителям, у которых сидит шаман, вырывает шаману нижнюю челюсть; шаман вставляет на её место телячью; снова встретив шамана, Биэстээх-Бочоох вырывает ему левый глаз; шаман вставляет себе собачий; повстречав шамана на острове, Биэстээх-Бочоохто убивает его, отрывает ему голову; труп сжигает, а пепел костей бросает в воду и размешивает деревом с корневищем; шаман воскресает, но подумав, что, если Биэстээх-Бочоох убьёт его во второй раз, то он уже не сможет возродиться, прячется у озера и умирает от болезни, как обыкновенный человек; своему сыну шаман завещает похоронить себя у озера в отвесной, как для столба, яме и стоймя; с тех пор жители не подзывают коров подражательным мычанием и не называют телят *торбос* [Эргис 1960: 267-270 (текст № 185)].

Центральные якуты (Качикат): шаман проезжает мимо Биэстээх-Бочооха, не побеседовав с ним; далее шаман заворачивает в дом того же Биэстээх-Бочооха; хозяин дома вскоре возвращается и тотчас же узнаёт своих гостей; Биэстээх-Бочоох приказывает сыновьям приготовиться к убийству шамана, передавая всё это иносказательно; <пробелы в записи>; заснувшего шамана убивают; Биэстээх-Бочоох кромсает тело шамана, делит его по всем суставам и разбрасывает куски; бесы шамана собирают все кости, после чего шаман оживает; Биэстээх-Бочоох вторично встречается шамана, убивает его, разрезает тело, куски

которого разбрасывает; шаман воскресает; Биэстээх-Бочоох ловит шаман в третий раз; шаман пытается убежать, углубившись в землю, но в его междуножье попадает корень дерева; Биэстээх-Бочоох разрубает шамана, а челюстную кость сжигает на костре; шаман воскресает, вместо сожжённой челюсти ему вкладывают челюсти телёнка; перед смертью шаман просит сына отвезти себя на салазках к устью реки; сын выполняет просьбу; когда он дотаскивает его до озера, шаман отец исчезает; жители не призывают коров подражательным мычанием, опасаясь духа шамана; род Биэстээх-Бочооха пресекается [Ксенофонтов 1992а: 58-60].

Центральные якуты (о-в Тоён-Арыы, р. Лена = 1-й Мальжегарский наслег Западно-Кангаласского улуса): два брата-шамана, боясь приближающейся с юга оспы, бежали в горы вместе со скотом; с их табора убежала одна кобылица; Джаанай велел младшему брату пригнать её обратно; младший брат вскочил на коня и отправился в путь; он доехал до того места, где они стояли табором в предыдущий день, и увидел кобылицу, которая лизала пепел с потухшего костра; подойдя к кобылице, шаман ударил её таловым прутом, после чего она превратилась в пороза с особой отметиной на лбу; пороз ударом своих рогов распорол живот шаману; он, упав навзничь, засунул себе вывалившиеся кишки обратно в живот, плюнул на руку и залечил рану; шаман приехал к брату, сказал, что оспа убила его, и умер; старший брат превратился в быка и побежал; встретившись с духом оспы, он условился с ним о месте борьбы; в этой борьбе бык-шаман вышел победителем; оспа дала обязательство, скреплённое кровью, что не будет бывать у потомков шамана, что его наслег будет жить в течение девяти поколений без болезней [Ксенофонтов 1992а: 81-82].

«Инородцы Анадырского края» (чуванцы или чукчи): летом, во время оленьего промысла, женщины и девушки убивали оленьё мясо; один молодой шаман сидел около одной девушки; другой шаман проходил мимо, увидел, что возле его любимой девушки сидит, и заревновал; с помощью «вражеской силы» он прилепил того шамана к помосту, на котором тот сидел; когда время наступило уходить с места, ухаживатель не мог встать и вынужден был также употребить шаманское искусство; вскоре он освободился от «бесовской привязи» и решил наказать обидчика; когда второй шаман пошёл в отхожее место, он обнаружил, что у него исчез член; пострадавший пришёл к противнику, пал ему в ноги и стал просить прощения; тот вынул из-за пазухи его член, прилепил его на место и просил его, чтобы он впредь не выделял таких проделок [Дьячков 1893: 128-129].

Нанайцы: шаман Одзял поднимает джонку хвастливого маньчжурского купца на вершину утёса Одхялов; затем шаман берёт у купца трубку, ломает её пополам и забрасывает на середину реки; вечером шаман наполняет корыто водой, зовёт купца и начинает танцевать; шаман предлагает купцу поискать трубку в корыте с водой; купец находит её там целой, после чего шаман приказывает всем сесть, подходит к маньчжур-гребцу, вынимает у него один глаз, подходит к собаке, вынимает глаз и у неё; глаз собаки шаман вставляет гребцу, а глаз гребца – собаке; после долгих просьб купца шаман спускает джонку с утёса к реке [Киле 1996: 426-427 (текст № 63)].

Орочи: шамана вызывают в Москву; шаман начинает камлать перед комиссией, требует привести свинью, но ему отказывают; шаман продолжает камлать, в комнату заходит свинья; шаман вырывает ей глаза, показывает их комиссии, затем вставляет их обратно; шаману возвращают все его вещи и отпускают [Березницкий 1999: 144-145 (текст № 4)].

VII.12. МАНИПУЛЯЦИИ С ОРГАНАМИ И КОСТЯМИ: ПОЛОВОЙ ЧЛЕН.

Шаман отделяет половой член противника от тела, затем возвращает на место.

Прибайкальские буряты [Сказания бурят 1890: 123-124 (текст LI)], северные якуты [Худяков 2002: 143], «инородцы Анадырского края» (чуванцы или чукчи) [Дьячков 1893: 128-129].

Прибайкальские буряты: бурханы послали коршуна защищать людей; когда его чуть не застрелили, бурханы сказали, чтобы он передал кому-нибудь свою чудодейственную силу; он заблудил одну девушку, увёл её в лес, усыпил около свалившегося дерева, сел на него и передал девушке силу; девушка стала видеть *бохолдоев* и угадывать вперёд хорошее и плохое; когда она вернулась домой, брат начал бить её; она обиделась и погрозила ему; брат заболел задержанием мочи; девушка пообещал вылечить его; парня, положив на белый войлок, внесли в юрту; там девушка показала ему висящие на столбе мужские половые органы и велела взять их; когда парень их увидел и взял, он сразу выздоровел; после этого девушка стала шаманкой; утха этой шаманко *Шошолок* [Сказания бурят 1890: 123-124 (текст LI)].

Северные якуты: к шаманке Таспарыйе в юрту приехал русский казак; шаманка в это время камлала; казак начал кричать и запрещать ей это делать; шаманка ударила в бубен, запела; у казака оторвался половой член; Таспырыйа повесила его на *хоро* (конец бревна, выдающегося из камина); казак застонал, но шаманка освободила его лишь тогда, когда закончила камлать [Худяков 2002: 143].

«Инородцы Анадырского края» (чуванцы или чукчи): летом, во время оленьего промысла, женщины и девушки убирали оленьё мясо; один молодой шаман сидел около одной девушки; другой шаман проходил мимо, увидел, что возле его любимой девушки сидит, и заревновал; с помощью «вражеской силы» он прилепил того шамана к помосту, на котором тот сидел; когда время наступило уходить с места, ухаживатель не мог встать и вынужден был также употребить шаманское искусство; вскоре он освободился от «бесовской привязи» и решил наказать обидчика; когда второй шаман пошёл в отхожее место, он обнаружил, что у него исчез член; пострадавший пришёл к противнику, пал ему в ноги и стал просить прощения; тот вынул из-за пазухи его член, прилепил его на место и просил его, чтобы он впредь не выделял таких проделок [Дьячков 1893: 128-129].

VII.13. МАНИПУЛЯЦИИ С ОРГАНАМИ И КОСТЯМИ: ЗАМЕНА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ КОСТЕЙ.

Шаман заменяет повреждённые человеческие кости на кости животных.

Долганы [Попов 1937: 58-59], центральные якуты [Эргис 1960: 267-270 (текст № 185); Ксенофонтов 1992а: 58-60].

Долганы: шаман Енмуча кочует вместе с младшим братом Сямьем; они голодали; Енмуча увидел, что его духи-вороны очень далеко над чем-то кружатся; один из воронов сообщил шаману, что он не умрёт с голоду, если пойдёт в ту сторону; Енмуча волочит по земле за санками удочку с наживкой; на удочку попала рыба, которую братья съели; но рыба была без вкуса, она была шаманским наваждением; на следующий день встречают двух оленей; братья упустили их; после неудачной погони Енмуча от досады трижды закричал, потом он нашёл погибшего оленя; Енмуча начал камлать; *айыы* гневается на шамана за то, что он, не обращаясь к нему, убил своим проклятьем оленя; кочуя, братья дошли до места, где лежало множество упавших со скал оленей; братья начали питаться этим мясом; младший брат,

Сямйай, становится сильным шаманом; если у кого ломалась берцовая кость, то он вставлял оленью; у Сямйа был хороший олень-манщик, но его съел волк; вечером Сямйай помочился и трижды перепрыгнул это место, чокая губами; своего друга Бянгя шаман попросил караулить с ружьём; волк пришёл к саням, Бянгя его убил; Сямйай шаманит своему айыы; айыы гневается из-за того, что шаман, не сказав ему, убил ради своей досады; айыы обещает, что потомство шамана не разбогатеет, и ударяет его по руке; из-за этого железка над лучевой костью переломилась [Попов 1937: 58-59].

Центральные якуты: бедняк Биэстээх-Бочоох занимается тем, что ставит зимой петли и самострелы на зайцев; попавшихся зайцев начинает расклёвывать ворон; Биэстээх-Бочоох думает, что птицу посылает шаман; в дом Биэстээх-Бочооха, ушедшего осматривать петли и самострелы, приезжает шаман; невестка Биэстээх-Бочооха ничем не угощает гостя; шаман уходит, посещает одних жителей и рассказывает им, что посадит всю семью Биэстээх-Бочооха на середину лужи из свежей крови; Биэстээх-Бочоох узнаёт об угрозах, а вскоре умирает его трёхлетний внук; Биэстээх-Бочоох считает, что это шаман съел душу ребёнка; Биэстээх-Бочоох случайно заходит к жителям, у которых сидит шаман, вырывает шаману нижнюю челюсть; шаман вставляет на её место телячью; снова встретив шамана, Биэстээх-Бочоох вырывает ему левый глаз; шаман вставляет себе собачий; повстречав шамана на острове, Биэстээх-Бочоохто убивает его, отрывает ему голову; труп сжигает, а пепел костей бросает в воду и размешивает деревом с корневищем; шаман воскресает, но подумав, что, если Биэстээх-Бочоох убьёт его во второй раз, то он уже не сможет возродиться, прячется у озера и умирает от болезни, как обыкновенный человек; своему сыну шаман завещает похоронить себя у озера в отвесной, как для столба, яме и стоймя; с тех пор жители не подзывают коров подражательным мычанием и не называют телят *торбос* [Эргис 1960: 267-270 (текст № 185)].

Центральные якуты (Качикат): шаман проезжает мимо Биэстээх-Бочооха, не побеседовав с ним; далее шаман заворачивает в дом того же Биэстээх-Бочооха; хозяин дома вскоре возвращается и тотчас же узнаёт своих гостей; Биэстээх-Бочоох приказывает сыновьям приготовиться к убийству шамана, передавая всё это иносказательно; <пробелы в записи>; заснувшего шамана убивают; Биэстээх-Бочоох кромсает тело шамана, делит его по всем суставам и разбрасывает куски; бесы шамана собирают все кости, после чего шаман оживает; Биэстээх-Бочоох вторично встречает шамана, убивает его, разрезает тело, куски которого разбрасывает; шаман воскресает; Биэстээх-Бочоох ловит шаман в третий раз;

шаман пытается убежать, углубившись в землю, но в его междуножье попадает корень дерева; Биэстээх-Бочоох разрубает шамана, а челюстную кость сжигает на костре; шаман воскресает, вместо сожжённой челюсти ему вкладывают челюсти телёнка; перед смертью шаман просит сына отвезти себя на салазках к устью реки; сын выполняет просьбу; когда он дотаскивает его до озера, шаман отец исчезает; жители не призывают коров подражательным мычанием, опасаясь духа шамана; род Биэстээх-Бочооха пресекается [Ксенофонтов 1992а: 58-60].

VII.14. ОТЛОЖЕННАЯ БЕРЕМЕННОСТЬ.

Беременную шаманку уговаривают либо заставляют камлать; она соглашается и достаёт из живота ребёнка (иногда – двойню), который на время остаётся в животе мужа, в простой одежде, в коробочке либо над входом в юрту.

Нганасаны [Симченко 1996а: 66-67, 75], подкаменнотунгусские эвенки [Василевич 1966: 149-150, 306-307 (текст № 20)], прибайкальские буряты [Румянцев 1969: 86-87; Жамцарано 2001: 109-110]. Ср. у тувинцев [Потанин 1883: 288-290 (тексты 63а, з)].

Нганасаны: шаманка Нейминьг забеременела от духов; люди попросили её пошаманить; она сначала отказывается, затем соглашается; парку сняла, живот пропал; время подошло – двух парней родила; они сразу шаманить стали; Нейминьг решила идти гостевать к своим Матерям; сыновья ей помогли; они шаманили; по дороге к Матерям старшего сына убили в воде семь людей на медных ветках [Симченко 1996а: 66-67].

Нганасаны: беременную шаманку из рода Нейминьг просят покамлать большие шаманы; она снимает парку, сворачивает её и просит не трогать; одевает шаманскую парку, начинает прыгать; живот у неё совсем пропал; вернулась потом, парку простую одела; живот опять появился; после неё все шаманы меньше силой стали [Симченко 1996а: 75].

Подкаменнотунгусские эвенки (Байкитский р-н, Эвенкийский национальный окр., Красноярский край): шаманка Деерок была беременной; её уговорили пошаманить над одним больным ребёнком; Деерок начала камлать, а плод из своего живота с помощью духов-помощников переложила в живот мужа; шаманка вылечила больного ребёнка, затем

взяла плод от своего мужа; во время родов она сошла с ума, её испортили духи; они испортили и двух детей шаманки, которые тоже стали сумасшедшими; с тех пор Деерок перестала перевоплощаться, перестала шаманить, будучи беременной [Василевич 1966: 149-150, 306-307 (текст № 20)].

Прибайкальские (идинские) буряты: первый хордутский шаман Долhoto-Зогдор, прослышав о шаманке Мудай, отправился к ней в Обусу; подъезжая к юрте Мудай, он превратил коня во льва, а сзади на поводу повёл медведя; вместо кнута у него была тонкая змея, на правом плече его рос кедр, а на левом – ель; Долhoto-Зогдор, попросил Мудай выйти ему навстречу; Мудай, находившаяся в этот момент в юрте, услышав, что приехал великий шаман, чтобы сразиться с ней, вынула из своей утробы трёхмесячный плод, положила его над дверью, села и крикнула великому шаману: «Залу хун идэрху, гулгун нохой шудэрху (юноша – задористый, щенок – кусачий)»; Долhoto-Зогдор, войдя в юрту, упал за смертью от нечистот плода, положенного Мудай над дверью; Мудай подумала, что если не воскресить сражённого ею шамана, могут возникнуть дурные последствия; она воскресила своего противника, совершив очищение корой священного дерева едо (пихты); ожив, Долhoto-Зогдор дал клятву Мудай впредь никогда не причинять никакого вреда потомству Мудай (онгоевскому роду); Долhoto-Зогдор остался в Обусе и жил в мире с Мудай-иби [Румянцев 1969: 86-87].

Прибайкальские буряты: [к моменту начала поединков со священниками и русской администрацией] шаманка Модон была беременна на третьем месяце; но она вынула ребенка из *эхэйн хэмнэгһээ* (из материнского чрева) и положила в *хэһэнэг* – коробочку для стрел; после победы она положила ребёнка обратно во чрево и доносила до срока [Жамцарано 2001: 109-110].

Ср. **тувинцы:** 1) первым шаманом была женщина; богдохан велел в неё стрелять; шаманка не была убита и ещё сильнее начала камлать; богдохан признал её настоящим шаманом и дал прозвище Ельбичи-хам; у неё был ребёнок, который из-за тех выстрелов родился со знаком; в память об этой шаманке и теперь зовут сведущих шаманов *ельбичи-хам*, то есть шамана, умеющий производить *ельби* [Потанин 1883: 288 (текст 63а)]; 2) один хан призвал кама-женщину (*хам-катын*) камлать; она была беременной и плохо камлала; хан велел застрелить её; кама-женщину застрелили, но она родила сына со знаком на лбу от стрел; это был родоначальник всех камов Потанин 1883: 289-290 (текст 63з)].

VII.15. ШАМАНСКАЯ НЕУЯЗВИМОСТЬ.

Шамана пытаются убить, наказать, но он оказывается невредим.

Энцы [Лабанаускас 2002б: 278-282], ненцы [Прокофьева 1953: 218], долганы [Попов 1937: 62-64], кеты [Анучин 1914: 8; Алексеенко 1981: 115; Николаева 2006: 56-57], подкаменнотунгусские [Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18)] и каларские [Пинегина и др. 1952: 85-86] эвенки, селькупы [Прокофьева 1981: 42], алтайцы [Потанин 1881: 172 (текст 31 б); 1883: 289 (текст 63д), 290-291 (текст 64а); Синьковский 1883: 100; Соколов 1900: 298-300; Никифоров 1915: 238-239; Анохин 1924: 112-113, 128-129, 146; Подузова, Сагалаев 1983: 111-112], телеуты [Потанин 1883: 288 (текст 63б)], теленгиты [Потанин 1883: 291 (текст 64б), 293 (текст 64и)], тувинцы [Потанин 1883: 288 (текст 63а)], прибайкальские буряты [Потанин 1883: 289 (текст 63в), 290 (текст 63и); Манжигеев 1978: 22-23; Жамцарано 2001: 109; Curtin 1909: 111-113], якуты [Окладников 1949: 86 (текст № 18); Эргис 1960: 14-15 (текст № 85); Ксенофонтов 1992а: 68; Худяков 2002: 143], юкагиры [Лаптев 1975: 237-238], чукчи [Богораз 1939: 108; Bogoras 1910: 35-36]. См. также у дархатов [Санжеев 1930: 48].

Кеты: шаман был взят в плен врагами енисейцев и брошен в «медвежью яму», но медведи не съели шамана [Анучин 1914: 8].

Кеты (Суломай): младший сын шамана Осмолки решил его убить; начал рубить шамана, а тело его начинало сразу заживать; шаман согласился принять смерть и просил не трогать дочь Кэнам; узнав об отце, Кэнам уехала к устью Дубчеса; люди догнали её и убили; это место теперь называется Кэнамей (светлые острова); те люди нарубили лиственниц, похоронили шамана; подожгли его, огонь горел семь дней, старик не мог сгореть быстро; с ярмарки вернулся старший сын шамана, он рассердился на людей за отца; люди заметили, что шаман Осмолка ходит рядом с ними и стали говорить, что шаман теперь видит, стали умирать люди, и сожалеть, что убили его [Николаева 2006: 56-57].

Алтайцы: Тархан-шамана увозили в Китай; там ему трижды отрубали голову, но она прирастала к туловищу; Тархан вернулся из Китая на Алтай; на него и других шаманов начались гонения; ойратский чиновник выстроил юрту из камыша, посадил в неё шаманов

и поджѣг; все шаманы сгорели, только Тархан и Качи-шаман вылетели через отверстие юрты и остались невредимы [Анохин 1924: 146].

Тувинцы: первым шаманом была женщина; богдохан велел в неё стрелять; шаманка не была убита и ещё сильнее начала камлать; богдохан признал её настоящим шаманом и дал прозвище Ельбичи-хам; у неё был ребёнок, который из-за тех выстрелов родился со знаком; в память об этой шаманке и теперь зовут сведущих шаманов *ельбичи-хам*, то есть шамана, умеющий производить *ельби* [Потанин 1883: 288 (текст 63а)].

Северные якуты (Верхоянский окр.): шаман Кычакан умел бывать сразу в семи местах; когда его стали сечь, он являлся в семи видах; когда хватали одного и начинали сечь, выходил новый Кычакан, который призывал сечь пойманного ещё больше [Худяков 2002: 143].

Северные якуты: во время жестоких войн жил шаман-хосун, у него было два сына; отец-шаман предсказал, что приближаются враги-хосуны; один из сыновей отправился на разведку и заметил врагов; отец-шаман камлал всю ночь; на утро враги напали на шамана и его сыновей, осыпая их стрелами; старик кончиком своего лука водил по воздуху, и стрелы пролетали мимо; стрелы, которые пускали враги, летели обратно и вонзались во вражеские тела; все 30 воинов-хосунов были перебиты собственными стрелами [Окладников 1949: 86 (текст № 18)].

Центральные якуты (II Мальжегарский наслег): младший брат кангаласского родоначальника Дыгына, Усун Ойуун (Длинный Шаман) не подчиняется русским законам; русский начальник приговорил Усун Ойууна повесить на висельнице; казаки трижды пытаются повесить шамана, но тот удлиняет свою шею и ногами касается земли; казаки освобождают шамана, который уходит в западную тайгу и женится; потомки шамана образуют один род [Эргис 1960: 14-15 (текст № 85)].

Якуты (Маганы, граница Якутского и Вилюйского окр.): когда шаман Бютэй-Илии устремлял свой взгляд на скот и людей, все они погибали; по этой причине шамана привязали к дереву и оставили на три дня среди роя комаров; однако с шаманом ничего не случилось; у него были сросшиеся пальцы на руках и ногах, поэтому он и получил своё имя Бютэй-Илии («сросшиеся, цельные руки») [Ксенофонов 1992а: 68].

Каларские эвенки (р. Калара, Читинская обл.): богатый шаман Кюстькемда посылал своих сыновей грабить эвенков чужих родов; предводитель рода кондыгирски узнал об этом и пошёл в поход на шамана; кондыгирски убивают двух сыновей шамана; шаман забрался на *лесину* и стал камлать; кондыгирски пустили в шамана десятки стрел, но он всё сидел и бил в бубен; кондыгирски пошли в чум шамана; там их предводитель спросил старуху, как убить шамана; услышав угрозы, старуха рассказала, что душа Кюстькемда в середине очага; кондыгирски пустили стрелы в огонь и шаман свалился с дерева [Пинегина и др. 1952: 85-86].

Юагиры (Халерчинская тундра, Нижнеколымский р-н): Ичэн становился шаманом и всё время лежал в своей *урасе*; люди захотели увидеть его камлание; князь приказал принести большой камень, положить его на очаг и накалил докрасна; около очага повесили три тонких тальника; в это время Ичэн сказал жене, что его сейчас вызовут; он просит жену придти, когда она услышит его дыхание, и бросить *малахай* ему на спину, когда люди, избивая его, возьмутся за третий тальник; пришли люди и позвали Ичэна; князь приказал Ичэну покамлать в шатре; затем Ичэну сказали положить камень на голову; Ичэн поднял камень своей колотушкой и положил его себе на голову; его волосы встали как иглы; держа горячий камень на голове, Ичэн стал камлать; камень остыл и почернел, Ичэн бросил его под стену; Ичэна заставили лечь вниз лицом и начали избивать тальником; Ичэн стал покрикивать разными птичьими голосами; жена Ичэна всё это слышала и пошла к шатру; перестав слышать голос мужа и услышав гусиный крик, жена вошла в шатёр; когда истязатели взялись за третий тальник, она бросила на спину мужа свой *малахай*; *малахай* поднялся, после чего люди прекратили истязание; женщина забрала мужа и унесла его домой; Ичэн спрашивает о еде и, узнав об её отсутствии, приказывает жене отрезать три *нэллиэ* из крыши и кинуть в огонь; жена выполняет требование; три бахромы вспыхнули и вылетели по дымовому отверстию; жена выходит и видит, что одна бахрома, обуглившись, упала у стены *урасы*, а остальные, сгорая, слились с огнями соседей и взлетели ввысь; Ичэн говорит жене, что, когда по небу начнут бродить огни, люди будут говорить, что это огни *алайи*; Ичэн рассказывает жене, что скоро умрёт и что всё соседи тоже вскоре умрут, а их вещи и олени достанутся ей; всё случилось именно так, люди передних шатров умерли, остальные превратились в гагар [Лаптев 1975: 237-238].

VII.16. ШАМАН И ХОЛОД.

Шаман обладает способностью выдерживать сильнейший холод.

Энцы [Лабанаускас 2002б: 278-282], долганы [Попов 1937: 62-64], подкаменнотунгусские эвенки [Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18)], алтайцы [Анохин 1924: 123], якуты [Эргис 1960: 251-258 (текст № 181); Кулаковский 1979а: 14; Ксенофонов 1992б: 238-240; Худяков 2002: 78, прим. 3].

Энцы: шаман народа сомату Быкубо позвал камлать шамана народа бай Пянтуку; Пянтуку приехал, шаманы начали камлать в двух близкостоящих чумах; шаман Быкубо позвал Пянтуку к себе в чум; шаманы советуются, кто из них будет приглашать солнце, а кто месяц; Пянтуку сказал, что он позовёт месяц, Быкубо решил звать солнце; Пянтуку опасается, что из-за солнца все сгорят, а из-за месяца – ознобятся, замёрзнут; Быкубо ушёл в свой чум, оба шамана начали камлать; к полночи месяц пришёл совсем близко, в чуме Пянтуко становится холодно, у людей, которые прибегают с улицы отлетают носы и щёки; Пянтуко надевает шаманскую шапку, *парку* и нагрудник, затем выходит на улицу, держа бубен в руках; месяц находился около переднего угла чума, шаман стал кланяться, кивать головой; он попросил месяц отойти от переднего угла, ссылаясь на то, что все замерзают; когда шаман перестал кланяться, месяц приблизился к нему на расстояние двух *арканов*; шаман повернулся обратно к чуму, хотел пойти к входу, но ноги у него стали двигаться назад, будто его что-то притягивало; шаман вместе с бубном прилип к месяцу; люди выходят из чума, начинают искать шамана; старики им говорят, что шаман прилип к месяцу; шаман Быкубо тоже шаманил; он спрашивал людей, не стало ли солнце ближе, но солнце оставалось на своём месте; два старика, которые сидели в чуме, схватили по полену и начали стучать в бубен; они сказали шаману, что он напрасно трудится; шаман народа сомату перестал камлать, положил бубен, разделся, сел около жены и умер [Лабанаускас 2002б: 278-282].

Долганы: богатый и молодой князь требует от шамана привести ему в качестве жены дочь *айыы*; шаман камлал девять дней и девять ночей, его голова покрылась инеем; взлетев на небо, шаман уговорил *айыы* отдать дочь в жёны князю; шаман вернулся и рассказал, что дочь *айыы* следует ожидать через три дня; в качестве подтверждения этих слов шаман вручил князю что-то золотое, принесённое от *айыы*; через три дня князь ждал дочь *айыы* в

новом чуме; с небес спустился большой ветер; когда он затих, ни чума, ни князя уже не было – дочь *айыы* взяла человека к себе; при её сошествии с неба спустились духи *менериков*, поэтому появились «певцы» малые шаманы [Попов 1937: 62-64].

Подкаменнотунгусские эвенки (п. Полигус, Байкитский р-н, Эвенкийский национальный окр., Красноярский край): шаман Бакадя (*Найдёныш*) мог превращаться в духа-*мэлкен* (невидимку); на стойбище жил другой шаман; рано утром послышался плач ребёнка; много дней все слышали звук, но никто не видел его источник; шаман покамлял и сказал, что это не ребёнок, а шаман, превратившийся в ребёнка; шаман повёл людей искать плачущего, с собой не взяли вдовца; нашли плачущего ребёнка в люльке, которая висела на лиственнице; шаман, камлая, подпилит дерево, ребёнка взяли и унесли домой; там ему сделали колыбель; за семь дней ребёнок стал взрослым человеком и опять стал шаманить; во время камлания ему подыскали имя – Бакадя; Бакадя много лет лечил людей; зимой Бакадя поссорился с другим шаманом из-за духов-помощников; они устроили состязание: расчистили от снега лёд на реке, сели друг от друга на расстоянии слышимости звука речи, надели шаманские плащи и разговаривали между собой неделю; наступил сильный мороз; о том, что шаманы живы, сообщали колокольчики, которые брякали на их плащах; Бакадя звонил пять дней, другой шаман на пятый день перестал звонить, замёрз; Бакадя звонил ещё два дня, затем пошёл к жене; шаман сказал жене, что они оба должны превратиться в птиц и исчезнуть, так как на этом месте им жить нельзя; шаман предложил лететь на край земли, на море, при этом он велел жене не брать железные подвески на одежде; жена забыла его требование и оставила железный *игольник* в своём поясе; Бакадя полетел с женой и уронил её на землю; она пропала, а Бакадя остался *мэлкэном* [Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18)].

Алтайцы: семь братьев шамана Санызака заболели тифом; шаман сделал в зимнее время жертвоприношение Ульген; Санызак вооружился луновидным топором (по другим вариантам – теслом, которым долбят корыта) и, пробивая, лёд, достиг третьего неба; там шаман побеседовал с Ульгеном; во время камлания льдины падали в юрту большими обломками [Анохин 1924: 123].

Якуты: шаман Чачыгыр Таас ойуун сказал перед камланием, что срубит закрепу (к небу) пляд; при этом шаман запретил всем смотреть на небо и пляды во время его действий; во время камлания шаман заиндевел; это означало, что он рубит закрепу; одна женщина не

смогла побороть любопытства и выглянула в окошко хлева; там она увидела, как с плеяд сыплются огненные искры; шаман сразу приостановил свои действия; он заявил, что в рубке плеяд помешал своим взором смертные и что из 9 плеяд удалось убавить только две; с тех пор зима стала менее суровой [Кулаковский 1979а: 14].

Центральные якуты (Эргисский наслег Западно-Кангаласского р-на): белый шаман Эргис камлал только на *ысыахе* и духу-хозяйке земли; когда он камлал на *ысыахе*, в небе появлялся Дьёсөгөй; во время кошения сена шаман Эргис наловил на озере Титтях девять коробов рыбы, после этого он предсказал свою скорую смерть; шаман решает перед смертью устроить будущую жизнь своих детей, он камлает три дня и три ночи до того, что борода и волосы его покрылись инеем; в итоге шаман спускается сверху с тремя пучками белых конских хвостовых волос, которые отдаёт младшему сыну; старшие сыновья завидуют младшему брату, выманивают пучки волос и делят между собой; шаман их проклинает, расселяет каждого в отдельной местности; перед смертью шаман завещает перехоронить свои кости трижды; шаман умирает и через несколько поколений является одному из эргисцев, наказывает позаботиться о своих останках; эргисцы устраивают перезахоронение; из-за отклонений от обряда впоследствии случается падёж лошадей и начинается эпидемия; Ылаар, прибывший с приисков разорившимся, пошёл на могилу шаман, забрался в амбар *лабаза* и взял лук, после чего уснул на двое суток; проснувшись, Ылаар оставляет лук и уходит с могилы; разорившийся Илья залез на могильный лабаз шамана и забрал лежавшие в котелке монеты; по дороге домой он увидел летящего старика, кинул деньги назад и убежал [Эргис 1960: 251-258 (текст № 181)].

Северные якуты: шаман ушёл за трижды-девять седалищ, поднялся на небо и стал рубить звезду, называя её дьявольским глазом; весь народ видел, как с неба летели искры; шаман предсказал, что эта звезда потеряется на девятый день; предсказание шамана сбылось [Худяков 2002: 78, прим. 3].

Северные якуты: шаман оделся в волчью *доху* и рукавицы, взял за пояс топор, стал шаманить и вышел за три-девять седалищ к звезде; когда шаман камлал, его волосы и ресницы покрылись снегом; шаман начал рубить звезду как дерево; вышедшие из юрты люди увидели, что от звезды летят искры [Худяков 2002: 78, прим. 3].

Центральные якуты (Мытахский наслег Западно-Кангаласского улуса): у шамана была верёвка, за которую он держался, когда совершал камлание Улуу-Тойону; однажды на небе появилась планета; из-за неё уменьшилось плодородие земли, перестали расти деревья и травы, наступил голод, в зимнее время с запада веяло холодом; шаман совершил камлание к тому, кто послал эту планету; при этом шаман оделся в волчью *доху* и заткнул за пояс топор; камлание длилось девять суток, камлая, шаман держался за свою верёвку; семь дней и ночей он рубил свои топором, на землю с неба сыпался лёд; во время камлания шаман весь обледенел и закуржавел; спустившись с неба, он сказал, что разъединил планету; жизнь на земле стала лучше [Ксенофонов 1992б: 238-239].

Центральные якуты (2-й Одуинский наслег Западно-Кангаласского улуса): на небе появилась звезда – *чолбон*, из-за которой зимняя пора удлиняется, а мороз усиливается; этот *чолбон* пошёл навстречу к Плеядам и задержал их ход; от этого усилилось их морозное дуновение; наступающее лето обещало быть холодным; люди обратились к шаману Агдага и уговорили его совершить камлание: он оделся по-зимнему, заткнул за пояс топор и вознёсся на небо к Чолбонтой-Тойону, насылающему *чолбоны*; шаман обратился к небу с молением; вслед за этим шаман, стоя в юрте, начал своим топором что-то рубить; все выбежали на двор и увидели, что от *чолбона* сыпались искры; *чолбон* исчез; шаман спустился на землю весь обледенелый и покрытый снегом [Ксенофонов 1992б: 239-240].

VII.17. ВОСКРЕСШИЙ ШАМАН.

Умерший шаман оживает однократно либо несколько раз.

Долганы [Попов 1937: 59-62], алтайцы [Анохин 1924: 125], центральные якуты [Эргис 1960: 267-270 (текст № 185); Ксенофонов 1992а: 58-60], чукчи [Bogoras 1910: 36-42], нанайцы [Лопатин 1922: 255; Киле 1996: 426-427 (текст № 64)].

Долганы: кочевали старший удалец и младший удалец, который желал жену первого; когда они приехали к кочевникам, младший удалец пошёл в чум, где камлал шаман; удалец оскорбляет шамана, тот говорит, что удальцу предстоит опасная встреча с привязанным к трём лиственницам медведем; удальцы откочевали; младший удалец, сделав из гнилого дерева медведя, выпустил его вперед; медведь превратился в большого зверя, удалец

пристрелил его из лука; затем, продолжая ехать, удалец сделал из дерева орла, который улетает и садится на дерево; удалец пристрелил и его; после этого удалец сделал и убил сокола; по дороге повстречался большой медведь, привязанный цепями к трём листовницам; увидев людей, медведь разорвал цепи и пошёл на них; младший удалец хотел выстрелить из лука, но старший обсмеял его; младший удалец убил медведя краем ладони; затем он поехал на то место, где камлал шаман; там уже давно сделали для шаман гроб; спустя несколько лет удалцы остановились около одного стойбища; старший удалец зашёл в чум, в котором камлал шаман; шаман сказал, что удалец встретит медведя, от которого, возможно, погибнет; шаман предупредил, что если удалец его убьёт, то через три года он придёт и съест удалца; удалцы встретили медведя, старший убил его краем ладони; младший удалец вернулся к тому шаману; ему уже делали гроб, но он был ещё жив; младшему удалцу шаман пообещал, что придёт через три года и съест старшего удалца; через три года слышались громкие звуки бубна, младший шаман поехал к соседям и увидел умершего три года назад шамана, который сказал, что придёт ночью к старшему удалцу; младший удалец передал старшему слова шамана и пообещал помочь; утром младший удалец обнаружил, что его соседа нет в чуме; умирающего соседа нашли на улице, он рассказал, что его забодали рогами двое мать-зверей, и велел младшему удалцу взять его жену; воскресший шаман тоже умер, так как погибший удалец ножом поранил настоящих мать-зверей; противники шаманов делали из дерева медведя, птиц и, внедрив туда духов шамана, убивали их; в старину духи шаманов ходили открыто, но из-за того, что человек умел побеждать их, стали невидимыми [Попов 1937: 59-62].

Алтайцы: при нападении на Алтай киргизов Бади-шамана убивали три раза, но он оживал; в конце концов, ему выкололи глаза и распороли живот; у шамана нашли обросшее шерстью сердце; то же самое у него было внутри большого пальца [Анохин 1924: 125].

Центральные якуты (Качикат): шаман проезжает мимо Биэстээх-Бочооха, не побеседовав с ним; далее шаман заворачивает в дом того же Биэстээх-Бочооха; хозяин дома вскоре возвращается и тотчас же узнаёт своих гостей; Биэстээх-Бочоох приказывает сыновьям приготовиться к убийству шамана, передавая всё это иносказательно; <пробелы в записи>; заснувшего шамана убивают; Биэстээх-Бочоох кромсает тело шамана, делит его по всем суставам и разбрасывает куски; бесы шамана собирают все кости, после чего шаман оживает; Биэстээх-Бочоох вторично встречает шамана, убивает его, разрезает тело, куски которого разбрасывает; шаман воскресает; Биэстээх-Бочоох ловит шаман в третий раз;

шаман пытается убежать, углубившись в землю, но в его междуножье попадает корень дерева; Биэстээх-Бочоох разрубает шамана, а челюстную кость сжигает на костре; шаман воскресает, вместо сожжённой челюсти ему вкладывают челюсти телёнка; перед смертью шаман просит сына отвезти себя на салазках к устью реки; сын выполняет просьбу; когда он дотаскивает его до озера, шаман отец исчезает; жители не призывают коров подражательным мычанием, опасаясь духа шамана; род Биэстээх-Бочооха пресекается [Ксенофонтов 1992а: 58-60].

Центральные якуты: бедняк Биэстээх-Бочоох занимается тем, что ставит зимой петли и самострелы на зайцев; попавшихся зайцев начинает расклёвывать ворон; Биэстээх-Бочоох думает, что птицу посылает шаман; в дом Биэстээх-Бочооха, ушедшего осматривать петли и самострелы, приезжает шаман; невестка Биэстээх-Бочооха ничем не угощает гостя; шаман уходит, посещает одних жителей и рассказывает им, что посадит всю семью Биэстээх-Бочооха на середину лужи из свежей крови; Биэстээх-Бочоох узнаёт об угрозах, а вскоре умирает его трёхлетний внук; Биэстээх-Бочоох считает, что это шаман съел душу ребёнка; Биэстээх-Бочоох случайно заходит к жителям, у которых сидит шаман, вырывает шаману нижнюю челюсть; шаман вставляет на её место телячью; снова встретив шамана, Биэстээх-Бочоох вырывает ему левый глаз; шаман вставляет себе собачий; повстречав шамана на острове, Биэстээх-Бочоохто убивает его, отрывает ему голову; труп сжигает, а пепел костей бросает в воду и размешивает деревом с корневищем; шаман воскресает, но подумав, что, если Биэстээх-Бочоох убьёт его во второй раз, то он уже не сможет возродиться, прячется у озера и умирает от болезни, как обыкновенный человек; своему сыну шаман завещает похоронить себя у озера в отвесной, как для столба, яме и стоймя; с тех пор жители не подзывают коров подражательным мычанием и не называют телят *торбос* [Эргис 1960: 267-270 (текст № 185)].

Нанайцы: шаман влюбился в жену одного гольда и часто ездил к ней по ночам; муж застал их на свидании и заколол шамана *гидою*; шаман умер, его похоронили, но через девять дней он вышел из могилы (тогда покойников клали на поверхности), стал камлать и принес в жертву *сеонам* 9 свиней; *сеоны* приняли его жертву, явились и, когда шаман камлал, съели всё мясо; ревнивый муж ещё раз подстерёг шамана, снова заколол его и воткнул ему в рану горящую головню; шамана похоронили, но он опять воскрес; муж ужаснулся и, собрав все имущество, переехал жить в далекое стойбище [Лопатин 1922: 255].

Нанайцы: шаман Пассар предупреждает людей о своей скорой смерти и говорит, что вернёт свою душу через шесть дней; по прошествии этого срока люди идут к нему на могилу и видят его живым: воскресший становится великим шаманом; у него умирает жена, он воскрешает её [Киле 1996: 426-427 (текст № 64)].

VII.18. ВОСКРЕШЕНИЕ МЁРТВЫХ.

Шаман воскрешает умерших людей.

Нганасаны [Долгих 1976: 92-98 (текст 23)], долганы [Попов 1937: 64-66; Ефремов 2000: текст 26], кеты [Анучин 1914: 7], селькупы [Прокофьева 1981: 60], прибайкальские буряты [Шашков 1864: 81; Румянцев 1969: 86-87; Curtin 1909: 111-113; Lewitzky 1957: 35], непские эвенки [Василевич 1936: 74 (текст 56)], центральные [Припузов 1884: 64; Приклонский 1891: 52; Lewitzky 1957: 35] и вилюйские [Ксенофонтов 1992б: 189-193; Попов 2006: 57] якуты, чукчи [Богораз 1899: 263-267; Вдовин 1981: 197-198], нанайцы [Киле 1996: 426-427 (текст № 64)].

Долганы: дочь старика самоеда умерла; он не стал её хоронить, а возил с собой на санях; старик просил встречных шаманов воскресить её; никто не соглашался; спустя два года после смерти дочери, старик нашёл двух шаманов, которые камлали, но ничего не могли сделать; пожалевший старика прозорливец-шаман увидел сон и рассказал старику, что те шаманы не воскресят девушку; старик пообещал прозорливцу половину своего богатства и дочь, тем самым уговорив его помочь с воскрешением; прозорливец уснул и дошёл до места болезни, затем отправился в другое место; там прозорливец встретил трёх одинаковых девушек, одна из которых была дочерью старика; у девушек жили в трёх одинаковых чумах; прозорливец по очереди переночевал в каждом из них, но так и не понял, какая из девушек дочь старика; девушки собрались втроём в одном чуме; заранее спрятавшись, там лежал прозорливец, который подслушал разговор и понял, кто дочь старика; когда девушки заснули, прозорливец унёс старикову дочку из чума; он обнял её, побежал и проснулся; его тело пребывало во сне девять дней; около костей обнаружили девушку, которая не шевелилась; прозорливец уложил ей вовнутрь кости, после чего она ожила и стала дочерью старика; прозорливец взял девушку в жёны; две умершие подруги

рассердились, сделали девушку шаманкой и принудили покрыть бубен кожей старухи [Попов 1937: 64-66].

Прибайкальские буряты: 27-летний шаман возвращается к себе домой из соседней деревни и встречает по дороге огромные открытые ворота; там шаман увидел триста коров, которых гнала женщина с ребёнком в руках, сидящая верхом на красном быке; затем шаман встретил мужчину, голова которого была размером со стог сена; этот мужчина ехал верхом на сером жеребце огромных размеров; шаман принял его за торговца мясом и спросил, откуда он; мужчина назвал своё имя, *Minga Nudite Milá* (Тысячеглазый), и сказал, что должен уничтожить весь скот в стране; шаман, придя домой, обнаруживает, что весь его скот погиб; рассерженный шаман отправляется за помощью к своим пятерым братьям-шаманам, но те отказывают ему; шаман вернулся домой, сделал и выпил *тарасун*, затем взял топор и положил его на свою кровать под подушку, привязал свою лошадь к столбу в юрте и лёг, предупредив жену, чтобы она не уводила лошадь из юрты и не будила его; вскоре шаман и лошадь стали выглядеть как спящие, но это были лишь их тела, в действительности шаман скакал к Ангаре; шаман поднимается на гору *Torkoi Tonkoi*, с вершины которой видит *Minga Nudite Milá*, соорудившего через реку мост; одна половина моста была из золота, другая – из серебра; *Minga Nudite Milá* начинает перегонять скот по этому мосту; шаман превращается в пчелу, уменьшает свой топор, берёт его и летит под мост; там шаман рубит топором две опорки, после чего мост обрушивается; весь скот падает в Ангару, в том числе красный бык вместе с женщиной, сидящей на нём верхом; в реке оказывается и *Minga Milá*, и его серый жеребец, которым удалось остаться в живых; шаман подкидывает своё шаманское кольцо к небу, из-за этого поднимается страшный ветер, свирепствовавший в течение трёх дней; *Minga Milá* не может выбраться из воды, его бросает из стороны в сторону; после трёх дней ветра наступают три дня, во время которых льёт сильный дождь; под конец этих шести дней у коня *Minga Milá* отваливаются копыта; когда шторм заканчивается, *Minga Milá* и его конь выбираются из воды и начинают сушиться; копыта коня появляются из реки, их приделывают обратно; рассерженный и испуганный *Minga Milá* клянётся, что никогда больше не появится в этой стране; шаман возвращается домой; по дороге он встречает пятерых своих братьев и рассказывает им, как был наказан Тысячеглазый; спустя год шаман по пути домой встречает людей, которые хоронят умершего ребёнка; шаман запрещает им это делать и советуют закопать вместо него козла; шаман относит ребёнка к себе домой, разогревает шесть камней докрасна, затем пляшет на них босиком и камлает до утра, до крика первого петуха; во время камлания

шаман время от времени пританцовывает над мёртвым ребёнком; после этого кровь в теле ребёнка начинает двигаться, он открывает глаза, но не может говорить; на следующую ночь шаман привязывает отца и мать ребёнка к столбу юрты и снова камлает до самого утра; всё это время ребёнок лежит без движения; во время восхода солнца шаман дует на голову и ноги ребёнка, он вскочил и спросил: «Что ты делаешь, отец?»; затем шаман развязал родителей ребёнка и сказал им, что тот жив; благодарный отец предлагает шаману половину своих денег и половину скота, но шаман отказывается и соглашается в итоге на стог сена, аркан и девять копеек [Curtin 1909: 111-113].

Нанайцы: шаман Пассар предупреждает людей о своей скорой смерти и говорит, что вернёт свою душу через шесть дней; по прошествии этого срока люди идут к нему на могилу и видят его живым: воскресший становится великим шаманом; у него умирает жена, он воскрешает её [Киле 1996: 426-427 (текст № 64)].

VII.19. ОЖИВЛЕНИЕ УМЕРШЕГО ЖИВОТНОГО.

Шаман оживляет давно умершее животное (шкуру, истлевший труп и т.п.).

Виллюйские якуты [Бравина, Илларионов 2006: 16-17], чукчи [Богораз 1899: 268], азиатские эскимосы-юпик [Рубцова 1954: 203-215 (текст № 14); Крупник 2000: 479, 485-486], нивхи [Крейнович 1973: 441]. Ср. у бурят [Герасимова 1969: 117].

Виллюйские якуты: шаман Спиридон попал в тюрьму и показывал там чудеса: он внезапно оказывался в другой камере; комнату, где вёлся допрос, заполнял водой; шубы превращал в медведя и волка, которые дрались между собой; проходил сквозь бревенчатые стены [Бравина, Илларионов 2006: 16-17].

Чукчи: отец послал шамана Рынтэу за великим ножом (мечом) Кэля, который живёт на северной стороне в тёмной земле; Рынтэу отправился, увидел круглую скалу без дверей; стал кричать, оттуда голос отвечает: «Войди!»; но двери нет; опять стал кричать, камень раскрылся и впустил его; там жили старик и старуха (*кэля*), всё жилище было наполнено шкурами песцом, лисиц, горностаев, белок; Рынтэу сказал, что пришёл шаманить, а сам смотрит: нож тут же лежит; зашаманил Рынтэу; шкуры песцов, лисиц, горностаев и белок

ожили и стали плясать под стук бубна; Кэля тоже стали плясать, затем устали, упали, заснули; Рынтэу схватил нож и убежал [Богораз 1899: 268].

Азиатские эскимосы-юпик (п. Провидения): две старухи[-шаманки] заставляли шкурки оленьих телёнок ходить как живые [Крупник 2000: 479].

Азиатские эскимосы-юпик (п. Провидения): на берег выбросило скелет чайки – одни кости, только крылья целые [с перьями. – *И. К.*]; шаман Аг,лю бросил скелет вверх; скелет полетал, кричал, затем упал; оленевод вёз из Кивака кусок моржового копальхына; Аг,лю попросил кусочек; оленевод предложил ему взять самому, а копальхын так замёрз, что ножом не взять; Аг,лю подошёл к нарте, рукой (ребром ладони. – *И. К.*) отрезал большой кусок и взял себе [Крупник 2000: 485-486].

Азиатские эскимосы-юпик (п. Чаплино): нувыткакский шаман и напыгальякский мужчина обменялись жёнами; затем они вдвоём отправились к чукчам-оленеводам; чукча-олeneвод дал им мало оленей, шаману – двоих, мужчине – одного; шаман начал спорить с оленеводом; оленевод сказал: «Если ты сердишься, смотри! [Угроза]. Ты береговое мясо (берега мясо) знаешь: моржа, лахтака, кита, нерпу»; оленевод (?) подул на лахтачью шкуру, на нерпичью шкуру; они стали шевелиться; все вещи, сделанные из моржовой шкуры, стали по-моржачьи кричать, лахтачьи шкуры по-лахтачьи стали кричать, нерпичьи шкуры – по-нерпичьи; шаман стал звать своих духов, но те не слышали его; только мышонок один пришёл и стал бегать вокруг оленей; они за ним погнались; мужчина сказал шаману снять *кухлянку* и сам её надел; потому мужчина сел и задрожал; когда он дрожал, между ног копьё высунулось и тоже стало дрожать; мужчина взял копьё и бросил его; потом оленей всех нанизал на него; когда открыл рот, копьё приблизилось [прилетело с оленями]; мужчина оленей всех проглотил; на обратной дороге мужчина сказал шаману: «Когда в Напыгальяк заедем, заехав, в ярангу со мной иди. К яранге когда подойдём, я зайду в неё. Туда лицом к двери я сяду. В оленью упряжь запряги меня, хотя бы я и отказывался. Затем ты вынеси меня. Потом очень сильно (меня) тяни меня. Тогда что-нибудь получится»; так всё и сделали; у мужчины открылась макушка, из неё вышло оленьё стадо; потом впереди яранга построилась сама; не шаман стал шаманом; шаман стал не шаманом; новый шаман сказал своему обменному, что тот в своём селении на следующий день убьёт кита, но праздновать это сам не должен (станет праздновать новый шаман); бывший шаман добыл кита, но отпраздновал сам; потом осенью бывший шаман вышел ночью на улицу и потерял

сознание; очнулся на льдине посредине озера; позвал своих духов, они пришли, но в воду войти не могут; лишь мышонок [дух] прибыл; он приложил лапки к лицу бывшего шамана, чтобы согреть его, но лицо стало только чесаться; мужчина уснул, проснулся на льдине в море; добрался до суши, там его встретили мужчины и женщины; это были касатки, он остался жить среди них [Рубцова 1954: 203-215 (текст № 14)].

Нивхи: рассказы о могуществе шамана Чамк`а нивхи подтвердили эпизодом оживления замёрзшей крысы, которую он потом велел нивхам убить и зарыть вместе с едой и кусочками ткани в землю, так как она, по словам шамана, ожившая, причиняла бы людям зло [Крейнович 1973: 441].

VII.20. УПРАВЛЕНИЕ СТИХИЯМИ.

Шаман влияет на погоду, управляет водой, снегом, градом, ветром, вызывает землетрясение и т.д.

Энцы [Лабанаускас 2002б: 158-165, 196-202], долганы [Попов 1937: 54-57], кеты [Алексеенко 1981: 121], «абаканские татары» [Катанов 1907: 629 (текст 123)], алтайцы [Анохин 1924: 24], прибайкальские буряты [Curtin 1909: 111-113], баргузинские орочёны [Малых 1924/1936: 270 (текст 7)], якуты [Приклонский 1890: 169; Ксенофонов 1992б: 226-228; Бравина, Илларионов 2006: 18-19; Попов 2006: 416; Романова 2008: 313; Balzer 1996: 307] (ср. [Попов 2006: 32]), чукчи [Богораз 1899: 266; Трощанский 1904: 113 (со ссылкой на: Аргентов 1857); Вдовин 1981: 189-190, 198], чуванцы [Дьячков 1893: 132], нанайцы [Лопатин 1922: 237-238, 254; Сем 1996: 134-135; Булгакова 2004: 201], ульчи [Портнова 2008: 34]. См. также в намтаре Нейджи-Тойна [Пурбуева 1984: 65 (л. 39а, б); Heissig 1953: 522], у халха-монголов [Потанин 1883: 293 (текст 64з)] и дархатов [Санжеев 1930: 47; 1931: 106].

Энцы: люди из нескольких энецких родов рыбачили на берегу Енисея; старшим был князь Мугади, который в конце августа распорядился ехать промыслять в тундру; старик-шаман Сойта, у которого были жена и трое сыновей, за лето поймал мало рыбы; он не послушался князя и решил отправиться на другой берег Енисея ловить оленей; шаман посадил на санки аргиша жену лицом назад, запретил ей заглядывать вперёд и покрикивать на него; когда

олени ступали по воде, под их копытами образовывался лёд, который таял сразу же за санками; на берегу шаман и его жена поставили чум; шаман начинает охотиться, приносит много добычи; с другой стороны Енисея приплыли на ветках князь Мугади со своим сыном и старшим сыном шамана; князь просит по одной туше оленя; шаман соглашается дать по полтуши, затем, вспомнив прежние издевки князя, начинает угрожать ему; своего сына шаман оставляет помогать таскать туши оленей; князь Мугади и его сын положили по полтуши в ветки и отправились домой; когда они доехали до середины Енисея, поднялась туча и началась буря; после этого сын Сойоты увидел две плывущие пустые ветки; шаман продолжал охотиться, затем отправил сына домой; шаман снова пошёл промышлять, встретил медведя, который стал давить его, но не царапал и не кусал; шаман убил медведя, после чего перестал ходить на промысел; с другого берега приплыл старший брат, рассказавший, что все люди аргишили в тундру и бросили сыновей шамана, обвинив их в убийстве князя; сын уехал обратно; когда Енисей встал, шаман поймал своих оленей, запряг их и поехал с женой через реку; как только шаман и его жена достигли середины Енисея, лёд под ними проломился; Сойота утонул вместе с женой и оленями; сыновья шамана начали охотиться самостоятельно и остались жить на земле своего отца [Лабанаускас 2002б: 196-202].

Энцы: на стойбище трёх братьев жил сильный шаман; братья уехали промышлять дикого оленя; к закату они вернулись с добычей на стойбище, каждый пошёл в свой чум; младший брат обнаружил, что его жена пропала; жёны остальных братьев не знали, куда она исчезла; братья нашли следы около крайнего чума, но не стали пускаться в погоню из-за наступления темноты; когда вернулся шаман, ему рассказали о случившемся; шаман начал камлать, затем сказал, что женщину похитил один богатый тунгус; на следующий день шаман велел младшему брату собираться в путь и взять с собой тунгусскую *парку* и *бакари*; старший и средний брат остались на стойбище, а младший брат и шаман отправились в путь по следам тунгуса; когда они догнали тунгусов, шаман сказал младшему энцу, чтобы он одел тунгусскую одежду, незаметно подошёл к стаду оленей и вместе с работниками гнал их; после этого шаман превратился в белую сову и улетел; энец всё сделал так, как велел шаман; ночью энец вышел из чума и заметил, что на концах шестов большого чума сидит белая сова; энец решил, что это шаман показывает ему, в каком чуме находится похищенная женщина; вскоре из чума вышла жена энца; энец окликнул её и они вместе убежали в лес; когда муж с женой добежали до деревьев, поднялась сильная метель, которую наслал шаман; к концу второго дня младший энец с

женой вернулся в чум; шаман предупредил братьев, что предводитель тунгусов не будет мириться с пропажей женщины; покамлав, шаман рассказал, что тунгусы идут по следам к стойбищу братьев; по совету шамана братья немедленно начали готовить аргиш, а утром отправились в тундру; шаман остался на том месте, где стояли чумы; как только увидел тунгусов, тут же превратился в сову и сел на ближайшее дерево; тунгусы, заметив следы от аргиша, решили продолжить погоню, но поднялась сильная метель; шаман прилетел на стойбище трёх братьев, превратился в человека, вошёл в чум среднего брата и сказал, что теперь братья могут жить спокойно [Лабанаускас 2002б: 158-165].

Долганы: два шамана решили улететь с гусями; шаманы приказали поставить чистый чум и рассказали людям о своих планах; покамлав, шаманы обратились в гусей и улетели; они пролетели через отверстие в небе, около которого сидела старуха, ловившая крюком посоха жирных гусей; пролетая около старухи, один из шаманов подумал, какая она противная; прилетев в страну, где летают гуси, шаманы приняли человеческий облик и стали жить в землянках; когда настало время линять, один из шаманов превратился в лебедя и полетел на озеро, второй шаман остался на реке, обратившись в гуся; на озере появились охотники, которые перебили всех, кроме хозяина слова шамана; после ухода охотников второй шаман прилетел на озеро; хозяин слова шамана-лебедя рассказал ему, что погиб из-за того, что плохо подумал о хозяйке вселенной, которой была старуха, сидящая у отверстия в небе; умирая, он завещал, чтобы впредь ни один шаман не прилетал сюда, так как хозяйке это не угодно; с наступлением весны родные шаманов поставили чистый чум; когда летели три стада гусей, что-то упало на чум; люди тихонько подошли к чуму и, услышав звуки бубна, вошли в него; там сидел вздрагивающий и порывающийся улететь шаман; люди стали подпевать ему, он превратился в человека и рассказал всё; услышав рассказ, другой шаман заявил, что уйдёт с рыбами в море; осенью шаман заставил людей поставить чистый чум, начал камлать в нём, вызывая снег и дождь; внутри чума побежали реки, заиграли рыбы; когда люди опомнились, ни воды, ни рыбы, ни шамана не было; весной люди поставили чистый чум и перегородили речной залив сетями; один парень поставил свои старые сети; шаман попался к нему в сеть, но сеть оборвалась и шаман исчез в воде; люди позвали другого шамана; после камлания он сказал, что хозяин реки не отпустит назад попавшихся к нему; с тех пор шаманы не спускаются в воду [Попов 1937: 54-57].

Алтайцы: шаман Качы силой своих молитв низводил в летнее время на землю снег и град в виде больших льдин; в своих камланиях он доходил до престола бога Кудай [Анохин 1924: 24].

Прибайкальские буряты: 27-летний шаман возвращается к себе домой из соседней деревни и встречает по дороге огромные открытые ворота; там шаман увидел триста коров, которых гнала женщина с ребёнком в руках, сидящая верхом на красном быке; затем шаман встретил мужчину, голова которого была размером со стог сена; этот мужчина ехал верхом на сером жеребце огромных размеров; шаман принял его за торговца мясом и спросил, откуда он; мужчина назвал своё имя, *Minga Nudite Milá* (Тысячеглазый), и сказал, что должен уничтожить весь скот в стране; шаман, придя домой, обнаруживает, что весь его скот погиб; рассерженный шаман отправляется за помощью к своим пятерым братьям-шаманам, но те отказывают ему; шаман вернулся домой, сделал и выпил *тарасун*, затем взял топор и положил его на свою кровать под подушку, привязал свою лошадь к столбу в юрте и лёг, предупредив жену, чтобы она не уводила лошадь из юрты и не будила его; вскоре шаман и лошадь стали выглядеть как спящие, но это были лишь их тела, в действительности шаман скакал к Ангаре; шаман поднимается на гору *Togkoí Tonkoí*, с вершины которой видит *Minga Nudite Milá*, соорудившего через реку мост; одна половина моста была из золота, другая – из серебра; *Minga Nudite Milá* начинает перегонять скот по этому мосту; шаман превращается в пчелу, уменьшает свой топор, берёт его и летит под мост; там шаман рубит топором две подпорки, после чего мост обрушивается; весь скот падает в Ангару, в том числе красный бык вместе с женщиной, сидящей на нём верхом; в реке оказывается и *Minga Milá*, и его серый жеребец, которым удалось остаться в живых; шаман подкидывает своё шаманское кольцо к небу, из-за этого поднимается страшный ветер, свирепствовавший в течение трёх дней; *Minga Milá* не может выбраться из воды, его бросает из стороны в сторону; после трёх дней ветра наступают три дня, во время которых льёт сильный дождь; под конец этих шести дней у коня *Minga Milá* отваливаются копыта; когда шторм заканчивается, *Minga Milá* и его конь выбираются из воды и начинают сушиться; копыта коня появляются из реки, их приделывают обратно; рассерженный и испуганный *Minga Milá* клянётся, что никогда больше не появится в этой стране; шаман возвращается домой; по дороге он встречает пятерых своих братьев и рассказывает им, как был наказан Тысячеглазый; спустя год шаман по пути домой встречает людей, которые хоронят умершего ребёнка; шаман запрещает им это делать и советуют закопать вместо него козла; шаман относит ребёнка к себе домой, разогревает шесть камней докрасна, затем

пляшет на них босиком и камлает до утра, до крика первого петуха; во время камлания шаман время от времени пританцовывает над мёртвым ребёнком; после этого кровь в теле ребёнка начинает двигаться, он открывает глаза, но не может говорить; на следующую ночь шаман привязывает отца и мать ребёнка к столбу юрты и снова камлает до самого утра; всё это время ребёнок лежит без движения; во время восхода солнца шаман дует на голову и ноги ребёнка, он вскочил и спросил: «Что ты делаешь, отец?»; затем шаман развязал родителей ребёнка и сказал им, что тот жив; благодарный отец предлагает шаману половину своих денег и половину скота, но шаман отказывается и соглашается в итоге на стог сена, аркан и девять копеек [Curtin 1909: 111-113].

Чуванцы: однажды летом чуванцы кочевали на одном из притоков реки Анюя; дикий олень в то лето имел неправильный ход, отчего и улов был неудачный; люди попросили шамана сделать правильных ход оленей; на следующую ночь тот начал греметь бубном, в то же время слышались гром и землетрясение, большая сопка, находившаяся на вершине речки, на которой они жили, рассыпалась на мелкие камни; эти камни покрыли речку вплоть до устья, а в одном месте, поперёк реки, остался проход шириной в две сажени, через которой олени направили свой ход [Дьячков 1893: 132].

Верхнеамурские нанайцы (с. Муху): вначале на земле жили двое людей: брат Ходай и сестра Мямнди; Мямнди укусила палец, из него побежала кровь; из капли крови, упавшей на землю, образовались один мужчина и две женщины; у женщин родились дети, от которых произошли все люди; существовало три солнца, поэтому было слишком светло и жарко; Мямнди сказала брату Ходай, чтобы он прострелил лишнее солнце; Ходай потушил стрелами из лука два солнца; людям стало жить легче, они начали плодиться ещё больше; их стало слишком много; Мямнди спросила брата, почему он не откроет дверь на тот свет; Ходай пошёл искать эту дверь, нашёл её и отпер; люди стали умирать, на земле накопилось много трупов, но хоронить было некому, так как шаманов ещё не было; Ходай увидел сон, в котором к нему явился *сеон* и сказал, что хочет сделать его шаманом, умеющим хоронить людей и провожать их в *буни*; *сеон* велел Ходай идти в лес, найти там шаманское дерево, на котором растут *толи*, *конгокта* и рога; утром Ходай отправился в лес и нашёл шаманское дерево; Ходай выбрал себе множество шаманских вещей, положил их в мешок и принёс домой; ночью все эти вещи зашумели, сказали, что их будет слишком много для одного Ходай; когда Ходай развязал мешок, шаманские вещи полетели в разные стороны к людям, достойным шаманского звания; появилось много шаманов, Ходай стал

вместе с ними хоронить умерших и уводить души их в *бунн*; Ходай было трудно ездить вверх по реке, поэтому он сделал так, чтобы одна половина реки текла вверх от его фанзы, а другая вниз; но догадался Ходай, что люди обленятся, и пустил всю воду вниз [Лопатин 1922: 237-238; Сем 1996: 134-135].

Нанайцы: шаман Сорбо поехал лечить больного; гребцы были плохие, поэтому лодка двигалась медленно; люди хотели заехать переночевать в деревню, но шаман запретил им это сделать и приказал поднять парус; гребцы удивились, ведь был сильный противный ветер; после того как шаман повторил свой приказ, гребцы подняли парус; ветер сразу подул в обратную сторону и понёс лодку по направлению к тому стойбищу, к которому они ехали; шаман слегка посвистывал и махал рукой в ту сторону, куда надо было ехать [Лопатин 1922: 254].

Ульчи (с. Булава Ульчского р-на Хабаровского края): «даже вот это... во время грозы дождь идёт... они [шаманы] едут, на лодке, дождь идёт, а там, где они едут, дождя нету» [Портнова 2008: 34].

VII.21. НАВОДНЕНИЕ В ЖИЛИЩЕ.

Шаман делает так, что жилище чудесным образом наполняется водой (иногда – вместе с рыбой).

Нганасаны [Симченко 1996а: 201], долганы [Попов 1937: 54-57], русское население Енисейской губернии [Чеканинский 1914: прим. 35], прибайкальские буряты [Жамцарано 2001: 109-110], вилюйские якуты [Бравина, Илларионов 2006: 16-17; Попов 2006: 36, 55].

Нганасаны: шаман во время камлания ушёл под землю, оттуда хлынула вода, несколько человек успели выбежать из чума, остальные утонули там [Симченко 1996а: 201].

Долганы: два шамана решили улететь с гусями; шаманы приказали поставить чистый чум и рассказали людям о своих планах; покамлав, шаманы обратились в гусей и улетели; они пролетели через отверстие в небе, около которого сидела старуха, ловившая крюком посоха жирных гусей; пролетая около старухи, один из шаманов подумал, какая она противная;

прилетев в страну, где летают гуси, шаманы приняли человеческий облик и стали жить в землянках; когда настало время линять, один из шаманов превратился в лебедя и полетел на озеро, второй шаман остался на реке, обратившись в гуся; на озере появились охотники, которые перебили всех, кроме хозяина слова шамана; после ухода охотников второй шаман прилетел на озеро; хозяин слова шамана-лебедя рассказал ему, что погиб из-за того, что плохо подумал о хозяйке вселенной, которой была старуха, сидящая у отверстия в небе; умирая, он завещал, чтобы впредь ни один шаман не прилетал сюда, так как хозяйке это не угодно; с наступлением весны родные шаманов поставили чистый чум; когда летели три стада гусей, что-то упало на чум; люди тихонько подошли к чуму и, услышав звуки бубна, вошли в него; там сидел вздрагивающий и порывающийся улететь шаман; люди стали подпевать ему, он превратился в человека и рассказал всё; услышав рассказ, другой шаман заявил, что уплывёт с рыбами в море; осенью шаман заставил людей поставить чистый чум, начал камлать в нём, вызывая снег и дождь; внутри чума побежали реки, заиграли рыбы; когда люди опомнились, ни воды, ни рыбы, ни шамана не было; весной люди поставили чистый чум и перегородили речной залив сетями; один парень поставил свои старые сети; шаман попался к нему в сеть, но сеть оборвалась и шаман исчез в воде; люди позвали другого шамана; после камлания он сказал, что хозяин реки не отпустит назад попавшихся к нему; с тех пор шаманы не спускаются в воду [Попов 1937: 54-57].

Прибайкальские буряты: шаманка Модон пустила в присутствии чиновников воду из окна в комнату; потекла она, словно река, а в ней *омули, омули...* один другого жирнее; чиновники поймали по рыбе; потом оказалось, что они держались за свои члены [Жамцарано 2001: 109-110].

Вилуйские якуты: шаман Спиридон попал в тюрьму и показывал там чудеса: он внезапно оказывался в другой камере; комнату, где вёлся допрос, заполнял водой; шубы превращал в медведя и волка, которые дрались между собой; проходил сквозь бревенчатые стены [Бравина, Илларионов 2006: 16-17].

Вилуйские якуты: старинные шаманы наводняли юрту и наполняли её карасями; когда люди, взяв рыбу и нож, приготавливались чистить, то оказывалось, что ни воды, ни карасей нет, и они сидели, держа одной рукой нож, другой свои penis-ы [Попов 2006: 36, 55].

VII.22. ОГНЕННОЕ КАМЛЕНИЕ.

Во время камлания вокруг шамана появляется огонь.

Прибайкальские буряты [Пурбуева 2009: 255; 2010: 17], виллойские якуты [Попов 2006: 56]. См. также у халха-монголов [МЭМ 2011].

Прибайкальские буряты: шаман из Тарасы Федот поехал с земляком на свадьбу в Обусу, где вел себя вызывающе и, поссорившись с местным шаманом, был побежден им; вот какие события происходили в тот момент: «Духовный отец ... начал призывать своих предков монгольских шаманов. ... Над головой духовного отца жениха горело синее пламя, изо рта вылетали огоньки, свистели стрелы, бой бубнов, лязг оружий. ... Федот ... не доехал до дома, умер на хребте» [Пурбуева 2009: 255].

Прибайкальские буряты: шаман Дайбгар боролся с шаманом Ингааном; Дайбгар призывал своих духов-предков из Монголии, при этом над ним пылали синие огоньки, изо рта выходило красное пламя; Ингаан вытащил из колчана стрелу и, встав на неё, начал камлать; Дайбгар тоже достал две стрелы и, взобравшись на них, стал камлать [Пурбуева 2010: 17].

Виллойские якуты: у знаменитых шаманов при камлании образуется огненный круг, и, если зайти внутрь его, можно умереть [Попов 2006: 56].

VII.23. ШАМАНСКОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ.

Шаман предсказывает будущее.

Кеты [МЛЭ 2009], сымские [МЛЭ 2009] и верхнеленские [Василевич 1936: 75 (текст 57)] эвенки, «туруханские инородцы» [Третьяков 1869: 424-425], хакасы [Кузнецова-Ярилова 1909: 142-144 (текст II)], теленгиты [Потанин 1883: 293 (текст 64е)], прибайкальские буряты [Сказания бурят 1890: 123-124 (текст LI); Жамцарано 2001: 86], северные [Окладников 1949: 86 (текст № 18); Худяков 2002: 78, прим. 3] и центральные [Эргис 1960:

251-258 (текст № 181)] якуты, юкагиры [Лаптев 1975: 237-238], чукчи [Вдовин 1981: 198], ительмены [Орлова 1999: 135-136], нанайцы [Киле 1996: 426-427 (текст № 64)].

Кеты (Келлог): шаман лечит на берегу юношу; предсказывает ему скорую смерть, предсказание затем сбывается; на берегу остаётся мёртвая щука [МЛЭ 2009: З.М. Ходыка].

Сымские эвенки: мой отец был шаманом; рано умер; сам предсказал себе смерть [МЛЭ 2009: Г.П. Боярин].

«Туруханские инородцы»: первый шаман образовался вследствие особенного к этому настроения, при содействии дьявола; этот шаман улетел в чумовую трубу и возвратился обратно, по сделанному им предсказанию, вместе с лебедями [Третьяков 1869: 424-425].

Хакасы (качинцы): на р. Белый Июс жил шаман Суррас; он решил перекочевать в урянхайскую землю, потому ли, что сам предвидел, или по предсказаниям бывших до него шаманов ожидал, что в их страну придёт из других земель множество разноплеменного народа; эти люди должны были носить круглые шапки, лыковые лапти и с ними должны были появиться разные болезни; стали говорить тогда, что для их изгнания не хватит шаманов; Суррас вздумал шаманить, чтобы сперва увидеть урянхайскую землю, а потом перекочевать в неё; побывав во время совершения обряда там, шаман возвращался обратно и встретил в степи за Абаканом исхудавшую, еле заметную человеческую душу (*сюнёзы*); ударом орбы он прикрепил её к своему бубну; шаман окинул взглядом всё течение Абакана, но не нашёл, чья это заблудившаяся душа; тогда он понёс её дальше и нашёл в кизыльской земле человека, которому она принадлежала; этот человек болел целых три года и лежал еле живой; шаман вытряс *сюнёзы* из бубна и больной выздоровел, но не знал причины выздоровления; шаман в своей местности рассказал про это ближним; таким образом узнали, благодаря чему человек выздоровел; стали верить шаману, что он действительно настоящий шаман [Кузнецова-Ярилова 1909: 142-144 (текст II)].

Теленгиты (Чуйская степь): худой и хороший камы камлали на Башкаусе; худой предсказал, что будет война, добрый не поверил; пришли халхасцы с войной; хорошему каму отрубили голову и он умер; худого кама жгли огнём, топили в воде, но он оставался невредимым; ему отрубили голову и повезли в *тороках*; голова захохотала; когда её привезли к калкасскому *бию*, она обратилась в камень; и теперь эта каменная баба

(*кюшотаи*) стоит в местности Коту; сколько ни камлали перед камнем он не шевелился; один молодой человек пришёл с водкой (*арыкы*), сделал возлияние (*чачылгы*) и голова зашевелилась; имя этому каму было Тархан-Бо-Таин-Дере Тостогошевой породы [Потанин 1883: 293 (текст 64e)].

Прибайкальские буряты: бурханы послали коршуна защищать людей; когда его чуть не застрелили, бурханы сказали, чтобы он передал кому-нибудь свою чудодейственную силу; он заблудил одну девушку, увёл её в лес, усыпил около свалившегося дерева, сел на него и передал девушке силу; девушка стала видеть *бохолдоев* и угадывать вперёд хорошее и плохое; когда она вернулась домой, брат начал бить её; она обиделась и погрозила ему; брат заболел задержанием мочи; девушка пообещал вылечить его; парня, положив на белый войлок, внесли в юрту; там девушка показала ему висящие на столбе мужские половые органы и велела взять их; когда парень их увидел и взял, он сразу выздоровел; после этого девушка стала шаманкой; утха этой шаманко *Шошолок* [Сказания бурят 1890: 123-124 (текст LI)].

Верхнеленские эвенки (Тутура): стойбище, на котором жил шаман, вымерло; шаман перешёл на другое стойбище; когда он умер, эвенки сделали лабаз; осенью шаман полетел за море с лебедями; за морем шаман начал отправлять на свою родину за землёю, говоря, что, когда ему пришлют землю, он вернётся обратно молодым и станет лечить людей; люди не послали земли, решив, что умерший ничего не сможет сделать; шаман предсказал гибель своего рода и сказал, что живым останется только один человек; предсказание сбылось [Василевич 1936: 75 (текст 57)].

Северные якуты: шаман ушёл за трижды-девять седалищ, поднялся на небо и стал рубить звезду, называя её дьявольским глазом; весь народ видел, как с неба летели искры; шаман предсказал, что эта звезда потеряется на девятый день; предсказание шамана сбылось [Худяков 2002: 78, прим. 3].

Северные якуты (Нижняя Лена): во время жестоких войн жил шаман-*хосун*, у него было два сына; отец-шаман предсказал, что приближаются враги-*хосуны*; один из сыновей отправился на разведку и заметил врагов; отец-шаман камлал всю ночь; на утро враги напали на шамана и его сыновей, осыпая их стрелами; старик кончиком своего лука водил по воздуху, и стрелы пролетали мимо; стрелы, которые пускали враги, летели обратно и

вонзались во вражеские тела; все 30 воинов-*хосунов* были перебиты собственными стрелами [Окладников 1949: 86 (текст № 18)].

Центральные якуты (Эргисский наслег Западно-Кангаласского р-на): белый шаман Эргис камлал только на *ысыахе* и духу-хозяйке земли; когда он камлал на *ысыахе*, в небе появлялся Дьёсөгөй; во время кошения сена шаман Эргис наловил на озере Титтях девять коробов рыбы, после этого он предсказал свою скорую смерть; шаман решает перед смертью устроить будущую жизнь своих детей, он камлает три дня и три ночи до того, что борода и волосы его покрылись инеем; в итоге шаман спускается сверху с тремя пучками белых конских хвостовых волос, которые отдаёт младшему сыну; старшие сыновья завидуют младшему брату, выманивают пучки волос и делят между собой; шаман их прокликает, расселяет каждого в отдельной местности; перед смертью шаман завещает перехоронить свои кости трижды; шаман умирает и через несколько поколений является одному из эргисцев, наказывает позаботиться о своих останках; эргисцы устраивают перезахоронение; из-за отклонений от обряда впоследствии случается падёж лошадей и начинается эпидемия; Ылаар, прибывший с приисков разорившимся, пошёл на могилу шамана, забрался в амбар *лабаза* и взял лук, после чего уснул на двое суток; проснувшись, Ылаар оставляет лук и уходит с могилы; разорившийся Илья залез на могильный лабаз шамана и забрал лежавшие в котелке монеты; по дороге домой он увидел летящего старика, кинул деньги назад и убежал [Эргис 1960: 251-258 (текст № 181)].

Юкагиры (Халерчинская тундра, Нижнеколымский р-н): Ичэн становился шаманом и всё время лежал в своей *ураце*; люди захотели увидеть его камлание; князь приказал принести большой камень, положить его на очаг и накалить докрасна; около очага повесили три тонких тальника; в это время Ичэн сказал жене, что его сейчас вызовут; он просит жену придти, когда она услышит его дыхание, и бросить *малахай* ему на спину, когда люди, избивая его, возьмутся за третий тальник; пришли люди и позвали Ичэна; князь приказал Ичэну покамлать в шатре; затем Ичэну сказали положить камень на голову; Ичэн поднял камень своей колотушкой и положил его себе на голову; его волосы встали как иглы; держа горячий камень на голове, Ичэн стал камлать; камень остыл и почернел, Ичэн бросил его под стену; Ичэна заставили лечь вниз лицом и начали избивать тальником; Ичэн стал покрикивать разными птичьими голосами; жена Ичэна всё это слышала и пошла к шатру; перестав слышать голос мужа и услышав гусиный крик, жена вошла в шатёр; когда истязатели взялись за третий тальник, она бросила на спину мужа свой *малахай*; *малахай*

поднялся, после чего люди прекратили истязание; женщина забрала мужа и унесла его домой; Ичэн спрашивает о еде и, узнав об её отсутствии, приказывает жене отрезать три *нэллийэ* из покрышки и кинуть в огонь; жена выполняет требование; три бахромы вспыхнули и вылетели по дымовому отверстию; жена выходит и видит, что одна бахрома, обуглившись, упала у стены *урасы*, а остальные, стгорая, слились с огнями соседней и взлетели ввысь; Ичэн говорит жене, что, когда по небу начнут бродить огни, люди будут говорить, что это огни *алайи*; Ичэн рассказывает жене, что скоро умрёт и что всё соседи тоже вскоре умрут, а их вещи и олени достанутся ей; всё случилось именно так, люди передних шатров умерли, остальные превратились в гагар [Лаптев 1975: 237-238].

Ительмены: *тойон* шаман Марлин мог превращаться в медведя; звери исполняли его желания; мог остановить на бегу соболя – тот оказывался с переломанными ногами; шаман знал, если кто-то пытался брать из его капканов соболей; вор оставался неподвижным около капкана; каждое лето медведь давил коров в селе; гибли коровы тех хозяев, на которых сердился шаман; летом шаман исчезал; однажды пропала его сноха; с тех около селения стали бродить два медведя: *секач* с *матухой*; зимой сын шамана, у которого пропала жена, поехал за дровами и обнаружил около них берлогу; вместе с братом он убил медведя; когда братья разостлали шкуру на снегу, на неё выскочила *матуха*, которая сказала, что они убили отца; затем она превратилась в женщину и всё рассказала; она следила за шаманом, в лесу он воткнул в землю нож и перескочил через него; она тоже перескочила и превратилась в медведя; шаман, сказал, что теперь он не сможет превратиться в человека; шаман специально сделал берлогу около дров, так как знал, что здесь его быстрее убьют и с помощью этого сноха станет человеком; шаман предупредил, что её нужно будет выпрыгнуть на его шкуру; жена шамана осталась жить в деревне; за шаманские дела её сожгли за рекой на большом костре; она не сопротивлялась, но только не велела жечь себя за рекой, иначе исчезнет рыба; предсказание старухи сбылось, наступил голод [Орлова 1999: 135-136].

Нанайцы: шаман Пассар предупреждает людей о своей скорой смерти и говорит, что вернёт свою душу через шесть дней; по прошествии этого срока люди идут к нему на могилу и видят его живым: воскресший становится великим шаманом; у него умирает жена, он воскрешает её [Киле 1996: 426-427 (текст № 64)].

VII.24. ЯЗЫК РАСТЕНИЙ И ЖИВОТНЫХ.

Шаман понимает язык растений и животных.

Нганасаны [Попов 1936: 106; 1984: 54], негидальцы [Мыльникова, Цинциус 1931: 120].

Нганасаны: каждая незначительная былинка, каждое дерево имеет свой язык, понятный только одним шаманам; благодаря этому растения иногда бывают полезны шаманам своими указаниями, например, в тех случаях, когда им приходится разыскивать человека, заблудившегося во время пути; они тогда направляют на правильный след заблудившегося [Попов 1984: 54].

Негидальцы: был один шаман, который понимал всё, что говорили заяц, ворона и другие вообще звери и птицы; он слышал, как ворона и заяц жаловались и плакали и предсказывали людям смерть за их жестокое обращение со зверями [Мыльникова, Цинциус 1931: 120].

VIII. СЛАБОСТИ ШАМАНА

VIII.1. ОПАСНЫЕ ЖЕНЩИНЫ.

Шаман теряет силы либо умирает из-за соприкосновения с месячной кровью, послеродовой жидкостью и т.п. или из-за приближения к ним; шаманка теряет силы из-за беременности.

Нганасаны [Попов 1984: 110], тувинцы [Потанин 1883: 289-290 (текст 63з)], буряты [Потанин 1883: 69, 127; Румянцев 1969: 86, 87 (прим.1)], вилюйские якуты [Попов 1947: 292; 2006: 43], орочи [Березницкий 1999: 112].

Нганасаны: духи шамана не выносят никакого осквернения; беременной женщине нельзя пересекать дорогу, по которой провозят шаманские атрибуты; за это духи шаманов строго взыскивают; дочь Дюхадие начала было сходить с ума, чтобы быть шаманкою, но вышла замуж и лишилась шаманского дара; она рассказывает, что как только стала рожать детей, стала нечистой, все шаманские духи ушли от неё, и поэтому она перестала быть шаманкой [Попов 1984: 110].

Тувинцы: один хан призвал кама-женщину (*хам-катын*) камлать; она была беременной и плохо камлала; хан велел застрелить её; кама-женщину застрелили, но она родила сына со знаком на лбу от стрел; это был родоначальник всех камов [Потанин 1883: 289-290 (текст 63з)].

Буряты: прежде бурятские шаманы не входили в русские избы, потому что в избах есть полати со входа над дверьми, а на полатях могут быть женщины: это осквернило бы шамана; женщина не может перешагнуть через шаманскую шапку, тем более – через «харьбо» [Потанин 1883: 69].

Прибайкальские буряты: девушка копала *сарану*; Тархан-дуриск, шаман и кузнец, попросил у неё одну луковицу и съел; должно быть, у женщины были месячные; Тархан-дуриск захворал и умер на горе Мондю-байсин; с той поры здесь нет змей, белой сараны и

сосны, и не ходит верблюд; Тархан-дуриск становится *хатом* местности Мен [Потанин 1883: 127].

Прибайкальские (идинские) буряты: первый хордутский шаман Долhoto-Зогдор, прослышав о шаманке Мудай, отправился к ней в Обусу; подъезжая к юрте Мудай, он превратил коня во льва, а сзади на поводу повёл медведя; вместо кнута у него была тонкая змея, на правом плече его рос кедр, а на левом – ель; Долhoto-Зогдор, попросил Мудай выйти ему навстречу; Мудай, находившаяся в этот момент в юрте, услышав, что приехал великий шаман, чтобы сразиться с ней, вынула из своей утробы трёхмесячный плод, положила его над дверью, села и крикнула великому шаману: «Залу хун идэрху, гулгун нохой шудэрху (юноша – задористый, шенок – кусачий)»; Долhoto-Зогдор, войдя в юрту, упал замертво от нечистот плода, положенного Мудай над дверью; Мудай подумала, что если не воскресить сражённного ею шамана, могут возникнуть дурные последствия; она воскресила своего *противника*, совершив очищение корой священного дерева *едо* (пихты); ожив, Долhoto-Зогдор дал клятву Мудай впредь никогда не причинять никакого вреда потомству Мудай (онгоевскому роду); Долhoto-Зогдор остался в Обусе и жил в мире с Мудай-иби [Румянцев 1969: 86].

Прибайкальские (идинские) буряты: хордутский шаман Долhoto-Зогдор приехал в Обусу; заметив это, Онгэ Тодэ вытащила свою тонкую кишку, кольцом натянула её вокруг своей юрты и, сняв свою голову и положив её на колени, убивала вшей на голове; Долhoto-Зогдор ехал, выпуская изо рта и носа червей, жуков, змей и прочих; увидев Онгэ Тодэ, Долhoto-Зогдор сказал: «Горы здесь лицом смотрят на юг, к солнцу; приехал, думая, что здесь счастливо будут жить потомки людей (*аратан*)»; Онгэ Тодэ пригласила его в юрту; как только Долhoto-Зогдор вошёл, он сразу же упал на пол, из его носа и рта потекла кровь; войдя в юрту, Долhoto-Зогдор от натянутой внутри тонкой кишки сделался нечистым (*буршида*) и от этого умер; Онгэ Тодэ, сжалившись над его молодостью, оживила Долhoto-Зогдора; он, проснувшись, попросил у Онгэ Тодэ разрешения остаться в Обусе; она разрешила ему остаться и иметь своё *утха* [Румянцев 1969: 87 (прим. 1)].

Виллюйские якуты: шаманка всегда сильнее шамана, в борьбе она неуязвима, так как свою воздух-душу прячет в *vulva*; сли за нею пускается в погоню шаман, она залетает на облако и оттуда брызгает в глаза шамана менструальными выделениями [Попов 1947: 292; 2006: 43].

Орочи: шаман мог наносить себе раны, ходил по свежему снегу, вслед за ним появлялись следы медведя и тигра, которые потом исчезали; шаман никогда не снимал одежду: на спине у него были медвежьи волосы, а на руках крылья; шаман взобрался на дерево и полетел; в него выстрелили деревянной стрелой, он упал, его связали, выжгли ему железом волосы, вырвали перья и помазали женской месячной кровью; после этого шаман чуть не умер и больше уже не летал [Березницкий 1999: 112].

VIII.2. ШАМАНКА СИЛЬНЕЕ ШАМАНА.

Шаманки являются более сильными, чем шаманы.

Якуты [Ионов 1918: 162; Ксенофонтов 1992а: 83-84; Попов 1947: 292; 2006: 43], чукчи [Богораз 1899: 10].

Якуты: говорят, что шаманки сильнее шаманов [Ионов 1918: 162].

Вилуйские якуты: шаманка всегда сильнее шамана, в борьбе она неуязвима, так как свою воздух-душу прячет в vulva; если за нею пускается в погоню шаман, она залетает на облако и оттуда брызгает в глаза шамана менструальными выделениями [Попов 1947: 292; 2006: 43].

Центральные якуты (о-в Тоён-Арыы, р. Лена = 1-й Мальжегарский наслег Западно-Кангаласского улуса): у Джаанайя была младшая сестра – шаманка светлых, небесных духов; недовольная преступлениями брата она решила покинуть страну; шаманка превратилась в птицу и вылетела в дымовое отверстие; брат надел шаманский плащ и три раза перевернулся, стоя на одном месте; птица, чуть не коснувшись земли, вспорхнула снова и улетела; шаман проделал это три раза; сестра, как шаманка, была сильнее его и с тех пор исчезла [Ксенофонтов 1992а: 83-84].

Чукчи: шаманки считаются могущественнее шаманов [Богораз 1899: 10].

VIII.3. ДУША НЕ В ШАМАНЕ.

Шамана убивают, обнаружив его душу, находящуюся вне тела.

Прибайкальские буряты [Затопляев 1890: 9], каларские эвенки [Пинегина и др. 1952: 85-86].

Прибайкальские (аларские) буряты: у слепого шамана было девять сыновей-шаманов; отец послал сыновей ловить рыбу на реку; при этом шаман велел не ловить того из семи тайменей, который окажется слепым, так как это его душа; дети не послушались отца и поймали всех тайменей; возвратившись домой, сыновья застали отца умирающим; шаман завещал им, чтобы они после его смерти через три дня отправили ему *тайлаган*; дети не исполнили завещание и сошли с ума; они догадались, что это произошло с ними в результате ослушания, и решили отправить *тайлаган*; но дети не смогли найти место погребения отца и разошлись по разным местам; потомки этих шаманов тоже были шаманами [Затопляев 1890: 9].

Каларские эвенки (р. Калара, Читинская обл.): богатый шаман Кюстькемда посылал своих сыновей грабить эвенков чужих родов; предводитель рода кондыгирски узнал об этом и пошёл в поход на шамана; кондыгирски убивают двух сыновей шамана; шаман забрался на *лесину* и стал камлать; кондыгирски пустили в шамана десятки стрел, но он всё сидел и бил в бубен; кондыгирски пошли в чум шамана; там их предводитель спросил старуху, как убить шамана; услышав угрозы, старуха рассказала, что душа Кюстькемда в середине очага; кондыгирски пустили стрелы в огонь и шаман свалился с дерева [Пинегина и др. 1952: 85-86].

VIII.4. УБИЙСТВО ДУХА-ПОМОЩНИКА.

Убийство духа-помощника приводит к смерти шамана.

Долганы [Попов 1937: 59-62], эвены [Vogoras 1918: 35-36].

Долганы: кочевали старший удалец и младший удалец, который желал жену первого; когда они приехали к кочевникам, младший удалец пошёл в чум, где камлал шаман; удалец оскорбляет шамана, тот говорит, что удальцу предстоит опасная встреча с привязанным к трём лиственницам медведем; удальцы откочевали; младший удалец, сделав из гнилого дерева медведя, выпустил его вперед; медведь превратился в большого зверя, удалец пристрелил его из лука; затем, продолжая ехать, удалец сделал из дерева орла, который улетает и садится на дерево; удалец пристрелил и его; после этого удалец сделал и убил сокола; по дороге повстречался большой медведь, привязанный цепями к трём лиственницам; увидев людей, медведь разорвал цепи и пошёл на них; младший удалец хотел выстрелить из лука, но старший обсмеял его; младший удалец убил медведя краем ладони; затем он поехал на то место, где камлал шаман; там уже давно сделали для шамана гроб; спустя несколько лет удальцы остановились около одного стойбища; старший удалец зашёл в чум, в котором камлал шаман; шаман сказал, что удалец встретит медведя, от которого, возможно, погибнет; шаман предупредил, что если удалец его убьёт, то через три года он придёт и съест удальца; удальцы встретили медведя, старший убил его краем ладони; младший удалец вернулся к тому шаману; ему уже делали гроб, но он был ещё жив; младшему удальцу шаман пообещал, что придёт через три года и съест старшего удальца; через три года послышались громкие звуки бубна, младший шаман поехал к соседям и увидел умершего три года назад шамана, который сказал, что придёт ночью к старшему удальцу; младший удалец передал старшему слова шамана и пообещал помочь; утром младший удалец обнаружил, что его соседа нет в чуме; умирающего соседа нашли на улице, он рассказал, что его забодали рогами двое мать-зверей, и велел младшему удальцу взять его жену; воскресший шаман тоже умер, так как погибший удалец ножом поранил настоящих мать-зверей; противники шаманов делали из дерева медведя, птиц и, внедрив туда духов шамана, убивали их; в старину духи шаманов ходили открыто, но из-за того, что человек умел побеждать их, стали невидимыми [Попов 1937: 59-62].

Эвены (р. Молонда, Колыма): сильный и старый шаман встречает скитающегося мальчика-сироту; шаман задаёт ему вопросы, предполагает, что мальчик шаман, и хочет его убить; ребёнок соглашается и идёт вместе с шаманом к нему домой; там шаман ставит тарелку перед мальчиком и объявляет о начале шаманского поединка; шаман ударяет в ладоши, плюёт на тарелку, на которой из слюны появляется медведь размером с вошь; мальчик чешет голову, не зная, что делать; на тарелку случайно падает настоящая вошь, между ней и медведем начинается поединок, который длится целый день; вошь начинает душить

медведя, шаман умоляет прекратить борьбу, но мальчик не соглашается; в итоге вошь задушила медведя и как только это произошло, шаман умер; мальчик взял его жену и все его богатства [Bogoras 1918: 35-36].

VIII.5. ПРЕВРАЩЕНИЯ И РАНЫ.

Раны, полученные животным, в которое превратился шаман, остаются на его человеческом теле. См. [Thompson 1955-1958: motif G 275.12].

Орочи [Березницкий 1999: 130-131 (текст № 32)], ульчи [Портнова 2008: 39].

Орочи: шаман пытается помочь своей бесплодной жене; он превращается в орла, летит за море, похищает у одной женщины беременность и улетает обратно; местный шаман пускается в погоню за птицей, стреляет из лука и отбивает правое крыло; шаман-похититель всё-таки долетает до дома и приносит душу ребёнка; правая рука шамана остаётся парализованной [Березницкий 1999: 130-131 (текст № 32)].

Ульчи (с. Булава Ульчского р-на Хабаровского края): шаманка Анга, превратившись в козу, напала во сне матери на её дочь; та прогнала козу от ребёнка; на следующий день шаманка сидела с повреждениями, которые были аналогичными ранам козы во сне [Портнова 2008: 39].

IX. ШАМАНСКИЕ ПРАВИЛА

IX.1. РАЗРЕШЕНИЕ СТАРШИХ.

Для того чтобы окончательно стать шаманом, требуется разрешение старших родственников.

Центральные якуты [Алексеев и др. 1995: 270-273 (текст № 55)].

Центральные якуты (Тулагинский наслег Якутского р-на): сын почтенного и состоятельного человека с девяти лет становится *мэнэриком*; отец и дядя мальчика не хотят, чтобы он становился шаманом, запрещают ему; в течение двух лет мальчик остаётся *мэнэриком*; однажды он прибегает в дом, где живут скотники, и, упав на пол, начинает биться в припадке; затем мальчик превращается в Луо, рыбу смерти, продолжает вопить и просит скотников привести отца и дядю; отец и дядя приходят и, выслушав жалобы рыбы, соглашаются на то, чтобы мальчик стал шаманом [Алексеев и др. 1995: 270-273 (текст № 55)].

IX.2. ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ШАМАНСКИМИ СИЛАМИ.

Нельзя злоупотреблять шаманскими силами, чрезмерно часто их использовать, убивать невинных животных и пр.

Долганы [Попов 1937: 58-59], тубалары [Клеменц 1890: 35], прибайкальские буряты [Михайлов 1996: 63-64, 69], центральные якуты [Эргис 1960: 264-267 (текст № 184)].

Долганы: шаман Енмуча кочует вместе с младшим братом Сямяем; они голодали; Енмуча увидел, что его духи-вороны очень далеко над чем-то кружатся; один из воронов сообщил шаману, что он не умрёт с голоду, если пойдёт в ту сторону; Енмуча волочит по земле за санками удочку с наживкой; на удочку попала рыба, которую братья съели; но рыба была без вкуса, она была шаманским наваждением; на следующий день встречают двух оленей; братья упустили их; после неудачной погони Енмуча от досады трижды закричал, потом он

нашёл погибшего оленя; Енмуча начал камлать; *айыы* гневается на шамана за то, что он, не обращаясь к нему, убил своим проклятьем оленя; кочуя, братья дошли до места, где лежало множество упавших со скал оленей; братья начали питаться этим мясом; младший брат, Сямяй, становится сильным шаманом; если у кого ломалась берцовая кость, то он вставлял оленью; у Сямяя был хороший олень-манщик, но его съел волк; вечером Сямяй помочился и трижды перепрыгнул это место, чокая губами; своего друга Бянгя шаман попросил караулить с ружьём; волк пришёл к саням, Бянгя его убил; Сямяй шаманит своему айыы; айыы гневается, из-за того, что шаман, не сказав ему, убил ради своей досады; айыы обещает, что потомство шамана не разбогатеет, и ударяет его по руке; из-за этого железка над лучевой костью переломилась [Попов 1937: 58-59].

Тубалары (черневые татары) (Нижнее-Матурский улус, Кузнецкий округ, р. Матура): в лесу жили муж и жена с двумя детьми – мальчиком и девочкой; когда начался голод, родители ушли в другое место, а детей оставили; спустя некоторое время в улусе, в котором жили муж и жена, появился мальчик; он держал в руках две палочки и шаманил; одному человеку мальчик сказал, куда убежала его лошадь, другого вылечил; мальчик сказал людям, чтобы они сделали ему *тюр* (бубен); бубен был изготовлен и к мальчику с неба слетела *орба* из заячьего меха, которая начала колотить по бубну; это происходило всегда, когда мальчик шаманил; ему было сказано, чтобы он не шаманил больше одного раза в день; однажды мальчика позвали к больному после того, как он уже камлал; мальчик отказывался, но его уговорили и он пошёл; в этот раз *орба* не прилетела и уже больше не спускалась с неба; мальчику сделали деревянную *орбу*, обтянули её заячьим мехом и он стал камлать с ней [Клеменц 1890: 35].

Прибайкальские (кудинские) буряты: шаман Маланак сидел со своими сородичами у дороги, по которой проезжали крестьяне с кладью; сородичи попросили шамана что-нибудь сделать с одной лошадью; шаман своими словами поразил её; душа лошади отправилась к своему творцу Солбону и пожаловалась, что её безвременно убил шаман; разгневанный Солбон пришёл к шаману во сне и начал бить его палкой по голове; душа шамана убежала в кузницу и легла в горн; Солбон ничего не мог сделать, так как шаман имел кузнечное *утха* [Михайлов 1996: 69].

Прибайкальские буряты: Эсэгэ Малан не хотел, чтобы у одного богатого бурята был сын; бурят обратился за помощью к самому первому великому шаману Бухли хара боо (Целый

чёрный шаман); шаман помог богачу, создал ему сына и стал *найжи* этого ребёнка; рассерженный Эсэгэ Малан забрал душу ребёнка к себе на небо и держал её около себя; шаман полетел на бубне на небо; во время полёта шамана побрякушки его одеяния так красиво звенели, что звери и птицы, оставив своих детёнышей и птенцов, заслушались этими звуками и забыли о своём потомстве, которое умерло с голоду; прилетев на небо, шаман обратился в жёлтую осу и ужалил Эсэгэ Малана в лоб, из-за чего тот вздрогнул и упустил душу ребёнка; шаман схватил её и вернулся на землю; ребёнок выздоровел; разозлённый Эсэгэ Малан отнял душу ребёнка обратно, а шамана за неподчинение и злоупотребление силами заставил плясать на чёрном плоском камне (скале), пока он совсем не скроется в скалу; чем больше из века в век углубляется шаман, тем больше падает шаманство, хуже становятся шаманы [Михайлов 1996: 63-64].

Центральные якуты (2-й Легейский наслег Усть-Алданского р-на): шаман Адагалаах имеет обыкновение состязаться с другими шаманами; на гору Ытык Хайа прилетает шаман Кисинчэ, превратившийся в птицу; он ест траву с другого берега; шаман Адагалаах видит это и бросает в него железную острогу; Кисинчэ замечает острогу и взлетает ввысь; острой срезает лишь одно перо с крыла; шаман Кисинчэ исчезает; спустя девять суток шаман Адагалаах выезжает на гору на быке; над рекой поднимается пурга; Адагалаах снимает ярмо с быка, в это время Кисинчэ бросает в него острогу, которая срезает спинной мозг, убивает Адагалааха и быка; пурга длится трое суток, после её окончания жители наслега находят Адагалааха и хоронят его; сын Адагалааха, не достигший законного возраста, имеет склонность стать шаманом; он камлает, но не может дойти до трижды девятого *олоха*; юноша превращается в сокола, поднимается только на шестой *олох* и смотрит оттуда на средний мир; юноша узнаёт, что его отца убил шаман Кисинчэ; достигнув совершеннолетия, юноша превращается в сокола и прилетает на местожительство Кисинчэ; его не оказалось дома; юноша превращается в кошку, ложится у подножия берёзы по левой стороне дома; увидев в загоне два стада коров, он бросает острогу; появляются люди в белых одеждах с длинными палками в руках; эти духи-покровители скота запрещают сыну Адагалааха убивать коров; юноша продолжает ждать, убивает собаку, вышедшую из дома; жена шаман Кисинчэ запирает дом; юноша убивает вышедших из дома ребёнка и беременную женщину, а также подъехавшего с возом мяса старика и его быка; вечером возвращается Кисинчэ на коне; Кисинчэ, заехав на свою поляну, кидает искры из глаз и узнаёт о присутствии шамана; Кисинчэ подъезжает к коновязи и слезает с коня, юноша кидает в него острогу; Кисинчэ отбрасывает её в сторону

рукой и начинает привязывать коня; юноша вновь бросает острогу, Кисинчэ отбрасывает её в сторону; то же самое повторяется, когда Кисинчэ заходит в дом; Кисинчэ заставляет жену отлить в огонь верхний слой супа из конины, после этого из огня вылетает ястреб; юноша убегает, ястреб гоняется за ним девять лет; за это время юноша проходит между мизинцем и кольцом человека и через трубчатый стебель травы; за это время шаман Баабыр достигает совершеннолетия, прячется, спустившись к предкам девяти шаманов; Кисинчэ является следом за ним; Кисинчэ и Баабыр жалуются, их взвешивают, оба они оказываются равны; их направляют в нижнюю страну; шаманы спускаются вниз и бодаются на железном мосту над огненным морем, превратившись в пауков; через три года оба срываются; Баабыр, воспитывавшийся немного у шаманки Алысардаах, начинает просить её о помощи; шаманка превращается в небесного голубя, прилетает и хватает когтями шамана Баабыра, уносит и отпускает его на свою землю [Эргис 1960: 264-267 (текст № 184)].

IX.3. НЕЛЬЗЯ В ВОДУ.

Шаману нельзя заходить в воду, иначе её хозяин не отпустит его.

Долганы [Попов 1937: 54-57].

Долганы: два шамана решили улететь с гусями; шаманы приказали поставить чистый чум и рассказали людям о своих планах; покамлав, шаманы обратились в гусей и улетели; они пролетели через отверстие в небе, около которого сидела старуха, ловившая крюком посоха жирных гусей; пролетая около старухи, один из шаманов подумал, какая она противная; прилетев в страну, где летают гуси, шаманы приняли человеческий облик и стали жить в землянках; когда настало время линять, один из шаманов превратился в лебедя и полетел на озеро, второй шаман остался на реке, обратившись в гуся; на озере появились охотники, которые перебили всех, кроме хозяина слова шамана; после ухода охотников второй шаман прилетел на озеро; хозяин слова шамана-лебедя рассказал ему, что погиб из-за того, что плохо подумал о хозяйке вселенной, которой была старуха, сидящая у отверстия в небе; умирая, он завещал, чтобы впредь ни один шаман не прилетал сюда, так как хозяйке это не угодно; с наступлением весны родные шаманов поставили чистый чум; когда летели три стада гусей, что-то упало на чум; люди тихонько подошли к чуму и, услышав звуки бубна, вошли в него; там сидел вздрагивающий и порывающийся улететь шаман; люди стали

подпевать ему, он превратился в человека и рассказал всё; услышав рассказ, другой шаман заявил, что уплывёт с рыбами в море; осенью шаман заставил людей поставить чистый чум, начал камлать в нём, вызывая снег и дождь; внутри чума побежали реки, заиграли рыбы; когда люди опомнились, ни воды, ни рыбы, ни шамана не было; весной люди поставили чистый чум и перегородили речной залив сетями; один парень поставил свои старые сети; шаман попался к нему в сеть, но сеть оборвалась и шаман исчез в воде; люди позвали другого шамана; после камлания он сказал, что хозяин реки не отпустит назад попавшихся к нему; с тех пор шаманы не спускаются в воду [Попов 1937: 54-57].

IX.4. ЖИЛИЩЕ ШАМАНА.

Девушке нельзя входить в юрту шамана.

Шорцы [Дыренкова 1940: 290-293 (текст 63)].

Шорцы: когда сыновья богатого шамана женились, он поставил каждому отдельную юрту; шаман запретил невесткам входить в свою юрту, переступать её порог; когда свёкра не было в юрте, младшая невестка вошла в неё; как только невестка переступила порог, её за косы схватила невидимая рука и отрезала их; невестка, испугавшись, упала без памяти у дверей, а когда очнулась, убежала домой; шаман, придя в юрту, нашёл у двери две косы; рассердившись, шаман созвал сыновей и спросил их, чья жена заходила в юрту; сыновья не признавались, потом, пойдя, увидели, что у младшей невестки нет кос; шаман сказал сыновьям, что это хозяин двери [порога] отрезал её косы, а если бы он рассердился, то отрезал бы ей и голову; после этого невестки боялись входить в юрту шамана, приближаться к ней и подходить к шаману [Дыренкова 1940: 290-293 (текст 63)].

Х. БОРЬБА С ПРОТИВНИКАМИ И ПОМОЩЬ НУЖДАЮЩИМСЯ

Х.1. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ДУХАМ.

Шаман противодействует болезнями и прочим духами.

Долганы [Попов 1936: 105-106], кеты [Анучин 1914: 8], хакасы [Бурнаков 2007: 102; Бутанаева 2007: 111], прибайкальские буряты [Затопляев 1890: 3; Михайлов 1996: 75-77; Жамцарано 2001: 64; Curtin 1909: 111-113], илимпийские эвенки [АЛАЛС], якуты [Третьяков 1869: 425; Ксенофонтов 1927: 69; 1992а: 56-57, 81-82, 85-87; 1992б: 199, 225, 242-244; Эргис 1960: 297-301 (текст № 198); 302 (текст № 200); Гурвич 1974; Попов 2006: 414], нанайцы [Лопатин 1922: 327-328], чукчи [Богораз 1899; 1939: 138-139; Вдовин 1981: 211; Bogoras 1910: 18-25, 100-107, 199-122], эскимосы-инуит [Bogoras 1913: 435-436].

Долганы: дочь старика самоеда умерла; он не стал её хоронить, а возил с собой на санях; старик просил встречных шаманов воскресить её; никто не соглашался; спустя два года после смерти дочери, старик нашёл двух шаманов, которые камлали, но ничего не могли сделать; пожалевший старика прозорливец-шаман увидел сон и рассказал старику, что те шаманы не воскресят девушку; старик пообещал прозорливцу половину своего богатства и дочь, тем самым уговорив его помочь с воскрешением; прозорливец уснул и дошёл до места болезни, затем отправился в другое место; там прозорливец встретил трёх одинаковых девушек, одна из которых была дочерью старика; у девушек жили в трёх одинаковых чумах; прозорливец по очереди переночевал в каждом из них, но так и не понял, какая из девушек дочь старика; девушки собрались втроём в одном чуме; заранее спрятавшись, там лежал прозорливец, который подслушал разговор и понял, кто дочь старика; когда девушки заснули, прозорливец унёс старикову дочку из чума; он обнял её, побежал и проснулся; его тело пребывало во сне девять дней; около костей обнаружили девушку, которая не шевелилась; прозорливец уложил её вовнутрь кости, после чего она ожила и стала дочерью старика; прозорливец взял девушку в жёны; две умершие подруги рассердились, сделали девушку шаманкой и принудили покрыть бубен кожей старухи [Попов 1937: 64-66].

Хакасы: великий шаман Аралай Тайдонов, живший в аале Сеектиг, во время камлания летал на берестяной лодке; у него имелся шаманский костюм, но камлал он *орбою*, без бубна; из-за того, что у него умирали дети, Аралай решил переселиться в другое место со своею семьёй; он посадил домочадцев в берестяную лодку и полетел вниз по Чёрному Июсу; когда он приземлился в устье р. Печище, то один ясновидец увидел злого духа, ехавшего вместе с семьёй Аралая, спрятавшись под разводами в его лодке; надев костюм, Аралай сумел поймать злого духа, которого отвёл на север и запер среди северных скал [Бутанаева 2007: 111].

Хакасы (Аскизский р-н): 1) чтобы избавиться от *Мусмалов*, все люди ночью собрались в одной большой юрте; ринесли воды и, слив её в огромный котёл, стали кипятить; перед входом в юрту выкопали большую глубокую яму; сверху прикрыли её шкурами; вскоре пришли *Инек-азах*; они один за другим подходили к юрте и падали в яму; собралось их там множество; никто из них не мог выбраться из ямы; люди стали заливать яму кипятком; все находящиеся там *Инек-азах* погибли; после этого камлал *Улуг хам* – сильный шаман, и всех оставшихся *Инек-азах* закрыл в горе; по словам стариков, настанет время, когда *Инек-азах* выйдут из горы; произойдёт это тогда, когда у зайцев на ушах исчезнет белый пушок, и из горы выйдет шаман из рода Сарыг, вместе с которым выйдут и *Инек-азах*; 2) Бог закрыл *Мусмалов*, других *айна* и духов-помощников шаманов в горе; они там будут находиться до судного дня (текст записан от шаманки) [Бурнаков 2007: 102].

Прибайкальские (аларские) буряты: Саган-бо сидел на берегу реки; в это время *анахай* кривлялся на льду и показывал шаману кукиши; Саган-бо плюнул на *анахая* и попал ему под заднюю подошву ноги, которая моментально примёрзла; Саган-бо начал бить *анахая*, тот просит о пощаде и обещает не идти против воли шамана; Саган-бо отпустил *анахая*, но он поселился в доме, в котором Саган-бо был *найже*; шаман заметил *анахая* под колыбелью ребёнка и ударил саблей; *анахай* увернулся и шаман отсек голову ребёнку; после этого шаман спал трое суток; в это время душа шамана гонялась за *анахаем*; *анахай* перехитрил шамана и укрылся под защиту своего *тенгри* [Затопляев 1890: 3].

Прибайкальские (аларские) буряты: шаман, уничтожая *анахаев*, загнал их в штаны Бажея Косанова (основателя Бажеевского улуса), а затем спустил их в реку [Затопляев 1890: 3].

Прибайкальские (кудинские) буряты: у Солбона заболел сын Сокто; Солбон позвал двух кудинских шаманов, Маланака и Майдара; последний был непосвящённый; шаманы прибыли на радуге на небо и выяснили, что Сокто заболел из-за единственной дочери моря; Маланак начал приносить жертву; в итоге жертва была принята и Сокто выздоровел; когда шаманы спускались обратно по радуге, небесные божества в насмешку отрубили её; шаманы стремглав полетели вниз; когда оставалось совсем немного до земли, Майдар превратился в беркута и, схватив Маланака за спину, благополучно спустился вниз; там шаманы увидели, что на дворе одного бурята совершается треба; местный шаман совершал обряд зазывания; Маланак и Майдар увидели *дахабари*, поймали её и отняли у неё душу ребёнка; шаманы закопали *дахабари* в землю; местный шаман прекратил обряд зазывания, сказав, что не может сделать так, чтобы жертва была принята, после этого вся толпа ушла в юрту; Маланак и Майдар сделались невидимыми и зашли в юрту, к которой оказалось много шаманов; Майдар надел на голову худшего шамана обруч, а Маланак хлестнул шамана пламенем; шаман упал, затем начал камлать, приговаривая, что кудинские белые ребята молодцы; Маланак и Майдар проделали это над всеми остальными шаманами; потом Маланак и Майдар прекратили быть невидимыми и рассказали о *дахабари*; шаманов приняли с подобающей честью, Маланак принёс жертвоприношение своим родовым шаманам Ардайским [Михайлов 1996: 75-77].

Прибайкальские буряты (Алагуй): великий шаман Гавани Хубун Барлаг поймал в местности Хажин Хара *боомо*, привязал к своим *торокам* и два дня пьянствовал по улусам; *боомо* дал клятву не вредить одноулусникам шамана [Жамцарано 2001: 64].

Прибайкальские буряты: шаман Gaqui Guldief возвращается домой и встречает в степи танцующих мертвецов, которые знали его при жизни; среди мертвецов один танцует лучше других, шаман убивает его выстрелом; среди мертвецов поднимается паника, они обращаются к одному высокому и сильному человеку из своего числа, требуя наказать обидчика; шаман поспешно отправляется домой, приводит в дом со двора злую собаку; на следующую ночь к шаману приходит высокий человек и толпа людей всех возрастов; они начинают есть и пить за столом; шаман спокойно наблюдает за происходящим; один из пришедших предлагает наказать шамана, но другие не соглашаются с этим, ссылаясь на его доброту и гостеприимство; пришедшие долгое время остаются в доме, затем молча исчезают; всё, что они ели и пили, остаётся лежать целым на столе [Curtin 1909: 113-114].

Илимпейские эвенки (п. Эконда Эвенкийского муниципального р-на Красноярского края): две болезни направляются в две деревни, чтобы всех убить; одна говорит, что как иголка от лиственницы упадёт местному шаману в ложку, когда он будет есть; шаман предупреждает семью, чтобы зарезали жирного оленя и сделали из шкуры большой мешок; мешок сделали, оленя сварили и начали есть; в ложку шамана упала иголочка, он быстро вылил её в мешок, завязал его и пришёл в чум; там шаман повесил мешок на жердь, которая над костром, и стал сидеть; мешок надулся, шаман начал его колотить, мешок сдулся; потом всё повторяется; шаман колотит мешок и говорит, придёшь ли ещё сюда; из мешка донеслось: «Сюда не приду»; мешок сдулся, как пустой стал, шаман унёс его в какие-то земли и бросил [АЛАИС: Удыгир Виктор Николаевич, 08.08.07, текст на эвенкийском языке, зап. О.А. Казакевич].

Северные якуты (с. Крест-Майор): появляется оспа; шаман Саргыл прячет всю свою семью и готовится бодаться с быком оспы; шаман встречает духа оспы около Ойусардааха, они бодаются, но силы сначала оказываются равными; дух оспы не бодается вторично и возвращается обратно; на горе Кэлээдин шаман настораживает самострел на духа оспы [Эргис 1960: 302 (текст № 200)].

Северные (верхоянские) якуты (местность Сохсолох Верхоянского р-на): в местности Кюп жила предок местных кюпцев Батыкаан; из Якутска пришла оспа; девять шаманов и семь шаманок камлали, пытались прогнать оспу на восток, но не смогли; они сделали большого белого быка из гнилого дерева и привязали его к столбу; бык вырос, стал огромным; шаманы тоже превратились в быков; девочек Батыкаан сказали: «Когда гнилой бык превратится в живого, обростёт шерстью и начнёт мычать, обрежь верёвку»; Батыкаан испугалась, не отрезала; семь шаманов и шаманок погибли, раздавили лёд на озере; если бы девочка разрезала верёвку, оспа вселилась бы в гнилого быка; тогда бы её выгнали из среднего мира; с тех пор пошли эпидемии; Батыкаан выросла, разбогатела; когда стала стареть, часто уходила горы и превращалась в медведицу; однажды её встретили и убили эвены; когда стали разделять, под шкурой у неё оказались браслет и серьги; частицы разрезанного мяса превратились в ворон и улетели; через семь суток эти эвены вымерли [Гурвич 1974: 262-263].

Виллюйские якуты (Тылгынинский наслег Виллюйского р-на): духи оспы, семь сестёр, приходят в Мастахский улус и пляшут посередине озера; услышав это, шаман Суор Уола

превращается в дым и улетает в небо; затем он оборачивается в русскую иголку, прячется в щели дерева и подслушивает разговор сестёр; семь девушек-стерхов распределяют между собой кому куда идти; никто из сестёр не хочет оставаться в Мастахском улусе, опасаясь шамана; в итоге решают оставить старшую сестру и советуют убить шамана следующим образом: оборотившись в огонь, упасть в кашу, которую он ест; сёстры превращаются в туман и исчезают; шаман отправляется домой и просит домочадцев сварить большой котёл *саламаату*; домочадцы выполняют просьбу, когда они собираются снять котёл, на *саламаат* падает уголь величиной с человеческий глаз; шаман вскакивает, хватается за уголь и опускает его в бутылку; заткнув бутылку, шаман кладёт её в железную бочку и, вырубив прорубь, топит в воде; бочку шаман обматывает верёвкой, конец которой привязывает к палке на краю проруби; оспа распространяется по всей земле за исключением Мастахского улуса; когда шаман вновь слышит песни и танцы сестёр, он бежит к проруби, достаёт бутылку и отправляется к берегу озера; шаман открывает бутылку, находившийся в ней уголь превращается в синее пламя и исчезает; бутылку шаман разбивает о землю, а сам, превратившись в русскую иголку, прячется в щели на берегу озера; к девушкам приходит их исхудавшая старшая сестра, которая рассказывает, что с ней сделал шаман; сёстры танцуют и расходятся; прибыв домой, шаман рассказывает своему народу о том, как он победил оспу; перед смертью шаман завещает похоронить его таким образом, чтобы голова и руки находились над землёй, при этом в руках должны быть бубен и колотушка; люди выполняют его завещание [Эргис 1960: 297-301 (текст № 198)].

Виллюйские якуты (селение Нюрба): младший из двух братьев-шаманов заболел оспой; старший брат начал камлать над больным; младший брат предупредил, что не стоит вступать в состязание с духом оспы; старший брат его не послушался и стал бодаться; прежде чем выйти на борьбу с духом оспы, шаман запретил жене выглядывать на двор; услышав голоса борющихся, жена не выдержала и нарушила запрет; на дворе она увидела двух бодающихся быков; когда женщина выглянула за дверь, муж чуть повернул свою голову, чтобы взглянуть на неё; в это время противник проткнул его рогами; спустя несколько дней шаман умер; в результате оспа истребила весь род кроме двоих человек, которых спас младший шаман [Ксенофонтов 1992а: 85-86].

Виллюйские якуты (Верхне-Виллюйский улус): шаман Бодонгкос рассказывал, как он бодался с духом оспы, приняв вид быка; шаман проиграл из-за своей жены, которая

открыла двери юрты и выглянула, чтобы взглянуть на противников; противоборство шамана разгневало оспу – из его семьи погибло семь человек [Ксенофонтов 1992а: 86].

Центральные якуты (Якутский округ): [комментарий к наскальному изображению (сцена двух борющихся животных) на берегу р. Лены:] древняя знаменитая шаманка боролась с духом оспы; шаманка, совершив подвиг, нарисовала фигуры двух зверей, по словам одних, кровью мизинца, а по другому варианту – менструальной кровью [Ксенофонтов 1927: 69].

Центральные якуты (о-в Тоён-Арыы, р. Лена = 1-й Мальжегарский наслег Западно-Кангаласского улуса): два брата-шамана, боясь приближающейся с юга оспы, бежали в горы вместе со скотом; с их табора убежала одна кобылица; Джаанай велел младшему брату пригнать её обратно; младший брат вскочил на коня и отправился в путь; он доехал до того места, где они стояли табором в предыдущий день, и увидел кобылицу, которая лизала пепел с потухшего костра; подойдя к кобылице, шаман ударил её таловым прутом, после чего она превратилась в пороза с особой отметиной на лбу; пороз ударом своих рогов распорол живот шаману; он, упав навзничь, засунул себе вывалившиеся кишки обратно в живот, плюнул на руку и залечил рану; шаман приехал к брату, сказал, что оспа убила его, и умер; старший брат превратился в быка и побежал; встретившись с духом оспы, он условился с ним о месте борьбы; в этой борьбе бык-шаман вышел победителем; оспа дала обязательство, скреплённое кровью, что не будет бывать у потомков шамана, что его наслег будет жить в течение девяти поколений без болезней [Ксенофонтов 1992а: 81-82].

Центральные якуты (Мытахский наслег Западно-Кангаласского улуса): шаман Наачабыл и оспа бодались, превратившись в быков; силы оказались равными и противники разошлись, заключив договор больше не встречаться; оспа дала подписку никогда не бывать среди потомков шамана [Ксенофонтов 1992а: 87].

Центральные якуты: духи не хотят выдавать похищенную душу; шаман превращается в осу, жалит быка в нос; тот фыркает, душа выскакивает из его ноздрей; шаман её уносит; ему вслед кидают глину; рассерженные божества уменьшают силу будущих шаманов – замазывают их душам глаза детскими экскрементами [Ксенофонтов 1992б: 199-201].

Центральные якуты (Тулагинский наслег Якутского р-на): *кут* шамана Тулуурдааха (Терпеливый) проходит воспитание в семье, обитающей в Нижнем мире; семья состоит из

старухи, молодой девушки и огромного *пороза*; старуха является матерью всех знаменитых шаманов земли; однажды старуха велит девушке принести чего-нибудь сладкого из Среднего мира; девушка выполняет просьбу и возвращается с *кут* женщины из богатой семьи; *кут* выглядит как кусок хрусталя; старуха и девушка лизут *кут*, при этом места, которых они касаются своими языками, становятся чёрными; неожиданно начинают трястись столбы и шататься стены их жилища, слышатся три рыка великого шамана; по совету старухи девушка прячет *кут* в ноздри быка; прибывает шаман, который просит старуху отдать *кут* женщины; старуха от всего отказывается; шаман становится на колени, умоляет вернуть *кут*, но старуха снова отпирается; шаман просит, лёжа лицом вниз; старуха вновь всё отрицает; после этого шаман вскакивает на ноги, впрыгивает вовнутрь балагана и требует вернуть *кут*, сыпля угрозами; шаман начинает сечь старуху нагайкой; старуха поначалу от всего отказывается, но затем говорит, что девушка знает; шаман хватает девушку и сечёт её; она пытается отпереться, но тоже не выдерживает и указывает на парня в люльке; шаман подходит к люльке, хочет высечь парня, однако тот превращается в булжжик; шаман снова сечёт девушку, она указывает на быка; шаман сечёт быка, который не обращает на это никакого внимания, тогда шаман вталкивает в его ноздрю *нагайку*; бык фыркает, из ноздри вылетает наполовину чёрный *кут* женщины; шаман ловит его и, высказав ряд угроз, отправляется в обратный путь; раздосадованная старуха проклинает свою судьбу и зарекается воспитывать великих шаманов; поклявшись, старуха отправляет в Средний мир *кут-сюр* шамана Тулуурдааха, который становится последним великим шаманом [Алексеев и др. 1995: 258-271 (текст № 54)].

Чукчи: был великий и богатый шаман Мээмгын, жил в срединной земле; его единственный сын Рынтэу умер; Мээмгын искал его по всей земле, обыскивал все вселенные, не мог найти; прошло три года, тело сына всё сгнило; отец послал двух работников к Чесоточному шаману, туда, где небо и змеля сходятся; Мээмгын выбрал им четырёх оленей, запряг их в сани, работников посадил на сани, сам надел узду на оленей, вожжи надел им на руки, заговорил оленям уши и головы, сани и сбрую; окончив заговор, дунул, – полетели они по воздуху как гуси; у Чесоточного сто домов, он лежит издавна в пологе, ибо не может сам пошевелиться; всё тело его покрыто паршами; ещё до прихода работников говорит жене: «Положи меня у задней стены, дай мне бубен, я немного постучу, посмотрю в бреду»; постучал, говорит жене: «Свари побольше еды, гости сегодня будут»; работники пришли, рассказали об умершем сыне, стали просить помощи, пообещали награду; там где живёт Чесоточный, около домов ходят не олени, а собачьи стада; собаки большие и жирные, не

меньше оленей; Чесоточный увидел оленей, стал их разглядывать, сказал, что они – его; работники стали думать, как поедут обратно, что оленей съедят собаки; шаман узнал их мысли, успокоил их; оленям стал наговаривать в глаза, уши, ноздри, рот; когда окончил, убежали олени, задрав хвостики, как собаки, добежали до собачьего стада, стали нюхать друг друга (собаки и олени); вечером шаман и работники отправились в путь; около его селения есть высокая крутая гора; шаман взял бубен, работники взяли его под руки и понесли на верх горы; шаман сказал им, чтобы ложились спать; когда они заснули, шаман сорвал всю траву вокруг себя и стал плести верёвку, сплёл травяную верёвку, выплел и узды, и вожжи; узды надел на спящих, вожжи взял в руки; дунул, понеслись по воздуху как птицы; опустились на горе около шатра Мээмгына; работники утром проснулись, увидели, что оказались дома; Чесоточный расспросил Мээмгына, где тот искал сына; выяснилось, что не искал во вселенной, которая выше всего есть над нами и которая принадлежит Птичьей женщине; Мээмгын не знал об этой вселенной, Чесоточный отправился туда; загремел бубном, ушёл вместе с ним внутрь земли; потом далеко за шатром послышался шум; вышел из земли и взвился с бубном вверх, до вселенной Птичьей жены; по дороге миновал три вселенные, запутывал следы; достигнув вселенной Птичьей жены, шаман увидел железный шатёр, у задней стены которого была перевязана железными ремнями по всем суставам душа мальчика; Птичья жена откармливала его себе на пищу; когда шаман прибыл, похитительница улетела добывать мальчику на еду китовую кожу; у дверей были привязаны двое *рэккэ* (чудовища с медвежьей пастью и огромными парусообразными ушами, способными уловить малейший шорох); Чесоточный обернулся комаром, хотел было влететь в шатёр, на него щёлкают зубами – уловили шум крыльев; попробовал залететь оводом – не получилось, белошапкой и бабочкой – тоже; шаман обернулся мясной мухой, полетел в шатёр; *рэккэ* внимания не обращают, им шорох мясной мухи знаком издавна; шаман развязал мальчика, обернул и его мясной мухой; полетели в свою вселенную, вели кругами следы, как лисица; когда достигли третьей вселенной, догнала их Птичья жена; стала угрожать, потом махнула крыльями; затрепыхался Чесоточный, как сухой лист от вихря; в ответ он вобрал руку в рукав, из рукава мизинцем к небу повёл, сошёл с неба огонь и опалил крылья Птичьей жены; она снова стала махать крыльями, но в них уже не было ветра; шаман ещё раз повёл мизинцем: сошёл с неба огонь и сжёт всю Птичью жену; Чесоточный продолжил путь; сидящие в шатре Мээмгына слышали шум бубна; Чесоточный спустился с неба, вошёл внутрь земли, немного после этого вышел из земли посреди полога; рассказал, что нашё мальчика; позвал своих духов и дал им держать душу; щёлкнул горлом и проглотил кучу гнили перед Мээмгыном; попросили принести

новую шкуру; когда её разостлали, Чесоточный харкнул и выхаркнул тело мальчика: кости вошли на место, мясо приросло к костям; опять щёлкнул горлом, проглотил тело, выхаркнул его, обтянул тело новой кожей, загладил все изъязны; в третий раз проглотил и выхаркнул: кровь блеснула на щеках, только что не говорит; Чесоточный взял душу у духов, проглотил и выхаркнул её на тело; прошла сквозь тело, как стрела, вонзилась в стену; Чесоточный сказал, что она не припаивается, т.к. слишком холодное тело; затем проглотил тело, разогрел его в своей утробе, опять выхаркнул; Чесоточный бросил в него душу, мальчик стал произноситт звуки и сел; обрадованный отец предложил Чесоточному на выбор одно из пятнадцати оленьих стад; Чесоточный выбрал пятнисто-серое, самое многочисленное; работники привели оленей, пять дней шло мимо шатра стадо, оно встало вокруг него на три дня пути в глубину; Чесоточный сказал: «Ну, я уезжаю; только пусть все люди войдут в полог и не выходят вон; ибо всё, что будет снаружи, захвачу с собой. А я весьма далёкий! А за парнем смотрите! Я сделал его шаманом бóльшим, чем я сам. Но ум его будет склонен на худое. Но берегитесь с этим спорить, ибо вам будет худо»; Чесоточный ударил в бубен, запел свою песню и двинулся из шатра; тотчас же шум стада и звук песни стали удаляться вверх; как только уехал Чесоточный, Рынтэу стал поступать безумно, обижать людей (насилловать женщин и хватать мужчин за половые члены); ничего с ним сделать не могли; повалят его, начнут вязать, смотрят, а он уже совсем в другом месте; пробовали делать порчу, он собирал в рукавицу все слова тех людей, которые его пытались испортить, в рукавице завязывал и утром раздавал их обратно; отец решил, надо его известить; пошёл на вечернюю сторону к старухе Кэля, договорился с ней; вернувшись домой, отец сказал Рынтэу, чтобы тот принёс гарпун, лежащий за шатром; за дверями стояла Кэля, подняв железный посох навзмах удара; Рынтэу увидел её, вспорхнул гусем, пробил сзади старухи крышку шатра и улетел на сторону ночной темноты; старуха не смогла догнать; на ночной стороне Рынтэу переночевал у филина, тот рассказал, как пройти в светлую землю, миновава старуху Кэлю; Рынтэу переночевал ещё у ворона и вернулся домой; ещё хуже стал он поступать с людьми; отец послал его высватать дочь у Кэля, который живёт на восточной стороне в тёмной земле; Рынтэу высвататал, привёз дочь домой, тотчас же забеременела; у соседей, где увидит ребёнка, тут и съест; люди жалуются отцу, тот послал Рынтэу за дочерью Кэля, который живёт на западной стороне в тёмной земле; Рынтэу и её высватал, привёз домой, она сразу забеременела; в соседних шатрах, где увидит старика, тут и съест; люди жалуются отцу; тот послал Рынтэу за великим ножом (мечом) Кэля, который живёт на северной стороне в тёмной земле; Рынтэу отправился, увидел круглую скалу без дверей; стал кричать, оттуда голос отвечает:

«Войди!»; но двери нет; опять стал кричать, камень раскрылся и впустил его; там жили старик и старуха (*кэля*), всё жилище было наполнено шкурами песцом, лисиц, горностаев, белок; Рынтэу сказал, что пришёл шаманить, а сам смотрит: нож тут же лежит; зашаманил Рынтэу; шкуры песцов, лисиц, горностаев и белок ожили и стали плясать под стук бубна; Кэля тоже стали плясать, затем устали, упали, заснули; Рынтэу схватил нож и убежал; принёс домой нож, повесил над пологом; кто коснётся его рукой, умирает, кто посмотрит, заболит; а жёны едят детей и стариков; отец отправил Рынтэу за море, в гости к своей сестре; отец зарезал двух белых сук, содрал шкуры и одел невесток, а языки им обвязал крепко; приехал Рынтэу, ему сказали, что жёны из-за скуки уехали по домам; а две суки так и ходят вокруг Рынтэу; он развяза им языки, они заговорили; содрал и собачину, снова стали ему жёнами; сильнее прежнего стали истреблять людей; отец пошёл на сторону восхода, нашёл старушку Кэрэк; по дороге сказала старуха с порчей отцу, что если застанут его в пологе, то ладно; если застанут на дворе, надо сказать ему, чтобы вошёл в полог, а когда войдёт, надо чтобы тотчас же вышел; пришли домой, сын работал снаружи; отец пригласил его в полог; когда Рынтэу вошёл, отец сказал ему выйти наружу; старушка Кэрэк создала волшебством одну вселенную внутри полога, другую вселенную внутри шатра, третью вселенную снаружи; Рынтэу вышел из полога, пошёл вперёд, потеряв ум; у берега были морские утёсы, на них – каменные отростки прямо над водой; на одном из них очутился Рынтэу, тогда очнулся; место незнакомое, сойти нельзя; просидел два дня, мимо пролетал ворон, который в обмен на всех живых дома рассказал Рынтэу, как выбраться отсюда и попасть на землю, где на старых кочевиях необходимо найти иглу и напёрсток; над ними дома нужно совершить служение с помощью бубна, на который по дороге домой надо натянуть шкуру большого жука; Рынтэу прыгнул на проплывающую мимо кокору; пристав к каменистому берегу, зажмурил глаза, собрал в горсть дресвы и стал пересыпать камешки из руки в руку; когда ощутил, что они мягкие, как морошка, бросил через голову; его подхватило, понесло по верху и перенесло за море; опять пристал к каменистому берегу, сделал то же самое, что и раньше, с дресвой; его подхватило, перенесло по верху и перенесло в его землю; Рынтэу объявил, что на следующий день будет служение, построил огромный шатёр; собрались люди со всех сторон; стал он шаманить на своём маленьком бубне, а старуха Кэрэк устроила подножие из опрокинутого котла и, взобравшись на него, давала Рынтэу певучие ответы; собрались все мужчины, женщины и дети; только одной сиротке Рынтэу приказал остаться снаружи; она вышла, тогда он сказал: «Сюда игла»; сверху сквозь трубу спустилась игла, как на ниточке; Рынтэу сказал, что пусть возьмёт её та, кому она подходит по руке; женщины стали тянуть руки, игла уклонялась, не давалась

им; Рынтэу сказал, что если никто не может взять, то пусть её уберут обратно; иглу утянуло вверх; та же история произошла с напёрстком; затем сверху спустилась бусина, как ягода морошки, укреплённая на серебрянной нити; женщины потянули к ней руки, схватили за нить; кому не досталось места, те хватали за руки соседок; Рэнтэу ударил в бубен и запел о договорённости с вороном; затем подпрыгнул вверх, выпрыгнул через дымовое отверстие; бубен его вырос, застрял в отверстии и закрыл его собой; двери и выходы из дома исчезли; колотушка сама стала стучать в бубен; бусина стала расти, теснить людей; в итоге она наполнила весь дом, сжимая людей; лопнули и распались связи дома, полилась кровавая река; остались на земле только двое, Рынтэу и сиротка; он женился на ней, от них снова размножился человеческий род [Богораз 1899: 263-270].

Чукчи (Mariinsky Post): в деревне жили два шамана, Теñququ'ñi и Riğowa'li; враждебные Re'kkeñ остановились около деревни; вечером в деревне все смеялись; посреди ночи Riğowa'li попросил всех замолчать и ушёл; Riğowa'li увидел поблизости врагов, разбивающих лагерь, и вернулся назад в деревню; он пошёл к Теñququ'ñi и рассказал ему о Re'kkeñ; шаманы надели свои костюмы и пошли в лагерь врагов; там на санках сидел старый мужчина ke'le; шаманы встали напротив него, однако он ничего не видел; старый мужчина торопил своих людей, говорил, что они должны привезти отсюда еду; затем велел принести гадательный камень, который оказался человеческим черепом; старик начал гадать, а шаманы продолжали наблюдать; старик попытался подвинуть череп своим посохом, но череп остался недвижимым; старик сказал, что не удастся предсказать, как добыть продовольствие, и предположил, что в деревне есть воины; шаманы направили на старика свои посохи, после чего он вскочил, почувствовав боль; старик оказался при смерти, а шаманы договорились между собой убить всех; Riğowa'li перед своей кончиной пообещал своим ke'le принести в жертву собаку, Теñququ'ñi не пообещал ничего; Теñququ'ñi бил людей-ke'le посохом; они пустились в бегство; земля вокруг стала подобной воде и развёрзлась; шаманы исчезли под землёй; Теñququ'ñi застрял в земле по пояс и не мог самостоятельно выбраться, потому что ничего не пообещал своим духам; Теñququ'ñi попросил Riğowa'li о помощи и дал слово отдать ему рубашку из кожи оленя, ремень из тюленьей шкуры и белую собаку; после этого Riğowa'li начал петь и вскоре к нему пришли духи моржей; Riğowa'li продолжил петь, из земли появились несколько моржей, которые помогли Теñququ'ñi освободиться; шаманы вернулись в деревню, Теñququ'ñi выполнил своё обещание; верхом на оленях приехали двое ke'le, чтобы убить шаманов; это были Кашель и Насморк; шаманы вышли из чума и прижались к земле;

Кашель и Насморк приблизились к чуму, но не решились зайти и убежали; затем всё повторилось; в следующий раз они подошли ближе и оказались около самого входа; Насморк зашёл внутрь, там его поймали шаманы; услышав вопли Насморка, Кашель убежал; когда шаманы решили убить Насморк, он рассказал им всё про себя и своего спутника, а также пообещал отдать собаку; Rìgowa'li проводил Насморк до его санок, они поехали к нему домой, около дома была привязана собака; Насморк спросил, нет ли у Rìgowa'li собаки, и сказал, что шаман получит обещанного пса от неё; после возвращения шамана домой, собака забеременела и родила четверых щенят; один из них оказался псом, увиденным около дома Насморка; ночью пришли ke'le и сделали ловушку около чума Rìgowa'li; ke'le начали поднимать стенки чума своими дорожными посохами, но собака подняла лай; тогда ke'le выпустили свою собаку; собака шамана вбежала в дом, схватила своего хозяина и вынесла его наружу; шаман проснулся и убил множество ke'le; затем шаман уехал к соседям на санках с собаками, одну из которых он оставил своей жене; после захода солнца пришёл ke'le; когда он приблизился к входу, собака залаяла; ke'le попробовал снова, после чего собака забежала внутрь дома, сказала женщине, чтобы та была готова запрячь её и взять ребёнка; ke'le не испугался лая собаки, поэтому женщина запрягла её и они помчались на восток; ke'le зашёл в дом и остался в нём; шаман возвратился домой, недалеко от входа три его собаки стали валяться на земле и перестали подчиняться; шаман убивает одну из собак и впрягается в упряжку вместо неё; через несколько шагов две остальные собаки снова легли на землю; шаман догадался, что в доме ke'le; шаман зашёл в дом, ke'le, спрятавшийся на спальном месте, выглянул из-под покрывала; один из его глаз светился как лампа; шаман ударил ножом по этому глазу и отрезал его; ke'le выскочил наружу и посмотрел назад, после этого дом стал каменным; шаман нашёл свою жену по следам; они вернулись в каменный дом, который после камлания шамана стал прежним [Bogoras 1910: 100-107].

Нанайцы: сначала в гольдскую землю пришли помощницы оспы; могучий шаман созвал своих *сеонов* и вместе с ними прогнал помощниц Даяну, а некоторых убил; скоро явилась сама Даяну со множеством помощниц и с большим войском; шаман не испугался, ещё сильнее забил в свой бубен и продолжал плясать; скоро он закачался на ногах и упал; собравшимся гольдам шаман сказал, что умирает, так как не успел созвать всех *сеонов*; шаман велел не зарывать его в землю, а положить сверху и рядом повесить бубен и весь его наряд; шаман предупредил, что через 9 дней люди услышат ночью звон бубна, и он оживёт; при этом шаман попросил не выпускать собак и не ходить в лес к нему; шаман пообещал,

что когда он оживёт, то созовёт всех своих *сеонов* и прогонит или убьёт Даяну; у шамана был брат, который очень любил его жену; как только брат услышал звон бубна, он схватил *гиду*, побежал в лес и заколол там шамана; шаман перевернулся и умер окончательно; Даяну до сих пор свирепствует, где хочет, и нет теперь ни одного шамана, который бы осмелился сразиться с нею [Лопатин 1922: 327-328].

Нивхи: шаман Итызан пытался через второстепенных духов-помощников найти злого духа, который унёс кровь одного мальчика, вследствие чего тот заболел; шаману это не удалось; он вызвал свою главную помощницу – женщину с четырьмя грудями; она отыскала нужного духа, но отнять у него кровь не смогла; женщина выжала из своей левой груди молоко в чашку; когда злой дух кинулся пить его, она схватила кровь мальчика, принесла её больному и он ожил; у этой женщины молоко каждой груди предназначено для кормления определённого вида духов – помощников шамана [Крейнович 1973: 451].

Х.2. ШАМАНСКИЕ ПОЕДИНКИ.

Два шамана или несколько шаманов либо шаман и другой магический специалист (священник, колдун, лама и др.) противодействуют друг другу.

Ненцы [Лехтисало 1998: 95-96; Турутина 2000], долганы [Попов 1937: 51-54], кеты [Donner 1933: 75, 77], сымские [Василевич 1936: 90 (текст 72)] и подкаменнотунгусские [Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18)] эвенки, «абаканские татары» [Катанов 1907: 282-285 (текст 196), 451 (текст 439)], хакасы [Кузнецова-Ярилова 1909: 141-142 (текст I); Бутанаева 2007: 108, 112], телеуты [Батьянова 1995], шорцы [Дыренкова 1930: 279 (прим. 1)], тувинцы [Дьяконова 1981: 151 (прим. 51), 159; Кенин-Лопсан 1987: 37-38, 79-83], прибайкальские буряты [Потанин 1883: 128; Румянцев 1969: 86-87; Жамцарано 2001: 110; Пурбуева 2009: 255; 2010: 17], якуты [Корнилов 1910: 85; Эргис 1960: 259-262 (текст № 182), 264-267 (текст № 184); Ксенофонтов 1992а: 52, 69-71, 82-83; 1992б: 160-165, 197-198, 229-236, 241-242; Худяков 2002: 79, 145-146; Бравина, Илларионов 2006: 18; Попов 2006: 42-43, 57; Романова 2008: 312; Balzer 1996: 309], чукчи [Богораз 1899; 1939: 106, 122, 126, 132-133, 141; Вдовин 1981: 188-189, 211; Bogoras 1910: 14-17], «инородцы Анадырского края» (чуванцы или чукчи) [Дьячков 1893: 128-130], нанайцы [Смоляк 1991:

59-62; Булгакова 2001], удэгейцы [Арсеньев 1995: 178-179 (текст 21)], ульчи [Смоляк 1991: 59-62].

Лесные ненцы: жили по речке два шамана, Ваханде и Нойсама, один выше по течению, другой ниже; дети шаманов стали уговаривать их побороться, чтобы выяснить, кто сильнее; отцы сначала отказывались, но в итоге дети их поссорили; во сне Ваханде пришёл к Нойсама и назначил место борьбы – речную песчаную косу между стойбищами; Нойсама проснулся и рассказал сон детям; в день встречи дети пришли на песчаную косу и стали ждать; со стороны чума Ваханде прибежал баран с загнутыми рогами; от стада Нойсамы отделился большой олень и побежал в сторону барана; они бросились друг на друга; борьба шла долго, к утру баран упал, со всех боков льётся кровь; раненный баран побежал в сторону чума; испуганные дети побежали по своим домам; дети Вахонде увидели израненного отца, лежащего на постели, и сказали: «Там олень забодал барана»; Ваханде ответил: «Вы этого сами хотели»; через некоторое время он умер; когда дети Нойсама прибежали, то увидели своего отца ослабленным; они стали рассказывать о случившемся: «Отец, там олень барана убил, а сам ушел весь раненный в лес»; Нойсама сказал: «Вы этого хотели сами»; утром родственники Вахонде похоронили его и перекочевали на новое место; Нойсама тоже собрал вещи и переехал подальше от этого места; потом Нойсама сказал детям: «Я скоро умру. Баран нанес мне смертельные раны. Хоть он был и маленьким, но рога у него были острыми. Я очень вас прошу перед своей смертью, никогда не шутите с шаманами. Не пользуйтесь ради своей забавы шаманской силой. Эта сила дана нести добро людям, лечить, а не воевать. Мы жили дружно, но ради вашей прихоти, мы поссорились»; через месяц Нойсама умер [Турутина 2000].

Долганы: когда-то бедный шаман стал купцом; он пришёл в гости к другому купцу и познакомился там с русским колдуном; колдун рассказал, что на следующий день отправится в город, в котором он сначала убьёт трёх шаманов, а затем всех остальных жителей; колдун обещал так поступить и с обитателями ещё двух городов; шамана колдун предупредил, чтобы он не соглашался камлать, когда за ним будут приезжать санные из этих городов; всё произошло так, как рассказывал колдун; шаман, опасаясь гибели, не соглашался помогать жителям тех городов; через несколько лет шаман, камлая у больной женщины, поймал *абаасы* русского колдуна; шаман превратился в молнию, увидел в море лодку, в которой плыл колдун и два *абаасы*; шаман превратился в туман, закрыл море,

потом снова превратился в молнию и шаманской стрелой пробил лодку; колдун и его спутники утонули [Попов 1937: 51-54].

Долганы: кочевали старший удалец и младший удалец, который желал жену первого; когда они приехали к кочевникам, младший удалец пошёл в чум, где камлал шаман; удалец оскорбляет шамана, тот говорит, что удальцу предстоит опасная встреча с привязанным к трём лиственницам медведем; удальцы откочевали; младший удалец, сделав из гнилого дерева медведя, выпустил его вперед; медведь превратился в большого зверя, удалец пристрелил его из лука; затем, продолжая ехать, удалец сделал из дерева орла, который улетает и садится на дерево; удалец пристрелил и его; после этого удалец сделал и убил сокола; по дороге повстречался большой медведь, привязанный цепями к трём лиственницам; увидев людей, медведь разорвал цепи и пошёл на них; младший удалец хотел выстрелить из лука, но старший обсмеял его; младший удалец убил медведя краем ладони; затем он поехал на то место, где камлал шаман; там уже давно сделали для шаман гроб; спустя несколько лет удальцы остановились около одного стойбища; старший удалец зашёл в чум, в котором камлал шаман; шаман сказал, что удалец встретит медведя, от которого, возможно, погибнет; шаман предупредил, что если удалец его убьёт, то через три года он придёт и съест удальца; удальцы встретили медведя, старший убил его краем ладони; младший удалец вернулся к тому шаману; ему уже делали гроб, но он был ещё жив; младшему удальцу шаман пообещал, что придёт через три года и съест старшего удальца; через три года слышались громкие звуки бубна, младший шаман поехал к соседям и увидел умершего три года назад шамана, который сказал, что придёт ночью к старшему удальцу; младший удалец передал старшему слова шамана и пообещал помочь; утром младший удалец обнаружил, что его соседа нет в чуме; умирающего соседа нашли на улице, он рассказал, что его заборвали рогами двое мать-зверей, и велел младшему удальцу взять его жену; воскресший шаман тоже умер, так как погибший удалец ножом поранил настоящих мать-зверей; противники шаманов делали из дерева медведя, птиц и, внедрив туда духов шамана, убивали их; в старину духи шаманов ходили открыто, но из-за того, что человек умел побеждать их, стали невидимыми [Попов 1937: 59-62].

Кеты: старый тунгусский шаман жил вместе с кетской парой; во время путешествия в окрестностях Туруханска олень шамана упал, из его ноздрей побежала кровь, он умер; тунгус подошёл к нему и тоже упал; кровь побежала из его рта и ноздрей, он умер; безжизненного шамана отнесли к другому большому шаману; тот ворожил над

пострадавшим пару дней; шаман извлёк из бока пострадавшего железную стрелу и выяснил, что первый шамана был застрелен большим остяко-самоедским шаманом, живущим около Дудинки; тот же шаман застрелил и оленя; родовой совет попросили написать в Дудинку, чтобы выяснить живёт ли шаман там; это подтвердилось; шамана из Дудинки уехал в пустынные районы, чтобы тунгусский шаман, в свою очередь, не убил его [Donner 1933: 75].

Сымские эвенки: Молькон нашёл маленького ребёнка и вырастил его; Арка стал шаманом; он состязался с другим шаманом; разожгли большой огонь и начали камлать; другой шаман сжёг своих духов, проиграл и улетел; Арка стал значительно сильнее; он пошёл к другому шаману, который предложил померяться силами; развели большой костёр, у обоих шаманов выросли рога, началась схватка, в которой победил Арка; духи Арка стали сильнее; затем Арка встретился с третьим шаманом; они начали драться на льду, на реке; противник прострелил Арка лоб насквозь; Арка вытер лоб, рана исчезла; пятьдесят мечников Арка бились с пятьюдесятью мечниками другого шамана; Арка победил и убил всех из рода проигравшего [Василевич 1936: 90 (текст 72)].

Подкаменнотунгусские эвенки (п. Полигус, Байкитский р-н, Эвенкийский национальный окр., Красноярский край): шаман Бакадя (*Найдёныш*) мог превращаться в духа-мэлкен (невидимку); на стойбище жил другой шаман; рано утром послышался плач ребёнка; много дней все слышали звук, но никто не видел его источник; шаман покамлал и сказал, что это не ребёнок, а шаман, превратившийся в ребёнка; шаман повёл людей искать плачущего, с собой не взяли вдовца; нашли плачущего ребёнка в люльке, которая висела на лиственнице; шаман, камлая, подпилит дерево, ребёнка взяли и унесли домой; там ему сделали колыбель; за семь дней ребёнок стал взрослым человеком и опять стал шаманить; во время камлания ему подыскали имя – Бакадя; Бакадя много лет лечил людей; зимой Бакадя поссорился с другим шаманом из-за духов-помощников; они устроили состязание: расчистили от снега лёд на реке, сели друг от друга на расстоянии слышимости звука речи, надели шаманские плащи и разговаривали между собой неделю; наступил сильный мороз; о том, что шаманы живы, сообщали колокольчики, которые брякали на их плащах; Бакадя звонил пять дней, другой шаман на пятый день перестал звонить, замёрз; Бакадя звонил ещё два дня, затем пошёл к жене; шаман сказал жене, что они оба должны превратиться в птиц и исчезнуть, так как на этом месте им жить нельзя; шаман предложил лететь на край земли, на море, при этом он велел жене не брать железные подвески на одежде; жена

забыла его требование и оставила железный *игольник* в своём поясе; Бакадя полетел с женой и уронил её на землю; она пропала, а Бакадя остался *мэлкэном* [Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18)].

Хакасы (качинцы): шаманка прилетела к пьяному шаману Джалбаку и, превратившись в муху, села у трубы его юрты; Джалбак держал в руке чашку вина и говорил, что ощущает дух этой шаманки; он выпил вино, а шаманка успела превратиться в пылинку и опуститься в чашку; Джалбаг проглотил шаманку и сразу это понял; он начал призывать своих духов, но они не могли попасть к нему, так как шаманка заранее устала всю юрту своими; сама же она крутила у него внутри сердце; духу, который помогал держать шаману бубен, удалось из-под низа юрты пробиться сквозь духов шаманки и вместе с шаманом ухватиться за бубен; вслед за ним ворвались и остальные; Джалбак ударил себя бубном по животу и шаманка выскочила у него изо рта, превратившись в голубого горноста; Джалбак погнал её вниз по р. Тубе; шаманка спряталась за овцу, которую какой-то человек хотел принести в жертву; шаман несколько раз прокричал человеку, чтобы тот отошёл; человек спрятался в кустах; шаман сказал ему, чтобы он не боялся и что шаманка ушла; человек посмотрел вокруг себя, никого не видно, но словно кто пронёсся по воздуху; шаманка превратилась в щуку и нырнула в воду; Джалбак превратился в ворона, полетел над водой, не отстаёт от шаманки; она доплыла до дома, деваться некуда, пришла к себе в человеческом виде и отдала Джалбаку вместо себя душу своей единственной дочери; шаман взял её и вернулся на Тубу; дочь шаманки умерла [Кузнецова-Ярилова 1909: 141-142 (текст I)].

Хакасы: камы в момент битв с другими шаманами могли превращаться в зверей, в птиц, в рыб и даже в насекомых [Бутанаева 2007: 112].

Тувинцы (Тес-Хемский р-н): шаман родом с р. Хемчик камлал в юрте больного на берегу р. Элегест, куда явился шаман Оюн Хам-оол из Тес-Хема; хемчикский шаман был «людоедом» – он «пожирал» людей, которые становились его врагами; увидев его, Оюн Хам-оол перевоплотился в шамана с тремя глазами; третьим, скрытым, глазом он увидел в чаше с *араккой*, которую ему предложил хемчикский шаман, чёрных червяков, отказался от угощения и тем спас свою жизнь; все говорили, что на территории Тес-Хема нет такого сильного шамана, как Оюн Хам-оол с тремя глазами [Кенин-Лопсан 1987: 37-38].

Прибайкальские буряты: шаманка Асуйхан, мать шамана Андобара, нашла двух мальчиков, которые были закованы в люльках; шаманка приняла их и полюбила более родных детей; один из них, Андобара, оставил шаманку и ушёл; шаманка пошла за ним и прокляла его: «Если будешь ходить в лесу, будешь Урянха, если будешь по скалам ходить, будешь Хамногынь»; Андобара зашёл на север, там урянха угощали его головами тальменя; когда Андобара оказался у бурят, его кормили головами коз; Андобара был хорошим шаманом; он убил оленя, принадлежащего другому шаману; этот шаман погнался за Андобарой; тот, убегая, скрылся в юрте Хан-джиргай-хан-ноин-баабая; хозяин оленя стал требовать выдачи Андобары; хан сказал: «Возьми его в виде андобара»; хозяин оленя отказался и ушёл, сказав: «Если хочешь так возьми его себе»; хан сделал Андобара онгоном [Потанин 1883: 114].

Прибайкальские (аларские) буряты: шаманка Баир-хан поспорила с шаманом Хохор-богданом о том, чьи духи сильнее; шаман предсказал, что ей не доехать до дому, а шаманка предсказала шаману, что он по приезду домой умрёт на третий день; по пути домой шаманка повесилась; шаман доехал до дому и на третий день умер [Потанин 1883: 128].

Прибайкальские (идинские) буряты: первый хордутский шаман Долhoto-Зогдор, прослышав о шаманке Мудай, отправился к ней в Обусу; подъезжая к юрте Мудай, он превратил коня во льва, а сзади на поводу повёл медведя; вместо кнута у него была тонкая змея, на правом плече его рос кедр, а на левом – ель; Долhoto-Зогдор, попросил Мудай выйти ему навстречу; Мудай, находившаяся в этот момент в юрте, услышав, что приехал великий шаман, чтобы сразиться с ней, вынула из своей утробы трёхмесячный плод, положила его над дверью, села и крикнула великому шаману: «Залу хун идэрху, гулгун нохой шудэрху (юноша – задористый, щенок – кусачий)»; Долhoto-Зогдор, войдя в юрту, упал замертво от нечистот плода, положенного Мудай над дверью; Мудай подумала, что если не воскресить сражённого ею шамана, могут возникнуть дурные последствия; она воскресила своего *противника*, совершив очищение корой священного дерева *едо* (пихты); ожив, Долhoto-Зогдор дал клятву Мудай впредь никогда не причинять никакого вреда потомству Мудай (онгоевскому роду); Долhoto-Зогдор остался в Обусе и жил в мире с Мудай-иби [Румянцев 1969: 86].

Прибайкальские (идинские) буряты: хордутский шаман Долhoto-Зогдор приехал в Обусу; заметив это, Онгэ Тодэ вытащила свою тонкую кишку, кольцом натянула её вокруг своей

юрты и, сняв свою голову и положив её на колени, убивала вшей на голове; Долhoto-Зогдор ехал, выпуская изо рта и носа червей, жуков, змей и прочих; увидев Онгэ Тодэ, Долhoto-Зогдор сказал: «Горы здесь лицом смотрят на юг, к солнцу; приехал, думая, что здесь счастливо будут жить потомки людей (*аратан*)»; Онгэ Тодэ пригласила его в юрту; как только Долhoto-Зогдор вошёл, он сразу же упал на пол, из его носа и рта потекла кровь; войдя в юрту, Долhoto-Зогдор от натянутой внутри тонкой кишки сделался нечистым (*буришда*) и от этого умер; Онгэ Тодэ, сжалившись над его молодостью, оживила Долhoto-Зогдора; он, проснувшись, попросил у Онгэ Тодэ разрешения остаться в Обусе; она разрешила ему остаться и иметь своё *утха* [Румянцев 1969: 87 (прим. 1)].

Прибайкальские буряты: шаман из Тарасы Федот поехал с земляком на свадьбу в Обусу, где вел себя вызывающе и, поссорившись с местным шаманом, был побежден им; вот какие события происходили в тот момент: «Духовный отец ... начал призывать своих предков монгольских шаманов. ... Над головой духовного отца жениха горело синее пламя, изо рта вылетали огоньки, свистели стрелы, бой бубнов, лязг оружий. ... Федот ... не доехал до дома, умер на хребте» [Пурбуева 2009: 255].

Прибайкальские буряты: шаман Дайбгар боролся с шаманом Ингааном; Дайбгар призывал своих духов-предков из Монголии, при этом над ним пылали синие огоньки, изо рта выходило красное пламя; Ингаан вытащил из колчана стрелу и, встав на неё, начал камлать; Дайбгар тоже достал две стрелы и, взобравшись на них, стал камлать [Пурбуева 2010: 17].

Северные (верхоянские) якуты: шаман поспорил с колдуном, о том, сможет ли колдун вылечить того, кого испортил шаман; колдун связал быка и сказал шаману, чтобы тот его испортил; шаман предложил поменяться ролям; колдун плюнул быку в рот, бык упал; шаман плюнул себе в ладонь, разрезал быка ладонью посередине и вытащил из сердца лягушку; затем шаман вложил сердце обратно, плюнул на руку, потёр раны быку, после чего тот ожил; шаман достал из уха чёрный камешек, бросил быку в сердце и бык упал; колдун не смог вылечить быка [Худяков 2002: 79].

Северо-восточные якуты (Средняя Колыма): поселение на берегу Абыя было основано только после того, как место было сделано безопасным якутским белым шаманом (*айуу-*

oiuun); он победил в схватке матерей-зверей чёрного шамана (*khara-oiuun*), который мог быть местным эвенком [Balzer 1996: 309].

Вилюйские якуты: шаманка всегда сильнее шамана, в борьбе она неуязвима, так как свою воздух-душу прячет в *vulva*; сли за нею пускается в погоню шаман, она залетает на облако и оттуда брызгает в глаза шамана менструальными выделениями [Попов 2006: 43].

Центральные якуты (о-в Тоён-Арыы, р. Лена = 1-й Мальжегарский наслег Западно-Кангаласского улуса): существует особое шаманское дерево *Aap-Kудук-Mac*, на ветвях которого много гнёзд на подобие птичьих; в этих гнёздах воспитываются души шаманов; когда происходит состязание шаманов, то последние стараются прежде всего разломать гнездо своего противника; побеждает тот, кто успеет это первым сделать [Ксенофонтов 1992а: 52].

Центральные якуты (о-в Тоён-Арыы, р. Лена = 1-й Мальжегарский наслег Западно-Кангаласского улуса): шаман Джаанай совершил камлание и направился к своему отцу, сыну Хаара-Суоруна; шаман выпросил коня, при этом отец выдвинул требование: шаман должен приехать к нему навсегда, как только коню исполнится девять лет; когда конь достиг восьмилетнего возраста, шаман заколол его на пищу, а отцу сказал, что конь украден; шаману вновь дали коня с требованием – прибыть на нём, когда исполнится восемь лет; этого коня, доведя до семилетнего возраста, шаман тоже съел; затем он начал камлать, но когда оставалось пройти три *олох*, шамана прогнали обратно; ему дали нового коня, которого нужно было довести до трёх лет; за год до окончания срока шаман его съел; после этого шаман долго жил, постарел и обессилел; шаман погиб во время поединка – он и его брат бодались, превратившись в порозов [Ксенофонтов 1992а: 82-83].

Центральные якуты (Олбинский наслег Таттинского р-на): шаман Дойомпо, когда ему было десять лет, каждый вечер заходил в *хоттон* и исчезал там; родители искали своего сына, зажигая лучину, но не находили его; если шаман считал вознаграждение за камлание недостаточным, то выходя из дома, падал и садился на пол; в этот же день умирал один из лучших людей или пропадала лучшая скотина; каждый год шаман рожал вечером девятого января, он рожал на холме с маленьким озерцом, рожал через пуп рыбу-щуку, которую выпускал в озеро; после того, как один старик дал ему мало водки, шаман обратился в вихрь, вынул и сожрал *кут* его единственной дочери; ребёнок начинает болеть, старик

просит о помощи Дойомпо, но тот отказывается; старик обращается к приёмному отцу своей дочери, который идёт к Дойомпо и угрозами заставляет его прийти к больному ребёнку; увидев шамана, девочка требует увести его прочь; Дойомпо отводят в соседний дом, где он начинает камлать; шаман заявляет, что дух не поддался ему и уходит домой; ребёнок умирает; шаман ссорится с богачом и в течение трёх лет пытается его съесть, но *кут* богача убежал от него в дом солнца; когда шаман приходил, чтобы съесть лошадей богача, то его не подпускал жеребец; когда пытался съесть рогатый скот, не подпускал его бык-пороз; в итоге шаману удаётся съесть лишь единственную дочь богача; священник приводит шамана в церковь, заставляет класть поклоны; шаман долго ищет *кут* священника; увидев большую ель у начала дороги, шаман предполагает, что в ней находится *кут* священника, превращается в гром и разбивает ель, из-за чего священник умирает; шаман намеревается погубить богача; во время тумана ко двору богача приходит *абаасы* шамана в виде быка; бык поднимает *урасу* и опрокидывает её, затем обращается в вихрь, поднимает *урасу* и уносит её; когда шаман постарел, к нему пришли люди, заставившие его переселиться в другую местность; шаман проклиная князя, приказавшего это сделать; приехав на новое место, шаман лежал при смерти; около него стояла толстая трость, с которой он не расставался всю жизнь; когда трость с треском разломалась по середине, люди увидели, что шаман умер [Эргис 1960: 259-262 (текст № 182)].

Центральные якуты (2-й Легейский наслег Усть-Алданского р-на): шаман Адагалаах имеет обыкновение состязаться с другими шаманами; на гору Ытык Хайа прилетает шаман Кисинчэ, превратившийся в птицу; он ест траву с другого берега; шаман Адагалаах видит это и бросает в него железную острогу; Кисинчэ замечает острогу и взлетает ввысь; острой срезает лишь одно перо с крыла; шаман Кисинчэ исчезает; спустя девять суток шаман Адагалаах выезжает на гору на быке; над рекой поднимается пурга; Адагалаах снимает ярмо с быка, в это время Кисинчэ бросает в него острогу, которая срезает спинной мозг, убивает Адагалааха и быка; пурга длится трое суток, после её окончания жители наслег находят Адагалааха и хоронят его; сын Адагалааха, не достигший законного возраста, имеет склонность стать шаманом; он камлат, но не может дойти до трижды девятого *олоха*; юноша превращается в сокола, поднимается только на шестой *олох* и смотрит оттуда на средний мир; юноша узнаёт, что его отца убил шаман Кисинчэ; достигнув совершеннолетия, юноша превращается в сокола и прилетает на местожительство Кисинчэ; его не оказалось дома; юноша превращается в кошку, ложится у подножия берёзы по левой стороне дома; увидев в загоне два стада коров, он бросает

острогу; появляются люди в белых одеждах с длинными палками в руках; эти духи-покровители скота запрещают сыну Адагалааха убивать коров; юноша продолжает ждать, убивает собаку, вышедшую из дома; жена шаман Кисинчэ запирает дом; юноша убивает вышедших из дома ребёнка и беременную женщину, а также подъехавшего с возом мяса старика и его быка; вечером возвращается Кисинчэ на коне; Кисинчэ, захав на свою поляну, кидает искры из глаз и узнаёт о присутствии шамана; Кисинчэ подъезжает к коновязи и слезает с коня, юноша кидает в него острогу; Кисинчэ отбрасывает её в сторону рукой и начинает привязывать коня; юноша вновь бросает острогу, Кисинчэ отбрасывает её в сторону; то же самое повторяется, когда Кисинчэ заходит в дом; Кисинчэ заставляет жену отлить в огонь верхний слой супа из конины, после этого из огня вылетает ястреб; юноша убегает, ястреб гоняется за ним девять лет; за это время юноша проходит между мизинцем и кольцом человека и через трубчатый стебель травы; за это время шаман Баабыр достигает совершеннолетия, прячется, спустившись к предкам девяти шаманов; Кисинчэ является следом за ним; Кисинчэ и Баабыр жалуются, их взвешивают, оба они оказываются равны; их направляют в нижнюю страну; шаманы спускаются вниз и бодаются на железном мосту над огненным морем, превратившись в пауков; через три года оба срываются; Баабыр, воспитывавшийся немного у шаманки Алысардаах, начинает просить её о помощи; шаманка превращается в небесного голубя, прилетает и хватает когтями шамана Баабыра, уносит и отпускает его на свою землю [Эргис 1960: 264-267 (текст № 184)].

Эвены (р. Молонда, Колыма): сильный и старый шаман встречает скитающегося мальчика-сироту; шаман задаёт ему вопросы, предполагает, что мальчик шаман, и хочет его убить; ребёнок соглашается и идёт вместе с шаманом к нему домой; там шаман ставит тарелку перед мальчиком и объявляет о начале шаманского поединка; шаман ударяет в ладоши, плюёт на тарелку, на которой из слюны появляется медведь размером с вошь; мальчик чешет голову, не зная, что делать; на тарелку случайно падает настоящая вошь, между ней и медведем начинается поединок, который длится целый день; вошь начинает душить медведя, шаман умоляет прекратить борьбу, но мальчик не соглашается; в итоге вошь задушила медведя и как только это произошло, шаман умер; мальчик взял его жену и все его богатства [Vogoras 1918: 35-36].

Х.3. БИТВА ДУХОВ.

Поединок между шаманами либо между шаманом и духом болезни происходит в форме сражения двух войск: духов-помощника шамана и духов его противника.

Сымские эвенки [Василевич 1936: 90 (текст 72)], прибайкальские буряты [Пурбуева 2009: 255], нанайцы [Лопатин 1922: 327-328].

Сымские эвенки: Молькон нашёл маленького ребёнка и вырастил его; Арка стал шаманом; он состязался с другим шаманом; разожгли большой огонь и начали камлать; другой шаман сжёг своих духов, проиграл и улетел; Арка стал значительно сильнее; он пошёл к другому шаману, который предложил померяться силами; развели большой костёр, у обоих шаманов выросли рога, началась схватка, в которой победил Арка; духи Арка стали сильнее; затем Арка встретился с третьим шаманом; они начали драться на льду, на реке; противник прострелил Арка лоб насквозь; Арка вытер лоб, рана исчезла; пятьдесят мечников Арка бились с пятьюдесятью мечниками другого шамана; Арка победил и убил всех из рода проигравшего [Василевич 1936: 90 (текст 72)].

Прибайкальские буряты: шаман из Тарасы Федот поехал с земляком на свадьбу в Обусу, где вел себя вызывающе и, поссорившись с местным шаманом, был побежден им; вот какие события происходили в тот момент: «Духовный отец ... начал призывать своих предков монгольских шаманов. ... Над головой духовного отца жениха горело синее пламя, изо рта вылетали огоньки, свистели стрелы, бой бубнов, лязг оружий. ... Федот ... не доехал до дома, умер на хребте» [Пурбуева 2009: 255].

Нанайцы: сначала в гольдскую землю пришли помощницы оспы; могучий шаман созвал своих *сеонов* и вместе с ними прогнал помощниц Даяну, а некоторых убил; скоро явилась сама Даяну со множеством помощниц и с большим войском; шаман не испугался, ещё сильнее забил в свой бубен и продолжал плясать; скоро он закачался на ногах и упал; собравшимся гольдам шаман сказал, что умирает, так как не успел созвать всех *сеонов*; шаман велел не зарывать его в землю, а положить сверху и рядом повесить бубен и весь его наряд; шаман предупредил, что через 9 дней люди услышат ночью звон бубна, и он оживёт; при этом шаман попросил не выпускать собак и не ходить в лес к нему; шаман пообещал, что когда он оживёт, то созовёт всех своих сеонов и прогонит или убьёт Даяну; у шамана

был брат, который очень любил его жену; как только брат услышал звон бубна, он схватил *гиду*, побежал в лес и заколол там шамана; шаман перевернулся и умер окончательно; Даяну до сих пор свирепствует, где хочет, и нет теперь ни одного шамана, который бы осмелился сразиться с нею [Лопатин 1922: 327-328].

Х.4. БОРЬБА ЖИВОТНЫХ.

Два шамана либо шамана и дух болезни сражаются друг с другом в виде животных (иногда, превращение бывает неполным).

Лесные ненцы [Турутина 2000], сымские эвенки [Василевич 1936: 90 (текст 72)], хакасы [Бутанаева 2007: 112], северные [Эргис 1960: 302 (текст № 200)], вилюйские [Ксенофонтов 1992а: 85-86] и центральные [Эргис 1960: 264-267 (текст № 184); Ксенофонтов 1992а: 81-83, 87] якуты. Ср. у долган [Попов 1937: 59-62] и эвенов [Vogoras 1918: 35-36].

Лесные ненцы: жили по речке два шамана, Ваханде и Нойсама, один выше по течению, другой ниже; дети шаманов стали уговаривать их побороться, чтобы выяснить, кто сильнее; отцы сначала отказывались, но в итоге дети их поссорили; во сне Ваханде пришёл к Нойсама и назначил место борьбы – речную песчаную косу между стойбищами; Нойсама проснулся и рассказал сон детям; в день встречи дети пришли на песчаную косу и стали ждать; со стороны чума Ваханде прибежал баран с загнутыми рогами; от стада Нойсамы отделился большой олень и побежал в сторону барана; они бросились друг на друга; борьба шла долго, к утру баран упал, со всех боков льётся кровь; раненный баран побежал в сторону чума; испуганные дети побежали по своим домам; дети Вахонде увидели израненного отца, лежащего на постели, и сказали: «Там олень забодал барана»; Ваханде ответил: «Вы этого сами хотели»; через некоторое время он умер; когда дети Нойсамы прибежали, то увидели своего отца ослабленным; они стали рассказывать о случившемся: «Отец, там олень барана убил, а сам ушел весь раненный в лес»; Нойсама сказал: «Вы этого хотели сами»; утром родственники Вахонде похоронили его и перекочевали на новое место; Нойсама тоже собрал вещи и переехал подальше от этого места; потом Нойсама сказал детям: «Я скоро умру. Баран нанес мне смертельные раны. Хоть он был и маленьким, но рога у него были острыми. Я очень вас прошу перед своей смертью, никогда не шутите с шаманами. Не пользуйтесь ради своей забавы шаманской силой. Эта сила дана

нести добро людям, лечить, а не воевать. Мы жили дружно, но ради вашей прихоти, мы поссорились»; через месяц Нойсама умер [Турутина 2000].

Сымские эвенки: Молькон нашёл маленького ребёнка и вырастил его; Арка стал шаманом; он состязался с другим шаманом; разожгли большой огонь и начали камлать; другой шаман сжёг своих духов, проиграл и улетел; Арка стал значительно сильнее; он пошёл к другому шаману, который предложил померяться силами; развели большой костёр, у обоих шаманов выросли рога, началась схватка, в которой победил Арка; духи Арка стали сильнее; затем Арка встретился с третьим шаманом; они начали драться на льду, на реке; противник прострелил Арка лоб насквозь; Арка вытер лоб, рана исчезла; пятьдесят мечников Арка бились с пятьюдесятью мечниками другого шамана; Арка победил и убил всех из рода проигравшего [Василевич 1936: 90 (текст 72)].

Хакасы: камы в момент битв с другими шаманами могли превращаться в зверей, в птиц, в рыб и даже в насекомых [Бутанаева 2007: 112].

Северные якуты (с. Крест-Майор): появляется оспа; шаман Саргыл прячет всю свою семью и готовится бодаться с быком оспы; шаман встречает духа оспы около Ойусардааха, они бодаются, но силы сначала оказываются равными; дух оспы не бодается вторично и возвращается обратно; на горе Кэлээдин шаман настораживает самострел на духа оспы [Эргис 1960: 302 (текст № 200)].

Виллюйские якуты (селение Нюрба): младший из двух братьев-шаманов заболел оспой; старший брат начал камлать над больным; младший брат предупредил, что не стоит вступать в состязание с духом оспы; старший брат его не послушался и стал бодаться; прежде чем выйти на борьбу с духом оспы, шаман запретил жене выглядывать на двор; услышав голоса борющихся, жена не выдержала и нарушила запрет; на дворе она увидела двух бодающихся быков; когда женщина выглянула за дверь, муж чуть повернул свою голову, чтобы взглянуть на неё; в это время противник проткнул его рогами; спустя несколько дней шаман умер; в результате оспа истребила весь род кроме двоих человек, которых спас младший шаман [Ксенофонтов 1992а: 85-86].

Виллюйские якуты (Верхне-Виллюйский улус): шаман Бодонгкос рассказывал, как он бодался с духом оспы, приняв вид быка; шаман проиграл из-за своей жены, которая

открыла двери юрты и выглянула, чтобы взглянуть на противников; противоборство шамана разгневало оспу – из его семьи погибло семь человек [Ксенофонтов 1992а: 86].

Центральные якуты (о-в Тоён-Арыы, р. Лена = 1-й Мальжегарский наслег Западно-Кангаласского улуса): два брата-шамана, боясь приближающейся с юга оспы, бежали в горы вместе со скотом; с их табора убежала одна кобылица; Джаанай велел младшему брату пригнать её обратно; младший брат вскочил на коня и отправился в путь; он доехал до того места, где они стояли табором в предыдущий день, и увидел кобылицу, которая лизала пепел с потухшего костра; подойдя к кобылице, шаман ударил её таловым прутом, после чего она превратилась в пороза с особой отметиной на лбу; пороз ударом своих рогов распорол живот шаману; он, упав навзничь, засунул себе вывалившиеся кишки обратно в живот, плюнул на руку и залечил рану; шаман приехал к брату, сказал, что оспа убила его, и умер; старший брат превратился в быка и побежал; встретившись с духом оспы, он условился с ним о месте борьбы; в этой борьбе бык-шаман вышел победителем; оспа дала обязательство, скреплённое кровью, что не будет бывать у потомков шамана, что его наслег будет жить в течение девяти поколений без болезней [Ксенофонтов 1992а: 81-82].

Центральные якуты (Мытахский наслег Западно-Кангаласского улуса): шаман Наачабыл и оспа бодались, превратившись в быков; силы оказались равными и противники разошлись, заключив договор больше не встречаться; оспа дала подписку никогда не бывать среди потомков шамана [Ксенофонтов 1992а: 87].

Центральные якуты (о-в Тоён-Арыы, р. Лена = 1-й Мальжегарский наслег Западно-Кангаласского улуса): шаман Джаанай совершил камлание и направился к своему отцу, сыну Хаара-Суоруна; шаман выпросил коня, при этом отец выдвинул требование: шаман должен приехать к нему навсегда, как только коню исполнится девять лет; когда конь достиг восьмилетнего возраста, шаман заколол его на пищу, а отцу сказал, что конь украден; шаману вновь дали коня с требованием – прибыть на нём, когда исполнится восемь лет; этого коня, доведя до семилетнего возраста, шаман тоже съел; затем он начал камлать, но когда оставалось пройти три *олох*, шамана прогнали обратно; ему дали нового коня, которого нужно было довести до трёх лет; за год до окончания срока шаман его съел; после этого шаман долго жил, постарел и обессилел; шаман погиб во время поединка – он и его брат бодались, превратившись в порозов [Ксенофонтов 1992а: 82-83].

Центральные якуты (2-й Легейский наслег Усть-Алданского р-на): шаман Адагалаах имеет обыкновение состязаться с другими шаманами; на гору Ытык Хайа прилетает шаман Кисинчэ, превратившийся в птицу; он ест траву с другого берега; шаман Адагалаах видит это и бросает в него железную острогу; Кисинчэ замечает острогу и взлетает ввысь; острогой срезает лишь одно перо с крыла; шаман Кисинчэ исчезает; спустя девять суток шаман Адагалаах выезжает на гору на быке; над рекой поднимается пурга; Адагалаах снимает ярмо с быка, в это время Кисинчэ бросает в него острогу, которая срезает спинной мозг, убивает Адагалааха и быка; пурга длится трое суток, после её окончания жители наслега находят Адагалааха и хоронят его; сын Адагалааха, не достигший законного возраста, имеет склонность стать шаманом; он камлает, но не может дойти до трижды девятого *олоха*; юноша превращается в сокола, поднимается только на шестой *олох* и смотрит оттуда на средний мир; юноша узнаёт, что его отца убил шаман Кисинчэ; достигнув совершеннолетия, юноша превращается в сокола и прилетает на местожительство Кисинчэ; его не оказалось дома; юноша превращается в кошку, ложится у подножия берёзы по левой стороне дома; увидев в загоне два стада коров, он бросает острогу; появляются люди в белых одеждах с длинными палками в руках; эти духи-покровители скота запрещают сыну Адагалааха убивать коров; юноша продолжает ждать, убивает собаку, вышедшую из дома; жена шаман Кисинчэ запирает дом; юноша убивает вышедших из дома ребёнка и беременную женщину, а также подъехавшего с возом мяса старика и его быка; вечером возвращается Кисинчэ на коне; Кисинчэ, заехав на свою поляну, кидает искры из глаз и узнаёт о присутствии шамана; Кисинчэ подъезжает к коновязи и слезает с коня, юноша кидает в него острогу; Кисинчэ отбрасывает её в сторону рукой и начинает привязывать коня; юноша вновь бросает острогу, Кисинчэ отбрасывает её в сторону; то же самое повторяется, когда Кисинчэ заходит в дом; Кисинчэ заставляет жену отлить в огонь верхний слой супа из конины, после этого из огня вылетает ястреб; юноша убегает, ястреб гоняется за ним девять лет; за это время юноша проходит между мизинцем и кольцом человека и через трубчатый стебель травы; за это время шаман Баабыр достигает совершеннолетия, прячется, спустившись к предкам девяти шаманов; Кисинчэ является следом за ним; Кисинчэ и Баабыр жалуются, их взвешивают, оба они оказываются равны; их направляют в нижнюю страну; шаманы спускаются вниз и бодаются на железном мосту над огненным морем, превратившись в пауков; через три года оба срываются; Баабыр, воспитывавшийся немного у шаманки Алысардаах, начинает просить её о помощи; шаманка превращается в небесного голубя, прилетает и хватается когтями шамана Баабыра, уносит и отпускает его на свою землю [Эргис 1960: 264-267 (текст № 184)].

Ср. **долганы**: кочевали старший удалец и младший удалец, который желал жену первого; когда они приехали к кочевникам, младший удалец пошёл в чум, где камлал шаман; удалец оскорбляет шамана, тот говорит, что удальцу предстоит опасная встреча с привязанным к трём лиственницам медведем; удальцы откочевали; младший удалец, сделав из гнилого дерева медведя, выпустил его вперед; медведь превратился в большого зверя, удалец пристрелил его из лука; затем, продолжая ехать, удалец сделал из дерева орла, который улетает и садится на дерево; удалец пристрелил и его; после этого удалец сделал и убил сокола; по дороге повстречался большой медведь, привязанный цепями к трём лиственницам; увидев людей, медведь разорвал цепи и пошёл на них; младший удалец хотел выстрелить из лука, но старший обсмеял его; младший удалец убил медведя краем ладони; затем он поехал на то место, где камлал шаман; там уже давно сделали для шамана гроб; спустя несколько лет удальцы остановились около одного стойбища; старший удалец зашёл в чум, в котором камлал шаман; шаман сказал, что удалец встретит медведя, от которого, возможно, погибнет; шаман предупредил, что если удалец его убьёт, то через три года он придёт и съест удальца; удальцы встретили медведя, старший убил его краем ладони; младший удалец вернулся к тому шаману; ему уже делали гроб, но он был ещё жив; младшему удальцу шаман пообещал, что придёт через три года и съест старшего удальца; через три года послышались громкие звуки бубна, младший шаман поехал к соседям и увидел умершего три года назад шамана, который сказал, что придёт ночью к старшему удальцу; младший удалец передал старшему слова шамана и пообещал помочь; утром младший удалец обнаружил, что его соседа нет в чуме; умирающего соседа нашли на улице, он рассказал, что его забодали рогами двое мать-зверей, и велел младшему удальцу взять его жену; воскресший шаман тоже умер, так как погибший удалец ножом поранил настоящих мать-зверей; противники шаманов делали из дерева медведя, птиц и, внедрив туда духов шамана, убивали их; в старину духи шаманов ходили открыто, но из-за того, что человек умел побеждать их, стали невидимыми [Попов 1937: 59-62].

Ср. **эвены** (р. Молонда, Колыма): сильный и старый шаман встречает скитающегося мальчика-сироту; шаман задаёт ему вопросы, предполагает, что мальчик шаман, и хочет его убить; ребёнок соглашается и идёт вместе с шаманом к нему домой; там шаман ставит тарелку перед мальчиком и объявляет о начале шаманского поединка; шаман ударяет в ладоши, плюёт на тарелку, на которой из слюны появляется медведь размером с вошь; мальчик чешет голову, не зная, что делать; на тарелку случайно падает настоящая вошь,

между ней и медведем начинается поединок, который длится целый день; вошь начинает душить медведя, шаман умоляет прекратить борьбу, но мальчик не соглашается; в итоге вошь задушила медведя и как только это произошло, шаман умер; мальчик взял его жену и все его богатства [Vogoras 1918: 35-36].

Х.5. ВРЕД ИЗНУТРИ.

Шаман или дух болезни стремятся быть проглоченными шаманом-противником, чтобы нанести последнему вред изнутри; это удаётся не всегда.

«Абаканские татары» [Катанов 1907: 449-451 (текст 438)], хакасы [Кузнецова-Ярилова 1909: 141-142 (текст I)], тувинцы [Кенин-Лопсан 1987: 37-38], илимпийские эвенки [АЛАЛС], вилюйские якуты [Эргис 1960: 297-301 (текст № 198)].

Хакасы (качинцы): шаманка прилетела к пьяному шаману Джалбаку и, превратившись в муху, села у трубы его юрты; Джалбак держал в руке чашку вина и говорил, что ощущает дух этой шаманки; он выпил вино, а шаманка успела превратиться в пылинку и опуститься в чашку; Джалбаг проглотил шаманку и сразу это понял; он начал призывать своих духов, но они не могли попасть к нему, так как шаманка заранее устала всю юрту своими; сама же она крутила у него внутри сердце; духу, который помогал держать шаману бубен, удалось из-под низа юрты пробиться сквозь духов шаманки и вместе с шаманом ухватиться за бубен; вслед за ним ворвались и остальные; Джалбак ударил себя бубном по животу и шаманка выскочила у него изо рта, превратившись в голубого горностая; Джалбак погнал её вниз по р. Тубе; шаманка спряталась за овцу, которую какой-то человек хотел принести в жертву; шаман несколько раз прокричал человеку, чтобы тот отошёл; человек спрятался в кустах; шаман сказал ему, чтобы он не боялся и что шаманка ушла; человек посмотрел вокруг себя, никого не видно, но словно кто пронёсся по воздуху; шаманка превратилась в щуку и нырнула в воду; Джалбак превратился в ворона, полетел над водой, не отстаёт от шаманки; она доплыла до дома, деваться некуда, пришла к себе в человеческом виде и отдала Джалбаку вместо себя душу своей единственной дочери; шаман взял её и вернулся на Тубу; дочь шаманки умерла [Кузнецова-Ярилова 1909: 141-142 (текст I)].

Тувинцы (Тес-Хемский р-н): шаман родом с р. Хемчик камлал в юрте больного на берегу р. Элегест, куда явился шаман Оюн Хам-оол из Тес-Хема; хемчикский шаман был «людоедом» – он «пожирал» людей, которые становились его врагами; увидев его, Оюн Хам-оол перевоплотился в шамана с тремя глазами; третьим, скрытым, глазом он увидел в чаше с *араккой*, которую ему предложил хемчикский шаман, чёрных червяков, отказался от угощения и тем спас свою жизнь; все говорили, что на территории Тес-Хема нет такого сильного шамана, как Оюн Хам-оол с тремя глазами [Кенин-Лопсан 1987: 37-38].

Илимпейские эвенки (п. Эконда Эвенкийского муниципального р-на Красноярского края): две болезни направляются в две деревни, чтобы всех убить; одна говорит, что как иголка от лиственницы упадёт местному шаману в ложку, когда он будет есть; шаман предупреждает семью, чтобы зарезали жирного оленя и сделали из шкуры большой мешок; мешок сделали, оленя сварили и начали есть; в ложку шамана упала иголочка, он быстро вылил её в мешок, завязал его и пришёл в чум; там шаман повесил мешок на жердь, которая над костром, и стал сидеть; мешок надулся, шаман начал его колотить, мешок сдулся; потом всё повторяется; шаман колотит мешок и говорит, придёшь ли ещё сюда; из мешка донеслось: «Сюда не приду»; мешок сдулся, как пустой стал, шаман унёс его в какие-то земли и бросил [АЛАИС: Удыгир Виктор Николаевич, 08.08.07, текст на эвенкийском языке, зап. О.А. Казакевич].

Вилуйские якуты (Тылгынинский наслег Вилуйского р-на): духи оспы, семь сестёр, приходят в Мастахский улус и пляшут посередине озера; услышав это, шаман Суор Уола превращается в дым и улетает в небо; затем он оборачивается в русскую иголку, прячется в щели дерева и подслушивает разговор сестёр; семь девушек-стерхов распределяют между собой кому куда идти; никто из сестёр не хочет оставаться в Мастахском улусе, опасаясь шамана; в итоге решают оставить старшую сестру и советуют убить шамана следующим образом: оборотившись в огонь, упасть в кашу, которую он ест; сёстры превращаются в туман и исчезают; шаман отправляется домой и просит домочадцев сварить большой котёл *саламаату*; домочадцы выполняют просьбу, когда они собираются снять котёл, на *саламаат* падает уголь величиной с человеческий глаз; шаман вскакивает, хватается за уголь и опускает его в бутылку; заткнув бутылку, шаман кладёт её в железную бочку и, вырубив прорубь, топит в воде; бочку шаман обматывает верёвкой, конец которой привязывает к палке на краю проруби; оспа распространяется по всей земле за исключением Мастахского улуса; когда шаман вновь слышит песни и танцы сестёр, он бежит к проруби, достаёт

бутылку и отправляется к берегу озера; шаман открывает бутылку, находившийся в ней уголь превращается в синее пламя и исчезает; бутылку шаман разбивает о землю, а сам, превратившись в русскую иголку, прячется в щели на берегу озера; к девушкам приходит их исхудавшая старшая сестра, которая рассказывает, что с ней сделал шаман; сёстры танцуют и расходятся; прибыв домой, шаман рассказывает своему народу о том, как он победил оспу; перед смертью шаман завещает похоронить его таким образом, чтобы голова и руки находились над землёй, при этом в руках должны быть бубен и колотушка; люди выполняют его завещание [Эргис 1960: 297-301 (текст № 198)].

Х.6. ГНИЛОЕ ДЕРЕВО.

В борьбе с шаманами и болезнями используются сделанные из гнилого дерева фигуры животных.

Долганы [Попов 1937: 59-62], северные якуты [Гурвич 1974: 262-263].

Долганы: кочевали старший удалец и младший удалец, который желал жену первого; когда они приехали к кочевникам, младший удалец пошёл в чум, где камлал шаман; удалец оскорбляет шамана, тот говорит, что удальцу предстоит опасная встреча с привязанным к трём лиственницам медведем; удальцы откочевали; младший удалец, сделав из гнилого дерева медведя, выпустил его вперед; медведь превратился в большого зверя, удалец пристрелил его из лука; затем, продолжая ехать, удалец сделал из дерева орла, который улетает и садится на дерево; удалец пристрелил и его; после этого удалец сделал и убил сокола; по дороге повстречался большой медведь, привязанный цепями к трём лиственницам; увидев людей, медведь разорвал цепи и пошёл на них; младший удалец хотел выстрелить из лука, но старший обсмеял его; младший удалец убил медведя краем ладони; затем он поехал на то место, где камлал шаман; там уже давно сделали для шаман гроб; спустя несколько лет удальцы остановились около одного стойбища; старший удалец зашёл в чум, в котором камлал шаман; шаман сказал, что удалец встретит медведя, от которого, возможно, погибнет; шаман предупредил, что если удалец его убьёт, то через три года он придёт и съест удальца; удальцы встретили медведя, старший убил его краем ладони; младший удалец вернулся к тому шаману; ему уже делали гроб, но он был ещё жив; младшему удальцу шаман пообещал, что придёт через три года и съест старшего

удальца; через три года послышались громкие звуки бубна, младший шаман поехал к соседям и увидел умершего три года назад шамана, который сказал, что придёт ночью к старшему удалцу; младший удалец передал старшему слова шамана и пообещал помочь; утром младший удалец обнаружил, что его соседа нет в чуме; умирающего соседа нашли на улице, он рассказал, что его забодали рогами двое мать-зверей, и велел младшему удалцу взять его жену; воскресший шаман тоже умер, так как погибший удалец ножом поранил настоящих мать-зверей; противники шаманов делали из дерева медведя, птиц и, внедрив туда духов шамана, убивали их; в старину духи шаманов ходили открыто, но из-за того, что человек умел побеждать их, стали невидимыми [Попов 1937: 59-62].

Северные (верхоянские) якуты (местность Сохсолох Верхоянского р-на): в местности Кюп жила предок местных кюпцев Батыкаан; из Якутска пришла оспа; девять шаманов и семь шаманок камлали, пытались прогнать оспу на восток, но не смогли; они сделали большого белого быка из гнилого дерева и привязали его к столбу; бык вырос, стал огромным; шаманы тоже превратились в быков; девочек Батыкаан сказали: «Когда гнилой бык превратится в живого, обростёт шерстью и начнёт мычать, обрежь верёвку»; Батыкаан испугалась, не отрезала; семь шаманов и шаманок погибли, раздавили лёд на озере; если бы девочка разрежала верёвку, оспа вселилась бы в гнилого быка; тогда бы её выгнали из среднего мира; с тех пор пошли эпидемии; Батыкаан выросла, разбогатела; когда стала стареть, часто уходила горы и превращалась в медведицу; однажды её встретили и убили эвены; когда стали разделывать, под шкурой у неё оказались браслет и серьги; частицы разрезанного мяса превратились в ворон и улетели; через семь суток эти эвены вымерли [Гурвич 1974: 262-263].

Х.7. Ловушка для духа.

Противодействуя духу, шаман обездвиживает его, помещает с помощью силы или хитрости в некоторую ёмкость.

Хакасы [Бурнаков 2007: 102; Бутанаева 2007: 111], прибайкальские буряты [Затопляев 1890: 3; Михайлов 1996: 75-77; Жамцарано 2001: 64], илимпийские эвенки [АЛАИС], якуты [Виташевский 1890: 40-48; Эргис 1960: 297-301 (текст № 198)]. Ср. чукчи [Bogoras 1910: 100-107], нивхи [Крейнович 1973: 451].

Хакасы: великий шаман Аралай Тайдонов, живший в аале Сеектиг, во время камлания летал на берестяной лодке; у него имелся шаманский костюм, но камлал он *орбою*, без бубна; из-за того, что у него умирали дети, Аралай решил переселиться в другое место со своею семьёй; он посадил домочадцев в берестяную лодку и полетел вниз по Чёрному Июсу; когда он приземлился в устье р. Печище, то один ясновидец увидел злого духа, ехавшего вместе с семьёй Аралая, спрятавшись под разводами в его лодке; надев костюм, Аралай сумел поймать злого духа, которого отвёл на север и запер среди северных скал [Бутанаева 2007: 111].

Хакасы (Аскизский р-н): 1) чтобы избавиться от *Мусмалов*, все люди ночью собрались в одной большой юрте; ринесли воды и, слив её в огромный котёл, стали кипятить; перед входом в юрту выкопали большую глубокую яму; сверху прикрыли её шкурами; вскоре пришли *Инек-азах*; они один за другим подходили к юрте и падали в яму; собралось их там множество; никто из них не мог выбраться из ямы; люди стали заливать яму кипятком; все находящиеся там *Инек-азах* погибли; после этого камлал *Улуг хам* – сильный шаман, и всех оставшихся *Инек-азах* закрыл в горе; по словам стариков, настанет время, когда *Инек-азах* выйдут из горы; произойдёт это тогда, когда у зайцев на ушах исчезнет белый пушок, и из горы выйдет шаман из рода Сарыг, вместе с которым выйдут и *Инек-азах*; 2) Бог закрыл *Мусмалов*, других *айна* и духов-помощников шаманов в горе; они там будут находиться до судного дня (текст записан от шаманки) [Бурнаков 2007: 102].

Прибайкальские (аларские) буряты: Саган-бо сидел на берегу реки; в это время *анахай* кривлялся на льду и показывал шаману кукиши; Саган-бо плюнул на *анахая* и попал ему под заднюю подошву ноги, которая моментально примёрзла; Саган-бо начал бить *анахая*, тот просит о пощаде и обещает не идти против воли шамана; Саган-бо отпустил *анахая*, но он поселился в доме, в котором Саган-бо был *найже*; шаман заметил *анахая* под колыбелью ребёнка и ударил саблей; *анахай* увернулся и шаман отсёк голову ребёнку; после этого шаман спал трое суток; в это время душа шамана гонялась за *анахаем*; *анахай* перехитрил шамана и укрылся под защиту своего *тенгри* [Затопляев 1890: 3].

Прибайкальские (аларские) буряты: шаман, уничтожая анахаев, загнал их в штаны Бажея Косанова (основателя Бажеевского улуса), а затем спустил их в реку [Затопляев 1890: 3].

Прибайкальские (кудинские) буряты: у Солбона заболел сын Сокто; Солбон позвал двух кудинских шаманов, Маланака и Майдара; последний был непосвящённый; шаманы прибыли на радуге на небо и выяснили, что Сокто заболел из-за единственной дочери моря; Маланак начал приносить жертву; в итоге жертва была принята и Сокто выздоровел; когда шаманы спускались обратно по радуге, небесные божества в насмешку отрубили её; шаманы стремглав полетели вниз; когда оставалось совсем немного до земли, Майдар превратился в беркута и, схватив Маланака за спину, благополучно спустился вниз; там шаманы увидели, что на дворе одного бурята совершается треба; местный шаман совершал обряд зазывания; Маланак и Майдар увидели *дахабари*, поймали её и отняли у неё душу ребёнка; шаманы закопали *дахабари* в землю; местный шаман прекратил обряд зазывания, сказав, что не может сделать так, чтобы жертва была принята, после этого вся толпа ушла в юрту; Маланак и Майдар сделались невидимыми и зашли в юрту, к которой оказалось много шаманов; Майдар надел на голову худшего шамана обруч, а Маланак хлестнул шамана пламенем; шаман упал, затем начал камлать, приговаривая, что кудинские белые ребята молодцы; Маланак и Майдар проделали это над всеми остальными шаманами; потом Маланак и Майдар прекратили быть невидимыми и рассказали о *дахабари*; шаманов приняли с подобающей честью, Маланак принёс жертвоприношение своим родовым шаманам Ардайским [Михайлов 1996: 75-77].

Прибайкальские буряты (Алагуй): великий шаман Гавани Хубун Барлаг поймал в местности Хажин Хара *боомо*, привязал к своим *торокам* и два дня пьянствовал по улусам; *боомо* дал клятву не вредить одноулусникам шамана [Жамцарано 2001: 64].

Илимпейские эвенки (п. Эконда Эвенкийского муниципального р-на Красноярского края): две болезни направляются в две деревни, чтобы всех убить; одна говорит, что как иголка от лиственницы упадёт местному шаману в ложку, когда он будет есть; шаман предупреждает семью, чтобы зарезали жирного оленя и сделали из шкуры большой мешок; мешок сделали, оленя сварили и начали есть; в ложку шамана упала иголочка, он быстро вылил её в мешок, завязал его и пришёл в чум; там шаман повесил мешок на жердь, которая над костром, и стал сидеть; мешок надулся, шаман начал его колотить, мешок сдулся; потом всё повторяется; шаман колотит мешок и говорит, придёшь ли ещё сюда; из мешка донеслось: «Сюда не приду»; мешок сдулся, как пустой стал, шаман унёс его в

какие-то земли и бросил [АЛАЛС: Удыгир Виктор Николаевич, 08.08.07, текст на эвенкийском языке, зап. О.А. Казакевич].

Виллюйские якуты (Тылгынинский наслег Виллюйского р-на): духи оспы, семь сестёр, приходят в Мастахский улус и пляшут посередине озера; услышав это, шаман Суор Уола превращается в дым и улетает в небо; затем он оборачивается в русскую иголку, прячется в щели дерева и подслушивает разговор сестёр; семь девушек-стерхов распределяют между собой кому куда идти; никто из сестёр не хочет оставаться в Мастахском улусе, опасаясь шамана; в итоге решают оставить старшую сестру и советуют убить шамана следующим образом: оборотившись в огонь, упасть в кашу, которую он ест; сёстры превращаются в туман и исчезают; шаман отправляется домой и просит домочадцев сварить большой котёл *саламаату*; домочадцы выполняют просьбу, когда они собираются снять котёл, на *саламаат* падает уголь величиной с человеческий глаз; шаман вскакивает, хватается уголь и опускает его в бутылку; заткнув бутылку, шаман кладёт её в железную бочку и, вырубив прорубь, топит в воде; бочку шаман обматывает верёвкой, конец которой привязывает к палке на краю проруби; оспа распространяется по всей земле за исключением Мастахского улуса; когда шаман вновь слышит песни и танцы сестёр, он бежит к проруби, достаёт бутылку и отправляется к берегу озера; шаман открывает бутылку, находившийся в ней уголь превращается в синее пламя и исчезает; бутылку шаман разбивает о землю, а сам, превратившись в русскую иголку, прячется в щели на берегу озера; к девушкам приходит их исхудавшая старшая сестра, которая рассказывает, что с ней сделал шаман; сёстры танцуют и расходятся; прибыв домой, шаман рассказывает своему народу о том, как он победил оспу; перед смертью шаман завещает похоронить его таким образом, чтобы голова и руки находились над землёй, при этом в руках должны быть бубен и колотушка; люди выполняют его завещание [Эргис 1960: 297-301 (текст № 198)].

Ср. **чукчи** (Mariinsky Post): в деревне жили два шамана, Теҥququ'ñi и Riḡowa'li; враждебные Re'kkeñ остановились около деревни; вечером в деревне все смеялись; посреди ночи Riḡowa'li попросил всех замолчать и ушёл; Riḡowa'li увидел поблизости врагов, разбивающих лагерь, и вернулся назад в деревню; он пошёл к Теҥququ'ñi и рассказал ему о Re'kkeñ; шаманы надели свои костюмы и пошли в лагерь врагов; там на санках сидел старый мужчина ke'le; шаманы встали напротив него, однако он ничего не видел; старый мужчина торопил своих людей, говорил, что они должны привезти отсюда еду; затем велел принести гадательный камень, который оказался человеческим черепом; старик начал

гадать, а шаманы продолжали наблюдать; старик попытался подвинуть череп свои посохом, но череп остался недвижимым; старик сказал, что не удастся предсказать, как добыть продовольствие, и предположил, что в деревне есть воины; шаманы направили на старика свои посохи, после чего он вскочил, почувствовав боль; старик оказался при смерти, а шаманы договорились между собой убить всех; Rīgowa'łi перед своей кончиной пообещал своим ke'le принести в жертву собаку, Teŋququ'ñi не пообещал ничего; Teŋququ'ñi бил людей-ke'le посохом; они пустились в бегство; земля вокруг стала подобной воде и развёрзлась; шаманы исчезли под землёй; Teŋququ'ñi застрял в земле по пояс и не мог самостоятельно выбраться, потому что ничего не пообещал своим духам; Teŋququ'ñi попросил Rīgowa'łi о помощи и дал слово отдать ему рубашку из кожи оленя, ремень из тюленьей шкуры и белую собаку; после этого Rīgowa'łi начал петь и вскоре к нему пришли духи моржей; Rīgowa'łi продолжил петь, из земли появились несколько моржей, которые помогли Teŋququ'ñi освободиться; шаманы вернулись в деревню, Teŋququ'ñi выполнил своё обещание; верхом на оленях приехали двое ke'le, чтобы убить шаманов; это были Кашель и Насморк; шаманы вышли из чума и прижались к земле; Кашель и Насморк приблизились к чуму, но не решились зайти и убежали; затем всё повторилось; в следующий раз они подошли ближе и оказались около самого входа; Насморк зашёл внутрь, там его поймали шаманы; услышав вопли Насморка, Кашель убежал; когда шаманы решили убить Насморк, он рассказал им всё про себя и своего спутника, а также пообещал отдать собаку; Rīgowa'łi проводил Насморк до его санок, они поехали к нему домой, около дома была привязана собака; Насморк спросил, нет ли у Rīgowa'łi собаки, и сказал, что шаман получит обещанного пса от неё; после возвращения шамана домой, собака забеременела и родила четверых щенят; один из них оказался псом, увиденным около дома Насморка; ночью пришли ke'le и сделали ловушку около чума Rīgowa'łi; ke'le начали поднимать стенки чума своими дорожными посохами, но собака подняла лай; тогда ke'le выпустили свою собаку; собака шамана вбежала в дом, схватила своего хозяина и вынесла его наружу; шаман проснулся и убил множество ke'le; затем шаман уехал к соседям на санках с собаками, одну из которых он оставил своей жене; после захода солнца пришёл ke'le; когда он приблизился к входу, собака залаяла; ke'le попробовал снова, после чего собака забежала внутрь дома, сказала женщине, чтобы та была готова запрячь её и взять ребёнка; ke'le не испугался лая собаки, поэтому женщина запрягла её и они помчались на восток; ke'le зашёл в дом и остался в нём; шаман возвратился домой, недалеко от входа три его собаки стали валяться на земле и перестали подчиняться; шаман убивает одну из собак и впрягается в упряжку вместо неё; через

несколько шагов две остальные собаки снова легли на землю; шаман догадался, что в доме *ke'le*; шаман зашёл в дом, *ke'le*, спрятавшийся на спальном месте, выглянул из-под покрывала; один из его глаз светился как лампа; шаман ударил ножом по этому глазу и отрезал его; *ke'le* выскочил наружу и посмотрел назад, после этого дом стал каменным; шаман нашёл свою жену по следам; они вернулись в каменный дом, который после камлания шамана стал прежним [Bogoras 1910: 100-107].

Ср. **нивхи**: шаман Итызан пытался через второстепенных духов-помощников найти злого духа, который унёс кровь одного мальчика, вследствие чего тот заболел; шаману это не удалось; он вызвал свою главную помощницу – женщину с четырьмя грудями; она отыскала нужного духа, но отнять у него кровь не смогла; женщина выжала из своей левой груди молоко в чашку; когда злой дух кинулся пить его, она схватила кровь мальчика, принесла её больному и он ожил; у этой женщины молоко каждой груди предназначено для кормления определённого вида духов – помощников шамана [Крейнович 1973: 451].

Х.8. ДОГОВОР С ДУХОМ.

Итогом борьбы шамана и духа болезни становится заключение договора либо принесение клятвы о ненападении духа.

Прибайкальские буряты [Затопляев 1890: 3], якуты [Ксенофонтов 1992а: 81-82, 87; 1992б: 225, 242-244], чукчи [Bogoras 1910: 18-25].

Прибайкальские (аларские) буряты: Саган-бо сидел на берегу реки; в это время *анахай* кривлялся на льду и показывал шаману кукиши; Саган-бо плюнул на *анахая* и попал ему под заднюю подошву ноги, которая моментально примёрзла; Саган-бо начал бить *анахая*, тот просит о пощаде и обещает не идти против воли шамана; Саган-бо отпустил *анахая*, но он поселился в доме, в котором Саган-бо был *найже*; шаман заметил *анахая* под колыбелью ребёнка и ударил саблей; *анахай* увернулся и шаман отсёк голову ребёнку; после этого шаман спал трое суток; в это время душа шамана гонялась за *анахаем*; *анахай* перехитрил шамана и укрылся под защиту своего *тенгри* [Затопляев 1890: 3].

Прибайкальские буряты (Алагуй): великий шаман Гавани Хубун Барлаг поймал в местности Хажин Хара боомо, привязал к своим *торокам* и два дня пьянствовал по улусам; боомо дал клятву не вредить одноулусникам шамана [Жамцарано 2001: 64].

Центральные якуты (Мытахский наслег Западно-Кангаласского улуса): шаман Наачабыл и оспа бодались, превратившись в быков; силы оказались равными и противники разошлись, заключив договор больше не встречаться; оспа дала подписку никогда не бывать среди потомков шамана [Ксенофонтов 1992а: 87].

Х.9. ШАМАНСКИЙ СОН.

Шаман действует во время сна (ведёт борьбу с духами, оказывает помощь людям, договаривается о поединке с другим шаманом и т.д.).

Лесные ненцы [Турутина 2000], долганы [Попов 1937: 64-66; 1981: 256], кеты [МЛЭ 2009], хакасы [Бутанаева 2007: 112], прибайкальские [Затопляев 1890: 3; Curtin 1909: 111-113] и забайкальские [Герасимова 1969: 127-128] буряты. Ср. у ульчей [Портнова 2008: 39].

Лесные ненцы: жили по речке два шамана, Ваханде и Нойсама, один выше по течению, другой ниже; дети шаманов стали уговаривать их побороться, чтобы выяснить, кто сильнее; отцы сначала отказывались, но в итоге дети их поссорили; во сне Ваханде пришёл к Нойсама и назначил место борьбы – речную песчаную косу между стойбищами; Нойсама проснулся и рассказал сон детям; в день встречи дети пришли на песчаную косу и стали ждать; со стороны чума Ваханде прибежал баран с загнутыми рогами; от стада Нойсамы отделился большой олень и побежал в сторону барана; они бросились друг на друга; борьба шла долго, к утру баран упал, со всех боков льётся кровь; раненный баран побежал в сторону чума; испуганные дети побежали по своим домам; дети Вахонде увидели израненного отца, лежащего на постели, и сказали: «Там олень забодал барана»; Ваханде ответил: «Вы этого сами хотели»; через некоторое время он умер; когда дети Нойсама прибежали, то увидели своего отца ослабленным; они стали рассказывать о случившемся: «Отец, там олень барана убил, а сам ушел весь раненный в лес»; Нойсама сказал: «Вы этого хотели сами»; утром родственники Вахонде похоронили его и перекочевали на новое место; Нойсама тоже собрал вещи и переехал подальше от этого места; потом Нойсама

сказал детям: «Я скоро умру. Баран нанес мне смертельные раны. Хоть он был и маленьким, но рога у него были острыми. Я очень вас прошу перед своей смертью, никогда не шутите с шаманами. Не пользуйтесь ради своей забавы шаманской силой. Эта сила дана нести добро людям, лечить, а не воевать. Мы жили дружно, но ради вашей прихоти, мы поссорились»; через месяц Нойсама умер [Турутина 2000].

Долганы: дочь старика самоеда умерла; он не стал её хоронить, а возил с собой на санях; старик просил встречных шаманов воскресить её; никто не соглашался; спустя два года после смерти дочки, старик нашёл двух шаманов, которые камлали, но ничего не могли сделать; пожалевший старика прозорливец-шаман увидел сон и рассказал старику, что те шаманы не воскресят девушку; старик пообещал прозорливцу половину своего богатства и дочь, тем самым уговорив его помочь с воскрешением; прозорливец уснул и дошёл до места болезни, затем отправился в другое место; там прозорливец встретил трёх одинаковых девушек, одна из которых была дочерью старика; у девушек жили в трёх одинаковых чумах; прозорливец по очереди переночевал в каждом из них, но так и не понял, какая из девушек дочь старика; девушки собрались втроём в одном чуме; заранее спрятавшись, там лежал прозорливец, который подслушал разговор и понял, кто дочь старика; когда девушки заснули, прозорливец унёс старикову дочку из чума; он обнял её, побежал и проснулся; его тело пребывало во сне девять дней; около костей обнаружили девушку, которая не шевелилась; прозорливец уложил её вовнутрь кости, после чего она ожила и стала дочерью старика; прозорливец взял девушку в жёны; две умершие подруги рассердились, сделали девушку шаманкой и принудили покрыть бубен кожей старухи [Попов 1937: 64-66].

Долганы: время сна считалось весьма удобным для всякого рода «консультаций» шаманов с божествами и духами и ясновидений. Если хотели, чтобы шаман увидел о ком-либо вещий сон, под подушку ему клали рубашку того человека. Когда добродетельный шаман хотел предпринять в жизни что-либо серьёзное, но не знал, будет ли оно одобрено верхними божествами, ответ на это получал от них во сне. Духи-помощники шамана часто во сне давали знать последнему, что собираются приехать за ним, чтобы везти к больному. Но интереснее всего, что долганские шаманы могли лечить также и во сне... [Попов 1981: 256].

Хакасы: в некоторых случаях шаманы не приезжали по вызову к пациентам и камлали на расстоянии, не выходя из дома. Они ложились ничком на кровать, впадая в состояние летаргического сна, из своей юрты отправляли *тёсей* на задание. Камлание продолжалось в течение трёх суток. Обычно, таким образом изгонялись злые силы. Людям слышались удары бубна среди ночного селения [Бутанаева 2007: 112].

Прибайкальские (аларские) буряты: Саган-бо сидел на берегу реки; в это время *анахай* кривлялся на льду и показывал шаману кукишы; Саган-бо плюнул на *анахая* и попал ему под заднюю подошву ноги, которая моментально примёрзла; Саган-бо начал бить *анахая*, тот просит о пощаде и обещает не идти против воли шамана; Саган-бо отпустил *анахая*, но он поселился в доме, в котором Саган-бо был *найже*; шаман заметил *анахая* под колыбелью ребёнка и ударил саблей; *анахай* увернулся и шаман отсек голову ребёнку; после этого шаман спал трое суток; в это время душа шамана гонялась за *анахаем*; *анахай* перехитрил шамана и укрылся под защиту своего *тенгри* [Затопляев 1890: 3].

Прибайкальские буряты: 75-летний шаман возвращается к себе домой из соседней деревни и встречает по дороге огромные открытые ворота; там шаман увидел триста коров, которых гнала женщина с ребёнком в руках, сидящая верхом на красном быке; затем шаман встретил мужчину, голова которого была размером со стог сена; этот мужчина ехал верхом на сером жеребце огромных размеров; шаман принял его за торговца мясом и спросил, откуда он; мужчина назвал своё имя, *Minga Nudite Milá* (Тысячеглазый), и сказал, что должен уничтожить весь скот в стране; шаман, придя домой, обнаруживает, что весь его скот погиб; рассерженный шаман отправляется за помощью к своим пятерым братьям-шаманам, но те отказывают ему; шаман вернулся домой, сделал и выпил *тарасун*, затем взял топор и положил его на свою кровать под подушку, привязал свою лошадь к столбу в юрте и лёг, предупредив жену, чтобы она не уводила лошадь из юрты и не будила его; вскоре шаман и лошадь стали выглядеть как спящие, но это были лишь их тела, в действительности шаман скакал к Ангаре; шаман поднимается на гору *Torkoi Tonkoi*, с вершины которой видит *Minga Nudite Milá*, соорудившего через реку мост; одна половина моста была из золота, другая – из серебра; *Minga Nudite Milá* начинает перегонять скот по этому мосту; шаман превращается в пчелу, уменьшает свой топор, берёт его и летит под мост; там шаман рубит топором две подпорки, после чего мост обрушивается; весь скот падает в Ангару, в том числе красный бык вместе с женщиной, сидящей на нём верхом; в реке оказывается и *Minga Milá*, и его серый жеребец, которым удалось остаться в живых;

шаман подкидывает своё шаманское кольцо к небу, из-за этого поднимается страшный ветер, свирепствовавший в течение трёх дней; Minga Milá не может выбраться из воды, его бросает из стороны в сторону; после трёх дней ветра наступают три дня, во время которых льёт сильный дождь; под конец этих шести дней у коня Minga Milá отваливаются копыта; когда шторм заканчивается, Minga Milá и его конь выбираются из воды и начинают сушиться; копыта коня появляются из реки, их приделывают обратно; рассерженный и испуганный Minga Milá клянётся, что никогда больше не появится в этой стране; шаман возвращается домой; по дороге он встречает пятерых своих братьев и рассказывает им, как был наказан Тысячеглазый; спустя год шаман по пути домой встречает людей, которые хоронят умершего ребёнка; шаман запрещает им это делать и советуют закопать вместо него козла; шаман относит ребёнка к себе домой, разогревает шесть камней докрасна, затем пляшет на них босиком и камлает до утра, до крика первого петуха; во время камлания шаман время от времени пританцовывает над мёртвым ребёнком; после этого кровь в теле ребёнка начинает двигаться, он открывает глаза, но не может говорить; на следующую ночь шаман привязывает отца и мать ребёнка к столбу юрты и снова камлает до самого утра; всё это время ребёнок лежит без движения; во время восхода солнца шаман дует на голову и ноги ребёнка, он вскочил и спросил: «Что ты делаешь, отец?»; затем шаман развязал родителей ребёнка и сказал им, что тот жив; благодарный отец предлагает шаману половину своих денег и половину скота, но шаман отказывается и соглашается в итоге на стог сена, аркан и девять копеек [Curtin 1909: 111-113].

Забайкальские (хоринские в р-не р. Кижинги) буряты: однажды кижингинский шаман Бадмаев Сэдэк, живший лет 90 тому назад, попросил не будить его, так как он будет спать семь суток; жители улуса увидели, как из *тоны* вылетел ворон, а навстречу ему с Чел саны опустился орёл – это был сам Буурал баабай [покровитель местности]; они вместе полетели на юг, в Монголию, на родину Буурал баабая; но там его уже забыли и почти перестали почитать; рассерженный холодным приёмом Буурал баабай навредил дочери одного богатого нойона, которая болела до тех пор, пока по совету одной большой шаманки не угостили сына Шэрэльжзна [Герасимова 1969: 127-128].

Ср. ульчи (с. Булава Ульчского р-на Хабаровского края): шаманка Анга, превратившись в козу, напала во сне матери на её дочь; та прогнала козу от ребёнка; на следующий день шаманка сидела с повреждениями, которые были аналогичными ранам козы во сне [Портнова 2008: 39].

Х.10. ИСПЫТАНИЕ ХОЛОДОМ.

Два шамана соревнуются в выдержке на холод. См. мотив М35 «Кто не замерзнет?» [Берёзкин 2011].

Подкаменнотунгусские эвенки [Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18)].

Подкаменнотунгусские эвенки (п. Полигус, Байкитский р-н, Эвенкийский национальный окр., Красноярский край): шаман Бакадя (*Найдёныш*) мог превращаться в духа-мэлкен (невидимку); на стойбище жил другой шаман; рано утром послышался плач ребёнка; много дней все слышали звук, но никто не видел его источник; шаман покамлял и сказал, что это не ребёнок, а шаман, превратившийся в ребёнка; шаман повёл людей искать плачущего, с собой не взяли вдовца; нашли плачущего ребёнка в люльке, которая висела на лиственнице; шаман, камлая, подпилит дерево, ребёнка взяли и унесли домой; там ему сделали колыбель; за семь дней ребёнок стал взрослым человеком и опять стал шаманить; во время камлания ему подыскали имя – Бакадя; Бакадя много лет лечил людей; зимой Бакадя поссорился с другим шаманом из-за духов-помощников; они устроили состязание: расчистили от снега лёд на реке, сели друг от друга на расстоянии слышимости звука речи, надели шаманские плащи и разговаривали между собой неделю; наступил сильный мороз; о том, что шаманы живы, сообщали колокольчики, которые брякали на их плащах; Бакадя звонил пять дней, другой шаман на пятый день перестал звонить, замёрз; Бакадя звонил ещё два дня, затем пошёл к жене; шаман сказал жене, что они оба должны превратиться в птиц и исчезнуть, так как на этом месте им жить нельзя; шаман предложил лететь на край земли, на море, при этом он велел жене не брать железные подвески на одежде; жена забыла его требование и оставила железный *игольник* в своём поясе; Бакадя полетел с женой и уронил её на землю; она пропала, а Бакадя остался *мэлкэном* [Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18)].

Х.11. ОБМЕН ПРЕДСКАЗАНИЯМИ О СМЕРТИ.

Два соперничающих шамана обмениваются предсказаниями о смерти (проклятиями?).

Прибайкальские буряты [Потанин 1883: 128].

Прибайкальские (аларские) буряты: шаманка Баир-хан поспорила с шаманом Хохор-богданом о том, чьи духи сильнее; шаман предсказал, что ей не доехать до дому, а шаманка предсказала шаману, что он по приезду домой умрёт на третий день; по пути домой шаманка повесилась; шаман доехал до дому и на третий день умер [Потанин 1883: 128].

Х.12. ВЗАИМНАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ СИЛ.

Спорящие шаманы или шаман и другой магический специалист демонстрируют свои силы, не пытаясь нанести вред противнику (пытаются вылечить быка и др.).

Северные якуты [Худяков 2002: 79]. Ср. у халха-монголов [Беннингсен 1912: 117-118] и дархатов [Неклюдов 2009: 358 (текст 7)].

Северные (верхоянские) якуты: шаман поспорил с колдуном, о том, сможет ли колдун вылечить того, кого испортил шаман; колдун связал быка и сказал шаману, чтобы тот его испортил; шаман предложил поменяться ролям; колдун плюнул быку в рот, бык упал; шаман плюнул себе в ладонь, разрезал быка ладонью посередине и вытащил из сердца лягушку; затем шаман вложил сердце обратно, плюнул на руку, потёр раны быку, после чего тот ожил; шаман достал из уха чёрный камешек, бросил быку в сердце и бык упал; колдун не смог вылечить быка [Худяков 2002: 79].

Х.13. ШАМАНСКОЕ ПРОКЛЯТИЕ.

Шаман насылает проклятие на своего противника (наносит вред, иногда смертельный, с помощью слов, заклинаний).

Долганы [Попов 1937: 58-59], тувинцы [Дьяконова 1981: 160; Кенин-Лопсан 1987: 80-81], буряты [Потанин 1883: 114; Герасимова 1969: 108-109; Михайлов 1996: 69], якуты [Эргис 1960: 251-258 (текст № 181); 259-262 (текст № 182); Балзер 1995; Худяков 2002: 145-146; Попов 2006: 412]. Ср. у чукчей [Богораз 1899].

Долганы: шаман Енмуча кочует вместе с младшим братом Сямяем; они голодали; Енмуча увидел, что его духи-вороны очень далеко над чем-то кружатся; один из воронов сообщил шаману, что он не умрёт с голоду, если пойдёт в ту сторону; Енмуча волочит по земле за санками удочку с наживкой; на удочку попала рыба, которую братья съели; но рыба была без вкуса, она была шаманским наваждением; на следующий день встречают двух оленей; братья упустили их; после неудачной погони Енмуча от досады трижды закричал, потом он нашёл погибшего оленя; Енмуча начал камлать; *айыы* гневается на шамана за то, что он, не обращаясь к нему, убил своим проклятьем оленя; кочуя, братья дошли до места, где лежало множество упавших со скал оленей; братья начали питаться этим мясом; младший брат, Сямяй, становится сильным шаманом; если у кого ломалась берцовая кость, то он вставлял оленью; у Сямяя был хороший олень-манщик, но его съел волк; вечером Сямяй помочился и трижды перепрыгнул это место, чокая губами; своего друга Бянгя шаман попросил караулить с ружьём; волк пришёл к саням, Бянгя его убил; Сямяй шаманит своему айыы; айыы гневается из-за того, что шаман, не сказав ему, убил ради своей досады; айыы обещает, что потомство шамана не разбогатеет, и ударяет его по руке; из-за этого железка над лучевой костью переломилась [Попов 1937: 58-59].

Южные тувинцы: если шаман посылал свой *хорал* на человека, а попадал в скот и тот начинал болеть, тот этот шаман уже в народе считался слабым – без хозяина (*эцин куве*) [Дьяконова 1981: 160].

Прибайкальские буряты: шаманка Асуйхан, мать шамана Андобара, нашла двух мальчиков, которые были закованы в люльках; шаманка приняла их и полюбила более родных детей; один из них, Андобара, оставил шаманку и ушёл; шаманка пошла за ним и прокляла его: «Если будешь ходить в лесу, будешь Урянха, если будешь по скалам ходить, будешь Хамногынь»; Андобара зашёл на север, там урянха угощали его головами тальменя; когда Андобара оказался у бурят, его кормили головами коз; Андобара был хорошим шаманом; он убил оленя, принадлежащего другому шаману; этот шаман погнался за Андобарой; тот, убегая, скрылся в юрте Хан-джиргай-хан-ноин-баабая; хозяин оленя стал требовать выдачи Андобары; хан сказал: «Возьми его в виде андобара»; хозяин оленя отказался и ушёл, сказав: «Если хочешь так возьми его себе»; хан сделал Андобара онгоном [Потанин 1883: 114].

Прибайкальские (тункинские) буряты: в Галбае (Тунка) представители рода хабисан делают умиловительные жертвоприношения бохолдоям из рода шошоолог; по преданию, лет 200 тому назад кто-то из хабасинского рода утопил в этой местности сына шамана из рода шошоолог; этот шаман якобы проклял весь род хабисан; поэтому хабисанцы угощают шамана и его сына, уговаривают их простить давнишнюю обиду и не вредить роду хабисан [Герасимова 1969: 108-109].

Прибайкальские (кудинские) буряты: шаман Маланак сидел со своими сородичами у дороги, по которой проезжали крестьяне с кладью; сородичи попросили шамана что-нибудь сделать с одной лошадьё; шаман своими словами поразил её; душа лошади отправилась к своему творцу Солбону и пожаловалась, что её безвременно убил шаман; разгневанный Солбон пришёл к шаману во сне и начал бить его палкой по голове; душа шамана убежала в кузницу и легла в горн; Солбон ничего не мог сделать, так как шаман имел кузнечное *утха* [Михайлов 1996: 69].

Центральные якуты (Эргисский наслег Западно-Кангаласского р-на): белый шаман Эргис камлал только на *ысыахе* и духу-хозяйке земли; когда он камлал на *ысыахе*, в небе появлялся Дьёсёгёй; во время кошения сена шаман Эргис наловил на озере Титтях девять коробов рыбы, после этого он предсказал свою скорую смерть; шаман решает перед смертью устроить будущую жизнь своих детей, он камлает три дня и три ночи до того, что борода и волосы его покрылись инеем; в итоге шаман спускается сверху с тремя пучками белых конских хвостовых волос, которые отдаёт младшему сыну; старшие сыновья завидуют младшему брату, выманивают пучки волос и делят между собой; шаман их прокликает, расселяет каждого в отдельной местности; перед смертью шаман завещает перехоронить свои кости трижды; шаман умирает и через несколько поколений является одному из эргисцев, наказывает позаботиться о своих останках; эргисцы устраивают перезахоронение; из-за отклонений от обряда впоследствии случается падёж лошадей и начинается эпидемия; Ылаар, прибывший с приисков разорившимся, пошёл на могилу шамана, забрался в амбар *лабаза* и взял лук, после чего уснул на двое суток; проснувшись, Ылаар оставляет лук и уходит с могилы; разорившийся Илья залез на могильный лабаз шамана и забрал лежавшие в котелке монеты; по дороге домой он увидел летящего старика, кинул деньги назад и убежал [Эргис 1960: 251-258 (текст № 181)].

Центральные якуты (Олбинский наслег Таттинского р-на): шаман Дойомпо, когда ему было десять лет, каждый вечер заходил в *хоттон* и исчезал там; родители искали своего сына, зажигая лучину, но не находили его; если шаман считал вознаграждение за камлание недостаточным, то выходя из дома, падал и садился на пол; в этот же день умирал один из лучших людей или пропадала лучшая скотина; каждый год шаман рожал вечером девятого января, он рожал на холме с маленьким озерцом, рожал через пуп рыбу-щуку, которую выпускал в озеро; после того, как один старик дал ему мало водки, шаман обратился в вихрь, вынул и сожрал *кут* его единственной дочери; ребёнок начинает болеть, старик просит о помощи Дойомпо, но тот отказывается; старик обращается к приёмному отцу своей дочери, который идёт к Дойомпо и угрозами заставляет его прийти к больному ребёнку; увидев шамана, девочка требует увести его прочь; Дойомпо отводят в соседний дом, где он начинает камлать; шаман заявляет, что дух не поддался ему и уходит домой; ребёнок умирает; шаман ссорится с богачом и в течение трёх лет пытается его съесть, но *кут* богача убежал от него в дом солнца; когда шаман приходил, чтобы съесть лошадей богача, то его не подпускал жеребец; когда пытался съесть рогатый скот, не подпускал его бык-пороз; в итоге шаману удаётся съесть лишь единственную дочь богача; священник приводит шамана в церковь, заставляет класть поклоны; шаман долго ищет *кут* священника; увидев большую ель у начала дороги, шаман предполагает, что в ней находится *кут* священника, превращается в гром и разбивает ель, из-за чего священник умирает; шаман намеревается погубить богача; во время тумана ко двору богача приходит *абаасы* шамана в виде быка; бык поднимает *урасу* и опрокидывает её, затем обращается в вихрь, поднимает *урасу* и уносит её; когда шаман постарел, к нему пришли люди, заставившие его переселиться в другую местность; шаман проклиная князя, приказавшего это сделать; приехав на новое место, шаман лежал при смерти; около него стояла толстая трость, с которой он не расставался всю жизнь; когда трость с треском разломалась по середине, люди увидели, что шаман умер [Эргис 1960: 259-262 (текст № 182)].

Х.14. ПОЖИРАНИЕ ДУШ.

Шаман либо его духи пожирают, губят, похищают души беззащитных людей.

«Абаканские татары» [Катанов 1907: 449-451 (текст 438)], шорцы [Дыренкова 1940: 292-293 (текст 64); 326-327 (текст 91)], тувинцы [Кенин-Лопсан 1987: 37-38], центральные якуты [Эргис 1960: 259-262 (текст № 182)].

Шорцы: шаман, живший в далекой тайге, не охотился и не работал; он говорил охотникам, что его прокормят его духи; невестки шамана охотились в тайге и принесли добычу; шаман снова послал их на охоту; невестки убежали; рассерженный шаман направил вслед духов, которые догнали невесток и съели их [Дыренкова 1940: 292-293 (текст 64)].

Шорцы: дочь шамана Аптиса украла у одной девушки деньги; люди стали принуждать шамана и его дочь сознаться в краже; сначала шаман всё отрицал, затем рассказал, где спрятаны деньги; жители улуса признали шамана виновным и назначили Микера его стегать; Микер сильно стегал шамана плетью; шаман его за это ест; после того, как шамана отстегали, он сказал, что не забудет человека, его стегавшего; затем Микер заболел; шаман Аптис, взяв его душу, дал её съесть своим духам; другие шаманы не могут взять душу Микера и исцелить его; Микер просит шамана Аптиса покамлать, но тот не соглашается [Дыренкова 1940: 326-327 (текст 91)].

Тувинцы (Тес-Хемский р-н): шаман родом с р. Хемчик камлал в юрте больного на берегу р. Элегест, куда явился шаман Оюн Хам-оол из Тес-Хема; хемчикский шаман был «людоедом» – он «пожирал» людей, которые становились его врагами; увидев его, Оюн Хам-оол перевоплотился в шаман с тремя глазами; третьим, скрытым, глазом он увидел в чаше с аракой, которую ему предложил хемчикский шаман, чёрных червяков, отказался от угощения и тем спас свою жизнь; все говорили, что на территории Тес-Хема нет такого сильного шамана, как Оюн Хам-оол с тремя глазами [Кенин-Лопсан 1987: 37-38].

Якуты (Олбинский наслег Таттинского р-на): шаман Дойомпо, когда ему было десять лет, каждый вечер заходил в *хоттон* и исчезал там; родители искали своего сына, зажигая лучину, но не находили его; если шаман считал вознаграждение за камлание недостаточным, то выходя из дома, падал и садился на пол; в этот же день умирал один из лучших людей или пропадала лучшая скотина; каждый год шаман рожал вечером девятого января, он рожал на холме с маленьким озерцом, рожал через пуп рыбу-щуку, которую выпускал в озеро; после того, как один старик дал ему мало водки, шаман обратился в вихрь, вынул и сожрал *кут* его единственной дочери; ребёнок начинает болеть, старик

просит о помощи Дойомпо, но тот отказывается; старик обращается к приёмному отцу своей дочери, который идёт к Дойомпо и угрозами заставляет его прийти к больному ребёнку; увидев шамана, девочка требует увести его прочь; Дойомпо отводят в соседний дом, где он начинает камлать; шаман заявляет, что дух не поддался ему и уходит домой; ребёнок умирает; шаман ссорится с богачом и в течение трёх лет пытается его съесть, но *кут* богача убежал от него в дом солнца; когда шаман приходил, чтобы съесть лошадей богача, то его не подпускал жеребец; когда пытался съесть рогатый скот, не подпускал его бык-пороз; в итоге шаману удаётся съесть лишь единственную дочь богача; шамана священник приводит в церковь и заставляет класть поклоны; шаман долго ищет *кут* священника; увидев большую ель у начала дороги, шаман предполагает, что в ней находится *кут* священника, превращается в гром и разбивает ель, из-за чего священник умирает; шаман намеревается погубить богача; во время тумана ко двору богача приходит *абаасы* шамана в виде быка; бык поднимает *урасу* и опрокидывает её, затем обращается в вихрь, поднимает *урасу* и уносит её; когда шаман постарел, к нему пришли люди, заставившие его переселиться в другую местность; шаман проклинал князя, приказавшего это сделать; приехав на новое место, шаман лежал при смерти; около него стояла толстая трость, с которой он не расставался всю жизнь; когда трость с треском разломалась по середине, люди увидели, что шаман умер [Эргис 1960: 259-262 (текст № 182)].

Х.15. ШАМАН-ОБОРОТЕНЬ.

Внезапно умирает человек; его родственник или друг, родственники или друзья караулят около тела убийцу; появившееся ночью животное пытаются убить, ранят; животное сбегает; на следующий день выясняется, что в поселении умер либо находится при смерти шаман, который и был виновником гибели человека; иногда убийцу опознают по оставшемуся в ране оружию.

Нанайцы [Смоляк 1991: 59], ульчи [Смоляк 1991: 59], нивхи [Таксами 1977: 105-106; Отаина 2010: 57-58 (текст I.10)].

Нанайцы и ульчи: у нанайцев и ульчей была широко распространена легенда о том, как убили шамана-черта; внезапно умершего человека ночью караулили храбрецы, желавшие наказать злого духа (*амбан*), убившего их родственника (или друга, односельчанина);

ночью *амбан* в образе медведя или выдры приходил к телу умершего, чтобы его съесть; в него бросали оружие, он убегал; на следующий день обнаруживалось, что в соседнем селении умирал от раны шаман; приходили, смотрели – в его груди оказывалась острога (или наконечник стрелы) охотника; дух-помощник этого шамана был злым духом [Смоляк 1991: 59].

Нивхи (восточное побережье Сахалина): жили два брата с родителями, сестрой и зятем; старший брат со своим зятем по реке к сопке спустился соболя искать; сделали балаган (шалаш); зять дрова рубил; его тесть по воду пошел; зять до темноты своего тестя не дождался; потом зять за своим тестем спустился и увидел, что тесть лежит мёртвый в воде; зять схватил его и принёс в дом; ночью, копьё взяв, около своего порога ждал; по реке вниз по течению смотрел; по реке, вверх по течению, два больших огня наравне поднимались; совсем приблизясь, к двери подошли; большой сивуч в дверь зашёл, зять своим копьем этого сивуча колол; сивуч упал мёртвым, потом ожил; зять, бересту зажегши, посмотрел – кровь к реке спустилась; на следующий день, когда приближался к своей деревне, встретил младшего тестя; тот сказал: «Я страшную новость имею. В эту ночь твоя старуха сразу, кровью истекая, умерла. Я-то испугался, пришел»; зять рассказал ему, что произошло вечером; они принесли тело старшего тестя в деревню; мать с сыном вместе сожгли; их мать – сильный шаман – к своему ребенку поднявшись, его убив, съесть хотела; в кашалота превратившись, поднявшись к нему, зло сделала [Таксами 1977: 105-106].

Нивхи: два брата отправились на рыбалку; договорились объехать остров с разных сторон и затем встретиться; вечером младший брат нашёл старшего брата в лодке, приставшей к берегу; младший брат сел рядом, сорвал прутик, впереди себя его поставил, взял острогу и стал ждать (злого духа); когда стемнело, со стороны деревни прилетел орёл, сел на лодку с мёртвым; младший брат кинул в него острогу, попал; стали тянуть друг у друга, верёвка порвалась, орёл улетел; младший брат привёз старшего в деревню и похоронил; на другой день в соседнем доме все почему-то засуетились; младший брат пошёл туда, видит, что шаман-сосед стонет, а другой шаман камлает рядом; посмотрел, а острога торчит из груди больного; младший брат подошёл и выдернул свою острогу; «Так-то будет лучше!» – сказал; тот шаман умер, а брат вернулся домой с острогой [Отаина 2010: 57-58 (текст I.10)].

Х.16. ШАМАНСКОЕ ТРИКСТЕРСТВО.

Своими действиями (хитростями) шаман провоцирует других персонажей на совершение выгодных для него поступков.

Кеты [Николаева 2006: 70], юги [Werner 1997: 264 (текст 17)], прибайкальские буряты [Шашков 1864: 81; Бохоли-Хара 1880; Моргон-Хара 1880; Балдунников 1927; Дамеев 1927; Михайлов 1996: 63-64; Lewitzky 1957: 35-36], непские эвенки [Василевич 1936: 75 (текст 58)], якуты [Окладников 1949: 87 (текст № 19); Ксенофонтов 1992б: 199-201].

Юги: тунгусы пришли убить юга-шамана; он сидел босым в своём чуме; тунгусы приказали ему выйти; он попросил немного подождать, ссылаясь на то, что всё равно будет убит ими; затем шаман сказал, что одевает пятерых людей, потом ещё пятерых; тунгусы, стоявшие снаружи чума, услышали это и подумали, что он шаман; они испугались; шаман надел свои сапоги и выпрыгнул из чума через дымовое отверстие; испуганные тунгусы побежали; взяв своё копье, шаман преследует их; он догоняет тунгусов и отрезает им пятки; тунгусы падают на землю, шаман говорит, что не станет пачкать кровью свою стрелу и убьёт их копьем; затем шаман убивает тунгусов [Werner 1997: 264 (текст 17)].

Прибайкальские (аларские) буряты: шаман Алхынсан закладывал шапку в кабаке; она сама уходила из кабака и возвращалась шаману на голову [Потанин 1883: 117, прим. 3].

Прибайкальские буряты: первый бурятский шаман Бохоли-Хара обладал огромной силой, не уступал богам и соперничал с ламами, имел письменную книгу, которую получил от Эсэгэ-Малан-Тэнгэри; жил один очень богатый человек, который не имел детей; шаман создал ему ребёнка; крылатые посланники сообщили богу о создании ребёнка; шаман не имел права создавать человека без участия богов, поэтому Эсэгэ Малан послал трёх крылатых посланников, чтобы они принесли ему душу мальчика; посланники обратились в трёх лам и попросились ночевать к богачу, а на другое утро ушли, забрав с собой душу ребёнка; они отправились к Эсэгэ-Малану; он положил душу в бутылку, которую закрыл большим пальцем правой руки; шаман ищет душу, приходит к Эсэгэ-Малану, безуспешно просит вернуть душу мальчика; затем обращается в осу, жалит бога, выхватывает душу, возвращает её в тело; Эсэгэ-Малан рассердился на шамана, потребовал его к себе, разорвал его книгу; потом рассёк его бубен на две части, чем уменьшил его силу, затем ещё на

четыре и наконец на восемь частей, отчего уменьшил силы и прочих шаманов; в это время к Эсэгэ-Малану вошли 9 сыновей неба и сказали: «Он нам нужен, так как мы каждый день пускаем на землю 9 стрел, которые он отсылает обратно на небо»; Эсэгэ-Малан отпустил Бохоли-Хара на землю, попробовать его силы: 9 сыновей неба опять послали на землю девять стрел и также 9 стрел ламам, чтоб узнать, кто из них скорее поднимет на небо; книгу Бохоли-Хара съел баран; шаман заколол барана, взял лопатку и увидел там всё; вот почему нынешние шаманы ворожат на лопатке; Бохоли-Хара скорее поднял обратно на небо 9 стрел и также 9 ламских, а ламы только до половины прочитали книгу; Эсэгэ-Малан осудил шамана Бохоли-Хара скакать на чёрном камне до тех пор, пока сотрётся камень или он сам; если Бохоли-Хара сотрётся сам прежде камня, то его не будет, а шаманы будут плохи; если Бохоли-Хара не сотрётся, а скорее сотрётся камень, то он явится на землю с прежними силами; Бохоли-Хара, танцующий на камне, надел неизносимые железные сапоги, которые получил от неба Зан-Сагана; теперь скачет на камне, который стирается и уже стёрся до половины (текст записан от шамана) [Бохоли-Хара 1880: 89-90].

Прибайкальские буряты: первый шаман Моргон-Хара нисколько не уступал и даже превосходил по силам Эрлэн-Хана; несколько раз злой дух похищал души людей и заключал их в ад, но Моргон-хара возвращал души обратно; Эрлэн-Хан поднялся на небо и пожаловался Эсэгэ-Малан-Тэнгэри на шамана, который нарушает правило; Эсэгэ-Малан-Тэнгэри решил испытать Моргон-Хара, похитил душу одного человека и спрятал её в бутылку; шаман нашёл душу и, обратившись в осу, укусил Эсэгэ-Малан-Тэнгэри в лоб; тот от испуга ударил себя рукой по лбу, в это время шаман выхватил душу и отправился на землю; Эсэгэ-Малан-Тэнгэри рассердился и разделил *хэсэ* Моргон-Хара на две части; в итоге силы уменьшились не только у первого шамана, но и у всех шаманов, бывших после Моргон-Хара; Эсэгэ-Малан-Тэнгэри наказал Моргон-Хара – заставил его плясать на чёрном камне до тех пор, пока тело шамана совсем не сотрётся; Моргон-Хара до сих пор скачет на камне; чем больше стирается тело Моргон-Хара, тем хуже становятся шаманы; когда он совсем сотрётся, тогда у бурят шаманов не будет [Моргон-Хара 1880: 87-89].

Прибайкальские буряты: Эсэгэ Малан не хотел, чтобы у одного богатого бурята был сын; бурят обратился за помощью к самому первому великому шаману Бухли хара боо (Целый чёрный шаман); шаман помог богачу, создал ему сына и стал *найжи* этого ребёнка; рассерженный Эсэгэ Малан забрал душу ребёнка к себе на небо и держал её около себя; шаман полетел на бубне на небо; во время полёта шамана побрякушки его одеяния так

красиво звенели, что звери и птицы, оставив своих детёнышей и птенцов, заслушались этими звуками и забыли о своём потомстве, которое умерло с голоду; прилетев на небо, шаман обратился в жёлтую осу и ужалил Эсэгэ Малана в лоб, из-за чего тот вздрогнул и упустил душу ребёнка; шаман схватил её и вернулся на землю; ребёнок выздоровел; разозлённый Эсэгэ Малан отнял душу ребёнка обратно, а шамана за неподчинение и злоупотребление силами заставил плясать на чёрном плоском камне (скале), пока он совсем не скроется в скалу; чем больше из века в век углубляется шаман, тем больше падает шаманство, хуже становятся шаманы [Михайлов 1996: 63-64].

Прибайкальские буряты: в Монголии жил шаман – орёл, который имел волшебную силу воскрешать мёртвых, обогащать бедных; но никто его слов не знал и сам он чужих слов не понимал; в эту пору одна молодая женщина из Урянхая совершила побег от своего мужа, которого не влюбила; во время пути она устала и легла спать; увидев её спящей, орёл дунул ей в ухо и через дуновение передал все свои силы, а сам умер; женщина забеременела от дуновенья шамана-орла; у неё родился сын, который стал родоначальником всех шаманов; первый шаман имел волшебную силу, полученную в наследство от шамана-орла и посредством своей силы присваивал себе всё, что ему было угодно; Эрлик-намон-хан жаловался богу Будде: живёт шаман, который присваивает себе всё, что угодно ему; Будда, чтобы испытать волшебную силу шаман, взял душу единственного сына одного богатого человека, положил её в бутылку, отверстие зажал пальцем; шаман, превратившись в осу, прилетел к богу и укусил его в лоб; бог вздрогнул и опустил палец с бутылки; шаман взял душу и полетел на своём бубне; бог пустил в первого шамана *ошир-хонхо*; она попала в бубен и пробила его крылья, лишив возможности лететь дальше; с тех пор бубен шамана стал открытым и неспособным к полёту, а волшебная сила шамана убавилась наполовину; поэтому современные шаманы не имеют такой волшебной силы, как их шаманы-предки [Дамеев 1927: 69-70].

Непские (киренские) эвенки: шаман и мужчина пошли за дровами; шаман лёг на дерево и перед этим сказал мужчине, чтобы тот ударил его топором по больной спине; мужчина сначала не соглашался, потом ударил слегка, затем после уговоров шамана стал бить изо всей силы; шаман, сидя на пеньке, начал смеяться над мужчиной; мужчина посмотрел и увидел, что всё дерево разбито топором [Василевич 1936: 75 (текст 58)].

Северные якуты: у шамана был знаменитый пёстрый конь; однажды он ехал на нём поздно вечером и повстречался с всадником, который предложил шаману поменяться конями; шаман взял чужого усталого коня, а своего отдал; шаман и человек разъехались; вечером жена того человека спрашивает о том, где его конь; вместо коня во дворе лежит коряга [Окладников 1949: 87 (текст № 19)].

Центральные якуты: духи не хотят выдавать похищенную душу; шаман превращается в осу, жалит быка в нос; тот фыркает, душа выскакивает из его ноздрей; шаман её уносит; ему вслед кидают глину; рассерженные божества уменьшают силу будущих шаманов – замазывают их душам глаза детскими экскрементами [Ксенофонов 1992б: 199-201].

Х.17. Видения.

Шаман насылает видения; из-за них человек совершает выгодные шаману действия.

Непские эвенки [Василевич 1936: 75 (текст 58)], северные якуты [Окладников 1949: 87 (текст № 19)].

Непские (киренские) эвенки: шаман и мужчина пошли за дровами; шаман лёг на дерево и перед этим сказал мужчине, чтобы тот ударил его топором по больной спине; мужчина сначала не соглашался, потом ударил слегка, затем после уговоров шамана стал бить изо всей силы; шаман, сидя на пеньке, начал смеяться над мужчиной; мужчина посмотрел и увидел, что всё дерево разбито топором [Василевич 1936: 75 (текст 58)].

Северные якуты: у шамана был знаменитый пёстрый конь; однажды он ехал на нём поздно вечером и повстречался с всадником, который предложил шаману поменяться конями; шаман взял чужого усталого коня, а своего отдал; шаман и человек разъехались; вечером жена того человека спрашивает о том, где его конь; вместо коня во дворе лежит коряга [Окладников 1949: 87 (текст № 19)].

Х.18. УЖАЛЕННЫЙ БОГ.

Шаман в образе насекомого жалит в лоб или нос божество, у которого находится похищенная душа человека, либо шаман запикивает такому божеству что-нибудь в нос; в итоге божество выпускает душу (достаёт палец из бутылки, в которой находилась душа, выплёвывает душу и т.п.); шаман забирает её.

Прибайкальские буряты [Бохоли-Хара 1880; Моргон-Хара 1880; Дамеев 1927: 69-70; Михайлов 1996: 63-64; Михайлов 1996: 63-64; Lewitzky 1957: 35-36], центральные якуты [Ксенофонтов 1992б: 199-203; Алексеев и др. 1995: 258-271 (текст № 54)].

Прибайкальские буряты: первый бурятский шаман Бохоли-Хара обладал огромной силой, не уступал богам и соперничал с ламами, имел письменную книгу, которую получил от Эсэгэ-Малан-Тэнгэри; жил один очень богатый человек, который не имел детей; шаман создал ему ребёнка; крылатые посланники сообщили богу о создании ребёнка; шаман не имел права создавать человека без участия богов, поэтому Эсэгэ Малан послал трёх крылатых посланников, чтобы они принесли ему душу мальчика; посланники обратились в трёх лам и попросились ночевать к богачу, а на другое утро ушли, забрав с собой душу ребёнка; они отправились к Эсэгэ-Малану; он положил душу в бутылку, которую закрыл большим пальцем правой руки; шаман ищет душу, приходит к Эсэгэ-Малану, безуспешно просит вернуть душу мальчика; затем обращается в осу, жалит бога, выхватывает душу, возвращает её в тело; Эсэгэ-Малан рассердился на шамана, потребовал его к себе, разорвал его книгу; потом рассёк его бубен на две части, чем уменьшил его силу, затем ещё на четыре и наконец на восемь частей, отчего уменьшил силы и прочих шаманов; в это время к Эсэгэ-Малану вошли 9 сыновей неба и сказали: «Он нам нужен, так как мы каждый день пускаем на землю 9 стрел, которые он отправляет обратно на небо»; Эсэгэ-Малан отпустил Бохоли-Хара на землю, попробовать его силы: 9 сыновей неба опять послали на землю девять стрел и также 9 стрел ламам, чтоб узнать, кто из них скорее поднимет на небо; книгу Бохоли-Хара съел баран; шаман заколол барана, взял лопатку и увидел там всё; вот почему нынешние шаманы вожжат на лопатке; Бохоли-Хара скорее поднял обратно на небо 9 стрел и также 9 ламских, а ламы только до половины прочитали книгу; Эсэгэ-Малан осудил шамана Бохоли-Хара скакать на чёрном камне до тех пор, пока сотрётся камень или он сам; если Бохоли-Хара сотрётся сам прежде камня, то его не будет, а шаманы будут плохи; если Бохоли-Хара не сотрётся, а скорее сотрётся камень, то он явится на землю с

прежними силами; Бохоли-Хара, танцующий на камне, надел неизносимые железные сапоги, которые получил от неба Зан-Сагана; теперь скачет на камне, который стирается и уже стёрся до половины (текст записан от шамана) [Бохоли-Хара 1880: 89-90].

Прибайкальские буряты: первый шаман Моргон-Хара нисколько не уступал и даже превосходил по силам Эрлэн-Хана; несколько раз злой дух похищал души людей и заключал их в ад, но Моргон-хара возвращал души обратно; Эрлэн-Хан поднялся на небо и пожаловался Эсэгэ-Малан-Тэнгэри на шамана, который нарушает правило; Эсэгэ-Малан-Тэнгэри решил испытать Моргон-Хара, похитил душу одного человека и спрятал её в бутылку; шаман нашёл душу и, обратившись в осу, укусил Эсэгэ-Малан-Тэнгэри в лоб; тот от испуга ударил себя рукой по лбу, в это время шаман выхватил душу и отправился на землю; Эсэгэ-Малан-Тэнгэри рассердился и разделил *хэсэ* Моргон-Хара на две части; в итоге силы уменьшились не только у первого шамана, но и у всех шаманов, бывших после Моргон-Хара; Эсэгэ-Малан-Тэнгэри наказал Моргон-Хара – заставил его плясать на чёрном камне до тех пор, пока тело шамана совсем не сотрётся; Моргон-Хара до сих пор скачет на камне; чем больше стирается тело Моргон-Хара, тем хуже становятся шаманы; когда он совсем сотрётся, тогда у бурят шаманов не будет [Моргон-Хара 1880: 87-89].

Прибайкальские буряты: в Монголии жил шаман – орёл, который имел волшебную силу воскрешать мёртвых, обогащать бедных; но никто его слов не знал и сам он чужих слов не понимал; в эту пору одна молодая женщина из Урянхая совершила побег от своего мужа, которого не взлюбила; во время пути она устала и легла спать; увидев её спящей, орёл дунул ей в ухо и через дуновение передал все свои силы, а сам умер; женщина забеременела от дуновенья шамана-орла; у неё родился сын, который стал родоначальником всех шаманов; первый шаман имел волшебную силу, полученную в наследство от шамана-орла и посредством своей силы присваивал себе всё, что ему было угодно; Эрлик-намон-хан жаловался богу Будде: живёт шаман, который присваивает себе всё, что угодно ему; Будда, чтобы испытать волшебную силу шаман, взял душу единственного сына одного богатого человека, положил её в бутылку, отверстие зажал пальцем; шаман, превратившись в осу, прилетел к богу и укусил его в лоб; бог вздрогнул и опустил палец с бутылки; шаман взял душу и полетел на своём бубне; бог пустил в первого шамана *ошир-хонхо*; она попала в бубен и пробила его крылья, лишив возможности лететь дальше; с тех пор бубен шамана стал открытым и неспособным к полёту, а волшебная сила

шамана убавилась наполовину; поэтому современные шаманы не имеют такой волшебной силы, как их шаманы-предки [Дамеев 1927: 69-70].

Прибайкальские буряты: Эсэгэ Малан не хотел, чтобы у одного богатого бурята был сын; бурят обратился за помощью к самому первому великому шаману Бухли хара боо (Целый чёрный шаман); шаман помог богачу, создал ему сына и стал *найжи* этого ребёнка; рассерженный Эсэгэ Малан забрал душу ребёнка к себе на небо и держал её около себя; шаман полетел на бубне на небо; во время полёта шамана побрякушки его одеяния так красиво звенели, что звери и птицы, оставив своих детёнышей и птенцов, заслушались этими звуками и забыли о своём потомстве, которое умерло с голоду; прилетев на небо, шаман обратился в жёлтую осу и ужалил Эсэгэ Малана в лоб, из-за чего тот вздрогнул и упустил душу ребёнка; шаман схватил её и вернулся на землю; ребёнок выздоровел; разозлённый Эсэгэ Малан отнял душу ребёнка обратно, а шамана за неподчинение и злоупотребление силами заставил плясать на чёрном плоском камне (скале), пока он совсем не скроется в скалу; чем больше из века в век углубляется шаман, тем больше падает шаманство, хуже становятся шаманы [Михайлов 1996: 63-64].

Центральные якуты: духи не хотят выдавать похищенную душу; шаман превращается в осу, жалит быка в нос; тот фыркает, душа выскакивает из его ноздрей; шаман её уносит; ему вслед кидают глину; рассерженные божества уменьшают силу будущих шаманов – замазывают их душам глаза детскими экскрементами [Ксенофонтов 1992б: 199-201].

Центральные якуты (Тулагинский наслег Якутского р-на): *кут* шамана Тулуурдааха (Терпеливый) проходит воспитание в семье, обитающей в Нижнем мире; семья состоит из старухи, молодой девушки и огромного *пороза*; старуха является матерью всех знаменитых шаманов земли; однажды старуха велит девушке принести чего-нибудь сладкого из Среднего мира; девушка выполняет просьбу и возвращается с *кут* женщины из богатой семьи; *кут* выглядит как кусок хрусталя; старуха и девушка лизут *кут*, при этом места, которых они касаются своими языками, становятся чёрными; неожиданно начинают трястись столбы и шататься стены их жилища, слышатся три рыка великого шамана; по совету старухи девушка прячет *кут* в ноздри быка; прибывает шаман, который просит старуху отдать *кут* женщины; старуха от всего отказывается; шаман становится на колени, умоляет вернуть *кут*, но старуха снова отпирается; шаман просит, лёжа лицом вниз; старуха вновь всё отрицает; после этого шаман вскакивает на ноги, впрыгивает вовнутрь

балагана и требует вернуть *кут*, сыпля угрозами; шаман начинает сечь старуху нагайкой; старуха поначалу от всего отказывается, но затем говорит, что девушка знает; шаман хватает девушку и сечёт её; она пытается отпереться, но тоже не выдерживает и указывает на парня в люльке; шаман подходит к люльке, хочет высечь парня, однако тот превращается в булыжник; шаман снова сечёт девушку, она указывает на быка; шаман сечёт быка, который не обращает на это никакого внимания, тогда шаман вталкивает в его ноздрю *нагайку*; бык фыркает, из ноздри вылетает наполовину чёрный *кут* женщины; шаман ловит его и, высказав ряд угроз, отправляется в обратный путь; раздосадованная старуха проклинает свою судьбу и зарекается воспитывать великих шаманов; поклявшись, старуха отправляет в Средний мир *кут-сюр* шамана Тулуурдааха, который становится последним великим шаманом [Алексеев и др. 1995: 258-271 (текст № 54)].

Х.19. ПРОСЯЩИЕ ДУХИ.

Духи, божества обращаются за помощью к шаманам из числа людей.

Прибайкальские буряты [Алсаханов 1916: 57-58; Михайлов 1996: 75-77], каларские эвенки [Пинегина и др. 1952: 50].

Прибайкальские буряты (Иркутский уезд): два шамана, побывав у Небесного владыки, спускались с небес; они встретили богиню моря, которая несла на руках плачущего ребёнка; после этого шаманы увидели звезду, на ней была толпа рыдающих людей; эти люди хоронили ребёнка, последнее чадо бога звезды Солбона (Венеры); шаманы предложили вернуть душу ребёнка обратно в тело; люди согласились; вместе с шаманами и умершим они пришли к Солбону; шаманы рассказали ему, что видели по пути; они устроили жертвоприношение от имени Солбона богине моря; в итоге она его приняла и вернула душу ребёнка; с этих пор на земле появились *дахабари* – души умерших женщин, которые провели жизнь несчастливо; после смерти они жалуются на своих притеснителей богине моря, которая дарует им право на *дахабари*, чтобы они могли отплатить обидчикам [Алсаханов 1916: 57-58].

Прибайкальские (кудинские) буряты: у Солбона заболел сын Сокто; Солбон позвал двух кудинских шаманов, Маланака и Майдара; последний был непосвящённый; шаманы

прибыли на радуге на небо и выяснили, что Сокто заболел из-за единственной дочери моря; Маланак начал приносить жертву; в итоге жертва была принята и Сокто выздоровел; когда шаманы спускались обратно по радуге, небесные божества в насмешку отрубили её; шаманы стремглав полетели вниз; когда оставалось совсем немного до земли, Майдар превратился в беркута и, схватив Маланака за спину, благополучно спустился вниз; там шаманы увидели, что на дворе одного бурята совершается треба; местный шаман совершал обряд зазывания; Маланак и Майдар увидели *дахабари*, поймали её и отняли у неё душу ребёнка; шаманы закопали *дахабари* в землю; местный шаман прекратил обряд зазывания, сказав, что не может сделать так, чтобы жертва была принята, после этого вся толпа ушла в юрту; Маланак и Майдар сделались невидимыми и зашли в юрту, к которой оказалось много шаманов; Майдар надел на голову худшего шамана обруч, а Маланак хлестнул шамана пламенем; шаман упал, затем начал камлать, приговаривая, что кудинские белые ребята молодцы; Маланак и Майдар проделали это над всеми остальными шаманами; потом Маланак и Майдар прекратили быть невидимыми и рассказали о *дахабари*; шаманов приняли с подобающей честью, Маланак принёс жертвоприношение своим родовым шаманам Ардайским [Михайлов 1996: 75-77].

Каларские эвенки (Читинская обл., р. Калара): раньше земля была ровная, без гор; в реке жил *сюлюки*, который плавал в реке и мог прыгать по деревьям; по земле ему ходить было нельзя: его копыта камни из земли притягивали; *сюлюки* этого не знал и пошёл по земле; там, где он ступил, появились горы; увидев это, духи верхнего мира испугались; они собрали шаманов и попросили их превратить *сюлюки* в змею; шаманы сделали то, что им велели духи; *сюлюки*-змей стал жить в горах; он сделался злым, особенно не любил шаманов; *сюлюки*-змей не мог отличить шаманов от других людей, поэтому жалил всех, кто попадался; поэтому змеи жалют людей [Пинегина и др. 1952: 50].

Х.20. РАСШЕВЕЛЁННЫЙ ДУХ.

Из-за того, что некоторый дух не может сдвинуться с места, начинаются стихийные бедствия, связанные с водой; шаману удаётся заставить духа двигаться, ситуация исправляется.

Нганасаны [Симченко 1976: 49 = 1996а: 156-157 = 1996б = 35-36; Грачёва 1981: 84], шорцы [Дыренкова 1940: 270-271 (тексты 37, 38)].

Нганасаны: летом стояла жара, пересохла реки и начался падеж скота; шаман Сыры`а выяснил, что жара наступила потому, что на шестах его чума сидит Кадю`о (гром), который не может сдвинуться с места из-за болезни своего старшего брата; в ответ на предложение Кадю`о шаман лечит его брата; после трёхдневного камлания шаман сообщает людям, что через три дня братья соберут аргиш; через три дня пошёл дождь [Симченко 1976: 49 = 1996а: 156-157 = 1996б = 35-36; Грачёва 1981: 84].

Шорцы: хозяин воды вошёл внутрь горы, напился там и свалился; после этого ледоход остановился; шаман Байрамаш вошёл в гору и насыпал хозяину воды на голову духов-муравьёв; когда шаман хотел выйти, то оказалось, что дверь, через которую он вошёл, была заперта; шаман стал блуждать в горе, вышел из неё через *тундюк* земли; шаман сказал, что вода и ледоход опять двинутся, пока он ещё не кончит камлать, и что, когда он выходил из горы, хозяин воды уже шевелился; до того, как шаман пришёл в себя и кончил камлать, вода двинулась [Дыренкова 1940: 270-271 (текст 37)].

Шорцы: на реке начался ледоход, потом вода остановилась, поднялась и затопила улус; священники (русскому) богу молились; шаман стал камлать и вошёл к хозяину горы; войдя, он увидел свалившегося пьяного хозяина воды; шамана набрал муравьёв и высыпал их на спину хозяина воды, после чего тот вскочил и спустился к реке; лёд сразу же стал разбиваться и тронулся вперёд; вода спала и река вошла в свои берега [Дыренкова 1940: 270-271 (текст 38)].

Х.21. ДОЧЬ ВЕРХНЕГО МИРА.

Правитель требует от шамана, чтобы тот привёл ему в качестве жены дочь божества верхнего мира; шаман исполняет требование.

Долганы [Попов 1937: 62-64; Ефремов 2000: текст 24], виллойские якуты [Попов 2006: 405-409].

Долганы: богатый и молодой князь требует от шамана привести ему в качестве жены дочь *айыы*; шаман камлал девять дней и девять ночей, его голова покрылась инеем; взлетев на небо, шаман уговорил *айыы* отдать дочь в жёны князю; шаман вернулся и рассказал, что дочь *айыы* следует ожидать через три дня; в качестве подтверждения этих слов шаман вручил князю что-то золотое, принесённое от *айыы*; через три дня князь ждал дочь *айыы* в новом чуме; с небес спустился большой ветер; когда он затих, ни чума, ни князя уже не было – дочь *айыы* взяла человека к себе; при её сошествии с неба спустились духи *менериков*, поэтому появились «певцы» малые шаманы [Попов 1937: 62-64].

Х.22. ШАМАН РУБИТЬ СКРЕПЫ ЗВЁЗД

Шаман поднимается на небо и рубит скрепы звезды/планеты, навевающей холод.

Якуты [Кулаковский 1979а: 14; Ксенофонтов 1992б: 238-240; Худяков 2002: 78, прим. 3].

Якуты: шаман Чачыгыр Таас ойуун сказал перед камланием, что срубит закрепу (к небу) плеяд; при этом шаман запретил всем смотреть на небо и плеяды во время его действий; во время камлания шаман заиндевел; это означало, что он рубит закрепу; одна женщина не смогла побороть любопытства и выглянула в окошко хлева; там она увидела, как с плеяд сыплются огненные искры; шаман сразу приостановил свои действия; он заявил, что в рубке плеяд помешал своим взором смертные и что из 9 плеяд удалось убавить только две; с тех пор зима стала менее суровой [Кулаковский 1979а: 14].

Северные (верхоянские) якуты: шаман ушёл за трижды-девять седалищ, поднялся на небо и стал рубить звезду, называя её дьявольским глазом; весь народ видел, как с неба летели искры; шаман предсказал, что эта звезда потеряется на девятый день; предсказание шамана сбылось [Худяков 2002: 78, прим. 3].

Северные (верхоянские) якуты: шаман оделся в волчью доху и рукавицы, взял за пояс топор, стал шаманить и вышел за три-девять седалищ к звезде; когда шаман камлал, его волосы и ресницы покрылись снегом; шаман начал рубить звезду как дерево; вышедшие из юрты люди увидели, что от звезды летят искры [Худяков 2002: 78, прим. 3].

Центральные якуты (Мытахский наслег Западно-Кангаласского улуса): у шамана была верёвка, за которую он держался, когда совершал камлание Улуу-Тойону; однажды на небе появилась планета; из-за неё уменьшилось плодородие земли, перестали расти деревья и травы, наступил голод, в зимнее время с запада веяло холодом; шаман совершил камлание к тому, кто послал эту планету; при этом шаман оделся в волчью *доху* и заткнул за пояс топор; камлание длилось девять суток, камлая, шаман держался за свою верёвку; семь дней и ночей он рубил своим топором, на землю с неба сыпался лёд; во время камлания шаман весь обледенел и закуржавел; спустившись с неба, он сказал, что разъединил планету; жизнь на земле стала лучше [Ксенофонов 1992б: 238-239].

Центральные якуты (2-й Одуинский наслег Западно-Кангаласского улуса): на небе появилась звезда – *чолбон*, из-за которой зимняя пора удлиняется, а мороз усиливается; этот *чолбон* пошёл навстречу к Плеядам и задержал их ход; от этого усилилось их морозное дуновение; наступающее лето обещало быть холодным; люди обратились к шаману Агдага и уговорили его совершить камлание: он оделся по-зимнему, заткнул за пояс топор и вознёсся на небо к Чолбонтой-Тойону, насылающему *чолбоны*; шаман обратился к небу с молением; вслед за этим шаман, стоя в юрте, начал своим топором что-то рубить; все выбежали на двор и увидели, что от *чолбона* сыпались искры; *чолбон* исчез; шаман спустился на землю весь обледенелый и покрытый снегом [Ксенофонов 1992б: 239-240].

Х.23. СОЖЖЕНИЕ ШАМАНОВ.

Могущественный персонаж (правитель, реже – божество) уничтожает всех либо многих шаманов путём сожжения; из огня спасается один (два, три) персонаж, который распространяет шаманизм по земле.

Алтайцы [Потанин 1881: 172 (текст 31 б); 1883: 289 (текст 63д), 290-291 (текст 64а); Синьковский 1883: 100; Соколов 1900: 298-300; Никифоров 1915: 238-239; Анохин 1924: 112-113, 128-129, 146; Подузова, Сагалаев 1983: 111-112], телеуты [Потанин 1883: 288 (текст 63б)], теленгиты [Потанин 1883: 291 (текст 64б)], прибайкальские буряты [Потанин 1883: 290 (текст 63i); Жамцарано 2001: 109], центральные якуты [Припузов 1884: 64; Приклонский 1891: 52; Lewitzky 1957: 35].

Алтайцы: хан приказал сжечь всех камов, потому что считал их всех обманщиками; собрали всех камов, их оказалось 250; 249 камов поместили в одну соломенную юрту, оставшегося кама – в другую, т.к. считали его очень сильным; юрта с 249 шаманами сгорела до тла; когда огонь достиг великого шамана, он стал грязью; снова устроили юрту, зажгли – то же; в третий раз принесли дров и травы побольше; когда пламя стало доходить до кама, он вылетел из огня, как птица, прямо на скалу; бубен его и теперь там, можно с лошади рукой достать; местность эта находится где-то вверх по р. Кырлыку (в верхней части долины р. Урусула) [Потанин 1881: 172 (текст 31 б)].

Алтайцы: по словам ангудайского шамана Энчу, спаслось от огня двое: дядя и племянник; дядя вынес племянника под мышкой; имя одного из них – Тостубаш [Потанин 1883: 289 (текст 63г)].

Алтайцы: во время двух ханов Дөрбөн-ойрод-хана и Балагана было много камов, но большая часть их были ложные; два хана велели собрать всех и сжечь: кто не ложный тот спасётся; все камы были собраны в одну юрту и начали камлать; снаружи юрты был зажжён костёр; все камы сгорели, только один вылетел невредимым; Балаган дал ему имя абыс-кам, а Дөрбөн-ойрод дал ему имя Тархан-бо [Потанин 1883: 289 (текст 63д)].

Алтайцы (либо тувинцы: у Потанина после текста ссылка на слова урянхайской шаманки): по словам иркыта Туйбыса (алтайца) возлетание кама из огня произошло на урочище Коту, по эту сторону Уляссутая; на этом месте виден его бубен и находится его могила [Потанин 1883: 289 (текст 63е)].

Алтайцы: Еджен-хан собрал всех камов и велел сжечь; при этом он сказал: «Худые сгорят, а настоящие живы останутся»; все камы сгорели, живыми остались только двое, Тостогош и Газыр-гам, которые вылетели из огня; после этого Тостогош сказал, что будет предсказывать войну, а Газыр-гам заявил, что будет знать человеческую смерть; с этими словами шаманы обратились к Ерлику; вдруг пришла война, Тостогошу отрубили голову и повезли к Еджен-хану; туловище кама пошло вслед за головой и в земле Еджен-хана стало *кюшоташ`ем* (каменной бабой); Тостогош однажды камлал какому-то Абысу и так понравился, что тот дал ему прозвище Абыс-Кыдай; Газыр-гам пошёл к Ерлику и сказал ему: «Я буду узнавать впредь человеческую смерть; если скажу, что этот человек умрёт, он должен умереть; если скажу, оживёт, он должен ожить»; Ерлик рассердился и сказал, что

шаман хочет знать больше него; они поссорились; Газыр-гам отрубил лапу собаке Эрлика Тайгыл-ит; собака умерла, а Газыр-гам улетел к Тэнгри-Кудая; Эрлик пошёл жаловаться к Тэнгри-Кудая и сказал, что Газыр-гам зарубил его собаку; Тэнгрэ-Кудай обвинил Газыр-гама, началась ссора; Газыр-гам схватил с юрты Тэнгрэ-Кудая железные *карачки* (верхний круг юрты) и бросил на землю, а сам убежал; он закончил жизнь самоубийством на Кемчике – бросился со скалы: скала от его крови и теперь красная, а на месте, где он упал, вырос красный тальник; оба кама, Тостогош и Газыр-гам, были родом с реки Чуи, теленгиты [Потанин 1883: 290-291 (текст 64a)].

Алтайцы: Ежимош велел собрать всех шаманов и сжечь; все сгорели, за исключением трёх: двух шаманов мужчин и одной девушки шаманки; они трое вылетели из огня; Тостогош и девушка поднялись в воздух; шаман Калпас не мог подняться и обратился в камень; когда всё закончилось, Калпас отряхнулся и снова ожил; Ежимош требует от него принести Эрлика; Тостогош предупредил, что будет камлать семь ночей камлать, а днём будет лежать, накрывшись бубном; Ежимош накалил железо и положил на голень спящего Тостогоша; шаман привёл Эрлика лишь на восьмой день; оправдываясь, Тостогош рассказал, что у него было неотложное дело – лечение одного человека; Тостогош камлал около больного целый день, поэтому опоздал к Эрлику; к Ежимошу собралось множество людей, которые желали посмотреть на Эрлика; когда народ увидел Эрлика, то впал в бесчувственное состояние; Эрлик вышел из подножия огня; Ежимош спросил Эрлика, зачем он приносит людям смерть; Эрлик предложил Ежимошу дать искупление от себя или от людей; Ежимош не захотел лично жертвовать собой; Эрлик исчез [Никифоров 1915: 238-239].

Алтайцы: по распоряжению хана, шаман Тостогош был зажжён в юрте вместе с другими шаманами; все сгорели, а Тостогош вылетел в трубу юрты и остался невредим; он водворил снова шаманство на Алтае [Анохин 1924: 129].

Алтайцы: по распоряжению ойратского чиновника шамана Калпаса сожгли на костре вместе с другими восемью шаманами; Калпас лежал в огне на другом шамане и хотел улететь с ним, но сделать этого не мог, так как лежавший под ним шаман не имел сил подняться с Калпасом; Калпас продолжал лежать на костре до конца и спас от смерти не только себя, но и другого шамана; чиновник приказал раздуть новый костёр и бросить в

него Калпаса; шаман остался жив, он сперва побелел, затем сделался бурым; чиновник признал, что Калпас действительно шаман [Анохин 1924: 112-113].

Алтайцы: во времена ойратского владычества жил шаман Чабаш; от хана Нама вышло распоряжение сжечь всех шаманов, а с народа собрать подать; начался бунт, шаман вместе с женой бежал от своих стойбищ и перешёл в русское подданство [Анохин 1924: 128].

Алтайцы: Тархан-шамана увозили в Китай; там ему трижды отрубали голову, но она прирастала к туловищу; Тархан вернулся из Китая на Алтай; на него и других шаманов начались гонения; ойратский чиновник выстроил юрту из камыша, посадил в неё шаманов и поджог; все шаманы сгорели, только Тархан и Качи-шаман вылетели через отверстие юрты и остались невредимы [Анохин 1924: 146].

Алтайцы: Галдан-Церен каан выпустил указ, согласно которому все шаманы должны съехаться в Улалу; каан построил аил со ста семьюдесятью углами и кошару; каан привел солдат, которые окружили аил; приехали сто семьдесят шаманов со всего Алтая кроме двух мест; самым сильным был Толок, второй по силе – Калпас, третий – Киндик; каан загнал всех шаманов в аил и поджог его; люди увидели, что вокруг очага в аиле один шаман ходит, камлает; в небо вылетел гусь; семь дней и семь ночей горел аил; живым остался Толок, который предсказал Галдан-Церену множество бедствий; каан испугался, пообещал всевозможные богатства и спросил, сколько шаманов осталось в живых; Толок сказал, что он остался не один; в очаге зашевелился камень, оттуда встал Калпас; с неба в виде гуся спустился третий шаман [Подузова, Сагалаев 1983: 111-112].

Телеуты: один хан велел собрать всех шаманов и сжечь; их собрали, посадили в одну юрту и зажгли; все сгорели, только Кам-кадылбаш вылетел из огня и спасся; от Кама-калдыбаша расплодились нынешние шаманы; телеутские шаманы при камлании поминают его, говоря о себе: «Я из поколения Кам-кадылбаша»; другие говорят: «Я из калдыбашева остатка» [Потанин 1883: 288 (текст 636)].

Теленгиты (Чуйская степь): русский хан велел сжечь всех камов, но Тостогоша не могли убить; русский хан дал ему имя Абыс-кам и позволил камлать; у Ойрод-хана (или у Эдзен-хана) заболели сын и дочь; приглашённый Абыс-кам приехал и вылечил больных; хан подарил ему девять табунов лошадей и человека; Тостогош отправил лошадей вперёд, а

сам тайно остался близ хана, потому что задумал увезти ханскую дочь; договорившись, ночью они убежали вдвоём на лошади; хан послал погоню и велел привязать дочь к конским хвостам и разорвать, а каму отрубить голову; посланные так и сделали; отрубленная и привязанная в *торока* голова кама захохотала, а тело его стало ходить; его привезли к Ойрод-хану; Тостогош превратился в камень и теперь он стоит в виде *кюшочило*; иному он кажется бурым, иному белым, иному красным; около него живёт большой кам; хороший кам перед ним камлает безвредно, плохой умирает; халха приносят ему жертвы [Потанин 1883: 291 (текст 64б)].

Теленгиты (Чуйская степь): худой и хороший камы камлали на Башкаусе; худой предсказал, что будет война, добрый не поверил; пришли халхасцы с войной; хорошему каму отрубили голову и он умер; худого кама жгли огнём, топили в воде, но он оставался невредимым; ему отрубили голову и повезли в *тороках*; голова захохотала; когда её привезли к калкасскому *бию*, она обратилась в камень; и теперь эта каменная баба (*кюшотаи*) стоит в местности Коту; сколько ни камлали перед камнем он не шевелился; один молодой человек пришёл с водкой (*арыкы*), сделал возлияние (*чачылгы*) и голова зашевелилась; имя этому каму было Тархан-Бо-Таин-Дере Тостогошевой породы [Потанин 1883: 293 (текст 64е)].

Теленгиты (р. Чуя): Ойрод-хан воевал с кыпчаками и сары сойонами; сыры сойоны схватили ойродского кама Абыс-Тостогоша и стали его жечь; он улетел от них; Келеек, кам, ныне живущий на р. Кенге, есть потомок этого кама [Потанин 1883: 293 (текст 64и)].

Прибайкальские (аларские) буряты: шаман Манухай был столь могущественным, что, когда садился в сани, они сами катились без лошадей; иркутский начальник позвал шаманов и спросил, чем они могут доказать, что их вера не ложь; Махунай сказал, что он не сгораем; его посадили с бубном на камень, обложили и завалили соломой, которой собрали семьдесят возов; зажгли, солома сгорела, Махунай стряхнул с себя пепел и встал невредим [Потанин 1883: 289 (текст 63в)].

Прибайкальские буряты (верховья р. Иркут, род Хонгодор): хан велел собрать всех шаманов, сделать для них соломенную юрту и сжечь; он говорил, что если они настоящие шаманы, то не сгорят; все сгорели, только один вышел невредим; это было в местности Онгу, которая лежит к востоку от Иркутска (Онгурён) {Потанин 1883: 290 (текст 63i)}.

Центральные якуты (Якутский окр.): первый шаман Ан-Аргыл-Оюн был очень могущественен и совершал великие чудеса; кроме исцеления больных, он воскрешал мёртвых, умерших три года назад, и давал зрение слепым; это стало известно Аи-тоену, который три раза посылал своего служителя спросить, во имя кого шаман делает такие чудеса и верует ли в него; на это первый шаман сказал, что делает чудеса своей силой и не верует в Аи-тоена; разгневанный бог велел сжечь непокорного шамана, чтобы ничего не осталось от него; так как всё тело шамана состояло из пресмыкающихся гадов, то огня избежала одна лягушка; она поселилась на вершинах высочайших гор и расплодилась; у неё родились следующие демоны – шаманы: Хара баргья тоен (чёрный клокочущий господин) и Кюн кянгись оюн (солнце ненасытный), которые до сих пор даруют якутам знаменитых шаманов и шаманок [Припузов 1884: 64].

Х.24. ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОХИЩЕННОЙ ЖЕНЫ.

Враги похищают женщину со стойбища; используя сверхъестественные силы, её спасает шаман.

Энцы [Лабанаускас 2002б: 158-165], непские эвенки [Василевич 1936: 83 (текст 65)].

Энцы: на стойбище трёх братьев жил сильный шаман; братья уехали промыслять дикого оленя; к закату они вернулись с добычей на стойбище, каждый пошёл в свой чум; младший брат обнаружил, что его жена пропала; жёны остальных братьев не знали, куда она исчезла; братья нашли следы около крайнего чума, но не стали пускаться в погоню из-за наступления темноты; когда вернулся шаман, ему рассказали о случившемся; шаман начал камлать, затем сказал, что женщину похитил один богатый тунгус; на следующий день шаман велел младшему брату собираться в путь и взять с собой тунгусскую парку и *бакари*; старший и средний брат остались на стойбище, а младший брат и шаман отправились в путь по следам тунгуса; когда они догнали тунгусов, шаман сказал младшему энцу, чтобы он одел тунгусскую одежду, незаметно подошёл к стаду оленей и вместе с работниками гнал их; после этого шаман превратился в белую сову и улетел; энец всё сделал так, как велел шаман; ночью энец вышел из чума и заметил, что на концах шестов большого чума сидит белая сова; энец решил, что это шаман показывает ему, в

каком чуме находится похищенная женщина; вскоре из чума вышла жена энца; энец окликнул её и они вместе убежали в лес; когда муж с женой добежали до деревьев, поднялась сильная метель, которую наслал шаман; к концу второго дня младший энец с женой вернулся в чум; шаман предупредил братьев, что предводитель тунгусов не будет мириться с пропажей женщины; покалав, шаман рассказал, что тунгусы идут по следам к стойбищу братьев; по совету шамана братья немедленно начали готовить аргиш, а утром отправились в тундру; шаман остался на том месте, где стояли чумы; как только увидел тунгусов, тут же превратился в сову и сел на ближайшее дерево; тунгусы, заметив следы от аргиша, решили продолжить погоню, но поднялась сильная метель; шаман прилетел на стойбище трёх братьев, превратился в человека, вошёл в чум среднего брата и сказал, что теперь братья могут жить спокойно [Лабанаускас 2002б: 158-165].

Непские эвенки: эвенки, один из которых был шаман, жили в двух юртах; мужья ушли промышлять; когда они вернулись, то обнаружили, что жён увели эвенки-людоеды; шаман предложил идти искать жён; когда тропа раздвоилась, шаман сказал, что пойдёт по левой дороге, а своему товарищу велел идти по правой; шаман предупредил, что завтра будет облачно, запретил заходить в юрты и посоветовал дожждаться дождя, во время которого появится возможность увести женщин, ведь они будут покрывать тисками лабаз; мужчина сделал всё, как велел шаман; шаман сказал своей жене, чтобы она перерезала тетивы луков; жена вошла в юрту и сделала это; затем шаман убил эвенков-людоедов и увёл свою жену [Василевич 1936: 83 (текст 65)].

Х.25. ПОХИЩЕННАЯ БЕРЕМЕННОСТЬ.

Шаман похищает беременность для своей бесплодной жены.

Орочи [Березницкий 1999: 130-131 (текст № 32)].

Орочи: шаман пытается помочь своей бесплодной жене; он превращается в орла, летит за море, похищает у одной женщины беременность и улетает обратно; местный шаман пускается в погоню за птицей, стреляет из лука и отбивает правое крыло; шаман-похититель всё-таки долетает до дома и приносит душу ребёнка; правая рука шамана остаётся парализованной [Березницкий 1999: 130-131 (текст № 32)].

XI. ШАМАНСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

XI.1. ПУТЕШЕСТВИЕ С ПЕРЕЛЁТНЫМИ ПТИЦАМИ.

Один шаман либо два шамана отправляются в другие края вместе с перелётными птицами и/или в образе перелётных птиц.

Энцы [Лабанаускас 2002б: 95-99; Функ 2008: 187 (№ 68/93)], нганасаны [Долгих 1976: 59-60 (текст № 16)], ненцы [Третьяков 1869: 400; Попов 1944: 91], «туруханские инородцы» [Третьяков 1869: 424-425], долганы [Попов 1937: 54-57; Ефремов 2000: текст 28], кеты [Алексеенко 1981: 114, 122; 2001: 84 (текст 30); 104-110 (тексты 45, 46, 47)], илимпийские [Васильев 1936: 255] подкаменнотунгусские [Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18)] и верхнеленские [Василевич 1936: 75 (текст 57)] эвенки, северные якуты [Кулаковский 1972б: 284 (текст № 9); Худяков 2002: 85-86, прим. 7]

Энцы: между собой соперничают два шамана: энецкий и эвенкийский; шаманы хвастаются друг перед другом, каждый обещает съесть своего противника; энецкий шаман предлагает сопернику улететь в край гусей, дабы не случилось ничего плохого; энец сообщает это своей жене и просит её поставить весной чистый чум; эвенк также говорит своей жене о путешествии и его причинах; энец, превратившись в лебедя, вылетает через дымовое отверстие чума для камланий; пролетая над чумом другого шамана, энец зовет его в страну гусей; эвенк одевается в шаманскую парку и, превратившись в гагару, вылетает через дымовое отверстие; улетаая вместе с гагарами, он кричит оставшимся в чуме, чтобы они поставили чум, если он вернётся обратно; энец и эвенк улетают в гусиный край; прилетевшие шаманы присоединяются к птицам; шаман-лебедь линяет среди лебедей, а шаман-гагара – среди гагар; крепкий пух шамана-гагары не линяет, а у шамана-лебедя облезают крылья и линяет пух; при встрече шаман-лебедь жалуется шаману-гагаре, что замерзает, и предупреждает его, чтобы он не попался в небесные сети; через какое-то время шаман-гагара во время ловли рыбы попадает в выставленные сети и оказывается пойманным людьми; шаман-лебедь выращивает себе новое оперение, с наступлением весны у него появляются новые крылья; шаман-лебедь возвращается в тот чум, из которого улетаал; он три раза облетает чум над дымовым отверстием и кричит по-лебединому; затем энецкий шаман садится в чистом чуме, в котором уже были приготовлены шаманская

одежда и бубен; шаман начинает камлать, после камлания люди начинают спрашивать о судьбе второго шамана; шаман рассказывает о том, что эвенк попал в небесные сети, считая вероятным его возвращение; шаман предсказывает, что скоро станет лебедем, а его род будет кормить всех жителей земли, в отличие от священной птицы эвенков – гагары, которую будет очень сложно поймать [Лабанаускас 2002б: 95-99].

Нганасаны: шаман Нгамтусо предложил шаману Линанчера слетать с гусями в их землю; Линанчера попросил жену приготовить ему новую одежду и велел никому её не показывать; когда всё было готово, шаман полетел с гусями; пролетая над чумом Нгамтусо, Линанчера позвал его; другой шаман забыл о договорённости, не приготовил новой шаманской одежды и начал камлать в старой; Нгамтусо прилетел в страну гусей и увидел, что вода, на которой сидел Линанчера, была сплошь покрыта гусями; Нгамтусо улетел линять на озеро; Линанчера отправился искать второго шамана; обнаружив Нгамтусо на озере, Линанчера предупредил, что оттуда не выбраться, если придут охотники; к реке, где линял Линанчера, пришли охотники; гуси спаслись; охотники пошли на озеро и убили там всех гусей, в том числе и Нгамтусо; на следующий год Линанчера вернулся домой; шаман подлетел к заранее подготовленному чуму, спустился через трубу; люди Нгамтусо умирали с голода, из людей Линанчера никто не умер [Долгих 1976: 59-60 (текст № 16)].

Ненцы:

Сенянан та хунананта Опай тадебэ танясь Чеки тадебэ пензерь совой Нум ханавы Сял иры энгуда Нара ямбада то Ебта совой Ани чикы мякононт хаморгазе	Когда-то давно Один шаман был. Этого шамана с бубном (вместе) Бог унёс. Сколько месяцев не было. В продолжительную весну пришёл С гусями вместе Опять в этот чум упал [Третьяков 1869: 400].
--	--

Енисейские ненцы: осенью один шаман вместе с гусями улетел в тёплую страну, превратившись в гуся; прилетев туда, он стал летать вместе со своими гусями на одном озере; когда у гусей стали отрастать крылья, пришли люди и начали ловить их сетями;

шаман-гусь вместе с десятью другими гусями, удачно избежал смерти, нырнув в воду; когда наступила весна, шаман-гусь прилетел к себе домой, превратился в человека и рассказал обо всём своим людям [Попов 1944: 91].

Долганы: два шамана решили улететь с гусями; шаманы приказали поставить чистый чум и рассказали людям о своих планах; покамлав, шаманы обратились в гусей и улетели; они пролетели через отверстие в небе, около которого сидела старуха, ловившая крюком посоха жирных гусей; пролетая около старухи, один из шаманов подумал, какая она противная; прилетев в страну, где летают гуси, шаманы приняли человеческий облик и стали жить в землянках; когда настало время линять, один из шаманов превратился в лебедя и полетел на озеро, второй шаман остался на реке, обратившись в гуся; на озере появились охотники, которые перебили всех, кроме хозяина слова шамана; после ухода охотников второй шаман прилетел на озеро; хозяин слова шамана-лебедя рассказал ему, что погиб из-за того, что плохо подумал о хозяйке вселенной, которой была старуха, сидящая у отверстия в небе; умирая, он завещал, чтобы впредь ни один шаман не прилетал сюда, так как хозяйке это не угодно; с наступлением весны родные шаманов поставили чистый чум; когда летели три стада гусей, что-то упало на чум; люди тихонько подошли к чуму и, услышав звуки бубна, вошли в него; там сидел вздрагивающий и порывающийся улететь шаман; люди стали подпевать ему, он превратился в человека и рассказал всё; услышав рассказ, другой шаман заявил, что уплывёт с рыбами в море; осенью шаман заставил людей поставить чистый чум, начал камлать в нём, вызывая снег и дождь; внутри чума побежали реки, заиграли рыбы; когда люди опомнились, ни воды, ни рыбы, ни шамана не было; весной люди поставили чистый чум и перегородили речной залив сетями; один парень поставил свои старые сети; шаман попался к нему в сеть, но сеть оборвалась и шаман исчез в воде; люди позвали другого шамана; после камлания он сказал, что хозяин реки не отпустит назад попавшихся к нему; с тех пор шаманы не спускаются в воду [Попов 1937: 54-57].

«Туруханские инородцы»: первый шаман образовался вследствие особенного к этому настроения, при содействии дьявола; этот шаман улетел в чумовую трубу и возвратился обратно, по сделанному им предсказанию, вместе с лебедями [Третьяков 1869: 424-425].

Кеты: лебеди раньше были людьми, поэтому их не убивают; два шамана, дядя и племянник, однажды ушли далеко; в том месте, где они сели отдыхать, было озеро; шаманы превратились в лебедей; у старого лебедя перья, крылья были большие и крепкие, а молодого – слабые; на озеро пришли люди и стали гонять птиц; младший лебедь улететь не может, старший не бросает его и кричит, чтобы тот бежал прятаться в валежник; сам он спрятался там, а молодой лебедь, не послушав старшего, побежал вперёд; его поймали собаки; второго лебедя люди не нашли и ушли; старый лебедь полетел искать младшего, но нашёл только перья; тогда он полетел к своим и сказал, что его товарищ пропал; все его люди стали лебедями; старый лебедь остался птицей и наказал другим лебедям, чтобы они, если люди будут гонять, лезли прятаться в валежник; сам он улетел в лес, кричит «кук, кук!», товарища ищет; так и сейчас летает [Алексеев 2001: 84 (текст 30)].

Кеты: Дог-старик надумал вверх идти (на юг, в верховья Енисея); когда земля подмерзнуть стала, он сообщил своим людям, что ему пора отправляться; Уквол не хочет идти; Дог сказал своим людям, чтобы они, когда он с Укволом будет возвращаться, поставили семь чумов, в который шаманы залетят лебедями, а выйдут людьми; Дог и Уквол полетели вверх лебедями; Дог предупредил Уквола, чтобы тот остерегался югов; шаманы прилетели на озеро; Дог слышит людские голоса и говорит, что поплывёт на середину озера, где нырнёт в глубину; Уквол, несмотря на предупреждения Дога, решил идти на берег и спрятаться где-нибудь, повернувшись спиной к озеру; так они и сделали; одна из собак югов убила Уквола; юги стали объезжать озеро на *ветках*, но Дога, спрятавшегося в воде, не нашли и отправились домой; Дог, перезимовав, шаманил, его слова до оставшихся внизу людей доходили; когда Дог возвращался, у его людей поднялся ветер, немного погодя прилетели лебеди; один лебедь прямо в седьмой чум влетел; *светлые люди* сидят, вдруг рядом маленький ребёнок очутился; стал расти, Догом стал; Дог рассказал про Уквола, но люди Уквола не поверили Догу; он сказал: «Ладно, пусть я виноват буду. Осень наступит, с первыми заморозками шаманил буду»; потом Дог шаманил, своим людям сказал, что ему здесь не поверили и что теперь зимовать пойдём наверх; он сказал, что всех своих людей уведёт туда и что если кто-то не хочет, то пусть остаётся; Дог пообещал, что наверху у Еся много рыбы, что там есть медный *ельцовый котец*; Дог шёл вместе со своей женой и своими людьми по небесным облакам; вокруг стоят оловянные и железные деревья; Дог вывел людей к поднебесным *котцам*, там ночевать стали, люди поставили семь чумов на

дороге громов; Дог сказал людям, чтобы они не боялись, и тоже поставил там свой чум; когда загремел гром, Дог стал успокаивать и рассказал, что это кричит маленький гром, родителей которого он убил; гром подошёл близко и люди стали гореть; Дог хотел схватить свой *отказ*, одна половина наконечника которого была сделана из железа, вторая – из меди, но *отказ* тоже горел; Дог только успел схватить своего сына и, приподняв *тиску*, сбросить его на землю; все люди Дога сгорели; сам он ушёл ещё дальше вверх и стал богом [Алексеевко 2001: 104-106 (текст 45)].

Кеты: шаман Дог жил, когда народился первый снег; на зиму, как лебедь, летал к Томам и там зимовал; когда он возвращался, люди делали ему чум с двумя входами, один против другого; Дог с верхней стороны влетает, с другой вылетает; круг до солнца делает, снова в дверь сверху залетает; когда в седьмой раз залетел, жена на него новый белый платок накинула; подняла платок – там человек, Дог; пока он зимовал у Томам, его сын умер; Дог спросил свою бабу, она ответила, что сына утащила Хоседам; Дог попросил своих людей сделать ему петлю из железа; люди поленились и сделали петлю из черёмухового лыка; зная, что идёт Дог, Хоседам привязала над входом камень, чтобы тот упал и убил шамана; Дог задел камень *альдонем*, который был у него на *шаманской короне*; камень лопнул; Дог спрашивает Хоседам о сыне, она говорит, что не знала, что это его сын; Дог накинул ей на шею петлю, но затянуть не смог – петля не железная, лопнула; тогда Дог ударил Хоседам в висок своей *лопаткой*; Хоседам говорит: «К тебе семь оленей сверху спустятся, на них ты к Есю поднимешься»; Дог не расслышал и спросил свою *затылочную жену*, что сказала мать; жена пожалела свою мать и обманула Дога, сказав, что Хоседам ничего не говорила; если бы Дог узнал правду, он бы вернулся, её прикончил; сверху спустились семь оленей, Дог сказал своим людям, что будем *аргишить*; своей жене он велел взять с собой только чистое бельё; они аргиишили, Дог думал – по земле идут, а их тучей подняло вверх, где громы ходят; лесом там идут; Хоседам сделала так, что половина деревьев в том лесу железная; люди стали безуспешно рубить дрова, Дог пошаманил и сказал им, какие дрова нужно рубить; когда они поднялись на небо, нарта бабы Дога застряла: она не послушалась своего мужа, взяла с собой грязные штаны; она дёрнула нарту, *суклам* нарты застряла; до сих пор торчит, иногда её на небе видно; когда люди ночевали, стали греметь громы; у Дога и его сына были *пальмы*, наконечник *пальмы* сына – из меди; но ведь ещё раньше Дог велел своим людям делать железные наконечники; Дог убил шесть маленьких громов; пришла Мать громов, Дог схватил *пальму* сына, но медный наконечник расплавился; люди стали погибать; когда чум Дога загорелся, он поднял берестяную покрывку, толкнул сына

в гагарью шкуру и отправил вниз, туда, где сосновая река (Келлог); сын перепутал, полетел на Сым; там он прилетел на озеро к югам, которые стали гонять его на *ветках*; сын Дога кричал, говорил, кто он, что ему надо в Келлог, и предупреждал, что юги погибнут, если убьют его; юги не понимают его языка, лишь один старик кричал, что сына Дога не надо убивать; юги убили гагару, подняли её, она тяжёлая, а внутри всё медное; юги поняли, что это был сын Дога; на утро один тот старик встал – остальные мёртвые; так все юги и пропали; если бы сын Дога жив остался, он бы за отца Хоседам убил и наш народ не кончался, большой был бы [Алексеев 2001: 107-108 (текст 46)].

Илимпейские эвенки (Туруханский окр. Енисейской губ.): два знаменитых шамана захотели посмотреть на те места, где зимует птица; шаманы превратились в лебедей и полетели осенью с лебединой стаей; шаманы прилетели туда, где зимует птица; оказалось, что там тепло и что нужно линять; все лебеди собрались линять, шаманы посоветовались, один решил линять вместе со стаей, а другой – где-нибудь в стороне, опасаясь, что лебеди узнают и забьют насмерть; в итоге первого без перьев лебеди узнали и убили, а второй благополучно вылинял и вернулся домой [Васильев 1936: 255].

Подкаменнотунгусские эвенки (п. Полигус, Байкитский р-н, Эвенкийский национальный окр., Красноярский край): шаман Бакадя (*Найдёныш*) мог превращаться в духа-мэлкен (невидимку); на стойбище жил другой шаман; рано утром послышался плач ребёнка; много дней все слышали звук, но никто не видел его источник; шаман покамлял и сказал, что это не ребёнок, а шаман, превратившийся в ребёнка; шаман повёл людей искать плачущего, с собой не взяли вдовца; нашли плачущего ребёнка в люльке, которая висела на лиственнице; шаман, камлая, подпилит дерево, ребёнка взяли и унесли домой; там ему сделали колыбель; за семь дней ребёнок стал взрослым человеком и опять стал шаманить; во время камлания ему подыскали имя – Бакадя; Бакадя много лет лечил людей; зимой Бакадя поссорился с другим шаманом из-за духов-помощников; они устроили состязание: расчистили от снега лёд на реке, сели друг от друга на расстоянии слышимости звука речи, надели шаманские плащи и разговаривали между собой неделю; наступил сильный мороз; о том, что шаманы живы, сообщали колокольчики, которые брякали на их плащах; Бакадя звонил пять дней, другой шаман на пятый день перестал звонить, замёрз; Бакадя звонил ещё два дня, затем пошёл к жене; шаман сказал жене, что они оба должны превратиться в птиц и исчезнуть, так как на этом месте им жить нельзя; шаман предложил лететь на край земли, на море, при этом он велел жене не брать железные подвески на одежде; жена

забыла его требование и оставила железный *игольник* в своём поясе; Бакадя полетел с женой и уронил её на землю; она пропала, а Бакадя остался *мэлкэном* [Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18)].

Верхнеленские эвенки (Тутура): стойбище, на котором жил шаман, вымерло; шаман перешёл на другое стойбище; когда он умер, эвенки сделали лабаз; осенью шаман полетел за море с лебедями; за морем шаман начал отправлять на свою родину за землёю, говоря, что, когда ему пришлют землю, он вернётся обратно молодым и станет лечить людей; люди не послали земли, решив, что умерший ничего не сможет сделать; шаман предсказал гибель своего рода и сказал, что живым останется только один человек; предсказание сбылось [Василевич 1936: 75 (текст 57)].

Северные якуты (Усть-Янский улус): у шамана Гуся не было детей; чтобы его имя не забылось, шаман собирается улететь на юг, добыть интересные сведения, которые останутся в памяти людей; шаман оставляет жене свои внутренности, превращается в гуся и улетает с гусями; весной шаман возвращается немым, жестами требует от жены принести внутренности; жена, вынося из погреба замёрзшие внутренности, поскользывается, падает и разбивает их; шаман умирает, ничего не рассказав [Кулаковский 1972б: 284 (текст № 9)].

Северные якуты: бытантайский шаман умел превращаться в стерха; перед своим полётом он рассказал жене, что вынет из себя внутренности, обратится стерхом и полетит на юг; шаман предупредил, что оттуда вернётся семь стерхов, которые сядут на надворье, их должны будут окружить семь девственниц с верёвкой; шаман велел, чтобы после того, как шесть стерхов улетят, ему разрезали живот и вложили внутренности, затем он превратится в человека; слова шамана сбылись, но жена, которая пошла за внутренностями для стерха, по пути их случайно изорвала; шаман умер, так и не рассказав, что он видел на юге [Худяков 2002: 85-86, прим. 7].

ХІ.2. ИСХОД НА НЕБЕСА.

Один шаман либо шаман вместе со своей семьёй, а также, иногда, вместе со своим народом, отправляются жить на небо.

Нганасаны [Попов 1984: 45-47; Долгих 1976: 106-109 (текст 28); Симченко 1996а: 144-145], кеты [Ошаров 1936: 106-109; Алексеенко 2001: 104-108 (тексты 45, 46), 110-116 (тексты 48, 49, 50, 51); Николаева 2006: 24-26, 43], северные селькупы [Пелих 1998: 67-68], ханты [Кулемзин, Лукина 1978: 147-149 (тексты 129, 130, 131, 132); Лукина 1991: текст № 55], «инородцы Анадырского края» (вероятно, чуванцы) [Дьячков 1893: 129-130]. Ср. у подкаменнотунгусских эвенков [Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18)] и хакасов [Бутанаева 2007: 111].

Нганасаны: два брата-шамана голодают, старший видит сон о куропатках, на следующий день появляются бескрылые куропатки, их ловят и едят; снова голодают; младший решает идти на небо, его семья собирает вещи; шаман заколол пороза, достал у него сердце; потом пороза хореем стал гонять, пороз в небо побежал, всех людей унёс; аргиш по небу пошёл; два раза поворачивал назад: за ножом, за топором; на другой год младший шаман вернулся, рассказывает, что там у них всё есть; старший бросил вверх топор, младший сказал, что теперь они не будут к нему ходить и ушёл; на небе теперь пороза дыхание (Млечный Путь), топор тоже, как огниво о кремьень, на небе сверкает, это дяндю (зарница) [Симченко 1996а: 144-145].

Кеты: мудрый шаман поднялся на последнее небо, оттуда принёс на бубне золотопёрую рыбу – ельца и сказал людям: «Зачем нам жить здесь, на земле?»; шаман взял сына и вместе с чумом откочевал на небо; докочевал до седьмого неба, т.к. деревья по пути были полужелезными; но и на седьмом небе деревья оказались такими, шаман не смог их срубить; шаман умер; сын его упал с неба в озеро и сделался гагарой; его убили охотники, съели и после этого умерли [Ошаров 1936: 106-109; Николаева 2006: 43].

Кеты: Дог-старик надумал вверх идти (на юг, в верховья Енисея); когда земля подмерзать стала, он сообщил своим людям, что ему пора отправляться; Уквол не хочет идти; Дог сказал своим людям, чтобы они, когда он с Укволом будет возвращаться, поставили семь чумов, в который шаманы залетят лебедями, а выйдут людьми; Дог и Уквол полетели вверх лебедями; Дог предупредил Уквола, чтобы тот остерегался югов; шаманы прилетели на озеро; Дог слышит людские голоса и говорит, что поплывёт на середину озера, где нырнёт в глубину; Уквол, несмотря на предупреждения Дога, решил идти на берег и спрятаться где-нибудь, повернувшись спиной к озеру; так они и сделали; одна из собак югов убила Уквола; юги стали объезжать озеро на *ветках*, но Дога, спрятавшегося в воде, не нашли и

отправились домой; Дог, перезимовав, шаманил, его слова до оставшихся внизу людей доходили; когда Дог возвращался, у его людей поднялся ветер, немного погода прилетели лебеди; один лебедь прямо в седьмой чум влетел; *светлые люди* сидят, вдруг рядом маленький ребёнок очутился; стал расти, Догом стал; Дог рассказал про Уквола, но люди Уквола не поверили Дог; он сказал: «Ладно, пусть я виноват буду. Осень наступит, с первыми заморозками шаманил буду»; потом Дог шаманил, своим людям сказал, что ему здесь не поверили и что теперь зимовать пойдём наверх; он сказал, что всех своих людей уведёт туда и что если кто-то не хочет, то пусть остаётся; Дог пообещал, что наверху у Еся много рыбы, что там есть медный *ельцовый котец*; Дог шёл вместе со своей женой и своими людьми по небесным облакам; вокруг стоят оловянные и железные деревья; Дог вывел людей к поднебесным *котцам*, там ночевать стали, люди поставили семь чумов на дороге громов; Дог сказал людям, чтобы они не боялись, и тоже поставил там свой чум; когда загремел гром, Дог стал успокаивать и рассказал, что это кричит маленький гром, родителей которого он убил; гром подошёл близко и люди стали гореть; Дог хотел схватить свой *отказ*, одна половина наконечника которого была сделана из железа, вторая – из меди, но *отказ* тоже горел; Дог только успел схватить своего сына и, приподняв *тиску*, сбросить его на землю; все люди Дога сгорели; сам он ушёл ещё дальше вверх и стал богом [Алексеенко 2001: 104-106 (текст 45)].

Кеты: шаман Дог жил, когда родился первый снег; на зиму, как лебедь, летал к Томам и там зимовал; когда он возвращался, люди делали ему чум с двумя входами, один против другого; Дог с верхней стороны влетает, с другой вылетает; круг до солнца делает, снова в дверь сверху залетает; когда в седьмой раз залетел, жена на него новый белый платок накинула; подняла платок – там человек, Дог; пока он зимовал у Томам, его сын умер; Дог спросил свою бабу, она ответила, что сына утащила Хоседам; Дог попросил своих людей сделать ему петлю из железа; люди поленились и сделали петлю из черёмухового лыка; зная, что идёт Дог, Хоседам привязала над входом камень, чтобы тот упал и убил шамана; Дог задел камень *альдонем*, который был у него на *шаманской короне*; камень лопнул; Дог спрашивает Хоседам о сыне, она говорит, что не знала, что это его сын; Дог накинул ей на шею петлю, но затянуть не смог – петля не железная, лопнула; тогда Дог ударил Хоседам в висок своей *лопаткой*; Хоседам говорит: «К тебе семь оленей сверху спустятся, на них ты к Есю поднимешься»; Дог не расслышал и спросил свою *затылочную жену*, что сказала мать; жена пожалела свою мать и обманула Дога, сказав, что Хоседам ничего не говорила; если бы Дог узнал правду, он бы вернулся, её прикончил; сверху спустились семь оленей,

Дог сказал своим людям, что будем *аргишить*; своей жене он велел взять с собой только чистое бельё; они аргишили, Дог думал – по земле идут, а их тучей подняло вверх, где громы ходят; лесом там идут; Хоседам сделала так, что половина деревьев в том лесу железная; люди стали безуспешно рубить дрова, Дог пошаманил и сказал им, какие дрова нужно рубить; когда они поднялись на небо, нарта бабы Дога застряла: она не послушалась своего мужа, взяла с собой грязные штаны; она дёрнула нарту, *суклам* нарты застряла; до сих пор торчит, иногда её на небе видно; когда люди ночевали, стали греметь громы; у Дога и его сына были *пальмы*, наконечник *пальмы* сына – из меди; но ведь ещё раньше Дог велел своим людям делать железные наконечники; Дог убил шесть маленьких громов; пришла Мать громов, Дог схватил *пальму* сына, но медный наконечник расплавился; люди стали погибать; когда чум Дога загорелся, он поднял берестяную покрывку, толкнул сына в гагарью шкуру и отправил вниз, туда, где сосновая река (Келлог); сын перепутал, полетел на Сым; там он прилетел на озеро к югам, которые стали гонять его на *ветках*; сын Дога кричал, говорил, кто он, что ему надо в Келлог, и предупреждал, что юги погибнут, если убьют его; юги не понимают его языка, лишь один старик кричал, что сына Дога не надо убивать; юги убили гагару, подняли её, она тяжёлая, а внутри всё медное; юги поняли, что это был сын Дога; на утро один тот старик встал – остальные мёртвые; так все юги и пропали; если бы сын Дога жив остался, он бы за отца Хоседам убил и наш народ не кончался, большой был бы [Алексеенко 2001: 107-108 (текст 46)].

Кеты: пропадает рыба, погибают берёзы и пр.; наступает голод; люди трижды обращаются за помощью к Догу; Дог на бубне улетел на небо, вернулся и сказал, что завтра поведёт людей на новые земли; шаман запретил брать старые вещи, только его жена взяла старую детскую колыбель, в которой со дня рождения спал её первенец; на облаке Дог и люди поднимаются на первое небо; в итоге добрались до пятого, появился гром, Дог поразил его копьём, спросил людей, кто прячет старое; кое-кто остался на пятом небе, остальные поднялись на шестое; там опять появился гром, Дог победил его; Дог разгневался на людей, думал, что они обманывают его и прячут что-то старое; отправился вместе с женой и сыном на седьмое небо; там всего было вдоволь; появился гром, огонь сжёг и жену, и санки; гром не мог уничтожить Дога, который не знал смерти, но мог убить его сына; Дог превращает сына в гагару кидает вниз; сын попадает к югам, те убивают его и погибают [Николаева 2006: 24-26].

Северные селькупы: шаман Моньга на туче поднялся на небо, женился на Пумыль-нееля – дочери Пари-нума; стал перевозить на небо и свою земную семью; протаскивая нарты сквозь отверстие в небе, уронил маленького сына; успел вызвать силу земли, она удержала мальчика в воздухе; он долго провисел с раскинутыми руками; снизу от земли шел тёмный свет, с неба – белое сияние; спина мальчика стала чёрной, а брюхо – белым, руки превратились в крылья, он стал гагарой; Пари-нум велел гагаре нырнуть в море и достать землю, пообещав вернуть человеческий облик; гагара не смогла этого сделать, осталась птицей [Пелих 1998: 67-68. Цит. по: Берёзкин 2011].

Северные селькупы: шаман Моньга ушел жить на небо; его маленький сын Лючаку превратился в гагару, стал жить с отцом на небе; Нум спросил, хочет ли он быть человеком или птицей; Л. ответил, что человеком; Нум велел Моче-бо (=Лючаку) достать со дна моря утонувшую землю, обещал за это вернуть человеческий облик; Моче-бо нашёл землю, но не смог поднять на поверхность; тогда Нум послал утку; она тоже не смогла поднять землю, но догадалась отломить кусочек, вынести на поверхность; из кусочка выросла большая земля; Моче-бо остался птицей, от него происходят гагары; гагара до сих пор помнит, что раньше была человеком; пытается разговаривать с людьми, но они её не понимают [Пелих 1998: 68. Цит. по: Берёзкин 2011].

«Инородцы Анадырского края» (вероятно, чуванцы): один древний чуванский шаман оделся в белую одежду, запряг под санки двух белых оленей и, распростившись со всеми родственниками, сказал, что «все шаманы переселились в подземный мир, а меня бог призывает на небо»; потом сел в санки и ударил оленей; шаман поехал сначала по земле, потом начал отделяться от неё и поехал по воздуху, исчез в небесном пространстве; далее о нём ничего не рассказывают [Дьячков 1893: 129-130].

XI.3. ИСПОРЧЕННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Во время исхода на небо у шамана и его спутников возникают проблемы из-за того, что жена шамана нарушила запрет брать с собой некоторые вещи. См. мотив XI.2 «Исход на небеса».

Кеты [Алексеевко 2001: 107-108 (текст 46), 110-116 (тексты 48, 49, 50, 51); Николаева 2006: 24-26], подкаменнотунгусские эвенки [Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18)].

Кеты: пропадает рыба, погибают берёзы и пр.; наступает голод; люди трижды обращаются за помощью к Догу; Дог на бубне улетел на небо, вернулся и сказал, что завтра поведёт людей на новые земли; шаман запретил брать старые вещи, только его жена взяла старую детскую колыбель, в которой со дня рождения спал её первенец; на облаке Дог и люди поднимаются на первое небо; в итоге добрались до пятого, появился гром, Дог поразил его копьём, спросил людей, кто прячет старое; кое-кто остался на пятом небе, остальные поднялись на шестое; там опять появился гром, Дог победил его; Дог разгневался на людей, думал, что они обманывают его и прячут что-то старое; отправился вместе с женой и сыном на седьмое небо; там всего было вдоволь; появился гром, огонь сжёг и жену, и санки; гром не мог уничтожить Дога, который не знал смерти, но мог убить его сына; Дог превращает сына в гагару кидает вниз; сын попадает к югам, те убивают его и погибают [Николаева 2006: 24-26].

Подкаменнотунгусские эвенки (п. Полигус, Байкитский р-н, Эвенкийский национальный окр., Красноярский край): шаман Бакадя (*Найдёныш*) мог превращаться в духа-мэлкен (невидимку); на стойбище жил другой шаман; рано утром послышался плач ребёнка; много дней все слышали звук, но никто не видел его источник; шаман покамлял и сказал, что это не ребёнок, а шаман, превратившийся в ребёнка; шаман повёл людей искать плачущего, с собой не взяли вдовца; нашли плачущего ребёнка в люльке, которая висела на лиственнице; шаман, камлая, подпилит дерево, ребёнка взяли и унесли домой; там ему сделали колыбель; за семь дней ребёнок стал взрослым человеком и опять стал шаманить; во время камлания ему подыскали имя – Бакадя; Бакадя много лет лечил людей; зимой Бакадя поссорился с другим шаманом из-за духов-помощников; они устроили состязание: расчистили от снега лёд на реке, сели друг от друга на расстоянии слышимости звука речи, надели шаманские плащи и разговаривали между собой неделю; наступил сильный мороз; о том, что шаманы живы, сообщали колокольчики, которые брякали на их плащах; Бакадя звонил пять дней, другой шаман на пятый день перестал звонить, замёрз; Бакадя звонил ещё два дня, затем пошёл к жене; шаман сказал жене, что они оба должны превратиться в птиц и исчезнуть, так как на этом месте им жить нельзя; шаман предложил лететь на край земли, на море, при этом он велел жене не брать железные подвески на одежде; жена забыла его требование и оставила железный *игольник* в своём поясе; Бакадя полетел с

женой и уронил её на землю; она пропала, а Бакадя остался *мэлкэном* [Василевич 1966: 147-148, 304-305 (текст № 18)].

ХІ.4. ОТВЕРСТИЕ В НЕБЕ.

Путь в другой мир лежит через отверстие в небе.

Долганы [Попов 1937: 54-57], северные селькупы [Пелих 1998: 67-68], виллойские якуты [Ксенофонтов 1992а: 62-65].

Долганы: два шамана решили улететь с гусями; шаманы приказали поставить чистый чум и рассказали людям о своих планах; покамлав, шаманы обратились в гусей и улетели; они пролетели через отверстие в небе, около которого сидела старуха, ловившая крюком посоха жирных гусей; пролетая около старухи, один из шаманов подумал, какая она противная; прилетев в страну, где летают гуси, шаманы приняли человеческий облик и стали жить в землянках; когда настало время линять, один из шаманов превратился в лебедя и полетел на озеро, второй шаман остался на реке, обратившись в гуся; на озере появились охотники, которые перебили всех, кроме хозяина слова шамана; после ухода охотников второй шаман прилетел на озеро; хозяин слова шамана-лебедя рассказал ему, что погиб из-за того, что плохо подумал о хозяйке вселенной, которой была старуха, сидящая у отверстия в небе; умирая, он завещал, чтобы впредь ни один шаман не прилетал сюда, так как хозяйке это не угодно; с наступлением весны родные шаманов поставили чистый чум; когда летели три стада гусей, что-то упало на чум; люди тихонько подошли к чуму и, услышав звуки бубна, вошли в него; там сидел вздрагивающий и порывающийся улететь шаман; люди стали подпевать ему, он превратился в человека и рассказал всё; услышав рассказ, другой шаман заявил, что уплывёт с рыбами в море; осенью шаман заставил людей поставить чистый чум, начал камлать в нём, вызывая снег и дождь; внутри чума побежали реки, заиграли рыбы; когда люди опомнились, ни воды, ни рыбы, ни шамана не было; весной люди поставили чистый чум и перегородили речной залив сетями; один парень поставил свои старые сети; шаман попался к нему в сеть, но сеть оборвалась и шаман исчез в воде; люди позвали другого шамана; после камлания он сказал, что хозяин реки не отпустит назад попавшихся к нему; с тех пор шаманы не спускаются в воду [Попов 1937: 54-57].

Северные селькупы: шаман Моньга на туче поднялся на небо, женился на Пумыль-нееля – дочери Пари-нума; стал перевозить на небо и свою земную семью; протаскивая нарты сквозь отверстие в небе, уронил маленького сына; успел вызвать силу земли, она удержала мальчика в воздухе; он долго провисел с раскинутыми руками; снизу от земли шел тёмный свет, с неба – белое сияние; спина мальчика стала чёрной, а брюхо – белым, руки превратились в крылья, он стал гагарой; Пари-нум велел гагаре нырнуть в море и достать землю, пообещав вернуть человеческий облик; гагара не смогла этого сделать, осталась птицей [Пелих 1998: 67-68. Цит. по: Берёзкин 2011].

Вилюйские якуты (Хаданский наслег Хочинского улуса): младший из двух братьев женился; весной родился красно-пегий жеребёнок, который обещал быть хорошим конём; осенью младший брат заболел и умер; лёжа мёртвым, он всё видел и слышал; его похоронили; он услышал, что наверху кто-то начал разрывать могилу; крышка гроба открылась и погребённый увидел четырёх чёрных людей; они его подняли, усадили и повернули лицом в сторону дома; из глубины могилы с рёвом показался чёрный бык с близко сходящимися рогами; бык захватил сидящего человека между рогами и спустился обратно по тому отверстию, по которому поднялся; они добрались до места, где был дом; из дома послышался голос, приказавший принести человека; выскочили чёрные люди, схватили принесённого, занесли его в дом и посадили на ладонь старика; старик определил тяжесть человека и сказал, чтобы его несли обратно; бык вынес человека обратно и усадил на прежнее место; ночью прилетел чёрный ворон, который поднял человека и полетел с ним наверх; они пролетели через отверстие и оказались в месте, где тоже светили солнце и луна, а дома и амбары были из железа; местные люди были вороноголовыми; изнутри дома послышался голос, велевший принести человека; выскочившие парни выполнили приказ и посадили человека на ладони старика; старик, испытав на ладони его на тяжесть, велел парням положить человека на самое верхнее гнездо; парни выполнили приказ; гнездо было на лиственнице, верхушка которой достигала неба; на гнездо прилетел белый крылатый олень, соски которого приходились человеку прямо в рот; он начал сосать их; человек лежал там три года; чем больше он сосал оленя, тем меньше становилось его тело, пока не стало с напёрсток; лёжа в гнезде, человек однажды услышал голос старика, велевшего одному из своих сыновей спуститься на среднюю землю и принести оттуда жену; сын старика вернулся, держа за волосы женщину; началось пиршество; лежащий в гнезде услышал голос, говорящий, что их сын, который живёт в средней земле, возможно, поднимется за женщиной; женщину заперли в амбар; лежащий в гнезде услышал гром

шаманского бубна в средней земле; доносились приближающиеся звуки пения и в выходном отверстии показалась голова шамана; поднявшись, шаман приставил поперёк ко лбу колотушку своего бубна, затем превратился в быка с единственным рогом, выбил двери амбара, где была заперта женщина, и вместе с ней спустился вниз; сын старика снова отправился на среднюю землю и вернулся с другой женщиной; её запрятали, уменьшив в крошечное насекомое, у среднего столба юрты; снова слышались звуки бубна и пения шамана; шаман нашёл женщину, раздробив столб, и унёс её вниз; сын старика спустился в третий раз и вернулся с той же женщиной; верхние люди заранее приготовились: у выходного отверстия зажгли костёр и, держа в руках горящие головни, стали около; когда в отверстии показался шаман, они, ударяя головнями, спровадили его обратно; к концу третьего года лежащий в гнезде услышал голос старика, давший ему имя Ааджа-Шаман и сказавший, что настало время послать его вниз, вселить в женщину, которая затем родит его; только вступив в пятилетний возраст, этот человек вспомнил, как раньше родился и жил на земле, как возродился наверху; с восьми лет он начал шаманить, а с двенадцати стал великим шаманом; он родился недалеко от места, где жил в первое своё рождение; жена его вышла замуж, а пегий жеребёнок стал знаменитым конём; на одном *ысыахе* молодой шаман встретил того шамана, который поднимался наверх, когда он лежал в гнезде; тот его узнал и сказал, что видел его в гнезде, сосущим мать-зверя; молодой шаман разгневался из-за того, что секрет его рождения разглашается; в ту же ночь он умертвил старого шамана [Ксенофонтов 1992а: 62-65].

XI.5. НА НЕБО ПО ОБЛАКАМ.

Шаман добирается до неба по облакам, на туче и т.п.

Кеты [Анучин 1914: 7-8; Алексеенко 2001: 104-108 (тексты 45, 46)], северные селькупы [Пелих 1998: 67-68].

Кеты: шаман Дох поднялся на небо так стремительно, что его *ульвей* упал; *кыньси* схватили *ульвей* и унесли на Мёртвый остров; Хосадам хотела его съесть, но сломала себе зуб; Хосадам прибила *ульвей* к дереву; утратив *ульвей*, Дох вынужден был уйти на небо; он встал на бубен, который превратился в облако, и стал подниматься на небо; люди заплакали; Дох снял свой шаманский плащ, бросил его своей внучке, которая была его

помощницей при камлании, и сказал: «Теперь она будет шаманить вам» [Анучин 1914: 7-8].

Кеты: Дог-старик надумал вверх идти (на юг, в верховья Енисея); когда земля подмерзнуть стала, он сообщил своим людям, что ему пора отправляться; Уквол не хочет идти; Дог сказал своим людям, чтобы они, когда он с Укволом будет возвращаться, поставили семь чумов, в который шаманы залетят лебедями, а выйдут людьми; Дог и Уквол полетели вверх лебедями; Дог предупредил Уквола, чтобы тот остерегался югов; шаманы прилетели на озеро; Дог слышит людские голоса и говорит, что поплывёт на середину озера, где нырнёт в глубину; Уквол, несмотря на предупреждения Дога, решил идти на берег и спрятаться где-нибудь, повернувшись спиной к озеру; так они и сделали; одна из собак югов убила Уквола; юги стали объезжать озеро на *ветках*, но Дога, спрятавшегося в воде, не нашли и отправились домой; Дог, перезимовав, шаманил, его слова до оставшихся внизу людей доходили; когда Дог возвращался, у его людей поднялся ветер, немного погодя прилетели лебеди; один лебедь прямо в седьмой чум влетел; *светлые люди* сидят, вдруг рядом маленький ребёнок очутился; стал расти, Догом стал; Дог рассказал про Уквола, но люди Уквола не поверили Догу; он сказал: «Ладно, пусть я виноват буду. Осень наступит, с первыми заморозками шаманить буду»; потом Дог шаманил, своим людям сказал, что ему здесь не поверили и что теперь зимовать пойдём наверх; он сказал, что всех своих людей уведёт туда и что если кто-то не хочет, то пусть остаётся; Дог пообещал, что наверху у Еся много рыбы, что там есть медный *ельцовый котец*; Дог шёл вместе со своей женой и своими людьми по небесным облакам; вокруг стоят оловянные и железные деревья; Дог вывел людей к поднебесным *котцам*, там ночевать стали, люди поставили семь чумов на дороге громов; Дог сказал людям, чтобы они не боялись, и тоже поставил там свой чум; когда загрел гром, Дог стал успокаивать и рассказал, что это кричит маленький гром, родителей которого он убил; гром подошёл близко и люди стали гореть; Дог хотел схватить свой *отказ*, одна половина наконечника которого была сделана из железа, вторая – из меди, но *отказ* тоже горел; Дог только успел схватить своего сына и, приподняв *тиску*, сбросить его на землю; все люди Дога сгорели; сам он ушёл ещё дальше вверх и стал богом [Алексеенко 2001: 104-106 (текст 45)].

Кеты: шаман Дог жил, когда народился первый снег; на зиму, как лебедь, летал к Томам и там зимовал; когда он возвращался, люди делали ему чум с двумя входами, один против другого; Дог с верхней стороны влетает, с другой вылетает; круг до солнца делает, снова в

дверь сверху залетает; когда в седьмой раз залетел, жена на него новый белый платок накинула; подняла платок – там человек, Дог; пока он зимовал у Томам, его сын умер; Дог спросил свою бабу, она ответила, что сына утащила Хоседам; Дог попросил своих людей сделать ему петлю из железа; люди поленились и сделали петлю из черёмухового лыка; зная, что идёт Дог, Хоседам привязала над входом камень, чтобы тот упал и убил шамана; Дог задел камень *альдоном*, который был у него на *шаманской короне*; камень лопнул; Дог спрашивает Хоседам о сыне, она говорит, что не знала, что это его сын; Дог накинул ей на шею петлю, но затянуть не смог – петля не железная, лопнула; тогда Дог ударил Хоседам в висок своей *лопаткой*; Хоседам говорит: «К тебе семь оленей сверху спустятся, на них ты к Есю поднимешься»; Дог не расслышал и спросил свою *затылочную жену*, что сказала мать; жена пожалела свою мать и обманула Дога, сказав, что Хоседам ничего не говорила; если бы Дог узнал правду, он бы вернулся, её прикончил; сверху спустились семь оленей, Дог сказал своим людям, что будем *аргишит*; своей жене он велел взять с собой только чистое бельё; они аргишили, Дог думал – по земле идут, а их тучей подняло вверх, где громы ходят; лесом там идут; Хоседам сделала так, что половина деревьев в том лесу железная; люди стали безуспешно рубить дрова, Дог пошаманил и сказал им, какие дрова нужно рубить; когда они поднялись на небо, нарта бабы Дога застряла: она не послушалась своего мужа, взяла с собой грязные штаны; она дёрнула нарту, *суклам* нарты застряла; до сих пор торчит, иногда её на небе видно; когда люди ночевали, стали греметь громы; у Дога и его сына были *пальмы*, наконечник *пальмы* сына – из меди; но ведь ещё раньше Дог велел своим людям делать железные наконечники; Дог убил шесть маленьких громов; пришла Мать громов, Дог схватил *пальму* сына, но медный наконечник расплавился; люди стали погибать; когда чум Дога загорелся, он поднял берестяную покрывку, толкнул сына в гагарью шкуру и отправил вниз, туда, где сосновая река (Келлог); сын перепутал, полетел на Сым; там он прилетел на озеро к югам, которые стали гонять его на *ветках*; сын Дога кричал, говорил, кто он, что ему надо в Келлог, и предупреждал, что юги погибнут, если убьют его; юги не понимают его языка, лишь один старик кричал, что сына Дога не надо убивать; юги убили гагару, подняли её, она тяжёлая, а внутри всё медное; юги поняли, что это был сын Дога; на утро один тот старик встал – остальные мёртвые; так все юги и пропали; если бы сын Дога жив остался, он бы за отца Хоседам убил и наш народ не кончался, большой был бы [Алексеенко 2001: 107-108 (текст 46)].

Северные селькупы: шаман Моньга на туче поднялся на небо, женился на Пумыль-нееля – дочери Пари-нума; стал перевозить на небо и свою земную семью; протаскивая нарты

сквозь отверстие в небе, уронил маленького сына; успел вызвать силу земли, она удержала мальчика в воздухе; он долго провисел с раскинутыми руками; снизу от земли шел тёмный свет, с неба – белое сияние; спина мальчика стала чёрной, а брюхо – белым, руки превратились в крылья, он стал гагарой; Пари-нум велел гагаре нырнуть в море и достать землю, пообещав вернуть человеческий облик; гагара не смогла этого сделать, осталась птицей [Пелих 1998: 67-68. Цит. по: Берёзкин 2011].

XI.6. ПУТЕШЕСТВИЕ НА БУБНЕ.

Шаман летит на небо / спускается в подземный мир на бубне.

Кеты [Анучин 1914: 7-8; Николаева 2006: 24-26], прибайкальские буряты [Михайлов 1996: 63-64], кур-урмийские нанайцы [Шимкевич 1896: 8-11; Сем 1996: 135-136].

Кеты: шаман Дох поднялся на небо так стремительно, что его *ульвей* упал; *кыньси* схватили *ульвей* и унесли на Мёртвый остров; Хосадам хотела его съесть, но сломала себе зуб; Хосадам прибила *ульвей* к дереву; утратив *ульвей*, Дох вынужден был уйти на небо; он встал на бубен, который превратился в облако, и стал подниматься на небо; люди заплакали; Дох снял свой шаманский плащ, бросил его своей внучке, которая была его помощницей при камлании, и сказал: «Теперь она будет шаманить вам» [Анучин 1914: 7-8].

Кеты: пропадает рыба, погибают берёзы и пр.; наступает голод; люди трижды обращаются за помощью к Дог; Дог на бубне улетел на небо, вернулся и сказал, что завтра поведёт людей на новые земли; шаман запретил брать старые вещи, только его жена взяла старую детскую колыбель, в которой со дня рождения спал её первенец; на облаке Дог и люди поднимаются на первое небо; в итоге добрались до пятого, появился гром, Дог поразил его копьём, спросил людей, кто прячет старое; кое-кто остался на пятом небе, остальные поднялись на шестое; там опять появился гром, Дог победил его; Дог разгневался на людей, думал, что они обманывают его и прячут что-то старое; отправился вместе с женой и сыном на седьмое небо; там всего было вдоволь; появился гром, огонь сжёг и жену, и санки; гром не мог уничтожить Дога, который не знал смерти, но мог убить его сына; Дог

превращает сына в гагару кидает вниз; сын попадает к югам, те убивают его и погибают [Николаева 2006: 24-26].

Прибайкальские буряты: Эсэгэ Малан не хотел, чтобы у одного богатого бурята был сын; бурят обратился за помощью к самому первому великому шаману Бухли хара боо (Целый чёрный шаман); шаман помог богачу, создал ему сына и стал *найжи* этого ребёнка; рассерженный Эсэгэ Малан забрал душу ребёнка к себе на небо и держал её около себя; шаман полетел на бубне на небо; во время полёта шамана побрякушки его одеяния так красиво звенели, что звери и птицы, оставив своих детёнышей и птенцов, заслушались этими звуками и забыли о своём потомстве, которое умерло с голоду; прилетев на небо, шаман обратился в жёлтую осу и ужалил Эсэгэ Малана в лоб, из-за чего тот вздрогнул и упустил душу ребёнка; шаман схватил её и вернулся на землю; ребёнок выздоровел; разозлённый Эсэгэ Малан отнял душу ребёнка обратно, а шамана за неподчинение и злоупотребление силами заставил плясать на чёрном плоском камне (скале), пока он совсем не скроется в скалу; чем больше из века в век углубляется шаман, тем больше падает шаманство, хуже становятся шаманы [Михайлов 1996: 63-64].

Кур-урмийские нанайцы: первые люди были бессмертными, после своей смерти они возрождались; первые два человека достигли глубокой старости и жили со своим престарелым сыном Долдчу-Ходаем; людей стало очень много; Долдчу-Ходай ушёл в пещеру, чтобы прекратить возрождение; отец завалил вход большим камнем, но возрождение человечества не прекратилось; старуха заткнула вход звериными шкурами и сказала, что, когда последняя истлеет, возрождение прекратится; на другое утро на небе взошли три солнца; от жары стало гибнуть всё живое; ночью взошли три луны; старик построил фанзу из камня *оуса*, приготовил лук и стрелы, застрелил лишние светила; необходимо было хоронить людей; старик увидел во сне *конгуру-загде* (шаманское дерево) и услышал голос, рассказавший как сделать шаманский костюм; пояс и бубен будут переносить в *бун*, помощниками будут бурханы Бучу и птица Кори [Шимкевич 1896: 8-11; Сем 1996: 135-136].

XI.7. НА НЕБО ПО ДЕРЕВУ.

Шаман поднимается на небо по дереву.

Эвенки (олимпийские либо подкаменнотунгусские) [Ксенофонов 1992а: 92-93], забайкальские орочёны [Штернберг 1925: 736].

Олимпийские либо подкаменнотунгусские эвенки (Нижняя Тунгуска, уроч. Ингаарыкта): наверху есть дерево *тууру*, на котором воспитываются души шаманов; чем выше гнездо, в котором шаман воспитывался, тем сильнее он будет; ободок шаманского бубна откалывается от лиственницы, а само дерево продолжает стоять в воспоминание о *тууру*; в память о *тууру* шаман при каждом камлании водружает на дворе около чума дерево с одной или несколькими перекладинами; по этому дереву шаман поднимается на небо [Ксенофонов 1992а: 92-93].

Забайкальские орочёны: на рисунке шаманского нагрудника, изображающем три мира (верхний, средний и нижний), фигурирует мировое дерево лиственница (*ирáкта*), дерево, по которому шаман взбирается в верхний мир. Падение шамана с этого дерева вниз (по-видимому, вместе с деревом) повлечёт за собой гибель всего мира» (объяснение С.М. Широкогорова к переданному в МАЭ шаманскому костюму) [Штернберг 1925: 736].

XI.8. НА НЕБО ПО РАДУГЕ.

Шаман поднимается на небо по радуге.

Тувинцы [Дьяконова 1981: 147], прибайкальские буряты [Михайлов 1996: 75-77].

Тувинцы: *солонгы ээрен* представляли собой пучок из девяти змееподобных жгутов; шаманы с их помощью через радугу попадали в верхний мир, видели причины болезней и лечили паралич [Дьяконова 1981: 147].

Прибайкальские (кудинские) буряты: у Солбона заболел сын Сокто; Солбон позвал двух кудинских шаманов, Маланака и Майдара; последний был непосвящённый; шаманы прибыли на радуге на небо и выяснили, что Сокто заболел из-за единственной дочери моря; Маланак начал приносить жертву; в итоге жертва была принята и Сокто выздоровел; когда шаманы спускались обратно по радуге, небесные божества в насмешку отрубили её;

шаманы стремглав полетели вниз; когда оставалось совсем немного до земли, Майдар превратился в беркута и, схватив Маланака за спину, благополучно спустился вниз; там шаманы увидели, что на дворе одного бурята совершается треба; местный шаман совершал обряд зазывания; Маланак и Майдар увидели *дахабари*, поймали её и отняли у неё душу ребёнка; шаманы закопали *дахабари* в землю; местный шаман прекратил обряд зазывания, сказав, что не может сделать так, чтобы жертва была принята, после этого вся толпа ушла в юрту; Маланак и Майдар сделались невидимыми и зашли в юрту, к которой оказалось много шаманов; Майдар надел на голову худшего шамана обруч, а Маланак хлестнул шамана пламенем; шаман упал, затем начал камлать, приговаривая, что кудинские белые ребята молодцы; Маланак и Майдар проделали это над всеми остальными шаманами; потом Маланак и Майдар прекратили быть невидимыми и рассказали о *дахабари*; шаманов приняли с подобающей честью, Маланак принёс жертвоприношение своим родовым шаманам Ардайским [Михайлов 1996: 75-77].

ХІ.9. ЧУДЕСНАЯ ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ ВОДУ.

Шаман чудесным образом переравляется через водную преграду, переправляет людей и их вещи.

Энцы [Лабанаускас 2002б: 196-202], нганасаны [Симченко 1996а: 70, 163], теленгиты [Потанин 1883: 328 (текст 77.3 [в])], забайкальские буряты [Герасимова 1969: 128], центральные якуты [Ксенофонтов 1992б: 185-187].

Энцы: люди из нескольких энецких родов рыбачили на берегу Енисея; старшим был князь Мугади, который в конце августа распорядился ехать промышлять в тундру; старик-шаман Сойта, у которого были жена и трое сыновей, за лето поймал мало рыбы; он не послушался князя и решил отправиться на другой берег Енисея ловить оленей; шаман посадил на санки аргиша жену лицом назад, запретил ей заглядывать вперёд и покрикивать на него; когда олени ступали по воде, под их копытами образовывался лёд, который таял сразу же за санками; на берегу шаман и его жена поставили чум; шаман начинает охотиться, приносит много добычи; с другой стороны Енисея приплыли на ветках князь Мугади со своим сыном и старшим сыном шамана; князь просит по одной туше оленя; шаман соглашается дать по полтуши, затем, вспомнив прежние издевки князя, начинает угрожать ему; своего сына

шаман оставляет помогать таскать туши оленей; князь Мугади и его сын положили по полтуши в ветки и отправились домой; когда они доехали до середины Енисея, поднялась туча и началась буря; после этого сын Сойоты увидел две плывущие пустые ветки; шаман продолжал охотиться, затем отправил сына домой; шаман снова пошёл промыслять, встретил медведя, который стал давить его, но не царапал и не кусал; шаман убил медведя, после чего перестал ходить на промысел; с другого берега приплыл старший брат, рассказавший, что все люди аргишили в тундру и бросили сыновей шамана, обвинив их в убийстве князя; сын уехал обратно; когда Енисей встал, шаман поймал своих оленей, запряг их и поехал с женой через реку; как только шаман и его жена достигли середины Енисея, лёд под ними проломился; Сойота утонул вместе с женой и оленями; сыновья шамана начали охотиться самостоятельно и остались жить на земле своего отца [Лабанаускас 2002б: 196-202].

Нганасаны: нужно было перейти на другую сторону Пясины; парень шаманил, прямо по воде пошёл; вода под его ногами стала замерзать; аргиши за ним пошли, так все перебрались на другую сторону [Симченко 1996а: 70].

Нганасаны: люди аргишили, все вещи оставляли на Пясине осенью; весной пришли – нет льда; заплакали старики, шаман сказал, что что-нибудь сделает; проснулись утром на другом берегу; все чумы, санки, олени на другой стороне стали; это шамана дядяды всё перенесли [Симченко 1996а: 163].

Теленгиты (р. Чуя): нынешние духи называются *кайраканами* из уважения; *кайраканом* прежде был великий шаман, «јаан кам», Сары Тырмаш; шаман, проходя через реку, высушивал переправу, а после того, как проходил, вода опять текла [Потанин 1883: 328 (текст 77.3 [в])].

Забайкальские (хоринские в р-не Еравнинских озёр) буряты: об Алтанай *обо* в Исинге рассказывают следующее; в те времена, когда здесь жили предки одиннадцати хоринских родов, из Монголии прибыл шаман, поселился здесь и кочевал вокруг Исинги; с той стороны озера он переезжал на летник, находившийся на этой стороне; семью отправлял на телеге, а сам на козле прямо через озеро перемахивал; однажды он отправил семью, а сам задержался, выпил самогона из медного чайника и бросил куда-то, он упал прямо на телегу; один шаман – его друг – послал ему шаманское *толи*; к дому исингинского шамана

однажды подошёл изюбрь, у которого на шее что-то висело; шаман выстрелил, упало *толи*, а изюбрь исчез; этот шаман частенько переправлялся на козле через оз. Исингу, навещался к здешним жителям; перед смертью он просил похоронить его на горе Алтай Ундэр, сказав, что место захоронения укажет сама лошадь: где она начнёт оправляться, там остановитесь; труп шамана посадили на коня и поехали; когда лошадь стала оправляться около трёх берез, на том месте поднялся вихрь; здесь и похоронили шамана [Герасимова 1969: 128].

XI.10. ЧУДЕСНАЯ ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ ВОДУ: ПОЯВЛЕНИЕ ЛЬДА.

Шаман чудесным образом переправляется вместе с людьми через реку: вода замерзает под идущими.

Энцы [Лабанаускас 2002б: 196-202], нганасаны [Симченко 1996а: 70].

Энцы: люди из нескольких энецких родов рыбачили на берегу Енисея; старшим был князь Мугади, который в конце августа распорядился ехать промышлять в тундру; старик-шаман Сойта, у которого были жена и трое сыновей, за лето поймал мало рыбы; он не послушался князя и решил отправиться на другой берег Енисея ловить оленей; шаман посадил на санки аргиша жену лицом назад, запретил ей заглядывать вперёд и покрикивать на него; когда олени ступали по воде, под их копытами образовывался лёд, который таял сразу же за санками; на берегу шаман и его жена поставили чум; шаман начинает охотиться, приносит много добычи; с другой стороны Енисея приплыли на ветках князь Мугади со своим сыном и старшим сыном шамана; князь просит по одной туше оленя; шаман соглашается дать по полтуши, затем, вспомнив прежние издевки князя, начинает угрожать ему; своего сына шаман оставляет помогать таскать туши оленей; князь Мугади и его сын положили по полтуши в ветки и отправились домой; когда они доехали до середины Енисея, поднялась туча и началась буря; после этого сын Сойоты увидел две плывущие пустые ветки; шаман продолжал охотиться, затем отправил сына домой; шаман снова пошёл промышлять, встретил медведя, который стал давить его, но не царапал и не кусал; шаман убил медведя, после чего перестал ходить на промысел; с другого берега приплыл старший брат, рассказавший, что все люди аргишили в тундру и бросили сыновей шамана, обвинив их в убийстве князя; сын уехал обратно; когда Енисей встал, шаман поймал своих оленей,

запряг их и поехал с женой через реку; как только шаман и его жена достигли середины Енисея, лёд под ними проломился; Сойота утонул вместе с женой и оленями; сыновья шамана начали охотиться самостоятельно и остались жить на земле своего отца [Лабанаускас 2002б: 196-202].

Нганасаны: нужно было перейти на другую сторону Пясины; парень шаманил, прямо по воде пошёл; вода под его ногами стала замерзать; аргиши за ним пошли, так все перебрались на другую сторону [Симченко 1996а: 70].

XI.11. ШАМАНСКИЕ НАРТЫ.

Сани шамана перемещаются без лошадей, без собак.

Прибайкальские буряты [Потанин 1883: 289 (текст 63в)], азиатские эскимосы-юпик [Крупник 2000: 476-478].

Прибайкальские (аларские) буряты: шаман Манухай был столь могущественным, что, когда садился в сани, они сами катились без лошадей; иркутский начальник позвал шаманов и спросил, чем они могут доказать, что их вера не ложь; Махунай сказал, что он не сгораем; его посадили с бубном на камень, обложили и завалили соломой, которой собрали семьдесят возов; зажгли, солома сгорела, Махунай стряхнул с себя пепел и встал невредим [Потанин 1883: 289 (текст 63в)].

Азиатские эскимосы-юпик (Провидения): шаман К,утылын умел летать: однажды ночью он поехал из Чаплино – забирать сложенных нерп; увидев летящего шамана, К,утылын тоже взлетел в воздух; другой шаман постучал по нарте ножом и убежал (? – И. К.) в лагуну, где стал моржом; затем К,утылын увидел там раздетого человека, пошёл к нему и заметил, что и сам стал раздетым; после просьбы К,утылын очистил человека от снега; они познакомились, второй шаман – Асияк - прилетел с Аляски; когда летает, он убивает встречных людей; в это время у него дома народ песни поёт, он предлагает К,утылыну послушать, тот соглашается и слушает; шаманы обменялись бусами, чтобы им потом поверили; когда Асияк улетел, К,утылын увидел лежащего на льду около нарты человека; подошёл туда и увидел, что это его одежда и нарта; одевшись, К,утылын стал думать как

достать нерпу – у него не было с собой палки; но нерпы оказались уже вытащенными на снег; уставший К,утылын сел на нарту, собак у него не было, он стал кричать так, как погоняют упряжку, и закрыл глаза; открыв глаза, К,утылын увидел, что он уже около Чаплино [Крупник 2000: 476-478].

XI.12. ПРЫЖОК ЧЕРЕЗ ДЫМОВОЕ ОТВЕРСТИЕ.

Шаман выпрыгивает/вылетает из жилища через дымовое отверстие.

Энцы [Лабанаускас 2002б: 95-99], кеты [Николаева 2006], юги [Werner 1997: 264], «туруханские инородцы» [Третьяков 1869: 424-425], алтайцы [Потанин 1881: 172 (текст 31б); 1883: 289 (текст 63д), 290-291 (текст 64а); Соколов 1900: 298; Анохин 1924: 120, 129, 146; Никифоров 1915: 238-239; Подузова, Сагалаев 1983: 111-112], телеуты [Потанин 1883: 288 (текст 63б)], теленгиты [Потанин 1883: 293 (текст 64и)], забайкальские буряты [Герасимова 1969: 127-128], центральные якуты [Ксенофонтов 1992а: 83-84] (ср. [Эргис 1960: 289-291 (текст № 194)]), чукчи [Богораз 1899: 270].

Энцы: между собой соперничают два шамана: энецкий и эвенкийский; шаманы хвастаются друг перед другом, каждый обещает съесть своего противника; энецкий шаман предлагает сопернику улететь в край гусей, дабы не случилось ничего плохого; энец сообщает это своей жене и просит её поставить весной чистый чум; эвенк также говорит своей жене о путешествии и его причинах; энец, превратившись в лебедя, вылетает через дымовое отверстие чума для камланий; пролетая над чумом другого шамана, энец зовет его в страну гусей; эвенк одевается в шаманскую парку и, превратившись в гагара, вылетает через дымовое отверстие; улетаая вместе с гагарами, он кричит оставшимся в чуме, чтобы они поставили чум, если он вернётся обратно; энец и эвенк улетают в гусиный край; прилетевшие шаманы присоединяются к птицам; шаман-лебедь линяет среди лебедей, а шаман-гагара – среди гагар; крепкий пух шамана-гагары не линяет, а у шамана-лебедя облезают крылья и линяет пух; при встрече шаман-лебедь жалуется шаману-гагаре, что замерзает, и предупреждает его, чтобы он не попался в небесные сети; через какое-то время шаман-гагара во время ловли рыбы попадает в выставленные сети и оказывается пойманным людьми; шаман-лебедь выращивает себе новое оперение, с наступлением весны у него появляются новые крылья; шаман-лебедь возвращается в тот чум, из которого

улетал; он три раза облетает чум над дымовым отверстием и кричит по-лебединому; затем энецкий шаман садится в чистом чуме, в котором уже были приготовлены шаманская одежда и бубен; шаман начинает камлать, после камлания люди начинают спрашивать о судьбе второго шамана; шаман рассказывает о том, что эвенк попал в небесные сети, считая вероятным его возвращение; шаман предсказывает, что скоро станет лебедем, а его род будет кормить всех жителей земли, в отличие от священной птицы эвенков – гагары, которую будет очень сложно поймать [Лабанаускас 2002б: 95-99].

Юги: тунгусы пришли убить юга-шамана; он сидел босым в своём чуме; тунгусы приказали ему выйти; он попросил немного подождать, ссылаясь на то, что всё равно будет убит ими; затем шаман сказал, что одевает пятерых людей, потом ещё пятерых; тунгусы, стоявшие снаружи чума, услышали это и подумали, что он шаман; они испугались; шаман надел свои сапоги и выпрыгнул из чума через дымовое отверстие; испуганные тунгусы побежали; взяв своё копьё, шаман преследует их; он догоняет тунгусов и отрезает им пятки; тунгусы падают на землю, шаман говорит, что не станет пачкать кровью свою стрелу и убьёт их копьём; затем шаман убивает тунгусов [Werner 1997: 264 (текст 17)].

Забайкальские (хоринские в р-не р. Кижинги) буряты: однажды кижингинский шаман Бадмаев Сэдэк, живший лет 90 тому назад, попросил не будить его, так как он будет спать семь суток; жители улуса увидели, как из тоны вылетел ворон, а навстречу ему с Чел саны опустился орёл – это был сам Буурал баабай [покровитель местности]; они вместе полетели на юг, в Монголию, на родину Буурал баабая; но там его уже забыли и почти перестали почитать; рассерженный холодным приёмом Буурал баабай навредил дочери одного богатого нойона, которая болела до тех пор, пока по совету одной большой шаманки не угостили сына Шэрэльжзна [Герасимова 1969: 127-128].

XI.13. НЕУЗНАННЫЙ ШАМАН.

Шамана в облике птицы или иного носителя шаманского дара в том же виде, прилетевшего к людям с добрыми намерениями (во всяком случае, без злого умысла), не узнают и пытаются убить, убивают либо игнорируют.

Кеты [Финдейзен 1929: 130-131; Дульзон 1964: 188-195; Алексеенко 2001: 107-108 (текст 46), 112-116 (тексты 49, 50, 51); Donner 1933: 94], хакасы [Бутанаева 2007: 111], прибайкальские буряты [Сказания бурят 1890: 123-124 (текст LI); Дамеев 1927: 69; Агапитов, Хангалов 1958: 363-365; Хангалов 1960 б: 141-142; Манжигеев 1978: 57], северо-восточные якуты [Balzer 1996: 307]. Ср. у ненцев [Лехтисало 1998: 120] и нганасан [Попов 1984: 53].

Кеты: великий шаман Дох жил в то время, когда боги существовали на земле; он был женат и имел детей; пришла Хоседенбам и съела одного из его сыновей; разгневанный Дох сказал кэто, что они должны изготовить железный молоток и железную проволоку; кэто сделали деревянный молоток, а вместо железной проволоки дали шаману запутанные корни; Дох отправился к Хоседенбам, чтобы убить её; он ударил её молотком, но тот разлетелся на куски; проволока из корней порвалась, когда Дох набросил её, чтобы удушить Хоседенбам; Хоседенбам сказала: «Иди домой и убей сто оленей и иди с половиной твоего народа на небо»; Дох пошёл домой, убил сто оленей, сказал половине своего народа сделать новые вещи для путешествия и объяснил, что там, куда они поедут, будет холодно; новые вещи были изготовлены и люди вместе с Дохом поехали на небо; там не было деревьев, чтобы строить чумы; Дох пошаманил и создал деревья, которые были наполовину из дерева, наполовину из железа; тогда построили чумы и стали жить там; едва прожили две недели, как разразилась ужасная буря, и все были сожжены молнией; осталась только задняя доска от нарты жены Доха; эта доска видна теперь на небе, как звезда, и эта звезда называется «Суклам жены Доха»; только один из сыновей Доха убежал от молнии и возвратился на землю гагарой; это было в деревне Ворогово на Енисее; живущие там остяки пошли на охоту, чтобы убить утку; они убили и вскрыли её, она вся была из чистого золота; на следующее утро все остяки из Ворогово умерли; осталась одна семья, старик из которой отговорили своего племянника идти на охоту накануне; эта семья взяла золото и жила хорошо [Финдейзен 1929: 130-131].

Кеты: *dōg* женился на *hoze.dām*, которая была дочерью женщины из загробного мира; по какой-то причине они должны были отправиться на небо; по пути женщина родила мальчика (*do'de-hip*); они встретили двух чудовищ (гром) и семерых других чудовищ, которых убили *пальмой*; последнее чудовище, которое было матерью грома и меньшим по размеру, оказалось худшим противником; чум мужа и жены был сожжён и они вместе с ним; мальчик полетел, спустился вниз и превратился в гагару с чёрным горлом; перед

смертью отец указал сыну на свою реку; та река – это река *kios siès* наших дней, на которой люди приносят жертвы и где живут сильнейшие шаманы; упавший мальчик кричал, спрашивая где река; незнакомые люди убили его как обычную гагару, а затем съели; после этого все они, и мужчины, и женщины, забеременели; все мужчины погибли из-за этого; женщины родили детей, которые все стали шаманами; таким образом шаманы были принесены в этот мир; от духа гагары все остальные были рождены; именно поэтому шаман никогда не ест гагару с чёрным горлом [Donner 1933: 94].

Кеты: шаман Дог жил, когда народился первый снег; на зиму, как лебедь, летал к Томам и там зимовал; когда он возвращался, люди делали ему чум с двумя входами, один против другого; Дог с верхней стороны влетает, с другой вылетает; круг до солнца делает, снова в дверь сверху залетает; когда в седьмой раз залетел, жена на него новый белый платок накинула; подняла платок – там человек, Дог; пока он зимовал у Томам, его сын умер; Дог спросил свою бабу, она ответила, что сына утащила Хоседам; Дог попросил своих людей сделать ему петлю из железа; люди поленились и сделали петлю из черёмухового лыка; зная, что идёт Дог, Хоседам привязала над входом камень, чтобы тот упал и убил шамана; Дог задел камень *альдонем*, который был у него на *шаманской короне*; камень лопнул; Дог спрашивает Хоседам о сыне, она говорит, что не знала, что это его сын; Дог накинул ей на шею петлю, но затянуть не смог – петля не железная, лопнула; тогда Дог ударил Хоседам в висок своей *лопаткой*; Хоседам говорит: «К тебе семь оленей сверху спустятся, на них ты к Есю поднимешься»; Дог не расслышал и спросил свою *затылочную жену*, что сказала мать; жена пожалела свою мать и обманула Дога, сказав, что Хоседам ничего не говорила; если бы Дог узнал правду, он бы вернулся, её прикончил; сверху спустились семь оленей, Дог сказал своим людям, что будем *аргишить*; своей жене он велел взять с собой только чистое бельё; они аргиишили, Дог думал – по земле идут, а их тучей подняло вверх, где громы ходят; лесом там идут; Хоседам сделала так, что половина деревьев в том лесу железная; люди стали безуспешно рубить дрова, Дог пошаманил и сказал им, какие дрова нужно рубить; когда они поднялись на небо, нарта бабы Дога застряла: она не послушалась своего мужа, взяла с собой грязные штаны; она дёрнула нарту, *суклам* нарты застряла; до сих пор торчит, иногда её на небе видно; когда люди ночевали, стали греметь громы; у Дога и его сына были *пальмы*, наконечник *пальмы* сына – из меди; но ведь ещё раньше Дог велел своим людям делать железные наконечники; Дог убил шесть маленьких громов; пришла Мать громов, Дог схватил *пальму* сына, но медный наконечник расплавился; люди стали погибать; когда чум Дога загорелся, он поднял берестяную покрывку, толкнул сына

в гагарью шкуру и отправил вниз, туда, где сосновая река (Келлог); сын перепутал, полетел на Сым; там он прилетел на озеро к югам, которые стали гонять его на *ветках*; сын Дога кричал, говорил, кто он, что ему надо в Келлог, и предупреждал, что юги погибнут, если убьют его; юги не понимают его языка, лишь один старик кричал, что сына Дога не надо убивать; юги убили гагару, подняли её, она тяжёлая, а внутри всё медное; юги поняли, что это был сын Дога; на утро один тот старик встал – остальные мёртвые; так все юги и пропали; если бы сын Дога жив остался, он бы за отца Хоседам убил и наш народ не кончался, большой был бы [Алексеенко 2001: 107-108 (текст 46)].

Хакасы: герой Хыяр заболел во время охоты в тайге; родители пригласили шамана узнать о судьбе сына; шаман прилетел к стрелку Хыяру в образе филина; стрелок, испугавшись оборотня, застрелил ночную птицу; шаман, камлавший в юрте, в тот же момент скончался [Бутанаева 2007: 111].

Северо-восточные (среднеколымские) якуты: шаман Parilor решил посетить своего друга Kharkha из деревни Khatingnaakh; он прилетел как тетерев-глухарь и сел прямо на крышу Kharkha; вышедший из дома Kharkha увидел терева-глухаря, смотрящего на него; Kharkha схватил ружьё, приготовился стрелять, но птица улетела; через несколько дней шаман, будучи несколько обиженным, но улыбающимся, посетил дом своего друга и спросил, зачем тот пытался застрелить его позавчера [Balzer 1996: 307].

Ср. **ненцы:** ...позднее Ганька рассказывал, что выстрелил так потому, что семь лет назад, когда он путешествовал с громами и посетил также старого Микулая, то по возвращению домой, прибыв к дымовому отверстию, чуть не был задушен своими родственниками, которые приняли его за проникшего в чум злого духа. Так как они не могли его убить, то подвязали шкурку горностая, чтобы он узнал пришельца. Но тот его не узнал, а духи Ганьки застрелили его. Поскольку тогда духи стреляли в шкурку горностая, он тоже теперь должен в неё пострелять [Лехтисало 1998: 120].

Ср. **нганасаны:** в старину на Шаман-озере поймали пёстрого гуся необыкновенной величины, не убили его и отпустили, решив, что это был гусиный шаман; тех пор озеро и стало называться Шаман-озеро [Попов 1984: 53].

ХП. ЭСХАТОЛОГИЯ

ХП.1. ШАМАН И ГИБЕЛЬ МИРА.

Эсхатологические ожидания связаны с фигурой некоторого шамана (он вызовет конец света, появится во время его и т.п.). Ср. мотивы С24 «Мир под угрозой падения», С25 «Эсхатологические ожидания» [Берёзкин 2011].

Тундровые ненцы [Лехтисало 1998: 10], забайкальские орочёны [Штернберг 1925: 736]. Ср. у хакасов [Бурнаков 2007: 102].

Тундровые ненцы (Обдорск): когда-то в стороне юга находилось одно очень священное место под названием *Надя*; там росла священная берёза с семью ветвями, все люди отправлялись туда для жертвоприношений; однажды корни берёзы охватила гниль, и когда все семь корней сгнили, берёза упала; внизу ствола из неё текла кровь; но это была не настоящая кровь, а огонь, и после огня начала литься её священная вода, которая поглотила все реки; люди сделали плот и взяли на него по одному их всех животных земли; великие ворожеи стояли на хребте священного мыса, и, когда вода поднималась всё выше, они крикнули семь раз, после чего вода опала на одну пядь; спустя лето и зиму вода зачухла; люди ожидают нового потопа; сказание предсказывает появление нового ворожея, который приведёт воду в состояние потока; тогда все люди будто бы построят плот из ивы и скрепят его собачьими волосами, и если *Нум* будет в хорошем настроении, то все люди, оказавшиеся на этом плоту, останутся в живых; сейчас снова время появления священной воды (текст записан от «ворожея» [Лехтисало 1998: 10]).

Забайкальские орочёны: на рисунке шаманского нагрудника, изображающем три мира (верхний, средний и нижний), фигурирует мировое дерево лиственница (*ирáкта*), дерево, по которому шаман взбирается в верхний мир; падение шамана с этого дерева вниз (по-видимому, вместе с деревом) повлечёт за собой гибель всего мира (объяснение С.М. Широкогорова к переданному в МАЭ шаманскому костюму) [Штернберг 1925: 736].

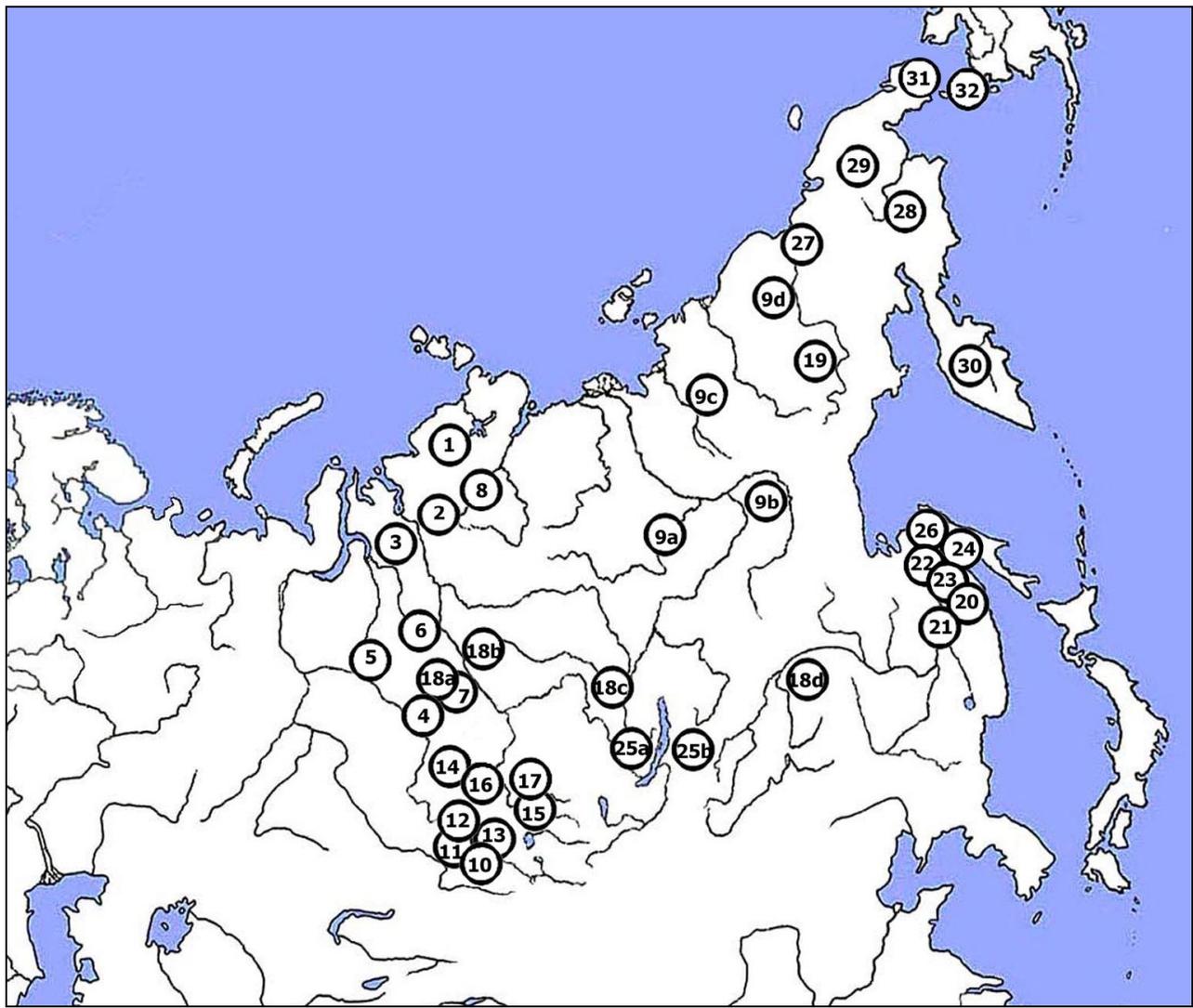
Ср. **хакасы** (Аскизский р-н): 1) чтобы избавиться от *Мусмалов*, все люди ночью собрались в одной большой юрте; ринесли воды и, слив её в огромный котёл, стали кипятить; перед

входом в юрту выкопали большую глубокую яму; сверху прикрыли её шкурами; вскоре пришли *Инек-азах*; они один за другим подходили к юрте и падали в яму; собралось их там множество; никто из них не мог выбраться из ямы; люди стали заливать яму кипятком; все находящиеся там *Инек-азах* погибли; после этого камлал *Улуг хам* – сильный шаман, и всех оставшихся *Инек-азах* закрыл в горе; по словам стариков, настанет время, когда *Инек-азах* выйдут из горы; произойдёт это тогда, когда у зайцев на ушах исчезнет белый пушок, и из горы выйдет шаман из рода Сарыг, вместе с которым выйдут и *Инек-азах*; 2) Бог закрыл *Мусмалов*, других *айна* и духов-помощников шаманов в горе; они там будут находиться до судного дня (текст записан от шаманки) [Бурнаков 2007: 102].

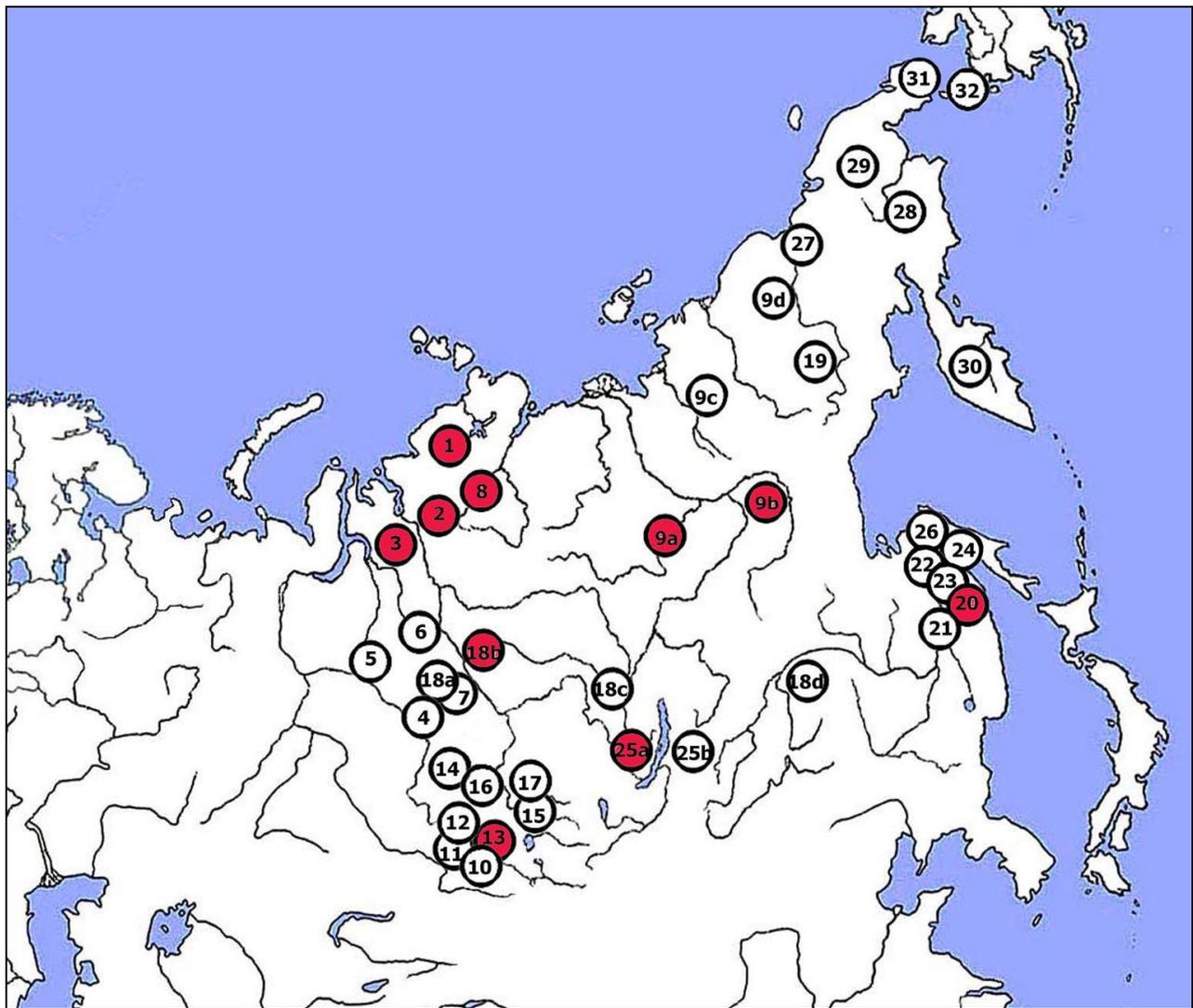
Приложение № 2. Карты

В приложении приведены карты распространения в Сибири шаманских легенд и ряда мотивов, в них встречающихся. Используется следующая нумерация:

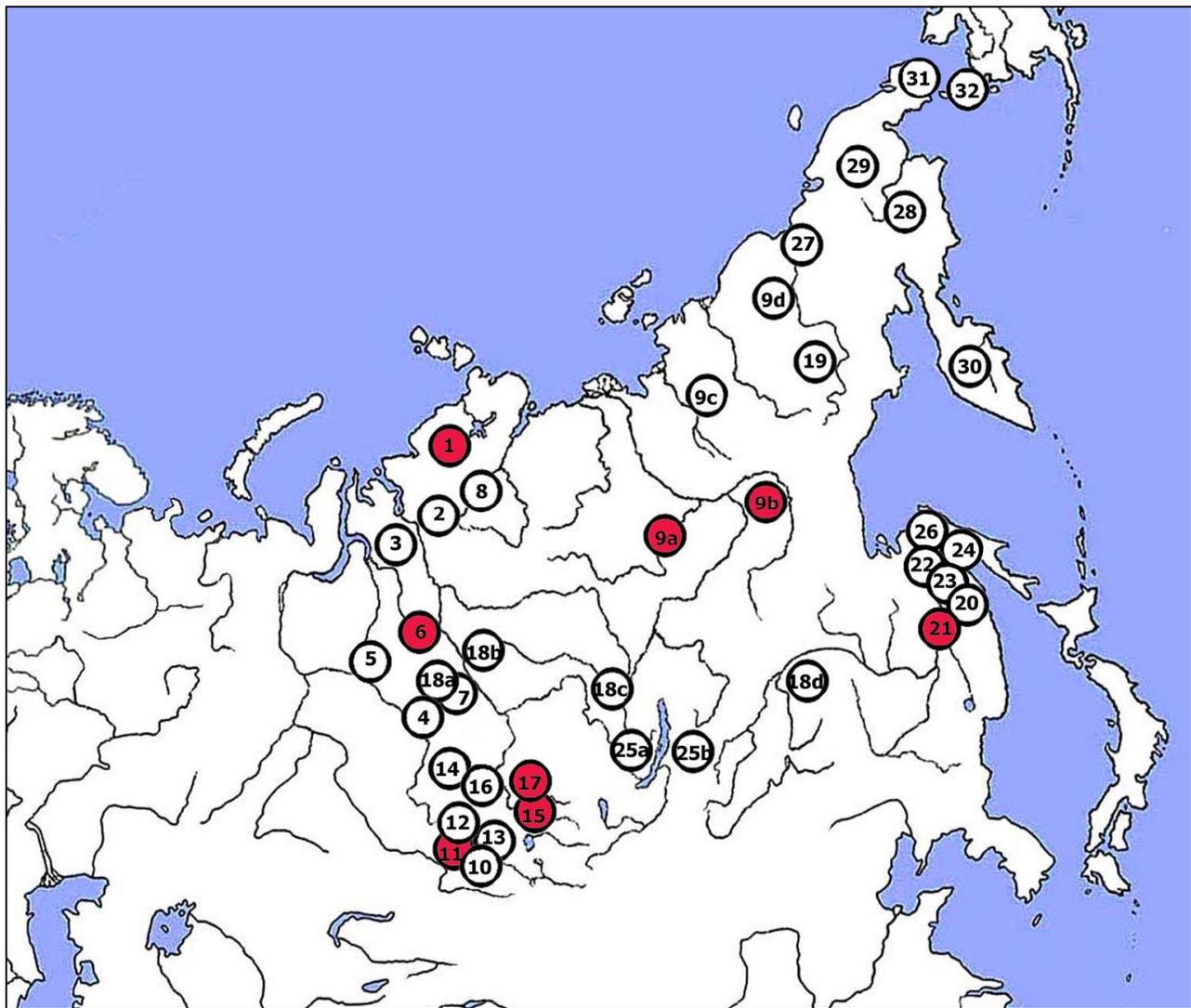
<p>Самодийские и угорские народы</p> <p><i>нганасаны</i> 01</p> <p><i>энцы</i> 02</p> <p><i>ненцы</i> 03</p> <p><i>селькупы</i> 04</p> <p><i>ханты</i> 05</p> <p>Енисейские народы</p> <p><i>кеты</i> 06</p> <p><i>юги</i> 07</p> <p>Тюркские народы</p> <p><i>долганы</i> 08</p> <p><i>якуты</i></p> <p>виллойские 09a</p> <p>центральные 09b</p> <p>северные (янские) 09c</p> <p>северо-восточные (колымские) 09d</p> <p><i>тубалары</i> 10</p> <p><i>алтайцы</i> 11</p> <p><i>кумандинцы</i> 12</p> <p><i>теленгиты</i> 13</p> <p><i>телеуты</i> 14</p> <p><i>тувинцы</i> 15</p> <p><i>шорцы</i> 16</p> <p><i>хакасы</i> 17</p>	<p>Тунгусо-маньчжурские народы</p> <p><i>эвенки</i></p> <p>сымские 18a</p> <p>подкаменно-тунгусские, илимпийские 18b</p> <p>непские (киренские), верхнеленские 18c</p> <p>орочёны 18d</p> <p><i>эвены</i> 19</p> <p><i>нанайцы</i> 20</p> <p><i>орочи</i> 21</p> <p><i>негидальцы</i> 22</p> <p><i>ульчи</i> 23</p> <p><i>уйльта</i> 24</p> <p>Монгольские народы</p> <p><i>буряты</i></p> <p>прибайкальские 25a</p> <p>забайкальские 25b</p> <p>Нивхи 26</p> <p>Юкагиры 27</p> <p>Чуванцы 28</p> <p>Чукотско-камчатские народы</p> <p><i>чукчи</i> 29</p> <p><i>ительмены</i> 30</p> <p>Эскалеутские народы</p> <p><i>эскимосы-юпик</i> 31</p> <p><i>эскимосы-инуит</i> 32</p>
---	--

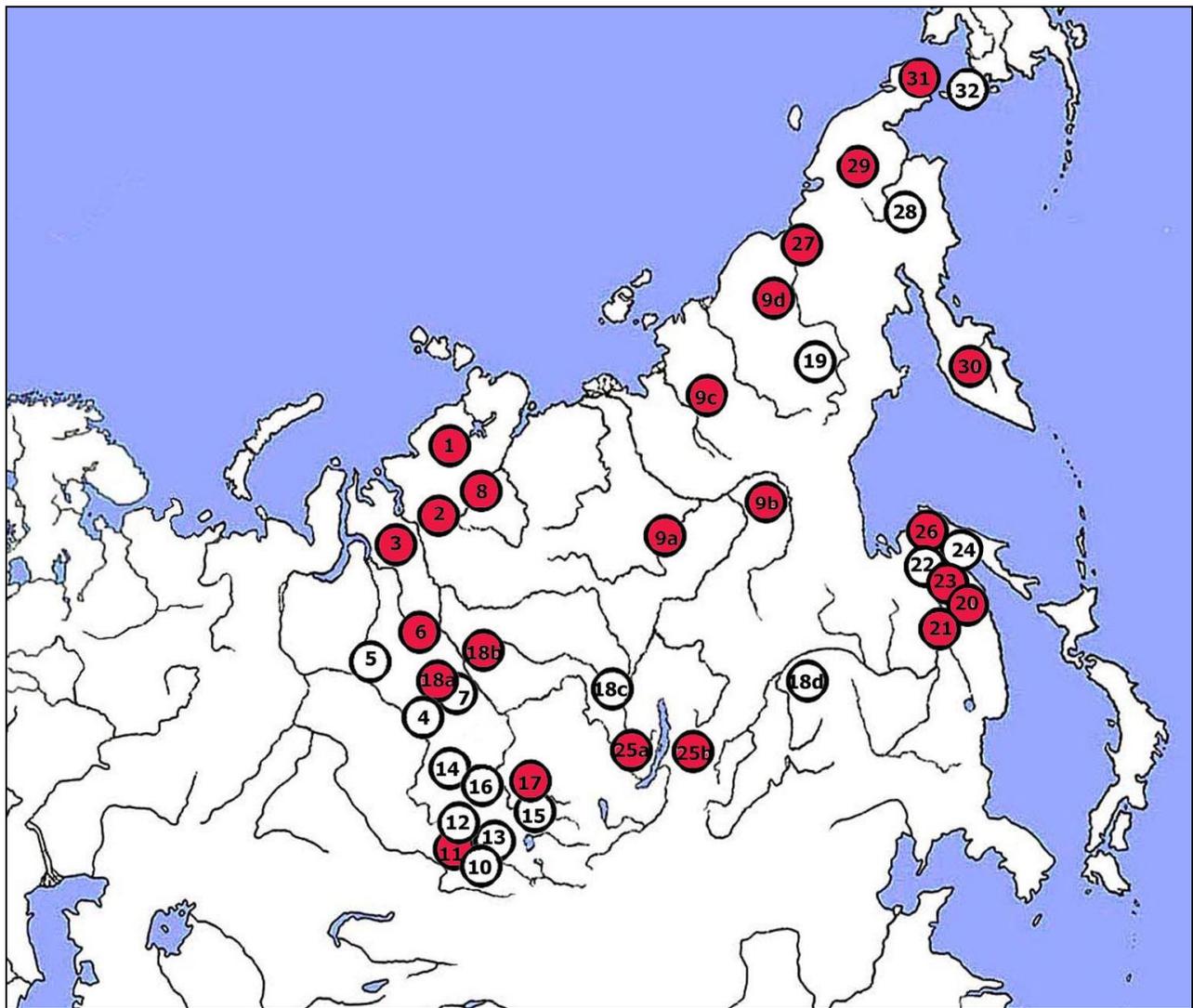
КАРТА 1. Сибирские традиции, на материалах которых основано исследование.

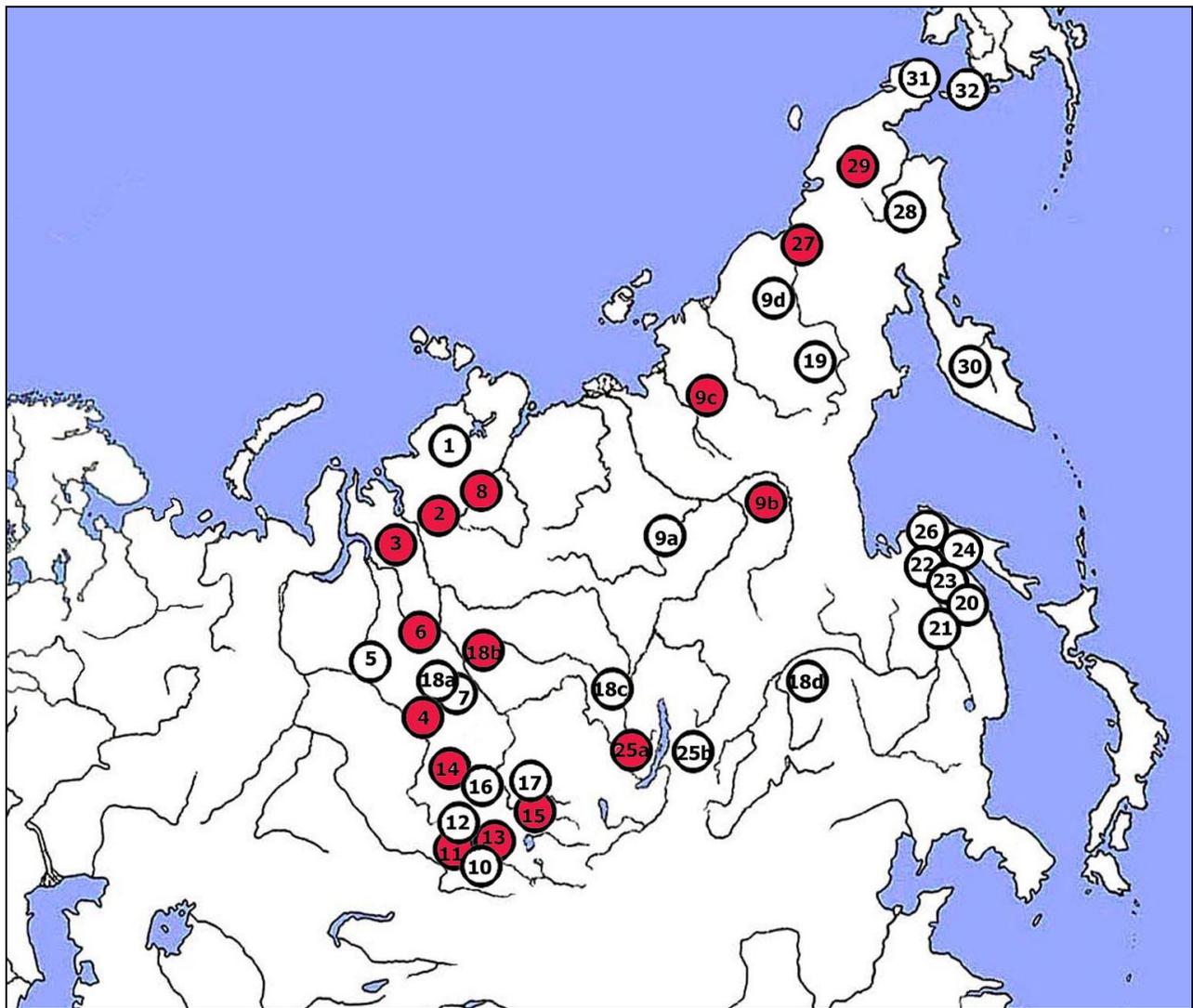
КАРТА 2. Распространение мотива «Шаманское дерево».

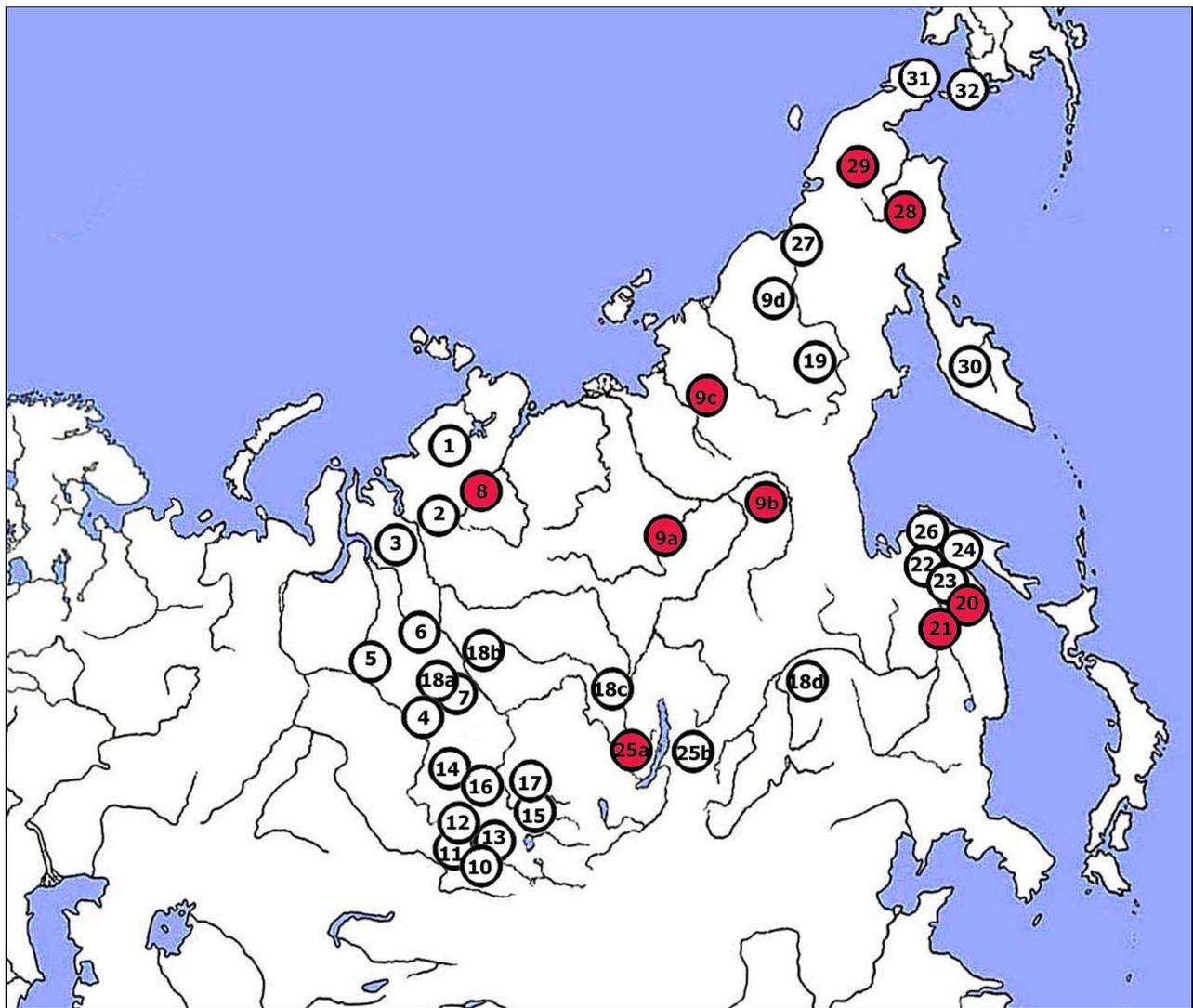
КАРТА 3. Распространение мотива «Аномалии в анатомии шамана».

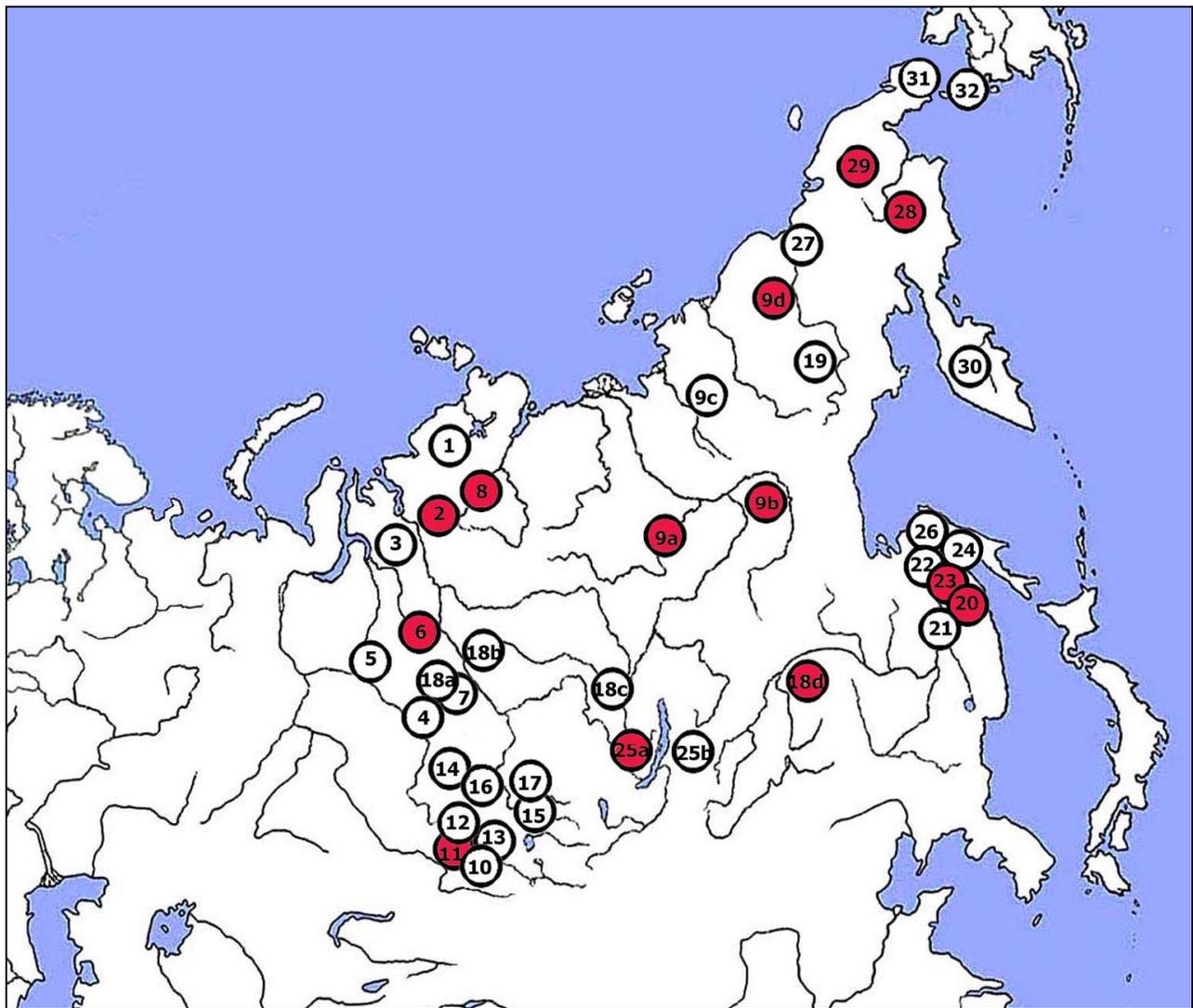
КАРТА 4. Распространение мотива «Шаманские метаморфозы».

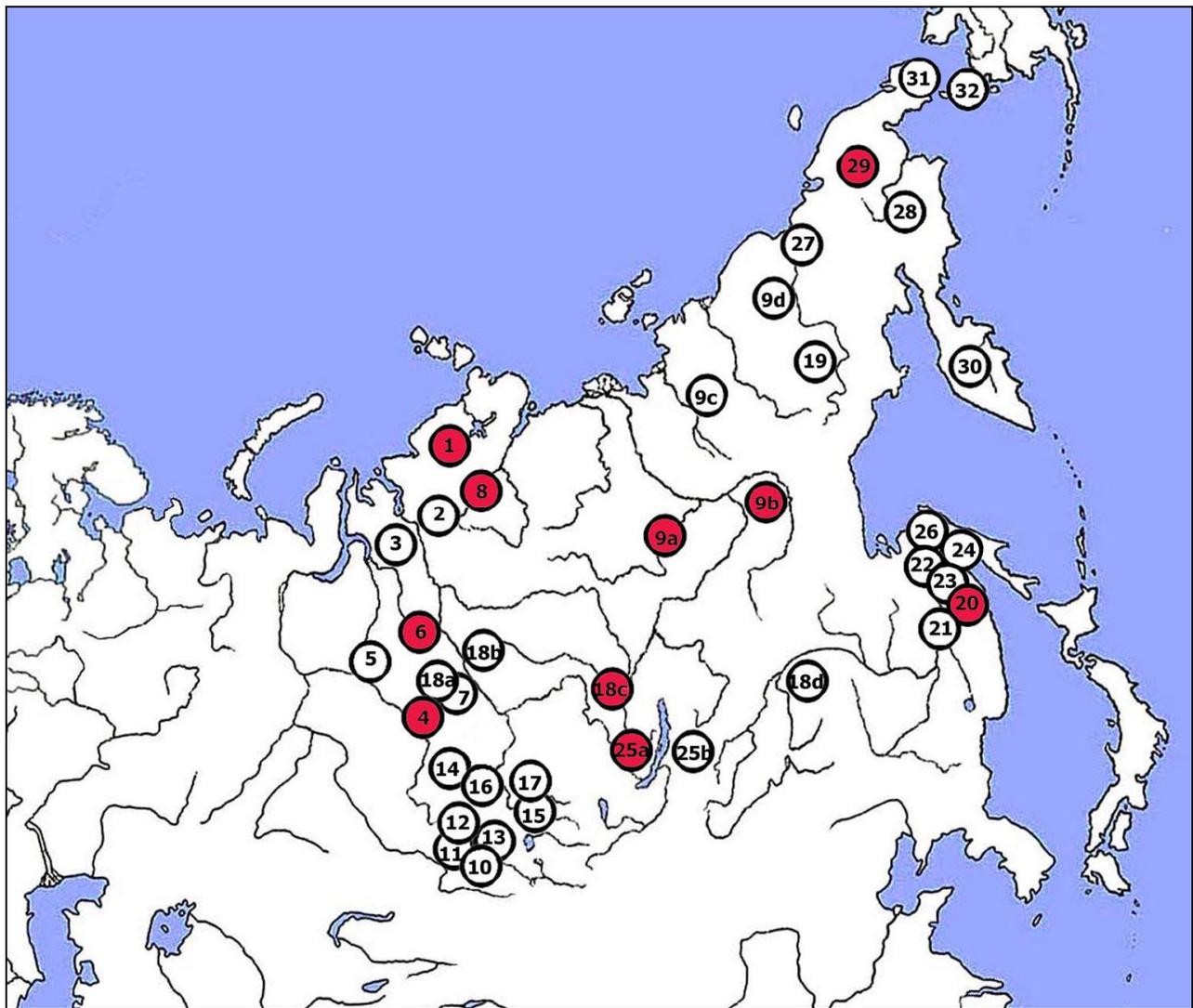
КАРТА 5. Распространение мотива «Шаманская неуязвимость».

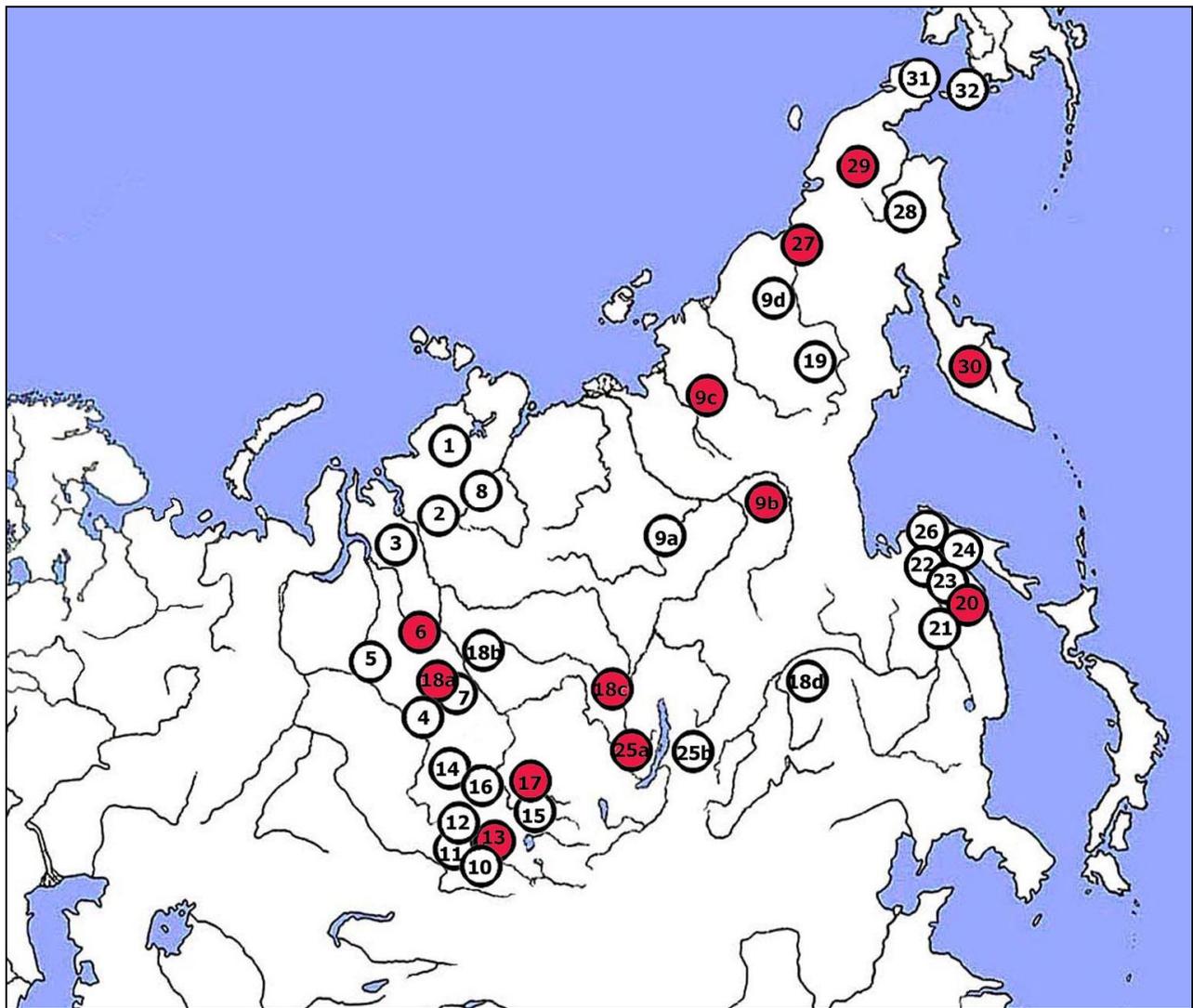
КАРТА 6. Распространение мотива «Манипуляции с органами и костями».

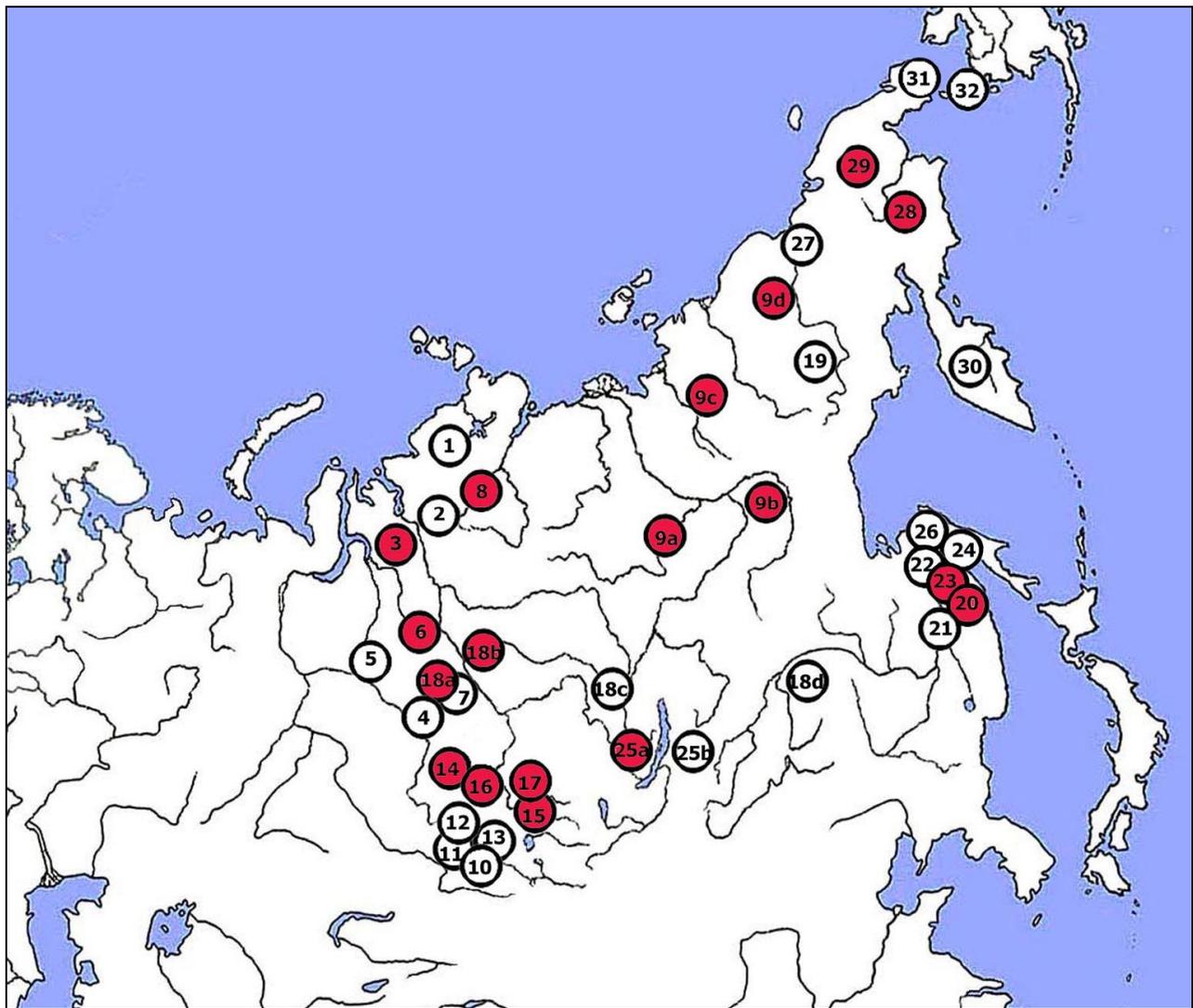
КАРТА 7. Распространение мотива «Управление стихиями».

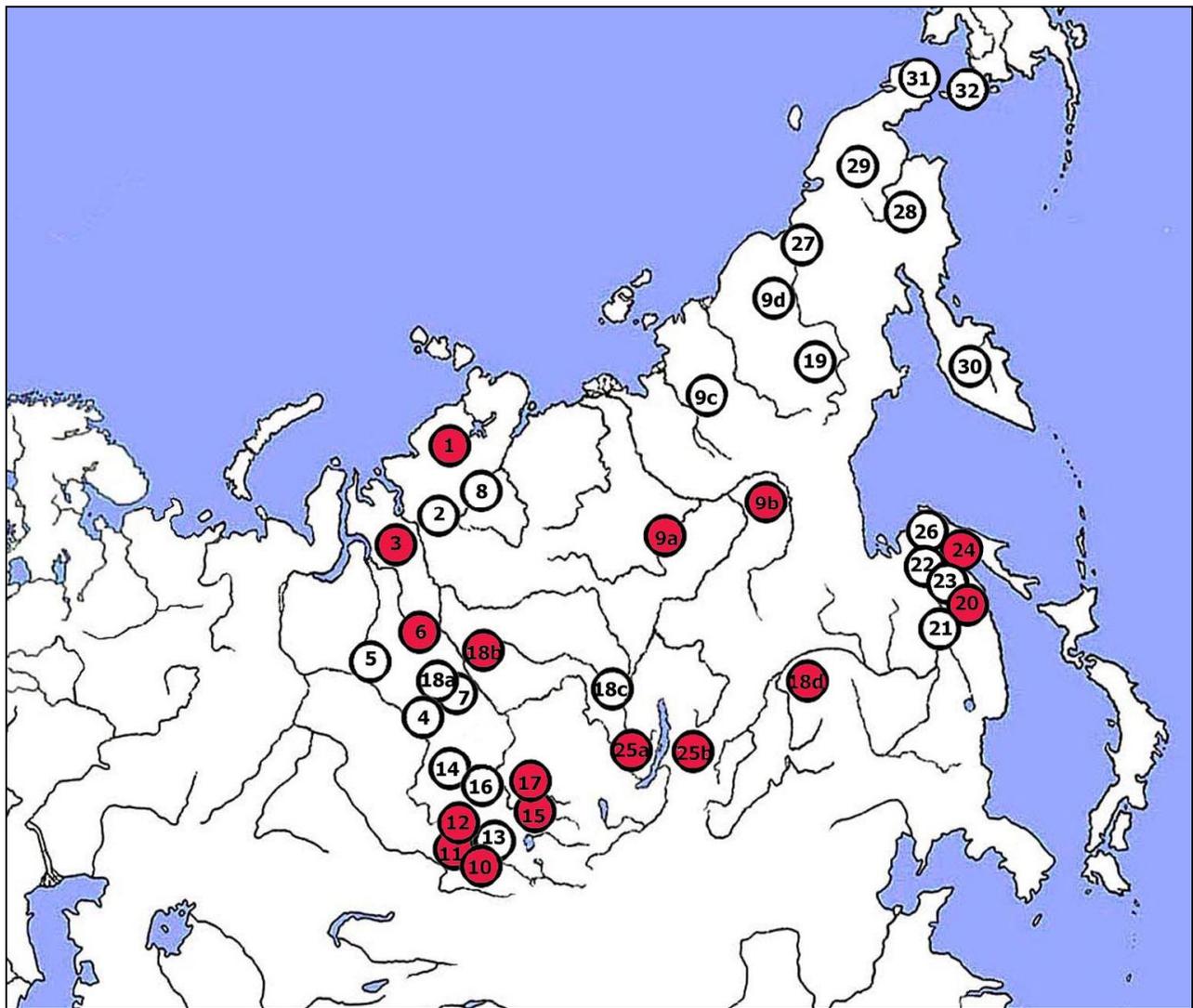
КАРТА 8. Распространение мотива «Воскрешение мёртвых».

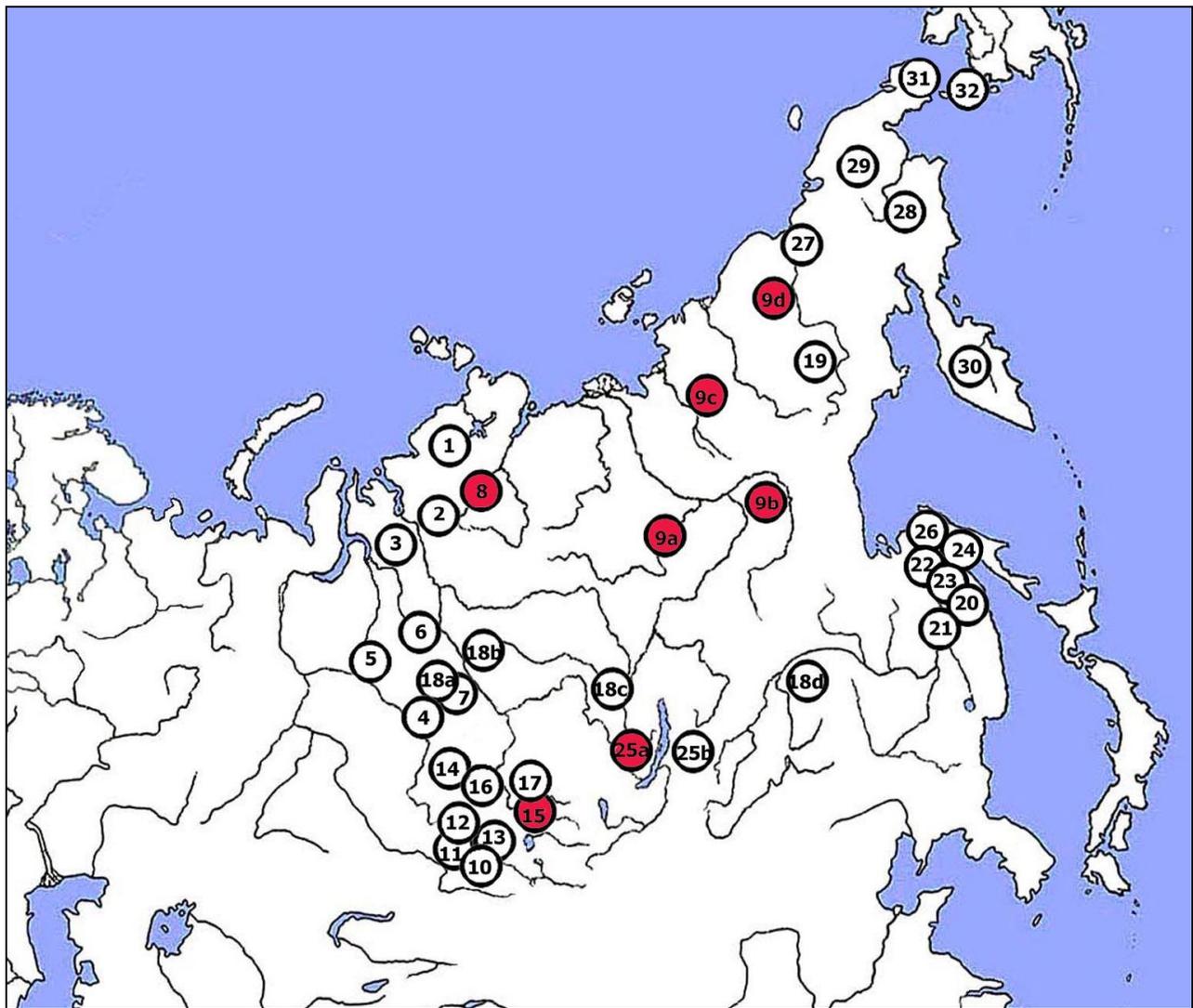
КАРТА 10. Распространение мотива «Шаманские предсказания».

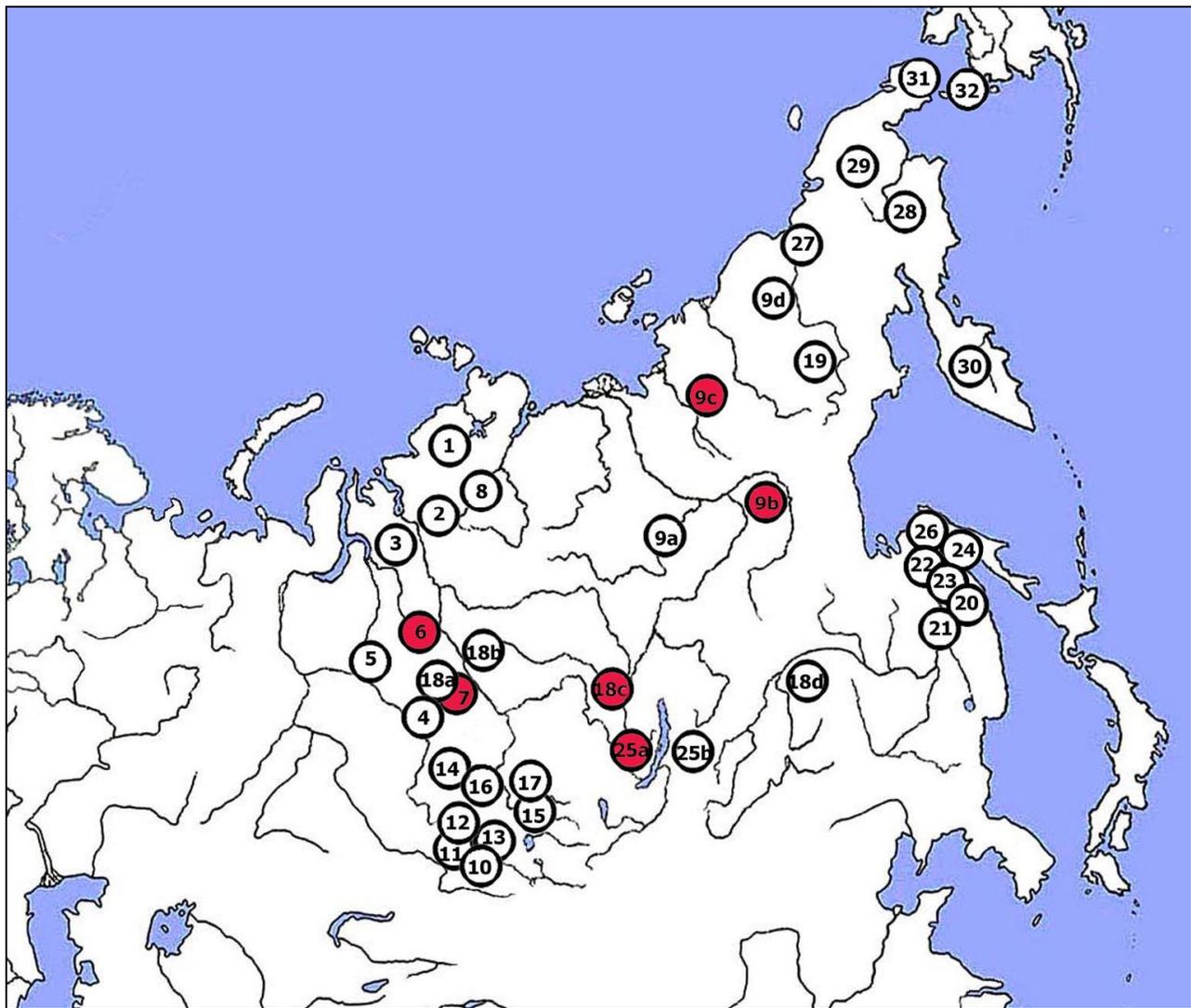
КАРТА 11. Распространение мотива «Шаманские поединки».

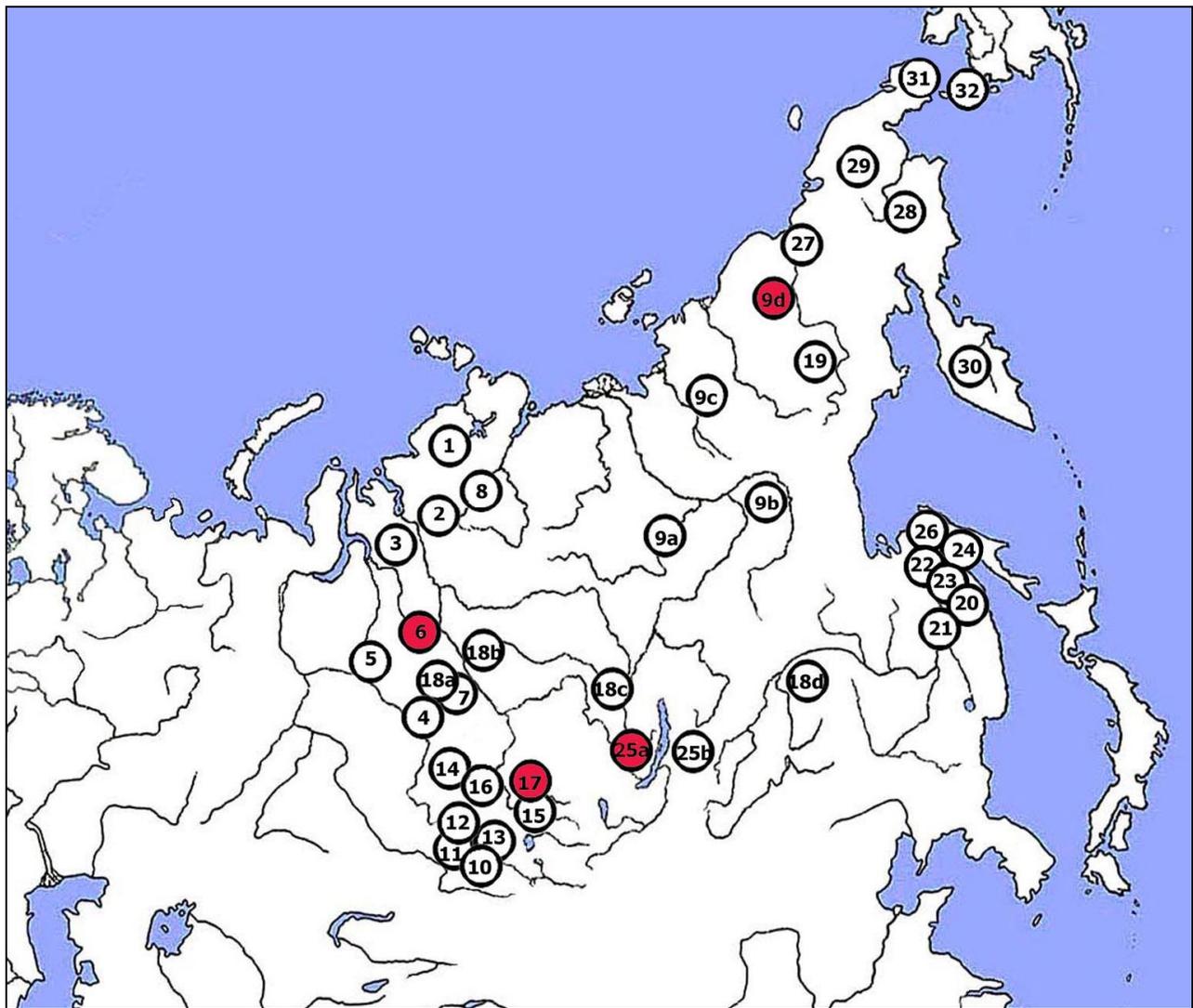
КАРТА 12. Фиксации текстов о первых шаманах.

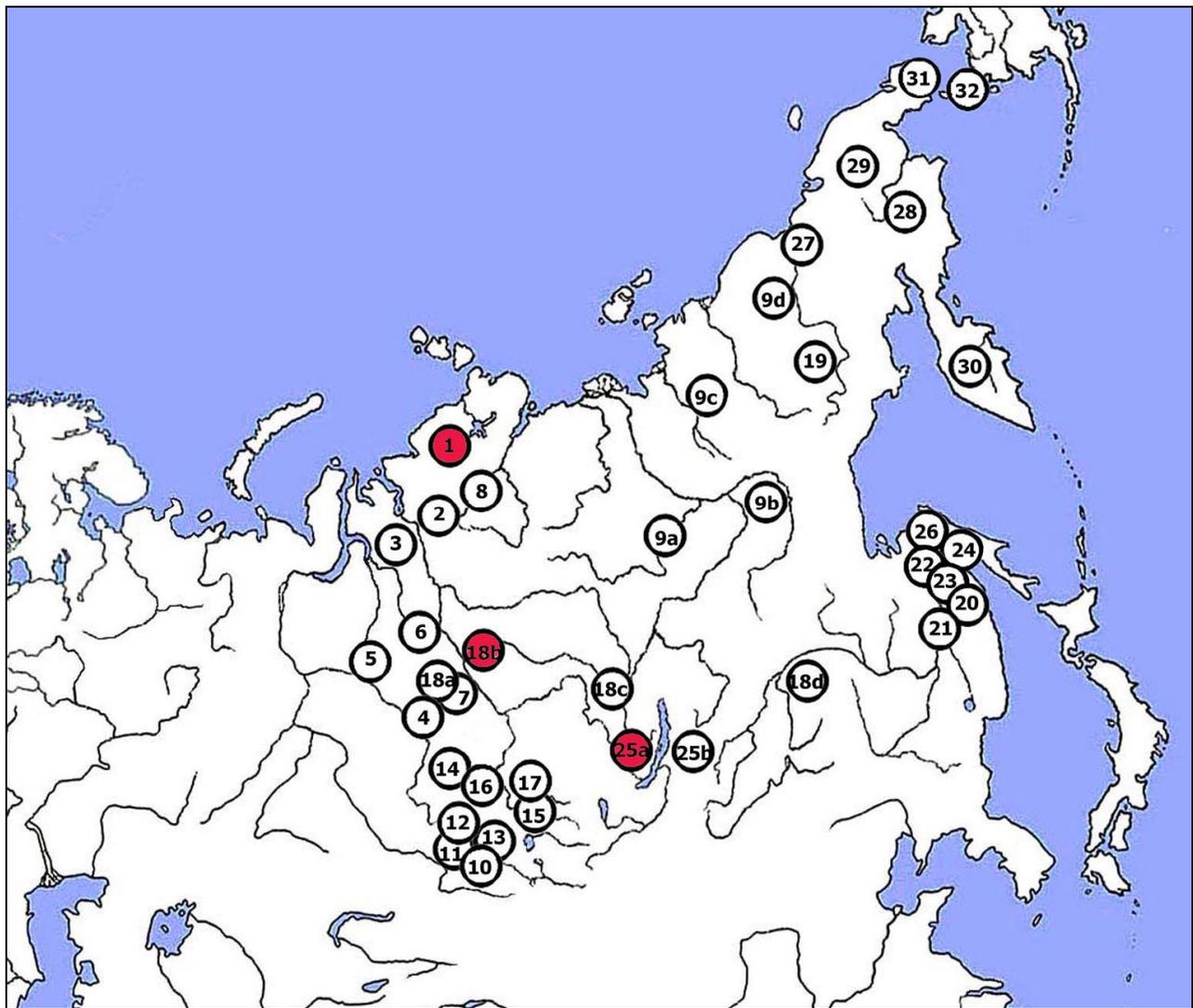
КАРТА 13. Распространение мотива «Шаманское проклятие».

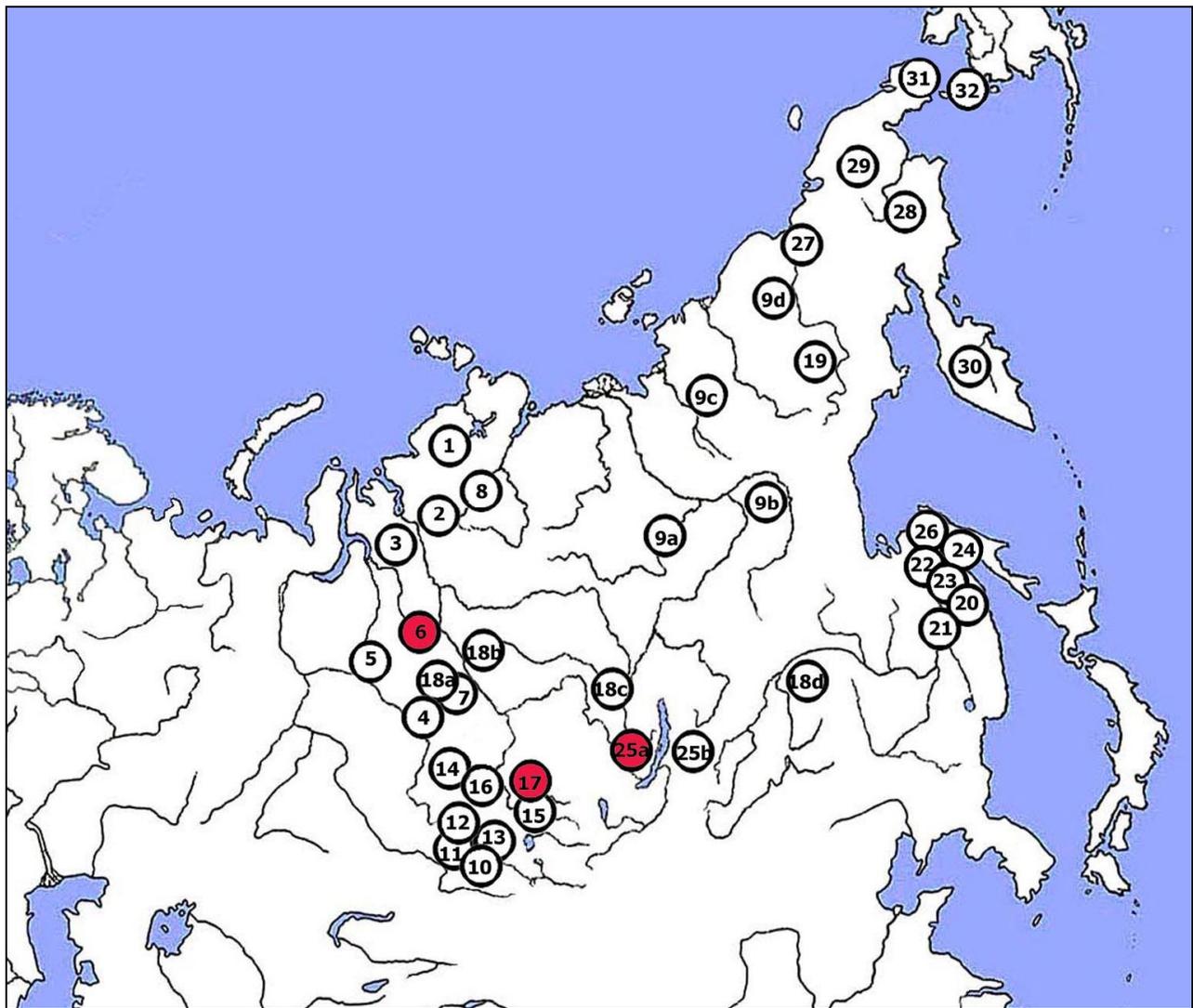
КАРТА 14. Распространение мотива «Шаманское трикстерство».

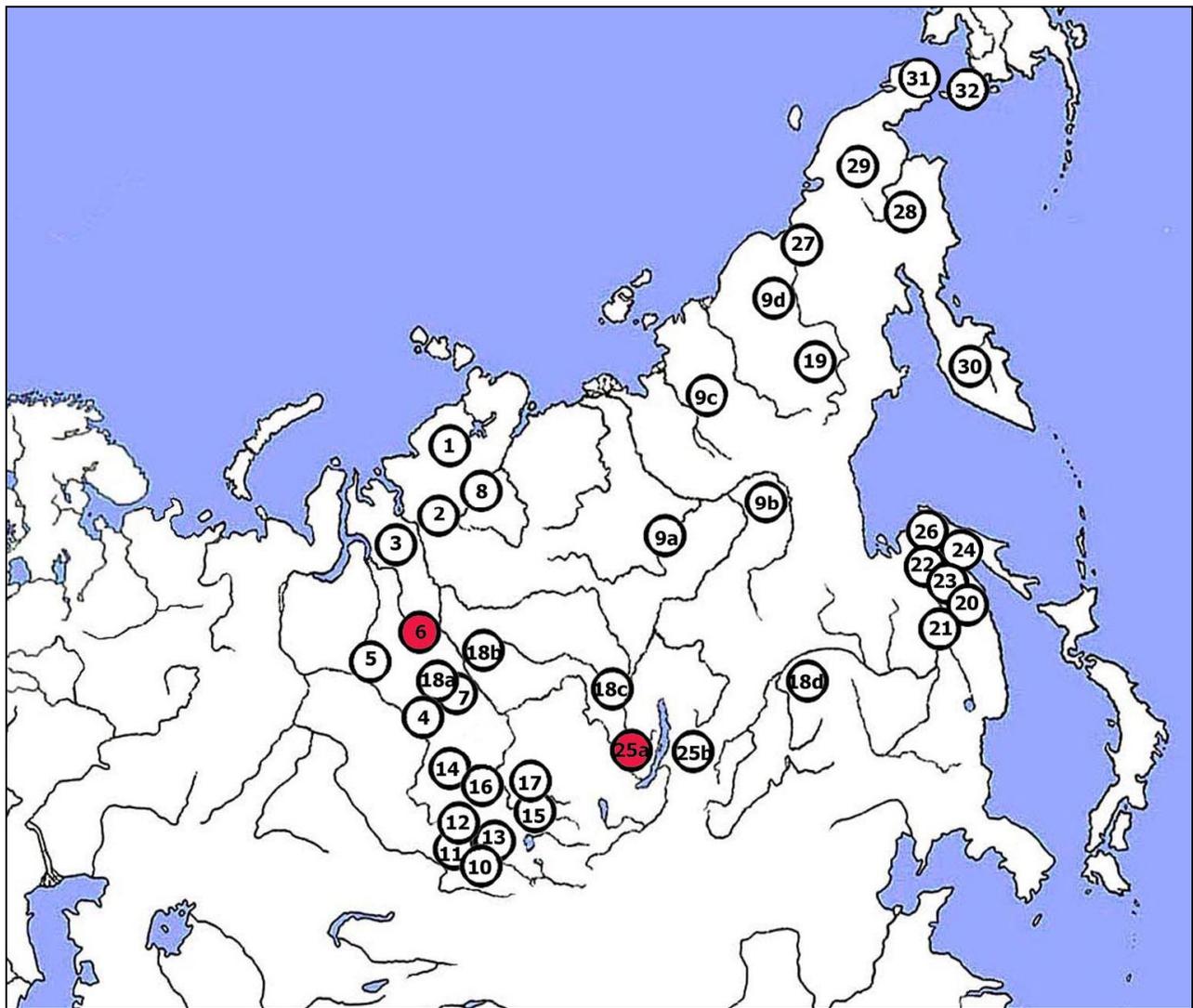
КАРТА 15. Распространение мотива «Неузнанный шаман».

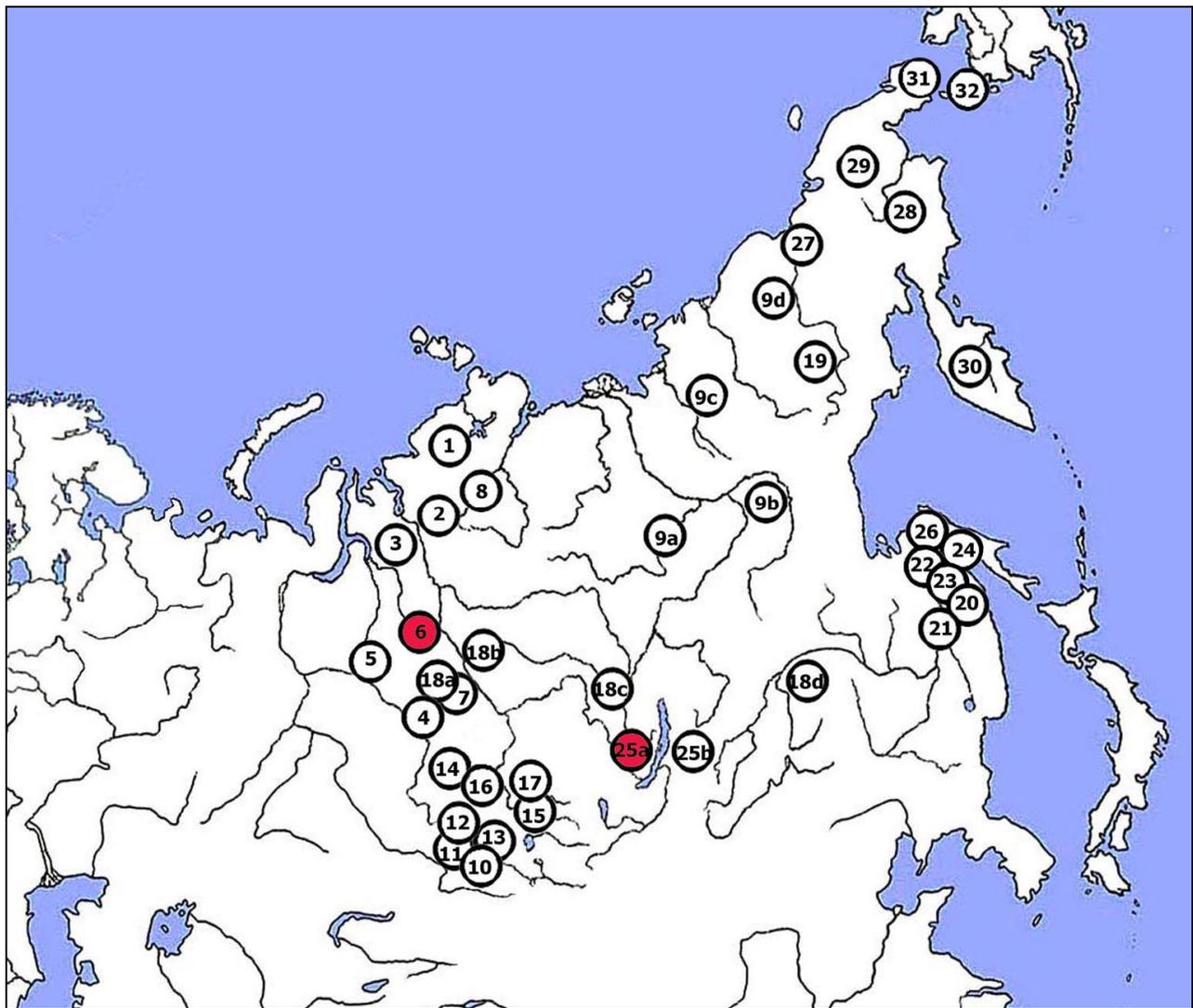
КАРТА 16. Распространение мотива «Отложенная беременность».

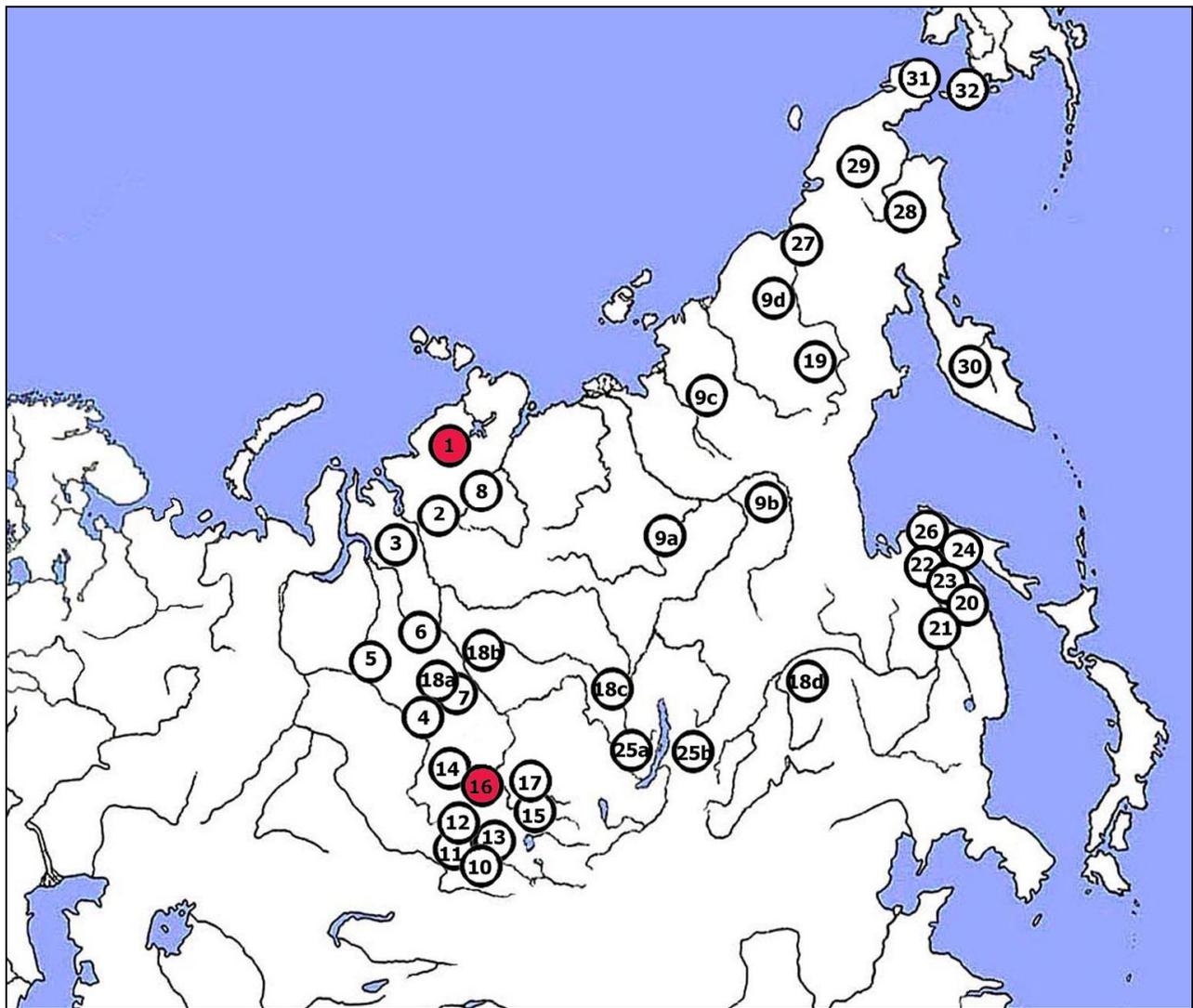
КАРТА 17. Распространение мотива «Первый шаман – орёл».

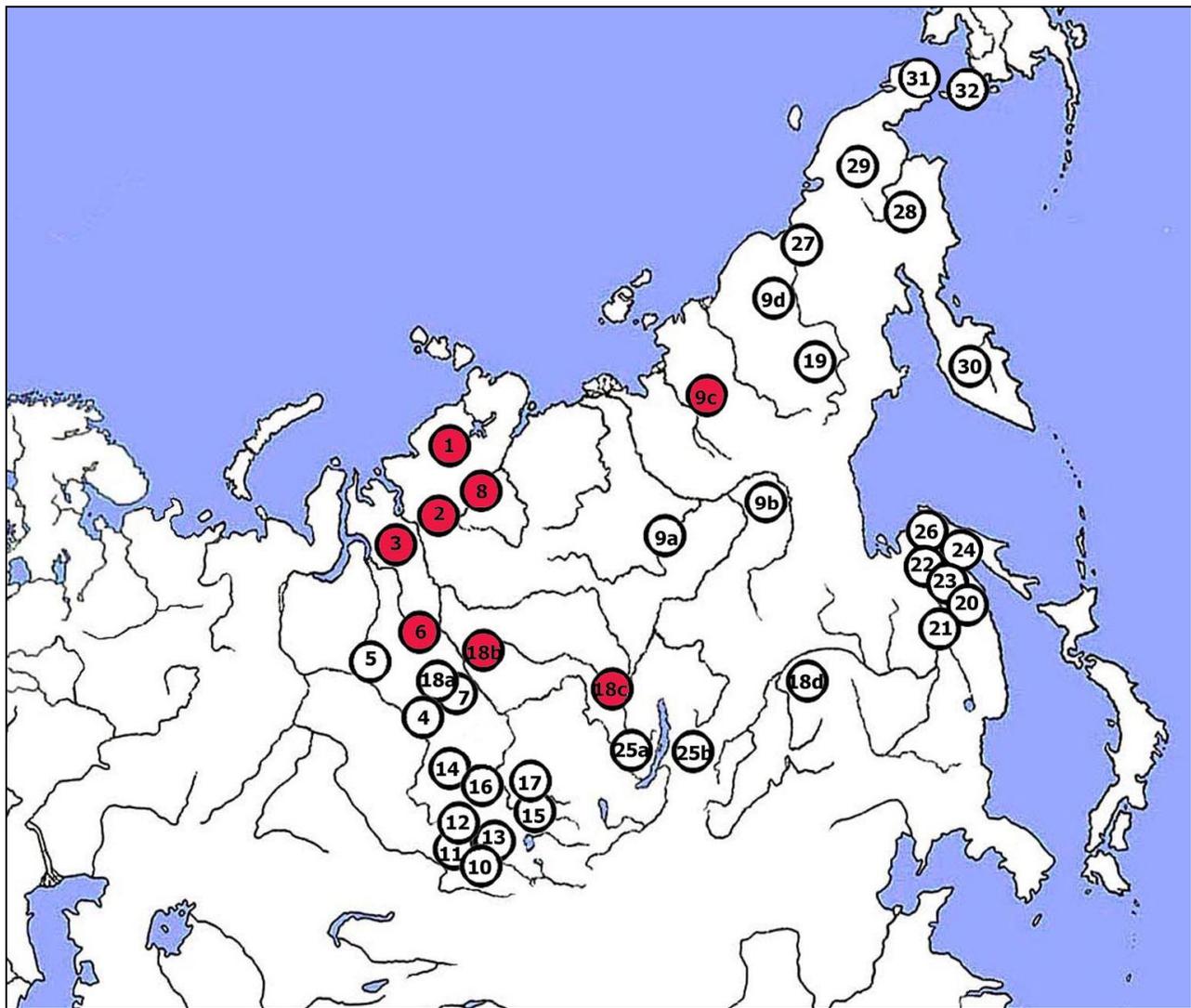
КАРТА 18. Распространение мотива «Дар от птицы».

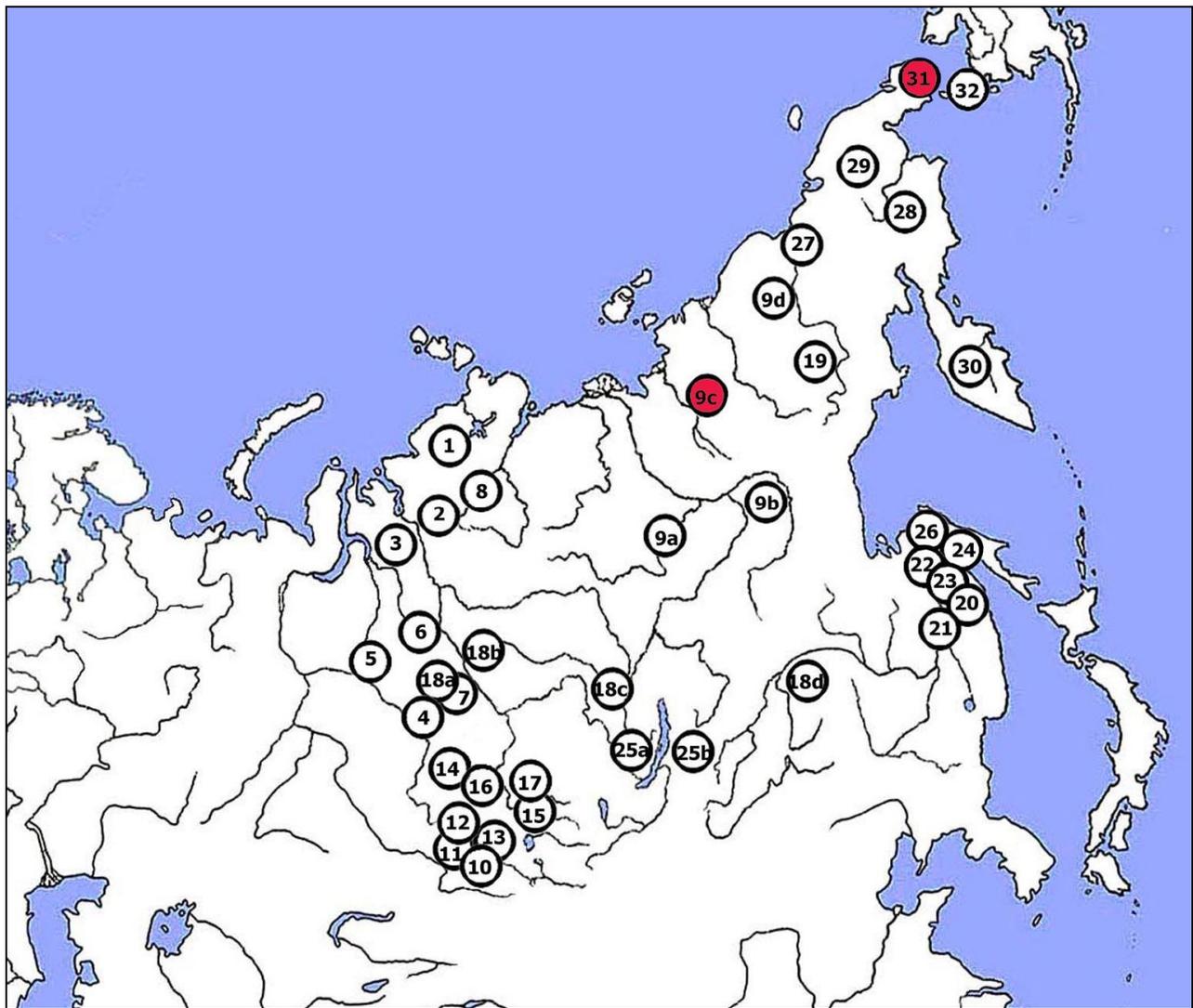
КАРТА 19. Распространение мотива «Возвращение первого шамана».

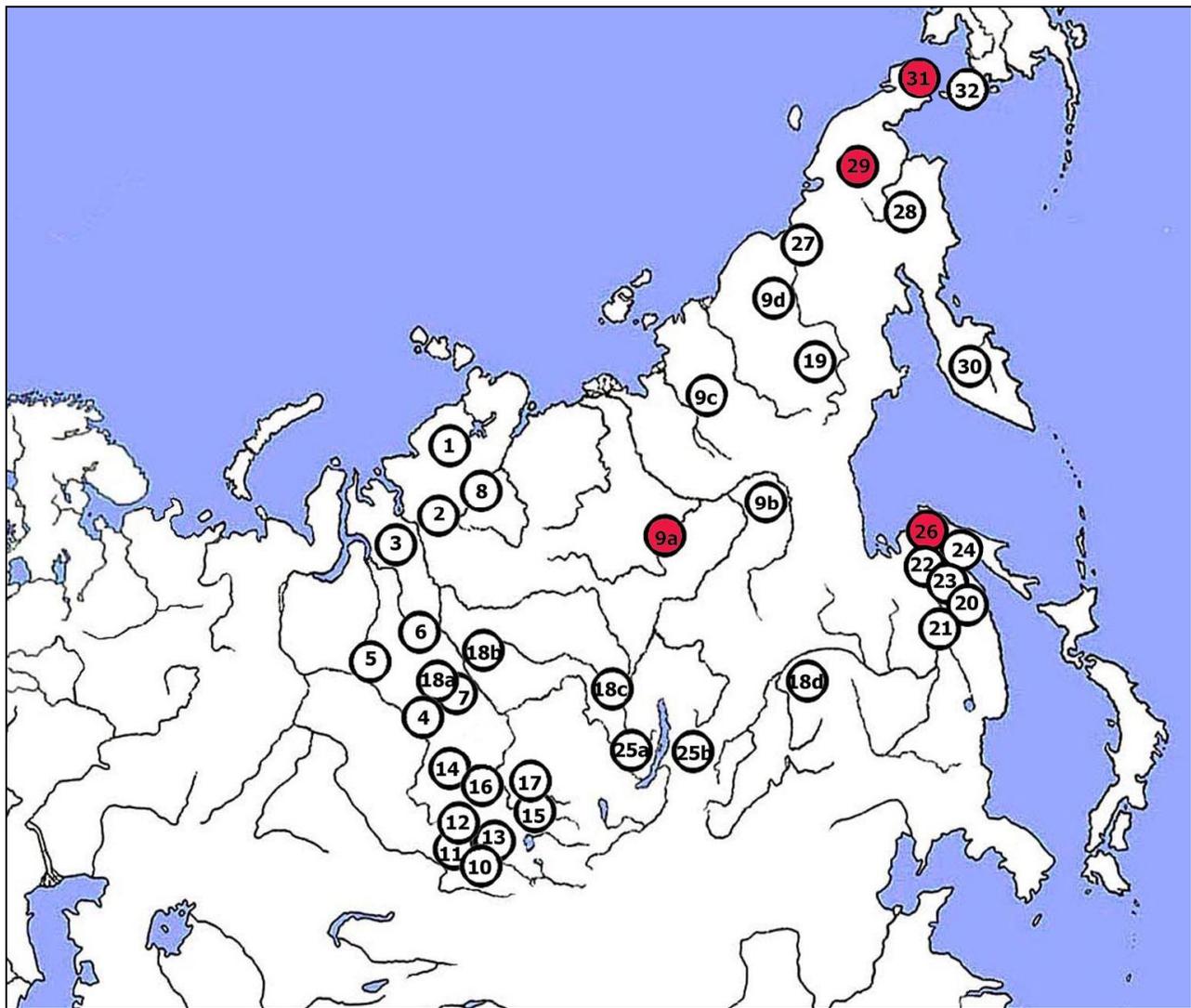
КАРТА 20. Распространение мотива «Расшевелённый дух».

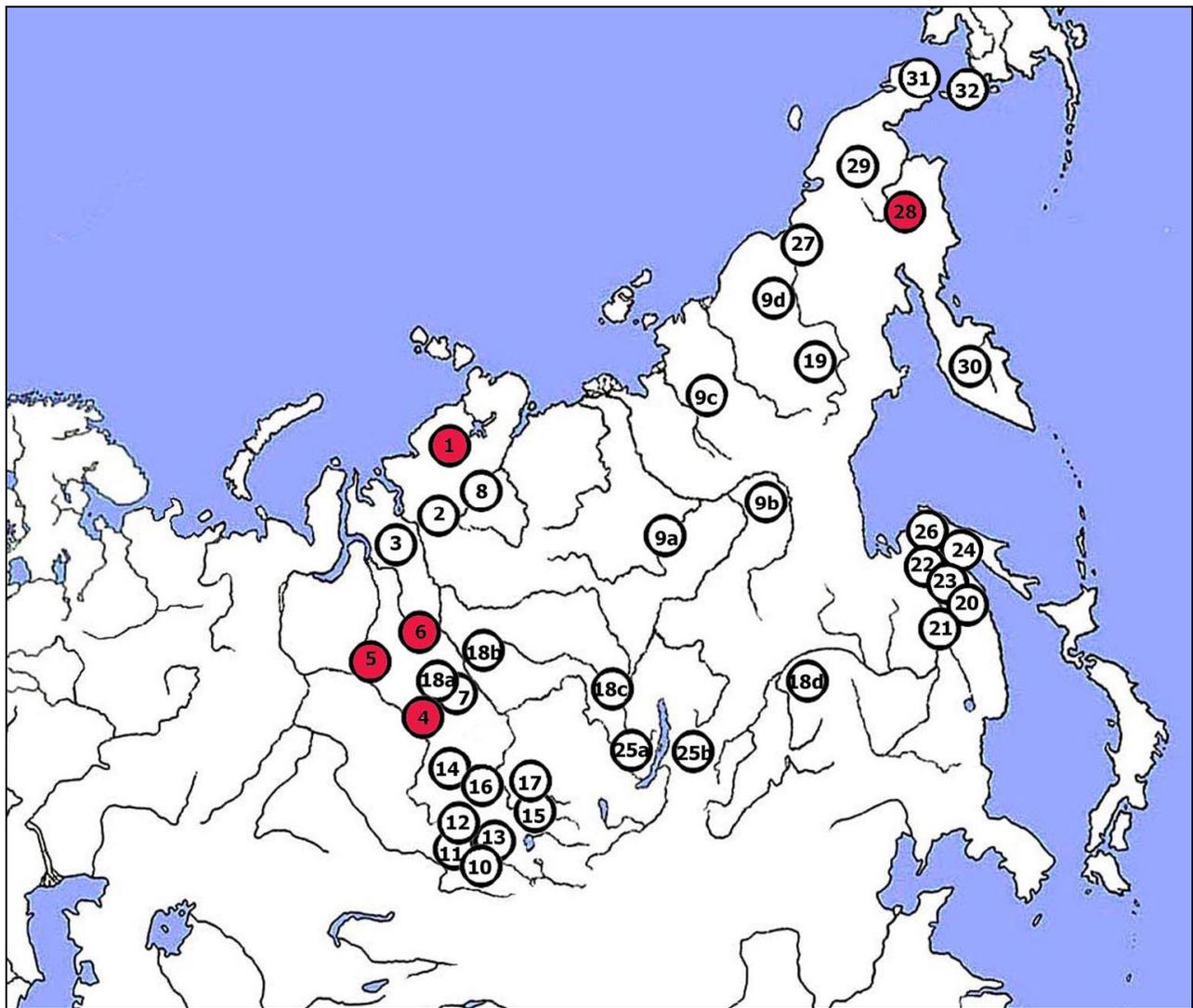
КАРТА 21. Распространение мотива «Путешествие с перелётными птицами».

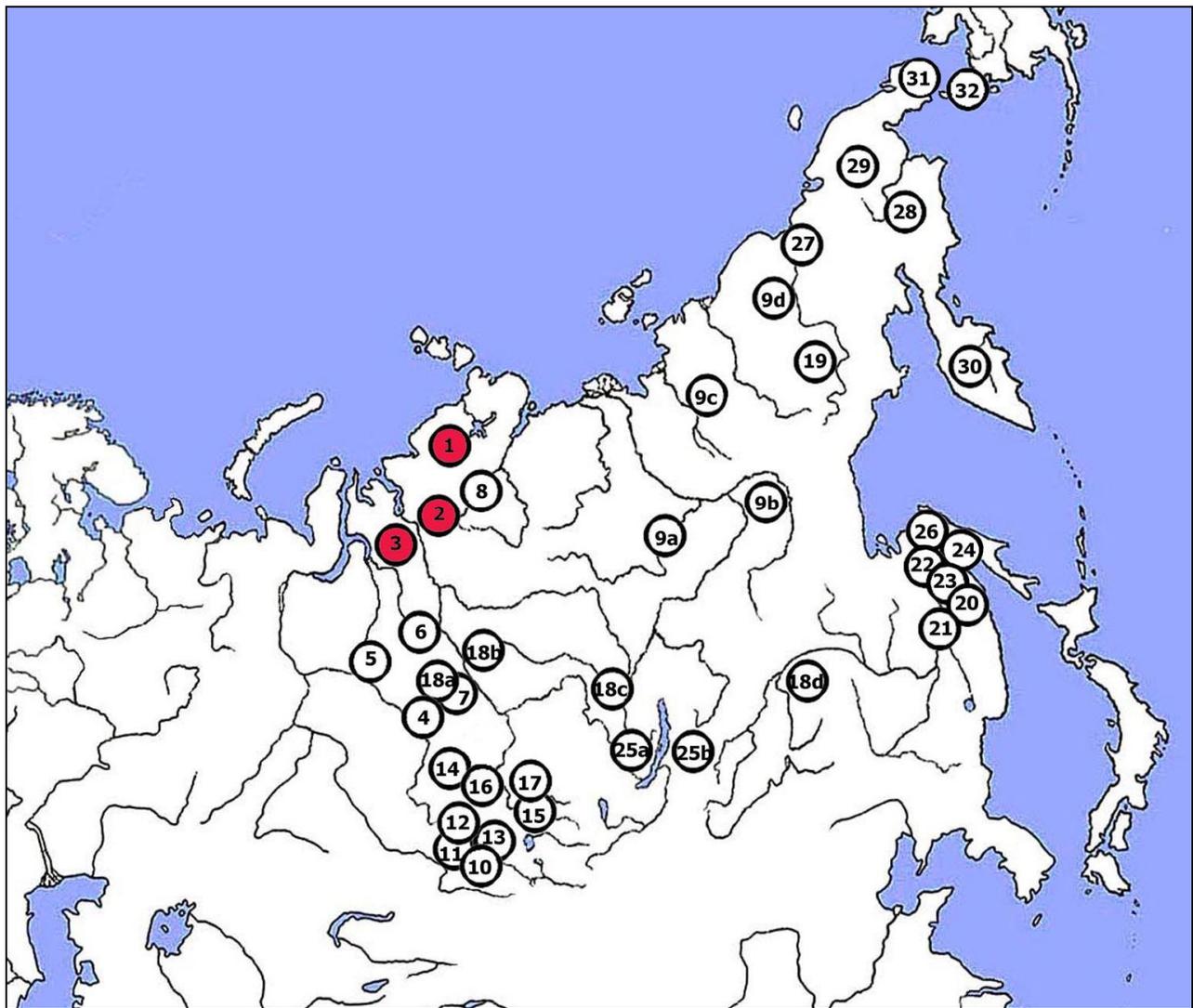
КАРТА 22. Распространение мотива «Рука как нож».

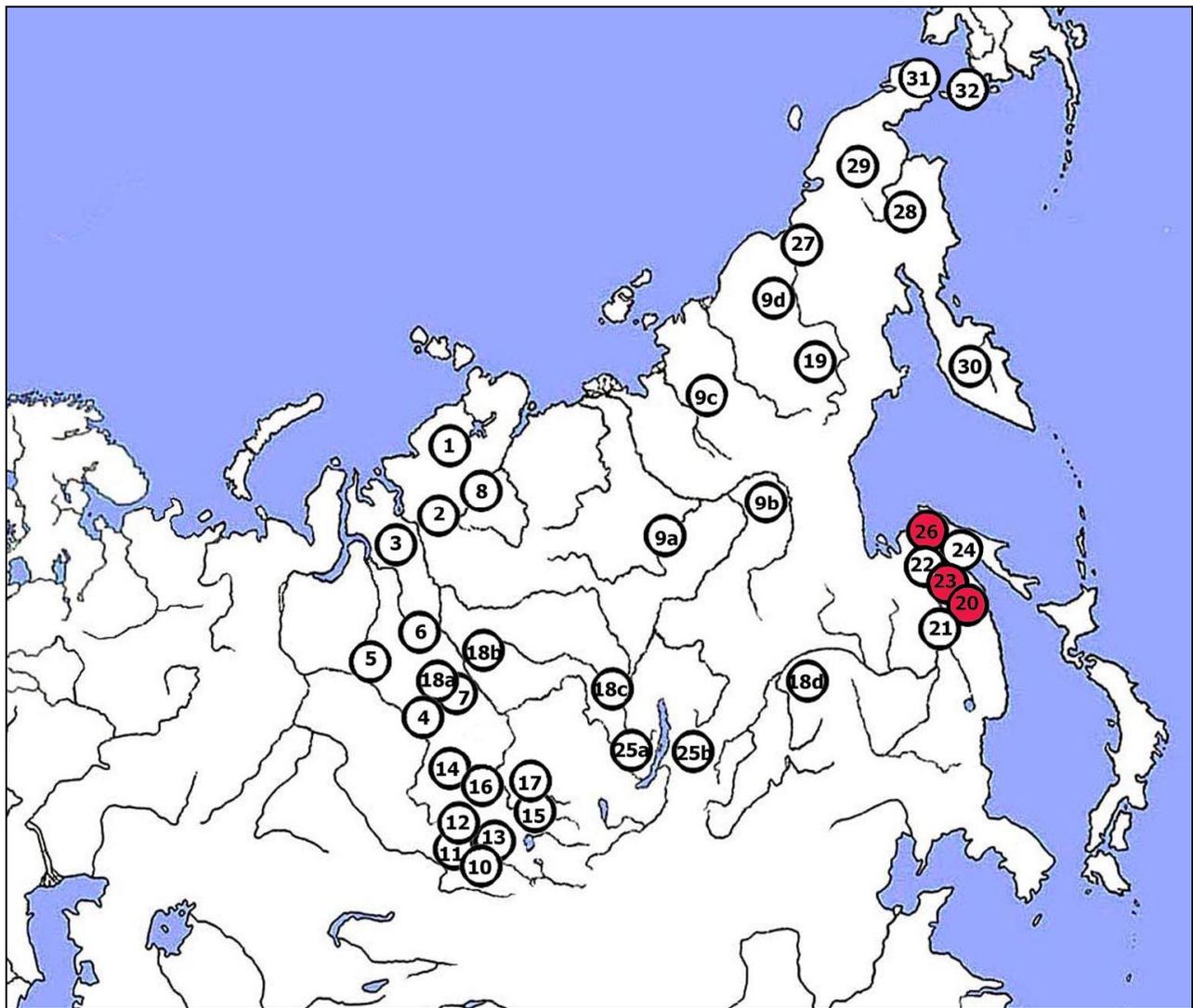
КАРТА 23. Распространение мотива «Оживление умершего животного».

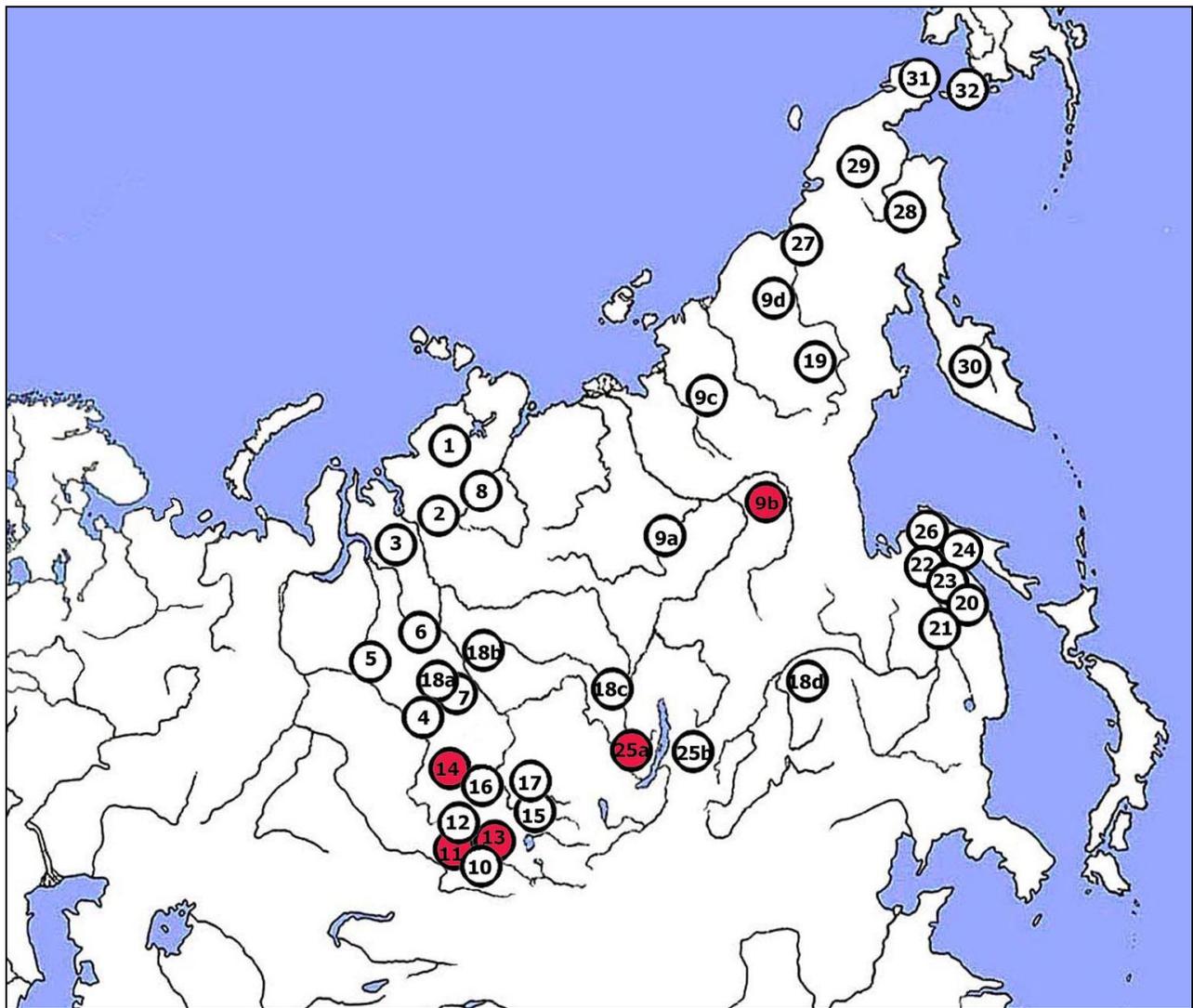
КАРТА 24. Распространение мотива «Исход на небеса».

КАРТА 25. Распространение мотива «Шаман на луне».

КАРТА 26. Распространение мотива «Шаман-оборотень».

КАРТА 27. Распространение мотива «Сожжение шаманов».